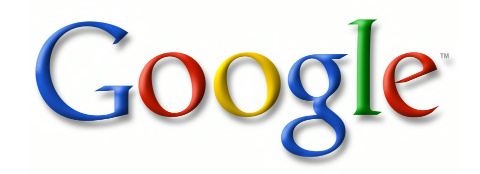
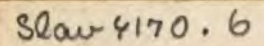

Slav 4170.6

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ" (Спб. Невскій, 92).

XIII.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ" ЗА 1906 ГОДЪ.

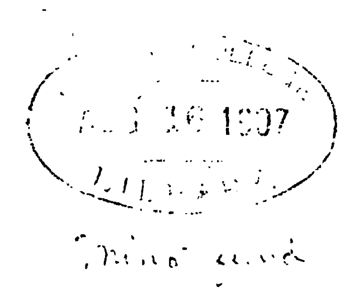
КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Король, который высоко держитъ свое знамя.
М. Горькій. Прекрасная Франція.
М. Горькій. Царь.
М. Горькій. Одинъ изъ королей республики.
Уольтъ Уитманъ. Стихотворенія.
Г. Эрастовъ. Отступленіе.
М. Горькій. Товарищъ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Тип. Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
М. Горькій. Король, который высоко держитъ свое знамя. .	7
М. Горькій. Прекрасная Францiя	17
М. Горькій. Царь. *(Этотъ очеркъ передѣлывается авторомъ и будетъ помѣщенъ впослѣдствiи).*	—
М. Горькій. Одинъ изъ королей республики.	28
Уольтъ Уитманъ. Стихотворенія.	47
Г. Эрастовъ. Отступленіе.	55
М. Горькій. Товарищъ.	355

М. ГОРЬКІЙ.

МОИ ИНТЕРВЬЮ.

М. Горькій. Мои интервью.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I. КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ВЫСОКО ДЕРЖИТЪ СВОЕ ЗНАМЯ.

II. ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦІЯ.

III. ЦАРЬ.

IV. ОДИНЪ ИЗЪ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

V. ЖРЕЦЪ МОРАЛИ.

VI. ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда авторъ дѣлаетъ предисловіе къ своей книгѣ, онъ очень похожъ на молодого человѣка, который, входя въ церковь, рядомъ съ своей невѣстой, предупредительно извѣщаетъ публику:

— Я женюсь для того, чтобы у меня родился рыжій мальчикъ съ голубыми глазами и не менѣе двѣнадцати фунтовъ вѣсу.

Такого рода заявленія всегда казались мнѣ нѣсколько самонадѣянными. Я скроменъ и не скажу ничего подобнаго. Мнѣ просто захотѣлось написать веселую, для всѣхъ пріятную книгу. Я чувствую, что до сего времени немножко мѣшалъ людямъ жить спокойно и счастливо. Останавливая вниманіе человѣка на темныхъ сторонахъ жизни, я запятналъ его чистое сердце брызгами жизненной грязи, но теперь сознаю свою ошибку.

И это сознаніе заставляетъ меня попробовать, не могу-ли я омыть грязное сердце читателя въ ручьѣ безобиднаго смѣха?

Вотъ скромная цѣль моей книги.

М. Горькій. Мои интервью.

I.

Король, который высоко держитъ свое знамя.

...Слуга, вооруженный длинной саблей и украшенный множествомъ пестрыхъ орденовъ, провелъ меня въ кабинетъ его величества и всталъ у двери рядомъ со мной, не спуская глазъ съ моихъ рукъ.

Король отсутствовалъ, и я принялся внимательно осматривать лабораторію, въ которой великій человѣкъ творилъ дѣла свои, удивлявшія весь міръ. Кабинетъ его величества представлялъ собою комнату, длиною футовъ въ двѣсти и шириною не менѣе ста футовъ.

Потолокъ былъ сдѣланъ изъ стекла. У лѣвой стѣны находился огромный бассейнъ, въ которомъ плавали модели военныхъ судовъ. По стѣнѣ тянулись полки, и на нихъ симметрично стояли маленькія фигурки солдатъ, одѣтыя въ разнообразныя формы. Правая стѣна была сплошь занята мольбертами, на которыхъ стояли начатыя картины, а передъ ними въ полъ были вдѣланы большіе куски чернаго дерева и слоновой кости, расположенные въ порядкѣ клавіатуры рояля. Все остальное тоже было величественно.

— Послушайте, мой другъ,—обратился я къ лакею.

Но онъ громыхнулъ саблей и возразилъ:

— Я церемоніймейстеръ...

— Очень радъ,—сказалъ я,—но объясните мнѣ...

— Когда его величество выйдетъ и поздоровается съ вами,—что вы ему скажете?—спросилъ онъ, прерывая меня.

— Здравствуйте!—отвѣтилъ я.

— Это будетъ дерзко!—внушительно предупредилъ онъ меня и сталъ учить, какъ нужно отвѣчать королю.

Его величество вошло крѣпкими ногами существа, увѣреннаго, что дворецъ его построенъ прочно. Величію осанки его величества очень способствуетъ то, что оно не сгибаетъ ногъ и, держа руки по швамъ, не двигаетъ ни однимъ членомъ. Глаза его тоже неподвижны, какими и должны быть глаза существа прямолинейнаго и привыкшаго смотрѣть въ будущее.

Я поклонился ему, мой спутникъ отдалъ честь, его величество милостиво пошевелило усами.

— Чѣмъ я могу осчастливить васъ?—спросило оно торжественнымъ голосомъ.

— Я пришелъ, чтобы испить нѣсколько капель безсмертной влаги изъ океана вашей мудрости, ваше величество!—отвѣтилъ я, какъ меня научили.

— Надѣюсь, я не стану послѣ этого глупѣе?—остроумно замѣтилъ король.

— Это невозможно для васъ, ваше величество! — почтительно поддержалъ я его тонкую шутку.

— Такъ будемъ говорить!—сказалъ онъ.—Съ королями слѣдуетъ говорить стоя, но вы можете сѣсть... если это васъ не стѣсняетъ...

Я быстро привыкаю къ новымъ положеніямъ и потому—сѣлъ. Его величество молча подняло плечи и опустило ихъ. Когда король говоритъ, я замѣтилъ, что языкъ у него двигается, все же остальное хранитъ величавую неподвижность. Оно сдѣлало два шага одинаковой мѣры въ сторону отъ меня и продолжало, стоя среди комнаты подобно монументу.

— Итакъ, вы видите предъ собой короля, т.-е. меня.

Не каждый можетъ сказать о себѣ: я видѣлъ короля! Что вы хотите знать?

— Какъ вамъ нравится ваше ремесло?—спросилъ я.

— Быть королемъ не ремесло, а призваніе!—внушительно сказало оно. — Богъ и король—два существа, бытіе которыхъ непостижимо умомъ.

Оно подняло руку вверхъ, вытянувъ ее вертикально, въ одну линію съ туловищемъ, и, указывая пальцемъ въ стекло потолка, продолжало:

— Это сдѣлано для того, чтобы Богъ всегда видѣлъ, что дѣлаетъ король. Только Богъ понимаетъ короля, только Онъ можетъ контролировать его... Король и Богъ—творцы. Разъ! Два! И Богъ создалъ міръ!.. Р-разъ, Два! Три! И мой дѣдъ создаетъ Германію. А я—совершенствую ее. Я и вѣрноподданный моихъ предковъ, нѣкто Гёте,—мы, пожалуй, больше всѣхъ сдѣлали для нѣмцевъ. Можетъ быть, я даже немного болѣе, чѣмъ Гёте. Во всякомъ случаѣ, я несомнѣнно разнообразнѣе его. Его Фаустъ, въ концѣ концовъ, просто человѣкъ сомнительной нравственности. Я показалъ міру бронированнаго Фауста. Это было понято всѣми и сразу, чего нельзя сказать о второй части книги Гёте. Да...

— Вы много времени посвящаете искусству, ваше величество?—спросилъ я.

— Всю жизнь!—сказалъ онъ:—всю жизнь. Управлять народомъ—труднѣйшее изъ искусствъ. Чтобы постичь его въ совершенствѣ, нужно знать все. Я—все знаю! Поэзія—стихія королей. Нужно видѣть меня на парадѣ, чтобы понять, какъ я влюбленъ во все прекрасное и стройное. Истинная поэзія, скажу вамъ, это поэзія дисциплины. Ее можно понять только на парадѣ и въ въ стихахъ. Полкъ солдатъ—вотъ поэма! Слово въ строкѣ стиха и солдатъ въ строю—это одно и то же... Сонетъ — это взводъ словъ, имѣющій цѣлью аттаку вашего сердца. Въ штыки! И въ сердце вамъ вонзается рядъ красивыхъ созвучій. П-ли! И вашъ умъ прострѣ-

ленъ десяткомъ мѣткихъ словъ... Стихи и солдаты это одно и тоже, говорю вамъ. Король—первый солдатъ страны, онъ ея божественное слово, онъ же и первый поэтъ ея... Вотъ почему я такъ прекрасно марширую и легко владѣю стихомъ... Смотрите. Мар-ршъ!

Его лѣвая нога немедленно поднялась кверху, и вслѣдъ за нею правая рука взлетѣла на уровень плеча.

Смир-рно!—скомандовалъ король. Нога и рука моментально заняли свои мѣста. Онъ продолжалъ:

Это называется свободной дисциплиной членовъ. Она дѣйствуетъ независимо отъ сознанія. Взмахъ ноги уже самъ поднимаетъ руку—разъ! Мозгъ здѣсь не играетъ никакой роли. Это почти чудесно. Вотъ почему лучшій солдатъ тотъ, у котораго мозгъ совершенно не дѣйствуетъ. Солдата приводитъ въ движеніе не сознаніе, а звукъ команды... Мар-ршъ! Онъ идетъ въ рай, въ адъ, куда угодно. Въ штыки! Онъ колетъ своего отца,—если его отецъ соціалистъ,—мать, брата... это все равно! Онъ дѣйствуетъ, пока не услышитъ—стой! Изумительно величественны эти дѣйствія безъ мысли!..

Онъ вздохнулъ и продолжалъ все тѣмъ же ровнымъ и крѣпкимъ голосомъ:

— Можетъ быть, я создамъ идеальное государство... я или одинъ изъ моихъ потомковъ. Для этого нужно только, чтобы всѣ люди въ странѣ почувствовали красоту дисциплины. Когда человѣкъ совершенно перестанетъ думать, короли будутъ велики и народы счастливы. Денегъ!—командуетъ король. Всѣ вѣрноподданные выстраиваются въ рядъ. Разъ!—Сорокъ милліоновъ рукъ молча опускаются въ карманы. Два!—Сорокъ милліоновъ рукъ протягиваютъ королю по десяти марокъ каждая. Три!—Сорокъ милліоновъ рукъ отдаютъ королю честь, и затѣмъ люди молча идутъ къ своимъ трудамъ. Развѣ это не прекрасно? Вы видите,—для счастья людей не нужно мозга: за нихъ думаетъ король. Король спо-

собенъ охватить всю жизнь... Къ этому я и стремлюсь. Но пока я одинъ понимаю роль короля такъ глубоко... Не всѣ короли ведутъ себя достойно сану. Родные по крови, они не всегда братья по духу. Они должны объединиться всѣ въ одну силу. Это очень легко сдѣлать именно сейчасъ. Слѣдуетъ обратить больше вниманія на соціализмъ: въ немъ есть нѣчто полезное для королей. Красный призракъ соціализма наводитъ ужасъ на всѣхъ порядочныхъ людей земли. Онъ хочетъ пожрать душу культурнаго общества—его собственность. Короли объединяютъ всѣхъ и все для борьбы съ этимъ чудовищемъ и становятся во главѣ, какъ древніе вожди. Нужно способствовать развитію страха передъ соціализмомъ. И когда общество обезумѣетъ, короли встанутъ во весь ростъ. Прошло время, когда короли давали конституціи,—пора уже брать ихъ назадъ!

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ. Я слушалъ его и задыхался... отъ наслажденія мудростью.

— Вотъ программа всякаго короля нашихъ дней! И когда мой военный флотъ будетъ достаточенъ для того, чтобы предложить эту программу всѣмъ королямъ Европы, я увѣренъ, они примутъ ее... А пока я занимаюсь мирнымъ, культурнымъ трудомъ, совершенствую мой добрый народъ. Я овладѣлъ всѣми искусствами и поставилъ ихъ на караулъ къ идеѣ божественнаго происхожденія власти короля. Вы видѣли мою „Аллею Побѣды?“ Въ ней муза скульптуры показываетъ нѣмцамъ, какъ много было на землѣ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Человѣкъ, который дважды пройдетъ по этому мѣсту взадъ и впередъ—разъ-два! разъ-два!—уже знаетъ, что всѣ мои предки были великіе люди. Это пробуждаетъ въ немъ гордость королями своей страны и незамѣтно дѣлаетъ изъ него искренняго поклонника королевской власти. Современемъ я поставлю статуи предковъ на всѣхъ улицахъ моихъ городовъ. Человѣкъ увидитъ, какъ много было королей въ прошломъ, и

тогда признаетъ, что и въ будущемъ ему не обойтись безъ этого. Скульптура полезна людямъ, но я первый показалъ это съ такой силой!

— Ваше величество,—спросилъ я:—почему у большинства вашихъ предковъ кривыя ноги?

— Ихъ всѣхъ дѣлали въ одной и той же мастерской надгробныхъ памятниковъ. Но это никому не мѣшаетъ видѣть величіе ихъ духа... А вы слышали мою музыку? Нѣтъ? Я покажу вамъ, какъ я ее дѣлаю.

Онъ величаво сложилъ свое прямолинейное тѣло въ форму штыка, сѣлъ на стулъ и, протянувъ ногу, сказалъ слугѣ, который ввелъ меня:

— Графъ! Помогите мнѣ снять сапоги. Такъ... И носки... Благодарю... хотя король не обязанъ благодарить подданныхъ за услуги... это дѣлается имъ изъ вѣжливости!

Завернувъ брюки до колѣнъ, онъ согнулъ шею подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ и внимательно осмотрѣлъ свои ноги.

— Я прикажу отлить ихъ изъ бронзы еще при жизни моей!—сказалъ онъ.—Пусть отольютъ нѣсколько десятковъ экземпляровъ для будущихъ статуй. Ноги короля должны быть прямы, это вѣрно. Кривыя, онѣ могутъ внушить мысль о несовершенствѣ короля.

Онъ подошелъ къ правой стѣнѣ, взялъ въ руки кисть и, сдѣлавъ полъ-оборота налѣво, продолжалъ:

— Музыкой и живописью я занимаюсь въ одно время. Смотрите: въ полъ вдѣланы клавиши, а инструментъ подъ поломъ. Ноты записываетъ механическій аппаратъ, тоже скрытый подъ поломъ. Я рисую картину—разъ!—Онъ провелъ кистью по полотну одного изъ мольбертовъ.

— И топаю ногой по клавишамъ—два!—Раздался очень сильный звукъ.

— Вотъ и все!—сказалъ онъ.—Это очень просто и сохраняетъ время, котораго у королей всегда мало.

Богъ долженъ бы удваивать годы земной жизни вождей народа. Мы всѣ такъ искренно преданы работѣ для счастья нашихъ подданныхъ, что вовсе не спѣшимъ промѣнять это дѣло на радости жизни вѣчной... Но я все отвлекаюсь. Мысли королей текутъ неустанно, какъ воды рѣкъ. Король обязанъ думать за всѣхъ подданныхъ, и кромѣ него, никто не долженъ дѣлать это... если ему не приказано властью... Теперь я познакомлю васъ съ новой пьесой... Я только вчера натопалъ ее...

Онъ взялъ листъ нотной бумаги и, водя по немъ пальцемъ, разсказывалъ:

— Вотъ шеренга нотъ средняго регистра... Видите, въ какомъ строгомъ порядкѣ стоятъ онѣ? Тра-та-тамъ. Тра та-тамъ. На слѣдующей линейкѣ онѣ идутъ въ гору, какъ бы на приступъ! Идутъ быстро, разсыпанной цѣпью... Ра-та-та-та-та! Это очень эффектно. Напоминаетъ о коликахъ въ желудкѣ, потомъ вы узнаете—почему. Далѣе, онѣ снова выравниваются въ строго прямую линiю по командѣ этой ноты — буммъ! Нѣчто вродѣ сигнальнаго выстрѣла... или внезапной спазмы въ животѣ... Здѣсь онѣ разбились на отдѣльныя группы... десятки ударовъ! Трескъ костей!.. Эта нота звучитъ все время непрерывно, какъ боль вывиха. И, наконецъ, всѣ ноты дружнымъ натискомъ въ одно мѣсто—р-р-рамъ! р-рататамъ! Бумъ! Здѣсь полный безпорядокъ въ нотахъ, но это такъ нужно. Это—финалъ, картина всеобщаго ликованiя...

— Какъ называется эта штука?—спросилъ я, сильно заинтересованный описанiемъ.

— Эта пьеса,—сказалъ король,—эта пьеса называется: „Рожденiе короля“. Мой первый опытъ проповѣди абсолютизма посредствомъ музыки... Не глупо? А?

Онъ, видимо, былъ доволенъ собой. Его усы шевелились очень энергично.

— Среди моихъ подданныхъ было нѣсколько недурныхъ музыкантовъ и до меня, но теперь я рѣшилъ

самъ заняться этимъ дѣломъ, чтобы всѣ плясали только подъ мою музыку.

Онъ пошевелилъ усами, очевидно, съ намѣреніемъ улыбнуться и, сдѣлавъ полъ-оборота направо, продолжалъ:

— Теперь смотрите сюда... Какъ вы думаете, что это такое?

На огромномъ полотнѣ ярко-красной краской было написано чудовище безъ головы и со множествомъ рукъ. Въ каждой изъ нихъ были пучки молніевиднаго огня. На одномъ пучкѣ черными буквами было написано: „Анархія", на другомъ: „Атеизмъ", третій носилъ названіе: „Гибель частной собственности", четвертый: „Звѣрство"... Чудовище шагало по городамъ и селамъ, всюду разбрасывая огненныя молніи и зажигая пожары. Маленькіе черные люди въ смятеніи и ужасѣ бѣжали прочь отъ него, а сзади чудовища шли ликующей толпой красные люди. Они были безъ глазъ, и съ ногъ до головы обросли огненно-рыжей шерстью, подобно горилламъ. Художникъ не пожалѣлъ красной краски. Картина поражала глаза своей величиной.

— Ужасно?—спросилъ король.

— Ужасно!—согласился я.

— Это какъ разъ то, что нужно, — сказалъ онъ, и его глаза сдѣлали полный оборотъ справа налѣво.— Вы, конечно, поняли мою идею? Ну да,—это соціализмъ. Видите,—у него нѣтъ головы, онъ сѣетъ пороки, распространяетъ анархію и дѣлаетъ людей животными. Ясно, что это соціализмъ. Вотъ что значитъ—работать энергично! Въ то время, какъ нижняя половина моего тѣла утверждаетъ идею власти короля, верхняя занята борьбой съ главнымъ врагомъ этой власти. Никогда еще искусство не исполняло своего долга такъ ревностно, какъ въ мое царствованіе!

— Но цѣнятъ-ли подданные тяжелые труды вашего величества?—спросилъ я.

— Цѣнятъ ли они меня?—переспросилъ онъ, и въ голосѣ его мнѣ послышалась усталость.—Должны бы. Я создалъ имъ десятки броненосцевъ, застроилъ цѣлыя улицы скульптурой, дѣлаю музыку и картины, служу литургіи... Но... иногда мнѣ приходитъ въ голову грѣшная мысль... Мнѣ кажется, что подданные, которые любятъ меня,—глупы, а умные—всѣ соціалисты. Есть еще либералы. Но, какъ всегда, либералы слишкомъ многаго хотятъ для себя и слишкомъ мало оставляютъ королю, хотя тоже ничего не даютъ народу. Вообще, они только мѣшаютъ. Лишь абсолютная власть короля можетъ спасти народъ отъ соціализма. Но, кажется, никто не понимаетъ этого...

Онъ сложился въ двухъ мѣстахъ правильными углами и сѣлъ. Его глаза задумчиво перекатывались въ орбитахъ слѣва направо, и по всей фигурѣ разлилась меланхолія. Видя, что онъ утомился, я поставилъ ему мой послѣдній вопросъ:

— Что еще скажете вы, ваше величество, по вопросу о божественномъ происхожденіи королевской власти?

— Все, что угодно!—быстро отозвался онъ.—Прежде всего, она непоколебима и только она одна истинна, ибо она—чудесна! Послѣ того, какъ милліоны народовъ на протяженіи тысячъ лѣтъ признавали надъ собой неограниченную власть одного человѣка,—только одни идіоты могутъ отрицать ее... это ясно. Я—король, да, но я человѣкъ, и если я вижу, что люди подчиняются моей волѣ, я долженъ признать это чудомъ... не правда ли? Не могу же я предположить, что именно эти милліоны сплошь состоятъ изъ идіотовъ! Щадя ихъ самолюбіе, я хочу думать, что они-то и есть умные люди. Я былъ бы плохимъ королемъ, если бы думалъ такъ дурно о моихъ подданныхъ. И такъ какъ только Богъ можетъ творить чудеса, ясно, что я избранъ Имъ для

доказательства Его силы и моихъ достоинствъ. Что можно противъ этого возразить? Именно здѣсь скрыта истина, и она тверда, подобно алмазу, потому что за нее большинство...

Въ его глазахъ появился влажный блескъ удовольствія, но онъ быстро погасъ, и его величество вздохнуло, подобно машинѣ военнаго корабля, выпускающаго отработанный паръ.

— Не смѣю задерживать болѣе ваше величество!—сказалъ я, поднимаясь со стула.

— Хорошо!—милостиво сказалъ мнѣ вождь великаго народа.—Прощайте. Желаю вамъ... чего бы пожелать вамъ наиболѣе пріятнаго? Н-но, желаю вамъ еще разъ въ жизни видѣть короля!

Онъ величаво опустилъ нижнюю губу и милостиво поднялъ усы. Я принялъ это за его поклонъ и отправился въ Зоологическій садъ посмотрѣть на умныхъ животныхъ...

Иногда, послѣ бесѣды съ человѣкомъ, такъ страстно хочется дружески приласкать собаку, улыбнуться обезьянѣ, почтительно снять шляпу передъ слономъ...

II.

Прекрасная Франція...

...Я долго ходилъ по улицамъ Парижа, прежде чѣмъ нашелъ ее. Всѣ, кого я спрашивалъ, гдѣ она живетъ,— не могли отвѣтить мнѣ опредѣленно.

Одинъ старикъ, должно быть, шутя, но почему-то со вздохомъ, сказалъ мнѣ, пожавъ плечами:

— Кто это знаетъ? Когда-то она жила во всей Европѣ...

— Въ улицѣ банкировъ!—грубо сказалъ рабочій.

— Идите направо!—говорили другіе.

Вокругъ меня было шумно и немного неудобно. Всюду на площадяхъ—пушки и солдаты, вездѣ на улицахъ—рабочіе. По обыкновенію, принятому за послѣднее время во всѣхъ странахъ, солдаты стрѣляли вдоль улицъ изъ ружей, конница, размахивая обнаженными саблями, наѣзжала на людей, рабочіе бросали въ солдатъ камнями. Въ душномъ воздухѣ сѣдого города нервно дрожала злобная брань, разносились рѣзкія слова команды. Кое-гдѣ мостовая была выпачкана кровью; люди съ пробитыми черепами, сжимая въ безсильной ярости свои кулаки, уходили домой; тѣ, которые уже не могли идти, падали на мостовую, и полицейскіе гуманно тащили ихъ прочь изъ-подъ ногъ лошадей и солдатъ. На панеляхъ стояли зрители, пере-

кидываясь замѣчаніями по поводу деталей этой обычной картины жизни христіанскаго города...

Наконецъ, кто-то сказалъ мнѣ:

— Францiя? Направо, у моста Александра III...

Полицейскій участокъ, въ которомъ она жила, представлялъ собою довольно старое зданіе, не поражавшее глаза ни роскошью, ни красотой. У двери, въ которую я вошелъ, стояли два солдата въ штанахъ, сшитыхъ изъ краснаго знамени Свободы. Надъ дверью уцѣлѣли куски какой-то надписи; можно было прочитать только „Сво... ра... б... а...“ Это напоминало о сворѣ банкировъ, опозорившихъ страну Беранже и Жоржъ-Зандъ. Кругомъ носился запахъ плѣсени, гніенія и разврата...

Сердце мое сильно билось. Вѣдь и я, какъ всѣ революціонеры, во дни моей юности любилъ эту женщину, которая сама умѣла любить искренно и много, и такъ красиво могла дѣлать революціи... Любезно улыбаясь, какой-то человѣкъ, весь въ черномъ, напоминая своими манерами маркиза изъ дорогихъ сутенеровъ, провелъ меня въ небольшой, полутемный склепъ, гдѣ я могъ любоваться изяществомъ стиля модернъ современной Франціи.

Стѣны этой комнаты были оклеены разноцвѣтными бумагами русскихъ займовъ; на полу лежали кожи туземцевъ изъ колоній, а на нихъ была артистически вытиснена „Декларація правъ человѣка“. Мебель, сдѣланная изъ костей народа, погибшаго на баррикадахъ Парижа въ битвахъ за свободу Франціи, была обита темной матеріей съ вышитымъ по ней договоромъ о союзѣ съ русскимъ царемъ. На стѣнахъ висѣли гербы европейскихъ государствъ, инкрустированные желѣзомъ по живому мясу людей: бронированный кулакъ Германіи; петля и нагайка Россіи; нищенская сума Италіи; гербъ Испаніи—черная сутана католическаго попа и двѣ его костлявыя руки, жадно вцѣпившіяся въ горло испанца.

Тутъ-же былъ и гербъ Франціи: жирный желудокъ буржуа, съ изжеванной фригійской шапкой внутри его...

Плафонъ на потолкѣ изображалъ открытый ротъ короля Германіи, его шестьдесятъ четыре зуба и грозные усы... На окнахъ висѣли тяжелыя гардины. Было темно, какъ всегда бываетъ въ гостинныхъ женщинъ бальзаковскаго возраста, еще не потерявшихъ надежды плѣнять мужчинъ. Густой смѣшанный запахъ фальшивой деликатности и духовнаго разврата кружилъ голову и стѣснялъ дыханіе.

Она вошла и сквозь рѣсницы взглянула на мою фигуру глазами знатока мужчинъ.

— Вы говорите по-французски? — спросила она, отвѣчая на мой поклонъ жестомъ актрисы, которая давно уже перестала играть роли королевъ.

— Нѣтъ, сударыня, я говорю только правду!—отвѣтилъ я.

— Кому это нужно?—спросила она, пожимая плечами.—Кто это слышитъ? Правда—даже въ красивыхъ стихахъ—никому не пріятна...

Подойдя къ окну, она пріоткрыла гардину и тотчасъ-же отошла прочь.

— Они все еще шумятъ тамъ, на улицѣ?—сказала она недовольно.—Вотъ дѣти! Чего имъ нужно? Не понимаю! У нихъ есть республика и кабинетъ министровъ, какого нѣтъ нигдѣ. Одинъ министръ былъ даже соціалистомъ,—развѣ этого мало для счастья народа?

И капризно закинувъ голову назадъ, она добавила:

— Не правда-ли?.. Впрочемъ, вы пришли говорить...

Она подошла, сѣла рядомъ со мной и, съ фальшивой лаской взглянувъ въ мои глаза, спросила:

— О чемъ мы будемъ говорить? О любви? О поэзіи? Ахъ, мой Альфредъ Мюссэ... И мой Леконтъ-де-Лиль... Ростанъ!..

Глаза ея закатились подъ лобъ, но, встрѣтивъ зубы нѣмца надъ головой, она тотчасъ-же опустила ихъ.

Я не мѣшалъ ей красиво болтать о поэтахъ, молча ожидая момента, когда она заговоритъ о банкирахъ. Я смотрѣлъ на эту женщину, образъ которой всѣ рыцари міра еще недавно носили въ сердцахъ. Ея лицо теперь было нездоровымъ лицомъ женщины, которая много любила; его живыя краски поблекли, стерлись подъ тысячами поцѣлуевъ. Искусно подведенные глаза безпокойно бѣгали съ предмета на предметъ, рѣсницы устало опускались, прикрывая опухшія вѣки. Морщины на вискахъ и на шеѣ безмолвно говорили о буряхъ сердца, а зобъ и толстый подбородокъ—объ ожирѣніи его. Она обрюзгла, растолстѣла, и было ясно, что этой женщинѣ теперь гораздо ближе поэзія желудка, а не великая поэзія души, что грубый зовъ своей утробы она яснѣе слышитъ, чѣмъ голосъ духа правды и свободы, гремѣвшій нѣкогда изъ устъ ея по всей землѣ. Отъ прежней граціи и силы ея движеній осталась только привычная развязность бойкой бабы, торговки на всемірномъ рынкѣ. И обаяніе великой героини на полѣ битвъ за счастіе людей она теперь противно замѣняла кокетствомъ старой дамы, героини безчисленныхъ амурныхъ приключеній.

Она была одѣта въ тяжелое, темное платье, украшенное кружевами, которыя напоминали мнѣ объ окиси на статуѣ Свободы въ Нью-Іоркѣ и о клочкахъ симпатій, разорванныхъ измѣной Духу Правды.

Ея голосъ звучалъ устало, и мнѣ казалось, что говоритъ она только для того, чтобы позабыть о чемъ-то важномъ, честномъ, что иногда еще колетъ острою иглой воспоминаній ея холодное, изношенное сердце, въ которомъ нынѣ нѣтъ больше мѣста для безкорыстныхъ чувствъ.

Я смотрѣлъ на нее и молчалъ, съ трудомъ удерживая въ горлѣ тоскливый крикъ безумной муки при видѣ этой жалкой агоніи духа.

Я думалъ:

— Да развѣ это Франція? Та героиня міра, которую мое воображеніе всегда рисовало мнѣ одѣтой въ пламя яркихъ мыслей, великихъ словъ о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ?

— Вы—не веселый собесѣдникъ!—сказала она мнѣ и утомленно улыбнулась.

— Сударыня!—отвѣтилъ я.—Всѣмъ честнымъ русскимъ людямъ теперь невесело въ гостяхъ у Франціи.

— Но—почему-же?—фальшиво улыбаясь и удивленно поднявъ рѣсницы, спросила она.—Въ моемъ Парижѣ всѣ веселятся... всѣ и всегда!

— Я это видѣлъ сейчасъ на улицахъ... Такъ веселятся и у насъ въ Россіи... Кровавая игра солдатъ съ народомъ—любимый спортъ . . . .

— Вы—мрачный человѣкъ!—замѣтила она съ гримасой. Когда народы требуютъ всего, что имѣетъ король, король не долженъ отдавать имъ даже того, что можетъ.—Такъ разсуждали короли всегда. Почему они будутъ думать иначе теперь? Нужно проще относиться къ жизни. Вы не старикъ еще,—къ чему уныніе? Когда человѣкъ способенъ любить, жизнь прекрасна . . . .

. . . .

Вѣдь вотъ дали же вамъ свободу?..

— Мы взяли ее цѣною тысячъ жизней... И даже послѣ того, какъ она была вырвана, въ уплату за нее требуютъ еще и еще крови. Хотятъ, чтобы мы отдали назадъ эту милостыню, которую намъ подали подъ угрозой. И вотъ теперь вы дали денегъ, чтобы ее у насъ отняли...

— Ахъ, нѣтъ, — возразила она.—Ее не отнимутъ, повѣрьте мнѣ!.. Я это знаю...

— Вы понимаете, на что дали деньги? — спросилъ я.

Она откинула голову въ тѣнь, такъ, чтобы не было видно лица ея. Потомъ спокойно сказала:

— Я не могла не дать. Кто другой можетъ помочь

мнѣ, когда вотъ этотъ ротъ захочетъ откусить мою голову?

Улыбаясь, она указала на потолокъ, гдѣ декоративно блестѣли зубы нѣмца.

— Эта жадная пасть, говоря правду, немножко развращаетъ меня. Но что же дѣлать? И, наконецъ, въ развратѣ не все противно...

— Вамъ не противно опираться на эту руку?

— Но если нѣтъ другой руки? . . . . Я женщина, мнѣ нуженъ другъ. Республика и азіатское правительство, дружески идущія рядомъ по землѣ... конечно, это не красиво, хотя — оригинально, не такъ ли? Но вы не понимаете политики, какъ всѣ поэты... и революціонеры... Гдѣ политика, тамъ уже нѣтъ красоты... Тамъ только желудокъ и умъ, который послушно работаетъ для желудка...

— А вамъ не кажется, что золотомъ, которое вы дали, вы задавили честную славу Франціи?

Она посмотрѣла на меня широко открытыми глазами, усмѣхнулась и облизнула накрашенныя губы кончикомъ остраго языка.

— Вы только поэтъ! Это — старо, мой другъ! Мы живемъ въ суровое время, когда хотя и можно писать стихи, но быть во всемъ поэтомъ—по меньшей мѣрѣ непрактично!

И она засмѣялась смѣхомъ превосходства.

— Мои Шейлоки сдѣлали, мнѣ кажется, порядочное дѣло! Они содрали съ вашего правительства процентъ, который равенъ трети его кожи!

— Но вѣдь, чтобы уплатить такой процентъ, правительство должно будетъ содрать съ народа всю кожу!

— Конечно... т.-е. вѣроятно! Но какъ же иначе? — спросила она, пожавъ плечами.—Правительства дѣлаютъ политику, народы платятъ за это своимъ трудомъ и кровью, — такъ было всегда. Къ тому же я — респу-

блика, и не могу мѣшать моимъ банкирамъ дѣлать то, что имъ нравится. Только одни соціалисты не въ состояніи понять, что это нормально. И все такъ просто... Зачѣмъ портить себѣ кровь, возставая противъ здраваго смысла? Мои Шейлоки дали много и должны дать еще, чтобы получить обратно хоть что-нибудь... Въ сущности, они въ опасномъ положеніи... если побѣдитъ... не царь...

Она побоялась сказать то слово, которое сдѣлало ея славу...

— Они могутъ остаться нищими... И даже если онъ побѣдитъ... я думаю, они не скоро получатъ свои проценты... А вѣдь они—мои дѣти, не правда ли? Богатые люди — самые твердые камни въ зданіи государства... они его фундаментъ. Поэты—это орнаментъ, маленькія украшенія фасада... и можно обойтись безъ нихъ... Они вѣдь не увеличиваютъ прочность постройки... Народъ только почва, на которой стоитъ домъ, революціонеры — просто сумасшедшіе... и — продолжая сравненія — можно сказать, что армія — свора собакъ, охраняющихъ имущество и покой жильцовъ дома...

— А въ немъ живутъ Шейлоки?—спросилъ я.

— Они и всѣ другіе люди, которые считаютъ помѣщеніе удобнымъ для себя. Но бросимъ это! Когда политика невыгодна, — она скучна.

Я всталъ и молча поклонился.

— Уходите?—безразлично спросила она.

— Мнѣ нечего здѣсь дѣлать!—сказалъ я и ушелъ отъ этой сводни...

Я не увидѣлъ той, которую желалъ увидѣть,—я видѣлъ только трусливую, циничную кокотку, которая за деньги, неискренно и хладнокровно отдается ворамъ и палачамъ.

Я шелъ по улицамъ великаго Парижа, который въ этотъ день наемные солдаты — собаки старой жадной бабы—держали въ плѣну своихъ штыковъ и пушекъ,

я видѣлъ, какъ французы за углами улицъ, подобно вѣрнымъ псамъ правды и свободы, молча считали силы своихъ враговъ, готовые омыть своей кровью постыдную грязь съ лица республики... Я чувствовалъ, что въ ихъ сердцахъ рождается, ростетъ и крѣпнетъ духъ старой Франціи, великой матери Вольтера и Гюго, духъ Франціи, посѣявшей цвѣты свободы всюду, куда достигли крики ея дѣтей—поэтовъ и борцовъ!

Я шелъ по улицамъ Парижа, и сердце мое пѣло гимнъ Франціи, съ которой я бесѣдовалъ въ темномъ склепѣ.

— Кто не любилъ тебя всѣмъ сердцемъ на утрѣ дней своихъ?

Въ годы юности, когда душа человѣка преклоняетъ колѣна предъ богинями Красоты и Свободы, свѣтлымъ храмомъ этихъ богинь сердцу казалась лишь ты, о великая Франція!

Франція! Это милое слово звучало для всѣхъ, кто честенъ и смѣлъ, какъ родное имя страстно любимой невѣсты. Сколько великихъ дней въ прошломъ твоемъ! Твои битвы—лучшіе праздники народовъ, и страданія твои—великіе уроки для нихъ.

Сколько красоты и силы было въ твоихъ поискахъ справедливости, сколько честной крови пролито тобою въ битвахъ, ради торжества свободы. Неужели навсегда изсякла эта кровь? Франція! Ты была колокольней міра, съ высоты которой по всей землѣ разнеслись однажды три удара колокола справедливости, раздались три крика, разбудившіе вѣковой сонъ народовъ: Свобода, Равенство, Братство!

Твой сынъ Вольтеръ, человѣкъ съ лицомъ дьявола, всю жизнь, какъ титанъ, боролся съ пошлостью. Крѣпокъ былъ ядъ его мудраго смѣха! Даже попы, которые сожрали тысячи книгъ, не портя своего желудка, отравлялись на смерть одной страницей Вольтера; даже королей, защитниковъ лжи, онъ заставлялъ ува-

жать правду!.. Велика была сила и смѣлость его ударовъ по лицу лжи! Франція! Ты должна пожалѣть, что его уже нѣтъ,—онъ теперь далъ бы тебѣ пощечину. Не обижайся. Пощечина такого великаго сына, какъ онъ,—это честь для такой продажной матери, какъ ты...

Твой сынъ Гюго—одинъ изъ крупнѣйшихъ алмазовъ вѣнца твоей славы. Трибунъ и поэтъ, онъ гремѣлъ надъ міромъ подобно урагану, возбуждая къ жизни все, что есть прекраснаго въ душѣ человѣка. Онъ всюду создавалъ героевъ и создавалъ ихъ своими книгами не менѣе, чѣмъ ты сама, за все то время, когда ты, Франція, шла впереди народовъ со знаменемъ свободы въ рукѣ, съ веселой улыбкой на прекрасномъ лицѣ, съ надеждой на побѣду правды и добра въ честныхъ глазахъ. Онъ училъ всѣхъ людей любить жизнь, красоту, правду и Францію. Хорошо для тебя, что онъ мертвъ теперь,—живой, онъ не простилъ бы подлости даже Франціи, которую любилъ, какъ юноша, даже тогда, когда его волосы стали бѣлыми...

Флоберъ, жрецъ красоты, эллинъ XIX вѣка, научившій писателей всѣхъ странъ уважать силу пера, понимать красоту его, онъ, волшебникъ слова, объективный, какъ солнце, освѣщавшій грязь улицы и дорогія кружева одинаково яркимъ свѣтомъ, — даже Флоберъ, для котораго правда была въ красотѣ и красота въ правдѣ, не простилъ бы тебѣ твоей жадности, отвернулся бы отъ тебя съ презрѣніемъ!

И всѣ лучшія дѣти твои—не съ тобой. Со стыдомъ за тебя, содержанка банкировъ, опустили они честные глаза свои, чтобы не видѣть жирнаго лица твоего. Ты стала противной торговкой. Тѣ, которые учились у тебя умирать за честь и свободу, теперь не поймутъ тебя и съ болью въ душѣ отвернутся отъ тебя.

Франція! Жадность къ золоту опозорила тебя, связь съ банкирами развратила честную душу твою, залила грязью и пошлостью огонь ея.

И вотъ ты, мать Свободы, ты, Жанна д'Аркъ, дала силу животнымъ для того, чтобы они еще разъ попытались раздавить людей.

Великая Франція, когда-то бывшая культурнымъ вождемъ міра, понимаешь ли ты всю гнусность своего дѣянія?

Твоя продажная рука на время закрыла путь къ свободѣ и культурѣ для цѣлой страны. И если даже это время будетъ только однимъ днемъ, твое преступленіе не станетъ отъ этого меньше. Но ты остановила движеніе къ свободѣ не на одинъ день. Твоимъ золотомъ прольется снова кровь русскаго народа.

Пусть эта кровь окраситъ въ красный цвѣтъ вѣчнаго стыда истасканныя щеки твоего лживаго лица.

Возлюбленная моя!

Прими и мой плевокъ крови и желчи въ глаза твои!

Нью-Іоркъ.
Май 1906 г.

III.

Царь.

. . . .

. . . .

. . . .

IV.

Одинъ изъ королей республики.

...Стальные, керосиновые и всѣ другіе короли Соединенныхъ Штатовъ всегда смущали мое воображеніе. Людей, у которыхъ такъ много денегъ, я не могъ себѣ представить обыкновенными людьми.

Мнѣ казалось, что у каждаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, три желудка и полтораста штукъ зубовъ во рту. Я былъ увѣренъ, что милліонеръ каждый день съ шести часовъ утра и до двѣнадцати ночи, все время, безъ отдыха—ѣстъ. Онъ истребляетъ самую дорогую пищу: гусей, индѣекъ, поросятъ, рѣдиску съ масломъ, пуддинги, кэки и прочія вкусныя вещи. Къ вечеру онъ такъ устаетъ работать челюстями, что приказываетъ жевать пищу неграмъ, а самъ ужъ только проглатываетъ ее. Наконецъ, онъ совершенно теряетъ энергію, и, облитаго потомъ, задыхающагося, негры уносятъ его спать. А на утро, съ шести часовъ, онъ снова начинаетъ свою мучительную жизнь.

Однако, и такое напряженіе силъ не позволяетъ ему проѣсть даже половину процентовъ съ капитала.

Разумѣется, такая жизнь тяжела. Но—что-же дѣлать? Какой смыслъ быть милліонеромъ, если ты не можешь съѣсть больше, чѣмъ обыкновенный человѣкъ?

Мнѣ казалось, онъ долженъ носить бѣлье изъ парчи, каблуки его сапогъ подбиты золотыми гвоздями, а на головѣ, вмѣсто шляпы, что-нибудь изъ брилліантовъ. Его сюртукъ сшитъ изъ самаго дорогого бархата, имѣетъ не менѣе пятидесяти футовъ длины и украшенъ золотыми пуговицами въ количествѣ не меньше трехсотъ штукъ. По праздникамъ онъ надѣваетъ сразу восемь сюртуковъ и шесть паръ брюкъ. Конечно, это и неудобно, и стѣсняетъ.. Но, будучи такимъ богатымъ, нельзя же одѣваться, какъ всѣ...

Карманъ милліонера я понималъ, какъ яму, куда свободно можно спрятать церковь, зданіе сената и все, что нужно... Однако, представляя емкость живота такого джентельмена подобной трюму хорошаго морского парохода, я не могъ вообразить длину ноги и брюкъ этого существа. Но я думалъ, что одѣяло, подъ которымъ онъ спитъ, должно быть не меньше квадратной мили. И если онъ жуетъ табакъ, то, разумѣется, самый лучшій и фунта по два сразу. А если нюхаетъ, такъ не меньше фунта на одинъ пріемъ. Деньги требуютъ, чтобы ихъ тратили...

Пальцы его рукъ обладаютъ удивительнымъ чутьемъ и волшебной силой удлинняться по желанію: если онъ, сидя въ Нью-Іоркѣ, почувствуетъ, что гдѣ-то въ Сибири выросъ долларъ, онъ протягиваетъ руку черезъ Берингов проливъ и срываетъ любимое растеніе, не сходя съ мѣста.

Странно, что при всемъ этомъ я не могъ представить, какой видъ имѣетъ голова чудовища. Болѣе того, голова казалась мнѣ совершенно лишней при этой массѣ мускуловъ и кости, одушевленной влеченіемъ выжимать изо всего золото. Вообще, мое представленіе о милліонерѣ не имѣло законченной формы. Въ краткихъ словахъ, это были прежде всего длинныя эластичныя руки. Онѣ охватили весь земной шаръ, приблизили его къ большой, темной пасти, и эта пасть

сосетъ, грызетъ и жуетъ нашу планету, обливая ее жадной слюной, какъ горячую печеную картофелину...

Можете вообразить мое изумленіе, когда я, встрѣтивъ милліонера, увидалъ, что это самый обыкновенный человѣкъ.

Передо мной сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ длинный, сухой старикъ, спокойно сложивъ на животѣ нормальнаго размѣра коричневыя сморщенныя руки обычной человѣческой величины. Дряблая кожа его лица была тщательно выбрита, устало опущенная нижняя губа открывала хорошо сдѣланныя челюсти; онѣ были усажены золотыми зубами. Верхняя губа, бритая, безкровная и тонкая, плотно прилипла къ его жевательной машинкѣ, и когда старикъ говорилъ, она почти не двигалась. Его безцвѣтные глаза не имѣли бровей, матовый черепъ былъ лишенъ волосъ. Казалось, что этому лицу немного не хватало кожи, и все оно—красноватое, неподвижное и гладкое—напоминало о лицѣ новорожденнаго ребенка. Трудно было опредѣлить, начинаетъ это существо свою жизнь, или уже подошло къ ея концу...

Одѣтъ онъ былъ тоже, какъ простой смертный. Перстень, часы и зубы—это все золото, какое было на немъ. Взятое вмѣстѣ, оно вѣсило, вѣроятно, менѣе полуфунта. Въ общемъ, этотъ человѣкъ напоминалъ собой стараго слугу изъ аристократическаго дома Европы...

Обстановка комнаты, въ которой онъ принялъ меня, не поражала роскошью, не восхищала красотой. Мебель была солидная, вотъ все, что можно сказать о ней.

Вѣроятно, въ этотъ домъ иногда заходятъ слоны...—вотъ какую мысль вызывала мебель.

— Это вы... милліонеръ?—спросилъ я, не вѣря своимъ глазамъ.

— О, да!—отвѣтилъ онъ, убѣжденно кивая головой.

Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю ему, и рѣшилъ сразу вывести его на чистую воду

— Сколько вы можете съѣсть мяса за завтракомъ?— поставилъ я ему вопросъ.

— Я не ѣмъ мяса!—объявилъ онъ.—Ломтикъ апельсина, яйцо, маленькая чашка чая—вотъ все...

Его невинные глаза младенца тускло блестѣли передо мной, какъ двѣ большія капли мутной воды, и я не видѣлъ въ нихъ ни одной искры лжи.

— Хорошо...—сказалъ я въ недоумѣніи.—Но, будьте искренны,—скажите мнѣ откровенно, сколько разъ въ день ѣдите вы?

— Два! — спокойно отвѣтилъ онъ. — Завтракъ и обѣдъ—это вполнѣ достаточно для меня. На обѣдъ тарелка супу, бѣлое мясо и что-нибудь сладкое. Фрукты. Чашка кофе. Сигара...

Мое изумленіе росло съ быстротой тыквы. Онъ смотрѣлъ на меня глазами святого. Я перевелъ духъ и сказалъ:

— Но если это правда, что же вы дѣлаете съ вашими деньгами?

Тогда онъ немного приподнялъ плечи, его глаза пошевелились въ орбитахъ, и онъ отвѣтилъ:

— Я дѣлаю ими еще деньги...

— Зачѣмъ?

— Чтобы сдѣлать еще деньги...

— Зачѣмъ?—повторилъ я.

Онъ наклонился ко мнѣ, упираясь локтями въ ручки кресла, и, съ оттѣнкомъ нѣкотораго любопытства, спросилъ:

— Вы—сумасшедшій?

— А вы?—отвѣтилъ я вопросомъ.

Старикъ наклонилъ голову и сквозь золото зубовъ протянулъ:

— Забавный малый... Я, можетъ быть, первый разъ вижу такого...

Послѣ этого онъ поднялъ голову и, растянувъ ротъ далеко къ ушамъ, сталъ молча разсматривать меня.

Судя по спокойствію его лица, онъ, видимо, считалъ себя вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ. Въ его галстухѣ я замѣтилъ булавку съ небольшимъ брилліантомъ. Имѣй этотъ камень величину каблука, я еще понялъ бы что-нибудь.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?—спросилъ я.

— Дѣлаю деньги!—кратко сказалъ онъ, поднявъ плечи.

— Фальшивый монетчикъ?—съ радостью воскликнулъ я; мнѣ показалось, что я приближаюсь къ открытію тайны. Но тутъ онъ началъ негромко икать. Все его тѣло вздрагивало, какъ будто невидимая рука щекотала его подъ мышками. Его глаза часто мигали.

— Это весело! — сказалъ онъ, успокоясь и обливая мое лицо влагой довольнаго взгляда. — Спросите еще что-нибудь! — предложилъ онъ и зачѣмъ-то надулъ щеки.

Я подумалъ и твердо поставилъ ему вопросъ:

— Какъ вы дѣлаете деньги?

— А! Понимаю! — сказалъ онъ, кивая головой.— Это очень просто. У меня желѣзныя дороги. Фермеры производятъ товаръ. Я его доставляю на рынки. Разсчитываешь, сколько нужно оставить фермеру денегъ, чтобы онъ не умеръ съ голоду и могъ работать дальше, а все остальное берешь себѣ, какъ тарифъ за провозъ. Очень просто.

— Фермеры довольны этимъ?

— Не всѣ, я думаю!—сказалъ онъ съ дѣтской простотой.—Но, говорятъ, всѣ люди ничѣмъ и никогда не могутъ быть довольны. Всегда есть чудаки, которые ворчатъ...

— Правительство не мѣшаетъ вамъ?—скромно спросилъ я.

— Правительство?—повторилъ онъ и задумался, потирая пальцами лобъ. Потомъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, кивнулъ головой.—Ага... Это тѣ... въ Вашингтонѣ.

Нѣтъ, они не мѣшаютъ. Это очень добрые ребята... Среди нихъ есть кое-кто изъ моего клуба. Но ихъ рѣдко видишь... Поэтому иногда забываешь о нихъ. Нѣтъ, они не мѣшаютъ, — повторилъ онъ и тотчасъ-же съ съ любопытствомъ спросилъ:

— А развѣ есть правительства, которыя мѣшаютъ людямъ дѣлать деньги?

Я почувствовалъ себя смущеннымъ моей наивностью и его мудростью.

— Нѣтъ,—тихо сказалъ я:—я не о томъ... Я, видите-ли, думалъ, что иногда правительство должно-бы запрещать явный грабежъ...

— Н-но!—возразилъ онъ,—это идеализмъ. Здѣсь это не принято. Правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ частныя дѣла...

Моя скромность увеличивалась передъ этой спокойной мудростью ребенка.

— Но развѣ раззореніе однимъ человѣкомъ многихъ—частное дѣло?—вѣжливо освѣдомился я.

· Раззореніе,—повторилъ онъ, широко открывъ глаза.— Раззореніе—это когда дороги рабочія руки... и когда стачка. Но у насъ есть эмигранты. Они всегда понижаютъ плату рабочимъ и охотно замѣщаютъ стачечниковъ. Когда ихъ наберется въ страну достаточно для того, чтобы они дешево работали и много покупали,— все будетъ хорошо.

Онъ нѣсколько оживился и сталъ менѣе похожъ на старика и младенца, смѣшанныхъ въ одномъ лицѣ. Его тонкіе, темные пальцы зашевелились, и сухой голосъ быстрѣе затрещалъ въ моихъ ушахъ.

— Правительство? Это, пожалуй, интересный вопросъ, да Хорошее правительство необходимо. Оно разрѣшаетъ такія задачи: въ странѣ должно быть столько народа, сколько мнѣ нужно для того, чтобы онъ купилъ у меня все, что я хочу продать. Рабочихъ должно быть столько, чтобы я въ нихъ не нуждался. Но—ни одного

лишняго! Тогда не будетъ соціалистовъ... и стачекъ. Правительство не должно брать высокихъ налоговъ. Все, что можетъ дать народъ, я самъ возьму. Вотъ что я называю—хорошее правительство.

— Онъ обнаруживаетъ глупость,—это несомнѣнный признакъ сознанія своего величія,—подумалъ я.—Пожалуй, онъ, дѣйствительно, король...

— Мнѣ нужно,—продолжалъ онъ увѣреннымъ и твердымъ тономъ:—чтобы въ странѣ былъ порядокъ. Правительство нанимаетъ за небольшую плату разныхъ философовъ, которые не менѣе восьми часовъ каждое воскресенье учатъ народъ уважать законы. Если для этого недостаточно философовъ, — пускайте въ дѣло солдатъ. Здѣсь важны не пріемы, а только результаты. Потребитель и рабочій обязаны уважать законы. Вотъ и все!—закончилъ онъ, играя пальцами.

— Нѣтъ, онъ не глупъ, едва-ли онъ король!—подумалъ я и спросилъ:—вы довольны современнымъ правительствомъ?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Оно дѣлаетъ меньше, чѣмъ можетъ. Я говорю: эмигрантовъ нужно пока пускать въ страну; но у насъ есть политическая свобода, которой они пользуются,—за это нужно заплатить. Пусть-же каждый изъ нихъ привозитъ съ собой хотя-бы 500 долларовъ. Человѣкъ, у котораго есть 500 долларовъ, въ десять разъ лучше тѣхъ, которые имѣютъ только 50... Дурные люди—бродяги, нищіе, больные—и прочіе лѣнтяи нигдѣ не нужны..

— Но вѣдь это сократитъ притокъ эмигрантовъ...—сказалъ я.

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Современемъ я предложу совершенно закрыть для нихъ двери въ страну. А пока, пусть каждый привезетъ немного золота... Это полезно для страны. Потомъ, необходимо увеличить срокъ для полученія граж-

данскихъ правъ. Впослѣдствіи его придется вовсе уничтожить. Пусть тѣ, которые желаютъ работать для американцевъ, работаютъ, но совсѣмъ не слѣдуетъ давать имъ права американскихъ гражданъ. Американцевъ уже довольно сдѣлано. Каждый изъ нихъ самъ способенъ позаботиться о томъ, чтобы населеніе страны увеличивалось. Все это—дѣло правительства. Его необходимо поставить иначе. Члены правительства всѣ должны быть акціонерами въ промышленныхъ предпріятіяхъ,—тогда они скорѣе и легче поймутъ интересы страны. Теперь мнѣ нужно покупать сенаторовъ, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости для меня... разныхъ мелочей. Тогда это будетъ лишнее...

Онъ вздохнулъ, дрыгнулъ ногой и добавилъ:

— Жизнь видишь правильно только съ высоты горы золота.

Теперь, когда его политическіе взгляды были достаточно ясны, я спросилъ его:

— А какъ вы думаете о религіи?

— О!—воскликнулъ онъ, ударивъ себя по колѣну и энергично двигая бровями.—Очень хорошо думаю! Религія—это необходимо народу. Я искренно вѣрю въ это. И даже самъ по воскресеньямъ говорю проповѣди въ церкви... да, какъ-же!

— А что вы говорите?—спросилъ я.

— Все, что можетъ сказать въ церкви истинный христіанинъ, все!—убѣжденно сказалъ онъ.—Я проповѣдую, конечно, въ бѣдномъ приходѣ: бѣдняки всегда нуждаются въ добромъ словѣ и отеческомъ поученіи... Я говорю имъ...

Лицо его на минуту приняло младенческое выраженіе, но, вслѣдъ за тѣмъ, онъ плотно сжалъ губы и поднялъ глаза къ потолку, гдѣ амуры стыдливо закрывали обнаженное тѣло толстой женщины съ розовой кожей іоркширской свиньи. Безцвѣтные глаза его от-

разили въ своей глубинѣ пестроту красокъ на потолкѣ и заблестѣли разноцвѣтными искрами. Онъ тихо началъ:

— Братья и сестры во Христѣ! Не поддавайтесь внушеніямъ хитраго дьявола зависти, гоните прочь отъ себя все земное. Жизнь на землѣ кратковременна: человѣкъ только до сорока лѣтъ хорошій работникъ, послѣ сорока—его уже не принимаютъ на фабрики. Жизнь—не прочна. Вы работаете; невѣрное движеніе руки, и машина дробитъ вамъ кости, солнечный ударъ —и готово. Васъ вездѣ стерегутъ болѣзни, всюду несчастія. Бѣдный человѣкъ подобенъ слѣпому на крышѣ высокаго дома: куда-бы онъ ни пошелъ, онъ упадетъ и разобьется, какъ говоритъ апостолъ Іаковъ, братъ апостола Іуды. Братья! Вы не должны цѣнить земную жизнь, она—созданіе дьявола, похитителя душъ. Царство ваше, о милыя дѣти Христа, не отъ міра сего, какъ и царство Отца вашего,—оно на небесахъ. И если вы терпѣливо, безъ жалобъ, безъ ропота тихо окончите вашъ земной путь, Онъ приметъ васъ въ селеніяхъ рая и наградитъ васъ за труды на землѣ — вѣчнымъ блаженствомъ. Эта жизнь—только чистилище для вашихъ душъ, и чѣмъ больше вы страдаете здѣсь, тѣмъ большее блаженство ждетъ васъ тамъ,—какъ сказалъ самъ апостолъ Іуда.

Онъ указалъ рукою въ потолокъ, подумалъ и продолжалъ, холодно и твердо:

— Да, дорогіе братья и сестры! Вся эта жизнь пуста и ничтожна, если мы не приносимъ ее въ жертву любви къ ближнему, кто бы онъ ни былъ. Не отдавайте сердца во власть бѣсамъ зависти! Чему вы можете завидовать? Земныя блага — это призраки, это игрушки дьявола. Мы всѣ умремъ — богатые и бѣдные, цари и углекопы, банкиры и чистильщики улицъ. Въ прохладныхъ садахъ рая, быть можетъ, углекопы станутъ царями, а царь будетъ сметать метлой съ дорожекъ сада опавшіе листья и бумажки отъ конфектъ, которыми вы

будете питаться каждый день. Братья! Чего желать на землѣ, въ этомъ темномъ лѣсу грѣха, гдѣ душа плутаетъ, какъ ребенокъ! Идите въ рай путемъ любви и кротости, терпите молча все, что выпадетъ вамъ на долю. Любите всѣхъ и даже унижающихъ васъ...

Онъ вновь закрылъ глаза и, покачиваясь въ креслѣ, продолжалъ:

— Не слушайте людей, которые возбуждаютъ въ сердцахъ вашихъ грѣховное чувство зависти, указывая вамъ на бѣдность однихъ и богатство другихъ. Эти люди—посланники дьявола; Господь запрещаетъ завидовать ближнему. И богатые бѣдны, они бѣдны любовью къ нимъ. Возлюбите богатаго, ибо онъ есть избранникъ Божій!—воскликнулъ Іуда, братъ Господень, первосвященникъ храма. Не внимайте проповѣди равенства и другихъ измышленій дьявола. Что значитъ равенство здѣсь, на землѣ? Стремитесь только сравняться другъ съ другомъ въ чистотѣ души предъ лицомъ Бога вашего. Несите терпѣливо крестъ вашъ, и покорность облегчитъ вамъ эту ношу. Съ вами Богъ, дѣти мои, и больше вамъ ничего не нужно!

Старикъ замолчалъ, расширивъ ротъ, и, блестя золотомъ зубовъ, съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы хорошо пользуетесь религіей!—замѣтилъ я.

— О, да! Я знаю цѣну ей,—сказалъ онъ.—Повторяю вамъ: религія необходима для бѣдныхъ. Мнѣ она нравится. На землѣ все принадлежитъ дьяволу,—говоритъ она.—О человѣкъ, если хочешь спасти душу, не желай и ничего не трогай здѣсь, на землѣ! Ты насладишься жизнью послѣ смерти—на небѣ все для тебя!—Когда люди вѣрятъ въ это, съ ними легко имѣть дѣло. Да. Религія—масло. Чѣмъ обильнѣе мы будемъ смазывать ею машину жизни, тѣмъ меньше будетъ тренія частей, тѣмъ легче задача машиниста...

— Да, онъ король!—рѣшилъ я и почтительно спросилъ у этого недавняго потомка свинопаса:

— А вы себя считаете христіаниномъ?

— О, да, конечно! — воскликнулъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ.— Но, — онъ поднялъ руку кверху и внушительно сказалъ:—я въ то-же время американецъ и, какъ таковой, я строгій моралистъ...

Его лицо приняло выраженіе драматическое: онъ оттопырилъ губы и подвинулъ уши къ носу.

— Что вы хотите сказать?..—понизивъ голосъ, освѣдомился я.

— Пусть это будетъ между нами!—тихо предупредилъ онъ: — для американца невозможно признать Христа.

— Невозможно?—шопотомъ спросилъ я послѣ паузы.

— Конечно, нѣтъ!—подтвердилъ онъ тоже шопотомъ.

— А почему?—спросилъ я, помолчавъ.

— Онъ — незаконнорожденный! — Старикъ подмигнулъ мнѣ глазомъ и оглянулся вокругъ. — Вы понимаете? Незаконнорожденный въ Америкѣ не можетъ быть не только Богомъ, но даже чиновникомъ. Его нигдѣ не принимаютъ въ приличномъ обществѣ. За него не выйдетъ замужъ ни одна дѣвушка. О, мы очень строги. А если-бы мы признали Христа, намъ пришлось-бы признавать всѣхъ незаконнорожденныхъ порядочными людьми... даже если это дѣти негра и бѣлой. Подумайте, какъ это ужасно! А?

Должно быть, это было, дѣйствительно, ужасно: глаза старика позеленѣли и стали круглыми, какъ у совы. Онъ съ усиліемъ подтянулъ нижнюю губу кверху и плотно приклеилъ ее къ зубамъ. Вѣроятно, онъ полагалъ, что эта гримаса сдѣлаетъ его лицо внушительнымъ и строгимъ.

— А негра вы никакъ не можете признать за человѣка? — освѣдомился я, подавленный моралью демократической страны.

— Вотъ наивный малый!—воскликнулъ онъ съ сожалѣніемъ: — да вѣдь они же черные! И отъ нихъ

пахнетъ. Мы линчуемъ негра, лишь только узнаемъ, что онъ жилъ съ бѣлой, какъ съ женой. Сейчасъ его за шею веревкой и на дерево... безъ проволочекъ! Мы очень строги, если дѣло касается морали...

Онъ внушалъ мнѣ теперь то почтеніе, съ которымъ невольно относишься къ несвѣжему трупу. Но я взялся за дѣло и долженъ исполнить его до конца. Я продолжалъ ставить вопросы, желая ускорить процессъ истязанія правды, свободы, разума и всего свѣтлаго, во что я вѣрю.

— Какъ вы относитесь къ соціалистамъ?

— Они-то и есть слуги дьявола!—быстро отозвался онъ, ударивъ себя ладонью по колѣну.—Соціалисты— песокъ въ машинѣ жизни, песокъ, который, проникая всюду, разстраиваетъ правильную работу механизма. У хорошаго правительства не должно быть соціалистовъ. Въ Америкѣ они родятся. Значитъ, люди въ Вашингтонѣ не вполнѣ ясно понимаютъ свои задачи. Они должны лишать соціалистовъ гражданскихъ правъ. Это уже кое-что. Я говорю,—правительство должно стоять ближе къ жизни. Для этого всѣ его члены должны быть набираемы въ средѣ милліонеровъ. Такъ!

— Вы очень цѣльный человѣкъ!—сказалъ я.

— О, да!—согласился онъ, утвердительно кивая головой. Теперь съ его лица совершенно исчезло все дѣтское, и на щекахъ явились глубокія морщины.

Мнѣ захотѣлось спросить его объ искусствѣ.

— Какъ вы относитесь...—началъ я, но онъ поднялъ палецъ и заговорилъ самъ:

— Въ головѣ соціалиста — атеизмъ, въ животѣ у его—анархизмъ. Его душа окрылена дьяволомъ крыльяи безумія и злобы... Для борьбы съ соціалистомъ еобходимо имѣть больше религіи и солдатъ. Религія— ротивъ атеизма, солдаты — для анархіи. Сначала наыпьте въ голову соціалиста свинца церковныхъ про-

повѣдей. Если это не вылечитъ его, — пусть солдаты набросаютъ ему свинца въ животъ!..

Онъ убѣжденно кивнулъ головой и твердо сказалъ:

— Велика сила дьявола!

— О, да!—охотно согласился я.

Впервые наблюдалъ я силу вліянія Желтаго Дьявола—Золота въ такой яркой формѣ. Сухія, просверленныя подагрой и ревматизмомъ кости старика, его слабое, истощенное тѣло въ мѣшкѣ старой кожи, вся эта небольшая куча ветхаго хлама была теперь воодушевлена холодной и жесткой волей Желтаго Отца лжи и духовнаго разврата. Глаза старика сверкали, какъ двѣ новыя монеты, и весь онъ сталъ крѣпче и суше. Теперь онъ еще больше походилъ на слугу, но я уже зналъ, кто его господинъ.

— Что вы думаете объ искусствѣ?—спросилъ я.

Онъ взглянулъ на меня, провелъ рукой по своему лицу и стеръ съ него выраженіе жесткой злобы. Снова что-то младенческое явилось на этомъ лицѣ.

— Какъ вы сказали?—спросилъ онъ.

— Что вы думаете объ искусствѣ?

— О,—спокойно отозвался онъ.—Я не думаю о немъ, я просто покупаю его...

— Мнѣ это извѣстно. Но, можетъ быть, у васъ есть свои взгляды и требованія къ нему?

— А! Конечно, я имѣю требованія... Оно должно быть забавно, это искусство, — вотъ чего я требую. Нужно, чтобы я смѣялся. Въ моемъ дѣлѣ мало смѣшного. Необходимо вспрыснуть мозгъ иногда чѣмъ-нибудь успокаивающимъ... а иногда возбуждающимъ энергію тѣла. Когда искусство дѣлаютъ на потолкѣ или на стѣнахъ, оно должно возбуждать аппетитъ... Рекламы слѣдуетъ писать самыми лучшими, яркими красками. Нужно, чтобы реклама схватила васъ за носъ издали, еще за милю отъ нея, и сразу привела, куда она зоветъ. Тогда она оправдаетъ деньги. Статуи или вазы—всегда

лучше изъ бронзы, чѣмъ изъ мрамора или фарфора: прислуга не такъ часто сломаетъ бронзу, какъ фарфоръ. Очень хорошо—бои пѣтуховъ и травля крысъ. Это я видѣлъ въ Лондонѣ... Очень хорошо! Боксъ—тоже хорошо, но не слѣдуетъ допускать убійства... Музыка должна быть патріотична. Маршъ—это всегда хорошо, но лучшій маршъ—американскій. Америка—лучшая страна міра; вотъ почему американская музыка лучше всѣхъ на землѣ. Хорошая музыка всегда тамъ, гдѣ хорошіе люди. Американцы—лучшіе люди земли. У нихъ больше всего денегъ. Никто не имѣетъ столько денегъ, какъ мы. Поэтому къ намъ скоро пріѣдетъ весь міръ...

Я слушалъ, какъ самодовольно болталъ этотъ больной ребенокъ и съ благодарностью думалъ о дикаряхъ Тасманіи. Говорятъ, и они тоже людоѣды, но у нихъ, все-таки, развито эстетическое чувство.

— Вы бываете въ театрѣ?—спросилъ я стараго раба Желтаго Дьявола, чтобы остановить его хвастовство страной, которую онъ осквернилъ своей жизнью.

— Театръ? О, да! Я знаю, это тоже искусство!—увѣренно сказалъ онъ.

— А что вамъ нравится въ театрѣ?

— Хорошо, когда много молодыхъ дамъ декольтэ, а вы сидите выше ихъ!—отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Что вы любите больше всего въ театрѣ?—спросилъ я, приходя въ отчаяніе.

— О,—воскликнулъ онъ, раздвинувъ ротъ во всю ширину щекъ.—Конечно, артистокъ, какъ всѣ люди... Если артистки красивы и молоды, они всегда искусны. Но трудно угадать сразу, которая дѣйствительно молода. Онѣ всѣ такъ хорошо притворяются. Я понимаю, то ихъ ремесло. Но иногда думаешь: ага! Вотъ эта дѣвушка! Потомъ оказывается, что ей пятьдесятъ лѣтъ и она имѣла не менѣе двухсотъ любовниковъ. Это

уже непріятно... Артистки цирка лучше артистокъ театра. Онѣ почти всегда моложе и болѣе гибки...

Онъ, видимо, былъ хорошимъ знатокомъ въ этой области. Даже я, закоренѣлый грѣшникъ, всю жизнь утопавшій въ порокахъ, многое узналъ отъ него только впервые.

— А какъ вамъ нравятся стихи?—спросилъ я его.

— Стихи?—переспросилъ онъ, опуская глаза къ сапогамъ и наморщивъ лобъ. Подумалъ и, вскинувъ голову, показалъ мнѣ всѣ зубы сразу. — Стихи? О, да! Мнѣ очень нравятся стихи. Жизнь будетъ очень весела, когда всѣ начнутъ печатать рекламы въ стихахъ.

— Кто вашъ любимый поэтъ? — поспѣшилъ я поставить другой вопросъ.

Старикъ взглянулъ на меня въ недоумѣніи и медленно спросилъ:

— Какъ вы сказали?

Я повторилъ вопросъ.

— Гм... вы очень забавный малый!—сказалъ онъ, съ сомнѣніемъ качая головой.—За что же я буду любить поэта? И зачѣмъ нужно любить его?

— Извините меня! — произнесъ я, отирая потъ со лба. — Я хотѣлъ спросить васъ, какая ваша любимая книга? Я исключаю книжку чековъ...

— О! Это другое дѣло!—согласился онъ.—Я люблю двѣ книги: Библію и главную бухгалтерскую. Онѣ обѣ одинаково вдохновляютъ умъ. Уже когда берешь ихъ въ руки,—чувствуешь, что въ нихъ сила, которая даетъ тебѣ все, что нужно.

— Онъ издѣвается надо мной!—подумалъ я и внимательно взглянулъ въ его лицо. Нѣтъ. Его глаза убивали всякое сомнѣніе въ искренности этого младенца. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, какъ высохшее ядро орѣха въ своей скорлупѣ, и было видно, что онъ увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ.

— Да!—продолжалъ онъ, разсматривая ногти:—это

вполнѣ хорошія книги!.. Одну написали пророки, другую создалъ я самъ. Въ моей книгѣ мало словъ. Въ ней цифры. Онѣ разсказываютъ о томъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, если захочетъ работать честно и усердно. Послѣ моей смерти правительство должно бы опубликовать мою книгу. Пусть люди видятъ, какъ нужно идти, чтобы подняться на эту высоту.

И торжественнымъ жестомъ побѣдителя онъ обвелъ вокругъ себя.

Я чувствовалъ, что пора прекратить бесѣду. Не всякая голова способна относиться безразлично, когда по ней топаютъ ногами.

— Можетъ быть, вы скажете что-нибудь о наукѣ?— тихо спросилъ я.

— Наука?—онъ поднялъ палецъ, глаза и посмотрѣлъ въ потолокъ. Затѣмъ вынулъ часы, взглянулъ, который часъ, закрылъ крышку и, намотавъ цѣпочку на палецъ, покачалъ часами въ воздухѣ. Послѣ всего этого онъ вздохнулъ и заговорилъ:

— Наука... да, я знаю! Это—книги. Если въ нихъ хорошо пишутъ объ Америкѣ,—книги полезны. Но въ книгахъ рѣдко пишутъ правду. Эти... поэты, которые дѣлаютъ книги, мало зарабатываютъ, я думаю. Въ странѣ, гдѣ каждый занятъ дѣломъ, некому читать книги... Да, поэты злы, потому что у нихъ не покупаютъ книгъ. Правительство должно хорошо платить писателямъ книгъ. Сытый человѣкъ всегда добръ и веселъ. Если, вообще, нужны книги объ Америкѣ, слѣдуетъ нанять хорошихъ поэтовъ, и тогда будутъ сдѣланы всѣ книги, какія нужны для Америки... Вотъ и все.

— Вы нѣсколько узко опредѣляете науку,—замѣтилъ я.

Онъ опустилъ вѣки и задумался. Потомъ вновь открылъ глаза и увѣренно продолжалъ:

— Ну, да, учителя, философы... это тоже наука. Профессора, акушерки, дантисты, я знаю. Адвокаты, док-

тора, инженеры. All — right. Это необходимо. Хорошія науки... не должны учить дурному... Но—учитель дочери моей сказалъ мнѣ однажды, что существуютъ соціальныя науки... Этого я не понимаю. Я думаю, это вредно. Хорошая наука не можетъ быть сдѣлана соціалистомъ. Соціалисты вовсе не должны дѣлать науку. Науку, которая полезна или забавна, дѣлаетъ Эдиссонъ, да. Фонографъ, синематографъ—это полезно. А когда много книгъ съ науками—это лишнее. Людямъ не слѣдуетъ читать книгъ, которыя могутъ возбудить въ умѣ... разныя сомнѣнія. Все на землѣ идетъ, какъ нужно... и вовсе незачѣмъ путать книги въ дѣла...

Я всталъ.

— О! Вы уходите?—спросилъ онъ.

— Да!—сказалъ я,—быть можетъ, теперь, когда я ухожу, вы, наконецъ, все-таки объясните мнѣ, какой смыслъ быть милліонеромъ?

Онъ началъ икать и дрыгать ногами, вмѣсто отвѣта. Можетъ быть, такова была его манера смѣяться...

— Это привычка!—воскликнулъ онъ, переводя духъ.

— Что привычка?—спросилъ я.

— Быть милліонеромъ... это привычка!

Я подумалъ и поставилъ ему мой послѣдній вопросъ:

— Вы думаете, что бродяги, курильщики опіума и и милліонеры—явленіе одного порядка?

Это, должно быть, обидѣло его. Онъ сдѣлалъ круглые глаза, окрасилъ ихъ желчью въ зеленый цвѣтъ и сухо отвѣтилъ:

— Я думаю, что вы плохо воспитаны.

— До свиданья!—сказалъ я.

Онъ любезно проводилъ меня до крыльца и остался стоять на верхней ступенькѣ лѣстницы, внимательно разсматривая носки своихъ сапогъ. Передъ его домомъ лежала площадка, поросшая густою, ровноподстриженной травой. Я шагалъ по ней и наслаждался мыслію о томъ, что больше уже не увижу этого человѣка.

— Галло!—услышалъ я сзади себя.

Обернулся. Онъ стоялъ тамъ, на крыльцѣ и смотрѣлъ на меня.

— А что у васъ въ Европѣ есть лишніе короли?—медленно спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, они всѣ лишніе!—отвѣтилъ я.

Онъ сплювулъ направо и сказалъ:

— Я думаю нанять для себя пару хорошихъ королей, а?

— Зачѣмъ это вамъ?

— Забавно, знаете. Я приказалъ-бы имъ боксировать вотъ здѣсь...

Онъ указалъ на площадку передъ домомъ и добавилъ тономъ вопроса:

— Отъ часа до половины второго, каждый день, а? Послѣ завтрака пріятно отдать полчаса искусству... хорошо?

Онъ говорилъ серьезно, и было видно, что онъ приложитъ всѣ усилія, чтобы осуществить свое желаніе.

— Зачѣмъ вамъ нужны короли для этой цѣли?—освѣдомился я.

— Этого здѣсь еще ни у кого нѣтъ!—кратко объяснилъ онъ.

— Но вѣдь короли дерутся только чужими руками!—сказалъ я и пошелъ.

— Галло!—позвалъ онъ въ другой разъ.

Я снова остановился. Онъ все еще стоялъ на старомъ мѣстѣ, сунувъ руки въ карманы. На лицѣ его выражалось что-то мечтательное.

— Вы что?—спросилъ я.

Онъ пожевалъ губами и медленно сказалъ:

— А какъ вы думаете, сколько это будетъ стоить: два короля для бокса, каждый день полчаса, втеченіи трехъ мѣсяцевъ, э?

(Остальные „Интервью" будутъ помѣщены въ дальнѣйшихъ сборникахъ).

УОЛЬТЪ УИТМАНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

1. ЗВѢЗДА ФРАНЦІИ.
2. ЕВРОПѢ.

Съ англійскаго. Переводъ К. Бальмонта.

Звѣзда Франціи.

1870—1871.

О Франція, звѣзда,
Блистательность твоихъ надеждъ и силъ, и славы.
Какъ нѣкій повелительный корабль,
Который велъ такъ долго цѣлый флотъ,
Сегодня кажется лишь выброскомъ, носимымъ
По волѣ бурь, лишь остовомъ безъ мачтъ,
Съ полупотопшимъ жалкимъ экипажемъ,
Съ толпой полубезумной,—нѣтъ руля,
Нѣтъ рулевого!

Во тьму упавшая звѣзда,
Ты шаръ не только Франціи одной,
Души моей, ея надеждъ завѣтныхъ
Ты блѣдный символъ, ты восторгъ борьбы,
Священный жаръ свободы, дерзновенье,
Стремленье къ отдаленнымъ идеаламъ,
Ты сонъ о братствѣ, сонъ энтузіаста,
Ты ужасъ всѣхъ тирановъ и святошъ.

Распятая звѣзда—ты продана,
Ты продана измѣнниками подло,
Звѣзда страданья надъ страною смерти,
Надъ краемъ героическимъ и страннымъ,
Надъ страстной, надъ фривольною страной.

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И за твои ошибки,
За суетность твою, и за грѣхи
Я нынѣ упрекать тебя на стану:
Огонь твоихъ терзаній безпримѣрныхъ
Ихъ сжегъ, и ты освящена!

За то, что ты средь многихъ винъ своихъ
Всегда высокой цѣлью задавалась,
За то, что, какъ цѣна ни будь громадна,
Себя ты не хотѣла продавать,
За то, что съ горькимъ плачемъ ты проснулась
Отъ зелья одурманеннаго сна,
За то, что ты одна, какъ великанша,
Среди сестеръ,
Тѣхъ, кто себя позорилъ, разорвала,
За то, что не могла ты, не хотѣла
И не носила принятыхъ цѣпей,—
Вотъ этотъ крестъ тебѣ, твой ликъ избитый,
Кровавость рукъ и язвы ногъ пронзенныхъ,
Копье, воткнутое въ тебя.

О Франція! Звѣзда, корабль разбитый,
Давно ужъ одураченный, проснись!
Звѣзда, зажгись! Корабль, найди дорогу!

Да, какъ корабль всего, сама Земля,
Изъ хаоса кипучаго рожденье,
Созданье смертоноснаго огня,
Изъ мглы отравъ и судорогъ свирѣпыхъ,
Выходитъ въ красотѣ побѣды полной,
Такъ ты подъ солнцемъ, путь свой начертивъ,
Плыви, корабль, раскрывши крылья!

Свершатся дни, растаютъ облака,
Распутанъ будетъ жесткій трудный узелъ,
И высоко надъ Европейскимъ міромъ,
(Лицомъ къ лицу, черезъ просторъ морей,

Колумбіи отвѣтствуя побѣдно),
Твоя звѣзда, о Франція, опять,
Красивая звѣзда въ вѣнцѣ лучистомъ,
Въ тиши небесной, ярче, въ новомъ блескѣ,
Зажжетъ безсмертный лучъ!

Европѣ.

1872—1873.

Внезапно изъ ветхой и сонной берлоги,
Изъ душной берлоги рабовъ,
Какъ будто бы вспыхнула яркая молнія,
Сама на себя удивляясь,
Ногой придавивши лохмотья и пепелъ,
И стиснувши руки на горлѣ владыкъ.

О надежда и вѣра!
О боль завершенія жизней—всѣхъ тѣхъ,
Кто былъ изгнанъ за то, что любилъ свою родину,
О, сколько порвавшихся въ пыткѣ сердецъ!
Вернитесь назадъ въ этотъ день
И забейтесь для жизни свободной!

А вы, которымъ платятъ за услугу—
Грязнить народъ, замѣтьте вы, лжецы,—
Хотя несчетны были истязанья,
Убійства и безчестность воровства
Въ извилистыхъ и самыхъ низкихъ формахъ,—
Хотя изъ тѣхъ, кто бѣденъ, выжимали
Достатокъ весь, грызя его, какъ черви,—
Хоть обѣщанья съ королевскихъ устъ
Нарушены, и тотъ, кто обѣщался,
Отмѣтилъ подлымъ смѣхомъ свой обѣтъ,—

И хоть во власти тѣхъ, кто былъ обиженъ,
Владыки были,—все-жъ свои удары
На нихъ еще не устремила месть,
И головы не срѣзаны у знати:
Народъ презрѣлъ свирѣпости владыкъ.

Но мягкость милосердія была—
Какъ дрожжи для погибели горчайшей,
И струсившіе деспоты вернулись;
Съ своей приходитъ каждый съ полной свитой,
При немъ—палачъ, святоша, вымогатель,
Солдатъ, законникъ, баринъ и тюремщикъ,
И сикофантъ.

А сзади всѣхъ ползетъ, глядите, призракъ,
Какъ бы туманъ, въ покровѣ безконечномъ,
Лобъ, голова, и весь—въ багряныхъ складкахъ,
Лица и глазъ никто не видитъ,
Изъ всѣхъ одеждъ, изъ красныхъ одѣяній,
Приподнятыхъ рукой, лишь палецъ видно,
Изогнутый, кривой, во всемъ подобный
Змѣиной головѣ.

Межъ тѣмъ тѣла лежатъ въ могилахъ свѣжихъ,
Кровавыя тѣла погибшихъ юныхъ,
Веревка тяжко съ висѣлицы пала,
Летаютъ пули, принцы ихъ послали,
Приспѣшники властей хохочутъ,—
И это все должно явить свой плодъ.

Тѣла погибшихъ юношей, тѣла
Замученныхъ, повѣшенныхъ, сердца,
Пронзенныя свинцомъ жестоко-сѣрымъ,
Теперь какъ будто холодны, недвижны,
Но невозможно ихъ убить.

Они вознесены святою смертью,
Они живутъ въ другихъ, такихъ же юныхъ,—
Внемлите, короли:
Они живутъ въ другихъ, опять готовыхъ
На вызовъ вамъ.

Надъ каждымъ, кто убитъ былъ за свободу,
Надъ каждою подобною могилой,
Ростетъ трава, которой имя—вольность,
И въ свой чередъ посѣетъ сѣмена,
И вѣтры разнесутъ ихъ для посѣвовъ,
Дожди, снѣга—кормильцы имъ.

Нѣтъ, каждый духъ, котораго отъ тѣла
Освободитъ оружіе тирана,
Здѣсь будетъ, отъ земли онъ не уйдетъ,
Онъ будетъ проходить по ней незримо,
Шептать, предупреждать и торопить.

Свобода, пусть отчаются другіе,
Я никогда въ тебѣ не усомнюсь.

Домъ запертъ? И хозяина нѣтъ дома?
Пусть, все равно, готовы будьте, ждите:
Онъ будетъ скоро, вѣстники его
Приходятъ вдругъ!

Г. ЭРАСТОВЪ.

ОТСТУПЛЕНІЕ.

I.

Длинный поѣздъ, казавшійся издали гигантской гусеницей, тяжело пыхтя, взбирался на вершину отлогой возвышенности, подернутой снѣжнымъ налетомъ.

Солдаты, этотъ живой грузъ, которымъ были переполнены десятки товарныхъ вагоновъ, оглашали тянувшуюся по обѣимъ сторонамъ безжизненную пустыню нестройнымъ хоромъ самыхъ разнообразныхъ звуковъ. То замирая, то усиливаясь, эти звуки сливались въ одинъ долгій, подчасъ дикій аккордъ, которому вторили меланхолическое позвякиванье цѣпей и равномѣрный рокотъ колесъ.

Шумный говоръ или грубая брань чередовались съ раскатистымъ, звонкимъ хохотомъ.

Порою чей-либо сильный, молодой голосъ выводилъ протяжную руладу, къ нему присоединялись другіе голоса, и стройная хоровая пѣсня, полная безграничной тоски и печали, словно музыкальный стонъ недавняго ига, подхватывалась встрѣчнымъ вѣтромъ, уносилась далеко-далеко назадъ и замирала надъ спавшей подъ снѣгомъ пустыней...

Когда наступила темная и холодная ночь, въ вагонахъ тускло замерцали фонари, и на стѣнахъ задвигались огромныя трепещущія тѣни.

Гулъ голосовъ замѣтно притихъ,—люди ужинали. Незатѣйливая пища сдабривалась чаркою водки. По мѣрѣ того какъ поглощалась жгучая влага, люди

снова оживлялись, становились шумливѣе, и весь поѣздъ снова наполнялся глухимъ гуломъ, среди котораго начинали звенѣть—сперва робко и отрывисто, а затѣмъ чаще и задорнѣе—звуки гармоники.

Пѣвучій игривый мотивъ то взвизгивалъ, то заливался безпечно и какъ бы замиралъ въ безконечной трели, и тогда раздавалось дружное притаптываніе и звонкое ухарское подсвистываніе.

Неуклюжія, лохматыя фигуры съ безобразными папахами, казавшіяся еще причудливѣе при скудномъ свѣтѣ огарковъ,—приходили въ движеніе и пускались въ плясъ.

Насыщенные желудки и одурманенныя хмѣлемъ головы приводили людей въ своеобразное, но скоропреходящее настроеніе, въ которомъ странно сочетались—безшабашная удаль широкой, свободолюбивой натуры и глубокая безотчетная скорбь. Это веселье было, въ сущности, такъ же тяжело и мрачно, какъ недавнее прошлое этихъ оторванныхъ отъ жизни людей и какъ поджидавшее ихъ близкое будущее, навстрѣчу которому ихъ везли теперь десятками тысячъ черезъ горы Хингана и равнины Монголіи, и не разъ въ ихъ звонкомъ смѣхѣ или въ подмывающемъ напѣвѣ чудились жгучія, невыплаканныя слезы.

Оборвалась и замерла плясовая пѣсня, затихли топотъ и свистъ, и когда блѣдный лунный дискъ вынырнулъ изъ-за разорванныхъ облаковъ и заглянулъ въ вагоны, тамъ громоздились, смутно очерченныя въ прозрачной дымкѣ испареній, лежавшія на землѣ неуклюжія фигуры, погруженныя въ крѣпкій и тяжелый сонъ.

Огарки свѣчей скоро потухли, и только единственный классный вагонъ для офицеровъ, находившійся въ концѣ поѣзда, продолжалъ свѣтиться огнями.

Въ одной половинѣ вагона былъ полумракъ и слышался храпъ, въ другой—было свѣтло и шумно. Офи-

церы пили водку, закусывали и оживленно бесѣдовали.

У маленькаго откидного столика, гдѣ вокругъ оплывшей свѣчи была разложена закуска и стояла начатая бутылка водки, сидѣлъ въ разстегнутомъ сюртукѣ стрѣлковый подполковникъ. Почти ежеминутно онъ кашлялъ долгимъ, надоѣдливымъ кашлемъ, сердито отплевывая, пыхтѣлъ, отдувался и вытиралъ потное лицо. Онъ хотѣлъ продолжать начатую рѣчь, но кашель мѣшалъ ему постоянно, и онъ съ плохо скрываемой злобой и завистью смотрѣлъ на развалившагося напротивъ коренастаго штабсъ-капитана. Каждый разъ, когда подполковникъ закашливался, штабсъ-капитанъ быстрымъ движеніемъ наливалъ чарку водки, выпивалъ, закусывалъ и, одобрительно крякнувъ, съ самодовольнымъ видомъ растиралъ рукой мясистую, волосатую грудь, виднѣвшуюся изъ-за разстегнутой ночной сорочки. По мѣрѣ того какъ онъ пилъ, его бородатое рябое лицо наливалось кровью и багровѣло, а маленькіе свѣтлые глазки начинали задорно блестѣть. Рядомъ съ нимъ, облокотившись на колѣни, сидѣлъ немного сутуловатый, худощавый артиллерійскій капитанъ. Онъ молча смотрѣлъ въ землю и, казалось, думалъ глубокую, невеселую думу, которая отражалась на блѣдномъ лицѣ съ правильными и тонкими, почти красивыми, чертами.

На двухъ сосѣднихъ скамьяхъ шла азартная игра. Бѣлобрысый и круглолицый, молодой интендантскій чиновникъ, смахивавшій на загулявшаго купеческаго сынка, съ полупьянымъ азартомъ металъ банкъ тремъ офицерамъ. На опрокинутомъ чемоданѣ, изображавшемъ карточный столъ, лежалъ ворохъ бумажекъ, и блестѣло золото.—„Отъ рубля транспортъ съ кушемъ и десять рублей мазу!“—„Уголъ отъ пяти!“—„Банкъ со входящимъ!“—объявляли игроки.

— Наяривай, братцы! Заворачивай покрупнѣе! Не

бойсь! У Туманова денегъ хватитъ! Туманову счастье привалило! Въ Москвѣ двадцать тысячъ выигралъ!

— И врешь ты, интендантская крыса! Гдѣ тебѣ, дураку, такія деньги выиграть!—замѣтилъ кто-то изъ играющихъ.

— Что-о? Вру? Тумановъ вретъ?!—обидѣлся интендантъ, почему-то предпочитавшій говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.—На! Смотри! Лопни твои глаза! Видишь? Это что? Не деньги? То-то! Я вотъ возьму да проиграю всѣ! И плевать мнѣ на нихъ! Въ Маньчжуріи, братъ, этого добра, сколько хочешь! Только не будь дуракомъ, а деньги...

— Ну, ладно! Сократись! Ты хоть и дуракъ, только не изъ этакихъ!

— Вы вотъ ругаетесь надо мной,—„интендантская крыса“ и все прочее, а Тумановъ въ Иркутскѣ васъ на триста цѣлковыхъ шампанскимъ накачалъ! Да потомъ къ дѣвкамъ свезъ, за четырехъ заплатилъ! А вы смѣетесь, гнушаетесь Тумановымъ!

— Ну-у! Захныкалъ! Сдавай карты, гнилая подметка! Ты, Тумаша, не сердись за всякое слово! Это вѣдь любя! Мы вѣдь видимъ, какая у тебя широкая натура!

— Эхъ, братцы мои! Кабы у меня ваши офицерскіе погоны были, да съ моей широкой натурой, собралъ бы я отрядъ волонтеровъ, да накачалъ бы ихъ какъ слѣдуетъ, да потомъ ударилъ бы на япошекъ!—захлебывался Тумановъ.

— Капитанъ Агѣевъ! Выпьемъ, что-ли? Ну чего носъ вѣшать? Убьютъ насъ съ вами, ну чортъ съ нимъ!—говорилъ пѣхотный штабсъ-капитанъ артиллеристу.—А только, прежде чѣмъ насъ ухлопаютъ, мы этихъ паршивыхъ макаковъ столько наколошматимъ и наворочаемъ, что одна пыль пойдетъ! Ей-Богу! Правду я говорю?

Капитанъ пожалъ плечами и какъ-то болѣзненно улыбнулся.

— Вотъ видите-ли, сколько я ни думаю о войнѣ, все не могу себѣ никакъ представить, какъ это я стану „колошматить“ и „наворачивать“! Для меня это непостижимо!

— Ну вы, значитъ, не офицеръ, не солдатъ послѣ этого!—съ презрѣніемъ отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Не совсѣмъ такъ... я офицеръ и недурно знаю спеціальность, свое назначеніе, но... видите-ли, я прежде всего человѣкъ...

— А что-же я, по-вашему? Оглобля?

— Не то... У васъ на первомъ планѣ солдатъ... офицеръ... а потомъ человѣкъ...

— А это развѣ не одно и то-же самое?—изумился штабсъ-капитанъ.—Нѣтъ-съ, позвольте, капитанъ, вы оскорбляете мое достоинство и чувство офицера...

— Ну... вотъ видите, вы меня не хотите понять...

— Нѣтъ-съ, позвольте, капитанъ,—вы думаете, что мы, пѣхота, дескать, дураки набитые, да-съ! Я, правда, въ академіи не учился, но я русскій офицеръ и за свою офицерскую честь постою-съ! Хотя вы и капитанъ! Я, братъ ты мой, солдатъ! Я вотъ этой рукой мѣшокъ муки подымаю!.. Я вамъ тутъ такую „честь“ раздѣлаю, что...

— Господи! Господа капитаны! Опамятуйтесь! Бога вы забыли? — раздался съ верхней скамьи жалобный, дребезжащій голосъ.—На войну ѣдете вѣдь, Богъ знаетъ...

— А ты, попъ, помолчи, когда тебя не спрашиваютъ!—грубо оборвалъ штабсъ-капитанъ.—Лежи тамъ себѣ, да Богу молись! Такъ-то лучше будетъ, отецъ Лаврентій!

Попъ притихъ. Болѣзненный съ виду, отецъ Лаврентій, съ типичнымъ крестьянскимъ лицомъ, съ жидкой бѣлокурой растительностью, производилъ впечатлѣніе человѣка, выбитаго изъ своей обычной колеи, и въ

большихъ синихъ глазахъ его, дѣтски чистыхъ и простодушныхъ, часто свѣтилось отраженіе не то испуга, не то глубокаго внутренняго недоумѣнія. Говорилъ онъ мало, больше прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ къ разговорамъ другихъ, а если и заговаривалъ, то дѣлалъ это нервно, порывисто, причемъ голосъ его слегка дрожалъ отъ робости или волненія, а глаза подергивались влагой. Часто, когда офицеры увлекались скабрезными анекдотами, среди смѣха можно было уловить тяжелый вздохъ и сопровождавшія его слова: „О Господи, прости и помилуй", долетавшія съ верхней полки, гдѣ отецъ Лаврентій проводилъ большую часть времени. Офицеры часто подтрунивали надъ нимъ, но, въ общемъ, обращали на него очень мало вниманія и не стѣснялись его присутствіемъ, на что, впрочемъ, отецъ Лаврентій не обижался. Было что-то неуловимо общее между этимъ застѣнчивымъ, неказистымъ сельскимъ пастыремъ и капитаномъ Агѣевымъ, и въ ихъ отношеніяхъ явно сказывалась взаимная симпатія.

— Бросьте, господа! — заговорилъ, собравшись съ силами, подполковникъ и вернулся къ прерванному разговору объ японцахъ. Обрюзгшій, съ желтыми пятнами на припухломъ лицѣ, страдающій одышкой, мучимый кашлемъ, желчный и раздражительный,—онъ храбрился передъ молодежью, напускалъ на себя воинственность, хотя въ его безпокойномъ взглядѣ и голосѣ чувствовалась внутренняя тревога и страхъ передъ будущимъ.

— Я говорю: попомните мое слово, послѣ перваго же серьезнаго боя обнаружится вся ихъ военная несостоятельность! О флотѣ ничего не скажу, я въ немъ мало понимаю, но на сушѣ — не пройдетъ и мѣсяца, какъ мы ихъ разобьемъ нà-голову!

— Правильно, полковникъ! — подхватилъ штабсъ-капитанъ.—Разобьемъ! Что бы тамъ ни говорили разные

философы и академики, а русская штыковая работа покажетъ себя! Я за свою роту головой ручаюсь!

— Ну, я съ вами, полковникъ, не совсѣмъ согласенъ,—осторожно замѣтилъ Агѣевъ:—можетъ быть, мы и разобьемъ ихъ на̀-голову, какъ вы говорите, но это будетъ не черезъ мѣсяцъ и не черезъ два...

— Вздоръ!—крикнулъ штабсъ-капитанъ, стукнувъ кулакомъ по столику.—А я вамъ говорю, черезъ мѣсяцъ мы ихъ будемъ гнать, какъ барановъ, прямо въ море!

— Грубостью и крикомъ вы своей правоты не докажете,—возразилъ Агѣевъ.

Изъ другой половины вагона появился поручикъ съ обвисшими хохлацкими усами, съ помятымъ, перепуганнымъ лицомъ.

— Простите, господа... ага! У васъ, того... горѣлка есть!—заговорилъ онъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ:—нельзя-ли мнѣ у васъ чарочку позаимствовать? Сдѣлайте божескую милость!

— Пожалуйста! Сколько угодно! Да что это съ вами?

Поручикъ сперва выпилъ подрядъ двѣ рюмки водки, а затѣмъ отвѣчалъ:

— Понимаете? Спалъ я и сонъ сейчасъ видѣлъ! Нехорошій сонъ, чортъ его знаетъ! Будто это Манчьжурія, эта самая, громадная степь, безъ конца, безъ краю! И все это, понимаете, мертвецами завалено,—какъ снопы, раскиданы люди по полю... И я самъ среди нихъ лежу! Вдругъ слышу это я: „Фоня! Фонечка! Родненькій!“—жинка меня кличетъ (Аѳанасій мое имя). Я это хочу ей откликнуться, а никакой моготы! Понимаете? Ни языка, ни голоса! Потомъ санитары явились, давай яму рыть! Вижу—табакъ мое дѣло! Опять кричать—опять ничего не выходитъ! То есть и сказать невозможно, что за мука!

— Ну и что же?—съ любопытствомъ переспросилъ подполковникъ.

— Да такъ ничего и не вышло! Спасибо доктору, что надо мной спалъ: слѣзаючи, сапогомъ въ бокъ мнѣ заѣхалъ, ну я и проснулся. А то ей-Богу бы померъ! Такая жуда, понимаете! Разрѣшите еще чарочку, полковникъ? Даже вспотѣлъ весь!

— Пожалуйста! Да... сны, знаете, иногда бываютъ разные! Моя жена передъ войной тоже сонъ видѣла нехорошій...

— А я не вѣрю! — вставилъ пѣхотный штабсъ-капитанъ. — Вздоръ всѣ эти сны! Какъ тяпнешь хорошенько водки съ вечеру, такъ и сновъ никакихъ не видишь! Правду я говорю?

— Въ сновидѣніяхъ многимъ благочестивымъ людямъ Господь волю свою предрекаетъ! Въ писаніи священномъ тому примѣры есть!—раздался сверху робкій голосъ отца Лаврентія.

— Не знаю, какъ сны, но предчувствіе — вещь неоспоримая! Въ него трудно не вѣрить! — заговорилъ капитанъ Агѣевъ.—Меня вотъ съ самаго отъѣзда мучитъ предчувствіе, ни днемъ, ни ночью не даетъ покоя! И я вѣрю въ него! Я знаю, что я не вернусь изъ Маньчжуріи!

Разговоръ оборвался. Поручикъ медленно прожовывалъ кусокъ колбасы и о чемъ-то задумался. Подполковникъ тяжело дышалъ и, казалось, прислушивался къ самому себѣ. Агѣевъ хмуро курилъ папиросу. Штабсъ-капитанъ опустилъ голову и, отвѣсивъ нижнюю губу, началъ дремать.

На сосѣднемъ диванѣ игра кончилась.

— Эхъ! Скука смертная, братцы мои! — нараспѣвъ говорилъ Тумановъ.—Господи! Ѣдемъ-ѣдемъ, и конца не видать! Очертѣлъ мнѣ этотъ вагонъ проклятый, очертѣли и карты, и деньги! Э-эхъ, теперь бы въ Москву, въ „Яръ“ закатить, да цыганъ послушать!

„Не осенній частый дождичекъ“...

затянулъ онъ теноромъ, высокимъ и чистымъ, и глу-

бокой тоской зазвучала пѣсня подъ глухой рокотъ колесъ.

Проснувшійся штабсъ-капитанъ подтянулъ басомъ и снова задремалъ.

Офицеры улеглись спать. Тумановъ замолкъ, но пѣсня, казалось, еще носилась въ душномъ воздухѣ и давила невидимой тяжестью.

Отецъ Лаврентій слѣзъ со своей вышки, уныло оглянулся, подошелъ къ окну и прильнулъ къ нему головой. Вдругъ мнѣ показалось, что онъ всхлипнулъ и пробормоталъ что-то.

— Отецъ Лаврентій! Что это вы?

Онъ повернулъ лицо, смахнулъ рукавомъ сѣрой рясы слезы и вздохнулъ.

— Тоска, дорогой мой! Плакать хочется...

— Зачѣмъ же, батя, плакать?

— Не знаю... душа болитъ, а надъ душой не воленъ человѣкъ... жаль мнѣ чего-то! Такъ жаль! Всѣхъ мнѣ жаль—и господъ офицеровъ, и васъ, и себя жаль... Несчастные мы всѣ, слабые людишки! Душа скорбитъ за всѣхъ! Отъ Бога это! И радость, и печаль душевная—все отъ Бога! Вотъ помолюсь Господу,—можетъ, и легче станетъ!.. Ахъ, тяжело мнѣ!

Минуту спустя, онъ осѣнялъ себя крестомъ и молился.

Свѣча догорѣла и погасла, и вагонъ погрузился въ полумракъ.

Я вышелъ на площадку, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Поѣздъ полнымъ ходомъ катился подъ уклонъ.

Блѣдный мѣсяцъ то выглядывалъ изъ-за разорванныхъ облаковъ, то снова прятался за ними.

Сильный и холодный вѣтеръ взмывалъ кверху снѣжныя волны, и онѣ, словно призраки въ бѣлыхъ саванахъ, налетали на площадку, съ воемъ и свистомъ

бились въ окна вагона, въ дикой пляскѣ кружились по сторонамъ и гнались за поѣздомъ...

II.

Стояла весна—необычайно колоритная, смѣющаяся весна юга.

Каждый день я отправлялся бродить по окрестностямъ Ляояна, просиживалъ часами на берегу Тай-цзы-хэ, взбирался на ближайшія сопки, заглядывалъ въ маленькія рощи, гдѣ уже распускался шиповникъ и зеленѣли старые вязы...

Однажды на берегу рѣки я встрѣтилъ капитана Агѣева. Онъ полулежалъ на пескѣ, надвинувъ на глаза фуражку, и задумчиво смотрѣлъ на рѣку, въ которой отражалось ярко-кобальтовое знойное небо. Изъ-за поворота Тай-цзы-хэ выплывали и медленно спускались по теченію двѣ джонки, нагруженныя тростникомъ, на связкахъ котораго синѣли фигуры китайцевъ.

Я подсѣлъ къ Агѣеву. Мы оба молчали. Несмотря на середину апрѣля, солнце уже сильно пропекало, располагая къ лѣни и навѣвая сонливость.

По ту сторону рѣки золотистымъ отливомъ сверкала на солнцѣ песчаная отмель, которая упиралась въ каменистыя высоты красновато-бураго цвѣта съ лиловыми тѣнями въ ущельяхъ и сѣдловинахъ. На небольшой террасѣ одного изъ крутыхъ склоновъ ярко-краснымъ пятномъ лѣпилась къ отвѣсной скалѣ крошечная кумирня съ вычурной, причудливо изогнутой крышей. За прибрежными высотами развертывалась цѣлая панорама зубчатыхъ горныхъ кряжей. Подернутые у берега глубокою синевою, они постепенно блѣднѣли, переходили въ едва уловимыя, нѣжныя очертанія и, наконецъ, сливались съ свѣтло-лазоревой далью.

Невдалекѣ отъ насъ, противъ тянувшейся вдоль берега пригородной деревушки, занятой теперь понтон-

нымъ паркомъ, съ десятокъ голыхъ солдатъ-понтонеровъ барахталось въ водѣ. Одни были заняты стиркой рубахъ, другіе плавали, ныряли и тѣшились въ холодныхъ, прозрачно-чистыхъ струяхъ Тай-цзы-хэ. Плескъ воды, хохотъ и зычные возгласы солдатъ носились надъ рѣкой и сливались со звонкими голосами полуголыхъ китайчатъ. Растрепанные, чумазые ребятишки, съ болтающимися косичками, подпрыгивая и кувыркаясь, выплясывали какой-то фантастически веселый танецъ. Съ визгомъ и смѣхомъ они набрасывались цѣлою сворой на солдатъ, обсыпали ихъ пескомъ, забрасывали комьями рѣчного ила и затѣмъ стремительно улепетывали, обдаваемые цѣлыми фонтанами водяныхъ брызгъ.

За этой сценой наблюдала съ высоты берега группа пожилыхъ китайцевъ. Гладко выбритыя головы сверкали на солнцѣ, словно смазанныя саломъ. Степенныя, изборожденныя глубокими морщинами лица, всевозможныхъ оттѣнковъ—отъ коричневаго до мѣдно-краснаго улыбались съ плутоватой добродушностью. Изрѣдка одинъ изъ нихъ вынималъ изъ зубовъ трубку, сплевывалъ, произносилъ нѣсколько словъ, остальные утвердительно покачивали головами, и снова всѣ застывали въ молчаливомъ созерцаніи.

— А знаете...—началъ тихо Агѣевъ:—хорошо было бы забраться вотъ на этакую джонку, залечь и плыть... сперва по Тай-цзы-хэ, перейти потомъ въ Ляо-хэ и выйти на широкій просторъ Ляодунскаго залива! А тамъ и Желтое море...

— Да! И японскіе крейсеры и миноносцы!

— Ну... я стараюсь о нихъ не думать... Весна, такая вокругъ благодать, и вдругъ.. хотя... теперь я уже окончательно увѣренъ, что отсюда не вернусь.

Онъ сказалъ это чрезвычайно просто и спокойно, и я не сталъ возражать.

— А у васъ *тамъ* есть кто-нибудь?

— Мать-старуха, жена и дочь... Всего два года женатъ... Дочка славная у меня, синеглазая, золотистые волосенки...

Немного помолчавъ, онъ снова заговорилъ, но уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Удивительно! Они думаютъ, что стоитъ только человѣку вадѣть мундиръ, чтобы весь его внутренній міръ и складъ тотчасъ же перемѣнился! Я вѣдь вотъ и изъ академіи нашей ушелъ изъ-за этого самаго... раздвоенія, что-ли! И какъ подумаешь иной разъ, сколько времени, труда, памяти и способности я убилъ на это проклятое ремесло! Да!.. Ну, подалъ въ запасъ, не выдержалъ! Потомъ женился на хорошей, славной дѣвушкѣ... Думалъ: вотъ теперь-то начну настоящую жизнь! Работать сталъ, переводилъ много, нѣсколько статей напечаталъ, началъ на свою настоящую дорогу пробиваться... Вдругъ—война! Четвертушка бумаги за номеромъ, и все на смарку! И, главное, куда я гожусь? Какую я здѣсь могу пользу принести?!

Онъ передернулъ плечами и закурилъ.

— Командиръ у насъ, полковникъ Свѣтловъ, хорошій, чуткій человѣкъ; его всѣ офицеры, какъ отца родного любятъ... третьяго дня какъ-то говоритъ мнѣ: „а я на васъ, Петръ Петровичъ, особенно не надѣюсь! Такъ вы это и знайте, и на меня, старика, не обижайтесь!“ А чего мнѣ обижаться? Я не трусъ, въ этомъ меня никто не можетъ заподозрить... А вотъ есть у насъ поручикъ Дорнъ, съ рыжими усами... помните, я васъ познакомилъ на станціи? Это—настоящій солдатъ! На него можно положиться! Для него, кромѣ военнаго ремесла, ничего не существуетъ! Онъ и куртку солдатскую носитъ, и шинель солдатскаго сукна, ругается, какъ фейерверкеръ, спитъ на голой землѣ... Когда выпьетъ основательно и придетъ къ своему взводу, такъ тамъ не знаютъ, куда и посадить его! Грубъ, суровъ по

службѣ, а любятъ его, пожалуй, не меньше, чѣмъ командира, если только не больше! Ну, а меня за глаза „барышней“ называютъ! Самъ слыхалъ...

Агѣевъ усмѣхнулся и швырнулъ окурокъ.

— Хоть бы поскорѣе началось все это! Бездѣйствіе только хуже изводитъ! Сегодня я слышалъ, что японцы произвели высадку у Дагушаня... Я отчасти сочувствую Дорну. Онъ теперь просто бѣснуется, всякія ложныя тревоги изобрѣтаетъ, все дождаться не можетъ!

Я всталъ и простился.

— Заходите ко мнѣ на батарею, а то тоска смертная!— крикнулъ мнѣ вслѣдъ Агѣевъ.

Отъ рѣки тянулась песчаная дорога вплоть до сѣрой городской стѣны, увѣнчанной по угламъ небольшими башнями. У восточныхъ воротъ я долженъ былъ остановиться: проходъ былъ запруженъ китайцами. Они толпились вокругъ распростертаго на каменныхъ плитахъ старика, лицо котораго было прикрыто грязной тряпицей. Струйка густой, темной крови выбивалась изъ-подъ головы. Среди толпы покачивался въ сѣдлѣ пьяный казакъ. Онъ мутными глазами смотрѣлъ на распластаннаго китайца и хрипло выкрикивалъ:

— Ну, ладно! Чаво тамъ! Эй, хòдя! Вставай, что-ли! Вставай, говорю! Чаво развалился?

Толпа сумрачно посматривала на казака и угрюмо молчала.

— Что тутъ такое? Раздавилъ ты его?

— Чаво раздавилъ?! — вызывающе огрызнулся казакъ, взмахнувъ нагайкой.—Коли пòдъ лошадь полѣзешь, и тебя раздавлю... Раздавилъ... тожа!..

— Да ты пьянъ, въ сѣдлѣ не держишься?

— А ты что за начальство? Тебѣ какое дѣло? Эй, ы, косоглазые! Цуба! Р-разступись!

Китайцы прижались къ стѣнѣ, казакъ далъ шпоры

лошади, хлестнулъ кого-то по плечамъ и ускакалъ, поднявъ цѣлое облако пыли.

Я нагнулся надъ старикомъ и убѣдился, что онъ былъ мертвъ.

— Кантроми!—проговорилъ кто-то около меня.—Пушангоо *) люссака капитана, цхау **)!

Когда я добрался до главной улицы города, тяжелое впечатлѣніе, произведенное сценою у воротъ, нѣсколько ослабѣло подъ вліяніемъ кипучей дѣятельности и чисто восточной пестроты красокъ въ этомъ водоворотѣ китайской городской жизни.

Съ перваго же дня пребыванія въ Ляоянѣ я сталъ съ любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ приглядываться къ сынамъ Небесной Имперіи и впитывать въ память развертывавшуюся предо мною симфонію звуковъ и красокъ.

Въ складахъ шелковыхъ тканей и одежды я подолгу съ восхищеніемъ разсматривалъ расшитыя золотомъ и разноцвѣтными шелками дорогія женскія „курмы“ и мандаринскіе халаты. И здѣсь, среди удивительнаго подбора и гармоніи красокъ, среди сказочныхъ птицъ, причудливыхъ грифоновъ и драконовъ, фантастическихъ цвѣтовъ, легендарныхъ боговъ и героевъ—я попадалъ въ новый для меня міръ восточнаго искусства, столь же загадочный и своеобразный для европейца, какъ и все многовѣковое прошлое создавшаго его народа.

Тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, грязная и закоптѣлая фанза-кузница издавала грохотъ и звонъ, выбрасывала цѣлые фейерверки искръ и клубы чернаго, ѣдкаго дыма, въ которомъ мелькали полуобнаженны темнокоричневыя тѣла кузнецовъ. Здѣсь я не разъ любовался мускулистой, словно отлитой изъ темной бронзы, фигурой молотобойца, стоявшаго на возвышеніи.

*) Нехорошо.

**) Бранное слово.

Передъ каждымъ ударомъ онъ заносилъ надъ головою молотъ и звонкимъ голосомъ выводилъ мелодичную руладу:

„Хо-о-на-инн-два-на-инна-хо-о-ла!“

и съ послѣднимъ звукомъ напѣва опускалъ на наковальню тяжелый молотъ.

Я останавливался передъ народными кухнями, гдѣ, подъ навѣсомъ изъ цыновокъ, старые китайцы и китаянки, пропитанные запахомъ кунжутнаго и бобоваго масла, не выпуская изъ зубовъ неизбѣжной трубки, пекли блины, лепешки, варили пельмени или кашу изъ чумидзы. Эта незатѣйливая снѣдь покупалась за гроши и тутъ же поѣдалась проходившими мимо кули, торговцами или ребятишками.

Чѣмъ-то сказочнымъ и чудеснымъ вѣяло отъ своеобразной обстановки китайскихъ аптекъ, гдѣ на стѣнахъ красовались черепа всевозможныхъ животныхъ, чучела птицъ и пресмыкающихся, пучки сухихъ травъ и цвѣтовъ, таблицы съ узорчатыми разводами и іероглифами; и старый, сухой какъ щепка, китаецъ, съ сѣдой клинообразной бородой и громадными очками на носу—казался магомъ и чародѣемъ, воскресшимъ героемъ древнихъ сказаній Востока.

Вдоль улицы тянулись торговцы дешевой обувью, поясами и лентами, продавцы европейскихъ бутылокъ, очень цѣнимыхъ китайцами, старыхъ заржавленныхъ гвоздей, гаекъ и пуговицъ; продавцы сладкаго тѣста скрипѣли своими тачками и на всю улицу кричали речитативомъ о сладкомъ и вкусномъ „чи-га-о“.

Почти на каждомъ перекресткѣ и у внутреннихъ воротъ красовались подвижныя панорамы, а ихъ антрепренеры неистово колотили въ мѣдные тимпаны и зазывали прохожихъ. За нѣсколько мѣдныхъ „чохъ“ зритель получалъ удовольствіе въ видѣ цѣлой серіи раскрашенныхъ картинъ англійскаго или нѣмецкаго производ-

ства: сраженіе китайцевъ съ японцами, старый мандаринъ, съ сѣкирой въ рукахъ, застающій на мѣстѣ преступленія невѣрную супругу, портретъ короля Эдуарда въ мантіи и регаліяхъ, смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ, а въ заключеніе — изображеніе „красавицы", подъ которымъ виднѣется предательская надпись: „Саатчи и Мангуби. 10 шт. 5 коп"...—таковъ, въ большинствѣ случаевъ, репертуаръ панорамъ. Тутъ же, неподалеку отъ цырюльниковъ, брѣющихъ головы, заплетающихъ косы, располагался бродячій лѣкарь, окруженный цѣлой выставкой самыхъ разнообразныхъ снадобій. Съ ужимками фокусника этотъ плутоватый краснобай разсказывалъ толпившимся вокругъ старикамъ и женщинамъ невѣроятныя исторіи о своей практикѣ и чудесномъ дѣйствіи лѣкарствъ. Когда же ему удавалось убѣдить кого-либо, онъ, недолго думая, схватывалъ какой-то бурый пластырь, бормоталъ заклинаніе, плевалъ на пластырь и ловкимъ и звонкимъ шлепкомъ налѣплялъ его на довѣрчиво подставленный, лоснящійся лобъ „паціента"...

Пыль и жажда заставили меня завернуть въ одинъ изъ многочисленныхъ „европейскихъ" ресторановъ и спросить себѣ освѣжающаго японскаго „танзана".

Кабакъ былъ переполненъ офицерами. Обливаясь потомъ, они сидѣли за столиками, не снимая безобразно-неуклюжихъ „устрашающихъ" папахъ, и пили водку, вино и пиво. Смуглый, черноглазый мальчуганъ отчаянно пилилъ на дешевой скрипкѣ, а рыжеволосая, грязно одѣтая женщина съ наглымъ лицомъ, аккомпанировавшая на арфѣ, рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, отчаянно фальшивя, пѣла:

„Мнѣ велѣла мамушка въ Манчжуріи жить!
Русскихъ офицеровъ пьяныхъ веселить!
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла-ла-ла"...

— Браво-о! Жарь! Весели русскихъ офицеровъ! — одобрительно выкрикивали послѣдніе, прибавляя гру-

бое „матерное“ ругательство, и пьяными голосами подтягивали рыжеволосой пѣвицѣ. Въ маленькія окна кабака заглядывали проходившіе мимо китайцы. Они съ любопытствомъ смотрѣли на пьянствовавшихъ офицеровъ и обмѣнивались короткими фразами.

Когда я выходилъ изъ ресторана, одинъ изъ китайцевъ заглянулъ мнѣ въ лицо и, оскаливъ великолѣпные зубы, сказалъ съ усмѣшкой: „Шанго *), капитана! Мадама иглай-иглай, ханшинъ **) многа-многа, ахъ, шибка шанго!“ Но эти одобрительныя слова китайца звучали, какъ мнѣ показалось, глубокой ироніей, и въ самой улыбкѣ говорившаго сквозила тонкая насмѣшливость и сарказмъ. Я ничего не отвѣтилъ и поспѣшилъ смѣшаться съ толпой.

День приходилъ къ концу, и уличная жизнь стала замѣтно затихать. Китайцы, начинающіе и заканчивающіе трудовой день по солнцу, запирали лавки, убирали лотки и столики и снимали вывѣски. По улицѣ прохаживались вооруженные тростями ночные полицейскіе въ черныхъ кафтанахъ съ красными каймами и іероглифами на груди.

Изъ буддійскаго монастыря, расположеннаго за городскими стѣнами, донесся мелодичный, своеобразно звучавшій звонъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ бонзъ. Пыль улеглась, повѣяло тишиной и прохладой. Западъ, охваченный заревомъ заката, тлѣлъ и дымился, словно исполинскій догорающій костеръ, а на востокѣ отраженіе этого зарева подернуло золотистымъ багрянцемъ зубчатыя вершины горъ, подошвы и ущелья которыхъ уже стали окутываться синевато-лиловою дымкой.

Такъ называемый „русскій поселокъ“, тянувшійся между китайскимъ городомъ и расположеніемъ глав-

*) Шанго—хорошо.

**) Ханшинъ—китайская водка.

ной квартиры, начинался цѣлымъ рядомъ публичныхъ домовъ. Днемъ окна и двери этихъ, сооруженныхъ на европейскій ладъ, глинобитныхъ домиковъ, были закрыты, и на каждомъ изъ нихъ виднѣлась доска съ надписью: „Нижнимъ чинамъ входъ воспрещается“. Мертвые днемъ, эти домики оживали съ наступленіемъ вечера. Ставни раскрывались, въ окнахъ свѣтились огни, и изнутри доносились голоса и пьяныя пѣсни, а у входа собирались дженерикши съ зажженными фонариками. Поздней ночью эта мѣстность оглашалась криками и бранью „гостей“, которые перекочевывали изъ одного заведенія въ другое, били спьяна дженерикшъ, затѣивали скандалы между собою, съ проходившими мимо, а иногда набрасывались съ оружіемъ въ рукахъ на какого-нибудь случайно подвернувшагося „шпака“, какъ называютъ военные каждаго штатскаго. Я прибавилъ шагу, чтобы поскорѣе миновать этотъ злополучный участокъ „русскихъ владѣній.“ Еще издали я завидѣлъ смѣшанную толпу офицеровъ, солдатъ и китайцевъ, собравшуюся передъ однимъ изъ публичныхъ домовъ. На улицѣ, противъ заведенія, стоялъ запряженный парою тарантасъ полиціймейстера.

Въ толпѣ шелъ сдержанный говоръ.

— Самъ командующій, слышь, пріѣдетъ!

— Ну, тоже, чево тамъ—командующій? За лазаретной линейкой послали!

— А какой генералъ-то? Пѣхотнай?..

— Молчи, чортъ! Вишь, господа офицеры!

Изъ домика вышелъ казачій офицеръ съ полупьянымъ лицомъ. Папаха была безшабашно сдвинута на самый затылокъ и ухарски приплющена спереди. Шашка безобразно болталась на животѣ, и вся фигура казака, растатанная и безалаберная, какъ-то не вязалась съ интеллигентнымъ, довольно красивымъ лицомъ. Это былъ одинъ изъ „прикомандированныхъ“ къ главной

квартирѣ, переведшійся изъ гвардіи въ казаки, „свѣтлѣйшій“ князь Тринкензейнъ, котораго я зналъ по Петербургу.

— Князь! Скажите, что тутъ случилось?

— А-а! Здрасте! Вонъ суаръ! Случилась презабавная истуаръ! Погибъ геройской смертью одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ! Женераль Фокинъ!

— Какъ это погибъ? Ничего не понимаю...

— Очень просто! Получилъ бригаду! Завтра долженъ былъ отправляться на позицію... Представился начальству и завернулъ сюда, въ номеръ пятый: выбралъ себѣ блондиночку и потребовалъ на всю компанію полдюжины Редерера... Ну, хватилъ, можетъ быть, лишнее,—а потомъ перешелъ на самую клубнику... Ну... первый разъ—благополучно... старикъ расходился... передъ отправленіемъ на позиціи! Это, конечно, понятно... а на второмъ—фюить! Маленькій кондрашка и—готово! Вотъ тебѣ и бригаду получилъ! Ха-ха-ха!! Но что всего забавнѣе — это то, что эта самая Молли, англичанка, не могла никакъ выбраться! Такъ и застылъ старикъ на ней! Ха-ха-ха!!. Насилу расцѣпили!.. Теперь ротмистръ Кандауровъ составляетъ актъ для командующаго... Н-да! Перехватилъ покойникъ... А жаль! Хорошо, подлецъ, анекдоты разсказывалъ!

Я простился съ княземъ и двинулся дальше. По пути мнѣ попался фургонъ Краснаго Креста и группа верховыхъ, спѣшившихъ къ мѣсту происшествія.

Старое кладбище, гдѣ подъ сѣнью ивъ и вязовъ покоились былые правители края, переименованное предпріимчивымъ грекомъ въ „городской садъ“, было полно оживленія. Толпа военныхъ въ мундирахъ, кителяхъ, рубахахъ „хаки“, въ папахахъ и фуражкахъ съ веселымъ говоромъ двигалась по недавно проложеннымъ дорожкамъ. Отдѣльныя группы занимали столики, раскиданные по саду около надгробныхъ плитъ съ еще сохранившимися іероглифами. Въ ярко освѣщенномъ

буфетѣ слышалась перебранка. Наскоро сколоченный изъ досокъ кегельбанъ грохоталъ шарами. У самаго основанія древней корейской башни Байтасы, въ полузакрытомъ павильонѣ шло представленіе кинематографа. Тутъ собрались многіе представители „штабной аристократіи“ и проститутки—англичанки, американки, — цѣлой стаей слетѣвшіяся со всѣхъ сторонъ на театръ войны. Въ репертуарѣ кинематографа преобладали игривыя картины, изъ которыхъ наиболѣе безстыдныя вызывали одобрительное ржаніе кавалеровъ и визгливый смѣхъ дамъ. Многія изъ этихъ „дамъ“, въ претенціозныхъ шляпахъ и крикливыхъ платьяхъ, сидѣли въ бесѣдкахъ и пили шампанское, окруженныя всевозможными адъютантами, ординарцами и „состоящими“ при чемъ-либо офицерами.

Дамы надтреснутыми, осипшими отъ пьянства голосами, на коверканномъ русскомъ языкѣ хвастливо повѣствовали о своихъ прежнихъ побѣдахъ и похожденіяхъ. Кавалеры щеголяли знаніемъ французскихъ фразъ, дешевымъ остроуміемъ и сальными анекдотами.

Было шумно, весело и пьяно.

А когда заигралъ оркестръ и понеслись мягкіе звуки „Гейши“, подхваченные нѣсколькими голосами,—старое кладбище превратилось въ увеселительный садъ провинціальнаго русскаго города въ мирное время. Только башня Байтасы, съ изваяніями боговъ въ глубокихъ нишахъ, мрачно поднимаясь надъ кладбищемъ, нарушала мирную картину разгула и стремилась въ высь, гдѣ лунный отблескъ нѣжно ласкалъ позолоченный шаръ, вѣнчавшій вершину этой древней и величавой гробницы.

Я съ трудомъ разыскалъ маленькій столикъ, за которымъ уже сидѣли два офицера, но оставалось еще одно мѣсто. Одинъ изъ офицеровъ былъ стрѣлковый капитанъ съ длинными сѣдыми усами; другой—подполковникъ, тоже стрѣлокъ, толстый, обрюзгшій. Оба они были навеселѣ. Капитанъ говорилъ, жестикулировалъ

и горячился, а подполковникъ слушалъ, молча кивалъ головой и прихлебывалъ красное вино.

Впереди, въ трехъ шагахъ, нѣсколько маленькихъ столиковъ было составлено въ одинъ длинный столъ; за нимъ сидѣла многочисленная компанія съ пожилымъ, краснымъ какъ ракъ, гвардейскимъ полковникомъ барономъ Габеномъ во главѣ. Столъ этотъ, накрывавшійся ежедневно, былъ извѣстенъ подъ именемъ „мертвецкаго“, а члены компаніи назывались „покойниками“, ибо почти каждодневно напивались „до положенія ризъ“.

— И вотъ... одиннадцатый годъ—и никакого движенія!—говорилъ капитанъ подполковнику.

— Все капитанъ! Понимаешь?—Вѣчный капитанъ! Кремневъ, Засѣкинъ, ты самъ—давно подполковники, баталіонами командуете... да! А я—капитанъ! Смотри—вѣдь я скоро старикъ, сѣдой усъ... а хочешь знать, почему? хочешь?..—Потому что я—полякъ! Да! Только потому...

— Ну что-жъ, Витька... что-жъ дѣлать...

— Га! Чортъ забери! Полякъ!.. Да, я полякъ!—Капитанъ еще больше воодушевился и стукнулъ кулакомъ по столу.

— И я докажу это! Насъ, поляковъ, первыхъ собрали отовсюду и двинули впередъ... Въ первую голову... Я это хорошо понимаю: пушечное мясо и высшія соображенія! Да! Но мы покажемъ, что мы съ честью носимъ мундиръ! Ты... ты помнишь моего Стася?...

— Мм... да-да, Стася?.. помню!..

— Такъ онъ меня провожалъ до Харбина, и я на прощанье ему сказалъ: помни, Стасикъ, мои слова... говорю: люби мать, люби родной языкъ и свою вѣру! А я пойду умирать! И умру, чортъ возьми! И Стась мой тоже умретъ, если надо будетъ! Да! Но... все-таки, чортъ возьми, я полякъ! Га! Я знаю, что они думаютъ

о насъ! Знаю! Измѣнниками считаютъ! А вся эта сволочь... эти дармоѣды, подлипалы и гвардейскіе франты...

— Витька!.. Замолчи, я тебѣ говорю... что-жъ дѣлать... Давай выпьемъ!

— Выпьемъ!

За „мертвецкимъ“ столомъ громче всѣхъ ораторствовалъ полковникъ генеральнаго штаба Налимовъ, знаменитый, уже сильно пожившій „левъ“, спортсменъ и знатокъ женщинъ.

— Вздогъ и чепуха! Вы всѣ ничего не знаете! Японцы! Что такое японцы? Выскочки и больше ничего! Одно хогошее сгаженіе, и finita la comedia! Я пгобылъ два года въ Сасебо! Зато японки?! Паслюшьте, багонъ! Я вамъ гаскажю замѣчательную авантюгу съ японкой!

Въ эту минуту къ столу подошелъ свѣтлѣйшій князь Тринкензейнъ.

— Господа! Сногсшибательная новость! Но сперва—шампанскаго! Надо достойнымъ, чортъ возьми, образомъ помянуть покойника. Бой! Че-о-экъ! Пст!..

Появилось шампанское, хлопнула пробка, и свѣтлѣйшій началъ разсказывать. Оркестръ заглушалъ его слова, и только одобрительный хохотъ компаніи доказывалъ, что его слушали со вниманіемъ.

— Глупая привычка умирать такимъ образомъ!—„съострилъ“ кто-то и расхохотался.

— Но Молли? Молли? Чортъ возьми! Это любопытно!

— Князь! Почему вы ее не притащили сюда?

Когда оркестръ умолкъ, захмѣлѣвшая компанія потребовала къ себѣ капельмейстера.

Ему предложили шампанское, которое онъ, подобострастно чокнувшись со всѣми, выпилъ.

— Паслюшьте,—обратился къ нему Налимовъ,—вы знаете этотъ магшъ: тгам-тгам-тагага-га-гамъ! тгамъ!..

— Это... это маршъ Дювернуа, господинъ полковникъ.

— Вотъ именно, Дювегнуа! Такъ вы пажалста сыггайте его намъ...

— Но это похоронный маршъ...

— Да-да! Похогонный магшъ! Вотъ именно... пажалста!

— Не могу, виноватъ! Похоронный маршъ... неудобно-съ.

— Что? что такое? Когда я тгебую, значитъ—удобно! Багонъ! Скажите ему пажалста!

— Я съ нимъ поговорю!—вмѣшался свѣтлѣйшій князь. — Послушайте вы, господинъ капельдуткинъ! Потрудитесь немедленно сыграть похоронный маршъ! Поняли?..

— Но, князь...

— Молчать! Я вамъ не „князь", а „ваша свѣтлость"! Поняли? А если нѣтъ, такъ убирайтесь ко всѣмъ чертямъ! Я самъ буду дирижировать!

Капельмейстеръ растерянно оглянулъ всю компанію и, неловко откозырявъ, отошелъ.

— Че-о-экъ! Бой! Двѣ бутылки водки и порцію шашлыку—въ оркестръ! Живо!

„Свѣтлѣйшій" всталъ и, въ сопровожденіи казачьяго офицера, у котораго на элегантномъ мундирѣ красовался значокъ пажескаго корпуса, направился къ оркестру.

Вскорѣ у стола снова появился капельмейстеръ.

— Господинъ полковникъ,—обратился онъ къ барону Габену,—будьте столь великодушны... войдите въ мое положеніе! Я человѣкъ маленькій... у меня семья и дѣти... вѣдь можетъ случиться...

— Паслюшьте, мой дгугъ! Я вамъ сегьезно совѣтую... уходите вы изъ сада!

— Убирайтесь вы къ...—прибавилъ кто-то изъ компаніи.

Баронъ только махнулъ рукой.

Капельмейстеръ исчезъ, а нѣсколько времени спустя раздались звуки похороннаго марша.

Я расплатился и пошелъ къ выходу. Не успѣлъ я дойти до калитки, какъ позади меня послышались крики: маршъ замолкъ, а въ саду происходилъ скандалъ, и изъ общаго гама выдѣлялся голосъ Тринкензейна: „Молчать! Я вамъ не князь! Я свѣтлѣйшій!“

Гулявшіе по дорожкамъ офицеры, чиновники полевого телеграфа, проститутки—всѣ спѣшили къ мѣсту скандала.

Я медленно брелъ домой по русскому поселку. Убогіе номера наскоро сколоченныхъ гостинницъ были переполнены проститутками, и самыя гостинницы превратились въ публичные дома съ ресторанами.

Съ трудомъ, послѣ долгихъ исканій, я нашелъ свободную комнатку въ „кавказской столовой“, посѣщаемой преимущественно солдатами, мелкими подрядчиками и всевозможными темными личностями кавказскаго типа. Эти господа, обвѣшанные оружіемъ, съ воинственнымъ видомъ называли себя добровольцами, но, въ ожиданіи предстоящихъ подвиговъ, занимались перепродажей лошадей, сводничествомъ, мелкими поставками, содержали игорные притоны и исполняли какія-то таинственныя порученія главнаго поставщика мяса въ армію, знаменитаго авантюриста Громилова.

Миновавъ шумные и переполненные народомъ гостинницы и рестораны, бросавшіе на темную улицу яркія полосы свѣта, я дошелъ до конца улицы и постучалъ въ запертыя двери столовой.

Въ это время я услышалъ странные звуки: они раздавались со стороны китайскаго города и медленно приближались. Казалось, на десяткахъ барабановъ выколачивали мѣрную, неторопливую дробь. Это былъ сплошной, безпрерывный рокотъ, въ которомъ чуялось что-то мрачное и тревожное

Словно шествіе на казнь! — подумалъ я невольно, и мнѣ вдругъ стало жутко.

Странный рокотъ медленно приближался, и вмѣстѣ съ нимъ стали выдѣляться новые, протяжные и неясные звуки.

Хозяинъ столовой, старый грузинъ, открылъ дверь, выглянулъ на улицу и тоже сталъ прислушиваться.

Я прошелъ немного впередъ и остановился.

Изъ полумрака, въ которомъ какъ бы таялъ прозрачною дымкою лунный свѣтъ, медленно выдвигалось длинное, казавшееся безконечнымъ, шествіе. Съ глухимъ рокотомъ катились десятки двуколокъ. Тащившіе ихъ лошади и мулы едва передвигали ноги, а двуколки уныло и однообразно громыхали тяжелыми колесами по твердой дорогѣ. Темные силуэты неподвижныхъ возчицъ казались безжизненными куклами. Гдѣ-то изъ темной глубины двуколки несся жалобный, высокій вначалѣ и понижавшійся къ концу, протяжный, постоянно повторявшійся звукъ „а-а!!“

Во главѣ шествія медленно двигался всадникъ на бѣлой лошади. Высокая, тонкая фигура, съ приподнятыми плечами, равномѣрно покачивалась взадъ и впередъ, протянутыя руки неподвижно покоились на гривѣ лошади. Голова всадника, забинтованная словно бѣлый шаръ, съ отверстіемъ для рта, наклонялась вмѣстѣ съ туловищемъ, и было что-то трагическое въ этомъ мѣрномъ покачиваніи и во всей этой высокой фигурѣ съ бѣлымъ шаромъ на плечахъ, казавшейся воплощеніемъ ужаса, страшнымъ предводителемъ медленнаго, неумолимо-рокочущаго шествія.

Грохотъ смолкъ; шествіе остановилось.

Жалобный стонъ звучалъ теперь еще явственнѣе и какъ будто плылъ въ ночномъ воздухѣ.

Я подошелъ къ одной изъ двуколокъ.

Въ ней смутно обрисовывались втиснутыя въ нее

сѣроватыя фигуры, и что-то бѣлѣло. Пахло кровью и чѣмъ-то острымъ и кислымъ.

— Что это? Откуда?—спросилъ я у возницы.

Тотъ медленно повернулся ко мнѣ и отвѣтилъ усталымъ, равнодушнымъ голосомъ:

— Тиринченскіе.

— Много?

— Мно-ога: двуколокъ коло сотни.

Помолчавъ, солдатъ самъ заговорилъ:

— А что, вашбродіе... нѣтъ-ли табачку у вашей милости—смерть курить охота!

Я далъ ему папиросъ. Онъ закурилъ и замѣтно пріободрился.

— Во спасибо! А то просто... Господи! Пустое дѣло—десять сутокъ полземъ! Скрозь перявалы да кручи, чтобъ имъ... Кольки ихъ дорогой перемерло! И сейчасъ у меня одинъ, надо быть, померъ. Все воды просилъ,—пить ему, вишь, хотѣлось. А гдѣ ей взять, той воды, коли нѣту? А какъ къ Ляваяну стали подходить, не сталъ просить, притихъ совсѣмъ... не иначе—померъ. Хошь-бы до мѣста какого дойти! Сказывали, быдто до самаго Мукдина идти будемъ... Этакимъ манеромъ вси перемруть!

Звякнули переднія двуколки, шествіе снова тронулось и зарокотало, и всадникъ съ бѣлымъ шаромъ на плечахъ опять мѣрно закачался взадъ и впередъ на бѣломъ конѣ.

Долго, въ тяжеломъ раздумьѣ, смотрѣлъ я вслѣдъ удалявшемуся шествію и прислушивался къ постепенно замиравшему рокоту, и еще долго чудилась мнѣ озаренная лунымъ свѣтомъ высокая черная фигура, съ бѣлымъ шаромъ вмѣсто головы, на бѣломъ, величаво-медленно выступавшемъ конѣ...

Это были первыя, встрѣченныя мною жертвы, это было первое, пахнувшее на меня дыханіе войны.

Вдругъ ночная тишина всколыхнулась отъ рѣзкаго дребезжащаго звука.

Со стороны стараго кладбища подъ Байтасы донесся зажигательный, задорный мотивъ мазурки изъ „Жизни за Царя“.

Я бросился домой и заперся въ своей конурѣ. Во мнѣ бушевала кровь, горѣло лицо, и въ груди становилось тѣсно и душно.

Въ хозяйскомъ помѣщеніи позвякивала мѣдь, и отъ поры до времени пощелкивали счеты.

Изъ-за тонкой досчатой перегородки слышался сдавленный шопотъ, полупьяный смѣхъ и визгъ женщины. Зазвенѣлъ опрокинутый стаканъ, скрипнула кровать...

Долго не спалъ я въ эту ночь, сидѣлъ въ темнотѣ и сжигалъ папиросу за папиросой. Я испытывалъ новыя, невѣдомыя дотолѣ ощущенія, въ головѣ бродили и вертѣлись никогда не приходившія мысли, и въ воображеніи мелькали новые образы.

И не разъ мнѣ хотѣлось выбѣжать вонъ и крикнуть громко, во весь голосъ: „слушайте! Да что же это такое?!“

И когда, задыхаясь отъ волненія, я вскочилъ и распахнулъ окно,—и въ фанзѣ, и на улицѣ было мертвенно тихо. Изрѣдка долетали только бархатистые перекаты трубы и серебристая трель корнетъ-а-пистона. Въ окно глядѣла молчаливая и влажная южная ночь, глядѣла загадочно и тревожно.

III.

Какъ мимолетная греза, промелькнула короткая весна юга, полная красокъ, аромата и нѣги.

Настали лѣтніе дни — ослѣпительно солнечные и знойные. Задулъ съ юга тайфунъ, и отъ его горячаго дыханія замирала жизнь и изнемогали люди. Громадная площадь, гдѣ раскинулась главная квартира, ка-

залась пустыней, и по ней кружились, вздымаясь кверху и застилая солнце, цѣлыя тучи желтоватой пыли.

Подходили воинскіе поѣзда, переполненные живымъ грузомъ. Солдаты вылѣзали изъ тѣсныхъ и душныхъ клѣтокъ, навьючивали на себя аммуницію, мѣшки и сумки и затѣмъ куда-то уходили и исчезали въ желтомъ ураганѣ.

Когда же наступалъ вечеръ, ласкавшій свѣжестью и влагой, снова воскресала жизнь, закипала дѣятельность, и со всѣхъ сторонъ выползали люди. Въ походныхъ и полевыхъ канцеляріяхъ и управленіяхъ, на телеграфѣ, на станціи, въ ресторанахъ—повсюду зажигались огни, а на старомъ кладбищѣ вокругъ Байтасы снова гремѣлъ оркестръ.

Прибытіе раненыхъ изъ-подъ Тюренчена и разсказы участниковъ этого перваго сухопутнаго сраженія какъ будто смутили нѣсколько обитателей главной квартиры. Кровь, изуродованные люди, нѣсколько труповъ служили иллюстраціей къ разсказамъ и произвели угнетающее впечатлѣніе. Даже завсегдатаи „мертвецкаго стола“ и толстой американки миссъ Ноодъ, водворившейся въ главной квартирѣ съ двумя „племянницами“—и тѣ, казалось, немного притихли. Но это не долго продолжалось. Скоро была найдена необходимая въ такихъ случаяхъ формула для перехода „къ очереднымъ дѣламъ“. Всѣ согласились, что Тюренченскій бой—катастрофа, несчастная случайность, отъ которой никто въ мірѣ не обезпеченъ, и она еще ничего не доказываетъ. И такъ какъ эта „истина“ никого ни къ чему не обязывала, то скоро жизнь въ главной квартирѣ потекла по прежнему руслу. Къ тому же среди прибывшихъ въ армію почетныхъ гостей находилось одно очень высокопоставленное лицо съ соотвѣтствующею свитою, бывшее поводомъ для всевозможныхъ развлеченій. которыя потомъ служили темою для досу-

жихъ разговоровъ. Происходили грандіозные кутежи, на которыхъ, дѣйствительно, „рѣкой лилось“ шампанское, а участники этихъ попоекъ соперничали по части „вмѣстимости“... Устраивались оргіи, извѣстныя подъ именемъ „аѳинскихъ вечеровъ“, съ участіемъ американокъ и соотечественницъ, пріѣхавшихъ „искать счастья“ подъ цѣломудреннымъ видомъ сестеръ милосердія... Иногда эти оргіи оканчивались не совсѣмъ „благополучно“, и тогда ходили толки о пощечинахъ, о нелѣпыхъ выстрѣлахъ... Все это считалось въ порядкѣ вещей и никого особенно не интересовало.

— Гдѣ же и пожить, чортъ возьми, какъ не на войнѣ! — восклицали многіе и жили „во всю“. Въ буфетахъ и кабакахъ были громадные запасы всевозможныхъ напитковъ; съ сѣвера прибылъ вагонъ со льдомъ. Ящики съ шампанскимъ доставлялись явно и тайно со всѣхъ сторонъ—въ боевыхъ транспортахъ, съ грузомъ Краснаго Креста, на паровозахъ... Какъ было не „жить во всю“? Деньги,—а ихъ было не мало у большинства и очень много у нѣкоторыхъ, — потеряли половину своей цѣнности... Онѣ легко доставались, такъ же легко тратились и переходили изъ рукъ въ руки, совершая большое путешествіе, и, въ концѣ концовъ, попадали въ карманы жадныхъ грековъ, и заносились на текущіе счета миссъ Ноодъ и ея „племянницъ“ въ мѣстномъ отдѣленіи китайскаго банка.

Наконецъ, при главной квартирѣ находилось не мало иностранцевъ—французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и американскихъ офицеровъ, передъ которыми надо было показать въ натуральную величину всю „широкую русскую натуру“.

И ее показывали почти каждый день.

Господа иностранцы пили очень мало въ такихъ случаяхъ и больше приглядывались и прислушивались... Но зато они такъ широко улыбались, такъ охотно и мило чокались, говорили такія пріятныя

слова, что широкія русскія натуры умилялись иногда до слезъ, и тогда произносились тосты „во славу русскаго оружія“, патріотическія рѣчи, чередовавшіяся съ напѣваніемъ гимновъ всѣхъ національностей, всѣ оказывались давними и искренними друзьями, а японцы—единственнымъ общимъ врагомъ, и никто уже не сомнѣвался, что этотъ дерзкій врагъ будетъ разбитъ на голову и уничтоженъ.

Такъ проходили дни, и каждый день казался веселымъ праздникомъ. Только въ маленькихъ сѣрыхъ домикахъ, гдѣ помѣщались всѣ отдѣлы главной квартиры, гдѣ былъ главный двигатель огромнаго и сложнаго механизма дѣйствующей арміи, мелькали серьезныя лица съ выраженіемъ скрытой тайны и всевѣдѣнія, щелкали ремингтоны, изготовлявшіе донесенія въ Россію, и копошились десятки ворчливыхъ, откормленныхъ писарей среди великаго множества отношеній, рапортовъ, циркуляровъ, запросовъ и прочихъ элементовъ бумажнаго производства. Этотъ громадный храмъ канцелярщины, казалось, былъ совершенно отрѣзанъ отъ окружающей живой дѣйствительности; въ немъ царили особые обычаи, своеобразные законы мышленія и логики, въ немъ съ явнымъ недовѣріемъ и подозрѣніемъ относились ко всякому пришельцу, который, перешагнувъ порогъ храма, сразу терялся, утрачивалъ даръ живого слова и ясность мысли, обезличивался и превращался въ невѣжду.

Между тѣмъ съ юга приходили тревожныя вѣсти.

Бой подъ Тюренченомъ упрочилъ положеніе непріятеля на рѣкѣ Ялу и открылъ ему путь для наступленія къ Ляояну.

Однажды поѣздъ, отправившійся изъ Ляояна на югъ, вернулся обратно: сообщеніе съ Артуромъ было прервано, а спустя два дня пришло извѣстіе, что подъ Пуландяномъ японцы взорвали мостъ.

Прошло недѣли двѣ, и новыя вѣсти всколыхнули

главную квартиру: распространился слухъ, что непріятельская кавалерія показалась уже подъ Вафандяномъ, и что у Киньчжоу идетъ бой.

Желѣзнодорожная станція Ляояна съ утра до вечера была запружена военнымъ людомъ. Всѣ стекались сюда, чтобы узнать поскорѣе новости, подѣлиться мыслями и провѣрить слухи. Въ станціонномъ буфетѣ засѣдали присяжные ораторы и авторитеты,—баронъ Габенъ и Налимовъ со своими пріятелями,—и обсуждали событія. Когда стало извѣстно, что Киньчжоускія позиціи заняты японцами, а мы понесли большія потери, баронъ Габенъ успокаивалъ встревоженную молодежь.

— Ахъ, Dummheiten! Пустяки! Повѣрьте мнѣ, господа! Во всѣхъ войнахъ мы, русскіе, всегда проигрывали вначалѣ. А потомъ—мы побѣждали! Такъ будетъ и теперь. И это очень хорошо. Сначала пораженіе, а подъ конецъ полная побѣда. Это произведетъ болѣе сильное впечатлѣніе на Европу!

— Пажалста, не нужно тогопиться и гогячиться!—резонерствовалъ въ то же время Налимовъ.—А, главное, не газсуждать! Вы, господа стгоевые офицегы, дѣлайте—что вамъ пгикажутъ. Думать—это не ваше дѣло! У насъ есть генегальный штабъ—пгедоставьте это ему! Онъ лучше васъ знаетъ, что и какъ и когда нужно дѣлать! Мы—офицегы генегальнаго штаба—голова, ву компгенэ? а вы наши гуки и ноги! Неспа? Вотъ и багонъ тоже говогитъ...

Слушавшіе—въ большинствѣ случаевъ соглашались и подобострастно чокались съ полковникомъ и барономъ. Только изрѣдка какой-нибудь неказистый на видъ, отощалый и запыленный офицеръ, прибывшій съ бивака, выразительно сплевывалъ, подымался съ мѣста и съ хмурымъ лицомъ отходилъ подальше.

Кавалерійское дѣло подъ Вафангоо сильно подняло общее настроеніе.

Вмѣстѣ съ Агѣевымъ я забрелъ какъ-то на станцію

и засталъ картину всеобщаго ликованія. Всѣ столы были заняты, и участники дѣла, окруженные многочисленными слушателями, пили вино и съ сіяющими лицами разсказывали подробности.

— Нашей команды охотникъ,—разсказывалъ бородатый поручикъ съ повязкой на лбу:—понимаете, сцѣпился съ японскимъ офицерикомъ! Въ это время его прикладомъ по плечу хватили, шашку выронилъ, зашатался и изъ сѣдла вонъ! А только и японца за собой потащилъ, уцѣпился одной рукой прямо за глотку... Давай это они по землѣ кататься! Охотникъ-то обезоруженъ, винтовку давно потерялъ, а японецъ все изъ револьвера въ него пытается! Вдругъ, понимаете, охотникъ изловчился, схватилъ у япоши шашку, вытащилъ изъ ноженъ, да этой шашкой и давай чесать! Это, я вамъ доложу, номеръ былъ! Такъ и зачесалъ прямо въ бифштексъ! Да!

Маленькій, бѣлокурый корнетъ съ самодовольнымъ видомъ показывалъ товарищамъ японскій офицерскій плащъ съ капюшономъ и фуражку съ галунами.

— И какъ онъ это ловко выскользнулъ... и, чортъ его знаетъ, только одинъ плащъ въ рукахъ остался, а потомъ фуражку потерялъ!

— Что-жъ ты ему пулю въ лопатки не всадилъ?

— А чортъ съ нимъ! Главное, плащъ-то какой, господа! А? Превосходная матерія!

Изрядно выпившій, угрюмый капитанъ, съ разорваннымъ воротомъ грязной сѣрой рубахи, дико вращалъ глазами и постукивалъ кулакомъ по столу.

— Добивать! Обязательно добивать! Не оставлять ни одного раненаго! Живучи, какъ дьяволы! Р-разъ я его рубанулъ здорово—свалился! Оглядываюсь—поднимается! Обернулся—р-разъ его по головѣ! Разсѣкъ всю рожу, самъ видѣлъ! Отбѣжалъ шаговъ шесть, вижу: сидитъ, сукинъ сынъ, и изъ кобуры револьверъ вынимаетъ! Я—опять назадъ! Съ лица у него кровь хлещетъ,

а онъ давай на меня револьверъ наводить! Размахнулся это я, да изо всей мочи и воткнулъ ему въ брюхо шашку, по самую рукоять! Вонъ—темлякъ весь въ крови! Шипитъ, подлецъ! Тряхнулъ его шашкой раза два, ковырнулъ—тогда только бѣлки показалъ! И вѣдь этакая вотъ обезьяна, отъ земли не видать! Живучи, дьяволы!

— Ну, что? Я говогилъ?!—торжественно ораторствовалъ Налимовъ, поднявъ кверху указательный палецъ.— Тепегъ мы будемъ иггать пегвую скгипку! Какіе молодцы! А? Что? Понимаете! Одинъ казакъ, я забылъ его фамилію, насадилъ на свою пику четыгехъ японцевъ за одинъ газъ! А? каково? Мы покажемъ Евгопѣ, какъ надо воевать!

Со станціи Агѣевъ потащилъ меня на почту. Онъ ежедневно приходилъ справляться относительно писемъ. Я остался ждать его на улицѣ. Передъ почтой происходила настоящая толчея: десятка полтора китайцевъ спѣшно рыли землю для закладки фундамента подъ будущій домъ; пріѣзжали и отъѣзжали вѣстовые, казаки летучей полевой почты, нагруженные корреспонденціей; оживленно галдѣли худощавые, коричневые отъ солнца, дженерикши—эти „двуногія животныя“ на которыхъ такъ любятъ „кататься“ пріѣзжіе европейцы. Нестроевые солдаты, прикомандированные къ почтѣ, развѣшивали на протянутыхъ веревкахъ выстиранное бѣлье. У самаго входа костлявая англичанка съ подведенными глазами, одѣтая по модной картинкѣ, съ брезгливымъ видомъ оглядывала запыленнаго съ головы до ногъ сапернаго офицера, который немилосердно коверкалъ нѣмецкія и французскія слова и на такомъ необычайномъ языкѣ пытался убѣдить англичанку пріѣхать на бивакъ саперовъ.

— Ву компренэ? Эйне парти де плезиръ! Инсъ грюне! Оллъ райтъ? Ѣдемъ?

За угломъ старый китаецъ, сидя на корточкахъ, не-

торопливо перемывалъ посуду и во все горло тянулъ однообразную меланхолическую пѣсню.

Агѣевъ вышелъ съ письмомъ въ рукѣ, но на лицѣ было разочарованіе.

— Вотъ нашелъ для васъ письмо, а мнѣ ничего нѣтъ! Странно!

Письмо было безъ марки, на конвертѣ красовалась печать N—скаго восточно-сибирскаго полка. На четвертушкѣ полкового бланка было набросано крупнымъ небрежнымъ почеркомъ: „Дорогой Ника! Случайно узналъ, что ты въ Ляоянѣ. Бросай это Эльдорадо и пріѣзжай ко мнѣ на позицію въ Гайджоо, если хочешь еще разъ увидать „Рафаэля съ Охты“, нынѣ подпоручика! Нашъ полкъ первымъ пойдетъ въ дѣло. Прежде чѣмъ ухлопаютъ, успѣемъ съ тобой вспомнить старину. Пріѣзжай! Угощу тебя великолѣпнымъ морскимъ видомъ, а впрочемъ, найдется добрая чарка водки и кусокъ скверной колбасы. Жду! Твой Тима Сафоновъ“.

Тима Сафоновъ! Я невольно улыбнулся, и въ памяти воскресъ яркій и жизнерадостный обликъ: всегда оживленный „Рафаэль съ Охты“, красивый брюнетъ съ растрепанной гривой вьющихся волосъ, съ хорошей, свѣтлой улыбкой, горячій, порывистый юноша, неудачникъ въ искусствѣ, славный товарищъ и безпечный забулдыга...

Когда я сказалъ Агѣеву, что собираюсь уѣхать, онъ посмотрѣлъ на меня грустнымъ взглядомъ и тихо проговорилъ:

— Ну, счастливаго пути! Конечно, и вамъ, и вашему школьному товарищу будетъ пріятно... А жаль все-таки... Я какъ-то привыкъ къ вамъ...

Въ эту минуту мнѣ вдругъ стало искренне жаль этого тихаго, всегда грустнаго капитана, снѣдаемаго мучительнымъ предчувствіемъ, любящаго жизнь, свою молодую жену и дочь „съ золотистыми волосенками“...

. . . .

На слѣдующій день я отправился съ уходившимъ на югъ эшелономъ.

Передъ отходомъ поѣзда со мною столкнулся одинъ изъ военныхъ корреспондентовъ.

— Уѣзжаете? На югъ? Хорошо дѣлаете! Я бы самъ удралъ отсюда—не на югъ, а прямо къ чорту на кулички, на край свѣта!

— Что это вы такъ? Цензура васъ доконала?

— Цензура еще туда-сюда, а только просто стыдно за русскихъ людей становится! Помилуйте! Сегодня утромъ узнаю, что въ Харбинъ отправлены два офицера, которые умудрились продать изрядное количество пороху китайцамъ! И объ этой подлости знаютъ уже иностранцы, всѣ эти военные агенты и корреспонденты! Самъ отъ нихъ слышалъ и фамиліи офицеровъ, и вырученную сумму... Все вѣрно! Это такой позоръ, такой позоръ! А насъ, русскихъ корреспондентовъ, еще чуть не шпіонами считаютъ! Боятся пускать на позиціи, подъ стеклянымъ колпакомъ держатъ! О идіоты, идіоты! Не могу! Долженъ пойти и выпить водки!

Единственный классный вагонъ воинскаго поѣзда былъ занятъ начальникомъ эшелона, офицерами и желѣзнодорожными агентами. Здѣсь было нестерпимо душно. Едва только тронулся поѣздъ, какъ загремѣлъ сиплый басъ офицера, сидѣвшаго безъ мундира, въ разстегнутой ночной сорочкѣ. Распухшее, изрытое оспой лицо съ маленькими, свиными глазками, приплюснутый, широкій носъ, низкій лобъ, въ который треугольникомъ врѣзалась щетина жесткихъ волосъ, голая волосатая грудь и грязные и толстые, крючкообразные пальцы—все это вмѣстѣ составляло обликъ чего-то несуразнаго и грубо-животнаго.—Офицеръ обливался потомъ, пыхтѣлъ и пилъ теплую водку, распространявшую запахъ сивухи въ нагрѣтомъ и спертомъ воздухѣ. Ему помогалъ въ этомъ занятіи уже подвыпившій пору-

чикъ въ затасканномъ, выцвѣтшемъ мундирѣ крѣпостного резервнаго батальона.

— Плюньте! Слышите? Плюньте на этого вашего генерала и его протекцію! Поѣзжайте со мной! Я возьму васъ къ себѣ въ роту! И не будь я капитанъ Быковъ, если въ первомъ же дѣлѣ мы не расколошматимъ макаку!

— Я... я на все готовъ... пошлите, куда угодно... къ японцамъ, хунхузамъ... ваш... здровье, каптанъ!..

Я вышелъ на площадку.

Двое солдатъ сидѣли, свѣсивъ ноги, и курили трубки.

Югъ сказывался почти съ каждой верстой.

Каменистыя высоты тѣснились все круче и круче и постепенно подступали къ полотну желѣзной дороги. Тамъ и сямъ мелькали деревушки, зеленыя ивовыя рощи надъ кладбищами, яркими пятнами выступали, словно узорчатые ковры, пестрыя полосы бѣлаго и краснаго мака, среди которыхъ часто синѣли согбенныя фигуры работавшихъ китайцевъ. Проплывали мимо обработанные кропотливымъ трудомъ, геометрически правильные, какъ на шахматной доскѣ, участки земли съ ярко-зеленой чумидзой, съ цѣлой сѣтью сверкавшихъ водою, какъ серебряныя нити, канавъ,—красивые, какъ игрушка.

— И сторона!—презрительно замѣчалъ одинъ изъ солдатъ, вынимая изъ зубовъ трубку и сплевывая.

— Извѣстно—китаёзы!—соглашался другой.—Никакой понятіи! На эту бы землю да нашу пахоту дать—вотъ!

— Нда... Нашу пахоту—это дѣло! Куды имъ, косоглазымъ!

— Сказано—азіяты! Темный народъ!

— Сво-олачь!..

— Вчерась ефлейторъ одному косоглазому саданулъ—вво!—осклабясь, заговорилъ снова солдатъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Н-ну?! Здорова?

— Хе-хе... Здо-орова! Загомонили робяты ханшину купить... ну китаезъ тутъ сичасъ, изъ рукава бутылку показываетъ. Ефлейторъ гритъ, „дошичена?“—кольки стоить, значитъ? Ну, тотъ эта на пальцахъ показываетъ: дескать, тридцать копеекъ! Ладно! Ханшинъ взяли, ефлейторъ полѣзъ эта въ карманъ, быдто за деньгамъ, пошарилъ и кричитъ косоглазому: „чена пропадила есть“. Тотъ давай эта орать. А тутъ—шасть!—капитанъ Быковъ!—Что такое, гритъ, за безобразія? Китаёзъ ему толковать. Растолковалъ, сукинъ сынъ!—Гдѣ ханшинъ?—кричитъ. Ну, робяты вынесли бутылку. Капитанъ ее отобралъ, да на косоглазаго-то и налѣзъ.

— Н-ну?

— Да! Какую ты имѣлъ, гритъ, праву солдатамъ ханшинъ продавать? Ефлейторъ Кузнеченковъ! Дай, гритъ, ему въ морду! Тотъ эта крякнулъ да и хлясть по зубамъ! Ажно треснуло! Тотъ какъ зареветъ! Два зуба выплевалъ, сукинъ сынъ! Что смѣху-то было...

— Здорово! Такъ ханшинъ и отдали ему?

— Зачѣмъ ему? Капитанъ себѣ взялъ, теперь въ вагонѣ распивать будетъ. Онъ у насъ дошлый.

— Нда-а!..

Собесѣдники замолчали и снова принялись за трубки.

— Вы куда же, кавалеры, ѣдете?

Кавалеры окинули меня соннымъ взглядомъ и неохотно отвѣчали:

— А хто ихъ знатъ! Сказывали, что на югъ!

— Мы не строевой роты!—не безъ достоинства добавилъ одинъ изъ нихъ.

Поѣздъ двигался медленно и цѣлыми часами стоялъ на станціяхъ.

Въ Айсяндзянѣ стало извѣстно, что японскія суда обстрѣливали наканунѣ Ляодунское побережье, къ западу отъ Гайджоо

Говорили, что на большой Ляоянской дорогѣ уже идетъ перестрѣлка съ развѣдочными отрядами непріятеля, который наступаетъ по Дагушанской и Фынхуанченской дорогамъ. Сообщалось, какъ достовѣрное извѣстіе, что русскіе этапы уже стали сниматься и и отходить къ центру.

По всему было видно, что долгій выжидательный періодъ и бездѣйствіе на сухопутномъ театрѣ войны приходятъ къ концу. Гроза надвигалась медленно, и въ воздухѣ чуялось ея приближеніе, и носилась смутная тревога.

На другой день, часа за два до заката солнца, мы прибыли, наконецъ, въ Гайджоо.

То, что я увидѣлъ здѣсь, рѣзко отличалось отъ знакомой картины ляоянской жизни. Станція была почти пуста, на платформѣ встрѣчались только комендантъ, солдаты желѣзнодорожнаго батальона и постовые пограничной стражи, охранявшіе дорогу. Буфета здѣсь не было, и вся станція имѣла угрюмо-дѣловитый видъ. По обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна тянулись правильно расположенные биваки, среди которыхъ внушительно выдѣлялись разставленныя въ строгомъ порядкѣ орудія полевой батареи. На самомъ краю биваковъ виднѣлись спѣшенные и выстроенные въ рядъ казаки съ обнаженными, сверкавшими въ воздухѣ шашками, упражнявшіеся въ боевыхъ пріемахъ рубки. Не было видно ни оживленныхъ группъ офицеровъ, ни шатающихся безъ дѣла солдатъ.

Со всѣхъ сторонъ тѣснились высоты, а у самой почти станціи подымалась въ высь огромная конусообразная сопка, закрывавшая видъ на море, влажное и освѣжающее дыханіе котораго смягчало духоту и палящій зной дня.

Я спросилъ у коменданта, гдѣ стоитъ стрѣлковый полкъ.

— А вотъ видите—фанза съ бѣлымъ флагомъ? Это и есть штабъ полка.

Фанза была недалеко отъ станціи, и я прошелъ къ ней, миновавъ молчаливый, какъ будто погрузившійся въ дремоту и безлюдный зарядный паркъ. Войдя во дворъ фанзы, я увидѣлъ вѣстового въ красной ситцевой рубахѣ съ засученными рукавами. Онъ былъ красенъ лицомъ, обливался потомъ и съ усердіемъ стиралъ, повидимому, офицерскую сорочку. Черезъ дворъ была протянута веревка, и на ней, вздуваясь подъ вѣтромъ, развѣвалось разнокалиберное и разноцвѣтное выстиранное бѣлье. Изъ-за угла доносился лязгъ металлическихъ тарелокъ, плескъ воды и чей-то теноръ, выводившій вполголоса пѣсню:

„Позднимъ, по-озднимъ ви-чи-ро-очкамъ...
Я каро-овъ домой гнала-а!..“

— Мнѣ бы поручика Сафонова повидать.

Вѣстовой обернулся, не оставляя стирки.

— Сафонова? Не знаю я доподлинно... Тимошка-а!—зычно закричалъ онъ, поворачивая щетинистую крѣпкую голову въ другую сторону.—А, Тимо-охъ!

Пѣсня оборвалась.

— Го-го!—откликнулся изъ-за угла теноръ.

— Поручикъ Софоноу гдѣ? Тутъ къ нимъ прійшли.

— Къ полковому пошли-и!

— А вы заходьте у фанзу! Ихъ благородіе скоро воротются!

Вѣстовой снова нагнулся надъ деревянной чашкой, въ которой стиралъ, а теноръ опять затянулъ за угломъ:

„Я спуска-алась ру-чіе-ечкамъ,
Са зиле-онава лужка-а!..“

Въ фанзѣ я нашелъ двухъ офицеровъ. Одинъ—тонкій и высокій, почти безусый, съ добрыми близорукими глазами и съ очками на носу, сидѣлъ, скрючившись

на походномъ „гинтерѣ“ *), и старательно примѣрялъ заплату къ большой прорѣхѣ, красовавшейся на потертой курткѣ. Другой, коренастый крѣпышъ съ лихо закрученными усами, въ кожаныхъ шароварахъ и такой же курткѣ, расхаживалъ изъ угла въ уголъ и о чемъ-то съ жаромъ говорилъ.

Я объяснилъ цѣль своего прихода и назвалъ себя.

— Кранцъ...—сконфуженно отрекомендовался первый изъ офицеровъ.

— Завадскій! Очень пріятно. Садитесь вотъ сюда. Чаю хотите? А можетъ быть, „вудечки“ позволите?—говорилъ другой,—безъ церемоніи!

Отъ водки я отказался.

— Терещукъ! Гони чаю! Живо!—крикнулъ Завадскій въ открытую дверь фанзы.—А Сафоновъ говорилъ намъ, что вы пріѣдете! Онъ васъ ждалъ. Ну вотъ и „досконале“! Намъ веселѣе, а то просто осатанѣть можно! Вы не повѣрите! Просто у насъ какія-то арестантскія роты!

— Вретъ онъ все. Вы его не слушайте,—добродушно улыбаясь, замѣтилъ Кранцъ и сталъ нашивать заплату.

— Вотъ тоже—вретъ! Да вы посудите сами, развѣ это похоже на что-нибудь?—горячился Завадскій и опять съ ожесточеніемъ заходилъ изъ угла въ уголъ, побрякивая выгнутой „турецкой“ шашкой, сверкавшей роскошной серебряной отдѣлкой.—Помилуйте! Я прискакалъ сюда изъ-подъ самой Варшавы, съ другого краю свѣта, добровольцемъ, бросилъ семью, службу, а меня на веревочкѣ держатъ, какимъ-то чиновникомъ особыхъ порученій. Я сражаться пріѣхалъ, драться съ японцами, думалъ о развѣдкахъ, наѣздахъ, у меня одинъ конь чего стоитъ! А они, вообразите,—посылаютъ меня конвоировать быковъ да коровъ! Въ обозъ въ пастухи откомандировали! Развѣ-жъ это не свинство?

— Хорошо, но вѣдь нужны же офицеры и въ обозѣ?

*) Гинтеръ—складная кровать съ чемоданомъ.

— Нужны... обязательно, но пусть тогда и назначають, кого слѣдуетъ! Мало у насъ такихъ пентюховъ, которые рады удрать изъ строя? Вонъ въ пятой ротѣ Онупріенко! Ни одной ночи не спитъ, все молится, чтобы нашъ полкъ не послали въ дѣло. Ей-Богу! Вотъ этакую, съ позволенія сказать, ж--у и назначайте въ скотогоны, въ обозъ! Нѣтъ, не я буду, если не попаду въ отрядъ Мадритова или Мищенки! Быть въ пастухахъ—не желаю!

Скоро появился чай въ большомъ жестяномъ чайникѣ и сахаръ въ холщевомъ мѣшечкѣ.

— Ничего, погодите, скоро и насъ двинутъ въ дѣло,— говорилъ подсѣвшій къ столику Кранцъ, добродушно поглядывая поверхъ очковъ то на меня, то на Завадскаго.—Не сегодня-завтра японцы нагрянутъ!

— Охъ, ужъ скорѣй бы они нагрянули! — вырвалось у Завадскаго. — Ну, скажите, что дѣлается въ Ляоянѣ?

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ послышались быстрые, твердые шаги, и раздался звонкій, радостный окликъ:

— Ника! Вотъ молодчина! Прикатилъ! Здорово, друже!

Передо мною стоялъ Тима Сафоновъ, возмужавшій, обросшій бородой, но такой же подвижной и жизнерадостный, съ тѣмъ же искрящимся взглядомъ, съ той же славной улыбкой. На немъ была сильно затасканная походная форма съ почернѣвшими и измятыми погонами, дешевые сапоги солдатскаго образца, сплющенная и сдвинутая на затылокъ фуражка, изъ-подъ которой выбивались непокорныя пряди вьющихся волосъ. Потное, разгоряченное лицо и одежда были густо покрыты пылью.

— Какой изъ тебя... бравый офицеръ вышелъ!—невольно вырвалось у меня.

— Ну? Ха-ха-ха!—засмѣялся Тима, сверкнувъ зубами.—Офицеръ! Да, братъ! А помнишь, Ника, академію?

Нашу мансарду на 13-й линіи у рыжей чухонки? Позорное изгнаніе за неплатежъ и переселеніе народовъ?

— И твой этюдъ натурщика Алексѣя съ вывороченнымъ бокомъ!

— Еще бы! За него меня Подозеровъ „сапожникомъ" обозвалъ. А я-то какъ огорченъ былъ, чуть не стрѣляться хотѣлъ! Да, братъ, было время... исскуство, богемская жизнь, а теперь —ряды вздвой! Равненіе направо! Смир-рна-а! Такъ-то, Ника, жизнь колесомъ идетъ!

Напившись чаю, мы отправились на сопку.

— Вотъ видишь ли,—говорилъ дорогой Сафоновъ:— маялся я все это время, служилъ около года, да все это не то! Объ искусствѣ и думать бросилъ. Гдѣ ужъ тамъ! Самъ понялъ, что не для меня эта штука писана. Таланта крупнаго нѣтъ, а быть горе-художникомъ и рисовать картинки для журналовъ и самолюбіе не позволяло, да и отъ другихъ хлѣба отнимать не годилось... Словомъ сказать — кисъ я и небо коптилъ. Куда ни глянешь, все какое-то нудное, вялое, всѣ словно подъ ярмомъ ходятъ и подневольную работу работаютъ. Сѣрая гладь какая-то, словно голое деревенское поле въ дождливую осень... Ну, попивать началъ, въ грязныхъ кабакахъ съ первымъ встрѣчнымъ „душу отводилъ..." громкія слова говорилъ... вообще, какъ водится! И не знаю, чѣмъ бы кончилъ я свое шатанье, кабы не призывъ. Да! Ну, думаю, теперь поневолѣ за дѣло возьмусь... Взялся! Пробылъ вольноопредѣляющимся, сдалъ экзамены, словомъ, все, какъ слѣдуетъ, продѣлалъ и вышелъ офицеромъ. Да-съ! Законопатили меня въ паршивый уѣздный городишко въ Ковенской губерніи, и началась, братъ, тутъ уже настоящая каторга! Водка да карты, дѣвки да карты, караульная служба и кутежи въ собраніи; словомъ, понялъ, что легъ я въ гробъ и сгнію въ этомъ гробу до полнаго истлѣнія, какъ гніютъ и сгнили тысячи мнѣ подобныхъ! Возненавидѣлъ я всякаго свободнаго человѣка, всякаго не-

военнаго, „шпака“! Ненавидѣлъ, плевалъ на „шпаковъ“ и втайнѣ завидовалъ имъ... А главное, понялъ я тогда то, чего прежде не понималъ, когда самъ „вольнымъ“ былъ. Понялъ, что презираютъ военные „шпаковъ“ часто не изъ тщеславія тамъ, что-ли, или дурацкаго самолюбія и гордости, а ненавидятъ ихъ, какъ ненавидитъ арестантъ свободнаго, или зараженный, больной человѣкъ—здороваго! Многіе не понимаютъ этого. Ну, а я понялъ, когда на себѣ эту штуку раскусилъ!

Онъ смолкъ и остановился. Мы стояли у подошвы сопки.

— А ну, Ника!—рѣзко измѣнившимся, по-прежнему звонкимъ, бодрымъ голосомъ воскликнулъ Тима:—скорымъ шагомъ маршъ! Въ аттаку!—И почти бѣгомъ сталъ взбираться на сопку.

Подъемъ былъ довольно крутой, и я сразу же сильно отсталъ. Добравшись до середины скалы, я остановился перевести духъ и взглянулъ вверхъ. Тима, съ видомъ побѣдителя, махалъ мнѣ фуражкой, а вѣтеръ трепалъ во всѣ стороны его волосы.

Видъ, открывшійся съ вершины сопки, вознаградилъ меня за трудный подъемъ.

Все утопало въ золотисто-румяномъ сіяніи—и берегъ съ каменистыми выступами и обрывами, и синяя прозрачная даль съ зубчатыми грядами горъ. Солнце уходило и, уходя, оно прильнуло къ морю послѣдними лучами, и море, казалось, изнемогало подъ этой прощальною жгучею лаской,—оно слабо трепетало у берега, сверкая багрянцемъ, словно расплавленнымъ золотомъ, и какъ будто о чемъ-то томно и нѣжно шептало.

Сильный вѣтеръ—могучее дыханіе широкаго простора—несся съ моря, налеталъ на прибрежныя высоты, гдѣ предъ нимъ покорно гнулся кустарникъ, затѣмъ мчался дальше, кружился надъ бивакомъ, взметая пыль, и уносился въ ущелья горъ.

— Что, братъ, хорошо? То-то же! А это вонъ ви-

дишь?—Тима указалъ на темные силуэты, смутно выступавшіе на горизонтѣ.

— Японскія суда?

— Они самыя и есть, дорогіе гости! Ждемъ высадки! Вонъ на гребнѣ той горы, видишь, словно камни раскиданы? Это палатки N—скаго полка, а внизу драгуны... Да, тутъ, братъ, раздолье! Особенно—ночью хорошо... лунной ночью. Выйдешь это изъ фанзы и пойдешь по полотну туда, на югъ... Тишина—прямо святая! Горы эти самыя—словно декорація, со всѣхъ сторонъ къ тебѣ черныя тѣни ползутъ, смотришь—и видно тебѣ, и не видно въ то же время, все какъ будто дрожитъ въ полусвѣтѣ... Прислушиваешься, напрягаешь слухъ: тишина, и какъ бы что-то дѣлается въ этой тишинѣ. И начнетъ тебѣ мерещиться! Японскій разъѣздъ покажется впереди... Около моста словно шмыгаютъ тѣни... Голоса чудятся, лошадиный храпъ... На ближнюю гору взглянешь—кажется тебѣ, что и тамъ шевелится что-то. Отъ холодка зазнобитъ, и жутко немного станетъ, и хорошо вмѣстѣ! Люблю я эти ночи здѣсь...

Онъ замолкъ. Догорѣлъ закатъ, море потускнѣло, притихъ вѣтеръ—приближалась ночь. Гдѣ-то далеко-далеко, высоко надъ моремъ, зажглись красноватыя точки.

— Знаешь, Ника,—заговорилъ снова Сафоновъ, и голосъ его теперь звучалъ тише, въ немъ слышалась вдумчивость и мягкость,—я вотъ радъ, что насъ судьба опять свела вмѣстѣ, я съ тобой мыслями могу подѣлиться. Знаешь, я только теперь, кажется, настоящимъ образомъ жить началъ. Право! Странная вещь эта война! И не только я, а и окружающіе меня, кажется, вдругъ другими стали. Какъ будто мы всѣ до сихъ поръ загримированные ходили, а теперь взяли да и разгримировались. Честное слово!

— И что же, лучше или хуже получилось безъ этого грима?

— Лучше, Ника, тысячу разъ лучше! Ну посмотри, посуди самъ! Жилъ я съ солдатомъ въ полку; кажется, достаточно приглядѣлся къ нему, до того, что иногда противно становилось; а теперь вижу, что я и вовсе его не зналъ. И теперь только разглядѣлъ я его путемъ и даже полюбилъ! Да и онъ, мнѣ кажется, сталъ иначе на меня смотрѣть. А почему? Потому что тамъ, дома, въ мирное время, всѣ мы,—и солдаты, и офицеры,— одинаково закабалены въ одну кабалу, нѣтъ въ насъ ничего живого и человѣческаго, всѣ мы—куклы, заведенныя одной пружиной, мы говоримъ только положенныя слова, все же свое, личное, хорошее, замуровано, погребено. И не заводи насъ эта пружина, мы были бы совершенно чужды и нѣмы другъ передъ другомъ. А тутъ, на войнѣ, на походѣ, мы вдругъ заговорили не по казенной указкѣ, а заговорили своимъ, живымъ человѣческимъ голосомъ, и тутъ только и стали узнавать другъ друга. И сколько хорошаго оказалось въ этой, еще недавно противной, тупой „сѣрой скотинѣ“! Боже мой, я часто теперь думаю: какъ, значить, забиты и загнаны были всѣ эти люди! И какъ вспомню, какъ самъ я „училъ“ ихъ, или, вѣрнѣе, подгонялъ живыхъ людей подъ казенную мѣрку, убивалъ въ нихъ мысль, чувство и человѣческое достоинство, какъ вспомню всѣ эти взысканія и мордобитія — и стыдно, и больно становится! И онъ же теперь тебя жалѣетъ и бережетъ на походѣ, о себѣ не думаетъ, словно старая нянька!

— Скажи, Тима, а тебѣ не приходитъ въ голову, что тебя убьютъ?

— Видишь-ли... сказать правду, я иногда думаю, что быть убитымъ какимъ-то японцемъ, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла, довольно глупая штука. Я, вообще, всей этой войны не понимаю и, собственно го-

воря, не знаю, кому она нужна, и во имя чего я долженъ подставлять лобъ подъ пулю. Но вѣдь я не одинъ, тутъ сотни тысячъ людей, которые также не знаютъ или не понимаютъ... ну, а разъ надо драться и умирать... разъ ужъ неизбѣжно, такъ нечего и разсуждать. Я даже больше тебѣ скажу: меня захватываетъ эта боевая обстановка, тревожная жизнь и ожиданіе боя. Вѣдь это одно только и скрашиваетъ теперь военную службу, это и есть настоящая жизнь!

— А ты все-таки, Тима, какъ былъ, такъ и остался неисправимымъ поэтомъ!

— Ну что-жъ... а ты развѣ изъ другой глины сдѣланъ? Одно только обидно: зачѣмъ судьба надѣляетъ человѣка впечатлительностью, чутьемъ, любовью къ прекрасному, а не даетъ средства выразить все это. Ну... да теперь все равно! Всѣ мы теперь сравнялись, всѣ умирать будемъ. А пока живемъ — будемъ жить! Пойдемъ, Ника! Тяпнемъ по рюмахѣ и поужинаемъ, чѣмъ Богъ послалъ!

Ночь уже наступила, и на бивакѣ зажглись костры, когда мы спустились съ сопки.

Подходя къ штабу полка, мы замѣтили особое оживленіе среди палатокъ: по разнымъ направленіямъ двигались сѣроватые силуэты солдатъ, у костровъ толпились группы, со всѣхъ сторонъ доносился возбужденный говоръ, и гдѣ-то по близости выдѣлялся зычный фельдфебельскій голосъ:—„Ахъ ты, распро... моржевые твои мозги! Я-жъ тебѣ, сукиному сыну, сто разъ наказывалъ! Какъ же ты завтра выступать будешь, расподлецъ ты... Подавай мнѣ морду! Морду-у!“

— Эге! Что-то новое! Скорѣй, Ника!—крикнулъ Сафоновъ и бѣгомъ бросился въ фанзу.

Тамъ уже были въ сборѣ почти всѣ офицеры полка.

— Сафончикъ! Ур-ра!—кричалъ Завадскій, дѣлая пируэты на одной ногѣ.—Завтра выступаемъ! На югъ! Ожидается бой! Къ чорту коровъ и обозы!..

Близорукій Кранцъ смѣющимся взглядомъ смотрѣлъ на меня поверхъ очковъ и, нервно потирая руки, говорилъ:

— Ну вотъ видите, я былъ правъ! Сейчасъ полученъ приказъ выступать завтра въ пять часовъ утра въ Ванцзялинъ... походнымъ порядкомъ. Артиллерія тоже идетъ. Будетъ дѣло! Непремѣнно будетъ!

Всѣ говорили, двигались, жестикулировали, строили всевозможныя предположенія. Полковой адъютантъ давалъ какія-то указанія по разложенной на столѣ картѣ.

— Эхъ, чортъ возьми! Какая жалость, что мы безъ оркестра! И когда еще эти инструменты придутъ!— искренне сокрушался Сафоновъ. Онъ весь былъ охваченъ общимъ подъемомъ духа, воинственнымъ и радостнымъ настроеніемъ, и лицо его, подвижное и выразительное, со свѣтящимся взглядомъ, дышало задоромъ, молодостью и было въ эту минуту полно мужественной красоты.

— Поручикъ! Пане Завадскій! — жалобно взывалъ упитанный и обрюзгшій подполковникъ Дубенко, командиръ второго батальона, напомнившій мнѣ одного изъ рѣпинскихъ „запорожцевъ",— ради Бога не забудьте о моихъ баранахъ! Завадскій! Чортъ! Оглохъ...

— А? Что такое? Слушаю! Что прикажете?—подскочилъ Завадскій, не переставая выплясывать и лихо крутя усы.

— Голубчикъ, родненькій,—захлебывался отъ волненія и одышки подполковникъ,—барашковъ-то, барашковъ моихъ не забудьте! Берегите, якъ зѣницу вока! Якъ пріидемъ у Ванцзялинъ, я вамъ такой шашлыкъ преподнесу...

— Э-э... батенька! Я уже изъ скотогоновъ вышелъ! Къ чорту-съ! Поручикъ Ляховъ въ обозъ назначенъ, а я въ строй-строй-строй!—Тра-ла-ла...

— Ника! Позвольте васъ познакомить... Мой старый товарищъ, о которомъ я говорилъ. — Капитанъ Заленскій! Мой ротный командиръ!

Сафоновъ подвелъ меня къ статному, сѣдоусому капитану. Я вспомнилъ садъ Байтасы въ Ляоянѣ, разговоръ о полякахъ, о „Стасѣ“ и узналъ капитана.

— Очень радъ! Въ добрый часъ пожаловали. Прямо къ походу!—говорилъ Заленскій, крѣпко сжимая мою руку.

— Господа батальонные и ротные командиры! Полковой къ себѣ требуетъ! — объявилъ чей-то зычный голосъ. Общій гомонъ нѣсколько притихъ.

— И что этому чорту еще надо? Опять ругаться начнетъ!—ворчалъ Дубенко, торопливо подтягивая опустившіяся, необъятной ширины, шаровары.

— Нѣтъ, баста! Если опять такая же исторія будетъ, я не стану молчать!—возвысилъ голосъ Заленскій, надѣвая фуражку.—Это-жъ безобразіе! Отправить безъ прикрытія зарядные ящики, безъ карты, безъ переводчика, по переваламъ, а самъ поѣздомъ укатилъ! Гдѣ, говоритъ, пропадали? Да, чортъ тебя побери, благодари Бога, что я еще пришелъ съ патронами! Десятка хунхузовъ было бы довольно, чтобы отъ насъ и помину не осталось... Четыре дня, мерзавецъ, весь полкъ безъ патронъ держалъ! А еще высадки ждали! Вѣдь за этакую распорядительность его подъ судъ отдать надо! А ругать меня, стараго капитана, я...

— Ну, чортъ его возьми совсѣмъ! Идемъ, старина! А то опять, какъ на псовъ, накричитъ,—остановилъ Заленскаго Дубенко и потащилъ его изъ фанзы.

Послѣ ужина мы вышли изъ фанзы и присѣли на небольшомъ глинобитномъ валу.

— Обиднѣе всего то, что одна паршивая овца все доброе стадо портитъ,—говорилъ вполголоса Сафоновъ, попыхивая трубкой.—Навязали намъ командира, съ которымъ ни одинъ офицеръ разговаривать не хочетъ. Хамъ, бурбонъ невѣроятный! На солдата, какъ на самую послѣднюю скотину, смотритъ, весь полкъ заморилъ... Съ офицеромъ говоритъ, стоя къ нему спиной

и посвистывая. А вѣдь какой полкъ! Офицеры—самъ видишь—славная, теплая компанія, доносчиковъ пока еще нѣтъ, ну онъ этого и не терпитъ... Если бы не ротные да не командиръ перваго батальона, такъ изъ полка одна дрянь бы получилась! Впрочемъ... кажется, не сдобровать ему...

— То-есть какъ не сдобровать?

— А такъ!..—Сафоновъ наклонился и проговорилъ шопотомъ:—въ первомъ же бою можетъ въ спину горохомъ заполучить... понимаешь? Дознавайся потомъ, кто стрѣлялъ... Всѣ офицеры объ этомъ знаютъ...

— Недавно въ пятой ротѣ онъ собственноручно до крови избилъ солдата за то, что у него оказалась на тѣлѣ красная ситцевая рубаха... Яркіе цвѣта запрещены на позиціяхъ... Ну, а у того это единственная рубаха и была на тѣлѣ... У каптенармуса весь запасъ давно вышелъ... Иной разъ, вѣришь ли, Ника, до того больно и обидно станетъ за эту безотвѣтную сѣрую братію, что, кажется, убилъ бы этого подлеца на мѣстѣ! И этакая тварь въ бой поведетъ!

Давно затихъ погрузившійся въ сонъ бивакъ, погасли костры, и только у знамени виднѣлась неподвижная фигура часового... Мягкими сѣроватыми пятнами выдѣлялись въ зеленоватомъ полумракѣ лунной ночи ряды палатокъ, матовымъ блескомъ свѣтились штыки составленныхъ въ козла ружей. Горы, тѣснившіяся смутными силуэтами, дремали, утопая въ густыхъ тѣняхъ. Прохладой и безмятежнымъ покоемъ дышала ночь и навѣвала дремоту на часового.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

Со стороны моря, прорѣзая сумракъ, протянулась прозрачная, серебристая полоса свѣта. Она трепетала и скользила изъ стороны въ сторону, озаряя выступы скалъ, палатки, коновязи, и какъ будто искала кого-то.

Долго бродилъ этотъ тревожный и пытливый лучъ, взбираясь на вершины, заглядывая въ ущелья и по-

— Японцы! Это гвардія!—послышались голоса.

Непріятель быстро приближался, и скоро въ переднихъ рядахъ замелькали широкіе малиновые лампасы.

Раздался залпъ. Цѣпь стремительно скатилась съ гребня, закидывая за плечи винтовки, бросилась къ лошадямъ, и снова началась бѣшеная скачка. Люди задыхались въ рядахъ, по лицамъ катился потъ, съ земли поднимались цѣлыя облака пыли, а лошади горячились и тревожно похрапывали.

На поворотѣ выглянула деревушка, утопавшая въ зелени. Надъ живой изгородью шиповника запестрѣли яркими пятнами пунцовые и бѣлые цвѣты мака. Замелькали синія курмы китайцевъ; старики, женщины и дѣти стали выбѣгать изъ фанзъ. Они наполняли водою жестяныя ведра, сосуды изъ тыквы и шли навстрѣчу драгунамъ.

Грознымъ ураганомъ ворвался эскадронъ въ деревушку. Въ узкой, кривой улицѣ произошла давка. Топотъ, лязгъ оружія, вопли опрокинутыхъ, попавшихъ подъ копыта китайцевъ, проклятія и крики солдатъ, ржанье и храпъ взбѣсившихся лошадей—все смѣшалось въ ужасный хаосъ.

Оставивъ позади себя нѣсколько изуродованныхъ, раздавленныхъ китайцевъ, эскадронъ врассыпную пронесся карьеромъ черезъ долину и очутился въ узкомъ корридорѣ между двумя рядами каменистыхъ, крутыхъ сопокъ.

— Ну и влетѣли!—раздавалось въ тѣснившихся рядахъ.—Ежели не уйдемъ, тутъ и конецъ!

— Братцы! А вѣдь это пѣхота наверху!

Желтовато-сѣрыя пятна на вершинахъ сопокъ, походившія на раскиданные камни, зашевелились.

— Пѣхота! Пѣхота и есть! Чья только?

— Не разберешь! Господи!

Корридоръ становился все уже и уже и превращался въ ущелье.

Вдругъ съ вершины сопки донесся сухой трескъ.

— Наши! Заговорили! Пачками жарятъ! Слава тебѣ, Господи!

Хмурыя лица просвѣтлѣли.

— Здорово мы ихъ втянули! Хриштыкъ хорошій будетъ! Прямо подъ пачки!

Огонь усилился и перекинулся на противоположную сопку. Эскадронъ остановился, люди вытирали потъ и, привставъ на стременахъ, оглядывались. Непріятельская кавалерія разсыпнымъ строемъ уходила отъ неожиданнаго перекрестнаго огня. На свѣтложелтомъ пескѣ долины чернѣло нѣсколько распластанныхъ фигуръ, и бились на землѣ подстрѣленныя лошади.

Гдѣ-то невдалекѣ, въ горахъ, прокатился орудійный выстрѣлъ, за нимъ—другой, третій, и окрестность загрохотала. Бой начался.

Эскадронъ двигался шагомъ на взмыленныхъ лошадяхъ и, часъ спустя, наткнулся на штабъ отряда, расположенный въ старой тѣнистой рощѣ. Генералъ и штабные офицеры возбужденно толковали съ картами въ рукахъ. Ординарцы и вѣстовые то прибывали, то уѣзжали по разнымъ направленіямъ.

— Ваше превосходительство, какъ вамъ угодно, но я отказываюсь!—говорилъ генералу командиръ квантунской батареи, въ полинявшихъ, необычайно широкихъ ярко-красныхъ шароварахъ.—Я нахожусь въ распоряженіи генерала Фролова и безъ его вѣдома выѣхать на позицію не могу!

— Но вы понимаете?—кипятился генералъ, хлопая по картѣ затянутой въ перчатку рукой,—вы понимаете, что намъ необходимо немедленно двинуть батарею, чтобы поддержать пѣхоту? Разъ ваша батарея здѣсь, то... тутъ не можетъ быть никакихъ разсужденій! Понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство, но прошу извинить, безъ моего прямого начальника я не имѣю права...—настаивалъ командиръ батареи.

Генералъ подергивалъ плечами и фыркалъ. Его сердитый взглядъ упалъ на командира драгунъ.

— А отъ васъ, полковникъ, я не ожидалъ такой поспѣшности! Вы не дождались даже моего отвѣта! Вѣдь вы были въ деревнѣ Санду... Сандутуй...

— Сындятунь, ваше превосходительство! — поправилъ полковникъ съ полупоклономъ.

— Все равно! Вы могли задержать японцевъ, не покидая деревни, выигравъ время и дождавшись моихъ приказаній!

— Считаю долгомъ разъяснить...—началъ было полковникъ, но генералъ, вошедшій въ азартъ, разозленный упрямствомъ квантунскаго батарейнаго командира, грубо оборвалъ:

— Никакихъ объясненій! Теперь не время... Николай Леонтьевичъ!—обратился онъ къ одному изъ офицеровъ генеральнаго штаба:—отведите въ закрытіе драгунъ! За полотно дороги!

Офицеръ откозырялъ, заглянулъ въ карту и вскочилъ на лошадь.

Мѣсто, отведенное драгунамъ, оказалось песчаной лощиной, упиравшейся въ тѣснину высотъ.

Близился полдень, и безоблачное, сверкающее небо дышало убійственнымъ зноемъ. Заморенныя лошади стояли на солнопекѣ не разсѣдланными, печально понуривъ головы. Стараясь укрыться въ прозрачной тѣни, падавшей отъ лошадей, драгуны сидѣли и лежали на горячемъ пескѣ и задыхались отъ жажды и зноя. Вокругъ все вздрагивало, казалось, отъ ружейныхъ залповъ, громы которыхъ переливались въ горахъ и часто заглушали торопливую трескотню ружейной перестрѣлки и нервный, отрывистый рокотъ пулеметовъ. Бѣлые клубки дыма отъ рвавшейся шрапнели всплывали то здѣсь, то тамъ и медленно таяли въ застывшемъ воздухѣ.

Порою шальной „перелетный“ снарядъ, шипя и воя,

проносился невдалекѣ отъ лощины, но драгуны не обращали на это особеннаго вниманія. Зной и жажда были сильнѣе, чѣмъ мысль о носившейся вокругъ смерти. И чѣмъ больше изнывали люди, тѣмъ болѣе притуплялись ихъ мысли, тѣмъ громче становился глухой ропотъ, и въ мутныхъ, широко раскрытыхъ глазахъ мелькали злобные огоньки. Отъ яркаго свѣта было больно глазамъ, повсюду мерещились красные и оранжевые круги и пятна, жгучіе потоки лучей ложились на головы свинцовой тяжестью, на рукахъ и лицахъ выступала обильная испарина, отъ безпрерывной канонады людьми овладѣвала одурь.

Когда у входа въ ущелье показался на лошади штабный офицеръ съ планшеткой въ рукахъ, эскадронный командиръ и нѣсколько офицеровъ поднялись съ земли и двинулись ему навстрѣчу. Они брели, пошатываясь, какъ пьяные, съ мутными взглядами и искаженными лицами.

— Вы это что же съ нами дѣлаете?

— Куда вы насъ поставили? Вокругъ ни капли воды!

— Развѣ мыслимо ставить кавалерію въ такую Сахару?

— Лошадей и насъ переморить хотите?

Штабный офицеръ пожалъ плечами и попятился назадъ.

— Позвольте, господа... Тактическія соображенія...

— Къ чорту! — заревѣлъ эскадронный: — къ чорту вашу тактику! Ваши соображенія!

— Давайте намъ воду, а не тактику!

— Воды!

Офицеръ круто повернулъ коня, далъ шпоры и поскакалъ обратно.

— „Моменты“ проклятые!—неслось ему вдогонку.

— Несчастный фазанъ! Идіотъ!

— Сволочь! — бормоталъ эскадронный, снова опускаясь на песокъ.

Къ нему подошелъ старый вахмистръ.

— Вашскородіе, дозвольте за водой съѣздить!

— За водой? А ты знаешь, гдѣ вода?

— Такъ точно. Вонъ тамъ, за долиной, въ колидорѣ казаки стоятъ!

— Ну, такъ что же, что казаки?

— Такъ вотъ туды съѣздить! Потому не станутъ казаки тамъ, гдѣ воды нѣтъ!

Всѣ обратили взгляды по указанному направленію. Надъ долиной все время появлялись дымки разрывовъ, такъ какъ непріятель упорно обстрѣливалъ ближайшія сопки, гдѣ предполагалась русская пѣхота.

— Нѣтъ, господа, — попытался кто-то запротестовать,—нельзя! Ему и до половины не доѣхать! Вся долина подъ огнемъ!

Эскадронный исподлобья взглянулъ на говорившаго, покосился на вахмистра и неувѣренно спросилъ:

— Можетъ быть, изъ молодыхъ найдется охотникъ?

— Молодые-то, вашскородіе, еще не обстрѣляны. А я—проскочу!

Притюковавъ къ сѣдлу два холщевыхъ ведра, вахмистръ подтянулъ подпругу, взобрался на лошадь, перекрестился и шагомъ тронулся впередъ. Весь эскадронъ молча и съ напряженнымъ вниманіемъ провожалъ его взглядами. Вахмистръ обогнулъ подошву высотъ, добрался до того мѣста, гдѣ долина значительно суживалась, и отсюда карьеромъ пустился на-перерѣзъ и, спустя нѣсколько секундъ, скрылся въ узкомъ „корридорѣ“.

— Проскочилъ!—послышались восклицанія въ эскадронѣ.

— Какъ-то назадъ вернется?

Прошло томительныхъ полчаса; въ теченіе этого времени эскадронъ хранилъ тяжелое молчаніе.

— Ѣдетъ! Ѣдетъ!.

Офицеры хватились за бинокли. Вахмистръ вы-

ѣхалъ мелкой рысью и тѣмъ же аллюромъ сталъ пересѣкать долину. Въ эскадронѣ заволновались. Всѣ вскочили на ноги.

— Что онъ дѣлаетъ? Сумасшедшій!

— Полной рысью!! — крикнулъ кто-то и сталъ махать фуражкой. Но вахмистръ не торопился. Когда впереди вспыхнулъ разрывъ снаряда, онъ сталъ описывать большую дугу, и когда новый снарядъ разорвался на томъ же мѣстѣ, — вахмистръ былъ уже у подножія сопки. Толстякъ-эскадронный безпокойно пыхтѣлъ и отдувался, и сердито теребилъ сѣдоватые подусники.

— Ура! Евсѣичъ! Ура!—хоромъ встрѣтили драгуны вахмистра и сняли его съ лошади, вмѣстѣ съ наполненными ведрами. Онъ степенно перекрестился и подалъ эскадронному ведро и чашку.

Обрюзглое, морщинистое лицо эскадроннаго хмурилось и подергивалось, и свѣтлые маленькіе глазки усиленно моргали.

— Ты... ты это что вздумалъ?—началъ онъ суровымъ, чуть-чуть дрожащимъ голосомъ:—фокусы намъ показывать? Забылъ, что солдатъ не долженъ зря лѣзть въ опасность?.. Зачѣмъ шагомъ ѣхалъ?..

— Вашскородіе... воду пролить боялся...—добродушно оправдывался вахмистръ:—вода-то не дешевая.

— Воду! Воду!.. Да тебя за это...—Но тутъ голосъ эскадроннаго оборвался, и онъ уже чуть слышно закончилъ: — ну... да что тутъ... спасибо тебѣ, Евсѣичъ! Я этого не забуду!..

— Радъ стараться!—рявкнулъ Евсѣичъ и затѣмъ прибавилъ: — а за воду не взыщите, изъ лужи брать пришлось!

Всѣ бросились къ водѣ. Она была теплая, желтоватая, какъ чай, и сильно пахла лошадиной мочею. Но ее пили съ жадностью. Люди оживились и повеселѣли, и только бѣдныя лошади тянули шеи къ ведрамъ и грустно смотрѣли на людей.

Когда зной свалилъ и съ запада повѣялъ легкій вѣтерокъ, я отправился разыскивать Сафонова. Орудійный громъ охватилъ огромнымъ кольцомъ всю окрестность, и трудно было рѣшить, гдѣ стрѣлялъ непріятель, и гдѣ грохотали русскія батареи. Навстрѣчу попадались ординарцы, казаки, офицеры генеральнаго штаба и адъютанты, но никто изъ нихъ не могъ дать точныхъ указаній,—гдѣ находился N-скій стрѣлковый полкъ. Всѣ были—какъ въ лихорадкѣ, всѣ куда-то спѣшили. На небольшой сопкѣ, гдѣ былъ наблюдательный пунктъ, я засталъ двухъ генераловъ съ адьютантами и ординарцами.

— Это возмутительно, это... это чортъ знаетъ, что такое!—кричалъ одинъ изъ генераловъ, насѣдая на растерявшагося офицера генеральнаго штаба.—Что вы надѣлали? Вѣдь еще четверть часа, и эта колонна подойдетъ на разстояніе выстрѣла и откроетъ огонь! Вѣдь это будетъ фланговый огонь! Понимаете вы—фланговый?! Необходимо немедленно вызвать сюда батарею и задержать колонну. Гдѣ же батарея, я васъ спрашиваю? Гдѣ? Куда вы ее поставили?

— Ваше превосходительство... Я поставилъ батарею, точно слѣдуя указанію вашего прево...

— Поставилъ! Поставилъ! Чортъ возьми, почему же ея тамъ нѣтъ?! Почему? Вы, можетъ быть, сами забыли, куда ее поставили?

— Помилуйте, ваше...

— Возмутительно! Съ такими помощниками я... я... ни за что не отвѣчаю!... Я не могу! Я...

— Послушайте, Николай Семенычъ! Въ полуверстѣ отсюда стоитъ казачья батарея эсаула Мартьянова,—спокойно замѣтилъ другой генералъ, отрываясь отъ бинокля.

— Ну? Ну, такъ что же изъ этого? Я... я не могу ею распоряжаться! Это... это не въ моей компетенціи! На меня можетъ быть въ претензіи генералъ Чурковъ! Это его участокъ! Я... я... не имѣю полномочій...

— Но вѣдь задержать колонну и предотвратить фланговый огонь одинаково важно какъ для васъ, такъ и для Чуркова! Колонна можетъ сильно повредить всему ходу дѣла. Впрочемъ... какъ хотите!

— Да, да! Это ужасно!.. Ординарцы! Кто тамъ есть? Маршъ! Найдите, гдѣ хотите, батарею! Чтобъ немедленно карьеромъ выѣзжала вотъ на эту сопку и открыла бѣглый огонь по колоннѣ!

Ординарцы кубаремъ бросились внизъ.

Невооруженнымъ глазомъ уже можно было видѣть густую колонну, медленно спускавшуюся въ долину. На сѣдловинѣ, съ которой она спускалась, вдругъ появилось облако пыли.

— Чортъ возьми! Опоздали!

— Батарея! Японская батарея на сѣдловинѣ!

— Устанавливаетъ орудія... Сейчасъ откроетъ огонь...

— Гдѣ, гдѣ? А! Вижу! Чортъ ихъ возьми!—выходилъ изъ себя генералъ,—дайте мнѣ батарею!

— Ваше превосходительство! Вамъ здѣсь нельзя болѣе оставаться. Насъ видно простымъ глазомъ. Они будутъ стрѣлять по начальникамъ.

— Да, да! Вы правы! Господа! Прошу всѣхъ удалиться!—распорядился генералъ и, поддерживаемый офицеромъ, сталъ, сердито пыхтя, спускаться внизъ, гдѣ находились вѣстовые съ лошадьми.

Немного времени спустя, на сѣдловинѣ сверкнули одинъ за другимъ огоньки, и новые громы влились въ общій гулъ канонады. Казалось, что невидимыя чудовищныя птицы зарѣяли въ воздухѣ, зашипѣли и завыли надъ опустѣвшей долиной.

Гремя и звеня, выѣхала подъ огнемъ непріятеля казачья батарея. Она быстро установилась на позиціи и открыла огонь. Начался оглушительный поединокъ между двумя батареями, поединокъ не на жизнь, а на смерть. Среди грома выстрѣловъ и шипѣнья снарядовъ раздавался зычный голосъ командира батареи:

— Четыре патрона! Бѣглый огонь! Батареею...

Взводные повторяли команду, прислуга съ какой-то дьявольской ловкостью и быстротой подносила снаряды, и батарея, словно восьмиголовое чудовище, изрыгала огонь и громы и посылала смерть, которая мчалась къ непріятелю съ глухимъ шумомъ навстрѣчу такой же смерти. Шрапнель сыпала съ высоты свинцовый градъ, бризантные снаряды взрывали кверху столбы земли и камней среди облаковъ удушливаго коричневаго дыма и насыщали воздухъ ядовитымъ газомъ. Невольное удивленіе вызывала горсть людей, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ бушевавшей смертью и съ какимъ-то фанатическимъ увлеченіемъ дѣлавшихъ свое убійственное дѣло. Граната врѣзалась въ скатъ холма, гдѣ лежала запасная прислуга, и съ оглушительнымъ трескомъ разорвалась. Когда густой желтый дымъ разсѣялся, на склонѣ копошились и корчились раненые и краснѣли кровавыя пятна.

Командиръ только оглянулся и снова продолжалъ, уже хриплымъ голосомъ, отдавать приказанія:

— Прицѣлъ сто двадцать! Трубка девяносто! Батарееюі..

Часамъ къ шести вечера канонада значительно ослабѣла. Почти по всѣмъ пунктамъ аттаки непріятеля были отбиты.

Все чаще и чаще стали появляться раненые.

Въ двуколкахъ, въ лазаретныхъ „линейкахъ“, пѣшіе и на носилкахъ—они выползали изъ лощинъ, спускались со склоновъ высотъ, устремляясь къ желѣзнодорожной насыпи, и длинной вереницей тянулись къ Вафангоо. Ихъ обгоняли ординарцы и адъютанты, спѣшившіе съ донесеніями къ корпусному начальнику.

Съ наступленіемъ темноты замолкли послѣдніе орудійные выстрѣлы, и только гдѣ-то на западѣ сердито перекатывалась въ горахъ торопливая и неровная ружейная трескотня.

Къ станціи со всѣхъ сторонъ хлынули пѣшія и конныя массы, и скоро вся окрестность превратилась въ одинъ сплошной бивакъ. Во мракѣ быстро наступившей ночи вспыхнули сотни костровъ, и ихъ багровое зарево, рѣзко вырѣзывая изъ тьмы человѣческія фигуры, палатки и фургоны, бросая трепещущія тѣни и яркія свѣтовыя пятна, окрашивало въ кровавую краску поднимавшійся отъ земли паръ, и весь бивакъ, гудѣвшій, какъ громадный улей, казался необычайно живописной и фантастической живой декораціей.

Огромное стадо людей, утомленное боевымъ днемъ, нервно-возбужденное и еще охваченное послѣдними впечатлѣніями боя, волновалось и копошилось, торопясь утолить голодъ и жажду и предаться желанному отдыху. Словно въ угарѣ, люди бросались на землю, говорили, не слушая другъ друга, жестикулировали, снимали и снова зачѣмъ-то надѣвали оружіе, вскакивали, переходили на другое мѣсто и метались безтолково въ разныя стороны. Нѣкоторые, блуждая растеряннымъ взглядомъ и ни къ кому собственно не обращаясь, повторяли по нѣскольку разъ одни и тѣ же слова.

— Только это мы поднялись, а ротный кричитъ: „скатки доло-ой"! Ну, и давай жарить! Да! „Скатки доло-ой!"—кричитъ, да и давай жарить!

— Ахъ ты, братцы мои!... Какъ косой его подрѣзало! Какъ косой!.. Ахъ ты, братцы мои!..

— Кипяточку!.. Кипяточку!..

Неподалеку отъ станціи, около недостроенной водокачки, цѣлая толпа офицеровъ всевозможныхъ частей осаждала маленькій сѣрый домикъ „питательнаго пункта" и тормошила завѣдующаго—низенькаго, необычайно подвижного старичка, отставного полковника.

— Голубчикъ, полковникъ! Нельзя ли какъ-либо чайку и хлѣба?

— Позвольте, господа!—пробирался впередъ сѣрый

отъ пыли поручикъ съ забинтованной головой, съ едва державшейся на затылкѣ фуражкой. — Полковникъ... мы остаемся въ окопахъ... товарищи просили... весь день поѣсть не удалось... дайте чего-нибудь... ради Бога!

— Михалъ Иванычъ! Старшій проситъ свѣчей и соломы для раненыхъ!—выкликалъ изъ толпы студентъ медикъ съ засученными рукавами, въ бѣломъ, запачканномъ кровью, фартукѣ.

Съ другой стороны наступала запыхавшаяся сестра милосердія. Поправляя съѣхавшую на бокъ наколку, она дергала за рукавъ завѣдующаго и повторяла: „бинтовъ и марли! Скорѣе! Полковникъ! Ради Бога! Бинтовъ и марли! У насъ не хватило! Раненые истекаютъ! Бинтовъ!

— Нельзя-ли у васъ какъ-нибудь примоститься на ночь?—внушительнымъ басомъ гудѣлъ упитанный гвардейскій полковникъ изъ числа „состоящихъ въ распоряженіи“.—Подлецъ-вѣстовой пропалъ съ палаткой и гинтеромъ! Хоть на голую землю ложись!

— А вы бы къ корпусному обратились! У него, говорятъ, пуховыя перины имѣются!—угрюмо посовѣтовалъ кто-то гвардейцу.

„Михалъ Иванычъ“ вертѣлся во всѣ стороны, кивалъ головой и старался удовлетворить каждаго по мѣрѣ возможности. Онъ то исчезалъ внутри домика, гдѣ среди развороченныхъ ящиковъ и соломы суетились санитары,—то снова появлялся, нагруженный всякой всячиной, которую и совалъ въ протянутыя къ нему руки.

— Спасибо! Дай вамъ Богъ... Ну и полковникъ!— гудѣли осаждавшіе и расходились.

— Если бы не этотъ славный старикъ,—подохнуть пришлось бы!—говорили нѣкоторые.

И „полковникъ“, несмотря на преклонные годы и видимую усталость, продолжалъ суетиться, раздавать, приказывать санитарамъ и наемнымъ китайцамъ, все время приговаривая:

— Сейчасъ, голубчики! Потерпите чуточку! Все будетъ, все!

Постепенно суматоха затихла, и передъ домикомъ, вокругъ фонарика, собрался кружокъ, и появились чай, хлѣбъ и разогрѣтые консервы. Съ простотой усталыхъ и голодныхъ людей, ѣли безъ ножей и вилокъ, пользуясь пальцами, щепками, ѣли жадно и медлительно, какъ бы желая возможно дольше насладиться самымъ процессомъ ѣды.

За чаемъ зардѣлись трубки, и начались разсказы— отрывочные, часто безъ конца и начала, обрывки пережитого, впечатлѣнія отдѣльныхъ моментовъ. Говорили, не думая о слушателяхъ, побуждаемые нервнымъ подъемомъ и потребностью высказаться.

— А зато въ первомъ полку... чуть-чуть пониже насъ... ужасно! Командиръ убитъ! Адъютантъ только взялъ подъ козырекъ, доложить собирался—наповалъ! Все лицо залило! А сколько людей выкосило! Имъ больше всѣхъ досталось!

— Нѣтъ, какой номеръ выкинулъ подъэсаулъ Мартьяновъ? Вмѣсто Филимонова второй батареей командуетъ... на него двѣ батареи насѣли японскія—прямо засыпали казаковъ! Отстрѣливался, какъ чортъ! Вдругъ два бризанта у него подъ носомъ! Р-разъ-р-разъ! Человѣкъ восемь выхватило! Какъ только очухалась батарея, Мартьяновъ разсвирѣпѣлъ! Взялъ одинъ взводъ на передки, спустился съ вышки и запустилъ карьеромъ черезъ долину. Японцы здорово, должно быть, обалдѣли! Прямо на виду у нихъ, подъ адскимъ огнемъ, понимаете, подлетѣлъ къ ихнему парку прямо въ упоръ, повернулъ взводъ да нѣсколькими выстрѣлами и взорвалъ паркъ! А потомъ такимъ же манеромъ опять сталъ на позицію! Это номеръ!

— А по-моему, это мальчишество!—сурово вставилъ старый подполковникъ изъ сибирскихъ стрѣлковъ.— Это въ мое время у насъ, въ задунайской арміи, такія

штуки считались отличіемъ. Теперь такія выходки неумѣстны! Совсѣмъ другая война и другіе пріемы! Не та артиллерія, да и дистанціи почище прежнихъ!

Старики хмурились и ворчали, но приподнятый, нѣсколько задорный тонъ молодежи бралъ верхъ и прорывался бодрящею ноткой въ общемъ хорѣ голосовъ.

— У насъ чудакъ-деньщикъ сегодня всю роту развеселилъ! Моего батальоннаго деньщикъ... Съ утра, передъ выступленіемъ, онъ все собирался курицу сварить для командира, да не успѣлъ, скоро двинули! При прощаніи батальонный возьми и скажи ему въ шутку: „сваришь курицу — на позицію принесешь!" Деньщикъ-то—слегка придурковатый, совсѣмъ обормотъ... Ладно! Двинулись! За весь день три раза перегоняли насъ съ мѣста на мѣсто! Подъ вечеръ попали на зеленую сопку, что надъ деревней... Удягоу, что-ли... Адъ форменный! Два пулемета они на насъ выдвинули, да взводъ артиллеріи, ужъ не говоря о пѣхотѣ. Въ цѣпи у насъ—какъ въ банѣ на полкѣ! Вдругъ, въ самый разгаръ этого пекла, слышимъ, кричатъ: „командиръ второго батальона! Гдѣ командиръ?!" Думали, приказъ! Въ аттаку пошлютъ или... Смотримъ: пригнувшись, претъ подъ пулями эта образина, весь въ поту, безъ шапки, рожа перепуганная... Что такое?—„Ихъ высокородію курицу принесъ!" Какъ ни жутко было, а всю публику распотѣшилъ! Даромъ, что глупъ непроходимо!

— А все-таки день былъ хорошъ! Досталось имъ здорово! Завтра за Вафандянъ отбросимъ!

— Въ Артуръ пойдемъ!

— Не понимаю!—сомнительно покачивая сѣдой, коротко остриженной головою, говорилъ участникъ турецкой войны:—всѣ части введены въ бой, а резервовъ достаточныхъ нѣтъ! Я думаю, что японцы не знаютъ нашихъ силъ. А то бы намъ не удержаться сегодня! Посмотримъ, что завтра будетъ!..

— Помилуйте, у нихъ громадныя потери!

— Этого никто не можетъ знать! Мы сами своихъ потерь еще не знаемъ! И, притомъ, я видѣлъ сегодня, они въ этихъ сопкахъ—какъ рыба въ водѣ, а нашему брату эта гимнастика туго дается! А это громадный перевѣсъ.

— Полноте! Завтра путь къ Артуру будетъ свободенъ!

Явился едва двигавшійся отъ усталости врачъ—профессоръ, носившій популярное имя, и присѣлъ къ фонарику. Близорукіе глаза свѣтились сквозь очки, и нѣсколько возбужденная, слабая улыбка оживляла вдумчивое, поблѣднѣвшее отъ переутомленія лицо.

— Что за народъ наши солдаты! — говорилъ онъ „полковнику,“ который, наконецъ, угомонился и сидѣлъ съ кружкой чаю въ рукѣ.—Три четверти раненыхъ оказываются перевязанными! Кого ни спросишь: гдѣ первую перевязку дѣлали?—„Въ цѣпи, говоритъ, самъ перевязался!.. Другъ друга перевязывали!..“ Посмотришь на иного тяжело раненаго—и невольно думаешь: ребенокъ—какъ есть! Большой, бородатый, но ребенокъ! Терпѣніе, выносливость—изумительныя! А много голодныхъ, истощенныхъ и потерею крови, и голодомъ...

— Не говорите, профессоръ!—заволновался „полковникъ.“—Это самое возмутительное дѣло! Сколько я настаивалъ, просилъ, доказывалъ, что будетъ множество голодныхъ, что надо устроить нѣчто вродѣ большой полевой кухни, чтобы было котловъ пять съ кипяткомъ и котла четыре съ горячей похлебкой. Вѣдь у насъ есть консервы... Врыть въ землю и держать на огнѣ, чтобы люди послѣ боя могли подкрѣпиться... Куда! И слушать не хотятъ!.. Вы, говорятъ, выдумываете, это расточительность... А люди вонъ—голодные! А если придется еще все это бросить и оставить японцамъ? Для шампанскаго, вонъ, и средства, и вагоны, и ящики находятся! И люди есть для переноски! Да-да!

А тутъ—расточительность! Нѣтъ, я уйду, уйду! Не могу я этого переносить!..

Бивакъ затихалъ постепенно, одинъ за другимъ догорали и гасли костры, и скоро тысячи людей, устилавшихъ землю, погрузились въ глубокій сонъ. Казалось, что вмѣстѣ съ людьми и окрестныя высоты, и небо отдыхали послѣ боевого дня.

Гдѣ-то по близости бредилъ кто-то во снѣ и повторялъ команду: „прицѣлъ семьсотъ... первая съ колѣна...“

Изъ-за высокой конусообразной сопки выглянулъ мѣсяцъ, и блѣдный лучъ скользнулъ по склону горы, пробрался въ долину, смутными силуэтами очертилъ тѣла спавшихъ и посеребрилъ обнаженную, опущенную на грудь, сѣдую голову „полковника“; онъ долго, неподвижно сидѣлъ на порогѣ маленькаго домика, и было трудно рѣшить—думалъ ли онъ глубокую, тихую думу, или молился.

V.

— Не понимаю! На кой чортъ насъ пригнали сюда? Любоваться боемъ, что-ли? Чего мы стоимъ? Тобольцы, Омцы, пятый, шестой—всѣ полки въ дѣлѣ!—кричалъ, размахивая руками, поручикъ Завадскій, стоя передъ палаткой Сафонова, который возился съ жестянкой консервовъ.

N-цы простояли весь день перваго іюня верстахъ въ пятнадцати къ сѣверу, и только въ ночь на второе ихъ спѣшно двинули къ Вафангоо. Полкъ, цѣлый день слушавшій ожесточенную канонаду, былъ уже охваченъ приподнятымъ настроеніемъ и, прибывъ въ Вафангоо, съ нетерпѣніемъ ожидалъ приказанія двинуться въ дѣло. Боевая горячка, носившаяся въ воздухѣ, взбудоражила и нижнихъ чиновъ, и офицеровъ. Люди безпокойно суетились, осматривали оружіе, напряженно слѣ-

дили за сверкавшими надъ сопками разрывами, возбужденно толковали, бранились и нетерпѣливо поглядывали въ ту сторону, гдѣ виднѣлся небольшой значокъ надъ палаткой полкового командира.

Но приказаніе двинуться въ бой не приходило.

Подполковникъ Дубенко, котораго съ самаго утра какъ будто лихорадило, успокоился и, покрикивая на деньщика и вѣстового, готовился основательно позавтракать. Около него собрались офицеры его батальона и подтрунивали надъ нимъ, стараясь шутками скрыть охватившее ихъ волненіе.

— Экая у васъ удивительная способность! И откуда только аппетитъ берется? Тутъ вонъ какая музыка, земля гудитъ, а вы... лукулловскій пиръ закатываете!

Дубенко плутовато-самодовольно улыбался и старательно разрывалъ жареный кусокъ баранины. Передъ нимъ стояли начатая бутылка водки, банка съ горчицей, флаконъ сои—предметы, съ которыми онъ никогда не разставался.

— Вотъ, фендрики, учитесь у стариковъ присутствію духа!—съ тонкой ироніей замѣтилъ капитанъ Заленскій, подмигнувъ однимъ глазомъ. Онъ подслушалъ утромъ разговоръ Дубенки съ полковымъ докторомъ Фиферомъ, которому Дубенко дрожащимъ голосомъ сообщалъ, что у него „молотьба и рѣзь въ животѣ нестерпимая". Фиферъ, маленькій, неряшливо одѣтый, всегда подвыпившій и насмѣшливо настроенный, слушалъ Дубенку съ неописуемымъ презрѣніемъ на типичномъ еврейскомъ лицѣ, обросшемъ курчавой черной бородкой.

— Ну, рѣзь... ну хорошо... ну молотьба... ага! Ну, кишки заворачиваетъ... ну и что изъ этого? Чего вы отъ меня хотите?.. Просто вы трусите! Испугались японцевъ! Смерти боитесь... Вся ваша болѣзнь!

— Я думаю, ужъ не дезинтерія ли это? Можетъ, лучше въ госпиталь... а?

— Ну и ступайте къ полковому командиру, проситесь въ госпиталь... а я со своей стороны заявлю, что...

— Да-да! Ужъ вы, голуба моя, тово...

— ...Что никакой дезинтеріи у васъ нѣтъ, а просто у васъ отъ страху блохи дохнутъ... .

Теперь Дубенко нѣсколько пріободрился. Онъ надѣялся, что N-цы останутся въ резервѣ до конца боя.

— Ершентій!—кричалъ онъ, какъ сварливая баба, на весь бивакъ гнусовымъ, женоподобнымъ голосомъ,— ты что же это? Заморить меня захотѣлъ? Господи, что это за стерва! Издѣвается надо мной, подлецъ! А, Ершентій! Дашь ли ты мнѣ чесноку, наконецъ?!

Передъ палаткой Сафонова прискакавшій съ позиціи адъютантъ наскоро закусывалъ и разсказывалъ съ набитымъ ртомъ послѣднія новости:

— Генералъ Г. всю ночь шелъ... обходилъ японцевъ... съ запада... Намъ бы только удержаться, пока онъ... не подойдетъ и не ударитъ имъ во флангъ... Китайцы здорово сигнализируютъ японцамъ...

— А много ихъ, японцевъ?

— Чортъ ихъ знаетъ! Говорятъ, ночью здоровое подкрѣпленіе получили!.. Синьковъ убитъ...

— Н-ну? Какъ?

— Самъ видѣлъ! Черепахинъ раненъ и взятъ японцами... Выѣхалъ съ разъѣздомъ, въ рощѣ напоролся на японцевъ... Господа, нѣтъ ли покурить у кого? потерялъ кисетъ и трубку... Да, напоролся, но не узналъ, потому на нихъ сѣрыя рубахи были... Охотники ему говорятъ: „вашбродіе, это японцы“... а онъ: „дураки, говоритъ,—это наши, видишь, рубахи сѣрыя!“ Тѣ дали ему проѣхать мимо, да сзади и шарахнули залпомъ. Черепахинъ свалился, еще одинъ охотникъ, остальные тягу дали! Раненый охотникъ все-таки выбрался ползкомъ, далъ знать нашей заставѣ... Выслали казаковъ, все перешарили—ни живой души, только въ томъ мѣстѣ, гдѣ Черепахинъ упалъ, земля взрыта, да тем-

лякъ оторванный нашли... Видно, не давался онъ имъ... да!..

Слушатели нахмурились.

— Говорятъ, они раненыхъ добиваютъ!—угрюмо замѣтилъ Кранцъ, поправляя очки.—Это подло!

— Да! Вчера Воронова съ своимъ отрядомъ ѣхала съ флагами Краснаго Креста, все, какъ слѣдуетъ, а они по нимъ три залпа дали! Тѣ едва ушли!..

— Снимай палатки-и!—пронеслось вдругъ по биваку.—Сейчасъ выступаемъ!

Разговоры оборвались, офицеры бросили ѣду и торопливо отдавали послѣднія приказанія.

Дубенко, сразу поблѣднѣвшій, говорилъ деньщику, подтягивая свои необъятныя шаровары:

— Ты смотри, не пропади по глупости! Не растеряй ничего! Баранину и мою корзинку возьми въ обозъ и будь все время при обозѣ! А потомъ меня къ вечеру разыщи! Понялъ? Корзинку съ собой захвати!

Пока нестроевые свертывали палатки и убирали незатѣйливый походный скарбъ офицеровъ,—стали выстраиваться роты и батальоны, и скоро весь полкъ сталъ въ ружье.

— Смирна-а!

Передъ фронтомъ появился командиръ въ сопровожденіи прибывшаго изъ штаба ординарца. Лицо командира, землисто-блѣдное, было мрачно и подергивалось судорогой. Онъ исподлобья смотрѣлъ на солдатъ, и въ этомъ взглядѣ свѣтилась тревога вмѣстѣ съ плохо скрываемой злобой.

— Не сладко ему, поди, приходится!—проговорилъ Сафоновъ,—между двухъ-то огней!.. Обязательно рѣчь держать будетъ! Онъ вѣдь не можетъ безъ этого!

Дѣйствительно, командиръ въ эту минуту осадилъ коня, провелъ рукой по „николаевскимъ“ бакенбардамъ, сдѣлалъ театральный жестъ и сухимъ, деревяннымъ

голосомъ началъ выкликать слова своей рѣчи, заглушаемой канонадой.

— Ребята! Насталъ часъ... призываетъ... священный долгъ... родины... царя... Ребята!.. Надѣюсь... каждый солдатъ... присягѣ...

Лица солдатъ были угрюмо серьезны; ихъ взгляды были устремлены не на привставшаго на стременахъ командира, а на грохотавшія сопки, надъ которыми дымки разрывовъ уже стали сливаться въ бѣлоснѣжныя, кудрявыя облака. Долгая, напыщенная рѣчь, трескучія фразы безъ малѣйшей искры чувства, повидимому, не производили никакого впечатлѣнія на солдатъ. Казалось, что въ эту минуту эти двѣ съ половиною тысячи людей были охвачены одною думою, однимъ смутнымъ предчувствіемъ.

Командиръ кончилъ. Полкъ стоялъ въ угрюмомъ молчаніи.

— Кру-гомъ!

Сверкнувъ стальною щетиной, полкъ обернулся фронтомъ къ биваку. Отецъ Лаврентій, въ старенькой эпитрахили, въ сѣрой, затасканной рясѣ, съ крестомъ въ рукахъ подошелъ къ фронту. Онъ былъ необычайно блѣденъ, зрачки свѣтлыхъ глазъ расширились, и грубо очерченныя губы дрожали. Онъ, видимо, хотѣлъ что-то сказать—кротко и довѣрчиво смотрѣвшимъ на него солдатамъ, но сильное волненіе мѣшало ему.

Скомандовали „на молитву“, и коротко остриженныя, крѣпкія головы обнажились.

Голосъ священника дрожалъ и обрывался, солдаты вторили ему, и ихъ голоса сливались въ глухой гулъ.

Когда молитва кончилась, отецъ Лаврентій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Командиръ и офицеры подошли ко кресту и снова заняли свои мѣста. Отецъ Лаврентій обвелъ ряды солдатъ долгимъ прощальнымъ взглядомъ, поднялъ руку и осѣнилъ полкъ однимъ медленнымъ, плавнымъ крестнымъ знаменіемъ. Изъ

переднихъ рядовъ стали выбѣгать солдаты, чтобы приложиться ко кресту, но въ это время раздалось звучное „смирна-а“, волновавшіеся ряды сѣрыхъ рубахъ замерли на нѣсколько секундъ, вскинули ружья и, слегка колыхаясь, двинулись впередъ.

Отецъ Лаврентій продолжалъ осѣнять крестомъ удалявшійся полкъ, пока послѣдній не скрылся въ облакѣ пыли. Затѣмъ онъ снялъ съ себя эпитрахиль, свернулъ ее и, тихо всхлипывая, побрелъ къ станціи.

— Господи, прости меня и помилуй,—говорилъ онъ сквозь слезы:—вѣкъ цѣлый молиться надобно и денно, и нощно, чтобы умилостивить Господа за великій грѣхъ нашъ, за убіеніе человѣковъ! Слыхалъ я, что и японцы въ Бога вѣруютъ, и попы у нихъ тоже есть... Молиться и слезно каяться надобно...

На станціи суетились санитары и сестры милосердія, принимая раненыхъ, которые уже заняли половину станціоннаго зданія. Адъютанты и ординарцы съ донесеніями въ безпокойствѣ ходили передъ спальнымъ вагономъ длиннаго поѣзда, занимаемаго командиромъ корпуса. Изрѣдка на площадкѣ и въ окнѣ вагона появлялась горничная, въ чистенькомъ фартукѣ, съ нарядной наколкой на головѣ, и съ таинственно-значительнымъ видомъ сообщала адъютантамъ, что „генералъ еще почиваютъ“. Адъютанты выходили изъ себя, въ ожиданіи пробужденія начальника отряда, и тревожно поглядывали на положительно клокотавшія отъ ружейнаго огня и орудійнаго грома ближайшія сопки.

— Что же это такое? — возмущался одинъ изъ нихъ, размахивая спѣшнымъ донесеніемъ съ позиціи, —это издѣвательство надъ людьми, надъ всѣмъ! У насъ больше часу не продержатся! Нужны либо подкрѣпленія, либо отвести людей на другую позицію! Чортъ знаетъ, что! Спать! Спать, когда тутъ дорогà каждая минута!

На крышѣ вагона появился кто-то изъ нестроевыхъ и сталъ поливать водою настилку, предохранявшую крышу генеральскаго вагона отъ накаливанія. Изъ открытаго товарнаго вагона, гдѣ была устроена кухня, доносился частый стукъ и звонъ посуды: тамъ рубили котлеты, приготовляли соусы для генеральскаго завтрака.

Заморенный, тощій, изнывающій отъ зноя казакъ заглянулъ въ кухню, спросилъ чего-то, обругалъ повара и направился къ плюгавому, черномазому греку, который на платформѣ раскупорилъ ящикъ съ напитками и табакомъ и поджидалъ случая нажить рубль на рубль.

— Давай чего-либо напиться! Квасу, пива!—потребовалъ казакъ сиплымъ, сердитымъ голосомъ и запустилъ руку въ ящикъ.

— Стой, стой! Казакъ! Деньги клади впередъ!

— Что-о? Деньги? Да я тебя, сукина сына...

Грекъ пугливо отскочилъ въ сторону, а казакъ вытащилъ одну изъ бутылокъ, отбилъ шашкой горлышко и сталъ жадно глотать содержимое. Напившись и осушивъ бутылку до дна, онъ вытеръ рукавомъ катившійся по лицу потъ, свирѣпо покосился на генеральскій поѣздъ и, размахнувшись, запустилъ бутылкой въ одинъ изъ вагоновъ.

— Сволочь проклятая! Чтобъ ты сдохъ въ своихъ вагонахъ!

Ординарцы и адъютанты оглянулись на казака, но тотчасъ же сдѣлали видъ, что ничего не замѣтили, а казакъ погрозилъ кулакомъ въ пространство и, волоча ноги, поплелся къ поджидавшей его, такой же заморенной, лошади.

Нѣсколько китайцевъ, глазѣвшихъ на поѣздъ въ концѣ платформы, вдругъ шарахнулись въ сторону, спугнутые грознымъ голосомъ: „Цуба! Вонъ! Шпіоны! Я вамъ задамъ!“

Изъ-за угла выскочилъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся, „свѣтлѣйшій“ князь Тринкензейнъ.

— И почему эту сволочь не гонятъ? Этихъ подлецовъ надо разстрѣливать! Я сегодня съ паровоза, когда ѣхалъ сюда, послалъ одной такой собакѣ двѣ пули подрядъ! — говорилъ князь, обмахиваясь бѣлоснѣжнымъ носовымъ платкомъ и распространяя вокругъ себя запахъ духовъ.

Князь былъ одѣтъ въ новенькій, элегантный мундиръ казачьяго полка, къ которому причислился во время войны. Съ лѣвой стороны болталась роскошно отдѣланная серебромъ и золотомъ кавказская шашка. Изъ-за обшлага выглядывала пара свѣжихъ перчатокъ.

— А вы давно здѣсь?

— Съ самаго утра! Пріѣхалъ на паровозѣ съ барономъ Габеномъ... Чортъ возьми, я положительно задыхался! Вы не видали нашихъ казаковъ? Понимаете, какое безобразіе: пропалъ мой казакъ съ лошадью... долженъ былъ ожидать меня на станціи, а его нѣтъ! А теперь я не могу найти мою сотню! Вообще, надо сказать, что наши знаменитые казаки — порядочная дрянь!

— А вы бы, князь, туда отправились! — съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица посовѣтовалъ пѣхотный адъютантъ, указывая на сопки. — Ваши казаки должны быть гдѣ-нибудь неподалеку!

— Ну, это — покорнѣйше благодарю! Тамъ такой балъ идетъ!.. Нѣтъ, но какъ они жарятъ! Каковъ бой! Оглохнуть можно! Впрочемъ, я думаю, это все скоро кончится! Мы ихъ отбросимъ къ чорту!

— Мы?—подчеркнулъ пѣхотный офицеръ.

— Ну, конечно! — завѣрилъ князь, не понявъ намека. — Мнда! А знаете, хорошо бы теперь позавтракать! У меня нѣтъ ничего съ собой! Подлецъ-казакъ надулъ! И, главное, я ничего не знаю! Баронъ куда-то

пропалъ... А вотъ мы сейчасъ узнаемъ! Поручикъ! Поручикъ! Сюда! — закричалъ свѣтлѣйшій появившемуся на платформѣ офицеру. Запыленный, обливающійся потомъ стрѣлокъ, съ разстегнутымъ воротомъ сѣрой рубахи, подковылялъ, опираясь на шашку съ оборванной портупеей. Глаза, охваченные темными кругами, сверкали, какъ угольки, страдальчески и злобно; онъ безпокойно подергивалъ головою и что-то бормоталъ сухими, блѣдными губами. Кряхтя отъ боли, офицеръ опустился на платформу, гдѣ падала легкая тѣнь отъ вагоновъ, и осторожно выпрямилъ ногу.

— А! Вы ранены?—спросилъ князь и, вынувъ испещренный монограммами портсигаръ, протянулъ его офицеру. Тотъ молчалъ, глядя въ землю, и какъ будто не замѣчалъ князя.

— Должно быть, оглохъ отъ выстрѣловъ! — замѣтилъ „свѣтлѣйшій" и громче повторилъ свой вопросъ.

— Ну къ чему вы спрашиваете?—съ раздраженіемъ, сквозь зубы, отозвался стрѣлокъ. — Глупый вопросъ! Какой это нераненый офицеръ броситъ своихъ солдатъ и уйдетъ съ поля?.. Еще спрашиваютъ!..

— Ахъ, пожалуйста, не волнуйтесь! Вамъ нужно спокойствіе,—наставительно отвѣтилъ князь.—Скажите, какъ наши дѣла?

— Наши? — Стрѣлокъ ѣдко усмѣхнулся. — „Наши" дѣлаютъ свое дѣло и... ложатся... много, много полегло сегодня... да! А вотъ „ваши"...—Стрѣлокъ захлебнулся отъ охватившаго его волненія и заговорилъ порывисто, торопливо, какъ бы догоняя каждое слово:

— „Вы поймите только... поймите, какъ это назвать?! Еле добрался до станціи... спасибо—китаецъ попался, подвелъ съ версту... Ногу ломитъ... царапина пустяковая, но кость ноетъ нестерпимо. Прилечь бы въ тѣни, передохнуть... Вижу,—поѣздъ стоитъ; вотъ, думаю, куда

заберусь! Подошелъ вонъ къ тому вагону, заглянулъ, вижу: фигура въ бѣломъ фартукѣ, на головѣ колпакъ поварской... Что за чортъ?.. Ничего не понять, откуда сіе... А тотъ этакимъ басомъ внушительно: „нельзя, говоритъ, сюда!“ Я ушамъ своимъ не повѣрилъ! Какъ, говорю, нельзя? Мнѣ, раненому офицеру, говорю, нельзя въ товарный вагонъ залѣзть, въ тѣни духъ перевести?!—„Никакъ нѣтъ,—говоритъ,—это поѣздъ его превосходительства командира корпуса! Самъ генералъ, говоритъ, приказали не пущать! Тутъ уже двоихъ выставили! Генералъ, говоритъ, очень гнѣвались!“ Понимаете вы? „Выставили!“ Раненыхъ... выставили! Это что-то ужасное, дикое... уму непостижимое!.. Въ одномъ вагонѣ, видѣлъ, корова стоитъ... генералу молоко требуется. Кухня, поваръ въ колпакѣ, жена, горничная... выставляютъ раненыхъ! Это... это... Кругомъ бойня, полосами ложатся люди, всѣ безъ головы, никакого толку, ни резервовъ, ни артиллеріи, а тутъ антрекоты, корова... куча офицеровъ безъ цѣли болтается...

Въ это время въ окнѣ вагона мелькнуло багровое, одутловатое лицо барона Габена съ сигарой въ зубахъ.

— Э-э! Баронъ!—замахалъ князь рукой и побѣжалъ къ вагону.

— Боже мой! Что же это дѣлается?! — продолжалъ стрѣлокъ, качая головой.—Все, что вчера удалось занять, сегодня назадъ отдаемъ!.. У насъ батальонный убитъ, въ первой ротѣ командиръ раненъ въ голову, прапорщика гранатой разорвало, отъ роты человѣкъ восемьдесятъ уцѣлѣло! Когда отходили, четыре раза поворачивали фронтъ и назадъ въ штыки бросались... Да... а когда отдали сопку, и тѣ успѣли свою батарею поставить,—тогда только подкрѣпленіе явилось!

Часамъ къ тремъ дня вся станція превратилась въ перевязочный пунктъ. Врачей не хватало, и большинство раненыхъ терпѣливо дожидалось очереди. Многіе изъ нихъ не выдерживали, валились на землю,

извивались и корчились отъ страданій, задыхались отъ зноя и оглашали воздухъ воплями. На платформѣ, около вагоновъ, въ самомъ зданіи— вездѣ копошились на землѣ сѣрыя рубахи, окровавленныя головы, обнаженныя руки и ноги, уродливо вспухшія, съ темными пятнами; мелькали смертельно-блѣдныя лица съ раздробленными челюстями, пробитыя груди, клокотавшія кровью; и надъ всѣмъ этимъ въ раскаленномъ воздухѣ носился тяжелый запахъ свѣжей крови, и чувствовалась зловѣщая вонь разложенія.

Все чаще и чаще мелькали мимо станціи уходившіе на сѣверъ китайцы и китаянки, нагруженные убогимъ скарбомъ. Нѣсколько казаковъ гнали группу связанныхъ за косы стариковъ.

Ихъ поймали въ то время, когда они пытались сигнализировать японцамъ насаженными на длинныя палки маленькими зеркалами, изображавшими подобіе геліографа. Изрытыя морщинами, обожженныя солнцемъ лица китайцевъ были угрюмо-безстрастны, и только, когда кто-нибудь изъ казаковъ подгонялъ ихъ ударами плети,—старики скалили зубы и злобно сверкали бѣлками косыхъ глазъ.

На небольшомъ холмѣ, близъ станціи, кучка нестроевыхъ и санитаровъ, съ отцомъ Лаврентіемъ во главѣ, хоронила убитыхъ въ огромной братской могилѣ, которая зіяла красною глиной, словно окровавленная пасть. Заупокойное пѣніе смутнымъ и печальнымъ эхомъ долетало порою между оглушительными залпами артиллеріи.

Въ сѣромъ домикѣ „питательнаго пункта“ кипѣла лихорадочная работа. Профессоръ Б-нъ, сбросивъ съ себя тужурку, съ окровавленными руками, обливаясь пòтомъ, перевязывалъ раненыхъ, переполнившихъ маленькій домикъ. Было тяжело дышать отъ духоты и зловонія.

Сбившіеся съ ногъ санитары съ трудомъ перетаскивали трупы при помощи двухъ пожилыхъ китайцевъ.

Послѣдніе проявляли необычайную нѣжность къ страдальцамъ, старались обращаться съ ними съ крайней осторожностью, и при малѣйшей своей неловкости на ихъ лицахъ сказывалось неподдѣльное огорченіе.

Одинъ изъ китайцевъ, взятый изъ ближайшей деревушки, утромъ этого дня потерялъ жену и сына: они были погребены подъ развалинами собственной фанзы, въ которую угодила шальная граната.

Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ неутомимо и проворно дѣлать свое дѣло: помогалъ санитарамъ, бѣгалъ за водой, подавалъ бинты и вату, и только изрѣдка, когда онъ выпрямлялъ спину и нѣсколько секундъ стоялъ безъ дѣла, на его лицѣ появлялось какое-то тупое, окаменѣлое отчаяніе.

Вдругъ подъ окнами домика раздался оглушительный трескъ, а за нимъ—вопли людей и ревъ животныхъ. На мгновеніе всѣ остолбенѣли, затѣмъ бросились вонъ. Густой желтый дымъ наполнялъ небольшой дворъ домика, передъ которымъ образовалась широкая, довольно глубокая, воронка. Тутъ же, на взрытой снарядомъ землѣ, еще трепеталъ и вздрагивалъ въ лужѣ крови погонщикъ-китаецъ, а въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, широко раскинувъ руки солдатъ-санитаръ. Въ углу двора бѣсновались и рвались съ привязи обозные мулы, а горсть обезумѣвшихъ китайцевъ металась и дико вопила.

На ближайшихъ высотахъ одинъ за другимъ сверкали огоньки, и грохотали выстрѣлы. Съ домикомъ поравнялась бѣжавшая куда-то команда полевого телеграфа.

— Уходите!—кричали солдаты, указывая на сѣверъ.

— Уходи, перестрѣляютъ!

Надъ головой зашипѣли новые снаряды; они перелетали теперь долину, желѣзнодорожную насыпь и разрывались надъ небольшимъ поселкомъ, изъ котораго въ ужасѣ выбѣгали китайцы, бросая все, спасая только

дѣтей. Изъ фанзы, гдѣ находились, въ ожиданіи братской могилы, трупы убитыхъ и умершихъ въ теченіе ночи, выбѣжали санитары и сестра милосердія съ бѣлымъ саваномъ въ рукахъ.

Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди, устремляясь къ станціи.

Тамъ происходило смятеніе.

Толпа перепуганныхъ, взбудораженныхъ людей росла съ каждой минутой. Охваченные страхомъ и мыслью о собственномъ спасеніи, люди уже не обращали вниманія на раненыхъ, тѣснили ихъ, сбивали съ ногъ, наступали на лежавшихъ на землѣ, безтолково метались и кричали.

Внутри станціоннаго зданія врачи и санитары продолжали дѣлать свое дѣло, не думая, не подозрѣвая объ опасности, въ какомъ-то сверхъестественномъ увлеченіи. Ихъ блѣдныя лица съ прилипшими ко лбу волосами, невнятная, какъ бы спотыкающаяся рѣчь—говорили о страшной физической усталости; но въ напряженномъ выраженіи глазъ, въ ихъ сверкающихъ взглядахъ—свѣтился мощный духъ людей призванія, дошедшихъ до высшаго подъема, до полнаго самозабвенія.

На платформѣ появился комендантъ станціи; онъ бросился къ телеграфу, продиктовалъ депешу одурѣвшему отъ усталости и безсонныхъ ночей солдату-телеграфисту и ринулся въ волновавшуюся толпу.

— Очищай мѣсто! Выноси раненыхъ! Здоровые, уходи вонъ!

— Стойте! Господа! — ревѣлъ онъ надтреснутымъ голосомъ, размахивая руками въ дверяхъ перевязочнаго пункта.

— Прорвали центръ! Прорвали центръ! Отступаемъ! Сейчасъ отходитъ послѣдній поѣздъ на сѣверъ! Скорѣй выноси раненыхъ! Въ вагоны!

Врачи растерянно переглядывались. Комендантъ

собирался что-то сказать, но въ эту минуту раздался взрывъ, зазвенѣли стекла, и съ потолка рухнула внизъ штукатурка и цѣлый потокъ мусора и пыли.

— Уходи-и! Стрѣляютъ по станціи!

Не прошло и минуты, какъ охваченная паникой толпа, словно обезумѣвшее стадо, бросилась къ вагонамъ.

Тщетно пытались врачи, санитары и сестры милосердія остановить этотъ живой потокъ, чтобы размѣстить раненыхъ. Здоровые пускали въ ходъ силу, работали плечомъ и кулакомъ, и только наведенный на нихъ револьверъ коменданта нѣсколько образумилъ ихъ. Раненыхъ несли, волокли и спѣшно нагружали въ вагоны, подталкивая, подбрасывая ихъ, какъ попало, нагромождая ихъ другъ на друга. Станціонные служащіе суетились надъ снятіемъ телеграфнаго аппарата, выносили зачѣмъ-то ручные фонари. Кто-то выскочилъ на платформу съ большими станціонными часами въ рукахъ... Офицеры желѣзнодорожнаго батальона отдавали приказанія, которыхъ никто не понималъ и не слушалъ. У станціоннаго барьера стояла молодая сестра милосердія и истерически плакала. Какой-то интендантъ схватилъ ее за плечи и почти силой потащилъ къ вагонамъ. Маленькій саперный офицеръ испуганно озирался и приставалъ ко всѣмъ съ назойливымъ вопросомъ: „Гдѣ же нашъ инструментъ? Ради Бога, гдѣ нашъ инструментъ?“ Плюгавый маркитантъ-грекъ, съ багровымъ отъ натуги лицомъ, взвалилъ на себя коробъ и отчаянно продирался къ одному изъ вагоновъ. Кто-то ударилъ его ногой въ животъ, грекъ полетѣлъ наземь, изъ короба посыпались бутылки, и почти въ одно мгновеніе надъ грекомъ образовалась свалка, замелькали кулаки, и раздались жалобные вопли.

Дребезжащій ревъ паровозовъ тревожнымъ призывомъ врѣзался въ гулъ и грохотъ канонады.

Новая толпа подхватила меня и увлекла за собою.

Путейскіе служащіе, инженеръ, офицеры желѣзнодорожнаго батальона бросились къ паровозамъ, которые продолжали ревѣть и шипѣть. Вдоль поѣзда бѣгали и кричали оставшіеся, для которыхъ не хватало мѣста. Нѣкоторые пытались взобраться на крыши вагоновъ, усѣянныя набросанными туда вещами и аммуниціей. Люди облѣпили вагонныя ступеньки, карабкались на буфера, на цѣпи, сталкивая другъ друга, цѣпляясь за что попало... Площадки и угольные тендеры обоихъ паровозовъ были набиты станціоннымъ персоналомъ. Комендантъ станціи подалъ сигналъ и вскочилъ на подножку паровоза. Громадный поѣздъ дрогнулъ, рванулся и медленно двинулся съ мѣста. Въ это время снаряды зарѣяли надъ самымъ поѣздомъ.

У водокачки врѣзался въ землю и разорвался бризантный снарядъ, разметавъ нѣсколько тяжелыхъ бревенъ и груду кирпича. Кучка бѣжавшихъ солдатъ метнулась къ сѣрому домику и прижалась къ стѣнѣ, укрываясь отъ огня, но въ тотъ же мигъ надъ домикомъ сверкнулъ огонь, и съ него посыпались кирпичи и стекла. Излетная шрапнель разорвалась низко надъ землею, около полотна дороги, и свинцовый градъ скользнулъ по тендеру паровоза, гдѣ обезумѣвшіе люди давили другъ друга.

Вдругъ всѣ почувствовали толчокъ: передній паровозъ отдѣлился отъ поѣзда и сталъ быстро удаляться.

— Порвали цѣпи! Сто-ой! Назадъ! — кричали съ угольной кучи второго паровоза.

— Механика сюда! Запасный крюкъ! Стой!

Но оторвавшійся или отцѣпленный паровозъ уходилъ полнымъ ходомъ. Кто-то изъ толпившихся на угольной кучѣ выхватилъ револьверъ и послалъ вслѣдъ уходившимъ нѣсколько пуль. Поѣздъ остановился, и большая часть его очутилась непосредственно подъ огнемъ непріятеля, который съ ожесточеніемъ стрѣлялъ по хорошо видимой цѣли, не обращая вниманія

на выброшенные изъ многихъ вагоновъ флаги Краснаго Креста. Поѣздъ огласился отчаянными криками и воплями, и къ нему, пользуясь неожиданной остановкой, бѣжали со всѣхъ сторонъ кучки людей, искавшихъ спасенія. На паровозѣ происходила свалка. Пожилой механикъ, съ налившимся кровью лицомъ, вырвался изъ давки и спрыгнулъ на землю.

— Я не могу! Я отказываюсь идти дальше! Мы порвемъ и растеряемъ весь поѣздъ! Одного паровоза мало! Я отказываюсь! Эта сволочь отцѣпилась и ушла! Подлецы!

— Я тебѣ приказываю, веди! Становись на мѣсто!— изступленно ревѣлъ, тряся кулаками, смертельно-блѣдный отъ страха, маленькій, брюхатый инженеръ-путеецъ.

— Самъ веди!—обрѣзалъ механикъ грубо:—я отвѣчать не стану!

— Впередъ! Давай пару! Регуляторъ! Перестрѣляютъ весь поѣздъ!—кричали на площадкѣ.

Показалось лицо ошалѣвшаго коменданта.

— Нельзя идти! Путь загроможденъ! Надо очистить путь!—хрипѣлъ онъ, указывая впередъ.

Саженяхъ въ ста черезъ полотно дороги безпорядочно проносилась вереница транспортовъ и обозныхъ двуколокъ, теряя и сбрасывая на пути всевозможныя вещи. Кто-то ухватился за рукоятку ревуна и далъ нѣсколько протяжныхъ свистковъ.

Путейскій инженеръ налѣзъ на перемазаннаго углемъ полуголаго китайца-кочегара, требуя, чтобы тотъ далъ ходъ паровозу. Китаецъ, оглушенный канонадой, напуганный, дико озирался, но продолжалъ отрицательно качать обвязанной грязнымъ лоскутомъ головой и указывалъ на механика. Тогда чьи-то здоровыя руки силой повернули его лицомъ къ регулятору, ударили по головѣ, и тогда только онъ взялся за рычаги, жалобно воя и всхлипывая. Кучка солдатъ и

агентовъ забѣжала впередъ и стала торопливо расчищать путь. Изъ цилиндровъ со свистомъ и шипѣніемъ вырвался паръ, и поѣздъ, наконецъ, двинулся.

Онъ медленно уходилъ, провожаемый орудійными залпами, а за нимъ, по обѣимъ сторонамъ полотна, двигалась лава отступавшихъ.

Вздымая цѣлыя тучи пыли, неслись съ грохотомъ и лязгомъ зарядные ящики, патронныя двуколки, лазаретныя линейки, въ которыхъ тряслись и взлетали стонавшіе раненые, мчались вьючные обозы, китайскія арбы транспортовъ, скакали разрозненныя кавалерійскія части, нестроевые офицеры, интендантскіе чиновники... По сторонамъ бѣжали пѣшіе, ковыляли раненые...

Когда по близости разрывался снарядъ, взбѣшенныя животныя становились на дыбы, бросались въ сторону, давили пѣшихъ, опрокидывали повозки...

Ужасомъ вѣяло отъ этого потока гонимыхъ паникой людей и животныхъ.

Прочищая себѣ дорогу, люди яростно стегали нагайками, били шашками лошадей, наскакивали другъ на друга; болѣе сильный сбрасывалъ съ пути слабѣйшаго и мчался впередъ, оставляя послѣ себя кровавый слѣдъ, по которому проносились сотни другихъ бѣглецовъ.

Кто-то обрубилъ постромки и ускакалъ... На внезапно остановившійся орудійный передокъ налетѣли задніе ряды, произошла свалка, мелькнулъ какой-то безобразный окровавленный клубокъ и скрылся въ облакѣ желтой пыли.

Канонада грозно грохотала вслѣдъ убѣгавшимъ, и на одной изъ ближайшихъ сопокъ скоро зарѣялъ большой бѣлый флагъ съ изображеніемъ ярко-краснаго, лучистаго солнца...

. . . .
. . . .
. . . .

Небольшой походный фонарь тускло освѣщалъ намокшую отъ недавняго дождя палатку, въ которой лежалъ Тима Сафоновъ. Въ сосѣднихъ палаткахъ происходила возня, слѣва и справа слышались голоса:

— Томпоновъ! Свѣжихъ томпоновъ! Перемѣните воду! А ты не ори и лежи смирно!

— Ой, моченьки моей нѣту! Ваше благородіе, бросьте вы меня, ничего мнѣ не надо! Ой, не могу!

— Ну голубчикъ, ну хорошій, ну потерпи чуточку, сейчасъ конецъ будетъ,—ласково уговаривалъ женскій голосъ.

— Михѣевъ! Чего зѣваешь? Тутъ повернуться негдѣ! Выноси покойниковъ, живо!

— Воды!—хрипѣлъ кто-то, задыхаясь,—ради Бога! Докторъ, сестра... Господи! Да что же это такое? Вѣдь я горю! Живой горю! Никто не хочетъ! Воды!

— Сестра! Живо сбѣгайте за попомъ! Зовите попа!

— Перестаньте! Ну какъ не стыдно, поручикъ! Полно ревѣть! И безъ руки люди живутъ!

— Какой роты? Имя и фамилія? Говори громче!—допрашивалъ спокойный басъ,—гдѣ первую перевязку сдѣлали?

— Еще? Не могу принять! Дѣвайте, куда хотите!

— Я не виноватъ, у меня нѣтъ мѣста!

Голоса то затихали, то становились громче; порою раздавался крикъ и стонъ, слышался монотонный голосъ священника, читавшаго отходную...

Сафоновъ заворочался и открылъ глаза.

— Пить... воды...—проговорилъ онъ тихо.

Утоливъ жажду, онъ приподнялся, пощупалъ перевязанную у плеча руку и покрутилъ головой.

— Какъ это глупо вышло! Просто нелѣпо...

— Что это глупо?

— Да вотъ съ рукой. Я даже боя никакого не видѣлъ... въ огнѣ не былъ... только еще на позицію шли. Сперва скорымъ шагомъ... потомъ въ лощинѣ пе-

ребѣжку надо было сдѣлать... побѣжали... и вдругъ, почти у самой сопки—разъ!..—обожгло! Я и не понялъ ничего... японцевъ близко не было... и только когда стали наверхъ лѣзть, слышу кто-то кричитъ: „поручикъ Сафоновъ раненъ!" Тогда и кровь замѣтилъ... Удивительно...

— Это шрапнель...

— Да, послѣ первой перевязки мнѣ докторъ сказалъ... Ужасно глупая штука! Ничего не знаешь, не видишь ни огня, ни японцевъ, и вдругъ—щелкъ!—и готово!. Главное, я не знаю, какъ нашъ полкъ? Что съ нимъ? А-а! Докторъ!

Въ палатку пролѣзла коренастая фигура врача съ добродушно улыбавшимся, краснощекимъ лицомъ.

— А-а! Прочухались, батенька?—обратился онъ къ Сафонову, вытирая фартукомъ руки. — Малость обалдѣли по первому разу? ну-ну, ничего! Пустяки! А и здорово же вы сыпанули, какъ мѣшокъ съ пескомъ! Впрочемъ, оно понятно! Крови у васъ порядочно выпустили..,

— Докторъ, скажите... я все-таки не могу сообразить...

— Ну вотъ! Сейчасъ вамъ соображать надо!

— Во-первыхъ, лежите смирно и не вертитесь! Вотъ такъ! Соображать нечего. Наклали намъ по загривку — и конченъ балъ! А васъ нашъ фельдшеръ подцѣпилъ, на линейку взялъ... Кабы не онъ, изъ васъ отбивная котлета получилась бы! Все эта паника проклятая надѣлала... Это вамъ наука впередъ: не падать въ обмороки, когда улепетывать приходится! Не дѣвица же вы, въ самомъ дѣлѣ.

— Какъ я вамъ благодаренъ...

— Очень мнѣ нужна ваша благодарность! Лучше лежите смирно и не разговаривайте! Поняли?..

Докторъ присѣлъ на ящикъ съ медикаментами,

снялъ фуражку и сталъ концомъ фартука вытирать вспотѣвшій лобъ.

— Фу, заморился! И наколотили же эти макаки народу—просто рукъ не хватаетъ!

— А нашего полка много раненыхъ?—спросилъ Сафоновъ.

— Молчите! Вашъ полкъ прикрывалъ отступленіе и еще не прибылъ...

— Докторъ... вы не знаете... нѣтъ ли тутъ моихъ товарищей-раненыхъ? Капитанъ Заленскій... поручикъ Завадскій... Кранцъ...

— Да заткнитесь вы, наконецъ!.. Успѣете узнать о товарищахъ! Да... гм... успѣете! У меня,—въ раздумьѣ, послѣ недолгаго молчанія заговорилъ докторъ,—у меня младшій братъ въ первой артиллерійской бригадѣ... юнецъ почти... круто имъ пришлось... Третья и четвертая батареи были прямо засыпаны снарядами! Изъ шестнадцати орудій тринадцать выбиты и брошены на мѣстѣ... Я вотъ тоже о немъ, о братѣ, ничего не знаю... На то война, батенька мой, чтобы люди умирали! Одного жалѣть не приходится! Да... А ежели разобраться хорошенько, такъ не тѣхъ жалѣть надо, что полегли, а тѣхъ, что живы остались! Тѣ сдѣлали свое дѣло и ушли на покой... для нихъ, батенька, уже нѣтъ ни японцевъ, ни войны, ни „царя и отечества“... А этимъ—много еще страдать предстоитъ!

— Антонъ Антонычъ! Вы здѣсь?

Въ палатку заглянуло блѣдное, изнеможенное лицо съ большими, лихорадочно блестѣвшими, глазами.

— Сейчасъ одного полковника принесли... или ампутировать, или совсѣмъ бросить... безъ васъ тамъ ничего не выходитъ, я уже не могу больше...

— Такъ я и зналъ... не хватаетъ рукъ... Ну, отдохните, что съ вами дѣлать! Вотъ познакомьтесь — докторъ Гольдинъ.

Антонъ Антонычъ ушелъ, Гольдинъ сѣлъ на его мѣсто.

— Да, я прямо заявляю: я больше уже не могу! Никакого толку! Десятки врачей сидятъ гдѣ-то въ Харбинѣ и еще, Богъ знаетъ, гдѣ, безъ дѣла, а тутъ... я никуда не гожусь!

— Какъ это не годитесь? Почему?

— Ну, потому что я акушеръ! Понимаете, акушеръ! Это моя спеціальность. Когда меня посылали сюда, въ Маньчжурію, я имъ доказывалъ, убѣждалъ, говорилъ, что я не гожусь для этого дѣла! Понимаете? Я не сумѣю, какъ слѣдуетъ, простой перевязки сдѣлать! Но развѣ же могли мнѣ повѣрить? Моя фамилія Гольдинъ! Понимаете? Еврейская фамилія! Этого уже довольно! Ей Богу, вы не повѣрите, какъ это тяжело! Лучше бы я взялъ винтовку и пошелъ бить японцевъ! Честное слово! Вотъ еще есть докторъ Блюмъ... Тоже еврей... совсѣмъ несчастный человѣкъ! Пятьдесятъ лѣтъ ему, лѣтъ пятнадцать просидѣлъ въ деревнѣ гдѣ-то, въ глуши, подъ Кишиневомъ, давно забылъ всю медицину... старой школы лекарь... Ну и вотъ его взяли тоже сюда... теперь не знаютъ, что и дѣлать съ нимъ! Понимаете— пьетъ! Страшно пьетъ! Днемъ ходитъ и самъ съ собой разговариваетъ, а то еще шашкой размахиваетъ и бѣгаетъ... понимаете, все ему собаки кажутся... Несчастье!

Сафоновъ задремалъ. Гольдинъ опустилъ голову на руки и закрылъ глаза.

Я вышелъ изъ палатки и среди мглистаго мрака сталъ пробираться въ ту сторону, гдѣ тускло мерцали станціонные фонари и пыхтѣлъ паровозъ.

Ванцзялинъ, куда отошли войска послѣ боя, превратился въ громадный госпиталь. Повсюду лежали раненые,—на носилкахъ и просто на землѣ, въ станціонномъ проходѣ, подъ навѣсомъ, подъ открытымъ небомъ. Мертвецы въ бѣлыхъ саванахъ длиннымъ рядомъ тянулись вдоль желѣзнодорожной насыпи и ждали, когда для нихъ будетъ вырыта братская могила. Среди раненыхъ сновали санитары, врачи, офицеры разныхъ

частей, мелькали бѣлые платки сестеръ милосердія. Всѣ были какіе-то пришибленные, говорили сдержанно и тихо, и эта всеобщая робость и угнетенность страннымъ образомъ подчеркивали присутствіе мертвецовъ, которые, казалось, одни были здѣсь молчаливыми, но властными хозяевами.

Солдатъ-телеграфистъ, выпучивъ покраснѣвшіе отъ безсонницы глаза, нервно работалъ на аппаратѣ, а вокругъ него толпились и напряженно ожидали извѣстій и приказаній комендантъ станціи и штабные офицеры. На грязномъ полу спали, растянувшись, два пѣхотныхъ офицера.

У телефона поручикъ желѣзнодорожнаго батальона переговаривался съ Ляояномъ:

— Такъ точно... человѣкъ около восьмисотъ, говорятъ... Если не подобрать сегодня ночью, завтра японцы... Такъ точно... Сколько успѣемъ... не хватаетъ людей... Слушаю-съ!..

— Господа!—обратился онъ ко всѣмъ,—командующій разрѣшилъ! Двадцать вагоновъ! Сейчасъ отправимся подъ Вафангоо! Тамъ сотни неподобранныхъ раненыхъ и убитыхъ! Ѣдемъ! Кто съ нами?

Но желающихъ оказалось мало.

— Смотрите, попадетесь вы прямо въ руки къ японцамъ! У нихъ охраненіе не чета нашему!—говорили офицеры.

Прошло около часу, пока составили поѣздъ для „экспедиціи". Передъ товарными вагонами стояли немногочисленные ея участники: три сестры милосердія, нѣсколько санитаровъ и два врача. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ Гольдина.

— И вы, докторъ?

— А какъ же! Отпросился у старшаго! Тамъ я буду полезенъ... раненыхъ таскать... вы-жъ видите, людей совсѣмъ нѣтъ! Одни устали до смерти, другіе просто не хотятъ... Это ужасно! Нѣтъ ни носилокъ,—всего три-

четыре штуки,—ни фонарей... Едва достали двѣ бутылки краснаго вина для раненыхъ.

Подбѣжалъ поручикъ съ краснымъ фонаремъ въ рукѣ.

— Ѣдемъ! Я взялъ два факела на всякій случай... Полѣзайте, господа, въ вагоны!

Мы съ Гольдинымъ вскочили на тормазъ передняго вагона. На паровозѣ, который былъ позади поѣзда, погасили всѣ фонари.

Съ тихимъ звономъ толкнулись буфера, лязгнули цѣпи, и поѣздъ, осторожно крадучись, тронулся на югъ. Медленно проплыли мимо бѣлѣвшіе вдоль насыпи мертвецы, тускло освѣщенные шатры полевого лазарета, чьи-то коновязи съ догорающимъ костромъ, громыхнула стрѣлка съ сѣроватой фигурой часового, и поѣздъ очутился среди глубокаго мрака

Было что-то мрачное въ этомъ поѣздѣ, ползущемъ съ какой-то зловѣщей медлительностью, въ глухомъ гудѣніи колесъ, въ погребальномъ звонѣ буферовъ, въ молчаливой тьмѣ вокругъ; а низко нависшее, затянутое тучами небо какъ бы придавило землю и дышало на нее мучительной, безысходной тоской.

Что-то бѣлое замелькало у тормазной площадки.

— Кто это? Кто?

— Руку! Дайте скорѣе руку!—услышали мы взволнованный женскій голосъ. Гольдинъ нагнулся и втащилъ на тормазъ сестру милосердія.

— Что это вы? Что случилось?

— Не могу одна въ пустомъ, темномъ вагонѣ... страшно! Этотъ мракъ... мерещатся разные ужасы... я и выпрыгнула! Мнѣ все кажется, что кто-то есть въ этомъ мракѣ! Кто-то смотритъ на меня большими-большими глазами, такими холодными и неподвижными!

Она сжалась, пугливо подобрала подъ себя ноги и вдругъ расплакалась.

— И чего вы плачете? Бросьте плакать! — нервно

раздражаясь, говорилъ Гольдинъ. — Ну зачѣмъ пошли на это дѣло, если вы такая?.. И такъ всѣмъ тяжело!

— Ахъ, Боже мой! Да не могу же я... поймите вы! У меня вся душа...

— Ну, я знаю это! Знаю! У васъ очень добрая душа, мягкое, чувствительное сердце... Знаю... старая пѣсня! Ну, а здѣсь ничего этого не надо! Понимаете? Не надо! Поѣзжайте назадъ, въ Россію, съ вашей доброй душой и мягкимъ сердцемъ! Тамъ можете и плакать, сколько угодно, и страдать! А здѣсь... здѣсь надо вотъ что!—Гольдинъ потрясъ кулакомъ.—Да! Понимаете? Ну, а если останетесь здѣсь, такъ потеряете все! И добрую душу, и мягкое, отзывчивое сердце, и все—все! Слышите? Потеряете безвозвратно! Навсегда! А вмѣсто этого—вами овладѣетъ злоба! Да! Злоба и ненависть! У-у, какая ненависть! Ваше сердце сдѣлается сухимъ и черствымъ, какъ солдатскій сухарь! Да! И на вашей душѣ будетъ вотъ такая темная ночь, какъ эта!

— У-ужасъ! Одинъ у-ужасъ!—жалобно протянула сестра, схватившись за голову и раскачиваясь, словно отъ сильной боли.—Эти жертвы... вѣдь они ни въ чемъ не виноваты! Эти страданія... за что? Сегодня прапорщикъ плакалъ у меня... онъ хотѣлъ жить! И все спрашивалъ меня, умолялъ сказать правду... а смерть уже была въ его глазахъ! Онъ все надѣялся, ждалъ... Смерть, смерть! Безобразная, отвратительная! Боже мой! Кому это надо? А тамъ... сестры, жены, матери... Тысячи, сотни тысячъ... Господи-Господи! Вѣдь есть же Богъ?

— Что? Вы говорите, Богъ?—снова раздражаясь, переспросилъ Гольдинъ.

— Ну-да! Да! Богъ! Любящій, Справедливый!.. Развѣ Его нѣтъ? Вы думаете, Его нѣтъ?

Гольдинъ нервно и ѣдко усмѣхнулся.

— Богъ!.. Ну-да! Слушайте, сестра, что я вамъ разскажу! Когда я жилъ студентомъ, я былъ бѣднякъ, часто голодалъ и не имѣлъ угла, да... и нужда заставила меня жить даромъ у одного сумасшедшаго старика-скульптора! Понимаете? Я позировалъ ему за это моимъ тощимъ тѣломъ! Онъ когда-то былъ бездарнымъ профессоромъ, а потомъ спился! И этотъ злой и дрянной старикъ не могъ простить людямъ своей бездарности! И знаете, что онъ дѣлалъ? Онъ вылѣпилъ себѣ великое множество статуэтокъ, человѣческихъ фигуръ, для которыхъ я позировалъ моимъ тѣломъ! Онъ создалъ себѣ цѣлый маленькій міръ! Да! И онъ лѣпилъ ихъ цѣлыми днями и лѣпилъ съ наслажденіемъ! У меня часто ныли мои кости, и болѣло все тѣло! И когда его одолѣвала злоба, тогда онъ напивался пьянъ и начиналъ разговаривать съ этими фигурками! Понимаете? Онѣ были для него живыя! Понимаете? И на нихъ этотъ сумасшедшій старикъ вымещалъ тогда свою злобу! Онъ устраивалъ настоящій судъ и расправу: онъ бралъ старый ремень и начиналъ хлестать несчастныя фигурки! И каждый разъ мнѣ казалось, что онъ хлещетъ мое худое тѣло, и мнѣ было больно! Онъ издѣвался надъ ними всякими способами, плевалъ на нихъ, потомъ приходилъ въ настоящее бѣшенство: швырялъ ихъ объ землю, топталъ ногами обломки и бѣсновался до тѣхъ поръ, пока не сваливался съ ногъ, и тогда засыпалъ среди полнаго разгрома! Да! А потомъ онъ опять начиналъ лѣпить, и вся исторія начиналась снова! Да! Я не вытерпѣлъ и сбѣжалъ отъ этого старика!.. Ну такъ вотъ и вашъ Богъ...

Въ это время поѣздъ остановился. Къ тормазу подбѣжалъ поручикъ съ фонаремъ.

— Возьмите фонарь, господа! Спрячьте его! Дуракъ механикъ не такъ идетъ! Я пойду самъ на паровозъ, а вы пожалуйста слѣдите, и когда надо остановить, помахайте фонаремъ! Я буду наблюдать!

Поѣздъ снова тронулся и пошелъ нѣсколько скорѣе.

Сестра притихла и какъ-будто дремала. Молчалъ и Гольдинъ.

Вдругъ окружавшій насъ мракъ какъ-будто сталъ оживать. Слѣва и справа послышалось шуршанье и смутные, едва уловимые голоса. Сперва—словно отдаленный шумъ моря, затѣмъ все ближе и явственнѣе, и, наконецъ, отчетливо раздался металлическій лязгъ и нестройный хоръ стоновъ, которые медленно плыли во тьмѣ намъ навстрѣчу.

Въ одномъ мѣстѣ черныя тучи разорвались и образовали длинную, узкую зеленовато-синюю полосу полусвѣта, холоднаго и безжизненнаго, какъ взглядъ мертвеца, и тогда я увидѣлъ, что по обѣимъ сторонамъ пути медленно двигалась безконечная вереница сѣрыхъ человѣческихъ фигуръ, словно тѣни мертвецовъ, идущія въ Валгаллу, въ скандинавской сагѣ...

Но тяжелый запахъ человѣческаго тѣла, пота и крови говорилъ о людяхъ.

— Что это? Никакъ, вагоны идутъ?

— Вагоны! — послышались истомленные, угрюмые голоса.

— Дорогу взрывать... саперы...

— А можа, за ранеными?

— Дожидайся! Очень имъ надобно!

Одни голоса уходили назадъ и замирали, на смѣну имъ приближались другіе.

— Куда вагоны-то идутъ?—спросилъ кто-то.—Есть тутъ люди?

— Раненыхъ подбирать,—отвѣтилъ Гольдинъ.

— Вишь ты! Когда надумали!

— А гдѣ вы раньше-то были?

— Что, выспались ..., ..., ...?!

— Гляди, вагоны не растеряй!

— Всѣхъ не подберешь! Вагоновъ не хватитъ!

Голоса звучали глубокой укоризной; въ нихъ чуя-

лось сдерживаемое негодованіе. Стоны приближались... Гольдинъ подалъ фонаремъ сигналъ; поѣздъ остановился.

— Стой! Давай раненыхъ! Санитарный поѣздъ!—пронеслось среди солдатъ. Во тьмѣ поднялась суматоха. Со всѣхъ сторонъ неслись крики солдатъ, офицеровъ и жалобныя мольбы раненыхъ.

— Братцы! Возьмите меня! Ради Христа возьмите!

— Пятая рота! Стрѣлки! Подноси командира!

— Ребята! Неси фельдфебеля!

— Архиповъ гдѣ? Давай Архипова!

— Братцы! Канаву гляди! Канаву!

— Покойниковъ-то забирайте! Покойниковъ! Нести некому!

— Давай фонарей!

— Носилки! Скорѣй носилки!

При трепетномъ и скудномъ свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей стали поднимать на высокую насыпь и грузить въ вагоны раненыхъ.

Не хватало свѣта и носилокъ, не было приспособленій, и раненые подвергались новымъ пыткамъ и мученіямъ, прежде чѣмъ попадали въ вагоны, и ихъ вопли и стоны покрывали голоса суетившихся людей.

— Погодите! Стойте!—раздался хриплый, но властный голосъ. Изъ сѣрой толпы солдатъ вышелъ генералъ Г., командовавшій въ бою лѣвымъ флангомъ и теперь отступавшій вмѣстѣ съ своей частью. Его лобъ и подбородокъ были забинтованы; на плечи была накинута покрытая грязью солдатская шинель.

— Берите только тяжело раненыхъ! Мы еще ничего... А впереди—сотнями! Много убитыхъ! Не забудьте полковника взять, версты двѣ отсюда. Ну, ребята, впередъ! Не унывай! Теперь недалеко!...

Поѣздъ двинулся дальше. Впередъ были высланы два санитара съ факелами. Они стаскивали съ пути попадавшіеся трупы, аммуницію, подбирали обезсилен-

ныхъ раненыхъ.. Почти на каждой верстѣ поѣздъ останавливался и забиралъ новый окровавленный и стонущій живой грузъ, и тогда снова сыпались упреки и брань обозленныхъ, голодныхъ и заморенныхъ солдатъ.

Небольшой персоналъ экспедиціи давно переутомился и дѣлалъ свое дѣло, напрягая послѣднія силы. Когда поѣздъ добрался до послѣдняго русскаго поста, ночь уже поблѣднѣла, и впереди обрисовались занятыя непріятелемъ высоты Вафангоо. Было холодно, и моросилъ мелкій дождь.

Изъ сторожки вышелъ солдатъ пограничной стражи.

— Тамъ, за рельсами... съ версту, не болѣе... Тобольскій полкъ. Одинъ онъ только и остался тутъ... послѣднимъ отошелъ, у нихъ много раненыхъ!..

Часть персонала осталась у поѣзда, мы же съ Гольдинымъ и сестрой отправились искать тобольцевъ. Ноги глубоко вязли въ рыхлой и липкой землѣ, тѣло дрожало отъ холода и дождя; мы часто скользили и падали, подталкивали и тащили другъ друга, перебираясь черезъ канавы и остатки глинобитныхъ валовъ. Усталость притупила мысль; все происходившее казалось намъ сномъ, а мы сами—безвольными автоматами, которыми руководила какая-то неизвѣстная сила. Такъ прошли мы около версты, но этотъ путь показался намъ необычайно долгимъ. Намъ чудилось, что мы бредемъ по безграничной пустынѣ, въ которой царитъ вѣчный мракъ, а вмѣсто неба надъ зыбкой, всасывающей почвой виситъ холодная, влажная мгла, роняетъ пронизывающія насквозь слезы и тихо поетъ однообразную, безконечно печальную погребальную пѣсню. Въ одномъ мѣстѣ Гольдинъ упалъ, наткнувшись на сломанное колесо, фонарь погасъ, и мы пошли, ощупывая каждую пядь земли, протянувъ впередъ руки, какъ слѣпые. Свѣтло-сѣрое платье и бѣлый платокъ сестры казались призракомъ среди мрака. Вдругъ

Гольдинъ остановился. Справа донесся протяжный стонъ.

— Дайте спичекъ! Мои размокли!—обратился Гольдинъ ко мнѣ.—Бивакъ долженъ быть здѣсь...

Засвѣтили фонарь и двинулись по направленію стона. Скоро мы должны были снова остановиться. Казалось, что вся земля вокругъ насъ была вспахана чудовищнымъ плугомъ. Словно старыя могилы громаднаго кладбища, чернѣли лежавшіе среди болота люди. Мы нечаянно наступили на одну изъ фигуръ, и она быстро приподнялась. Желтый свѣтъ фонаря упалъ на перепуганное, блѣдное, бородатое лицо, забрызганное грязью.

— Кто тутъ?.. Господи! Что это, братцы мои?..—лепеталъ солдатъ, заслоняясь рукой отъ свѣта.

— Ну-ну... свои! Раненые гдѣ? Намъ надо раненыхъ... докторъ гдѣ, вашъ докторъ?—тормошилъ Гольдинъ солдата. Тотъ долгое время тупо смотрѣлъ на насъ, очевидно, плохо соображая.

— Раненыхъ... много! И убитыхъ много!—проговорилъ, наконецъ, солдатъ.

— Доктора намъ надо вашего или санитара, кто тутъ есть?

— Не могу знать... спать хочу,—пробормоталъ солдатъ и грузно опустился на землю.

Мы стали перелѣзать черезъ спящихъ, заморенныхъ до безчувствія людей, пытаясь разспросить о раненыхъ, разыскать доктора. Многіе вскакивали на ноги и искали оружіе, принимая насъ за японцевъ, и намъ приходилось ихъ успокаивать.

Сестрѣ удалось упросить одного ефрейтора сходить за докторомъ и разбудить нѣсколько человѣкъ.

Докторъ, маленькій, согбенный, судорожно кутался въ промокшій дождевой плащъ, трясъ головою и скалилъ стучавшіе зубы.

— Раненыхъ вамъ... раненыхъ?—бормоталъ онъ скороговоркой.—Вездѣ раненые... и здѣсь, и тамъ... бери-

те... ищите... и на землѣ, и въ двуколкахъ... Я самъ не могу вамъ... не могу... ноги не стоятъ... я уйду, оставьте меня...

— Дайте намъ хоть санитара, фельдшера,—надо же перенести... Гдѣ у васъ носилки?

— Нѣтъ! Ничего у меня нѣтъ! Оставьте меня!—жалобно, чуть не плача, взвизгнулъ докторъ.—Оставьте меня! Я не могу! Я съ ума сойду отъ всего этого!

Онъ круто повернулся и почти побѣжалъ, наступая на солдатъ, спотыкаясь и падая.

— Что же теперь дѣлать? Всѣ заморены, докторъ этотъ, кажется, сумасшедшій... Неужели оставить такъ? Вѣдь тутъ масса раненыхъ! Слышите? Стонутъ!—со слезами говорила сестра,—вонъ кто-то кричитъ... Господи, что же это?

Мы стали пробираться дальше и скоро нашли лазаретную линейку, изъ которой несся сдавленный вопль. Гольдинъ отдернулъ намокшую холстину, поднялъ фонарь и невольно попятился... Широко раскорячивъ ноги, упираясь локтями въ стѣнки повозки, сидѣлъ, откинувшись назадъ, застывшій трупъ солдата, дико пялилъ на насъ выпученные стеклянные глаза и какъ-будто собирался плюнуть въ насъ кровавою пѣной, сочившейся изо рта и стекавшей по бородѣ. А изъ-за него выглядывалъ придавленный мертвецомъ раненый съ залитымъ кровью лицомъ. Онъ былъ въ горячкѣ, бредилъ и стоналъ...

— Скорѣе освободить! Этотъ мертвецъ его задушитъ!—заволновался Гольдинъ,—давайте его вытаскивать! Давайте! Скорѣй! Тотъ раненъ въ голову!

Но мертвецъ не хотѣлъ поддаваться нашимъ усиліямъ; давно застывшее тѣло упрямо торчало въ томъ же положеніи и только слегка покачивалось.

Сестра слабо вскрикнула, опустилась на землю и расплакалась.

— Не надо... не надо,—приговаривала она пугливо:— это ужасно... слышите? Не надо!..

Вдругъ налетѣлъ вѣтеръ, рванулъ холстину линейки, хлестнулъ ею по лицу мертвеца и погасилъ фонарь.

Дождь усилился и окуталъ насъ холодной, непроницаемой мглою.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

VI.

Тихо дремлетъ іюльскій полдень.

Въ накаленномъ воздухѣ ни звука, ни движенія, и вся окрестность какъ будто изнемогаетъ подъ жгучими чарами солнца. Расплавленнымъ золотомъ влилось оно въ яркую синеву безоблачнаго неба, уронило нѣсколько сверкающихъ блестокъ въ пересыхающій ручеекъ, яркими бликами подернуло скалистыя вершины и выступы горъ, а ущелья и лощины нарядило въ прозрачныя синевато-лиловыя тѣни.

Нѣжно-зеленый гаолянъ, стройный и трепетный, обливается влагой, и томный, едва уловимый шопотъ тихимъ вздохомъ проносится надъ наливающимися колосьями.

Небольшая роща маленькихъ японскихъ сосенъ съ причудливо изогнутыми вѣтвями, сбѣгая внизъ по склону горы, какъ будто остановилась на полдорогѣ и задумалась, опьяненная смолистымъ ароматомъ.

Сонливая тишина царитъ въ покинутой жителями деревушкѣ Байсязай, пріютившейся между сопокъ. Убогія глинобитныя фанзы запрятались въ яркую зелень огородовъ. Изъ-подъ широкихъ, сочныхъ листьевъ вы-

глядываютъ и нѣжатся на солнопекѣ огромныя грушевидныя тыквы, продолговатыя дыни, длинные, изогнутые огурцы. Головки мака безпомощно наклонились къ землѣ, укрывшись бѣлыми и пунцовыми лепестками. Даже пугливая, безпокойная мимоза съ хрупкими блѣдно-розовыми цвѣтами застыла въ полуснѣ. Только одна остролистая кукуруза смѣло и гордо высилась надъ огородами и тянулась къ солнцу.

Изрѣдка старый китаецъ, оставшійся сторожить свои огороды, выходилъ изъ прохладнаго полумрака фанзы и садился на корточки подъ старымъ, развѣсистымъ вязомъ, который бросалъ на желтый песокъ синеватую узорчатую тѣнь. Набивъ трубку, китаецъ не торопясь, медлительно высѣкалъ огонь, закуривалъ и долго смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сверкала на солнцѣ стальная щетина составленныхъ въ козла винтовокъ и пестрѣли по всему биваку сушившіяся солдатскія рубахи. Выколотивъ трубку о торчавшій изъ земли обломокъ могильной плиты, китаецъ поднимался лѣниво, брелъ къ огороду, внимательно оглядывался, затѣмъ, оскаливъ зубы, щурился изъ-подъ ладони на солнце и снова уходилъ въ фанзу. Было тихо и на бивакѣ N-скихъ стрѣлковъ, попавшихъ въ сторожевое охраненіе отходившей къ Ляояну арміи, послѣ занятія японцами Гайджоо, Дашичао и Хайчена.

Ни шумнаго говора, ни пѣсни, ни раскатистаго смѣха. Даже зычный голосъ ворчливаго фельдфебеля не гремѣлъ обычной бранью. Люди молча лежали въ слабой тѣни палатокъ, вяло копошились среди своего скуднаго походнаго хозяйства или безцѣльно бродили по опустѣвшей деревушкѣ.

Въ офицерскихъ палаткахъ лѣниво плелись и скоро обрывались никому не интересные разговоры. Уходъ прежняго командира, получившаго подъ Вафангоо загадочную рану со стороны своего же фронта, новый командующій полкомъ, болѣзнь объѣвшагося бараниной

Дубенки, крупный проигрышъ Завадскаго и его смерть—всѣ эти темы были давно уже исчерпаны.

Непріятель, стоявшій недалеко, подъ Хайченомъ, не шевелился; а если иногда и появлялись его летучіе отряды, то къ нимъ относились почти съ полнымъ равнодушіемъ. Какая-то тупая скука, тоска какъ будто охватила полкъ и овладѣвала людьми все больше и больше, по мѣрѣ того какъ войска отходили къ сѣверу.

Порою какой-нибудь поручикъ, съ едва замѣтными усиками на загорѣломъ и исхудаломъ лицѣ, забирался въ сосновую рощу, раскрывалъ растрепанную книжку „Солдатскаго Чтенія", цѣлыми часами мечтательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ передвигались дрожащія тѣни въ синевѣ окрестныхъ горъ, и, пока шаловливый вѣтеръ переворачивалъ забытыя страницы,—Богъ вѣсть, куда уносился мечтою, подъ тихій шелестъ кудрявыхъ и пахучихъ сосенъ.

Казалось, что и солдаты, и офицеры, каждый про себя, думали какую-то крѣпкую, невеселую думу, и, незримо проникшая въ ихъ головы, дума эта сквозила въ медлительныхъ движеніяхъ, въ тягучей, лѣнивой рѣчи и въ хмурыхъ, сосредоточенныхъ взглядахъ.

Одновременно съ овладѣвавшей людьми апатіей сталъ проявляться и быстрый упадокъ дисциплины, сперва среди офицеровъ, а затѣмъ и среди нижнихъ чиновъ. Чуть не каждый день кто-либо изъ офицеровъ, свободныхъ отъ дежурства, подъ благовиднымъ предлогомъ отправлялся за восемнадцать верстъ на станцію Айсандзянъ, гдѣ имѣлось жалкое подобіе буфета, содержимаго плутоватымъ грекомъ.

Въ буфетѣ можно было достать прогорклые консервы американскаго производства и, если не находилось хлѣба, въ которомъ уже давно ощущалась самая крайняя нужда, зато всѣ полки и подоконники Айсандзянскаго

кабака были сплошь заставлены всевозможными спиртуозами, начиная отъ шампанскаго и кончая китайскимъ ханшиномъ. Отощавшіе, лишенные питательной, здоровой пищи, живущіе впроголодь офицеры удовлетворяли голодъ кислыми и солеными консервированными специями и затѣмъ жадно набрасывались на напитки. Они легко и скоро хмѣлѣли и уже по инерціи перебирались въ душную и грязную каморку буфетчика-грека, гдѣ отъ зари до зари шла самая отчаянная игра.

Здѣсь не разбирали чины и званія: азартъ сравнивалъ всѣхъ.

Прапорщикъ запаса, давно перезабывшій воинскій уставъ и мѣсяца три тому назадъ изображавшій Демосѳена по гражданскимъ дѣламъ, спускалъ все свое скромное жалованье, нерѣдко забранное впередъ за два или три мѣсяца.

Ротные и батальонные командиры играли крупнѣе. Они нѣсколько дольше удерживались съ личными средствами, и только подъ конецъ, когда азартъ окончательно убивалъ чувство совѣсти и долга, они ставили на карту кормовыя деньги довѣренныхъ имъ людей.

Естественнымъ послѣдствіемъ проигрыша являлось безшабашное пьянство, притуплявшее острое чувство досады и, быть можетъ, раскаянія.

— Ладно! Чего тамъ!—утѣшали въ такихъ случаяхъ другъ друга промотавшіеся отцы-командиры,—солдатъ съ голоду не пропадетъ. На то существуютъ китайцы! Добудутъ жратва!

И злополучные китайцы сплошь и рядомъ являлись козломъ отпущенія за командирскіе проигрыши. У нихъ отбирали жалкіе остатки чумидзы, рису или гаоляна, топтали и разоряли огороды, срывая и выкапывая еще недозрѣлые плоды и овощи, и нерѣдко, въ случаѣ сопротивленія, обозленные, полуголодные солдаты, не

знавшіе, на комъ выместить безсильную злобу противъ отцовъ-командировъ, — били китайцевъ прикладами, пыряли штыками и разоряли, а подчасъ и жгли убогія фанзы. Но самыми крупными игроками являлись обозные начальники и командиры продовольственныхъ транспортовъ; въ ихъ распоряженіи имѣлись всегда значительныя суммы денегъ, а когда ихъ не хватало, — на сцену являлся смѣтливый поставщикъ изъ армянъ или грековъ и по сходной цѣнѣ пріобрѣталъ якобы „испортившійся“ провіантъ, который затѣмъ за тройную цѣну продавался въ Ляоянѣ. Въ такихъ случаяхъ „мелкота“ превращалась въ зрителей, а на зеленомъ полѣ появлялись крупныя суммы въ тысячи рублей, и, вмѣсто наличныхъ денегъ, вынимались изъ кармановъ полковыя продовольственныя ассигновки.

И нерѣдко какая-либо шальная девятка или не вовремя вынырнувшій тузъ обрекали на голодовку сотни и тысячи „сѣрой скотинки“.

Часто офицеры возвращались на бивакъ полупьяные, безъ провіанта и безъ гроша денегъ. Мало-по-малу игра стала распространяться и среди нижнихъ чиновъ. Правда, здѣсь не мелькали сотни или крупныя ассигновки, но азартъ былъ такъ же великъ, если только не больше.

Играли на кусокъ мыла, на лишнюю рубаху или пару портянокъ, на табачные корешки или куски сахару, ибо эти предметы представляли громадную цѣнность въ убогомъ обиходѣ солдатской жизни на передовыхъ позиціяхъ, отдаленныхъ отъ центра.

Порою на бивакъ попадалъ обрывокъ пожелтѣвшей, истрепанной газеты изъ Россіи, и тогда люди съ удивленіемъ узнавали о сотняхъ тысячъ и милліонахъ рублей, жертвуемыхъ на нужды сражающихся. Они читали эти извѣстія, повторяли длинныя суммы цыфръ и въ то же время думали о пустомъ желудкѣ, объ изорванныхъ сапогахъ и рубахахъ, о своемъ исхуда-

ломъ, почернѣвшемъ, заѣденномъ вшами и заросшемъ коростою тѣлѣ.

И мрачная тѣнь надвигалась на худыя, загорѣлыя лица солдатъ, и въ угрюмыхъ взглядахъ мелькалъ нехорошій, злобный огонекъ. Старые, сѣдоусые командиры хмурились и ворчали, молодежь совершенно стушевалась и старалась не замѣчать участившихся нарушеній воинскаго устава. Высшіе начальники, бригадный и дивизіонный генералы, показывались рѣдко. Они сидѣли въ своихъ фанзахъ, окруженные непроницаемой таинственностью и полные невѣдѣнія, ибо штабъ арміи и ея главные руководители, очевидно, не считали ихъ достойными довѣрія. Лишенные малѣйшей иниціативы, начальники являлись только единицами, исполнявшими заданный урокъ отъ точки до точки, и всякое проявленіе творческой мысли, личной энергіи ставилось въ вину, какъ превышеніе власти. Воинственный подъемъ, одушевлявшій рвавшуюся въ бой молодежь, уступилъ мѣсто тоскливому равнодушію и скрытому недовольству.

— Чортъ знаетъ, что!—говорили нерѣдко офицеры, не стѣсняясь присутствіемъ солдатъ, — полтора мѣсяца толчемся на одномъ мѣстѣ! Отъ проклятыхъ „констервовъ“ только одна рѣзь въ животѣ! Ни мыла, ни табаку! По четыре недѣли потѣешь въ одной рубахѣ! Хоть бы въ бой двинули! Вѣдь вонъ охотники говорятъ, что японцы у насъ подъ носомъ ежедневно обходятъ насъ съ восточной стороны! Къ Ляояну, видно, стягиваются... Почему бы намъ не задержать ихъ? И чего они только ждутъ, эти фазаны!

Пытались узнавать у бригаднаго генерала о ближайшемъ будущемъ. Тотъ сперва высказывалъ какія-то неясныя, смутныя соображенія, но, въ концѣ концовъ, сознался, что и онъ ничего не знаетъ...

Общее настроеніе становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ и угнетеннымъ. Солдаты въ одиночку и

группами бродили по окрестнымъ полямъ, ломали гаолянъ, отъ скуки рубили огромныя незрѣлыя тыквы, отбивали носы и руки расписнымъ богамъ въ деревенской кумирнѣ...

Однажды изъ Ляояна прибыло нѣсколько штабныхъ офицеровъ во главѣ съ франтоватымъ, еще очень молодымъ генералъ-маіоромъ, состоявшимъ при командующемъ арміею „для порученій". На нихъ была возложена миссія освидѣтельствованія отряда въ санитарномъ и продовольственномъ отношеніяхъ.

Командиръ полка попытался было обратить вниманіе генерала на жалкое состояніе ввѣренныхъ ему людей, но генералъ его оборвалъ сухо и наставительно:

— Я пріѣхалъ сюда не ради одного вашего полка, господинъ полковникъ, и о состояніи и нуждахъ всего отряда мнѣ сообщитъ его непосредственный начальникъ!

Послѣ продолжительнаго обѣда у отряднаго начальника, генералъ со своей свитой двинулся обратно къ Айсандзяну, такъ и не взглянувъ на поджидавшихъ его солдатъ.

Въ полуверстѣ отъ бивака кавалькада наткнулась на вылѣзавшаго изъ гаоляна бородатаго сибирскаго стрѣлка.

— Стой, мерзавецъ!—остановилъ его генералъ, осаживая лошадь.—Ты что это, ослѣпъ, что ли? Не видишь, кто ѣдетъ?

— Видѣть вижу!—неохотно и мрачно отвѣчалъ еще не совсѣмъ отрезвившійся стрѣлокъ.

— Такъ почему-же ты, негодяй, не отдаешь чести господамъ офицерамъ и генералу? Негодяй! Сволочь проклятая!—вскипѣлъ генералъ и хлестнулъ солдата плеткой.

Тотъ вдругъ потемнѣлъ лицомъ и закинулъ голову.

— Чести? Своя то честь при мнѣ находится! А куда ты свою дѣвалъ? Грабители!

Генералъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства и судорожно схватился за шашку. А солдатъ, казалось, разсвирѣпѣлъ отъ удара. Онъ трясся и кричалъ грубымъ, хриплымъ голосомъ:

— Дармоѣды! Грабители! На солдатскихъ сухаряхъ деньгу наживать! Вши заѣдаютъ! Животы подвело, а куда деньги дѣлись?.. Енаралъ! Насъ бьютъ, а вы за сопками прохлаждаетесь! Небось, въ Ляваянѣ-то вашему брату...

Въ это время въ воздухѣ сверкнулъ стальной клинокъ шашки, солдатъ охнулъ и грузно опустился на землю, схватившись за окровавленную голову.

На зарѣ слѣдующаго дня его вывели на пятьдесятъ шаговъ „за линейку“, завязали глаза старой портянкой и двумя десятками пуль превратили въ безжизненную, залитую кровью массу.

Послѣ этого случая словно тяжелая, мрачная туча нависла надъ бивакомъ.

Только подполковникъ Дубенко оставался по-прежнему жизнерадостнымъ и подвижнымъ.

Здѣсь, въ затерявшейся среди сопокъ деревушкѣ, вдали отъ начальства, онъ далъ полную свободу своимъ привычкамъ и вкусамъ и, повидимому, вообразилъ себя не на передовыхъ постахъ аріергарда, а гдѣ-либо на мирномъ хуторѣ, подъ небомъ привольной Украйны.

Его форменная одежда была сдана деньщику, и самъ полковникъ разгуливалъ по биваку въ бѣлыхъ панталонахъ необъятной ширины и въ цвѣтной сорочкѣ. Съ утра до вечера онъ не переставалъ заботиться объ утоленіи своего чудовищнаго аппетита, и его крикливый и тонкій, женственный голосъ одинъ нарушалъ угрюмую тишину бивака.

— Дуралеевъ! Позвать ко мнѣ Дуралеева!—кричалъ онъ, появляясь на вышкѣ и безуспѣшно подтягивая падающія панталоны. Почти каждый день онъ придумывалъ своимъ солдатамъ новыя клички и прозвища,

часто цинично грубыя и оскорбительныя, которыя, однако, должны были запоминаться солдатами, подъ страхомъ „гонки“, а иногда и выстаиванія подъ ружьемъ...

— Дуралеевъ!—передавалось по всему батальону, и солдатъ, вспомнивъ о новомъ „крещеніи“, со всѣхъ ногъ бросался къ командиру.

— Ты гдѣ, сукинъ сынъ, пропадаешь? Сто разъ тебя звать? Чесноку досталъ?

— Никакъ нѣтъ, вашскородіе!

— Такъ я и зналъ! Какъ же я шашлыкъ ѣсть буду? Ты о чемъ думалъ, подлецъ этакой?

— Всю роту перешарилъ, вашскородіе... нигдѣ нѣту.

— Вотъ болванъ! А въ первую роту не ходилъ? А у завѣдующаго хозяйствомъ? Дрыхать только умѣешь, а командиръ хоть съ голоду помирай, сволочь этакая! Чтобъ мнѣ къ ужину былъ чеснокъ! Понялъ? А то не въ очередь въ караулъ пойдешь! Пришли ко мнѣ Безголоваго!

Безголовому поручалось „во что бы то ни стало“ достать курицу; затѣмъ вызывался Свинорыловъ и получалъ „разноску“ за тощій видъ барашковъ...

Однажды Тима Сафоновъ, послѣ подобной сцены, закончившейся здоровымъ тумакомъ, не выдержалъ.

— Слушайте, полковникъ, вы, чортъ знаетъ, что дѣлаете! Ну зачѣмъ вы оскорбляете солдатъ? Мало того, что вы никому не даете ни отдыху, ни сроку, такъ вы еще издѣваетесь надъ ними... Вѣдь всѣмъ вашимъ Свинорыловымъ и Дуралеевымъ въ другихъ батальонахъ проходу не даютъ. Вѣдь надъ ними смѣются!

Дубенко наклонилъ на бокъ голову, прищурился и засвисталъ.

— Ого-го-го! Фендрикъ мнѣ нотацію читать вздумалъ!

— Я вамъ, полковникъ, не нотацію читаю, а говорю то, что во мнѣ накипѣло, какъ въ человѣкѣ. Солдатъ

такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами. И у него есть и самолюбіе, и сознаніе своего достоинства.

Дубенко откинулся назадъ, ухватился за отвисшій животъ и весь затрясся отъ смѣха.

— Самолюбіе... у солдата! Ха-ха-ха! Вотъ уморилъ... Ахъ ты, шутъ этакій! Самолюбіе... ха-ха-ха...

Сафоновъ вспыхнулъ и всталъ съ гаоляна, на которомъ лежалъ.

— Сволочь, родненькій, да еще какая! Ты протруби двадцать шесть лѣтъ, какъ я, тогда и узнаешь. Съ нимъ, батенька мой, надо вотъ! Въ кулакѣ держать! Глупъ ты еще, родненькій, глупъ и молодъ!

— Полковникъ! Я въ вашихъ аттестатахъ не нуждаюсь! А что касается „сволочи“, такъ... я хоть и фендрикъ, но... въ послѣднемъ бою вы многимъ обязаны этой „сволочи“!

Дубенко поблѣднѣлъ, и его маленькіе, заплывшіе глазки засвѣтились злобой. Онъ судорожно сталъ подергивать панталоны и, брызгая слюной, прошипѣлъ:

— Какъ-съ? Что-съ? Я имъ обязанъ? Чѣмъ же это я обязанъ, интересно бы знать?

— Чѣмъ?—Сафоновъ, колеблясь, запнулся, но потомъ рѣшительно махнулъ рукой.—Да всѣмъ, коли на то пошло! Когда насъ изъ резерва потребовали въ цѣпь, васъ нигдѣ найти не могли. Люди подъ перекрестный огонь попали, а васъ въ оврагѣ подъ сопкой нашли, съ пустой бутылкой. За это человѣкъ двадцать жизнью заплатили, а васъ эта „сволочь“ своей грудью отстояла! Такъ ужъ лучше о „сволочи“ и не заикаться!

— Молчать! Щенокъ! Мальчишка!! Р-рапортъ подамъ!..—захрипѣлъ Дубенко, тряся кулаками.

— Подавайте! Я все равно умирать сюда пришелъ!

Сафоновъ вышелъ за околицу деревушки и побрелъ по узкой тропинкѣ, исчезавшей въ высокомъ гаолянѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ въ немъ стала сказываться потребность уединенія. Забравшись куда-нибудь подаль-

ше отъ бивака, онъ ложился и весь отдавался воспоминаніямъ и думамъ.

Передъ нимъ проходили боевые эпизоды, походныя сцены, и вмѣстѣ съ ними являлись мысли, новыя и тревожныя, возникали вопросы—странные, какъ ему казалось, часто мучительные вопросы, на которые онъ не находилъ отвѣта. Онъ не пускался въ откровенныя бесѣды съ товарищами, и иногда ему чудилось, что многіе изъ нихъ носятъ въ себѣ такія же мысли и сомнѣнія и ревниво скрываютъ ихъ другъ отъ друга, стараясь казаться спокойными и равнодушными. Онъ замѣтилъ, что и однообразныя, на первый взглядъ, солдатскія лица измѣнились за это время. Что-то новое сквозило въ глазахъ безотвѣтнаго сѣраго стада, послѣ послѣднихъ боевъ и безпрерывнаго отступленія. Ему казалось, что всѣ эти люди, собранные съ разныхъ концовъ, обезличенные и подогнанные подъ одну мѣрку, превращенные въ какую-то безсмысленную, автоматическую массу, вдругъ получили какое-то откровеніе, узнали нѣчто новое, поняли что-то такое, чего не понимали прежде, и глубоко задумались надъ этимъ откровеніемъ.

Онъ сошелъ съ тропинки и прилегъ на прогалинѣ, зеленѣвшей длинною, узкою лентою. Съ обѣихъ сторонъ тихо шелестѣлъ вѣчно трепещущій, высокій и стройный гаолянъ и нашептывалъ думы. Вверху, въ дѣвственной лазури, застыло, розоватое по краямъ, бѣлое облачко. Въ концѣ прогалины нѣжно синѣли далекія горы.

Сафоновъ вспомнилъ, какъ много лѣтъ тому назадъ онъ забирался въ густую рожь, гдѣ синѣли васильки, и упивался чтеніемъ большой книги. Въ ней описывалась война и подвиги ея героевъ. Какъ волновалась тогда его грудь, какія чувства пробуждались въ душѣ! Мертвыя буквы оживали! Онъ воплощался въ каждаго изъ героевъ, онъ спасалъ жизнь командировъ, засло-

няя ихъ своей грудью, совершалъ чудеса храбрости, съ крикомъ „братцы, за мной!“ бросался впередъ, навстрѣчу смерти; ему рукоплескали враги, онъ умиралъ смертью героя, со свѣтлой улыбкой, подъ сѣнью склонившихся надъ нимъ знаменъ. И война казалась ему грандіозной героической эпопеей, чѣмъ-то торжественно-величавымъ и прекраснымъ, какъ чудная картина, какъ дивная музыка.

Давно это было; житейскіе будни покрыли сѣрымъ налетомъ свѣтлую, героическую грезу юности; но когда загорѣлась война, ея призывъ нашелъ въ его душѣ горячій откликъ, и забытая греза воскресла въ памяти.

Поздно вечеромъ вернулся Сафоновъ на бивакъ и заглянулъ въ палатку капитана Заленскаго, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ, по случаю прибытія новаго офицера. Капитанъ разсказывалъ гостю о Завадскомъ.

— Да-да! Ни за грошъ пропалъ бѣдняга!.. Это скоро послѣ Дашичао было... Донесли однажды бригадному, что деревня Ходягоу японцами занята! Тотъ, какъ водится, не повѣрилъ... „Врутъ, говоритъ, ваши охотники! У нихъ, говоритъ, очень пылкая фантазія!“ Кое-какъ, однако, убѣдили генерала! Приказали послать офицера съ полуротой, провѣрить донесеніе! Покойникъ Завадскій присталъ къ полковому: „пустите меня“, да и кончено! Ну, назначили его. Пошелъ! Добрался гаоляномъ до самой деревни, разсыпалъ полуроту, зашелъ съ двухъ сторонъ и шарахнулъ по деревнѣ залпомъ. Японцы, какъ тараканы, повысыпали изъ фанзъ. Обѣдали они, оказывается. Онъ второй залпъ! Тѣхъ цѣлая рота была. Растерялись, почти безъ выстрѣла стали уходить. Думали,—батальонъ нагрянулъ. Ну а потомъ, очевидно, опомнились, давай залпами отвѣчать. Завадскій—пачками... Форменный бой завязался! Нашимъ ничего, за фанзами укрывались, а тѣ на виду... Затѣмъ перебѣжку сдѣлалъ и бросился „на ура“. Одного убитымъ потерялъ, четверо раненыхъ... А у тѣхъ десятка два на

мѣстѣ осталось. Возвращается, доноситъ: „деревня Судя-тунъ, занятая ротою японцевъ, очищена отъ непріятеля“... Словомъ, какъ слѣдуетъ... Да-съ! Что бы вы думали? Требуетъ начальство полкового: „кого вы послали? Что натворили?“ Тотъ даже растерялся... „Помилуйте, мнѣ отъ дивизіоннаго нагоняй. Превышеніе власти. Ему приказали „провѣрить“, а онъ въ бой ввязался. Если каждый офицеръ станетъ разсуждать и самовольно ввязываться“... и пошла писать губернія! Ну, полковой—къ полковнику Дубенкѣ, тотъ на меня взъѣлся, словомъ, вмѣсто добраго дѣла скандалъ вышелъ. Завадскій выговоръ получилъ и запилъ. Боялся я за него... какъ бы не натворилъ чего... „Дураки, идіоты, служить нельзя больше“,—кричалъ все, подвыпивши.— „Если бы не вы, пане капитане, и не ваши сѣдые усы, я бы не спустилъ этимъ буквоѣдамъ“...

— Да... Раньше все въ охотничью команду просился и много бы онъ пользы принесъ, ну, а послѣ этого казуса — махнулъ рукой и больше на водку налегъ. Какъ-то является ко мнѣ поздно вечеромъ, выпивши и весь въ болотѣ... Тогда дождь былъ... „А японцы, говоритъ, опять въ Судя-тунѣ устроились—самъ видѣлъ. Надъ нами издѣваются.“ Ничего я ему не отвѣтилъ, но, зная, что покойникъ никогда зря не говорилъ, сообщилъ полковому, полковой бригадному. Генералъ нахмурился... „Опять,—говоритъ,—это Завадскій. Ему ничего нельзя поручать!“ А при штабѣ въ это время болтался прикомандированнымъ князекъ одинъ, бывшій кавалергардъ.—„Разрѣшите мнѣ“. Разрѣшили. Тотъ взялъ казаковъ и полетѣлъ „провѣрять“... Покружилъ около деревни, послѣ обѣда вернулся. „Ничего подобнаго. Я и китайцевъ допрашивалъ: верстъ на тридцать ни одного японца.“ Посмѣялись еще надъ покойникомъ,—отъ водки, дескать, ему японцы мерещатся.— Дубенко, какъ водится, не стерпѣлъ и пересплетничалъ Завадскому. Тотъ только плюнулъ. А потомъ

взялъ лошадь и уѣхалъ. Къ ночи не вернулся. Утромъ охотниковъ послали, привели китайца; тотъ и разсказалъ, что видѣлъ. Японцы давно замѣтили его и послали въ гаолянъ обходомъ. Дали по лошади залпъ, его въ ногу ранили. Окружили бѣднягу, хотѣли живымъ взять; а онъ револьверъ выхватилъ, одного убилъ, двоихъ ранилъ, всѣ заряды выпустилъ... Ну, набросились на него, а онъ шашкой... Тѣ обозлились, прикололи штыкомъ... Въ деревню принесли, говорятъ, еще живъ былъ...

Капитанъ умолкъ. Молчали и офицеры.

Вдругъ у входа въ палатку раздалось всхлипываніе. Всѣ повернули головы. Изъ полумрака выглядывало блѣдное лицо отца Лаврентія.

— Еще въ тотъ день...—говорилъ онъ прерывающимся голосомъ:—какъ сейчасъ помню... Я за почтой въ штабъ ходилъ, письмо покойнику привезъ... „Смотри,—говоритъ,—батя, что мнѣ жена прислала"... А тамъ фотографія, въ письмѣ-то, младенецъ изображенъ въ пеленочкахъ... „Это, говоритъ, мнѣ Богъ наслѣдника далъ. Похожъ, говоритъ, на меня, какъ вылитый". А тамъ только кругленькое да бѣленькое, одни глазенки чернѣютъ... Похожъ, говорю, совсѣмъ похожъ! Отецъ, извѣстное дѣло... Господь первенца далъ... сердце его радуется, ему и кажется... Обхватилъ онъ меня за плечи, самъ смѣется: „хорошій ты, говоритъ, человѣкъ, батя. Не забуду я этого"... Не могу...

Отецъ Лаврентій всхлипнулъ и сталъ полой сѣрой, холщевой рясы утирать заплаканное лицо.

Заленскій помоталъ головой, быстро налилъ себѣ водки и залпомъ выпилъ ее.

— Гдѣ капитанъ? Капитанъ Заленскій здѣсь?—послышался безпокойный фальцетъ Дубенки, и въ то же время въ палатку ввалилась его грузная фигура въ какомъ-то балахонѣ—не то халатѣ, не то подрясникѣ, съ фуражкой на затылкѣ.

— Ну и оказія! Видно, попрутъ насъ скоро отсюда!

Завтра къ намъ пріѣзжаетъ командующій арміей... сейчасъ командиръ сообщилъ. Поэтому прошу господъ офицеровъ... Ахъ, вотъ и самъ полковникъ!

У входа въ палатку появился сухощавый брюнетъ съ типичнымъ кавказскимъ лицомъ.

— Здравствуйте, господа! Пожалуйста не вставайте! Да, завтра командующій будетъ объѣзжать наши позиціи, а послѣ объѣзда ваша рота, капитанъ, немедленно выступаетъ въ сторожевку, на смѣну енисейцамъ... Это верстахъ въ двѣнадцати къ востоку отъ деревушки...

— Ну что-жъ, пойдемъ! А какъ быть съ горячей пищей?—спросилъ Заленскій.

— Приму всѣ мѣры, чтобы къ вамъ посылалась, хотя къ вечеру, походная кухня, но за успѣхъ не поручусь. Это будетъ зависѣть отъ распредѣленія остальныхъ частей... Если насъ опять раскидаютъ на двадцать пять верстъ, придется вамъ на сухаряхъ да консервахъ посидѣть!

— Жаль будетъ,—грустно проговорилъ Заленскій.— Люди у меня и безъ того сильно заморены. Желудкомъ болѣютъ многіе...

— Знаю! Хорошо это знаю! Что же дѣлать, капитанъ? Всѣхъ насъ порядкомъ подтянуло. Вотъ только за исключеніемъ, кажется, полковника,—съ легкой усмѣшкой указалъ командиръ на Дубенку. Тотъ склонилъ на бокъ голову и подобострастно залебезилъ, подтягивая вмѣстѣ съ хламидой и неисправимыя свои панталоны.

— Хе-хе-хе! Что вы, ваше сіятельство! Отъ меня, можно сказать, одно воспоминаніе сохранилось.. хе-хе-хе!

— Но, кажется, довольно-таки тяжеловѣсное. Кстати, полковникъ, я вѣдь уже просилъ васъ оставить въ покоѣ „сіятельство". Я старый кавказскій солдатъ, и мы съ вами не на балу въ собраніи.

— Виноватъ, господинъ полковникъ,—сконфуженно пробормоталъ Дубенко и затѣмъ съ необычайно дѣловымъ видомъ обратился къ Заленскому:

— Ахъ ты, Господи, Боже мой! Чуть не забылъ! Капитанъ, родной мой, ужъ вы пожалуйста, тово... въ виду прибытія командующаго... постарайтесь свою роту, тово... придать приличный видъ! Это-жъ не рота, а... а какая-то босая команда! Оборванцы, лапотники! Весь батальонъ мой конфузитъ...

— Позвольте, подполковникъ,—нѣсколько сухо остановилъ командиръ начавшаго кипятиться Дубенку,—я попрошу капитана Заленскаго, какъ и остальныхъ ротныхъ командировъ, особенныхъ приготовленій не дѣлать и маскарадовъ не устраивать. Мы на передовой позиціи, а не на инспекторскомъ смотру. Пусть командующій увидитъ нашъ полкъ въ его настоящемъ видѣ,—какъ вы выразились,—босяками и оборванцами. Боевая репутація полка отъ этого не пострадаетъ, а можетъ быть, для солдатика и польза какая выйдетъ. А вотъ у васъ, въ третьей ротѣ, этотъ новый прапорщикъ второй день мертвецки напивается, такъ ужъ вы, подполковникъ, завтра его приберите куда-нибудь...

— Слушаю-съ! Всенепремѣнно! Въ землю прямо закопаю!

— Что, старый хрѣнъ? Съѣлъ арбуза?—съ добродушнымъ смѣхомъ замѣтилъ Заленскій Дубенкѣ послѣ ухода командира.—Это тебѣ не прежній командиръ! Этимъ у него не возьмешь.

— Эхъ, родненькій мой, для васъ же всѣхъ стараюсь! Сказано: „покорное теля двухъ матокъ сосетъ“.

— То-то ты и жирѣешь съ каждымъ днемъ, а мы почему-то сохнемъ все больше...

— Ну-ну... Пошелъ уже! А вотъ что, родненькіе. Вамъ, какъ я вижу, до смерти хочется, чтобъ я заложилъ банчишку! Согласенъ! Такъ и быть. Два четвертныхъ пожертвую, куда ни шло.

— Опять обираловка начнется! Экая жадность ненасытная! Вчера сотни двѣ съ меня выигралъ, да полтораста съ Онупріенка...

— Что ты, родненькій? Перекрестись! Это я-то выигралъ? Да я рублей шестьсотъ продулъ!

— Похоже на тебя! Ты вонъ деньщику своему рубля дать пожалѣешь, а не то, чтобы...

— Ладно! Эй! Кто тамъ?—закричалъ Дубенко:—Кишконосовъ или Смердяченковъ! Карты подавай! Живо!

Игра началась. Пришли еще офицеры, и въ палаткѣ скоро сдѣлалось тѣсно и душно.

По заведенному обычаю, Дубенко самъ металъ банкъ, причемъ страшно волновался, подозрительно разглядывалъ смятыя кредитки и грубо, цинично ругался, когда приходилось платить. Тутъ же, около играющихъ, примостился поручикъ Кранцъ съ нѣмецкой книжкой въ рукахъ.

Онъ не обращалъ никакого вниманія на игру и ругань подполковника, и весь ушелъ въ чтеніе. Онъ никогда не разставался со своей нѣмецкой книжкой и ревниво берегъ ее отъ посторонняго глаза. Впрочемъ, однажды, когда Кранца потребовалъ зачѣмъ-то полковой командиръ, книжка попала въ руки товарищей и оказалась старымъ изданіемъ нѣмецкаго мистика Эккартсгаузена: „Aufschlüsse zur höheren Magie".

На поляхъ главы „Die Zahlen der Natur" были карандашные чертежи, треугольники, какія-то вычисленія и буквы.

Дубенко поднялъ на смѣхъ конфузливаго Кранца, который, по его мнѣнію, „зъ глузду зъихавъ" (съ ума спятилъ) и перекрестилъ его въ „графа Каліострова". Когда же задѣтый за живое, покраснѣвшій, какъ дѣвушка, Кранцъ сталъ оправдываться и въ смутныхъ, сбивчивыхъ выраженіяхъ заговорилъ о „книгѣ природы", о пониманіи ея языка и явленій, о „заблудившемся человѣчествѣ",—Дубенко разразился гомерическимъ хохотомъ и объявилъ, что онъ „такъ и быть" прочитаетъ молодому „дурню" кое-что изъ „настоящей" книги природы. Съ таинственнымъ видомъ, словно извлекая сокровище, онъ

досталъ изъ гинтера объемистую тетрадь въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, напялилъ на лоснящійся носъ очки въ оловянной оправѣ и съ плотояднымъ, слащавымъ выраженіемъ лица сталъ читать, подчеркивая и смакуя почти каждое слово.

Красная тетрадь оказалась собраніемъ произведеній пресловутаго Баркова и другихъ неизвѣстныхъ авторовъ.

Въ ней были цѣлыя поэмы, описывающія съ мельчайшими подробностями самый пошлый, беззастѣнчивый развратъ. Эта „литература" производила на слушателей огромное впечатлѣніе и пробуждала дремавшіе инстинкты.

— О, чтобъ тебя!..—вырывались восклицанія.—Даже слюни текутъ...

— Ухъ! Попадись мнѣ теперь только какая-нибудь этакая... я бы, чортъ возьми!

— А ну, полковникъ, еще разъ это мѣсто... еще разъ!..

Слушатели, повидимому, переживали во время чтенія всѣ описываемые моменты чувственныхъ наслажденій и въ наиболѣе сильныхъ мѣстахъ прерывали чтеца одобрительными восклицаніями: „Го-го-го! Такъ ее, такъ ее... вотъ это здорово!.." Послѣ чтенія Дубенко признался, что въ часы досуга онъ и самъ иногда сочиняетъ стишки „насчетъ природы", но, несмотря на настойчивыя требованія присутствующихъ, прочитать свои „произведенія", отказался.

Послѣ этого Кранцъ никогда больше не разговаривалъ о „книгѣ природы", а къ насмѣшкамъ товарищей и кличкѣ „графа Каліострова" сталъ относиться совершенно равнодушно, продолжая упорно перечитывать свою завѣтную книжку.

Передъ Дубенкой уже лежалъ цѣлый ворохъ кредитокъ, перемѣшанныхъ съ золотомъ и серебромъ, и подполковникъ, видимо, собирался бросить метать, когда

въ палатку заглянулъ штабсъ-капитанъ Мурза-Тагабаевъ, командовавшій десятой ротой,—высокій, стройный брюнетъ, съ нѣсколько хмурымъ, задумчивымъ лицомъ. Онъ никогда не игралъ, не участвовалъ въ попойкахъ, держался больше въ сторонѣ, не любилъ долгихъ разговоровъ, а съ начальствомъ держался съ достоинствомъ и сухостью, подчасъ довольно рѣзкою.

Товарищи относились къ нему какъ бы съ нѣкоторой боязнью, и даже безпардонный Дубенко какъ будто стѣснялся его. Въ десятой ротѣ его любили за простоту и заботливость о солдатѣ.

Тагабаевъ закурилъ трубку и сталъ присматриваться къ игрѣ. Дубенкѣ везло, и онъ дрожащими руками, смачивая языкомъ жирные, крючковатые пальцы, пересчитывалъ деньги.

— Дѣлайте игру, дѣтки, ставьте денежки, ставьте!— говорилъ онъ, готовясь метать. Успѣхъ опьянилъ подполковника, и онъ жадно поглядывалъ на своихъ партнеровъ, какъ на заранѣе обреченныя жертвы. Тагабаевъ вынулъ изъ-за пазухи бумажникъ, досталъ сторублевый билетъ и молча положилъ его передъ однимъ изъ понтеровъ. Играющіе съ удивленіемъ посмотрѣли на Тагабаева, а Дубенко еще больше заволновался.

— Го-го! Достопочтеннѣйшій капитанъ Тагабаевъ?! Вотъ ужъ не ожидалъ! Ей-Богу, не ожидалъ!

Нѣсколько минутъ спустя, всѣ игроки возбужденно поднялись съ мѣстъ, а Дубенко, поблѣднѣвшій, весь въ поту, пялилъ выпученные глаза на груду денегъ, перешедшую къ Тагабаеву, который, не мѣняя ставки, въ четыре пріема сорвалъ весь банкъ подполковника. Даже Кранцъ оторвался отъ своей книжки и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Тагабаева. Тотъ былъ невозмутимо спокоенъ, и только между бровей появилась какая-то тревожная складка.

— А ви, полковныкъ, завтра, значитъ, въ охранэніе виступаетэ?—медленно, какъ бы думая о чемъ-то дру-

гомъ, проговорилъ онъ съ обычнымъ своимъ акцентомъ. Дубенко метнулъ на него сердитый взглядъ и что-то промямлилъ дрожавшими губами. Растерявшійся, обезкураженный крупнымъ проигрышемъ, съ трудомъ скрывающій безсильную злобу, онъ былъ жалокъ и смѣшонъ въ своемъ „подрясникѣ“, какъ называли всѣ его хламиду, съ голой и жирной, волосатой грудью, съ отвисшимъ животомъ, въ необъятныхъ, готовыхъ свалиться, шароварахъ.

Тагабаевъ протянулъ руку, взялъ изъ груды денегъ сторублевый билетъ и спряталъ его въ бумажникъ.

— Я нэ игрокъ, ви знаетэ... такъ, только загадать хатэлъ,—проговорилъ онъ, какъ бы извиняясь, и вышелъ изъ палатки.

Нѣсколько мгновеній Дубенко сидѣлъ, окаменѣвъ отъ изумленія, но затѣмъ побагровѣлъ и рванулся съ мѣста.

— Позвольте! Это насмѣшка! Я не позволю издѣваться!—кричалъ онъ, брызгая слюной и машинально подтягивая шаровары.—Это уже оскорбленіе! Господа! Вы свидѣтели! Такъ нельзя! Я ему сейчасъ... Эй! Кто тамъ?! Кишконосовъ! Дуралеевъ!!

Изъ мрака вынырнула несуразная фигура съ хмурымъ, бородатымъ лицомъ.

— Ага! Сейчасъ ступай въ десятую роту и отдай штабсъ-капитану Тагабаеву вотъ эти деньги! Понялъ? Погоди, я только сосчитаю! Я... я ему не фендрикъ, чортъ побери!

По мѣрѣ того какъ онъ считалъ, его воинственный пылъ охладѣвалъ, и когда въ итогѣ получилась крупная сумма болѣе полутысячи, Дубенко потеръ свою лоснящуюся, вспотѣвшую плѣшь и безпокойно запыхтѣлъ носомъ.

— Да-да... только это, пожалуй, не совсѣмъ удобно посылать ему деньги... Чортъ его знаетъ... Еще вздумаетъ обидѣться! Эти восточные человѣки страшно заносчивый и обидчивый народъ!

— И я такъ разумѣю, что посылать деньги съ деньщикомъ не годится!—съ едва уловимой ироніей вставилъ Заленскій.

— Ага! Я, тово... я завтра ему самъ ихъ отдамъ,— рѣшилъ ободрившійся Дубенко, бросивъ благодарный взглядъ на Заленскаго.—Скажу: „вы, капитанъ, забыли вчера вашй деньги, такъ вотъ потрудитесь ихъ получить!“ И отдамъ! Да-да! Этакъ будетъ лучше!

— Завтра, чуть свѣтъ, въ сторожевку выходимъ,— какъ-бы нечаянно замѣтилъ Сафоновъ.

Дубенко сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этихъ словъ, и обратился къ деньщику.

— Чтобъ мнѣ курица была приготовлена завтра къ утру! Понялъ? Ступай!

— Вашскородіе... Такъ что старый манза два раза ныньче приставалъ, за курицу денегъ требовать!

— Денегъ?! Да я-жъ тебѣ, чортовой дѣтинѣ, сто разъ приказывалъ отдать деньги за курицу!

Солдатъ съ удивленіемъ взиралъ на подполковника, но потомъ принялъ покорно-безотвѣтный видъ.

— На! И больше ко мнѣ не приставай за деньгами!

Дубенко сердито сунулъ солдату серебряный рубль.

Вмѣстѣ съ Сафоновымъ мы вышли изъ палатки, поднялись по склону въ сосновую рощу и прилегли.

Ночь была теплая и влажная. Надъ нами чуть слышно шептались сосны, и мѣстами сквозь темный сводъ вершинъ кротко проглядывали звѣзды.

Бивакъ затихалъ; изрѣдка изъ офицерскихъ палатокъ долетали смутные голоса. Изъ-за сопки, очертивъ ея гребень чернымъ силуэтомъ, поднялся красноватый лунный дискъ.

— Странный человѣкъ этотъ Тагабаевъ!—говорилъ Сафоновъ:—съ офицерами суровъ, роту свою подтянулъ, хотя и недавно ее получилъ, а солдаты любятъ его! Подъ Хайченомъ когда мы стояли, —тебя тогда не было съ нами,—казусъ одинъ вышелъ... Третій батальонъ на де-

журство въ сторожевку былъ назначенъ... Только это они изъ деревни выходить стали, видятъ—на пескѣ кровь! Длинной этакой дорожкой тянется. Пошли по слѣду и въ гаолянѣ стараго китайца нашли. Голова разбита, весь кровью залитъ, плачетъ и землю къ ранѣ прикладываетъ.

— Стали допрашивать. Оказалось, дѣло очень просто. Какой-то солдатъ у старика табаку потребовалъ, тотъ не далъ... Солдатъ силой вздумалъ отнять, китаецъ толкнулъ его, словомъ—драка! Солдатъ съ винтовкой былъ, озвѣрѣлъ да прикладомъ старика и хватилъ. Стали доискиваться, какой солдатъ? Китаецъ примѣты разсказалъ; оказалось нѣсколько похожихъ, а признаваться никто не хочетъ.

— Батальонный Владимирцевъ изъ себя выходилъ, грозилъ, требовалъ—ничего не выходитъ! Рѣшили отложить дѣло до возвращенія изъ сторожевки. На другой день Тагабаевъ съ порученіемъ на позицію пріѣхалъ. Владимирцевъ спалъ; тотъ не хотѣлъ будить, къ солдатамъ подсѣлъ... О чемъ они толковали—не знаю, а только вечеромъ, когда на посты наряжать стали, ефрейторъ одинъ подошелъ къ батальонному и сознался во всей каверзѣ. Говорятъ, когда бригадный узналъ объ этомъ казусѣ, такъ сказалъ: „вотъ бы кому первымъ батальономъ командовать вмѣсто Дубенки“. Только ему ходу не дадутъ,—таковъ ужъ нашъ порядокъ... Такъ вѣчнымъ капитаномъ и останется, либо куда-нибудь на край свѣта этапнымъ комендантомъ засунутъ!

— А вѣдь Дубенко не отдастъ ему денегъ, какъ дважды два четыре!—прибавилъ Сафоновъ, помолчавъ.

Хрустнула вѣтка, послышались мягкіе шаги, и длинная сѣрая фигура появилась около насъ.

— Это вы, отецъ Лаврентій?—окликнулъ Сафоновъ.— Откуда это вы шествуете, батя?

— А... на верхушкѣ былъ, Богу молился!

Отецъ Лаврентій прислонился къ соснѣ и, всплеснувъ руками, заговорилъ тихимъ, восторженнымъ голосомъ:

— Ночь-то! Ночь-то какая!.. Господи, Господи! Китай, вѣдь! Страна азіатская, некрещенымъ народомъ обитаемая! А и тутъ,—поглядите только,—и тутъ свѣтила небесныя прославляютъ Создателя! И растеніе всякое процвѣтаетъ, и тишина какая, истинно благоговѣйная, къ молитвѣ и размышленію располагающая!

— Удивляюсь я вамъ, батя, какъ это вы легко отъ скорби къ умиленію переходите!

— А то какъ же, другъ дорогой? Не подобно иначе! Какъ же не скорбѣть о положившихъ животъ свой на полѣ брани и какъ же не умиляться передъ величіемъ Господнимъ? Душѣ христіанской и дано Создателемъ скорбѣть и умиляться—сіи высочайшія качества! Я... что-жъ... Я... человѣкъ темный, не то, что новое священство, которые академики и подобное... можно сказать, мужикъ обыкновенный, но и мнѣ Господь Богъ даровалъ и скорбь, и умиленіе.

— А тяжело вамъ тутъ приходится, батя?

— Не ропщу! Благодареніе Всевышнему за все! Дома-то не легче было! Куды тамъ! Попъ я бѣдный, въ глухомъ селѣ; иновѣрцевъ и раскольниковъ въ округѣ много, а которые православные, такъ захудалый народъ... Хлѣбъ да квасъ, да гнилая картошка... Самъ и за сохой ходишь, и за бороной... Лѣтось сына Богу отдалъ... Хоть куды былъ мальчонка, только дроздовъ любилъ, покойничекъ! Полѣзъ какъ-то на дерево за дроздами, сверзился, грудку перешибъ и Господу душеньку отдалъ... Что-жъ, на все Богъ! А тутъ и господа офицеры вотъ—хорошіе люди и солдатики—свои люди... духовному лицу рады... Трудовъ особливыхъ нѣту, напутствовать, душу утѣшить грѣшную... Богу съ ними послужить... Содержаніе, какъ по нашей де-

ревнѣ, совсѣмъ хорошее... Кабы не пролитіе крови, не убивство, и совсѣмъ хорошо!

— Счастливый вы, батя, человѣкъ! Право!—сказалъ, вставая, Сафоновъ.—Завтра спать долго не придется, пора идти.

— Спите съ Богомъ, отдыхайте! И я пойду во свояси—вечернія молитвы домаливать.

Мѣсяцъ поднялся выше, сосны зашептались еще таинственнѣе. Бивакъ спалъ крѣпкимъ сномъ. И когда около полуночи гдѣ-то далеко-далеко на востокѣ прокатился и замеръ въ горахъ глухой гулъ орудійнаго выстрѣла,—только одинъ отецъ Лаврентій появился на склонѣ холма.

Долго стоялъ онъ, прислушиваясь и глядя въ ту сторону, откуда донеслась эта глухая угроза, затѣмъ широкимъ крестомъ осѣнилъ толпившіяся вокругъ палатки и скрылся.

. . . .

. . . .

VII.

Едва проснулся бивакъ, какъ яркое, смѣющееся утро нахмурилось. Налетѣлъ сильный вѣтеръ, пригналъ большую тучу, и она, быстро разростаясь во всѣ стороны, стала заволакивать небо. Потухли сверкавшіе солнечные блики, потускнѣли краски, окрестныя высоты какъ будто придвинулись и, вмѣсто прозрачной синевы, одѣлись въ красновато-бурую броню, тяжелую и зловѣщую; свѣтлозеленый, назрѣвающій гаолянъ потемнѣлъ и казался волнующимся моремъ наканунѣ шторма. Старый, развѣсистый вязъ, неподвижно дремавшій подъ жгучими лучами солнца, навѣвая лѣнь и прохладу, теперь какъ будто пробудился отъ сна и, взлохмаченный вѣтромъ, печально шумѣлъ и качался изъ стороны въ сторону, словно кающійся грѣшникъ, а надъ

трепетавшей вершиной его тревожно кружилась и глухо каркала мрачная стая черныхъ вороновъ.

Рота капитана Заленскаго, назначенная на дежурство въ сторожевку, готовилась къ выступленію.

Одни—медленно, съ угрюмымъ молчаніемъ доѣдали „щи"—горячее варево изъ риса, капусты и баклажановъ, едва сдобренное сухой и жесткой говядиной; другіе, уже покончившіе съ ѣдой, укладывали въ холщевые мѣшки убогій скарбъ, осматривали винтовки, смазывали замки, заправляли истрепавшуюся обувь.

Въ ожиданіи капитана, ушедшаго къ полковнику за приказаніемъ, по ротѣ расхаживалъ высокій, сухощавый фельдфебель, съ озабоченнымъ видомъ покручивая жесткіе свѣтлые усы и дѣлая замѣчанія людямъ:

— Гляди, ребята! Лишняго не бери! На сопку полѣзешь, все одно побросаешь. Эй, Червонюкъ! Ты это чево тамъ засунулъ? Давай сюды мѣшокъ!

Червонюкъ подалъ топырившійся мѣшокъ, изъ котораго фельдфебель торжественно извлекъ большой глиняный кувшинъ съ двумя ручками, въ какихъ китайцы, обыкновенно, держатъ бобовое масло.

— И су-укинъ-же ты сы-ынъ!—нараспѣвъ началъ фельдфебель,—хохлацкая твоя морда! Это что? Что это есть, я тебя спрашиваю?

— Жбанъ, мабудь...—неувѣренно отвѣчалъ Червонюкъ.

— Жбанъ! Самъ ты жбанъ пустопорожній! Жбанъ! На какого дьявола ты прешь-то его? Огурцы солить собираешься?.. Вотъ какъ я этимъ жбаномъ да звиздану по твоей башкѣ несуразной...

Фельдфебель замахнулся, но Червонюкъ и глазомъ не моргнулъ; онъ зналъ, что если „начальство" ругаетъ и грозитъ побить, то не побьетъ, а дастъ затрещину молча и внезапно.

— Пшолъ на мѣсто! То-ись что за народъ необразованный! Тутъ тебѣ на передовую позицію дежурной

частью, а онъ цѣлое хозяйство заводитъ! Деревня, какъ есть деревня!

— Взводный третьяго взводу!

Когда подбѣжалъ взводный унтеръ-офицеръ, фельдфебель фамильярно положилъ ему на плечо руку и отвелъ его въ сторону.

— Ты, Иванъ Мосѣичъ, гляди въ оба! Ужъ я на тебя полагаюсь... Прапорщикъ-то новый не пойдетъ, потому—пьянъ безнадежно... одинъ, значитъ, поручикъ Сафоновъ будетъ... Онъ ничего, офицеръ хорошій, только что изъ молодыхъ, спотыкается... Такъ ты приглядывай и за своимъ, и за четвертымъ взводомъ. Господинъ онъ мягкой, и солдата баловать любитъ, а въ сторожевкѣ самъ знаешь — держи ухо востро!.. Нда... Приказъ приказомъ, а ты и самъ смекай...

— Будьте благонадежны, г. фельдфебель. Не впервой... догляжу...

— То-то и оно! Нда... Ну, ступай на свое мѣсто,— благосклонно отпустилъ фельдфебель взводнаго и съ видомъ полководца сталъ оглядывать бивакъ.

Вскорѣ на склонѣ показалась фигура Заленскаго въ походномъ снаряженіи.

— Снимай палатки-и!

Сѣрыя холстины заколебались. Люди проворно разбирали ихъ, складывали и надѣвали на себя.

Сафоновъ торопливо допилъ мутный чай, сваренный въ жирномъ солдатскомъ котелкѣ, и вскочилъ на ноги.

— Вашбродіе! Командующій арміей!

— Смирна-а!—донеслось снизу.

Батальонъ всталъ и замеръ, какъ одинъ человѣкъ. Изъ-за склона показалась группа всадниковъ. Впереди, на сѣрой, тяжело ступавшей лошади ѣхалъ шагомъ командующій. Сѣрая тужурка съ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ плотно облегала коренастую, нѣсколько угловатую фигуру командующаго; фуражка, обтянутая че-

хломъ песочнаго цвѣта, была надвинута на глаза. Смугловатое, желтое лицо, съ черной, сѣдѣющей бородкой, было неподвижно и сухо, и въ пронизывающемъ взглядѣ слегка прищуренныхъ маленькихъ, черныхъ глазъ было что то угрюмое и какъ бы враждебное. Молча объѣзжалъ онъ бивакъ, изрѣдка лѣниво поднимая правую руку для отданія чести начальникамъ. Съ напряженными лицами, съ выраженіемъ готовности въ наклоненныхъ впередъ фигурахъ, слѣдовали за нимъ корпусный, дивизіонный и бригадный генералы. Небольшая свита командующаго посматривала на бивакъ съ апатичнымъ видомъ скучающихъ туристовъ и обмѣнивалась замѣчаніями.

— Спасибо, ребята, за службу!—донесся глухой голосъ командующаго. Казалось, что это не его были слова,—настолько неподвижно и угрюмо было его лицо.

— Рады стараться, ва-ство-о!—сдержаннымъ и нестройнымъ хоромъ откликнулись солдаты.

Когда кавалькада скрылась за холмомъ, бивакъ снова ожилъ.

— Фу-ты! Словно туча грозовая прошла...—проговорилъ кто-то изъ офицеровъ.

Рота Заленскаго спустилась со склона въ долину и выстроилась во взводной колоннѣ.

Сафоновъ со своей полуротой долженъ былъ занять кладбище, верстахъ въ восьми отъ деревни; Заленскій же уходилъ нѣсколько восточнѣе, на каменистыя высоты горъ.

— Не забудьте, голубчикъ, насчетъ консервовъ!—говорилъ онъ Сафонову. Берегите ихъ пуще всего и не позволяйте ѣсть безъ надобности. Это—на крайній случай. Ну, съ Богомъ!

Заленскій уходилъ первымъ. Полурота, сверкнувъ штыками, взяла „на плечо“, колыхнулась и тронулась.

— Чортъ знаетъ, что!—говорилъ Сафоновъ, указывая на проходившихъ мимо солдатъ,—на кого похожи стали! Смотрѣть жалко!

Отъ строевой части, блестящей выправкой которой справедливо гордился Заленскій, теперь не осталось и помина. Среди сѣрыхъ форменныхъ рубахъ попадались желтыя куртки „хаки", пестрѣли синія и выцвѣтшія розовыя „расейскія" косоворотки, невообразимо грязныя, часто разорванныя и усѣянныя заплатами. Не менѣе разнообразны были и головные уборы: форменныя фуражки другихъ полковъ, безъ кокардъ и чехловъ, нѣсколько обтрепанныхъ зимнихъ папахъ съ проплѣшинами, шапки съ козырьками, шапки безъ козырьковъ... На ногахъ—неуклюжіе и тяжелые окончательно истоптанные „поршни", у многихъ—китайскіе полусапожки и туфли; попадались и одни только голенища, изъ которыхъ вылѣзали голыя ступни, мелькали и самодѣльные лапти, слаженные изъ обрывковъ китайской цыновки.

Двое отсталыхъ солдатъ плелись позади колонны.

На нихъ были широкіе, съ длинными засученными рукавами, синіе китайскіе халаты, запрятанные въ китайскія же шаровары. На головѣ у одного красовалась широкополая, приплюснутая соломенная шляпа, какую носятъ корейцы; у другого—воронкообразная, плетеная китайская „мауза"... Ноги были втиснуты въ маленькія китайскія туфли, и оба солдата шли вприпрыжку, какъ-то неуклюже перескакивая съ ноги на ногу...

— Ты бы ужъ снялъ туфли-то! Вѣдь малы онѣ тебѣ!—крикнулъ Сафоновъ одному изъ нихъ.

— Никакъ невозможно, вашбродіе, — откликнулся солдатъ:—шибко ноги загноились!

При этой убогой пестротѣ, тяжело навьюченные вещевыми мѣшками, „скатками", патронными сумками, котелками, флягами и шанцевымъ инструментомъ, солдаты, съ исхудалыми, угрюмыми лицами, грязные и изможденные, съ расшатанной, усталой походкой, казались, дѣйствительно, какимъ-то жалкимъ, заморенными сбродомъ.

— Да, чортъ возьми!—вырвалось у Сафонова.—Что-то среднее между арестантами и мародерами! Только одно, что винтовки со штыками!

— Смирно! Лѣвое плечо впередъ! Шагомъ—маршъ!

Полурота тронулась.

Выбравшись за околицу деревушки и миновавъ раскиданные вокругъ биваки пѣхоты и артиллеріи, она перешла черезъ небольшую рѣченку, змѣившуюся во всю длину долины, и направилась къ сѣверу. Пройдя верстъ пять, мы завидѣли трехъ верховыхъ, скакавшихъ намъ навстрѣчу.

— Казачій разъѣздъ?

— Нѣтъ! Это наши охотники. Ба! Капитанъ Андреевъ? Начальникъ команды... Сейчасъ что-нибудь узнаемъ!

Полурота остановилась. Подскакавшій на низкорослой бѣлой „маньчжуркѣ", капитанъ Андреевъ круто осадилъ лошадь и поздоровался. Обвѣтренное лицо, грудь, шаровары и даже широкая русая борода были забрызганы грязью и покрыты густымъ налетомъ сѣрой пыли.

— Въ сторожевку? Доброе дѣло! А я въ штабъ, къ бригадному.

— Ну что слыхать? Что японцы? Вы откуда?

— Да новости все неважныя! Японцы вотъ этими горами начинаютъ обходить нашъ лѣвый флангъ... такъ что вы имѣйте это въ виду. Сейчасъ они почти на одной линіи съ нами. Очевидно, стягиваются къ Ляояну. Видѣлъ бивакъ. Колонну на маршѣ. Чортъ ихъ знаетъ, какъ они по такимъ крутизнамъ двигаются! Господа, нѣтъ ли покурить? Весь табакъ вышелъ еще вчера...

Сафоновъ предложилъ Андрееву папиросы.

— Я ужъ парочку, съ вашего разрѣшенія. Да! И штукари-же эти японцы!—заговорилъ Андреевъ, съ наслажденіемъ затягиваясь папиросой. — Понимаете? Цѣлую ночь меня продержали въ гаолянѣ. Подъѣхалъ

я вчера вечеромъ къ одной деревушкѣ, уже брошенной китайцами, вдругъ охотникъ одинъ кубаремъ съ коня: „вашбродіе, говоритъ, японцы въ деревушкѣ!“ Глянулъ я,—дѣйствительно, вижу: двое человѣкъ, одинъ на фанзѣ торчитъ, другой на дерево залѣзъ... къ счастью въ другую сторону смотрѣли. Ну, мы и шмыгнули поскорѣй въ гаолянъ, тамъ и притаились... А тутъ стемнѣло, ночь подошла. Залѣзли мы осторожно подальше, въ самую глубь гаоляна; рѣшилъ я выждать утра и разнюхать, сколько ихъ тамъ... Разумѣется, глазъ сомкнуть не пришлось! Чуть только разсвѣло, поползъ мой охотникъ впередъ, а потомъ слышу кричитъ: „вылазьте, вашбродіе! Околпачилъ насъ японецъ!“ Вылѣзли, смотримъ: тѣ же часовые какъ были, такъ и торчатъ на томъ же мѣстѣ. Ну, вошли въ деревню и увидѣли, въ чемъ фокусъ былъ: на крышѣ чучело, да еще и размалеванное, а на деревѣ китайскій трупъ, уже вонючій, въ японскую форму наряженный, къ стволу веревкой привязанъ! Такого дурака пришлось свалять, что... Да! Гдѣ ваша застава будетъ стоять?

— Верстахъ въ трехъ отсюда, тамъ какое-то кладбище есть, вонъ на той сопкѣ...

— А, знаю! Тамъ еще двѣ фанзы брошенныя. Такъ имѣйте въ виду, на всякій случай, что почти на одной линіи съ вами сидятъ мои молодцы на квадратной вершинѣ... видите, третья отсюда вершина? На всякій случай, запомните, а то въ сторожевкѣ разное бываетъ.

— Позвольте, вѣдь это же страшная высота? Чѣмъ же вы питаетесь?

— А вотъ четвертыя сутки сухарями, консервами и сырой водицей держимся! Зато мѣсто хорошее. Третьяго дня подъ нами двое япошей на брюхѣ ползали, все высматривали, а мы только посмѣивались... Ну, прощайте, надо спѣшить!

Едва отъѣхали охотники, какъ заморосилъ мелкій и холодный дождь. Люди съежились и прибавили шагу.

Часъ спустя, полурота, скользя по мокрой травѣ и глинистымъ промоинамъ, взобралась на сопку, поросшую низкими соснами и кустарникомъ, среди котораго было раскидано десятка два старыхъ деревянныхъ гробовъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже частью развалились, и изъ-подъ сѣрыхъ досокъ выглядывали истлѣвшія лохмотья, костяки рукъ, и бѣлѣли черепа съ черными глазными впадинами и оскаленными зубами.

— Въ веселую компанію попали!—острили угрюмо солдаты, располагаясь среди гробовъ.

Сафоновъ со взводными отсчиталъ разстоянія, разставилъ посты, выслалъ дозоры и, промокшій и продрогшій, вернулся подъ старую сосну, гдѣ была раскинута палатка.

Палатка была ординарная, солдатская,—приходилось сидѣть согнувшись или лежать на подостланныхъ сосновыхъ вѣтвяхъ.

Мы выкурили по послѣдней папиросѣ и прилегли, завернувшись въ плащи.

Смутный говоръ солдатъ скоро замеръ, и въ сѣрыхъ палаткахъ, какъ и въ сѣрыхъ гробахъ, стало мертвенно тихо. Глухо и усыпительно шумѣлъ дождь, гдѣ-то внизу журчалъ стекающій водяной потокъ, и мутная мгла все плотнѣе и плотнѣе окутывала старое, молчаливое кладбище.

Былъ уже поздній вечеръ, дождь пересталъ, и среди разорванныхъ тучъ кое-гдѣ привѣтливо мерцали звѣзды, когда насъ разбудили.

— Что такое? Кто?

— Отъ бригаднаго ординарецъ, вашбродіе!—доложилъ унтеръ-офицеръ.

— Поручикъ, засвѣтите фонарь, ради Бога! Ни черта не видно!—раздался изъ темноты нетерпѣливый, запыхавшійся голосъ.—Самъ чортъ ногу сломитъ! Едва

разыскалъ... Бррр... темно, холодно... на какой-то гробъ налѣзъ, чортъ бы ихъ побралъ, этихъ китаёзовъ...

Послѣ долгихъ усилій Сафонову удалось засвѣтить маленькій походный фонарикъ.

— Залѣзайте, пожалуйста... въ чемъ дѣло?

— Дѣло дрянь, батенька! Привели подъ вечеръ къ бригадному двоихъ лазутчиковъ. Что и какъ—не знаю, а только бригадный послалъ меня къ Заленскому и къ вамъ передать, что сегодня ночью ожидается обходъ обѣихъ заставъ и нападеніе.

— Ночное нападеніе? Чортъ возьми!.. Въ этакую темь?

— Да-съ! Значитъ, примите всѣ мѣры осторожности и прочее, какъ полагается... Да вотъ вамъ и записка, получайте...

— ...„Не открывать огня до послѣдней возможности... въ крайнемъ случаѣ... отстрѣливаясь, отходить“...— бормоталъ Сафоновъ, съ трудомъ разбирая небрежную карандашную записку.

— Да откуда же они нападать будутъ? Съ какой стороны?

— Ну, это, батенька, Аллахъ вѣдаетъ! Сказано—обходъ! А ужъ они обходить мастера!—отвѣчалъ ординарецъ. — Водки у васъ нѣтъ? Экая досада! Продрогъ, какъ собака... Ну, надо переть назадъ. Прощайте! Ахъ да! Забылъ! Капитанъ Заленскій просилъ напомнить вамъ, чтобы вы, въ виду нападенія, не забыли о секретахъ.

— Хорошо. Карташовъ!—обратился Сафоновъ къ унтеръ-офицеру,—собери сюда отдѣленныхъ!

Когда люди собрались, Тима сообщилъ имъ полученное извѣстіе и далъ надлежащія указанія, а затѣмъ отобралъ пятерыхъ болѣе надежныхъ солдатъ и самъ отправился, чтобы распредѣлить секреты.

Вѣсть объ обходѣ и нападеніи разогнала сонъ, и среди людей вполголоса пошли разговоры.

— Эхъ, окаянные... и поспать не дадутъ...—ворчалъ кто-то,—и чего имъ это ночью задалось? Шли бы днемъ!

— Вишь ты, днемъ! Днемъ-то всякій дуракъ потрафитъ, а ты ночью сунься!

— Господи! И завсегда японецъ ночью норовитъ. Подъ Дашичавой тожа въ ночи нагряпули!

— Оттого, что онъ, вишь ты, въ ночи лучше видитъ, а днемъ плохо, больше въ трубку.

— Ври!

— Чаво врать-то? Онъ, японецъ-то, что филинъ, потому какъ онъ азіятъ есть и, опять же, глаза косые! Иванъ Мосѣичъ самъ сказывалъ!

— Косые? А у китайца али, скажемъ, манзы не косые глаза?

— Безпримѣнно! Потому тожа азіятъ...

— А отчего манза ночью не ходитъ? Онъ тебѣ, все одно, какъ у насъ на деревнѣ, по солнцу встаетъ и ложится.

— Такъ то манза, а то японецъ! Эхъ, голова!

— Не ори, чортъ!

— А отчего японецъ все обходомъ на насъ идетъ, а наши не обходютъ?..

— Въ случаѣ чего, ежели убьютъ, такъ ты, Микешка, не забудь, табакъ-то у каптенармуса на сохранности, половину ему, а другую себѣ возьми,—наставительно говорилъ чей-то хриплый голосъ.

Когда Сафоновъ вернулся и сталъ отъ фонаря закуривать трубку, лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Боже мой, какая тьма!—заговорилъ Тима, нервно пощипывая усы и подергивая плечами.—Въ двухъ шагахъ зги не видать. Ощупью шелъ; гаолянъ этотъ предательскій шелеститъ... Не знаю, чтó только будетъ, если они нагрянутъ... Пришлось солдата ударить... Чортъ знаетъ! Противно вспомнить... Бить впотьмахъ—это какъ-то особенно отвратительно!

— Да за что ты ударилъ его?

— Нельзя... добрался до третьяго поста, нащупалъ, а онъ лежитъ на бороздѣ и спитъ! Ничего не слышитъ... Съ перепугу на меня же набросился, за шею схватилъ... Чортъ его знаетъ, напуганы люди... нервничаютъ... Хорошо бы теперь водки хватить!

Сафоновъ вынулъ часы.

— Половина двѣнадцатаго! Надо гасить фонарь, могутъ замѣтить!

Нѣсколько времени мы сидѣли въ темнотѣ, не проронивъ ни одного слова, затѣмъ вылѣзли изъ палатки и прилегли на склонѣ, подъ соснами.

Внизу, словно отдаленный прибой, шумѣлъ гаолянъ. На кладбищѣ невнятно шепталсяи кустарникъ; вершины низкихъ, раскидистыхъ сосенъ, зыблемыя ночнымъ вѣтеркомъ, тихо и печально вздыхали, а вверху надъ нами, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, тревожно трепетали яркія звѣзды. Порою летучая мышь задѣвала сосновую вѣтку, и тогда студеная влага съ мягкимъ шумомъ кропила землю. Пахло землей, намокшей древесной корою, плѣсенью истлѣвшихъ гробовъ, а снизу доносился тонкій, едва уловимый, пряный запахъ гаоляна. И ночь, казалось, была полна какой-то тайной жизни, какая-то загадка, словно скрытая отъ людей недосягаемая тайна, чудилась въ прохладномъ дыханіи окутанной мракомъ природы.

— Какая ночь! Чудная и странная!..—тихо сказалъ Сафоновъ:—словно живая... и быть убитымъ въ такую ночь... или убить другого... Нѣтъ! Не хочется думать... это что-то дикое, страшно нелѣпое... хочется лежать вотъ такъ и прислушиваться къ этой ночи и къ самому себѣ... Въ такія минуты какъ будто откровеніе исходитъ... кажется, что чувствуешь всю міровую жизнь, ту другую жизнь, которой не замѣчаешь днемъ... На душѣ такъ мирно, хорошо... Нѣтъ злобы. Кажется, злѣйшему врагу простилъ бы все... право... Ка-

жется, и самъ становишься другимъ человѣкомъ... хорошимъ,чистымъ. И начинаешь вѣрить въ какую-то новую, хотя, можетъ быть, и вѣчно старую жизнь, свѣтлую,настоящую жизнь!.. Да, странно... вѣдь вотъ звѣзды... онѣ и днемъ мерцаютъ, однако, мы ихъ не видимъ... Какъ вотъ такъ думаешь—и хорошо и грустно вмѣстѣ... Какъ будто жаль чего-то хорошаго, невозвратнаго... Какая-то тоска по мечтѣ, по красивой, чудной мечтѣ...

Послышались торопливые шаги, и темный силуэтъ появился около Сафонова.

— Вашбродіе! Подчасокъ съ поста номеръ первый,— взволнованнымъ шопотомъ доложилъ взводный.

— Что такое? Давай сюда его!

Во мракѣ выступила сѣрая фигура подчаска.

— Дозвольте доложить, вашбродіе... Съ поста нумеръ первый... Не иначе, японецъ подходитъ... Супротивъ самаго поста слыхать, какъ ходютъ... тамъ, гдѣ пустая фанза... стукъ слыхать, шорохчитъ тожа... Каваляиъ хруститъ...

— Близко?

— Совсѣмъ близко, вашбродіе!

— Хорошо. Часового назадъ! Карташовъ! Живо убрать палатки! Четвертаго взводнаго ко мнѣ! Не шумѣть, не стучать и не разговаривать! Отозвать посты и дозоры!

Тима нервно ощупалъ кобуръ револьвера, поправилъ шашку и прошепталъ:

— Кажется, дождались... Что будетъ, то будетъ.

Молчаливое кладбище зашевелилось. Кто-то неосторожно звякнулъ котелкомъ, гдѣ-то лязгнулъ штыкъ, щелкнули замки винтовокъ. Быстро снялась и собралась полурота. Во мракѣ чувствовалось учащенное дыханіе людей. Тима вполголоса отдавалъ приказанія. Четвертый взводъ былъ посланъ вправо, для прикрытія склона со стороны долины. Съ остальными Сафоновъ двинулся черезъ кладбище по направленію къ

покинутой фанзѣ. Крадучись, пробирались люди черезъ густыя заросли, осторожно обходя гробы, ощупывая каждый шагъ, стараясь не растеряться и не отстать. Добравшись до края, гдѣ рѣдѣлъ кустарникъ и начинался скатъ, люди растянулись и залегли цѣпью, притаивъ дыханіе и напряженно прислушиваясь.

Вдругъ снизу явственно донесся шорохъ и какой-то металлическій звукъ.

Не успѣлъ Сафоновъ произнести до конца команду, какъ люди уже щелкнули замками, и грянулъ нестройный залпъ. Что-то зазвенѣло внизу, раздался отчаянный вопль, который сталъ быстро ослабѣвать и замеръ въ отдаленіи... И затѣмъ снова настала глубокая тишина.

— Странно,—говорилъ Сафоновъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:—что они не отвѣтили, узнавъ, гдѣ мы находимся... Или ихъ очень мало было.

— Можетъ быть, это были развѣдчики.

— И это возможно. Ну хорошо, что этимъ и кончилось. Хотя, быть можетъ, они съ праваго фланга, съ долины пойдутъ, а здѣсь только для отвода глазъ. Но тотъ взводъ молчитъ... Ничего не слышно...

Онъ вернулся назадъ подъ сосну, пославъ ефрейтора къ четвертому взводу. Тотъ скоро возвратился и доложилъ, что тамъ „все благополучно, ничего не слыхать"...

Спустя полчаса, по свистку собралась полурота и по-походному расположилась на землѣ, не оставляя винтовокъ.

— Эхъ, кабы не темень...—слышался шопотъ среди солдатъ.

— Штыками бы ихъ, какъ слѣдоваетъ...

— Онъ штыка не примаетъ, не любитъ...

— До него не доберессся штыкомъ. Увертливъ и стрѣлятъ мѣтко.

Томительно долго тянулась ночь, и взбудораженные люди напряженно и нетерпѣливо ждали...

Небо поблѣднѣло, померкли звѣзды, надъ долиной поднялась бѣлесоватая дымка тумана. А когда вспыхнулъ востокъ и изъ-за далекихъ вершинъ величаво выплыло солнце,—желтыя и блѣдныя, изнуренныя лица солдатъ оживились, и что-то похожее на радость мелькнуло въ глазахъ, обведенныхъ темными кругами. Многіе снимали фуражки, истово крестились и клали поклоны.

— Слава Тебѣ, Господи Боже нашъ, слава Тебѣ!— говорилъ бородатый ефрейторъ, и въ эту минуту онъ казался мирнымъ крестьяниномъ, выѣхавшимъ съ сохой на свою полосу, чтобы начать мирный трудовой день.

Люди стали снова разбивать палатки, снимать амуницію и устраиваться бивакомъ.

Мы подкрѣпились прогорклыми консервами и спустились внизъ, къ покинутой фанзѣ.

Миновавъ небольшой огородъ съ огромными дозрѣвающими дынями и стройной кукурузой, мы заглянули въ фанзу. На земляномъ полу валялись черепки посуды, кувшинъ съ остатками зерна, лохмотья, продырявленное лукошко изъ тростника, двѣ выдолбленныя тыквы, нѣсколько связокъ сухого гаоляна. На перекладинахъ крыши висѣли, очевидно, забытыя впопыхахъ, связки кукурузы, пучки травъ и старая женская курма.

Противъ входной двери, на выкрашенной въ красный цвѣтъ полкѣ, стоялъ рѣзной алтарь, изъ котораго выглядывала запыленная фигура Будды со скрещенными ногами. Между двумя толстыми, красными свѣчами высилась горка пепла съ остатками молитвенныхъ бумажекъ. Тутъ же валялся искусно сдѣланный изъ бумаги цвѣтокъ, очевидно, украшавшій божницу, по обѣимъ сторонамъ которой были наклеены на стѣну красныя бумажныя полосы съ іероглифами изреченій...

— Здѣсь отлично можно сварить чай... не такъ замѣтно будетъ; и очагъ есть, и гаолянъ сухой,—замѣтилъ Тима.

Неподалеку отъ фанзы мы наткнулись на обложенный плитами колодезь и опрокинутое четырехугольное жестяное ведро.

— Смотри!

— Кровь! И вотъ еще кровь... Это они здѣсь были! Значитъ, залпъ былъ направленъ...

— Стой! Здѣсь кто-то есть! Сейчасъ я видѣлъ, какъ зашевелились верхушки гаоляна.

Мы оба не спускали глазъ съ полосы гаоляна, который гнулся и хрустѣлъ, очевидно, раздвигаемый кѣмъ-то. Синяя курма замелькала среди зеленыхъ стеблей, и оттуда вышелъ китаецъ.

Это былъ высокій и тощій старикъ, опиравшійся на сорванную тростину. Коричневое лицо, сильно изборожденное рѣдкими морщинами, выражало страхъ и покорность. Лѣвой рукой онъ держался за правое плечо. Изъ раскрытаго беззубаго рта, улыбавшагося жалкой и безпомощной улыбкой, вылеталъ какой-то неопредѣленный протяжный звукъ—не то мольбы, не то стона. Онъ близко подошелъ къ Сафонову и вдругъ упалъ передъ нимъ на колѣни и схватилъ его за рукавъ. Красныя, вспухшія вѣки глазъ заморгали, и по лицу старика покатились слезы.

— О-о!.. Капитана, шангау капитана *)...—шамкалъ старикъ, тряся головою.—Кантроми пуяу **)!

Тима растерянно попятился, а старикъ дрожащими руками разстегнулъ истрепанную синюю курму и обнажилъ плечо. Тамъ чернѣла присыпанная землею рана среди запекшейся крови.

*) Добрый, хорошій капитанъ.

**) Убивать, казнить не надо.

— Ипэнъ мэю! Ипэнъ нэга! *) — лепеталъ старикъ, указывая на ближайшія высоты. — О-о, шангау капитана, шангау!..—И онъ подползъ еще ближе и прижалъ къ губамъ руку Тимы.

— Вставай, старикъ! Вставай! Все будетъ шангау...— бормоталъ Сафоновъ, помогая старику подняться на ноги.—Я сейчасъ приведу нашего санитара и позову Муразова; тотъ самъ изъ монголъ и въ китайскую войну былъ, языкъ знаетъ...

Пока Сафоновъ ходилъ, старикъ зачерпнулъ изъ колодца воды и сталъ обмывать себѣ рану, пугливо моргая еще полными слезъ глазами и продолжая бормотать: „шангау, шангау капитана"... Но когда Сафоновъ появился въ сопровожденіи двоихъ солдатъ, старый китаецъ опустилъ руки и съ испугомъ уставился на поручика.

— Живо перевязку! А ты, Муразовъ, скажи ему чтобы не боялся, и спроси его, какъ онъ сюда попалъ.

Увидѣвъ бинтъ, вату и стклянку, китаецъ просвѣтлѣлъ.

— Тао-сье, тао-сье **), шангау капитана!

Рана оказалась легкой.

Желтолицый и черномазый Муразовъ заговорилъ на какомъ-то смѣшанномъ языкѣ, но скоро старикъ радостно улыбнулся и закивалъ головой: „Тунда! Тунда!" ***)

— Такъ что, вашбродіе,—переводилъ понемногу Муразовъ,—кой-что можно разобрать. Онъ сказываетъ, что это евоная фанза и огородъ. Семью и бабъ наши солдаты перегнали туды, въ другую деревню, за горой. Тамъ теперь японцы... Онъ, значитъ, назадъ воротился— огороды и фанзу стеречи... Солдаты, говоритъ, фанзы на огонь разбираютъ и огороды портютъ... Ночью шелъ:

---

*) Японцевъ нѣтъ, японцы тамъ.

**) Благодарю, благодарю.

***) Понимаю.

днемъ, сказываетъ, боялся, какъ бы не примѣтили... За водой какъ полѣзъ, по емъ и стрѣлили.. Въ кавальянѣ сидѣлъ, на голосъ вылѣзъ...

— Ну, скажи ему, что пусть себѣ стережетъ свое хозяйство, и пока я здѣсь,—никто его не тронетъ.

Напутствуемые благодарностями старика, мы поднялись на кладбище.

— Надо пойти посты провѣрить!

Когда Тима вернулся съ повѣрки, солнце начинало уже припекать. Солдаты вылѣзли изъ палатокъ на открытыя мѣста, чтобы обсушиться, и отъ ихъ сѣрыхъ фигуръ повалилъ паръ. Какой-то рядовой, оголившись до пояса, сидѣлъ согнувшись, выставивъ на солнопекѣ исхудалое и почернѣвшее тѣло, усѣянное красноватыми точками.

— Экъ тебя грязь-то заѣла!—сказалъ Сафоновъ.—Ты бы къ колодцу сбѣгалъ, обмылся, что ли... Мыло у тебя есть?

Полуголый солдатикъ, прикрывая руками грудь, поднялъ на него истощенное, землистое лицо съ грустными глазами:

— Мыло-то? Гдѣ ему быть? Съ мѣсяцъ, какъ и помину не осталось...

— Ну хоть съ пескомъ бы потеръ!.. песокъ—чистый въ долинѣ...

— Грязь-то ничаво, вашбродіе... притерпѣлись, а только что вша совсѣмъ заѣла!—Тутъ онъ отнялъ руки и показалъ грудь, исцарапанную до крови, усѣянную множествомъ маленькихъ язвочекъ. Было что-то необычайно жалкое и вмѣстѣ отвратительное въ этомъ высохшемъ, изъѣденномъ, черномъ тѣлѣ.—Почище японца насѣли, проклятыя!

Солдатикъ поднялъ съ земли сѣрую отъ грязи рубаху, сплошь кишѣвшую насѣкомыми.

— Чортъ знаетъ, что! Брось сейчасъ эту мерзость! Сожги! Вѣдь это зараза, это...

— Никакъ невозможно, вашбродіе: потому надѣть нечего будетъ!

но на этотъ разъ ужъ вы, тово, дорогой мой, извините-съ, да-съ! Приходится мнѣ вамъ прочесть маленькую нотацію! Вы, надо полагать, изволите думать, что офицеръ приставленъ въ няньки къ солдату?

— Я ровно ничего не понимаю,—пробормоталъ Сафоновъ, косясь на прапорщика, который, пользуясь минутой, завладѣлъ бутылкой рому.

— Подпоручикъ Сафоновъ!—визгливо оборвалъ Дубенко.—Я васъ попрошу не перебивать и слушать, когда вамъ говоритъ вашъ батальонный командиръ! Я бы не сталъ и разговаривать съ вами и уступилъ бы эту честь капитану Заленскому, но его еще не смѣнили! Да-съ! Потрудитесь мнѣ сказать, что вы дѣлали въ сторожевомъ охраненіи? Гдѣ ваши глаза были? У васъ шпіоны шныряютъ подъ носомъ, а вы торчите тамъ съ цѣлой полуротой чуть не три дня и ни черта не видите? Спать изволите или съ солдатами о самолюбіи бесѣдовать?! Нашего батальона дежурная часть, а тутъ—не угодно ли? Семиградскаго полка охотники ловятъ у васъ подъ носомъ, въ вашемъ участкѣ, китайца-шпіона и доставляютъ его прямо въ штабъ къ бригадному! Это... это что же такое? Издѣваться надо мною изволите? Семиградскимъ охотникамъ благодарность, а намъ... намъ кукишъ съ масломъ?! Выговоръ и позоръ?! Если вамъ угодно ни черта не дѣлать, такъ переводитесь въ другой батальонъ! А срамить мой и подводить меня, стараго офицера, всякому фендрику я не позволю! Да-съ!

— Господинъ полковникъ...

— Потрудитесь принять приказаніе!

Сафоновъ приложилъ руку къ козырьку.

— На васъ возлагается исполненіе распоряженія начальника бригады. Шпіонъ приговоренъ къ разстрѣлянію. Вы его найдете въ кумирнѣ подъ стражей. Потрудитесь немедленно взять шесть человѣкъ и взводнаго изъ вашей полуроты, отвести арестанта шаговъ

на триста за линейку и привести въ исполненіе приговоръ, а затѣмъ доложить мнѣ. Поняли? Можете идти! Да заройте эту сволочь получше, чтобы не вонялъ!

— Слушаю, г. полковникъ!—глухо отвѣчалъ Сафоновъ.

Полчаса спустя, Сафоновъ, въ сопровожденіи взводнаго Карташова и шести рядовыхъ, съ шанцевымъ инструментомъ, подошелъ къ небольшой кумирнѣ, изъ полумрака которой выглядывали раскрашенные идолы съ застывшими улыбками.

Сафоновъ не рѣшился заглянуть въ кумирню.

— Выводи живо арестанта и ступай прямо на дорогу!

Стуча прикладами по каменнымъ плитамъ, солдаты вошли въ кумирню.

— Ну, старина, подымайся!—слышались ихъ голоса.—Вылазь! Пойдемъ, братъ!

Сафоновъ отошелъ немного и отвернулся.

— О-о! Капитана! Шангау капитана! — раздался позади него знакомый старческій голосъ. Согбенный старикъ въ изорванной синей курмѣ, скрестивъ на груди руки, умоляюще смотрѣлъ на Сафонова влажными отъ слезъ глазами и безпомощно шамкалъ... Онъ что-то говорилъ, просилъ или спрашивалъ о чемъ-то, потомъ распахнулъ курму и обнажилъ засохшую рану. Испугъ и глубокое изумленіе отражались на морщинистомъ лицѣ старика. Когда же онъ торопливо забормоталъ что-то относительно „чифана“ и протянулъ руку по направленію кладбища, гдѣ стояла полурота,—Сафоновъ обернулся, блуждающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на старика и, съ трудомъ проговоривъ: „Карташовъ, жди меня здѣсь“, пошелъ обратно къ биваку.

Старикъ, не моргая, съ полураскрытымъ ртомъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, и что-то похожее на радость мелькнуло въ его глазахъ.

Карташовъ и солдаты избѣгали смотрѣть на старика и казались смущенными. Китаецъ робко оглянулся на нихъ, опустился на землю, склонилъ бритую голову на костлявыя руки и, медленно раскачиваясь, бормоталъ что-то про себя. Карташовъ съ озабоченнымъ видомъ набилъ трубку и сталъ рыться въ карманахъ мутно-зеленыхъ шароваръ, украшенныхъ на колѣнкахъ заплатами изъ синей китайской крашенины. Маленькій, чахоточнаго вида, еврей-ефрейторъ, казавшійся еще болѣе заморенным, благодаря курчавой черной бородѣ, которая лѣзла отовсюду и подступала въ выдавшимся скуламъ, — протянулъ Карташову спички, подернулъ плечами и заговорилъ не то укоризненно, не то насмѣшливо, кивнувъ головой на китайца. Его еврейскій жаргонъ плохо вязался съ солдатской амуниціей и звучалъ какъ-то странно и рѣзко.

— Иванъ Масѣицъ! Хиба вы не видите? Это той самый старикъ!

— Н-ну? – неопредѣленно отозвался Карташовъ.

— Ну-у... Енъ для ихъ благородія за ѣдой бѣгалъ, черезъ сопки лазилъ... За цто таперъ его разстрѣляютъ?

— Начальство приказало!—грубо, нехотя отвѣчалъ Карташовъ и ожесточенно засопѣлъ трубкой. — А тебѣ до этого какое дѣло?—прибавилъ онъ погодя.

— Мое дѣло-о?.. Извѣстно, какъ я солдатъ... А тольки я такъ понимаю! Езели я знаю про такое, цаво не знаетъ нацальство, такъ я обьязанъ долозыть! Охотники его изловили у въ сопкехъ и долозыли нацальству! По-ихному, этотъ старикъ—спіёнъ. Ну-у, а охотники не знаютъ, зацѣмъ старикъ по сопкемъ лазилъ, и хто его посылалъ и за какимъ дѣломъ? Таперъ его будутъ разстрѣлять! Ну? А езели я знаю, цто старикъ не за худымъ дѣломъ ходилъ, а его господинъ паруцикъ посылали, такъ долзенъ долозыть объ этомъ по нацальству, али нѣтъ, а? Иванъ Масѣицъ?

— Вѣрно Фрумкинъ сказывать!—отозвался кто-то изъ команды.

— Ну и ступай докладывай по начальству!—сердито буркнулъ Карташовъ, хмуря густыя брови.

— Такъ я-зе не могу?! Цто я знаю, про то и ви знаете, и всѣ рабьяты знаютъ. Ви насъ нацальникъ, ви докладывайте ихъ благородію, али командеру... Я тольки потому сказалъ—зацѣмъ невиноватаго разстрѣлять? У въ мене зе есть совѣсть? Ихъ благородіе паруцикъ хиба не признали, какой это старикъ?

— Ма-алчать!—рявкнулъ Карташовъ, побагровѣвъ.— Не разсуждать! Ты что? Подъ арестъ захотѣлъ?!

— Аре-естъ? Ну, нехай арестъ!—не унимался Фрумкинъ. Его тощее, безкровное лицо оживилось, большіе, черные глаза съ красными, воспаленными вѣками свѣтились страдальчески-напряженно, и въ голосѣ зазвенѣла высокая, дрожащая нотка. Что-то давно наболѣвшее, долго скрываемое и мучительное, казалось, рвалось теперь изъ тощей фигурки, которую боевое снаряженіе безпощадно изуродовало и превратило во что-то жалкое и безпомощное.

— Нехай арестъ! Хиба я неправду сказалъ? Ну, я пойду подъ арестъ, а зато не буду стрѣлять у въ невиноватаго. Нехай мене судютъ! У все равно менѣ домой не воротиться! Всѣ помирать будемъ тутъ! Я и на суду то самое буду говорить! Ви, мозетъ бить, думаете, Иванъ Масѣицъ, цто я еврей, такъ у меня и совѣсти нѣтъ?

Карташовъ вынулъ изъ зубовъ трубку и съ испугомъ поглядывалъ то на Фрумкина, то на остальныхъ. Солдаты угрюмо косились на него, и какая-то тѣнь блуждала по ихъ лицамъ. Нѣкоторые опустились на землю и положили винтовки.

Лохматый и неуклюжій нестроевой солдатъ съ апатичнымъ, заспаннымъ лицомъ, съ окладистой рыжева-

той бородой, проходя мимо кумирни, остановился, выпучилъ глаза на китайца и сразу оживился.

— А-а! — осклабился онъ, подходя ближе къ старику.—А-а! Скажи, сдѣлай милость! Старой какой, сукинъ сынъ?! Шпіёнствовать надумалъ?! Га-а! Ишь ты, косоглазая манза! Вотъ тебя топеря повѣсятъ! А то разстрѣляютъ! „Кантроми!“ Слышь ты? „Кантроми“ тебѣ будетъ! Што, братъ попалси-и? га-а!..

Нестроевой глупо и злорадно скалилъ зубы и жестами сталъ показывать, какъ будутъ вѣшать и разстрѣливать. Старикъ съ испугомъ и брезгливостью отшатнулся отъ бородача.

— Гони его! — вдругъ раздались голоса среди команды. Бородачъ не понялъ, къ кому они относились, и, нагнувшись надъ старикомъ, приложилъ пальцы къ его горлу и высунулъ языкъ, изображая повѣшеннаго.

— Вонъ! Сволочь паршивая! Уходи!—крикнулъ на него Карташовъ.—Проваливай, портомойная рвань!

Бородачъ въ недоумѣніи попятился. Кто-то изъ команды угрожающе тряхнулъ прикладомъ. Фрумкинъ, съ искаженнымъ злобою лицомъ, быстро нагнулся, схватилъ обломокъ сѣраго кирпича и запустилъ имъ въ бородача, но промахнулся. Тотъ отбѣжалъ, погрозилъ кулакомъ и грубо, отвратительно, смакуя каждое слово, выругался.

— Смирна-а!—скомандовалъ Карташовъ, и на этотъ разъ въ его голосѣ не было обычной увѣренности и унтеръ-офицерской развязности. Къ кумирнѣ медленно приближался Сафоновъ. Лицо его было очень блѣдно, голова была опущена. Не доходя нѣсколько шаговъ, онъ остановился на мгновеніе, махнулъ рукой Карташову и пошелъ по направленію къ гаоляну.

Китаецъ покачалъ головой, простоналъ тихо и снова безсильно поникъ.

Его подняли съ земли, подхватили подъ руки и

почти поволокли по дорогѣ. Фрумкинъ неуклюже шагалъ позади всѣхъ.

Справа, среди поломаннаго, пригнутаго къ землѣ гаоляна, стояла бивакомъ полубатарея. Передъ палатками хмуро глядѣли на дорогу толстыя „поршневыя" орудія. Артиллеристы подошли къ дорогѣ и въ угрюмомъ молчаніи провожали взглядами команду стрѣлковъ.

Скоро шествіе свернуло въ длинную, узкую прогалину, которая тянулась между двумя зелеными стѣнами гаоляна, а впереди надъ нею печально и одиноко пялило черные сучья старое, засохшее дерево.

Сафоновъ остановился, пропустилъ мимо команду и, не сходя съ мѣста, прилегъ на землѣ. Минуту спустя къ нему медленно, нерѣшительными шагами подошелъ Карташовъ и вытянулся въ ожиданіи. Сафоновъ какъ будто не замѣчалъ его. Онъ лежалъ спиной къ прогалинѣ.

— Ваше благородіе!..—нарушилъ молчаніе Карташовъ.

Сафоновъ рванулся съ земли, метнулъ взглядъ на сапоги унтеръ-офицера и снова махнулъ рукой.

— Кончай скорѣй! — крикнулъ онъ хрипло вслѣдъ Карташову и снова прилегъ, закрывъ руками лицо.

Онъ не видѣлъ, какъ Карташовъ отсчиталъ шаги и построилъ команду, не видѣлъ, какъ старикъ полнымъ отчаянія взглядомъ искалъ его, Сафонова, и шепталъ блѣдными устами: „шангау, шангау капитана", какъ повернулъ въ сторону далекихъ горъ лицо, по которому скатилось нѣсколько слезинокъ, и какъ затѣмъ, скрестивъ на впалой груди костлявыя руки, застылъ какъ изваяніе, полный величаваго спокойствія, почти презрѣнія передъ ожидавшей его смертью.

Карташовъ сталъ вдругъ странно неповоротливъ. Казалось, что къ его ногамъ были привѣшены невидимыя тяжелыя гири, а глаза лѣзли изъ орбитъ, какъ

будто его давили за горло. Команда стояла съ сумрачными лицами, глядя въ землю, и только маленькій Фрумкинъ сверкалъ возбужденно свѣтившимися глазами.

Чуть слышно прозвучала команда. Винтовки подпрыгнули и вытянулись горизонтально. Карташовъ отступилъ немного и медленно прошелъ позади солдатъ, глядя на направленіе винтовокъ, которыя почему-то расходились въ разныя стороны... На нѣсколько мгновеній Карташовъ какъ бы задумался, затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ досталъ изъ кобура револьверъ и, прищуривъ лѣвый глазъ, сталъ медленно наводить оружіе на старика, цѣлясь въ голову.

На прогалинѣ вдругъ стало какъ-то необыкновенно тихо. Было что-то подавляющее въ этой мертвой, страшной тишинѣ, и казалось, что не Карташовъ, а кто-то другой, невидимый, спрятавшійся въ гаолянѣ, произнесъ „пли!“

Грянулъ нестройный залпъ, старикъ покачнулся, руки разомкнулись и повисли, и когда лобъ и лицо густо окрасились темной кровью, дряблое тѣло старика осѣло и грузно повалилось на землю.

Мертвая тишина пропала. Отъ ружейнаго залпа какъ будто проснулась вся окрестность, дрогнули суровыя высоты, встрепенулся гаолянъ, пошатнулось старое, сухое дерево, и ниже нависло небо надъ землей.

Пока смерть заканчивала свою работу и сводила въ судорогахъ руки и ноги старика, команда стояла, не сходя съ мѣста, стараясь не глядѣть на трупъ и другъ на друга. У всѣхъ вдругъ нашлась какая-то забота: кто осматривалъ замокъ винтовки, поправлялъ „хомутикъ“, кто провѣрялъ патроны въ сумкѣ... Карташовъ долго укладывалъ въ кобуръ свой револьверъ, съ рѣдкимъ усердіемъ продувалъ носогрѣйку, отойдя немного въ сторону, затѣмъ крякнулъ неестественно-громко и приказалъ рыть землю. Команда составила винтовки, вы-

нула изъ чехловъ коротенькія лопатки и принялась молча за работу.

Лопаты сдѣлали свое дѣло. Старика зарыли, и тяжелые солдатскіе сапоги утоптали землю. Карташовъ повелъ команду обратно, и когда ея шаги замерли, Сафоновъ вышелъ на прогалину.

Зарево заката уже догорало, и вся прогалина была залита кровавымъ отблескомъ, который дрожалъ на верхушкахъ трепетавшаго гаоляна, краснѣлъ на свѣтложелтомъ пескѣ дороги; утоптанная земля густо чернѣла среди зеленаго дерна и казалась насыщенной кровью.

— Кар-р-р!..—пронеслось въ воздухѣ.

Съ засохшаго дерева сорвался воронъ и, лѣниво взмахивая крыльями, сталъ кружиться надъ прогалиной. На багровомъ фонѣ заката онъ казался необыкновенно большимъ и чернымъ. Онъ опустился на прогалину, хлопнулъ раза два крыльями и осторожно, недовѣрчиво сталъ подступать къ тому мѣсту, гдѣ была взрыта земля, подергивая головою и потачивая на-ходу клювъ.

Дохнулъ вѣтеръ, и гаолянъ заволновался и печально зашумѣлъ.

„Шангау, шангау капитана“, — казалось, шептали стройные стебли.

Сафоновъ вздрогнулъ и быстро зашагалъ прочь. Вдогонку ему еще долго зловѣще и насмѣшливо каркалъ воронъ.

. . . .

На западѣ еще тлѣла алая полоска вечерней зари, когда съ сѣвера стали надвигаться тучи и задулъ сильный и холодный вѣтеръ.

Около полуночи всѣ биваки были внезапно разбужены.

Среди глубокаго мрака изъ обложившихъ все небо тучъ хлынули потоки воды и съ грознымъ шумомъ обрушились на спавшихъ людей.

Казалось, что разверзлись небесныя хляби, и двѣ стихіи—вода и вѣтеръ—рѣшили смести съ лица земли все живое.

Люди безпомощно метались впотьмахъ, обдаваемые холодными потоками, скользили и падали на глинистую землю, превратившуюся въ липкое и жидкое болото, забивались въ палатки, кутались въ шинели, но бушевавшій вѣтеръ находилъ ихъ повсюду, срывалъ, опрокидывалъ палатки, разметывалъ амуницію, билъ въ лицо студеною влагой, леденящимъ дыханіемъ пронизывалъ одежду и свистѣлъ, и завывалъ на всевозможные лады. Со всѣхъ сторонъ неслись крики, проклятія и брань, солдаты звали вѣстовыхъ, дневальныхъ, ловили ощупью палатки... Перепуганныя лошади сорвались съ коновязей и носились среди биваковъ, наводя на людей ужасъ, пока какимъ-то чудомъ ихъ не удалось поймать.

Скоро всѣ поняли безполезность неравной борьбы и покорно отдали себя во власть стихіи.

Тусклое и холодное утро застало картину полнаго разрушенія.

Долина превратилась въ сплошное озеро, на поверхности котораго виднѣлись фуражки, шинели, офицерскія вещи и солдатское тряпье.

Люди, посинѣвшіе отъ стужи, съ мутными взглядами, дрожащіе, въ облипшихъ рубахахъ, съ головы до ногъ покрытые грязью, — выглядѣли жалкими и несчастными.

А вѣтеръ гналъ новыя тучи, и дождевая мгла стала вокругъ непроницаемой водяной стѣною и скрыла отъ взоровъ всю окрестность.

Едва успѣли люди оглядѣться среди своего разоренія, какъ по бивакамъ пронеслась тревожная вѣсть.

— Приказано отступать! Сейчасъ уходимъ!

— Японцы зашли впередъ и каждую минуту могутъ насъ отрѣзать съ сѣвера.

— Мы отрѣзаны!

— На сѣверъ! Опять отступаемъ!

Долго никто не хотѣлъ этому вѣрить. Въ теченіе почти мѣсячной стоянки отряда, около Айсандзяна были возведены укрѣпленія, былъ сооруженъ превосходный фортъ для батареи, было затрачено много труда и солдатскихъ силъ...

— Куда же мы будемъ отступать при такомъ потопѣ? Вѣдь мы половину людей растеряемъ! По горамъ вѣдь переть придется!

— Только и знаемъ, что отступать! Этакія позиціи даромъ бросить!

— Хоть бы пообсохнуть дали, погоды дождаться! И жрать нечего, и надѣть нечего! Теперь всѣ транспорты и обозы—все застряло!

— А что, если мы уже отрѣзаны отъ сѣвера?

— Ну и чортъ съ нимъ! Въ плѣнъ попадемъ, либо ляжемъ всѣ! Ужъ хуже-то не будетъ!

Часа два спустя, несмотря на безпрерывный ливень и вѣтеръ, вся бригада, словно длинная сѣрая змѣя, медленно ползла на сѣверо-западъ, побросавъ почти все, кромѣ оружія.

Съ невѣроятнымъ трудомъ карабкались измученные люди по размытымъ глинистымъ тропамъ на каменистыя высоты, скатывались внизъ, теряли оружіе... Слѣва и справа все чаще и чаще стали попадаться отсталые—оборванные, облѣпленные глиной, часто босые и съ непокрытыми головами, угрюмо-апатичные даже передъ нагайкой офицера...

А вслѣдъ отступавшимъ неслись мутные потоки и завываніе вѣтра, и всѣ эти люди казались какими-то жалкими изгнанниками, которыхъ возмутившаяся природа гнала съ оскверненной ими земли.

. . . .

VIII

Послѣ цѣлаго ряда безпрерывныхъ проливныхъ дождей, затопившихъ всѣ улицы и окрестности Ляояна, наконецъ, показалась глубокая синева южнаго неба, и солнце, вырвавшись изъ неволи свинцовыхъ тучъ и дождевой мглы, ослѣпительно ярко и весело засверкало и отразилось на зеркальной поверхности маленькихъ озеръ, которыми теперь была усѣяна вся долина Ляояна по обѣ стороны рѣки Тай-цзы-хэ.

Все казалось обновленнымъ, какъ бы заново перекрашеннымъ, и все улыбалось: и самый городъ съ причудливыми кумирнями и воротами, съ цѣлымъ моремъ яркихъ, разноцвѣтныхъ шелковыхъ вывѣсокъ, тихо рѣющихъ въ воздухѣ, и сосновыя рощи на западѣ, и прибрежный свѣтло-желтый песокъ, старые вязы надъ рѣкой съ красновато-зелеными клубками листьевъ, высокая каменистая сопка съ крошечной кумирней, далекія высоты цѣлой панорамы синѣющихъ горъ, то зубчатыхъ, то волнообразныхъ,—все словно впервые увидѣло солнце и радовалось ему, и нѣжилось подъ его знойными ласками.

Встрепенулась и забила ключомъ Ляоянская жизнь, притаившаяся во время дождей. Русскій поселокъ закипѣлъ народомъ. Съ сѣвера прибывали новыя части европейскихъ войскъ, партіи добровольцевъ съ кавказскими лицами, въ черкескахъ, обвѣшанныхъ оружіемъ, маркитанты, подрядчики, разношерстные искатели приключеній или легкой наживы, проститутки—русскія и иностранки—цѣлыми семьями, со множествомъ узловъ и корзинъ... Предприниматели изъ бродячихъ сыновъ Арменіи или Эллады спѣшно сооружали досчатые „номера“ и „кабинеты“ при своихъ трущобахъ, громко именуемыхъ „гостинницами“, и чуть ли не каждый день на всемъ протяженіи между станціею и китайскимъ

городомъ появлялись на вывѣскахъ всевозможные „Варяги“, „Интернаціоналы“, „Маньчжуріи“... Это была какая-то полоса кипучей дѣятельности и самыхъ радужныхъ надеждъ. Богъ вѣсть кѣмъ, былъ пущенъ слухъ, что все происходившее до этого времени—только прелюдія къ настоящей войнѣ, хитроумный маневръ русскихъ военачальниковъ, рѣшившихъ „заманить“ непріятеля къ Ляояну. Страннымъ, непостижимымъ образомъ этотъ слухъ превратился въ увѣренность, которая носилась въ воздухѣ и заражала всѣхъ, кромѣ немногихъ закоренѣлыхъ скептиковъ и „пессимистовъ“—людей, обыкновенно, съ маленькимъ положеніемъ, зависимыхъ и безотвѣтныхъ. Не хотѣли вѣрить многому вѣроятному и слѣпо вѣрили въ гадательное.

— Вотъ погодите!—слышались толки въ кабакахъ, на станціи, въ канцеляріяхъ,—пусть только макаки наберутся смѣлости и сунутся къ Ляояну... тутъ имъ такой бенефисъ будетъ! По первое число накладемъ!

— Главное что?—говорили болѣе „авторитетные“ ораторы.—Вѣдь у нихъ кавалерія гроша не стоитъ, ее и не видать совсѣмъ! А у насъ—одни казаки чего стоятъ! А кавказцы? Терцы, кубанцы, добровольцы? Наша кавалерія до сихъ поръ не показала себя, потому что топографическія условія этого не позволяли! А вотъ подъ Ляояномъ—тутъ есть гдѣ развернуться! Да! Тутъ будетъ только одно—небывалая въ исторіи кавалерійская аттака, и конченъ балъ! Играй отбой!

Часто приводился въ примѣръ двѣнадцатый годъ...

Сложилась и вошла въ моду поговорка: „пожалуйте въ залъ!“ Подъ „заломъ“ подразумѣвалась огромная Ляоянская долина, въ которой предполагалось окончательно истребить непріятеля. Всякій, претендовавшій на остроуміе и убѣдительность, ораторъ считалъ необходимымъ заканчивать свои доводы фразой: „Да, Вафангоо, Дашичао, все это—ерунда-съ! А вотъ не угодно ли имъ теперь пожаловать въ залъ? Хе-хе-хе!!“

Подъ вліяніемъ этихъ толковъ жажда предпріимчивости и наживы охватила всѣхъ, кого война привлекала съ разныхъ концовъ свѣта, какъ падаль привлекаетъ вороновъ, не исключая и людей съ болѣе или менѣе виднымъ положеніемъ. Во главѣ пестрой толпы „дѣльцовъ", серьезно считавшихъ себя „піонерами русской культуры" на Дальнемъ Востокѣ, стояла внушительная фигура знаменитаго авантюриста и главнаго поставщика мяса въ армію „полковника" Громилова, ворочавшаго милліоннымъ дѣломъ.

Высокій, нескладно, но крѣпко сдроенный, съ огромной, уже сѣдѣющей, рыжеватой бородой, съ нависшими клочками бровей надъ маленькими, проницательными глазками, властный и грубый, въ сѣрой черкескѣ, украшенной офицерскимъ „георгіемъ", этотъ человѣкъ производилъ впечатлѣніе атамана разбойничьей шайки и какъ нельзя лучше оправдывалъ внѣшнимъ своимъ видомъ ходившія о немъ мрачныя, кровавыя легенды...

Многіе смотрѣли на него съ подобострастіемъ и удивленіемъ и считали за честь пожать руку человѣка, шагавшаго черезъ трупы людей и черезъ лужи пролитой имъ крови. Громиловъ, сумѣвшій добыть отъ китайскихъ властей исключительное право на покупку скота во время войны, снабжавшій мясомъ сотни тысячъ русскихъ солдатъ, былъ полонъ сознанія своей власти и независимости и пользовался ими съ широтой и размахомъ, возможными только въ странѣ, создающей подобныхъ героевъ. У него была своя маленькая армія волонтеровъ, навербованныхъ опытнымъ авантюристомъ, прельщенныхъ наживой, а иногда и заманчивостью полной приключеній боевой жизни.

Въ этой своеобразной громиловской арміи сочетались самые разнородные элементы: тутъ были сибирскіе выходцы изъ числа отбывшихъ наказаніе, прогорѣвшіе подрядчики, проворовавшіеся неудачники, выгнанные изъ полковъ офицеры, добровольцы, промѣнявшіе оружіе

па кнутъ и славу на деньги, хитрые и жадные греки, пылкіе и заносчивые кавказцы, хохлы и великороссы съ такимъ запутаннымъ прошлымъ, въ которомъ и сами они не могли разобраться... Это былъ островъ спасенія, на который выбрасывались люди, потерпѣвшіе крушеніе въ борьбѣ съ нуждой или въ погонѣ за наживой. Отдѣльные отряды этой своенравной, но управляемой властною рукою, арміи наѣзжали на китайскія деревни, забирали скотъ и гнали его въ армію, и часто расплата производилась ремнями нагаекъ, а въ случаяхъ сопротивленія и свинцовымъ металломъ винтовокъ. По проселкамъ и дорогамъ, между Ляояномъ и древней столицей Шэн-цзина—Мукденомъ, передвигались караваны ящиковъ, наполненныхъ громиловскимъ серебромъ... Для Громилова не существовало различія между русскими и китайцами. И тѣ, и другіе одинаково превращались въ его закрѣпощенныхъ условіями рабовъ. Не разъ пытались обманутые имъ люди, уволенные безъ разсчета, оскорбленные и осмѣянные, найти справедливый судъ, но каждый разъ передъ ними закрывались двери власть имущихъ начальниковъ, и вмѣсто законнаго удовлетворенія слѣдовали предписанія о немедленной высылкѣ „безпокойныхъ людей“ за предѣлы Маньчжуріи. Иногда револьверный выстрѣлъ являлся единственнымъ отголоскомъ разыгравшейся драмы, о которой забывали въ тотъ же день. Пристрѣлили изъ-за гаоляна молодого интендантскаго чиновника, пытавшагося пролить свѣтъ на темную дѣятельность Громилова... Кавказскій доброволецъ, князь по крови, прельщенный заманчивыми „прокламаціями“ Громилова, затратившій тысячи на боевое снаряженіе, честолюбивый горецъ, искавшій подвиговъ и опасности, былъ, согласно условію, превращенъ въ „скотогона“ и, не стерпѣвъ обиды, послѣ бурнаго объясненія съ Громиловымъ, предпочелъ смыть позоръ собственной жизнью и среди бѣла дня размозжилъ себѣ пулею черепъ... Громиловъ

только презрительно улыбался и поводилъ богатырскимъ плечомъ... „Мелкота, не люди!“ говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Иногда, во время лукулловскихъ пировъ, задаваемыхъ имъ „друзьямъ“ и почитателямъ изъ штабной аристократіи, подъ вліяніемъ выпитаго, волчья натура рвалась наружу и сказывалась въ грубыхъ, беззастѣнчивыхъ признаніяхъ:

— Вотъ у меня гдѣ вся эта война!—хрипѣлъ онъ, тяжело дыша и сжимая мясистый и волосатый кулакъ.— Мнѣ, ежели только захотѣть, такъ я такой счетъ предъявлю, что вся россійская казна безъ штановъ останется!—И онъ, самодовольно громыхая раскатистымъ смѣхомъ, хлопалъ себя по тому мѣсту, гдѣ находился бумажникъ.

— Ухъ вы, милые мои!—хвасталъ онъ нараспѣвъ,— кабы собрать всю сволочь, какую я перестрѣлялъ да перевѣшалъ на своемъ вѣку, да замѣсто телеграфныхъ столбовъ разставить, такъ отъ Харбина до Москвы хватило бы!

За Громиловымъ слѣдовали желѣзнодорожные „воротилы“ и крупные торговцы. Интересы и тѣхъ, и другихъ сходились въ возможности нажиться. Торговцамъ нужны были „наряды“ на вагоны для провоза въ армію предметовъ роскоши, желѣзнодорожнымъ начальникамъ нужны были деньги, которыя за азіатскимъ рубежомъ становились вдесятеро дешевле ихъ европейской стоимости. „Наряды“ выдавались за тысячи рублей; подъ видомъ воинскаго груза или предметовъ первой необходимости шли транспорты съ шампанскимъ, ликерами и прочими „благами культуры“. Казенныя отправленія военнаго вѣдомства стояли въ пути недѣлями вслѣдствіе „внезапной порчи“ осей, а торговцы, платившіе тысячи начальникамъ и комендантамъ, наживали десятки тысячъ. Въ деньгахъ недостатка не было: какъ рѣки, устремляющіяся съ суши въ океанъ, стекались въ Маньчжурію, справедливо прозванную „русскимъ Клон-

дайкомъ", со всѣхъ концовъ Россіи милліоны, въ которыхъ тонули пятаки и гривенники людей кроваваго пота, отдавшихъ, кромѣ того, и жизнь самыхъ близкихъ, дорогихъ сердцу...

Болѣе мелкіе прожектеры занимались перекупкой и перепродажей, поставками арбъ, запряжекъ и вьючнаго скота для полковъ и транспортовъ, открывали торговли, всевозможныя заведенія.

— Мы изъ Ляояна русскій торговый городъ раздѣлаемъ!—говорили эти господа.

Въ недостроенномъ новомъ зданіи желѣзнодорожной станціи закипѣла работа, появились китайцы-маляры и штукатуры. Бѣжавшій изъ Портъ-Артура недоучка-живописецъ, именовавшій себя художникомъ и носившій бархатный пиджакъ и свѣтлыя панталоны, грекъ по происхожденію, взялся расписывать стѣны и потолки будущаго вокзала. Ему же было поручено закончить „художественную отдѣлку" русской церкви въ главной квартирѣ, и онъ, заручившись предварительно солиднымъ авансомъ, приступилъ къ работѣ. Надъ одной изъ „приспособленныхъ" по-европейски китайскихъ фанзъ появилась огромная, трехсаженная вывѣска—„Парикмахеръ Russia!", которая могла бы сдѣлать честь главной улицѣ любого губернскаго города. Поговаривали о превращеніи кладбища у башни Байтасы въ „ляоянскій городской садъ", бредили театромъ, ожидали прибытія оперетки; домики, съ надписью: „Нижнимъ чинамъ входъ воспрещается", росли, какъ грибы, и среди воинственнаго населенія русскаго поселка и боевой обстановки все чаще и чаще мелькали женскія лица съ подведенными глазами, яркія шляпки моднаго фасона и шелковые зонтики...

Привозили съ сѣвера дорого обходившійся ледъ и строили ледники для храненія болѣе нѣжныхъ припасовъ и винъ.

Интендантство сосредоточило въ Ляоянѣ громадное

количество запасовъ продовольствія и около станціи соорудило складъ въ видѣ многоэтажной, высившейся надъ станціонною крышей, башни, и этотъ „монументъ“ являлся новымъ доказательствомъ радужныхъ ожиданій. Казалось, что война была чѣмъ-то побочнымъ, какимъ-то случайнымъ, временнымъ недоразумѣніемъ, и что „все обстояло благополучно“. Въ канцеляріяхъ главной квартиры ежедневно фабриковались самыя успокоительныя извѣщенія для всего цивилизованнаго міра и для верховнаго вождя арміи.

Стоило какому-либо казаку отбить китайскую арбу съ рисомъ или чумидзой у старика-китайца,—ремингтоны изготовляли донесеніе о захватѣ обоза хунхузовъ.

Чуть не каждый день телеграфная проволока передавала въ Россію разсказы о подвигахъ, о которыхъ и не подозрѣвали совершившіе ихъ герои. Классическіе кутежи, обѣды съ иностранными агентами, присутствіе женщинъ—все это поддерживало иллюзію, создавало непроницаемую стѣну, отдѣлявшую бредъ отъ суровой дѣйствительности, а легко добываемое золото успокаивало наиболѣе тревожные и пытливые умы. Проститутки, создавшія цѣлую колонію, едва успѣвали принимать дорогихъ гостей и въ изобиліи загребали золото, притекавшее къ нимъ изъ кармановъ бригадныхъ, полковыхъ и ротныхъ командировъ, изъ продовольственныхъ суммъ, изъ капиталовъ Краснаго Креста, изъ пожертвованій, ассигновокъ на насущныя нужды многотысячной „сѣрой скотинки“...

Прибывавшіе изъ Артура на рыбацкихъ джонкахъ греки и армяне привозили вмѣстѣ съ деньгами фантастическіе, на первый взглядъ, разсказы объ изобиліи земныхъ благъ въ осажденной крѣпости, о блестящихъ банкетахъ у коменданта, о танцовальныхъ вечерахъ и оргіяхъ.

Этотъ угаръ продолжался недолго, и скоро въ жиз-

нерадостномъ хорѣ ляоянской жизни зазвучали тревожныя нотки.

Непріятель, ставшій необыкновенно осторожнымъ, продолжалъ медленно, но упорно двигаться на сѣверъ. Онъ появлялся внезапно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали; онъ, несмотря на почти полное бездѣйствіе его кавалеріи, оказывался превосходно освѣдомленнымъ о расположеніи и количествѣ русскихъ войскъ, и, подъ шумъ ляоянскаго разгула, русскіе этапы одинъ за другимъ снимались и отходили, тѣснимые японцами.

Однажды, въ одинъ изъ первыхъ дней августа, когда ляоянскій станціонный буфетъ гудѣлъ, какъ улей, вдругъ распространилось извѣстіе, что на валу, окружавшемъ раскиданные близъ города биваки, появился японскій офицеръ, верхомъ, въ полной формѣ, преспокойно дѣлавшій какую-то съемку... Какъ ни невѣроятно было это извѣстіе, но нашлись очевидцы, и скоро все заволновалось и загалдѣло. Въ буфетѣ происходила чуть не свалка. Всѣ были взбудоражены, кричали и спорили, и всевозможные напитки поглощались въ усиленномъ количествѣ. Среди сѣрыхъ и желтыхъ рубахъ и загорѣлыхъ лицъ строевыхъ армейцевъ рѣзко бросались въ глаза бѣлоснѣжные кителя и элегантные мундиры штабной аристократіи, и крикливыя шляпы „перворазрядныхъ“ проститутокъ, пользовавшихся исключительными правами.

— Помилуйте! — толковали сѣрыя рубахи: — этакъ насъ безъ выстрѣла живьёмъ заберутъ! Среди бѣла дня прямо на носу японцы планы снимаютъ! Гдѣ же развѣдочная служба? Чего смотритъ главная квартира? Это скандалъ! Позоръ!

— Пустяки, вздоръ!—доказывали въ компаніи Габена и Налимова, между которыми важно возсѣдала передъ бокаломъ шампанскаго пресловутая миссъ Ноодъ.

— Да-да, господа!—говорилъ баронъ съ налившимся

кровью лицомъ.—Повѣрьте мнѣ,—все это глупые страхи! Всѣ эти японскія побѣды и удачи—Dummheiten! Маленькія игрушки! Ляоянъ имъ не взять! И наши дамы могутъ не безпокоиться! Мы еще будемъ хорошенько покутить въ Ляоянѣ!

Однако, съ этого дня словно эпидемія охватила Ляоянъ: всѣ помѣшались на шпіонахъ. Ихъ искали повсюду и находили самымъ неожиданнымъ образомъ. Десятки корейцевъ, имѣвшихъ пекарни и поставлявшихъ папиросы, оказались шпіонами. Въ папиросахъ были найдены какія-то загадочныя записочки. Станціонный служащій-китаецъ оказался шпіономъ, въ теченіе цѣлаго года сообщавшимъ японцамъ всевозможныя свѣдѣнія...

Въ Ляоянѣ открыли цѣлый заговоръ съ цѣлью отравить воду въ колодцахъ. Въ нестроевыхъ командахъ начали таинственно исчезать винтовки и патроны...

Появились многочисленныя шайки хунхузовъ, скрывающихся въ гаолянѣ... Произведено было нѣсколько арестовъ среди солдатъ на ляоянскомъ „головномъ этапѣ"...

Какой-то призракъ надвигался на главную квартиру, и кошмаръ началъ овладѣвать умами. Никто ничего не зналъ опредѣленно; никто никому не вѣрилъ, всѣ боялись, косились другъ на друга и подозрительно оглядывали всякаго „шпака".

Главную квартиру оцѣпили войсками, не довѣряли даже строевымъ офицерамъ.

Тревога росла съ каждымъ днемъ и незримо распространялась среди арміи, начиная отъ сѣрыхъ домиковъ главной квартиры и кончая палатками биваковъ...

Рано утромъ шестнадцатаго августа, переночевавъ въ палаткѣ капитана Агѣева, я вмѣстѣ съ нимъ собрался въ Ляоянъ, чтобы сдать письма на почту.

— Петровичъ!—кричалъ Агѣеву поручикъ Дорнъ, закручивая съ ожесточеніемъ рыжіе усы:—новостей

привозите побольше! Узнайте, не ожидается ли наступленіе? Да скажите тамъ всѣмъ этимъ фазанамъ, чего они мямлятъ, чортъ бы ихъ всѣхъ подралъ!

Съ самаго прибытія въ Ляоянъ батарея полковника Свѣтлова ни разу не побывала въ бою. Ее переводили съ мѣста на мѣсто, и я засталъ ее верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ Ляояна. Офицеры скучали, нервничали и открыто возмущались начальствомъ, обрекшимъ ихъ на долгое бездѣйствіе. Дорнъ мрачно ругался съ утра до вечера и съ горя все чаще и чаще напивался. Штабсъ-капитанъ Николаевъ, завѣдывавшій хозяйствомъ, до одурѣнія раскладывалъ безконечные пасьянсы. Агѣевъ похудѣлъ, сталъ молчаливѣе и мрачнѣе и уже окончательно увѣровалъ въ мучившее его предчувствіе. По ночамъ и нерѣдко днемъ онъ украдкою и подолгу молился, и часто его заставали съ влажными, затуманенными глазами...

Въ маленькой деревушкѣ, лежавшей на нашемъ пути, все ея населеніе спѣшно грузило свои пожитки на запряженныя мулами арбы и собиралось покинуть деревушку.

— Плохая примѣта!—проговорилъ Агѣевъ.—Китайцы всегда раньше насъ узнаютъ о положеніи дѣлъ и никогда не ошибаются. Вотъ увидите, что стрясется какая-либо неожиданность!

Въ самомъ городѣ мы застали необычайное оживленіе. Главная и боковыя улицы были запружены проходившими частями пѣхоты, обозами, зарядными ящиками, среди которыхъ попадались застрявшія среди давки китайскія арбы и крытыя „фудутунки“ съ женщинами и дѣтьми. Въ воздухѣ звонко щелкали длинные бичи погонщиковъ, стоялъ несмолкающимъ стономъ гомонъ и крикъ толпы, дико ревѣли мулы, пронзительно и жалобно взвизгивали вьючные ослики.

Торговая и рабочая жизнь прекратилась, и передъ лавками и воротами фанзъ и дворовъ стояли группы

оживленно толковавшихъ и видимо, озабоченныхъ китайцевъ.

Около главной квартиры десятка два солдатъ разгружали складъ зерна и муки, сбрасывая на землю мѣшки, которые толпа полуголыхъ кули перетаскивала на арбы.

— Это что же значитъ?—обратился Агѣевъ къ наблюдавшему за работой интенданту.

— А чортъ его знаетъ! Приказано спѣшно увозить на сѣверъ! Да! А завтра, можетъ быть, опять прикажутъ въ Ляоянъ везти! У насъ ужъ такъ заведено!—равнодушно отвѣчалъ интендантъ.

На станціи была обычная толчея. Въ буфетѣ засѣдали баронъ Габенъ и Налимовъ и посвящали прибывшихъ изъ Россіи офицеровъ во всѣ тайны японской тактики и стратегіи. Тутъ же находился и „свѣтлѣйшій" князь Тринкензейнъ, въ сильномъ подпитіи. Сдвинувъ фуражку на затылокъ, онъ несвязно и безтолково повѣствовалъ какому-то прапорщику запаса о своихъ подвигахъ подъ Вафангоо. Прапорщикъ смотрѣлъ на князя въ упоръ влюбленными и пьяными глазами и безпрестанно повторялъ:

— Князь! Ваша свѣтлость! Давай выпьемъ на „ты!"

Высокій, смуглый полковникъ, комендантъ станціи, метался, какъ затравленный звѣрь, по всѣмъ направленіямъ, преслѣдуемый начальниками эшелоновъ, транспортовъ, представителями Краснаго Креста, военными корреспондентами. Станція уже нѣсколько дней была, по выраженію агентовъ, „закупорена", всѣ пути загромождены вагонами, ожидавшими разгрузки. Поѣзда, не имѣя возможности подойти къ станціи, тянулись длиннымъ хвостомъ версты на двѣ къ сѣверу.

Саперный офицеръ, поймавъ коменданта въ буфетѣ, наступалъ на него, отчаянно размахивая какимъ-то бланкомъ, и кричалъ во все горло:

— Это чортъ знаетъ! Это верхъ безобразія! Что вы

съ нами дѣлаете? У насъ срочный грузъ, саперные инструменты и приспособленія для взрывовъ! Насъ ждутъ на фортахъ! А вы держите насъ третьи сутки и не даете разгрузиться? Вѣдь за это подъ судъ отдадутъ!

— Боже мой! Да что я подѣлаю? Я послалъ бумагу завѣдывающему генералу, но еще не получилъ отвѣта. А безъ генерала я не могу! Это не въ моей власти...

— Наплевать намъ на вашего генерала! Тутъ каждый часъ дорогъ! Давайте людей, давайте мѣсто, а не бумаги! Вѣдь японцы не будутъ ждать вашего генерала? Поймите вы это!

— Жалуйтесь сами! Я напишу вторую бумагу!..

Саперъ отчаянно затрясъ кулаками и, ни къ кому не обращаясь, зарычалъ:—у-у! Сволочи! Буквоѣды проклятые! Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! Ну и пропадайте! Я не могу больше! Плевать на все!—А спустя нѣкоторое время, онъ сидѣлъ уже съ мутнымъ взглядомъ передъ бутылкой рому и, стуча кулакомъ по столу, посылалъ въ пространство „мерзавцевъ и предателей"...

Въ одномъ концѣ платформы собралась кучка праздныхъ нестроевыхъ офицеровъ и съ интересомъ наблюдала за даровымъ зрѣлищемъ, героями котораго были: толстый, усатый жандармъ, старый китаецъ и двѣ станціонныя собаки. Жандармъ отличался умѣньемъ дрессировать этихъ псовъ и натравлять ихъ на китайцевъ. Псы были велики ростомъ, лохматы и злы. Китаецъ же, приходившій ежедневно подметать станцію и убирать мусоръ и получавшій за это какіе-то гроши, былъ старъ, глуховатъ и плохо видѣлъ. Жандармъ, вздумавшій, шутки ради, только пугнуть старика собаками, замѣтилъ, что эта шутка понравилась господамъ офицерамъ и, чтобы еще болѣе угодить начальству, — устроилъ цѣлую облаву.

— Чернякъ! Смирна-а!—командовалъ жандармъ.— Глазастый! Гдѣ манза? Манза гдѣ?—Глазастый скалилъ

зубы и съ глухимъ рычаніемъ направлялся къ китайцу. Старикъ со страхомъ жался къ барьеру и умоляюще смотрѣлъ на жандарма и офицеровъ, выставляя вмѣсто щита старое лукошко, куда онъ собиралъ окурки папиросъ.

— Назадъ! Чернякъ, налѣво, Глазастый, направо — ма-аршъ!—Псы отходили „на фланги", какъ объяснялъ жандармъ.

— Замѣчательно!—восхищались офицеры.—Какая дрессировка! Какъ понимаютъ команду!

— Равня-яйсь! Въ аттаку—бѣгомъ! Ура! Банзай!

Псы съ громкимъ лаемъ бросились на обезумѣвшаго старика, который съ жалкими воплями, подпрыгивая и размахивая лукошкомъ, бѣгалъ по образовавшемуся кругу.

— Вотъ это такъ балетъ! Совсѣмъ лезгинка!—раздавались одобрительные голоса.

Но полное торжество жандарма настало тогда, когда Глазастый, по свисту своего учителя, схватилъ конецъ косы китайца, а Чернякъ поймалъ зубами полу его старенькаго ватнаго халата.

Пола затрещала, и изъ нея полѣзла вата, а лицо старика превратилось въ маску неописуемаго ужаса.

— Ха-ха-ха! Рожа-то! Рожа какова?! — заливались смѣхомъ офицеры.

— Смирна-а! Назадъ! — рявкнулъ сіявшій довольствомъ жандармъ.—Ну, старый чортъ, цуба! Проваливай отсюда!..

Дрожавшій отъ страха старикъ, поддерживая разорванный халатъ, задомъ попятился съ платформы, невдалекѣ отъ которой стояла группа оборванныхъ китайскихъ кули. Они молча и невозмутимо наблюдали за разыгравшейся сценой, и только въ маленькихъ глазахъ ихъ свѣтились ненависть и глубокое презрѣніе.

Вдругъ въ юго-западномъ направленіи охнулъ отдаленный орудійный залпъ, за нимъ другой, третій, и

началась канонада. Буфетъ опустѣлъ, все всполошилось и хлынуло на платформу. Дымъ не показывался,—очевидно, стрѣляли гдѣ-то далеко.

— Это наши или японцы?

— Гдѣ это? Наступаютъ?

— Должно быть, за Ванбатаемъ! Въ той сторонѣ!

— Началось!..

Подъ вечеръ южнѣе Ляояна поднялся воздушный шаръ. Онъ долго парилъ въ вечернемъ воздухѣ, плавно передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Часу въ восьмомъ вечера канонада смолкла. Появились слухи, что непріятель обстрѣливалъ Янтайскія копи, что онъ двинулся въ обходъ нашего праваго фланга, что около рѣки Шахэ обнаружены большіе биваки японцевъ. Въ охватившемъ всѣхъ волненіи сквозило нетерпѣніе, тревога. Всѣ сознавали, что наступилъ рѣшительный моментъ, отъ котораго зависѣла судьба Ляояна, арміи и, быть можетъ, всей войны.

— Отбросимъ! На̀-голову разобьемъ!

— Вокругъ долина.. Пустимъ кавалерію, которой до сихъ поръ нечего было дѣлать... Казаки себя покажутъ!

— У насъ громадная артиллерія! Осадныя орудія!

— Осадныя? Да вѣдь они стоятъ еще на платформахъ? Пока ихъ двинутъ на позиціи?

— Не можетъ быть! А форты? Цѣлая линія фортовъ?!

— Ну, допустить ихъ до фортовъ—это уже послѣднее дѣло!

— Самъ Куроки идетъ... Съ нимъ шутки плохи...

Вечеромъ мы съ Агѣевымъ сидѣли за столикомъ командира батареи, среди офицеровъ, и пили чай, заправленный превосходнымъ ромомъ.

Полковникъ Свѣтловъ, грузный и сѣдоволосый, съ нѣсколько грубоватымъ, но добродушнымъ лицомъ типичнаго „отца-командира",—говорилъ мало и больше

слушалъ своихъ офицеровъ, съ которыми у него были самыя дружескія и чисто товарищескія отношенія. Особенно часто раздавался сиплый голосъ Дорна, успѣвшаго основательно „зарядиться“... Его что-то подмывало и подергивало, большіе, синіе глаза сверкали, брови мрачно двигались, и онъ ежеминутно отчаянно закручивалъ жесткіе, рыжіе усы. Въ курткѣ изъ солдатскаго сукна, безъ погонъ и пуговицъ, въ солдатской фуражкѣ, лихо сдвинутой на правое ухо, — онъ рѣзко выдѣлялся среди товарищей и какъ будто гордился, когда тѣ называли его „суконнымъ поручикомъ“.

— Эхъ, чортъ побери!—говорилъ онъ, доливая ромомъ добрую половину кружки.—Молодцы, что наступаютъ! Ей-Богу, за это молодцы! Ужъ и натѣшусь я надъ макаками!.. У-ухъ! Одна пыль пойдетъ!

— А вы, я вижу, здорово-таки зарядились!—замѣтилъ, усмѣхаясь, Свѣтловъ.—Смотрите, какъ бы не вышло „преждевременнаго разрыва“...

— Не безпокойтесь, полковникъ. У меня дистанціонная трубка установлена основательно! А вотъ какъ я заряжу моихъ „бабушекъ“, да начнутъ они покашливать, такъ тогда увидите!—отвѣчалъ Дорнъ. „Бабушками“ онъ называлъ орудія своего взвода.

— А если васъ убьютъ?—подзадоривалъ его командиръ.

— Убьютъ? Эка важность! И чортъ съ ними! Валяй! А только, прежде чѣмъ они меня ухлопаютъ, я ихъ столько наворочаю, что до новыхъ вѣниковъ не забудутъ! Попомните мое слово, отецъ!

— Вамъ, значитъ, жизни нисколько не жаль?—спросилъ Агѣевъ.

— Жизни-то? На кой чортъ она мнѣ далась, коли мнѣ дѣлать въ ней нечего? Вотъ тутъ—тутъ жизнь! Если завтра будетъ бой, я вамъ покажу жизнь! Да что тутъ таить... Я вамъ вотъ что скажу!—Съ этими словами Дорнъ всталъ. Красное лицо его подергива-

лось, ноздри затрепетали, углы рта запрыгали, въ глазахъ свѣтилось что-то дикое, необузданное, рвавшееся наружу, и въ дрожавшемъ теперь голосѣ слышались звенящія нотки.

— Я только такъ жить и могу! Походъ! Выѣзжай на позицію, снимайся съ передковъ! Установилъ прицѣлъ, наладилъ трубку, по колоннѣ бат-тареею р-разъ! Что, попало? Ага! Второй—р-разъ! Команда гремитъ, бабушки мои охаютъ, снаряды гудятъ и ревутъ, въ воздухѣ стонъ стоитъ. Просторъ-то какой?! Размахъ? Тутъ развернешься во всю мочь! Красота вѣдь, чортъ возьми, какая! Жизнь! Вотъ она жизнь-то настоящая! А вы толкуете... Эхъ, братцы мои! Жизнь... Да я не знаю... Посади меня теперь въ казарму или пусти куда-либо на улицу... да... я... я бы на людей сталъ бросаться! Да! Душить бы началъ! Кипитъ во мнѣ, претъ наружу! Скорѣй бы они нагрянули только! Ужъ буду я ихъ катать! Накипѣло во мнѣ—вò какъ!

Онъ задыхался и вздрагивалъ.

— Ты смотри меня ночью не придуши,—замѣтилъ адъютантъ, маленькій, тощій поручикъ.

— Дур-ракъ! Развѣ блоху душатъ? Сопля! — грубо отвѣтилъ Дорнъ и исчезъ во тьмѣ.

— Пошелъ къ своему взводу душу отводить. Развезло его нынче,—сказалъ Агѣевъ.

— Охъ, будетъ мнѣ съ нимъ возня во время боя!—вздыхалъ Свѣтловъ.

— Звѣрь—не человѣкъ!

— Вотъ вамъ бы, Петенька, у него жару призанять не мѣшало,—шутя сказалъ Свѣтловъ Агѣеву, вставая и подавая на прощанье руку.—Ну, дѣти, спать! Богъ вѣсть, что завтра еще будетъ.

И старикъ, кряхтя и переваливаясь, пошелъ къ себѣ въ палатку.

Я улегся въ просторной палаткѣ Агѣева, который долго разспрашивалъ меня о боѣ подъ Вафангоо и, глав-

нымъ образомъ, интересовался ощущеніями подъ огнемъ, видомъ умирающихъ, убитыхъ...

Угадывая тайныя мысли капитана, я старался перемѣнить разговоръ.

— Получали письма изъ дому?

— Какъ же! Какъ же! — печально отвѣчалъ капитанъ, подавляя вздохъ.

— Дочка растетъ, красавица... каракули свои прислала—„папѣ письмо". Ахъ, лучше не говорить!..

— А васъ все еще предчувствіе изводитъ, я вижу?

— Не смѣйтесь надъ этимъ! Чуетъ душа! Я вотъ чуть не каждую ночь дочку во снѣ вижу, на колѣняхъ держу, золотистые волосенки перебираю... Какъ живая! Да и не только предчувствіе!.. Если-бъ вы знали, какая тутъ жизнь безъ васъ была! Ужасъ—ужасъ! Какой-то сумбуръ... отвратительный! Повсюду эти дѣвки разряженныя... Офицеры пріѣзжіе подъ открытымъ небомъ, на платформѣ, въ товарныхъ вагонахъ ночуютъ, а всѣ фанзы и номера дѣвками переполнены. Игра какая идетъ! Пропиваютъ здравый смыслъ, проигрываютъ послѣдній грошъ. Скандалы... Одинъ чиновникъ, въ пьяномъ видѣ, среди бѣла дня, когда иностранные агенты въ буфетѣ обѣдали, въѣхалъ верхомъ на лошади въ буфетъ, проѣхалъ среди столовъ и въ другую дверь выскочилъ. Фазаны эти глаза мозолятъ... Тоска! Страшная тоска! Такъ это пошло все, такъ безтолково и безобразно, что иной разъ даже не вѣришь: неужто это война? Мы, русскіе, пришли кровь проливать? Я вотъ не пью ничего, а знаю зато такихъ, которые здѣсь пить начали отъ всего этого и спились на нѣтъ! Никакого подъема нѣтъ, руки опускаются! Опротивѣло все это до тошноты...

— А какъ вы думаете, будетъ завтра бой?—спросилъ послѣ долгаго молчанія Агѣевъ и самъ себѣ отвѣтилъ·

— Надо полагать... Вѣдь сегодня они обстрѣливали передовыя позиціи.

Онъ глубоко вздохнулъ и чуть слышно пожелалъ мнѣ „спокойной ночи“.

Спустя нѣкоторое время, я услыхалъ шорохъ и открылъ глаза.

Агѣевъ осторожно пробрался къ выходу, распахнулъ край палатки и сталъ прислушиваться. Холодный лунный свѣтъ очертилъ тонкій, правильный профиль блѣднаго лица и худыя, сложенныя на груди, руки капитана. Онъ долго прислушивался, затѣмъ опустился на колѣни и, осѣняя себя широкимъ крестомъ, сталъ молиться.

Я снова закрылъ глаза и скоро заснулъ, убаюканный долетавшимъ до меня страстнымъ молитвеннымъ шопотомъ.

. . . .

Около четырехъ часовъ утра Ляоянъ былъ разбуженъ орудійными выстрѣлами.

Непріятель началъ обстрѣливать южныя позиціи.

Въ городѣ, въ русскомъ поселкѣ и на станціи поднялась суматоха. Китайцы толпами собирались на городской стѣнѣ и тревожно вглядывались въ очертанія сопокъ, закрывавшихъ съ юга Ляоянскую равнину. Торговцы, проклиная и русскихъ, и японцевъ, суетились передъ лавками и заколачивали ящики съ товаромъ. Какой-то татаринъ спѣшно распродавалъ свой „галантерейный магазинъ“ и, размахивая парою лакированныхъ сапогъ, заявлялъ на всю улицу, что „по случаю японцевъ“ отдаетъ ихъ за тридцать рублей... На задворкахъ фанзъ съ заколоченными окнами метались и плаксиво визжали простоволосыя, полуголыя проститутки... Промчался куда-то плюгавый армянинъ, имѣя на поводу двухъ кавалерійскихъ лошадей... Изъ досчатыхъ бараковъ, гдѣ помѣщались нестроевыя команды, стали группами выбѣгать солдаты, неряшливо одѣтые, неуклюжіе, съ наглыми лицами. Они раз-

брелись по всему поселку, заглядывали въ фанзы, грубо приставали къ торговцамъ и растаскивали, что попадало подъ руку... Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь суматохой, успѣли раздобыть вина и распивали его тутъ же, на улицѣ... Появился небольшой отрядъ китайскихъ полицейскихъ въ черныхъ кафтанахъ съ краснымъ шитьемъ. Они проходили по улицѣ и приказывали китайцамъ закрывать лавки.

Публичные дома быстро опустѣли и казались мрачными гробами. У входа въ одну изъ пекаренъ сидѣлъ на землѣ хлѣбопекъ-кореецъ и жалобно всхлипывалъ, утирая полою халата залитое кровью лицо, а изъ пекарни неслась перебранка забравшихся въ нее солдатъ.

Обнаженный до пояса, коричневый отъ загара и грязи дженерикша тащилъ на себѣ скрипѣвшую коляску, въ которой возсѣдала, съ огромнымъ узломъ въ рукахъ, толстая, заплывшая жиромъ проститутка. Тонкія босыя ноги китайца, на которыхъ неуклюже болтались короткіе, широкіе холщевые штаны, скользили въ липкой грязи, узкая, костлявая грудь страшно выпячивалась и упиралась въ перекладину дышла, ребра лѣзли изъ-подъ кожи, съ обнаженной бритой головы, вокругъ которой была обмотана коса, катился, смывая грязь, обильный потъ; вся тощая, недоразвившаяся фигурка дженерикши, казалось, была готова расколоться и разсыпаться отъ напряженія, и въ покраснѣвшихъ отъ прилива крови маленькихъ глазкахъ трепетало что-то тревожное и печальное, словно туго натянутая, готовая лопнуть струна. Проститутка, съ помятымъ, жирнымъ лицомъ, съ растрепанными рыжеватыми волосами, надъ которыми колыхалась огромная, съѣхавшая на бокъ шляпа съ перомъ, пронзительно взвизгивала послѣ каждаго залпа и подгоняла дженерикшу, изо всей мочи колотя его по костлявымъ плечамъ краснымъ шелковымъ зонтикомъ. Скакавшій навстрѣчу казакъ, съ полупьянымъ, безсмысленно улыбавшимся лицомъ, на-

скаку стегнулъ плетью по жирной спинѣ проститутки и, крикнувъ ей: „Что, стерва?“ умчался...

На станціи раздавались свистки паровозовъ, шипѣвшихъ парами, звенѣли и громыхали передвигаемые вагоны, кричалъ охрипшій комендантъ, гудѣла пестрая толпа штабныхъ и нестроевыхъ офицеровъ, лаяли встревоженныя станціонныя собаки—и все это вмѣстѣ съ громомъ орудій, отъ котораго дребезжали окна, сливалось въ оглушительный, ошеломляющій хоръ.

— Господинъ полковникъ!—приставалъ къ коменданту гвардейскій офицеръ съ адъютантскими эксельбантами.—Генералъ проситъ сейчасъ же поставить его вагонъ на первый путь!

— Не могу! Ничего не могу!—отвѣчалъ раздраженно комендантъ, не глядя на адъютанта и махая кому-то рукой.—Тутъ надо патроны двинуть за семафоръ... Понимаете? Патроны... Не могу...

— Ахъ ты, Господи, да не патроны, а вагонъ генерала! Генералъ сердится!

— Ну и чортъ съ нимъ! Съ вашимъ генераломъ!—разсвирѣпѣлъ комендантъ и побѣжалъ дальше.

— Вы за это отвѣтите! Я доложу! Такъ и доложу генералу!—кричалъ ему вслѣдъ адъютантъ.

Въ узкомъ проходѣ станціоннаго зданія, около цѣлой пирамиды заколоченныхъ ящиковъ съ надписью „осторожно,“ стоялъ съ растеряннымъ видомъ упитанный торговецъ въ черкескѣ и, размахивая руками, говорилъ, злобно поглядывая на окружающихъ:

— И что же это такое за безобразіе? Позвольте! Когда ему деньги надо, я говорю: бери, сдѣлай милость! У насъ есть деньги!—А теперь мнѣ вагонъ надо, товаръ нагрузить,—не даетъ вагонъ! За что я деньги ему давалъ? Ма-ашенники! Скажи, пожалуйста!

На платформѣ появился офицеръ съ забинтованной головой. Это былъ первый раненый. Его обступили, засыпали вопросами.

— И самъ не знаю, какъ это случилось!—растерянно озираясь, говорилъ раненый:—съ разъѣздомъ я былъ... три охотника со мной... Только къ деревушкѣ подъѣхали, что за геліографной сопкой, еще нынче ночью наши фуражиры тамъ ночевали, вдругъ—залпъ! Чортъ знаетъ, что! Одинъ охотникъ наповалъ, другой раненъ, а я вотъ... По отдѣльнымъ людямъ залпами жарятъ! Этого раньше не было!

N-скій полкъ, попавшій со всей дивизіей въ резервъ, стоялъ въ верстѣ отъ Ляояна, у небольшой деревушки, гдѣ расположился штабъ бригады. Дождь загналъ меня въ фанзу, занятую штабомъ. Бригадный генералъ, высокій, коренастый и краснолицый, съ широкой и длинной рыжеватой бородой, сидѣлъ за столикомъ въ старомъ китайскомъ креслѣ и прихлебывалъ съ блюдечка чай. Онъ былъ въ засаленной сѣрой тужуркѣ безъ погонъ, накинутой на богатырскія плечи; изъ разстегнутой грязной рубахи выглядывала волосатая грудь, на босыхъ ногахъ красовались обрѣзки старыхъ сапогъ, замѣнявшіе туфли. Поддерживая растопыренными волосатыми пальцами блюдечко, генералъ съ шумомъ дулъ на горячій чай, пыхтѣлъ и пошевеливалъ густыми, сросшимися бровями, которыя при втягиваніи воздуха высоко поднимались и опускались снова при выдыханіи.

Изъ угла въ уголъ расхаживалъ мѣрно, какъ маятникъ, начальникъ штаба бригады—еще молодой, но совершенно лысый подполковникъ. Засунувъ руки въ карманы потертой и заплатанной кожаной куртки, онъ разговаривалъ съ генераломъ и методически, въ тактъ къ словамъ, покачивалъ головой. Тутъ же, на запыленномъ канѣ, поручикъ-ординарецъ генерала, снявъ съ себя сорочку, сидѣлъ, поджавъ ноги и скрючившись, и, злорадно кряхтя, охотился за насѣкомыми. Онъ, видимо, велъ своимъ жертвамъ правильный счетъ и то

и дѣло торжествующимъ тономъ заявлялъ: „двадцать первая!.. Двадцать вторая!..“

На утоптанномъ земляномъ полу валялись сѣдла, переметныя сумы, легкіе вьюки, резиновые плащи, и покрывавшая все это грязь говорила о недавнемъ прибытіи штаба.

— По-моему,—говорилъ подполковникъ медленно, какъ бы опасаясь проронить лишнее слово,—надо одно изъ двухъ: или предоставить больше свободы дѣятельности, больше иниціативы и самостоятельности отдѣльнымъ начальникамъ, или... или уничтожить всякія охотничьи команды!

— Вотъ тебѣ и разъ! Какъ же это безъ охотничьихъ командъ?—протодьяконскимъ басомъ прогудѣлъ генералъ, высоко вскинувъ брови.

— А такъ... у насъ самые лучшіе, способные офицеры, да и рядовые, идутъ въ охотники, и въ строю остается только балластъ! И пропадаютъ они чаще! Вонъ у васъ въ N-скомъ полку Завадскій—дѣльный, боевой офицеръ былъ—пропалъ! У енисейцевъ—Дмитренко! Да во всѣхъ полкахъ не мало найдется! Говорятъ, я виноватъ, что Андреевъ мертвую запилъ! Это же вздоръ! Если такъ судить, такъ прежде всего вы виноваты, ваше превосходительство!

— Ну-ну? Вотъ тебѣ и здравствуйте?!—удивился генералъ и усмѣхнулся въ бороду.

— Разумѣется! Вѣдь вы начальникъ бригады, вы могли разрѣшить ему напасть на транспортъ!

— Ну, скажите! Онъ же мнѣ отсовѣтовалъ и теперь меня же попрекаетъ?! Не угодно ли?

— Да вѣдь я только говорилъ, что у насъ есть циркуляръ быть осторожными по части ночныхъ нападеній, и что безъ вѣдома дивизіоннаго было бы неблагоразумно разрѣшать... Но вѣдь это было только мое мнѣніе, а вы могли бы...

— Ну, а если бы я разрѣшилъ?

— Тогда... Андреевъ либо отбилъ бы транспортъ, получилъ бы благодарность и не запилъ мертвую, либо поплатился бы жизнью или попалъ въ плѣнъ.

— Что же лучше?

— Не знаю... хотя возможно, что если бы вы разрѣшили, то намъ влетѣло бы отъ дивизіоннаго!

— Фу ты!.. Значитъ, выходитъ—тащи и не пущай?!

— Выходитъ „тащи и не пущай", ваше превосходительство!

— А ну ее къ чорту, всю эту дипломатію! Терпѣть не могу! Дадимъ Андрееву отпускъ на леченіе—и дѣло съ концомъ! А ты мнѣ лучше вотъ что скажи: побьютъ насъ япошки подъ Ляояномъ, или мы ихъ побьемъ? По-моему, мы ихъ расколошматимъ!

Подполковникъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Странное дѣло! Я не могу поручиться или утверждать, но если разобрать логически, то выйдетъ, пожалуй, не по-вашему, ваше превосходительство!

— Да ты мнѣ не превосходительствуй, а растолкуй, какъ это выйдетъ логически!

— Гмъ! По-моему, мы уже проиграли Ляоянъ!

— Ого! Это какъ же такъ?

— А такъ! Лучшія позиціи, гдѣ мы могли превосходно защищаться, вродѣ Айсандзяна, Хайчена, мы чуть не даромъ отдали японцамъ! Какъ же мы будемъ обороняться въ Ляоянѣ? Вѣдь это открытая со всѣхъ сторонъ тарелка, обставленная высотами! Какая же это оборонительная позиція? Это разъ. Дальше! Когда мы имѣли всѣ шансы бить японцевъ по частямъ, мы отступали, и японцы насъ били! А теперь мы дали возможность соединиться Оку, Нодзу и Куроки, чтò имъ и требовалось, — и хотимъ обороняться на открытой ладони! Гдѣ же тутъ логика, гдѣ же тактика и стратегія?

— Постой, погоди! А форты? Забылъ о фортахъ?— спохватился генералъ, хлопнувъ себя по колѣнкѣ.— Ага? Что?

— Да что же изъ этихъ фортовъ толку, ваше превосходительство, если ихъ можно обстрѣливать со всѣхъ сторонъ! Только ужаснѣе бойня будетъ, да пушечнаго мяса прибавится!

Генералъ въ замѣшательствѣ почесывалъ въ бородѣ и пыхтѣлъ.

— Теперь наши осадныя орудія! Великолѣпная вещь при оборонѣ, а они у насъ, сами посмотрите, либо на товарныхъ вагонахъ стоятъ, либо на ляоянской площади красуются! А японцы, вонъ, на носу сидятъ! Вообще, артиллерія... Вонъ послѣдній приказъ—съ точнымъ указаніемъ, сколько каждая батарея можетъ тратить патроновъ! Порціями выдавать будутъ! Это значитъ, что у насъ нѣтъ снарядовъ, и что всѣ запасы артиллерійскаго вѣдомства значились только на бумагѣ! Пѣхоты, правда, толика порядочная, а только, строго говоря, это уже не та пѣхота, что была раньше! Духа прежняго нѣтъ! А это тоже козырь неважный! Затѣмъ, мы стоимъ сейчасъ на двухъ берегахъ глубокой рѣки, и это тоже отрицательная сторона! На кавалерію смѣшно и разсчитывать! Да и много ли у насъ этой кавалеріи? Гдѣ она? Я вотъ какъ-то подсчитывалъ и убѣдился, что добрая половина кавалеріи на конвои да на ординарцы разобрана и, какъ нарочно, лучшіе ея элементы! Да-съ, ваше превосходительство! А за всѣмъ тѣмъ, есть и еще одно обстоятельство довольно печальнаго свойства! Вы не замѣтили за эти пять мѣсяцевъ, какая любопытная вещь наблюдается: когда въ бою рота имѣетъ дѣло съ ротой—мы ихъ бьемъ на голову. Когда полкъ на полкъ приходится—мы только отбиваемъ нападеніе! Бригада на бригаду—бой въ ничью разыгрывается, а какъ только большое дѣло—дивизія, корпусъ,—такъ насъ бьютъ по всѣмъ пунктамъ, и мы уходимъ во всѣ лопатки! Вотъ это-то, ваше превосходительство, по-моему, самое скверное, самая дурная примѣта! Маленькіе начальники—хоть куда, а какъ только

покрупнѣе начальство, такъ играй отбой! Такъ вотъ ежели этакъ разсудить, ваше превосходительство, такъ ничего хорошаго намъ подъ Ляояномъ не дождаться! Таково, по крайней мѣрѣ, мое личное мнѣніе...

— А ну тебя съ твоей логикой и мнѣніями!—разсердился генералъ и всталъ.—И всегда онъ мнѣ настроеніе испортитъ! Какъ начнетъ разсуждать да свою стратегію выкладывать, такъ обязательно одна только пакость выйдетъ!

— Да развѣ я тому виноватъ, ваше превосходительство?

— Сидорчукъ!—загремѣлъ генералъ.—Давай намъ поѣсть чего-либо, да гони сюда водки! Да! Я, батенька мой, вашихъ премудростей не изучалъ, ни логики, ни стратегіи! Да! Я—простой солдатъ! Пономарь за куль пшеницы да за трешницу грамотѣ обучилъ—вотъ и все мое образованіе! Я вѣдь и писать-то умѣю только то, что по долгу службы отъ меня требуется! Да! А вотъ Богъ далъ—до генерала дослужился, бригадой командую! Такъ и тутъ! Какъ бы тамъ по вашимъ логикамъ и стратегіямъ ни выходило, а я говорю,—не отдадимъ япошкамъ Ляояна—и баста!

Генералъ хлопнулъ по столу широкой ладонью и сѣлъ.

— Ну, а теперь давайте водку пить да закусывать! Поручикъ,—обратился онъ черезъ плечо къ ординарцу,—бросьте вшей бить! Все равно всѣхъ не перебьете!

Стали ужинать.

IX.

На слѣдующій день непріятель первый началъ бой орудійнымъ выстрѣломъ, а затѣмъ загрохотали и русскія батареи. Но орудійный огонь въ этотъ день былъ только поддержкой для пѣхоты, которая почти на

всемъ протяженіи громаднаго фронта двинулась въ аттаку на передовыя позиціи русскихъ.

Напившись изъ котелка мутнаго чаю, я поскакалъ разыскивать батарею Свѣтлова. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ мѣстность была совершенно безлюдна, войска были всѣ на позиціяхъ, и только изрѣдка попадались скакавшіе во весь опоръ казаки и ординарцы и спѣшившія къ мѣсту боя лазаретныя линейки. Проскакавъ верстъ восемь, я добрался до лѣваго фланга. Впереди, на склонахъ небольшихъ сопокъ, уже показались резервы, ожидавшіе очереди, и по узкой лощинѣ, въ которую я въѣхалъ, тянулся навстрѣчу длинный караванъ раненыхъ. Я соскочилъ съ коня и пошелъ пѣшкомъ, опрашивая по пути санитаровъ и одинокихъ раненыхъ.

— Воронежцамъ досталось!—слышались голоса.—Командиръ перваго батальона раненъ...

— Моршанцевъ выкосило шибко!

— У орловцевъ снарядомъ батальоннаго въ шматки разнесло!

— Совсѣмъ очертѣлъ японецъ! На штыкъ претъ!

Раненый въ голову фельдфебель, котораго несли четверо санитаровъ, вдругъ приподнялся и слабымъ голосомъ обратился къ шедшимъ позади пятерымъ солдатамъ:

— Вы это что, ребята, ранены, что ли? Куда идете?

— Мы на перевязочный... въ случаѣ санитары пріустанутъ, пособить нести!

— Что-о? Пособить? Назадъ! Безъ васъ донесутъ. Ступай въ свою часть!—гнѣвно закричалъ фельдфебель, собравъ силы.—Ступай назадъ, а то съ носилокъ слѣзу.

— Да мы, господинъ фельдфебель, для подмоги, значитъ...

— Молчать! Въ цѣпь назадъ! А то, какъ въ собакъ, стрѣлять буду! Сволочь! Трусы проклятые! Налѣво! Кругомъ, маршъ!

Солдаты неохотно повернули назадъ и лѣниво поплелись къ позиціямъ.

Пронесли партію убитыхъ, съ головы до ногъ укрытыхъ шинелями. Проковылялъ офицеръ, съ разутой ногой, перевязанной около колѣна. Неподалеку отъ стрѣлковой цѣпи, откуда неслась безпрерывная, частая трескотня „пачекъ“, интендантъ и парковый офицеръ были заняты разгрузкой двуколокъ съ хлѣбомъ и съ патронами. Хлѣбъ тутъ же раздавался проголодавшимся солдатамъ, патроны же подносились въ цѣпь. Надъ этой группой отъ поры до времени съ шипѣніемъ проносились шальные снаряды, но, благодаря „перелету“, рвались въ сторонѣ надъ длинной полосой гаоляна. Какой-то стрѣлковый солдатикъ, съ наскоро перевязанными головой и кистью лѣвой руки, подошелъ къ интенданту.

— Хлѣбушка бы, вашбродіе...

— Ты бы лучше на перевязочный пунктъ шелъ,— тамъ тебѣ и горячей пищи дадутъ и перевяжутъ, какъ слѣдуетъ!

— А далече это будетъ?

— Версты двѣ-три.

— А-а! Нѣтъ, ужъ вы, вашбродіе, хлѣбушка-то дайте, я лучше въ цѣпь къ своимъ ворочусь.

— На-на, мнѣ не жалко! Только что же ты въ цѣпи дѣлать будешь съ одной рукой?

— А патроны подносить! Оно веселѣй со своими, вашбродіе!—И, получивъ ломоть полугнилого, зеленоватаго хлѣба, стрѣлокъ побрелъ обратно.

Я снова сѣлъ на лошадь и рысью поскакалъ вдоль гаоляна, за которымъ сверкали огоньки орудій и вздымались голубоватыя полоски дыма. Скоро показались передки и вороныя лошади въ гаолянѣ. Это была батарея Свѣтлова, занимавшая узкую зеленую прогалину между двумя участками гаоляна. Едва я успѣлъ сдать ѣздовому свою лошадь и дойти до орудій, какъ уже

былъ оглушенъ безпрерывной канонадой. Свѣтловъ, тяжело отдуваясь, сидѣлъ на землѣ и вытиралъ потное и закоптѣлое лицо. Онъ уже давно охрипъ отъ команды и выбился изъ силъ. Хотя старшимъ офицеромъ на батареѣ былъ Агѣевъ, но теперь команда перешла къ Дорну.

— А гдѣ Петръ Петровичъ?—прокричалъ я въ ухо Свѣтлову.

Полковникъ молча указалъ на ближайшую сопку. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея вершины, виднѣлась фигура Агѣева съ биноклемъ передъ глазами, и рядомъ съ нимъ—сигнальщикъ съ двумя красными флагами.

— Тамъ ему все-таки легче!—услышалъ я хриплый крикъ Свѣтлова.

Батарея подъ командованіемъ Дорна, казалось, сошла съ ума.

Скинувъ съ себя куртку, въ рубахѣ съ разорваннымъ воротомъ, съ шапкой на затылкѣ, весь въ поту, съ побагровѣвшимъ лицомъ и сверкающимъ взглядомъ, онъ въ какомъ-то опьяненіи носился по батареѣ, отдавалъ команду, бросался отъ взвода ко взводу, помогалъ наводчикамъ, руководилъ окапываніемъ, давалъ затрещины и подгонялъ подносчиковъ снарядовъ; его зычный голосъ звучалъ властно и гнѣвно, и весь онъ казался живымъ воплощеніемъ какой-то разрушающей стихіи.

— Сто-ой!—ревѣлъ онъ, вскидывая руками. —Прицѣлъ сто двадцать! Трубка девяносто! По гребню сопки! Бат-тареею!

И люди, прислуга и офицеры, казалось, были охвачены этимъ боевымъ пыломъ и увлеченіемъ одного человѣка и, какъ послушные рабы, исполняли его приказанія съ лихорадочнымъ азартомъ.

Въ короткіе промежутки между залпами, пока наведенныя уже орудія заряжались, и тогда Дорнъ не могъ

оставаться безъ дѣла. Онъ подпрыгивалъ передъ орудіемъ, похлопывая его по нагрѣтому дулу, гоготалъ и выкрикивалъ:

— Эхъ ты, моя бабушка! Шпарь, голубушка! Знай, покрякивай! Го-го-го, родимая! Ходи веселѣе!

Полчаса спустя, онъ подскочилъ къ Свѣтлову со сжатыми кулаками и гнѣвнымъ лицомъ.

— Отецъ! Что за безобразіе?! Эта сволочь не отвѣчаетъ?! Что-жъ они, издѣваются надъ нами?! Зря патроны изводить?! И что эта баба тамъ смотритъ!—ткнулъ онъ въ сторону сопки, гдѣ наблюдалъ Агѣевъ.

— Приказано все время поддерживать сильный огонь!—отвѣчалъ, поднимаясь съ земли, Свѣтловъ.

Вскорѣ батарея замолкла, такъ какъ были разстрѣляны всѣ патроны.

— Двѣ тысячи снарядовъ какъ въ ж - - у всадили!—ругался Дорнъ.—Дураковъ сваляли!

Когда Агѣевъ спустился съ сопки и явился на батарею, онъ отвелъ меня въ сторону и опустился въ изнеможеніи на землю. Онъ былъ очень блѣденъ и разстроенъ.

— Ну, чего вы, въ самомъ дѣлѣ? Слава Богу, они не отвѣчали, все благополучно...

— Ахъ, не то!... Не отвѣчали! Но если бы вы только видѣли, сколько ихъ тамъ полегло?! Вѣдь они упорно посылали роту за ротой, колонну за колонной вонъ на эти позиціи! И только наша батарея одна, быть можетъ, ихъ удержала! Но какъ они умирали! Снаряды десятками вырывали ихъ изъ рядовъ, и на мѣсто павшихъ становились новые ряды! Я видѣлъ! Все видѣлъ въ бинокль! Если бы вы знали, какъ мнѣ было тяжело въ такія минуты сообщать на батарею направленіе и прицѣлъ, наводить огонь на этихъ храбрецовъ! Это герои, истинные герои! Боже мой! Какая подлость! Какая отвратительная вещь эта война!

Прислуга отдыхала около орудій, офицеры закусы-

вали консервами. Свѣтловъ отправилъ ординарца съ донесеніемъ къ начальнику артиллеріи отряда и ждалъ отвѣта. Прискакалъ пѣхотный адъютантъ и, не слѣзая съ лошади, закричалъ возмущеннымъ голосомъ:

— Господа? Что же вы дѣлаете съ нами?! Господинъ полковникъ! Я посланъ узнать, почему вы замолчали? Вѣдь мы же не можемъ держаться на этой позиціи дольше одного часу? Японцы прутъ и прутъ! Ради Бога, полковникъ...

— Что же я прислугой стану заряжать орудія, если у меня нѣтъ снарядовъ?—отвѣчалъ сердито Свѣтловъ.

— Какъ? Нѣтъ снарядовъ? Что же это такое? Какъ же это? Зачѣмъ же васъ тогда двинули къ намъ?.. Намъ надо ожидать резервовъ, и если вы насъ не поддержите... чортъ знаетъ, что...

— Я послалъ донесеніе... не знаю, какой будетъ отвѣтъ!...

Адъютантъ пожалъ плечами, сконфуженно откозырялъ и карьеромъ помчался обратно.

Дорнъ безпокойно расхаживалъ по батареѣ, заботливо осматривалъ замки орудій, поглядывалъ на сопки и, видимо, страдалъ отъ бездѣйствія.

— Пащукъ! — закричалъ онъ вдругъ ординарцу,— живѣй винтовку давай!

Выхвативъ винтовку изъ рукъ удивленнаго солдата, Дорнъ взбѣжалъ на бугорокъ, прицѣлился и сдѣлалъ три выстрѣла по направленію ближайшей небольшой сопки.

— Что это вы? зачѣмъ?—спросили его, когда онъ вернулся.

— Китаёзъ на сопку пробирался! По этой сволочи и стрѣлялъ!—спокойно отвѣтилъ Дорнъ.

— Экая у тебя жадность до крови!—замѣтилъ завѣдывающій хозяйствомъ, взявшійся и теперь за раскладываніе пасьянса, къ немалому удовольствію наблюдавшихъ за нимъ ѣздовыхъ.

— Ну зачѣмъ вы это сдѣлали, Дорнъ?—съ мукой на лицѣ спросилъ Агѣевъ, нервно хрустя пальцами.—Зачѣмъ? Вѣдь это ужъ гадко... понимаете... мерзко это!..

— А по-моему, гадко быть такой тряпкой!—злобно отвѣчалъ Дорнъ.—Коли вы такая плакса, такъ уходите со службы! Только тѣнь наводите! Какъ такіе люди жить могутъ, да еще на войну идти?! Ей-Богу, Петровичъ, я вамъ откровенно скажу: гляжу я на васъ и думаю, что на вашемъ мѣстѣ теперь я бы взялъ да пулю себѣ въ лобъ всадилъ! Честное слово!

Мрачная тѣнь прошла по блѣдному лицу Агѣева, и онъ, ничего не отвѣтивъ, отошелъ подальше и прилегъ на раскиданномъ гаолянѣ.

— Дорнъ! Оставьте Петровича въ покоѣ!—мягко, почти просительно отозвался Свѣтловъ.

Дорнъ, не то недоумѣвая, не то презрительно пожалъ плечами и сталъ набивать трубку.

— Ничего не выходитъ! — серьезно и въ раздумьѣ объявилъ завѣдующій хозяйствомъ, собирая карты для новой раскладки. Глядя на него, ѣздовые улыбались и о чемъ-то переговаривались вполголоса.

Спустя нѣкоторое время, прибыли снаряды и приказаніе продолжать огонь.

— По мѣста-амъ!—заревѣлъ Дорнъ, сорвавшись съ мѣста и бросаясь къ своему взводу.

Орудія были прочищены, заново окопаны, и батарея приготовилась къ бою. Въ это время на гребнѣ отлогой сопки, отдѣленной отъ батареи Свѣтлова узкой долиной, открыла огонь другая батарея, подъ прикрытіемъ которой по склону сопки были раскиданы сѣрые ряды пѣхоты.

Агѣевъ вмѣстѣ съ сигнальщикомъ поспѣшилъ на прежнее мѣсто, на наблюдательный пунктъ. Четверть часа спустя, тамъ мелькнули красные флаги. Агѣевъ сообщилъ прицѣлъ, раздалась повторяемая на каждомъ взводѣ команда Свѣтлова, и батарея загрохо-

гала, выбрасывая передъ дулами орудій длинныя полосы огня.

Скоро загудѣла и молчавшая до сихъ поръ даль передъ нами; непріятель отвѣчалъ намъ усиленнымъ бѣглымъ огнемъ. Надъ гребнемъ, гдѣ работала сосѣдняя батарея, засверкали огоньки, и стали всплывать бѣлые, кудрявые клубки дыма. Послѣ каждаго удачнаго разрыва тамъ происходило смятеніе. Одно изъ орудій замолчало и накренилось. Пѣхота, лежавшая на склонѣ безъ движенія, вдругъ закопошилась, какъ муравейникъ, и сѣрыя фигуры группами стали перебѣгать, укрываясь отъ обдававшаго ихъ свинцоваго града. Одни успѣвали скатиться внизъ, въ долину, другіе падали на полдорогѣ и уже оставались на мѣстѣ.

Разрывы сверкали все чаще и чаще, огонь на батареѣ быстро рѣдѣлъ и, наконецъ, она замолкла совсѣмъ. Печально чернѣли на фонѣ пасмурнаго неба осиротѣвшія орудія.

Вдругъ надъ головами послышался шипящій, быстро удаляющійся звукъ, позади, въ гаолянѣ, что-то треснуло, словно лопнувшій стаканъ, и лошади у передковъ въ испугѣ шарахнулись.

— Насъ нащупываютъ!—раздались крики.

— Перелетъ!

По сигналамъ Агѣева укоротили прицѣлъ. Вихремъ влетѣлъ на батарею ординарецъ на взмыленной, разгоряченной лошади.

— Усилить огонь до крайней возможности!

Непріятельская шрапнель продолжала, шипя и свистя, перелетать черезъ батарею. Офицеры и прислуга обливались пòтомъ, многіе окончательно охрипли, надорвавъ голосъ; Свѣтловъ только раскрывалъ ротъ и махалъ руками; батарея работала, какъ одинъ человѣкъ, почти не слушая команды, заглушаемой громомъ, и только дикій, ревущій басъ Дорна раздавался на батереѣ. Самыя орудія, которыя едва успѣвали ока-

пывать послѣ отдачи, казалось, превратились въ живыя существа и вздрагивали нагрѣтыми металлическими тѣлами.

Что-то неуловимое, словно стремительная тѣнь, мелькнуло впереди, оглушительно ухнуло, и невидимый подземный гигантъ могучимъ размахомъ швырнулъ по первому взводу кучей земли и осколковъ и дохнулъ вонючимъ коричневымъ дымомъ, который на время окуталъ оба орудія взвода и скрылъ Дорна и прислугу. Медленно расплылся дымъ, и надъ безпомощно свалившимся орудіемъ, съ расщепленнымъ колесомъ, показалась застывшая, запрокинутая назадъ фигура Дорна съ поднятыми руками, съ искаженнымъ ужасомъ лицомъ. Изъ-подъ хобота пушки торчала забрызганная кровью рука. Отброшенный шаговъ на десять, наводчикъ съ тупымъ недоумѣніемъ уцѣпился руками за траву. Одинъ изъ подносчиковъ снарядовъ стоялъ, разставивъ широко ноги, держа въ одной рукѣ опущенный лотокъ; другой—лежалъ на землѣ, прикрывъ своимъ тѣломъ снаряды. Мѣдныя гильзы разстрѣленной шрапнели были разметаны во всѣ стороны. У второго орудія, присѣвъ на корточки и схватившись за животъ, стоналъ фейерверкеръ.

Скоро всѣ опомнились и зашевелились.

— Дьяволы! Анаѳемы! Сволочь проклятая!—изступленно ревѣлъ Дорнъ, потрясая кулаками:—прислуга! становись на второй номеръ! Давай патроновъ!! Фельдшеръ! Ѣздовые! Сюда!!

Раненаго въ животъ фейерверкера и контуженнаго наводчика оттащили въ гаолянъ, за передки. Придавленный орудіемъ артиллеристъ оказался кровавымъ комкомъ мяса, костей, одежды и щепокъ.

Свѣтловъ трижды перекрестился, вытеръ лицо рукавомъ и снова замахалъ руками.

— Нѣтъ, постой!—кричалъ смертельно блѣдный отъ волненія и охватившаго его бѣшенства Дорнъ:—я ихъ

найду! Проклятый гаолянъ мѣшаетъ! Эта тряпка тамъ ни черта не видитъ! Я имъ въ самую рожу зашпарю! Я ихъ по мордѣ! По мордѣ! У-ухъ!

Онъ поднялъ сорванную газомъ гранаты, отлетѣвшую въ гаолянъ фуражку, напялилъ на затылокъ и побѣжалъ въ долину, съ которой была видна гряда непріятельской позиціи, гдѣ предполагалась японская батарея.

— Бѣглый огонь! Шестое, начинай!

Опять задрожалъ воздухъ, и засверкали передъ дулами огоньки. На лицахъ ѣздовыхъ, до этой поры невозмутимо равнодушныхъ, появилось новое выраженіе болѣзненно напряженнаго ожиданія. Не занятые никакимъ дѣломъ, они являлись молчаливыми свидѣтелями боя, и бездѣятельность, видимо, угнетала ихъ; тогда какъ орудійная прислуга, увлеченная работой и боевымъ азартомъ, не думала объ опасности и не замѣчала ея. Фельдшеръ съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ возился надъ полураздѣтымъ раненымъ фейерверкеромъ. Ординарецъ ускакалъ искать санитаровъ и носилки.

Непріятель пытался нащупать батарею, и шрапнели разрывались въ разныхъ мѣстахъ, описывая большую дугу, хотя и со значительнымъ перелетомъ.

Первый взводъ съ однимъ орудіемъ работалъ нѣсколько вяло, и люди нетерпѣливо посматривали на долину, поджидая Дорна.

Наблюдавшій въ бинокль за сигналами Агѣева, фейерверкеръ подбѣжалъ къ Свѣтлову и, подавая бинокль, указалъ на наблюдательный пунктъ, и въ этотъ моментъ коренастая и представительная фигура украшеннаго шевронами артиллериста какъ-то дрогнула и осѣла.

— „Д-о-р-н-у-б-и-т д-о-л-и-н-а-в-о-г-н-ѣ“, —сообщили красные флаги Агѣева, и два раза повторили сигналы.

Свѣтловъ и фейерверкеръ перекрестились, и прислу-

га, безъ слова угадавшая значеніе сигнала, сдѣлала то же самое. Чѣмъ-то суровымъ и мрачнымъ повѣяло теперь на батареѣ, и ѣздовые, нагнувшись впередъ, угрюмо смотрѣли исподлобья на занятыя непріятелемъ высоты.

На нѣкоторое время шипѣніе снарядовъ надъ головами прекратилось. Свѣтловъ съ тревогой поглядѣлъ на небо, на наблюдательный пунктъ и бросилъ испытующій взглядъ на передки. Ѣздовые уже догадались, что надо ждать „недолета“, а затѣмъ непріятель начнетъ бить „въ лобъ“. Они оглядѣли постромки, запряжку и стали слѣдить за Свѣтловымъ, готовые двинуться по первому знаку.

Скоро непріятель снова открылъ огонь, и на этотъ разъ снаряды разрывались въ полуверстѣ передъ батареею и стали постепенно приближаться къ ней. Одно за другимъ замолкли орудія, подскакали передки, батарея спѣшно снялась и уже подъ настигавшимъ ее огнемъ ринулась съ мѣста и помчалась въ сторону, прокладывая широкій путь среди хлеставшаго со всѣхъ сторонъ гаоляна.

Описавъ большой полукругъ, Свѣтловъ опять поставилъ батарею въ гаолянъ и, дождавшись прибытія Агѣева, снова открылъ огонь.

Зарядилъ мелкій дождь, и стало холодно и сыро.

Въ половинѣ девятаго вечера батарея дала послѣдній залпъ, израсходовавъ всѣ снаряды, и осталась совершенно безоружной. Орудія оттащили, прочистили и одѣли чехлами. Изнемогающіе отъ усталости, оглушенные, артиллеристы стали располагаться на отдыхъ на размытыхъ грядахъ, скользя и путаясь среди мокрыхъ стеблей гаоляна. Офицеры забились въ намокшую палатку и засвѣтили огарокъ свѣчи въ фонарѣ. Канониръ принесъ въ пивной бутылкѣ остатки вонючей ханшинной водки. Прогорклые консервы и нѣсколько головокъ вареной кукурузы составили обѣдъ и ужинъ вмѣстѣ.

Агѣевъ, взявшій было изъ жестянки кусокъ рыбы въ красномъ соусѣ, положилъ его обратно и отвернулся.

— Не могу... Все мнѣ Дорнъ мерещится... Боже мой, какъ это безобразно было!...—говорилъ Агѣевъ съ гримасой ужаса и отвращенія.—Подъ самый разрывъ попалъ... такъ черепъ ему весь... всего залило кровью... бррр! Отвратительно!...

Офицеры перестали ѣсть и допивали ханшинъ, не закусывая.

— Да... царствіе небесное бѣднягѣ!—отозвался Свѣтловъ.—Что ни говорите, а офицеръ онъ былъ незамѣнимый! Такихъ мало! Это моя первая потеря... да вотъ еще фейерверкеръ Котлубаевъ... пожалуй, не выживетъ. Господи Боже мой, и зачѣмъ онъ въ долину бѣгалъ? Видно, это смерть его туда звала... свыше суждено было! Да! Что-то Богъ дальше дастъ? А вы, Петровичъ, поскорѣе бы спать ложились! А то видъ у васъ очень неблагонадежный!

Послѣ ужина, закуривъ трубку, Свѣтловъ вдругъ спохватился и взглянулъ на часы.

— Ого! Уже поздно! Голубчикъ, Петровичъ, пошлите разузнать, не подошло-ли прикрытіе? И распорядитесь насчетъ часовыхъ!

Агѣевъ вышелъ изъ палатки.

— Не могу я смотрѣть на него равнодушно,—говорилъ Свѣтловъ:—болитъ у меня душа за Петровича! Я вѣдь вижу, какъ онъ мучится! Это хуже всякой раны такое страданіе! Тѣнь тѣнью сталъ человѣкъ! Господи Боже мой! По-моему — ужъ чего тутъ? Развѣ этимъ поможешь? Такое ужъ дѣло наше! Я вѣдь тоже не казанская сирота: у меня и старуха своя есть, и дѣти взрослыя, и внуки ожидаются, а все же держу себя въ рукахъ, крѣплюсь кое-какъ! Умирать—такъ умирать, на все Божья власть! Ужъ чего тутъ?.. Сколько разъ собирался я урезонить его... а только не

могу! Какъ гляну ему въ глаза, такъ какъ камнемъ придавитъ, не могу слова сказать! А жаль мнѣ его...

— Эхъ, Александръ Васильевичъ!—откликнулся изъ угла палатки безусый подпоручикъ,—согласитесь сами, вы все-таки уже пожили на свѣтѣ и даже вонъ внуковъ дождались, а Петровичъ вѣдь только еще началъ жить! Если вамъ еще жизнь не надоѣла, такъ каково ему?

Свѣтловъ хмуро посопѣлъ трубкой, вздохнулъ и согласился:—И то правда!

— Боже мой, какая тьма!—слегка дрожащимъ голосомъ проговорилъ Агѣевъ, входя въ палатку.—Въ двухъ шагахъ ничего не видно, какой-то черный туманъ вокругъ! Часовыхъ я назначилъ, Александръ Васильевичъ, только ужъ очень заморены люди, да и слышать плохо! Я приказалъ смѣняться черезъ два часа! А прикрытія что-то не слыхать!

— Это, однако, не тово... что-жъ они забыли насъ, что ли?—недоумѣвалъ Свѣтловъ.—Вѣдь, сохрани Господь, въ случаѣ чего, насъ голыми руками взять могутъ...

— Къ тому же мы значительно отдалились отъ пѣхоты! И гдѣ она теперь? Хоть бы къ намъ собака какая заглянула! Никакой связи!

Въ палаткѣ наступило молчаніе. Свѣтловъ досталъ карту. Это былъ листъ измятой жиденькой бумаги, съ блѣднымъ, аляповатымъ литографскимъ оттискомъ. Отъ сырости карта размякла, и Свѣтловъ, ничего не разобравъ, съ досадой смялъ ее въ комокъ и отшвырнулъ.

— Насмѣшка одна, а не карта! — проворчалъ онъ сердито.

— А у меня вотъ уже второй день ни одинъ пасьянсъ не удается!—въ раздумьѣ заявилъ завѣдующій хозяйствомъ, очевидно, придавая этому обстоятельству особенное значеніе.

Погодя немного, Свѣтловъ самъ вышелъ узнать, не подошло ли прикрытіе, и вернулся еще болѣе нахмуренный.

Страшная физическая усталость одолѣвала и его, и офицеровъ, которые старались преодолѣть себя и не заснуть, пока не легъ командиръ.

— Видно, одно намъ осталось прикрытіе — Господь Богъ! — проговорилъ Свѣтловъ.—Гасите огонь, дѣти, и давайте спать!

Онъ обнажилъ голову, трижды осѣнилъ себя крестомъ и, не снимая оружія, завернулся въ бурку и легъ.

Въ палаткѣ стало темно и тихо.

Мелкій, усыпляющій дождь тоскливой дробью глухо барабанилъ по намокшей холстинѣ.

. . . .

Что именно заставило меня проснуться, я не могъ себѣ отдать отчета. Тѣло закоченѣло отъ холода, и я сталъ натягивать на себя солдатскую шинель, которой прикрывался. Мнѣ показалось страннымъ, что по обѣимъ сторонамъ было пустое мѣсто, и что въ темнотѣ не слышалось ни храпа, ни дыханія спящихъ. Я поползъ по землѣ, ощупывая вокругъ себя руками,—въ палаткѣ никого не было. Пытался зажечь спичку, но вся коробка отсырѣла... Тогда, охваченный непонятной тревогой, я всталъ на ноги и вышелъ изъ палатки.

Дождь пересталъ. Небо казалось опрокинутой надъ землею черною бездной.

Сѣрая фигура, смутная какъ призракъ, выросла передо мною. Я невольно попятился...

— Это вы?—узналъ я шопотъ Агѣева и услышалъ, какъ у него лихорадочно колотились зубы.—Я шелъ васъ будить... всѣ забыли... я говорилъ, я предчувствовалъ... Теперь конецъ... Боже мой!.. Конецъ...

— Да что такое? что случ...

— Тсс!.. Ради Бога, тише!—перебилъ меня Агѣевъ, хватая за руки и близко нагибаясь ко мнѣ.

— Конецъ всѣмъ намъ пришелъ... японцы! Понимаете? Часовые сообщили... а мы безъ прикрытія! Идемъ туда, тамъ всѣ...

Передъ орудіями я съ трудомъ различилъ сѣроватый рядъ артиллеристовъ.

На флангѣ сбились въ кучу офицеры. Передъ ними я узналъ плотную фигуру Свѣтлова.

— Полковникъ, объясните, что это значитъ?

— Это значитъ... умирать будемъ!—едва узналъ я голосъ командира, какой-то сдавленный, свистящій шопотъ.—Скверное дѣло случилось... когда артиллерія превращается въ пѣхоту... идутъ японцы сюда, дозоры сообщили. Божья воля... Божья воля... что-жъ... умремъ вмѣстѣ... всѣ... Божья воля...

— Шашки и револьверы вынуть!—отдалъ онъ приказаніе вполголоса.

Пронесся шорохъ, лязгнула сталь клинковъ, и все затихло. Сѣроватые силуэты людей казались призраками; и вся эта ночь, страшно молчаливая, съ черной бездной вокругъ и надъ головой, была полна ужаса; что-то неумолимое, властное чуялось въ гробовой тишинѣ, и тоска, смертельная тоска, холодными тисками сжимала сердце и леденила мозгъ. Казалось, что остановилось время, что прекратилась жизнь, а земля и небо превратились въ огромную зіяющую могилу, во мракѣ которой притаилось и подстерегало что-то непостижимое, загадочное... Среди сѣрыхъ призраковъ раздался глубокій и долгій вздохъ, въ которомъ чудился протяжный, сдавленный стонъ, и отъ этого одинокаго вздоха еще глубже стала тишина и страшнѣе— черная могила. Приторно-сладкій холодокъ разлился во рту, слышно было, какъ кровь безпокойно стучала, какъ бы торопясь закончить работу, и гдѣ-то мелодичнымъ хоромъ зазвенѣли колокольчики. И вдругъ, словно разноцвѣтная ракета, ослѣпительно яркимъ каскадомъ замелькали въ мозгу знакомые облики, давно забы-

тыя слова и мысли, давно пережитыя впечатлѣнія. Этотъ фантастически чудесный, пестрый хороводъ кружился и несся ураганомъ, и каждый обликъ, каждое воспоминаніе обжигали мозгъ, а колокольчики продолжали звенѣть нѣжной музыкой, тѣло какъ будто ушло куда-то, растаяло во мракѣ, и осталось только одно ощущеніе: неизъяснимой тревоги и какого-то жуткаго блаженства. Колокольчики звенѣли все громче и громче, сѣрые призраки и черная бездна стали расплываться, и земля уходила изъ-подъ ногъ, стремительно увлекая меня за собою. Прикосновеніе рукъ къ холодной, мокрой землѣ отрезвило меня. Я уже не стоялъ, а сидѣлъ, подогнувъ ноги, и онѣ казались мнѣ чужими и безжизненными. И снова были вокругъ сѣрые призраки и черная бездна... По лицу скатилось нѣсколько холодныхъ капель... Колокольчики замерли, только кровь съ тревожнымъ шумомъ бушевала и стремилась къ вискамъ...

Изъ мрака донесся глухой, тяжелый, ритмично раздававшійся шорохъ. Онъ перешелъ скоро въ шумъ и постепенно превратился въ топотъ множества ногъ.

— Идутъ!—прозвучалъ среди сѣрыхъ призраковъ громкій шопотъ.

Топотъ приближался. Что-то металлическое щелкнуло около меня.

Зашелестѣлъ и затрещалъ гаолянъ, волна смутныхъ голосовъ влилась во мракъ.

Вдругъ кто-то истерически вскрикнулъ, раздались безпорядочные, торопливые револьверные выстрѣлы, за ними дикіе крики и стоны. Что-то ужасное, непонятное происходило во тьмѣ.

— Сто-ой! Сто-ой! Батарея!

— Ура-а!

— Смирна-а!

Рѣзкой трелью разлился свистокъ офицера въ хаосѣ голосовъ. Выстрѣлы прекратились.

— Дьяволы! Чего надѣлали!

— Прикрытіе! Наша пѣхота!

— Гдѣ командиръ? Офицеры?

— Ранили! Ранили! Кто стрѣлялъ безъ команды?!

— Смирна-а! Подавай фонарь! Живо!

Появились два фонаря, изъ мрака выступила безпорядочно сбившаяся толпа солдатъ, и слабо блеснули штыки. Свѣтловъ съ револьверомъ въ рукахъ стоялъ передъ пѣхотнымъ поручикомъ.

— Какъ же это... такъ нелѣпо... вѣдь еще полминуты и... Господи-Господи!.. Кто это стонетъ? Раненый?

Къ фонарю подошелъ, держась за плечо, солдатъ.

— Ничаво, вашскородіе... въ самую мякоть...

— Фельдшера! Перевязать!

— Господинъ полковникъ!—взволнованно говорилъ поручикъ:—право же, я не виноватъ. Въ одиннадцать часовъ получилъ только приказаніе... Искалъ вашу батарею на старой позиціи... никакихъ указаній!

— Да-да!.. Я знаю!—печально перебилъ Свѣтловъ, вкладывая въ кобуръ револьверъ,—мои люди оглушены, заморены до полусмерти... часовые перепугались.. Еще слава Богу... Стойте! Что это?

— Вавв... взз... вавввз... бат... бабаба...—долетало со стороны орудій бормотанье, напоминавшее безпомощный лепетъ заики. Послышался дребезжащій, мелкій смѣшокъ, отъ котораго покоробило... Всѣ поспѣшили къ орудіямъ, впереди—Свѣтловъ съ фонаремъ.

— Это Петровичъ! Голубушка, что съ вами?

Агѣевъ сидѣлъ на землѣ, разставивъ руки, съ раскинутыми ногами, и смотрѣлъ передъ собой безсмысленнымъ взглядомъ. Ротъ его, съ крѣпко сжатыми зубами, подергивался и перекашивался. Въ правой рукѣ Агѣевъ крѣпко сжималъ револьверъ.

— Это нервное потрясеніе! Перепугался... еще бы, этакая исторія! — говорили вполголоса офицеры. — Воды! Давай воды! Фельдшеръ! Сумку сюда!

— Ну, голубчикъ, Петровичъ! Ну, успокойтесь!—съ отеческой нѣжностью въ осипшемъ голосѣ говорилъ Свѣтловъ, ставъ передъ Агѣевымъ на одно колѣно и освѣщая его фонаремъ. — Слава Богу, все обошлось! Узнаете меня, старшаго вашего командира?

— Петя! Встряхнись! Плюнь на это дѣло!—тормошили товарищи.

Агѣевъ какъ будто успокоился, выпилъ воды и, поддерживаемый другими, всталъ. Свѣтловъ осторожно взялъ у него револьверъ и осмотрѣлъ барабанъ: въ немъ остался только одинъ патронъ.

— Сто-ой!—закричалъ вдругъ Агѣевъ новымъ, неузнаваемымъ голосомъ, рванувшись съ мѣста и вскинувъ руками.—Прицѣлъ сто! Трубка восемьдесятъ! По колоннѣ! Первый взводъ! Ну? Что же вы? Батареею! Что же это? Гдѣ Дорнъ? Полковникъ!—обратился онъ къ пѣхотному офицеру! — Ради Бога! Они не слушаютъ команды! Что же это?.. Вѣдь сейчасъ колонна... Бат-та-ре-е-ю!

Люди съ глухимъ говоромъ заколыхались и попятились. Агѣевъ притихъ и грустно проговорилъ:

— Штыки... пѣхота... а наша батарея? Гдѣ же батарея?

— Господи, твоя воля!—нарушилъ тяжелое молчаніе Свѣтловъ.—За что такое несчастье? Господа! Надо присмотрѣть за нимъ, не дай Богъ—уйдетъ! Ахъ ты, Боже мой! А я-то еще нынче осуждалъ его, бѣднягу...

Старикъ былъ окончательно потрясенъ.

На разсвѣтѣ Агѣева усадили въ лазаретную линейку и увезли въ Ляоянъ.

Онъ былъ тихъ и печаленъ, никого не узнавалъ и бормоталъ вполголоса какія-то математическія формулы и вычисленія. Онъ покорно далъ себя усадить въ линейку, и только услыхавъ прокатившійся въ это время первый орудійный выстрѣлъ, затрепеталъ и закричалъ опять:

— Четыре патрона! По колоннѣ! Бат-та-ре-е-ю!

. . . .
. . . .
. . . .

X.

Около полудня оглушительная канонада охватила окрестности Ляояна громаднымъ полукругомъ въ нѣсколько десятковъ верстъ. Грохотали орудiйные громы, кипѣла безпрерывная ружейная трескотня, и выбивали торопливую дробь пулеметы. Изрѣдка тяжело и грузно ухали осадныя орудiя, и тогда, казалось, вздрагивала сама земля.

Путь отъ лѣваго фланга, гдѣ находилась батарея Свѣтлова, къ Ляояну превратился въ оживленную, но мрачную дорогу. Сотни изувѣченныхъ и раненыхъ тянулись вразбродъ, ползли, отдыхали, и на протяженiи нѣсколькихъ верстъ раздавались ихъ стоны.

Повсюду пестрѣли окровавленные бинты и томпоны, валялось брошенное оружiе, скатанныя шинели, подсумки, вещевые мѣшки... Иногда попадались распластанные по дорогѣ трупы скончавшихся на-ходу и не подобранныхъ санитарами, которыхъ не хватало. Порою патронная двуколка, карьеромъ мчавшаяся на позицiю, съ грохотомъ наѣзжала на трупы, и тогда свѣтложелтый песокъ обагрялся кровью, а проходившiе мимо раненые отворачивались въ сторону.

Ляоянскiя стѣны были усѣяны наблюдавшими за разрывами снарядовъ китайцами. Это была бѣднота— рабочiй людъ, мелкiе торговцы и бѣжавшiе изъ охваченныхъ боемъ деревень поселяне. Болѣе зажиточные китайцы успѣли уже покинуть городъ. На опустѣвшихъ улицахъ шатались казаки и нестроевые, мелькали спѣшившiе куда-то фургоны Краснаго Креста и двуколки съ офицерскимъ добромъ. Попадались распря-

женныя, брошенныя арбы съ интендантскимъ грузомъ. Около восточныхъ воротъ смѣшанная, галдѣвшая толпа китайцевъ и русскихъ запрудила улицу. Десятка полтора пѣхотинцевъ и конныхъ казаковъ съ крикомъ и бранью насѣдали на старика-китайца, прижатаго къ запертымъ воротамъ большой фанзы. Растерявшійся, поблѣднѣвшій китаецъ, скрестивъ на груди руки, кричалъ что-то, отрицательно тряся головой, но его не слушали.

— Отворяй! Отворяй, тебѣ говорятъ! А то „кантроми“ будетъ!—ревѣли солдаты, а казаки съ угрозой размахивали нагайками. Китаецъ пересталъ кричать. Онъ еще плотнѣе прижался къ воротамъ, оскалилъ стиснутые зубы и, какъ затравленный звѣрь, съ рѣшительнымъ видомъ смотрѣлъ на солдатъ горѣвшими глубокой ненавистью глазами. Чья-то нагайка мелькнула въ воздухѣ, раздался хлесткій ударъ; китаецъ взвизгнулъ, но не тронулся съ мѣста.

— Отворяй, сволочь! Убью!—изступленно закричалъ верховой казакъ и стегнулъ старика по лицу.

— Что такое? Что за толпа?

Офицеръ на взмыленной лошади врѣзался въ толпу. Казаки посторонились и взяли подъ козырекъ.

— У него, вашбродіе, ячмень и чумидза есть, а намъ коней кормить нечѣмъ!

— Не желаетъ ворота отворять! Бунтуютъ китайцы, вашбродіе!—кричали казаки.

— Бунтуютъ? Сопротивленіе? Разогнать! Возьми въ нагайки!—распорядился офицеръ и, выхвативъ изъ ноженъ шашку, полоснулъ ею по плечу старика. Тотъ повалился, какъ снопъ. Съ гикомъ и свистомъ ринулись казаки на возбужденно гудѣвшую толпу и, стегая нагайками по обнаженнымъ, бритымъ головамъ китайцевъ, погнали ихъ вдоль улицы.

Въ одномъ изъ переулковъ полуголый буддистъ-аскетъ, представлявшій скелетъ, обтянутый кожей, съ

какимъ-то безумнымъ вдохновеніемъ, поднявъ къ небу руки, выкликалъ речитативомъ не то молитву, не то пророчество, и ему жадно внимала горсть полуживыхъ такихъ-же безумцевъ въ лохмотьяхъ, вышедшихъ изъ удушливаго мрака курильни, пропитанной дурманомъ опіума... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой группы копошился на землѣ комокъ коричневаго отъ солнца и грязи мяса, въ которомъ съ трудомъ можно было разглядѣть маленькое, исполосованное рубцами и морщинами старческое лицо, пукъ разметавшихся сѣрыхъ волосъ, черный, беззубый ротъ, жалкую до отвращенія, тощую и высохшую женскую грудь и усѣянныя струпьями руки и ноги. Пригнувшись къ землѣ, это уродливое подобіе человѣка раскачивалось и равномѣрно стукалось лбомъ о лежавшую вверхъ дномъ деревянную чашку, повторяя заунывнымъ, воющимъ голосомъ одну и ту же фразу: «ламъ-данъ, ламъ-данъ-шим-ламъ-данъ!"...

Канонада росла и крѣпла, и скоро слилась въ сплошной громовый гулъ.

Выбравшись изъ города черезъ южныя ворота, у которыхъ расположился полевой госпиталь, заваленный ранеными,—я пошелъ на югъ по направленію «геліографной» сопки, надъ которой все чаще и чаще сверкали рвавшіеся снаряды. Чтобы сократить путь, я свернулъ въ сторону и сталъ пробираться черезъ огромное поле гаоляна. Скоро я почувствовалъ себя, какъ въ банѣ. Гаолянъ, лишенный протока воздуха, обдавалъ меня теплымъ, насыщеннымъ влагою дыханіемъ и усыпительно-однообразно шелестѣлъ надъ головой. Я ускорилъ шагъ и шелъ долго, задыхаясь отъ духоты, раздвигая мокрые, скользкіе стебли; но этому зеленому морю, казалось, не было предѣла: оно окружало меня со всѣхъ сторонъ, притупляло слухъ безпрерывнымъ шопотомъ, дурманило голову своеобразнымъ тонкимъ ароматомъ. Я бросался изъ стороны

въ сторону, возвращался обратно, шелъ снова впередъ и не находилъ выхода. По лицу и рукамъ струился обильный потъ, вся одежда была пропитана влагой, ноги начинали скользить по межамъ и грядамъ и запутывались въ стебляхъ. Нѣсколько разъ, обезсилѣвъ, я опускался на землю и отдыхалъ. Тогда тяжелѣли вѣки глазъ, шелестъ гаоляна отдавался въ головѣ глухимъ шумомъ, ослабѣвало дыханіе, и меня одолѣвала тяжелая, опьяняющая, пряная духота. Какой-то инстинктивный страхъ поднималъ меня на ноги и снова гналъ въ трепещущую чащу... Гдѣ-то слѣва мнѣ почудился не то крикъ, не то стонъ, и затѣмъ сухо щелкнулъ одинокій ружейный выстрѣлъ. Я бросился на эти звуки. Спустя нѣкоторое время, я явственно услышалъ стонъ, протяжный и хриплый. Онъ сталъ страннымъ образомъ повторяться въ различныхъ направленіяхъ и на разные лады, и чудилось, что это стоналъ гаолянъ... Что-то темное показалось сквозь зеленую чащу стеблей... Я пріостановился и, переведя духъ, осторожно подкрался. Среди поломаннаго гаоляна лежалъ, раскидавъ ноги, раненый солдатъ, стоналъ и бредилъ, глядя мутными глазами вверхъ, гдѣ синѣла полоса безоблачнаго неба. Грудь солдата порывисто вздымалась, и каждый разъ, когда онъ выдыхалъ воздухъ, изо рта выступала пѣнившаяся кровь и по подбородку стекала на сѣрую рубаху, по которой уже широко расплылось громадное пятно. Онъ умиралъ медленно, въ забытьѣ, и было видно, какъ вмѣстѣ съ кровью жизнь уходила изъ отяжелѣвшаго, неуклюже распростертаго тѣла. Я пошелъ по слѣду, проложенному въ гаолянѣ умиравшимъ солдатомъ, и скоро завидѣлъ десятки такихъ распластанныхъ на землѣ, то скрюченныхъ и неподвижныхъ, то слабо шевелившихся тѣлъ. Тихіе стоны и бормотанье умиравшихъ сливались съ шелестомъ гаоляна, и въ духотѣ уже чувствовалась вонь разложенія. Никто не слышалъ этихъ стоновъ и рѣдкихъ выстрѣловъ, которыми

раненые пытались дать знать о себѣ, и они умирали, брошенные и забытые, какъ уже негодный, отслужившій свое, хламъ, умирали въ теченіе долгихъ часовъ подъ безстрастнымъ, чуждымъ для нихъ, небомъ, глядя, какъ большія синія мухи копошились и жужжали въ ихъ окровавленныхъ ранахъ.

Гаолянъ, поломанный и смятый, рѣдѣлъ и разступался, и грудь жадно вдыхала струю свѣжаго воздуха. Я ускорилъ шагъ и въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ умирали раненые, наткнулся на „волчьи ямы"... Онѣ чернѣли, какъ зіяющія могилы, среди увядшаго, искусственно насаженнаго кустарника, маскировавшаго эти логовища смерти, и измятой, колючей проволочной изгородки. Повсюду валялись русскія фуражки, маленькія, черныя японскія кэпи съ выцвѣтшими желтыми околышами, винтовки со штыками и безъ штыковъ, плетеныя тростниковыя сумки японцевъ съ галетами; желтѣли разсыпанные патроны. Изъ ближайшей ко мнѣ ямы выглядывала груда фигуръ въ желтыхъ куртках; торчала чья-то почернѣвшая и окровавленная рука съ растопыренными и согнутыми судорожно крючковатыми пальцами; бѣлѣли забрызганныя грязью гетры; изъ-подъ ружейнаго приклада смотрѣло выкатившимися стеклянными глазами искаженное застывшимъ ужасомъ, землистое лицо, съ безобразно высунутымъ языкомъ. Рядомъ съ этой отвратительной маской какъ-то нелѣпо застыла подошвою вверхъ нога, обутая въ неуклюжій и стоптанный, рыжеватый солдатскій сапогъ. А дальше—чернѣли такія же ямы, наполненныя ужасомъ, и говорили о разыгравшейся здѣсь драмѣ...

Гдѣ-то за гаоляномъ вдругъ отчетливо выдѣлился изъ орудійнаго грома торопливый, серебристый рожокъ сигналиста. Обойдя мрачныя ямы, я вышелъ на открытое мѣсто и очутился въ самомъ центрѣ одной изъ

южныхъ позицій. Позади, на сѣверѣ, высилась сѣрымъ силуэтомъ башня Байтасы.

Вокругъ, верстъ на пять, вся окрестность была охвачена боевою горячкой.

Тутъ лежали на землѣ, толпились и гудѣли резервныя части стрѣлковъ и сибирской пѣхоты, устанавливала орудія и окапывалась неуклюжая мортирная батарея, спѣшно развертывался летучій отрядъ Краснаго Креста. Тамъ и сямъ громоздились скатанныя шинели, котелки и сумки, брошенныя для облегченія, блестѣли цѣлыя горы разряженныхъ артиллерійскихъ патроновъ. Отъ поры до времени въ воздухѣ сверкали огоньки разрывовъ, и тогда сидѣвшая на землѣ пѣхота, словно спугнутое сѣрое стадо, срывалась съ мѣста и шарахалась вразсыпную.

Метались по разнымъ направленіямъ адъютанты и ординарцы на разгоряченныхъ лошадяхъ. Гдѣ-то прокатилось „ура“, и слабо продребезжала барабанная дробь.

— Тра-та-та-та-тара-ти-и!—нервно прозвучалъ призывный сигналъ въ сѣрыхъ рядахъ пѣхоты.

Въ полуверстѣ дымилъ и шипѣлъ парами паровозъ, доставившій нѣсколько вагоновъ со снарядами, которые торопливо выгружались проворными артиллеристами подъ огнемъ непріятеля.

Откуда-то выѣхалъ генералъ съ нѣсколькими офицерами. Породистый конь брызгалъ пѣной, выгибалъ красиво шею, танцовалъ на одномъ мѣстѣ и пугливо стригъ ушами.

Среди грязныхъ сѣрыхъ рубахъ, окруженный суровыми солдатскими лицами, этотъ генералъ съ выхоленнымъ лицомъ, съ длинной сѣдѣющей, тщательно расчесанной бородой, въ новенькомъ съ иголочки мундирѣ, при орденахъ, со сверкающими бѣлизной перчатками, съ утрированной элегантностью молодящагося старика,—казался какимъ-то ряженымъ; что-то нарочное, ненужное сквозило въ его неестественно выпячен-

ной груди, въ гордо вздернутой головѣ; онъ держался съ апломбомъ и чрезмѣрной развязностью плохо знающаго роль, идущаго „напроломъ“ актера, и въ его рисовкѣ и наигранномъ „молодечествѣ“ было что-то жалкое и фиглярское.

— Здорова, молодцы-ы!—закричалъ генералъ, какъ-то по-птичьи наклоняя и подергивая голову.

— Здрав-жла-ваство-оо!!—заученнымъ „уставнымъ“ хоромъ отвѣчали сѣрые ряды.

— Ну что? Узнали, куда ушли хунхузы?—обратился генералъ къ казачьему офицеру.

— Не хотятъ говорить китайцы, ваше превосходительство! Ничего, говорятъ, не знаемъ! Были, а куда ушли, неизвѣстно! Я ужъ и нагайки пускалъ въ ходъ, повѣсить старшинку обѣщалъ, — не помогаетъ, ваш—ство!..

— Врутъ проклятые китаёзы! А узнали, сколько ихъ было?

— Тоже, говорятъ, не знаютъ! На темноту ссылаются, ваше превосходительство.

— Ага? Прекрасно! Вотъ мы имъ за это устроимъ освѣщеніе! Какъ только стемнѣетъ, отрядите охотниковъ, и пусть подожгутъ деревню! Мерзавцы! Сжечь до тла! Поняли?

— Слушаю, ваше-ство! Я самъ отправлюсь!

— Тѣмъ лучше! Только дайте уйти женщинамъ и дѣтямъ! Невинные не должны страдать!—назидательно добавилъ генералъ и, кивнувъ головой казаку, подозвалъ жестомъ капитана генеральнаго штаба.—Что же резервы? А мортирная батарея? Что же мортиры? Гдѣ?

— Прибыли и устанавливаются. Скоро откроютъ огонь. Резервы частью пришли. Батальонъ N-скаго стрѣлковаго уже подходитъ!

— Сейчасъ же двинуть впередъ, поддержать красноярцевъ!

Неподалеку сверкнула надъ головами шрапнель, и вѣтеръ сталъ относить кудрявое, бѣлое облачко.

— Эй, рота-а! Стрѣлки-и! Куда подъ огонь зря лѣзешь? Осади назадъ! — закричалъ генералъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ и, съ афектированной невозмутимостью фокусника или канатнаго плясуна, щелкнулъ серебрянымъ портсигаромъ, закурилъ папиросу и, повернувъ коня, ускакалъ короткимъ галопомъ, сопровождаемый своей свитой.

„Ура" раскатывалось все чаще и чаще, гдѣ-то близко открыла бѣглый огонь батарея, все вокругъ тряслось и грохотало, и наэлектризованная боевая атмосфера начинала щекотать нервы, опьяняла какъ-то подмывающимъ образомъ и толкала куда-то впередъ.

Показалась густая сѣрая колонна, сверкающая штыками, передъ которой ѣхалъ толстый полковникъ, широко растопыривъ ноги, навалившись впередъ грузнымъ тѣломъ. Я съ трудомъ узналъ въ немъ Дубенку. Онъ былъ блѣденъ и, видимо, сильно трусилъ. Капитанъ Заленскій съ сосредоточеннымъ, сердитымъ лицомъ шелъ со своей ротой. Немного позади шагалъ, согнувшись и поправляя на-ходу очки, поручикъ Кранцъ. Я подошелъ къ Сафонову. Онъ былъ какъ въ экстазѣ. Ротъ улыбался какъ-то недоумѣвающе, по-дѣтски, глаза смотрѣли неопредѣленно, и въ нихъ что-то безпрестанно то вспыхивало, то снова медленно замирало. Онъ крѣпко сжалъ мою руку похолодѣвшими пальцами.

— Ну вотъ и хорошо! — говорилъ онъ, глядя мимо меня. — Сейчасъ мы пойдемъ туда! Слышишь? Кричатъ! Это наши! Ура?! Такъ и есть! Ура! Значитъ, близко сошлись... можетъ быть, рукопашная... въ штыки? нѣтъ... пачками все!..

Въ эту минуту впереди раздалась команда.

Заленскій отдѣлилъ свою роту и тронулся впередъ. Проходя мимо Дубенки, я окликнулъ его, но тотъ, ка-

залось, ничего не видѣлъ и не слышалъ, и былъ какъ въ угарѣ.

— Ребята-а! Помни присягу-у! Выручай своего отца-командира! — раздался его женственный, визгливый фальцетъ, и эти слова звучали теперь жалко и безнадежно, и никто на нихъ не отвѣтилъ.

Рота шла дружнымъ, стройнымъ шагомъ, люди хранили глубокое, казавшееся торжественнымъ, молчаніе.

Когда рота подошла къ полосѣ, гдѣ особенно часто сверкали рвавшіеся снаряды, Заленскій развернулъ фронтъ и, скомандовавъ „бѣгомъ—маршъ", бросился впередъ разсыпнымъ строемъ. Добѣжавъ до сопки, люди остановились и стали оглядываться. Одинъ лежалъ навзничь, другой, сидя, раскачивался и прижималъ къ груди колѣно.

— Ладно проскочили!—говорили солдаты.

— Это кто-жа, братцы? Никакъ, Червонюкъ?

— Одинъ Червонюкъ, другой Фрумкинъ!.. Угодило!

— Ну-ну! Чего не видали? Ротозѣи?! Полѣзай, ребята!—загремѣлъ зычный голосъ фельдфебеля.

Рота взбиралась кучками, подгоняя и подталкивая другъ друга.

— Сопка! Вотъ тебѣ и сопка! Потому она сопкой и прозывается, что покеда взлѣзешь, такъ засопишь! — шутилъ кто-то, тяжело пыхтя.

— А, чтобъ тебя прорвало!—ругался солдатъ, скользя внизъ съ пукомъ вырванной травы въ рукѣ,—и трава-то здѣшняя...

— Братцы, трубку обронилъ! Эй, нижніе! Гляди трубку!

Подъемъ былъ довольно крутой, и скоро по солдатскимъ лицамъ, смывая грязь, покатился потъ.

— Бросай скатки-и!—закричалъ сверху Заленскій, и свернутыя солдатскія шинели усѣяли склонъ горы. Навстрѣчу стали попадаться раненые и контуженные солдаты и офицеры.

— Жарко, небось? Близко японецъ-то?—спрашивали ихъ N-цы.

— Баня, хоть куды! Напираютъ!

— Молодцы N-цы! Въ самый разъ подоспѣли!—хрипло кричалъ офицеръ въ разорванной рубахѣ, съ окровавленнымъ плечомъ.—Ходу, ребята, ходу! Выручай красноярцевъ!

Уже около самой вершины намъ попался навстрѣчу спускавшійся внизъ солдатъ-санитаръ, который поддерживалъ маленькаго, худощаваго японца. На послѣднемъ было грязное желтое „хаки", круглое кэпи съ офицерскими жгутиками. Онъ подгибалъ залитую кровью ногу, скалилъ сверкавшіе зубы и нервно, громко смѣялся.

Во время подъема я старался поддерживать въ себѣ спокойствіе и сознательное отношеніе ко всему окружающему, хотя и чувствовалъ, что это мнѣ мало удается. Когда же я очутился наверху и бросился догонять стрѣлковъ,—у меня закружилось въ головѣ и запестрѣло въ глазахъ. Я, какъ во снѣ, смутно различалъ десятки человѣческихъ фигуръ, которыя лежали, сидѣли и шевелились на землѣ. Я перепрыгивалъ черезъ нихъ, спотыкался, наступалъ на живыхъ людей; ко мнѣ тянулись чьи-то руки, мнѣ что-то кричали... Я невольно жмурилъ глаза отъ необычайно сильной здѣсь трескотни; надъ головой что-то шипѣло и словно проносился вихрь, по камнямъ раздавались звонкіе щелчки, и вокругъ, казалось, звенѣло безчисленное множество туго натянутыхъ и мелодично-пѣвучихъ струнъ.

Не видя ничего подъ ногами, я съ разбѣга упалъ въ какую-то глубокую канаву и сильно ударился ногой обо что-то твердое. Около меня торчала винтовка, и рядомъ съ ней сидѣлъ на корточкахъ солдатъ безъ фуражки. Колѣни солдата были въ уровень съ подбородкомъ, онъ упирался головой и плечами въ стѣнку

канавы, прижималъ къ груди руки съ растопыренными пальцами и, какъ-то безобразно глупо разинувъ ротъ, съ удивленіемъ пялилъ глаза въ небо. „Траншея!“ мелькнула у меня мысль. Я вспомнилъ о стрѣлкахъ и, ставъ ногами на колѣни солдата, выбрался изъ траншеи и устремился впередъ. Навстрѣчу бѣжали люди; они не разъ толкали, опрокидывали меня, я подымался и снова бѣжалъ, и уже не сознавалъ, какимъ образомъ очутился въ новой траншеѣ, которая гудѣла, трещала и кишѣла сѣрыми солдатскими рубахами. Меня дернули за рукавъ, я повернулся и увидѣлъ Тиму Сафонова; тотъ указывалъ рукой внизъ и что-то говорилъ. Я отвѣчалъ ему, но не понималъ ни Сафонова, ни самого себя. Машинально повинуясь жесту Тимы и слѣдуя его примѣру, я взобрался на брустверъ и заглянулъ внизъ. Сперва мнѣ почудилось, что крутой желтоватый скатъ горы шевелится и медленно „осѣдаетъ“, но не внизъ, а вверхъ. Но скоро въ этой желтой движущейся массѣ я сталъ различать человѣческія лица, широкіе сверкающіе штыки... А лава все ползла и ползла. Я видѣлъ исхудалыя желтыя лица, плоскія, широконосыя, видѣлъ оскаленные зубы, множество рукъ, которыя судорожно цѣплялись за землю, за камни... Въ наиболѣе близкихъ рядахъ я замѣтилъ офицера съ небольшой черной бородкой. На его лицѣ была только страшная усталость и страданіе, и въ черныхъ маленькихъ глазкахъ свѣтилось что-то похожее на мольбу. Офицеръ поймалъ мой взглядъ, какъ-то криво улыбнулся, сдѣлалъ какой-то жестъ рукой и сталъ жевать губами. Казалось, онъ былъ голоденъ и просилъ ѣсть или пить... И я безсознательно, не спуская глазъ съ офицера, продѣлалъ то же самое. Офицеръ снова оскалилъ зубы, кивнулъ головой и протянулъ впередъ обѣ руки, но въ этотъ моментъ его голова отдернулась назадъ, по лицу разлилось кровавое пятно, и онъ исчезъ въ массѣ желтыхъ фигуръ; однѣ

изъ нихъ выскакивали и, взмахнувъ руками, опрокидывались, скатывались по тѣламъ другихъ; нѣкоторыя, словно подгоняемыя кѣмъ-то сзади, бросались впередъ, роняли винтовки и, протягивая руки врагу, кричали что-то. Кое-кого солдаты хватали за воротъ, втаскивали въ траншею и оглушали ударами прикладовъ, въ иныхъ стрѣляли въ упоръ... „Банзай!“ неслось снизу, и на мѣсто павшихъ появлялись новыя фигуры.

— Сто-ой, ребята!—прокатился по траншеѣ изступленный голосъ фельдфебеля.—Не изводи зря патроны! Бей его прикладомъ! Камнями бей! По мордѣ! Скидавай внизъ! Коли штыкомъ!

. Люди выскочили изъ траншеи, и замелькали приклады, засверкали штыки. Трескотня ослабѣла, и теперь явственно слышалось рычаніе озвѣрѣвшихъ людей, глухіе удары прикладовъ по головамъ, хрустѣнье раздробляемой кости, клокотаніе, скрежетъ и вопли. Опьяненные кровью солдаты, тяжело сопя и покрикивая, работали винтовками, какъ топоромъ или дубиной, и, уже ничего не разбирая, дробили черепа убитыхъ, брызгая мозгами и кровью, прокалывали десятки разъ одно и то же тѣло, сбрасывали внизъ обезображенные трупы и швыряли вслѣдъ камнями.

— Молодцы! Съ нами Богъ! Ур-ра! —дико кричалъ фельдфебель.

— Га-га! А-а!—ревѣли солдаты, съ новой яростью обрушивались прикладами, а когда по склону горы стали сбѣгать и скатываться живые и раненые японцы, солдаты повернули окровавленные приклады и стали разстрѣливать отступавшихъ залпами.

Аттака была отбита.

Наступили сумерки, по небу поползли свинцовыя тучи, и грохотавшая и вздрагивавшая отъ канонады окрестность быстро погрузилась во мракъ. Внизу и на склонахъ сопки сверкали огоньки орудій, въ сумрачной выси ярко вспыхивали рвавшіеся снаряды. Вдругъ

вся долина озарилась кровавымъ отблескомъ: за линіей желѣзной дороги пылала охваченная огнемъ деревушка.

Канонада, казалось, охватила кольцомъ весь горизонтъ и раздалась теперь прямо надъ головами. Сверху брызнуло нѣсколько дождевыхъ капель, и затѣмъ грянулъ небесный громъ и слился съ грохотомъ орудій. Недолго длилась эта борьба. Сразу хлынулъ сильный ливень, быстро замолкли орудія, затихла ружейная трескотня, и раскаты небеснаго грома одни гнѣвно перекликались надъ окутанной глубокимъ мракомъ ляоянской долиной.

Только пламя пожара вливало въ этотъ мракъ полосу кроваваго полусвѣта, печально трепетало подъ налетавшимъ вѣтромъ, и, среди громаднаго поля затихшей бойни, оно казалось погребальнымъ факеломъ.

. . . .

Непріятель занялъ южныя позиціи и съ трехъ часовъ ночи открылъ сильный ружейный огонь.

Рано утромъ, едва только разсвѣло, на западѣ показались отходившія къ Ляояну пѣхотныя части и кавалерія, сильно тѣснимыя непріятелемъ. Въ теченіе ночи, несмотря на дождь и непроглядную тьму, японцы переправили на правый берегъ Тай-цзы-хэ дивизію пѣхоты съ артиллеріей и конницей, подъ прикрытіемъ которыхъ на зарѣ стали переправляться остальныя части. На сѣверѣ непріятель, послѣ отчаянной борьбы, отбросилъ кавалерійскій отрядъ генерала С. и продвинулся къ Янтайскимъ копямъ. Единственнымъ прикрытіемъ Ляояна оставалась линія фортовъ, гдѣ и сосредоточились русскія войска въ ожиданіи послѣдней и рѣшительной схватки.

Такими извѣстіями начался сѣрый, пасмурный день послѣ ненастной ночи.

Со всѣхъ сторонъ—изъ палатокъ, изъ товарныхъ вагоновъ, изъ-подъ фургоновъ и двуколокъ, вылѣзали

разбитые физически, утомленные нравственно, промокшіе и продрогшіе люди, съ осунувшимися, землистыми лицами, облѣпленные грязью, и распатанной походкой брели къ станціи. Вялые, апатичные, они равнодушно относились къ тревожнымъ извѣстіямъ, приходившимъ со всѣхъ сторонъ. На путяхъ передъ станціей стояли переполненные ранеными санитарные поѣзда и готовились уйти на сѣверъ.

Въ станціонномъ буфетѣ пестрая толпа голодныхъ офицеровъ штурмовала буфетную стойку и брала съ бою полусырой хлѣбъ, прогорклые консервы, остатки вонючей колбасы, платя за нихъ бѣшеныя деньги. Обманувъ кое-какъ пустой желудокъ, офицеры набрасывались на напитки, которые имѣлись въ громадномъ запасѣ, быстро хмѣлѣли, приходили въ возбужденное состояніе и, подъ вліяніемъ алкоголя, начинали грозить врагу и вѣрить въ побѣду...

Около полудня, когда выглянуло солнце, буфетъ принялъ свой обычный видъ, загудѣлъ голосами и огласился полупьянымъ смѣхомъ. Въ то же время на станцію стали прибывать съ разныхъ сторонъ раненые. Тѣ, которые были еще въ силахъ идти, сбрасывали посреди платформы амуницію и располагались тутъ же или бродили около буфетной кухни, прося ѣсть или пить. Тяжело раненыхъ санитары переносили на носилкахъ и клали ихъ въ рядъ въ концѣ платформы. Между ними было съ десятокъ японцевъ, тощихъ, заморенныхъ, съ безпокойными взглядами. У многихъ изъ нихъ грязное форменное „хаки“ было надѣто прямо на голое тѣло,—на нихъ не было ни бѣлья, ни гетръ. Русскіе офицеры съ любопытствомъ наклонялись надъ ними, угощали ихъ папиросами, а нестроевые солдаты и санитары, усиленно работая мимикой и жестами, вступали съ японцами въ дружескіе разговоры, причемъ коверкали русскія слова на китайскій ладъ, полагая, очевидно, что такой фантастическій языкъ мо-

жетъ быть болѣе понятенъ японцамъ. Впрочемъ, со стороны казалось, что обѣ стороны превосходно понимали другъ друга и сходились во взаимной симпатіи.

— Ей-Богу, эти самые макаки—какъ есть настоящіе человѣки! Все одно, что нашъ братъ, только скуловатъ, желтоглазъ да ростомъ не вышелъ!—радостно недоумѣвалъ безбородый пѣхотинецъ, которому маленькій, безусый японецъ, казавшійся ребенкомъ, сказалъ въ видѣ комплимента, со своеобразнымъ тембромъ въ голосѣ: „маладецъ, ребята“.

— Этакій-то лядащій плюгавецъ... все одно, что цыпленокъ... а вѣдь какъ дерется!

— Прытокъ да увертливъ больно!—разсуждали солдаты.

Куча солдатскихъ шинелей, окровавленныхъ рубахъ, подсумковъ и мѣшковъ быстро росла на платформѣ. Все чаще и чаще появлялись раненые и перевязанные офицеры. Одни—потрясенные, растерявшіеся, бродили, какъ во снѣ, пугливо озираясь, или сидѣли, какъ въ столбнякѣ. Другіе—раздраженные, съ хмурыми лицами, со злобой во взглядѣ, ворчали и разражались бранью.

Общее вниманіе привлекалъ раненый въ голову капитанъ одного изъ сибирскихъ пѣхотныхъ полковъ. Высокій, богатырски-сложенный, съ залитыми кровью плечами и грудью, съ негодованіемъ на блѣдномъ отъ возбужденія, мужественномъ лицѣ,—онъ казался живымъ воплощеніемъ кровавой бойни, и его голосъ властно и сильно звучалъ среди окружающаго говора и смѣха.

— Это позоръ! Это преступленіе! — говорилъ онъ кучкѣ офицеровъ. — Чего смотрѣли? О чемъ думали? Отдать „сопку съ соскомъ!“ Главная позиція! Дверь къ лѣвому флангу! Столько времени занимали и не подумали укрѣпить! Вчера утромъ отдали! Сколько людей выкосило! Еще бы! Хоть бы разъ вздумали

землю копнуть! Все ждали чего-то, на авось надѣялись! Хорошо! Отдали сопку... Вечеромъ, значитъ, спохватились! Получаемъ приказаніе — взять сопку обратно! Легко сказать! Люди заморены, подавлены огромными потерями, все перепуталось, перемѣшалось, многіе безъ винтовокъ... Ладно! Приказано взять обратно,—значитъ, надо брать! Ждемъ распоряженій. Проходитъ часъ, другой, люди изнываютъ, томятся — никакого дыханія! Кому брать, кто руководитель, когда назначено идти въ аттаку—ничего не извѣстно. Полковой къ генералу сунулся; тотъ открещивается и руками, и ногами. „Я, говоритъ, не могу своей властью, нѣтъ компетенціи! Я подчиненъ командиру семнадцатаго корпуса и безъ его приказанія не могу ничего рѣшить!“ Командиръ корпуса тоже ни взадъ, ни впередъ! „Здѣсь, говоритъ, самъ командующій арміей находится... если бы еще его не было—другое дѣло... а то, говоритъ, неудобно, можетъ усмотрѣть превышеніе власти, не тактично будетъ“... и прочее... Понимаете? Все іерархія, чинопочитаніе и мѣстничество!... А время идетъ, непріятель укрѣпляется, люди нервничаютъ... Да! Что-жъ? Ждали-ждали, да такъ никакого толку отъ генераловъ и не дождались.

Капитанъ залпомъ осушилъ стаканъ пива, вытеръ рукавомъ усы и продолжалъ.

— Да! Не дождались и... пошли! Понимаете? Сами пошли! Безъ всякихъ! Что-жъ—такъ пропадать или этакъ пропадать—все равно наше дѣло пропащее! Такъ ужъ лучше съ честью пропадать! Да! Тутъ уже не офицеры вели солдатъ... Прямо взбунтовались люди, стадомъ двинулись... Теперь такъ даже понять не могу, какъ это мы впотьмахъ на эту сопку лѣзли! Взлѣзли, однако! Японцы, видимо, ошалѣли! Не ждали нашей аттаки, даже растерялись первое время... Господи! Что за свалка была! Тьма кромѣшная! Только стонъ стоитъ, хрипитъ все вокругъ, да удары чмякаютъ... Кому и отъ своихъ

досталось! Не разберешь... Озвѣрѣлъ народъ, даже кричать перестали! Въ траншею попали, опять вылѣзли, другъ черезъ дружку, да впотьмахъ-то опять впередъ, не зная куда, бросились... Потомъ разсыпались и кучками стали драться,—кто гдѣ сцѣпится, тамъ и катаются по землѣ... Долго такъ, какъ въ чаду какомъ... Тутъ меня въ голову хватили, полетѣлъ на́-земь... послѣ очухался, чувствую,—весь въ крови, рубаха къ тѣлу прилипла, фельдфебель нашъ съ фонаремъ на колѣняхъ стоитъ: „наша, говоритъ, сопка, вашскородіе"... Да! Дорогой цѣной взяли, двѣ трети народу уложили... Что же вы думаете? Чуть только день занялся, приказаніе—очистить сопку! Уходить! Понимаете? да... Что-жъ? И пришлось уходить, да еще подъ огнемъ японцевъ, бросать буквально залитую нашей кровью сопку, бросать раненыхъ, оставлять убитыхъ офицеровъ! Каково это было солдату? Вѣдь этому имени нѣтъ! Это же подлость! Издѣвательство! Мнѣ стыдно было на солдатъ смотрѣть! А теперь.... теперь они не хотятъ идти въ аттаку! Солдатъ, понимаете, нашъ русскій солдатъ—не хочетъ! Да! И онъ правъ! Надъ нимъ издѣваются! Онъ потерялъ вѣру! Будь они прокляты! Кабинетные герои! Шаркуны! Нѣтъ, довольно! Больше не могу! Изъ меня вонъ чуть не ведро крови вытекло, но я этого не чувствую! Душа болитъ за солдата, за товарищей... Негодяи! Имъ только церковные парады разводить! Людей губятъ, да армію позорятъ! Вчера три полка, какъ сумасшедшіе, улепетывали! А почему? Начальникъ дрянь! Генерала Коршунова съ собаками сыскать не могли! Тамъ у него бой идетъ, а онъ на станцію придралъ чуть не за двадцать верстъ! Лошадь, говоритъ, понесла, испугалась! Герои . . . . !! Сегодня подъ мостомъ два батальона другъ дружку залпами разстрѣливали! Волосъ дыбомъ становится! Публичное заведеніе, б—къ какой-то, а не русская армія!.. Ино-

странцевъ напустили... дескать, любуйтесь, господа почтенные, каковы мы, русскіе...

— Э-э... виноватъ! — щепетильно-вѣжливо вмѣшался подполковникъ генеральнаго штаба, поджарый, на тоненькихъ ножкахъ, съ несоразмѣрно большой головой,— я васъ попрошу, господинъ капитанъ, не забываться и нѣсколько умѣрить ваше краснорѣчіе... Вы забываете...

Капитанъ оглянулъ подполковника такимъ взглядомъ, какъ будто собирался ударить его.

— Краснорѣчіе? Нѣтъ, господинъ подполковникъ, это не краснорѣчіе! Изволите ошибаться! Это мы ужъ такъ привыкли считать правду краснорѣчіемъ, а краснорѣчіе правдой! Вотъ это какое краснорѣчіе!—капитанъ хлопнулъ себя по окровавленной груди,—это кровавая правда! Ее вамъ скажетъ любой солдатъ моей роты! Я за эту правду выпустилъ изъ себя больше крови, чѣмъ вы перевели чернилъ на диспозиціи и донесенія! И я объ этой правдѣ буду кричать во весь голосъ! Можете доносить на меня! Я не боюсь правды!

Подполковникъ презрительно пожалъ плечами и, покосившись на пивную бутылку, процѣдилъ:

— Вы бы лучше поменьше пили, если вы ранены.

— Что-о? По-мень-ше пи-ли?—протянулъ капитанъ' дѣлая движеніе впередъ. Офицеры попятились; изъ толпы выступилъ извѣстный начальникъ партизанской кавалеріи полковникъ Таковичъ-Липовецъ, оправившійся отъ раны, совершившій рядъ лихихъ набѣговъ, и обратился къ штабному офицеру съ грубоватой непосредственностью и легкимъ акцентомъ балканскихъ славянъ:

— Палковникъ! Мы не у въ Петербургѣ и не у въ академіи енеральнаго штаба! Ну зачѣмъ такому бравому капитану портить кровь, которой онъ безъ этого много потералъ? Ей-Богу, онъ правду говоритъ!

Подполковникъ пробормоталъ что-то насчетъ „дисциплины“ и „господъ офицеровъ“ и ретировался.

Въ это время на станціи появилась компанія, состоявшая изъ двухъ, одѣтыхъ по дорожному, проститутокъ, барона Габена и двухъ офицеровъ въ новенькихъ казачьихъ мундирахъ со значками пажескаго корпуса. Скоро къ нимъ подоспѣлъ Налимовъ. При энергичномъ содѣйствіи послѣдняго, компанія добилась того, что на платформу были вынесены столикъ и стулья, и все общество усѣлось. Когда на столикѣ появились ликеры и вина, къ компаніи присталъ еще ротмистръ пограничной стражи. Подгримированныя дѣвицы взвизгивали послѣ орудійныхъ залповъ, съ гримасами не то отвращенія, не то состраданія косились на переполнявшихъ платформу раненыхъ, нюхали одеколонъ и всѣми силами пытались казаться взволнованными и потрясенными. Кавалеры, въ свою очередь, старались успокоить дѣвицъ, подливали въ рюмки, каламбурили на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Не прошло и получаса, какъ за столикомъ раздался хохотъ и визгъ, и казалось, что канонада только способствовала веселью этой компаніи, находившей, повидимому, особенную пикантность въ кутежѣ при столь рѣдкой, исключительной обстановкѣ. Одна изъ дѣвицъ, уже захмѣлѣвшая, съ ухватками жаднаго, хищнаго животнаго, одной рукой нѣжно поглаживала лысину барона Габена, а другой пыталась снять кольцо съ его руки и съ нагло откровеннымъ взглядомъ говорила что-то тупо улыбавшемуся, захмѣлѣвшему барону. Пограничный ротмистръ вращалъ большими, безсмысленными глазами, ржалъ отъ удовольствія и провозглашалъ тосты за „прелестныхъ и неустрашимыхъ дамъ“ и „во славу русскаго оружія“... Затѣмъ компанія перешла на шампанское, потребованное черномазымъ подрядчикомъ восточнаго типа, и кутежъ развернулся „во всю“. Онъ не прекратился и тогда, когда въ концѣ платформы появились среди раненыхъ двѣ фигуры—одна въ эпитрахили, другая въ католической сутанѣ: и грохотъ

орудій, вмѣстѣ съ отголосками пьянаго разгула, хоромъ заглушали стоны умирающихъ и слова послѣдняго напутствія.

Вдругъ, невдалекѣ отъ платформы, между путями, заставленными вагонами, раздался взрывъ и трескъ расщепленнаго вагона. За этой первой гранатой засверкали шрапнели. Съ крикомъ и воемъ хлынула со станціи пестрая толпа. Въ буфетѣ зазвенѣли окна; въ дверяхъ происходила давка.

Непріятель выдвинулъ на взятыя у русскихъ южныя позиціи два орудія крупнаго калибра. Изъ одного онъ началъ обстрѣливать станцію, другое—направилъ на русскій поселокъ. Первыми ринулись на сѣверъ расположенные по обѣимъ сторонамъ станціи обозы, а вмѣстѣ съ ними и сосредоточенныя здѣсь пѣшія и конныя нестроевыя части и отступившая утромъ кавалерія. Одинъ за другимъ стали маневрировать и уходить паровозы, увозя раненыхъ, телеграфъ и всевозможные грузы. Команда саперъ и желѣзнодорожнаго батальона бросилась уничтожать и приводить въ негодность все то, чего нельзя было увезти. Около сѣрыхъ домиковъ опустѣвшей главной квартиры кучка артиллеристовъ пыталась зарыть въ землю часть брошенныхъ снарядовъ. Куда-то пронесли на носилкахъ сестру милосердія съ раздробленными ногами. Въ русскомъ поселкѣ бушевали „шимозы“, пробивали крыши, громили стѣны фанзъ. Тамъ и сямъ подымались надъ землею густые клубы коричневаго дыма. Около башни Байтасы валялись трупы попавшихъ подъ огонь китайцевъ. Команда интендантскихъ солдатъ суетилась вокругъ громадной горы запасовъ, обливая ихъ керосиномъ и обкладывая горючимъ матеріаломъ.

Когда наступили сумерки, разстояніе между китайскимъ городомъ и станціей было густо усѣяно трупами и представляло картину страшнаго разрушенія. А непріятель не смолкалъ и продолжалъ посылать шрап-

нель и гранаты. Нѣсколько нестроевыхъ солдатъ, оглядываясь по сторонамъ и косясь на разрывы снарядовъ, забрались на опустѣвшую станцію. Они заглядывали повсюду и искали поживы. Въ буфетѣ они нашли нѣсколько бутылокъ шампанскаго, распили ихъ и, опьянѣвъ, шатаясь, побрели вдоль насыпи.

Ночной мракъ окуталъ Ляоянъ. Тамъ, гдѣ тѣснились отступавшіе, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по обѣимъ сторонамъ Тай-цзы-хэ, стоялъ стонъ надъ землею. Невообразимый хаосъ царилъ на правомъ берегу рѣки. Въ десять рядовъ уперлись въ берегъ отступавшія колонны.

Распространился слухъ, что Куроки обошелъ русскихъ съ востока и собирается отрѣзать отступленіе около Янтая. Паника охватила отступающихъ. Пѣхота, кавалерія, батареи, транспорты, обозы—все перепуталось во мракѣ, смѣшалось въ огромную ревущую лаву, стремившуюся къ одной цѣли. Каждая часть пыталась переправиться раньше другихъ. Всѣ кричали, никто никого не слушалъ и не понималъ... Начальники, растерявшіе свои полки и батальоны, тщетно призывали къ порядку взбаламученное стадо солдатъ. Какая-то батарея вдругъ сорвалась съ мѣста, врѣзалась въ пѣхоту и по тѣламъ опрокинутыхъ людей бросилась къ спѣшно наведенному мосту, по которому уже колыхалась густая, нестройно гудѣвшая колонна. Раздался трескъ, отчаянные вопли и плескъ воды... Гигантскимъ костромъ вспыхнулъ зажженный провіантскій складъ въ Ляоянѣ, и кровавый отблескъ зарева достигалъ береговъ Тай-цзы-хэ. Взорвавшіеся около станціи снаряды выкинули въ чернѣвшую высь чудовищный фейерверкъ.

Отступленіе сдѣлало свое дѣло. Оно помутило умы людей, убило сознаніе и возможность какой-либо надежды, вѣры въ себя, въ начальниковъ. При невѣрномъ, трепетномъ свѣтѣ факеловъ мелькали безсмысленныя,

искаженныя страхомъ лица солдатъ и офицеровъ. Это была уже не армія, а многотысячное разнузданное, обозленное стадо, гонимое инстинктомъ самосохраненія и страхомъ...

Казалось, что какой-то апокалипсическій звѣрь, получившій смертельную рану, наводя ужасъ и разрушая все на своемъ пути, уходилъ среди непрогляднаго мрака ночи.

XI.

Холодная и влажная мгла дождливаго утра окутала 101-ый разъѣздъ, у котораго сосредоточились отступавшія войска. На одномъ изъ путей, загроможденныхъ санитарными поѣздами, стоялъ готовый къ отправленію поѣздъ, предоставленный въ распоряженіе иностранныхъ военныхъ агентовъ, всевозможныхъ „генераловъ для порученій“, полковниковъ, „прикомандированныхъ“ къ различнымъ управленіямъ, и т. п. „привиллегированныхъ“ представителей арміи, которыхъ строевая „мелкота“ называетъ „фазанами“ и „дармоѣдами“... Вся эта публика переполнила вагонъ-столовую, который послѣ ляоянской грязи и промокшихъ, сырыхъ палатокъ казался необычайно роскошнымъ. Русская рѣчь чередовалась съ французскими, нѣмецкими и англійскими фразами. Маленькій, толстый кавалерійскій генералъ, съ румянымъ лицомъ и сѣдыми, лихо закрученными усами, неудачно командовавшій казачьей дивизіей, сидѣлъ за однимъ изъ столиковъ, повязавъ вокругъ шеи салфетку, и объяснялъ буфетчику, какимъ образомъ долженъ быть приготовленъ бифштексъ „по-татарски.“

— Главное, онеровъ этихъ самыхъ побольше! Карнишончиковъ, грибковъ бѣлыхъ, рыжичковъ, лучку испанскаго и обыкновеннаго, можетъ, груздочки най-

дутся, такъ и ихъ искрошить помельче и этакъ гарнирчикомъ вокругъ... желтокъ свѣжій...

— Ваше превосходительство, такъ точно, а только у насъ все на консервахъ... груздей, значитъ, и рыжичковъ не имѣется... опять же насчетъ луку испанскаго, ужъ простите, ваше превосходительство....

Въ это время вагонныя окна задребезжали отъ орудійныхъ выстрѣловъ.

— Позвольте! Это что же такое?—заволновался генералъ.—Японцы или наши? Надо же узнать... И потомъ... зачѣмъ насъ держатъ столько времени? Гдѣ комендантъ?

— Японцы съ восточной стороны обстрѣливаютъ!—доложилъ кто-то.

— Да... но... почему же насъ не отправляютъ? Что это за порядки? Стоимъ, стоимъ...

— Ваше превосходительство, мы ждемъ, пока уйдетъ санитарный поѣздъ,—онъ занимаетъ путь!

— Санитарный?.. Прекрасно... такъ вѣдь можно же его передвинуть... и потомъ, это поѣздъ представителей иностранныхъ армій, нашихъ гостей... они могутъ попасть подъ снаряды...

— Полковникъ Одинцовъ! Гдѣ полковникъ Одинцовъ?—кричалъ, врываясь въ вагонъ, пѣхотный генералъ-маіоръ въ забрызганномъ грязью сюртукѣ.

— Я здѣсь, ваше превосходительство!—отозвался въ углу молодой подполковникъ генеральнаго штаба.

— А-а! Вы здѣсь?! Что вы надѣлали?—грубо набросился на него генералъ.—Я васъ спрашиваю, что вы надѣлали?

— Ваше превосходительство, я прошу васъ на меня такъ не кричать! Я такой же офицеръ, какъ и вы!..

— Что-о? Такой же офицеръ? Вы позволяете себѣ грубить? Грубить мнѣ? Вы распоряжались отступленіемъ моихъ обозовъ? Вамъ было поручено это дѣло?

— Да, мнѣ, и это порученіе уже выполнено.

— Такъ гдѣ же мои вещи? Мои собственныя вещи? Чортъ возьми?! Мои чемоданы, саквояжи? Все это исчезло! Все пропало! Вѣдь тамъ были цѣнности! Понимаете вы? Цѣнности! Дорогія китайскія вещи! Шелки! Тамъ на тысячу рублей было вещей! Гдѣ все это? Гдѣ мои вещи, я васъ спрашиваю?!— въ бѣшенствѣ кричалъ, весь красный отъ злобы, генералъ и трясъ кулаками.

— Вы забываетесь!—въ тонъ ему отвѣчалъ вышедшій изъ терпѣнія, поблѣднѣвшій подполковникъ.—Я вамъ не слуга, не лакей и не деньщикъ, чтобы беречь ваши вещи! Я не виноватъ, что васъ нигдѣ не могли сыскать! Вы изволили бросить бригаду и ускакать раньше всѣхъ! Вы убѣжали! Я не обязанъ былъ удирать вмѣстѣ съ вами!

— Я убѣжалъ? Удралъ? Да какъ вы смѣете?! Да я васъ... невѣжа! Грубіянъ!

— Вы, генералъ, сами грубіянъ и невѣжа!

— Молча-ать!—заревѣлъ, взмахнувъ рукой, генералъ, но въ эту минуту одинъ изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ, сѣдоусый маіоръ, всталъ между подполковникомъ и генераломъ...

— Я вамъ это припомню!—задыхаясь, пригрозилъ генералъ и, тяжело пыхтя, попятился къ двери.

Вслѣдъ за нимъ вышли изъ вагона и иностранцы, съ нѣсколько смущенными лицами. Взволнованный подполковникъ потребовалъ себѣ содовой воды.

— Хе-хе-хе!—разразился мелкимъ, самодовольнымъ смѣшкомъ кавалерійскій генералъ.—Великолѣпная исторія! Хе-хе-хе-хе! Воображаю! Накупилъ для жены подарковъ, всякихъ тамъ шелковъ и вышивокъ, и вдругъ.. хе-хе-хе... Не улепетывай раньше времени! Хе-хе-хе... да! Не улепетывай, чортъ тебя возьми! Хе-хе-хе... А подполковникъ, хотя и молодъ, но молодецъ! Ей-Богу, молодецъ! Пью ваше здоровье, подполковникъ! Хе-хе-хе!..

Тотъ отвѣтилъ сухимъ поклономъ.

Когда, наконецъ, поѣздъ тронулся, лица у всѣхъ

оживились и просвѣтлѣли. На столикахъ появились всевозможныя бутылки; стали составляться компаніи собиравшихся достойнымъ образомъ вознаградить себя за тревоги и лишенія послѣднихъ дней.

Справа и слѣва медленно уходили назадъ товарные вагоны, переполненные ранеными. Санитарныхъ, хорошо приспособленныхъ поѣздовъ давно уже не хватало, и сотни раненыхъ валялись на грязномъ полу холодныхъ вагоновъ, въ которые, кромѣ раненыхъ, часто забирались нестроевые солдаты, желѣзнодорожные агенты, маркитанты...

Какой-то оборванный, похожій больше на арестанта или бродягу, стрѣлокъ, угрюмо глазѣвшій на уходившій поѣздъ, замѣтивъ подвязавшагося салфеткой генерала, вдругъ пригрозилъ ему кулакомъ, и сквозь толстое стекло окна долетѣло площадное ругательство.

По мѣрѣ того какъ замирали орудійные раскаты, провожавшіе поѣздъ, росло общее оживленіе, и вагонъ принималъ видъ бойкаго кабачка средней руки.

Забившись въ свободный уголъ вагона, я сталъ дремать подъ гулъ голосовъ.

Говорили о послѣднихъ событіяхъ, о генералѣ, изъ-за котораго, по мнѣнію многихъ, былъ проигранъ ляоянскій бой, пили здоровье его превосходительства, который смѣялся все чаще и раскатистѣе, ругали командировъ, сыпались сочные эпитеты, вродѣ „сволочи, прохвостовъ“, и я заснулъ уже подъ шумный тостъ и звонъ бокаловъ „во славу русскаго оружія“...

Была уже ночь, когда я проснулся отъ сильной ломоты въ тѣлѣ, и долгое время не могъ понять окружавшей меня обстановки.

Маленькая лампа тускло мерцала въ синеватомъ воздухѣ вагона, наполненнаго табачнымъ дымомъ. На стульяхъ и на полу, въ самыхъ невѣроятныхъ положеніяхъ, спали офицеры. На двухъ сдвинутыхъ вмѣстѣ столикахъ покоилось, свернутое калачикомъ, грузное

тѣло издававшаго богатырскій храпъ кавалерійскаго генерала. Повсюду стояли и валялись стаканы и пустыя бутылки. Пахло табакомъ, спиртомъ, потомъ и какой-то острой кислятиной.

Подъ лампой четверо офицеровъ сидѣли тѣснымъ кружкомъ за столикомъ и играли въ карты.

— Четвертной билетъ на—пэ! Пятьдесятъ на первое!

— Сколько у васъ въ банкѣ?

— Пока немного: приблизительно около четырехсотъ!

— Иду по банку, чортъ возьми мои калоши!—рѣшительно объявилъ молодой поручикъ въ разстегнутомъ мундирѣ.

— Ого! Сорвать желаете?—съ дѣланнымъ опасеніемъ замѣтилъ метавшій банкъ смуглый капитанъ и открылъ карту.

— Чортъ возьми мои калоши! Опять девятка?!

Поручикъ вынулъ бумажникъ, отсчиталъ деньги и бросилъ ихъ на столикъ.

Игра продолжалась. Поручикъ ставилъ, постоянно уменьшая ставки, выигрывалъ мелочь и проигрывалъ болѣе крупныя суммы. Игра шла большая, и азартъ увеличивался. Только банкометъ сохранялъ наружное спокойствіе. Больше всѣхъ волновался поручикъ: живое, выразительное лицо то блѣднѣло, то вспыхивало краской, свѣтлые глаза свѣтились возбужденно и жадно слѣдили за картами. Онъ часто хватался за бумажникъ, искалъ у себя въ карманахъ, то отходилъ отъ игры, то снова возвращался. Съ десяти рублей онъ перешелъ на пять и, наконецъ, поставилъ на карту смятую трехрублевую бумажку.

— Поручикъ! Что за мальчишество! Уберите эту мелочь!—презрительно крикнулъ банкометъ.—Нечего и соваться въ игру, если денегъ нѣтъ! Видите, кажется, какая игра?

Поручикъ вспыхнулъ и торопливо убралъ свою

зеленую кредитку. Замѣтивъ, что я не сплю, онъ быстро направился ко мнѣ и протянулъ руку съ зажатой бумажкой.

— Скажите: четный годъ на этой трешницѣ, или нечетный?

— Да къ чему это вамъ?

— Нѣтъ, вы только скажите! Мы не будемъ играть, понимаете? Это васъ ни къ чему не обязываетъ! Я просто такъ только загадалъ!

— А вамъ это очень нужно?

— Да-да! Я загадалъ! Ну, пожалуйста! Вѣдь вамъ это ровно ничего не стоитъ! Вы не игрокъ и не понимаете!

Онъ просилъ чуть ли не съ униженіемъ и мольбою въ голосѣ.

— Извольте: нечетный!

— Благодарю васъ!—пробормоталъ поручикъ и поспѣшилъ къ столику. Онъ тряхнулъ разстегнутымъ мундиромъ, потеръ грудь, провелъ рукой по головѣ, взъерошивъ курчавые, бѣлокурые волосы, и принялъ рѣшительный видъ. Дождавшись новой сдачи картъ, онъ искусственно - спокойнымъ, замѣтно дрожавшимъ голосомъ попросилъ банкомета дать ему карту. Тотъ исподлобья взглянулъ на него и проговорилъ съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ:

— Да у васъ, поручикъ, есть ли деньги-то? Меньше десяти рублей нѣтъ пріема!

— Прикажете вынуть?—съ аффектаціей спросилъ поручикъ и полѣзъ за бумажникомъ.

— Не безпокойтесь! Получите карту!—сухо отвѣчалъ капитанъ.

Игроки съ напряженными лицами, серьезно, словно произнося приговоръ, объявили свои ставки.

— А вы что ставите, поручикъ?

— Я?... Я иду ва-банкъ! — чуть внятно объявилъ поручикъ съ замирающимъ взглядомъ.

Игроки заволновались.

— Бросьте шутить! Неприлично!

— Вы не въ гарнизонномъ собраніи! Здѣсь игра идетъ крупная! Бросьте дурака валять!

— Только играть мѣшаете!

— Позвольте!—задыхаясь отъ волненія, возвысилъ голосъ поручикъ.—Позвольте! Я не шучу и попрошу и со мной не шутить! Мнѣ дана карта, и я объявляю свою игру! Да! Повторяю: я иду по банку!

Игроки переглянулись между собою и уставились на банкомета.

— Да вы знаете-ли, сколько въ банкѣ-то?—злобно спросилъ тотъ, глядя на поручика почти съ ненавистью.

— Я думаю, что не болѣе тысячи!

— Хорошо-съ! Позвольте, господа! Вопросъ слишкомъ серьезный! Мы сосчитаемъ!—рѣшилъ банкометъ.— Хотя у *порядочныхъ* людей это и не принято, но если остальные не будутъ противъ,—вы еще можете отказаться отъ карты! Но ужъ я васъ тогда покорнѣйше попрошу избавить насъ отъ вашего присутствія при игрѣ. Поняли?

— По-тру-ди-тесь сосчитать!

Начался счетъ; зашуршали бумажки, зазвенѣло золото. Лицо поручика покрылось испариной и подергивалось.

— Девятьсотъ девяносто! Поняли-съ, господинъ поручикъ?

— Понялъ, господинъ капитанъ!

— Идете по банку?

— Иду по банку!

— Хорошо-съ! Но ужъ вы извините и потрудитесь положить деньги на столъ.

— Капитанъ! Вы не довѣряете? Слушайте! Я вѣдь не пьянъ! Я вамъ даю честное слово офицера...

— Ну, это мы слыхали! Тутъ, батенька мой, этихъ

— Какъ зачѣмъ? Вотъ такъ фунтъ! Зачѣмъ сюда сотни, да что сотни, —тысячи нашего брата сюда поскакали? Помилуйте! Война—кому война, а кому и выходъ на просторъ! Единственный, можетъ быть, выходъ! Это вѣдь ставка! И еще какая крупная ставка! Тутъ вѣдь на поверхность выплыть можно! Отыграться, такъ сказать, за прежніе проигрыши, да еще кушъ сорвать порядочный! Конечно, тутъ, такъ сказать, гамлетовское положеніе: „быть или не быть"! На щитѣ либо со щитомъ! Такъ вѣдь, по крайней мѣрѣ, игра свѣчъ стоитъ! О! Война—великая вещь! Я вотъ двоихъ знаю! Одинъ пограничной стражи штабъ-ротмистръ Яковенко! Понимаете, на западной границѣ служилъ! Ну, проворовался, значитъ, хватилъ здорово, да по глупости или жадности начальника ближайшаго обидѣлъ,—не подѣлился, стало быть! Ну—подъ судъ, выперли со службы. Шатался безъ дѣла, въ какомъ-то паршивомъ листкѣ репортеромъ околачивался, чуть ли не въ вышибалы попалъ въ заведеніе! А началась война, сейчасъ на высочайшее имя накаталъ, опредѣлился, съ начальствомъ „какъ слѣдуетъ" переговорилъ и теперь уже за отличіе къ ордену и производству представленъ! Да-съ, вотъ вамъ и война! А ротмистръ Толкачевъ? Знаете, можетъ быть? Хромаетъ на одну ногу, при главной квартирѣ все болтается, да шампанское глушитъ... Ну вотъ, этотъ самый! Понимаете? Форменный червонный валетъ! Фальшивыми рублями въ орлянку игралъ, подложнымъ путемъ чужое имѣніе продалъ, въ тюрьмѣ сидѣлъ, какія-то акціи выпускалъ—то-есть артистъ девяносто шестой пробы, изъ-подъ темной звѣзды, что называется! А вѣдь вотъ втерся тутъ, на войнѣ, присосался къ одной персонѣ важной, ну и вынырнулъ! Да еще какъ вынырнулъ-то! Ловкачъ! Тутъ одинъ докторъ изобрѣлъ „карманное мясо" для арміи... говорили, что великолѣпная вещь. Всю армію предлагалъ этимъ мясомъ снабдить! Да-съ, а только подрядчикамъ это не понравилось: подрывъ

огромный выходитъ! Толкачевъ это смекнулъ, сговорился, съ кѣмъ слѣдуетъ, подпоилъ какъ-то этого доктора, а докторъ любитель-таки выпить,—ну и заставилъ его подписать какое-то условіе. Потомъ оказалось, что всѣ свои права докторъ не то греку, не то еврею-подрядчику за пустяковыя деньги продалъ! А Толкачевъ, говорятъ, нѣсколько тысячъ въ карманъ положилъ! И вотъ увидите, съ деньгами и съ орденомъ въ Россію вернется! Да мало ли тутъ такихъ, которыхъ эта война изъ петли вытащитъ? Для того многіе сюда и переводятся изъ Россіи! Вотъ начальники транспортовъ пользуются полномочіемъ командировъ отдѣльныхъ частей и громадные капиталы наживаютъ! Вѣдь тутъ какая игра крупная идетъ! Откуда офицеру взять денегъ? Вѣдь намъ же гроши платятъ! Вотъ я тоже такъ думалъ! Война! Послѣдній шансъ! Либо панъ, либо пропалъ! А вотъ везти—не везетъ!

— Ну, а если бы вамъ повезло и вы бы выиграли солидный кушъ?

— Чортъ его знаетъ, чтò бы я тогда дѣлалъ!.. Самъ хорошенько не знаю! Пожилъ бы, чортъ возьми мои калоши, что называется, во всю, а потомъ, значитъ, на смарку, изъ списка вонъ!

— Сгорѣть? Сжечь жизнь, такъ, что-ли?

— А хоть бы и такъ? Не ахти ужъ дорогà эта самая жизнь!

— Такъ почему же вы не идете въ строй? На передовыя позиціи?

— Почему?.. Видите-ли, это вопросъ весьма сложный... Пожалуй, будь другой на моемъ мѣстѣ... ну, да что тутъ!.. Я не стану говорить о чести мундира и такъ далѣе! Я игрокъ, правда! По всѣмъ даннымъ—пропащій человѣкъ! Но все-таки я еще не все пропилъ... Честь офицера, мундиръ—все это вздоръ! Для меня это только футляръ, въ которомъ я хожу! Такъ сказать, билетъ на право входа въ игорный залъ! Снимутъ съ меня мун-

диръ, и моя игра кончена! Да и не я одинъ прикрываюсь этимъ футляромъ! Сотни форменныхъ негодяевъ щеголяютъ въ немъ, и ихъ считаютъ за порядочныхъ людей! Да и они сами себя таковыми считаютъ! Я, по крайней мѣрѣ, не кокетничаю въ благородство! Я вотъ проигралъ сейчасъ казенныя деньги! Да! Правда, проигралъ! Ну, отдадутъ меня подъ судъ и все прочее!.. Нѣтъ у меня заручки... ну, значитъ, не вывернусь, ошельмуютъ! Такъ вѣдь я проигралъ! А вѣдь я знаю людей въ такомъ же футлярѣ, которые воруютъ, грабятъ самымъ что ни есть форменнымъ образомъ! Среди бѣла дня обираютъ казну, обираютъ солдата, наживаютъ состоянія, и ихъ никто не обвиняетъ въ растратѣ, ихъ не отдаютъ подъ судъ!! Мало того! Они дождутся конца войны, получатъ ордена и повышенія, вернутся въ Россію героями и кавалерами, выйдутъ въ отставку и станутъ себѣ жить въ свое удовольствіе на наворованныя, награбленныя деньги! Понимаете? И это все прикрыто мундиромъ и офицерской честью?! Чортъ возьми мои калоши, я вамъ говорю: всѣ воруютъ! Да-а! А надъ этими ворами имѣются и начальники, которые все это видятъ, все это знаютъ, но ни черта не могутъ подѣлать! Потому что они сами такъ же грабятъ, такъ же воруютъ и прикрываются такимъ же мундиромъ и честью! Если это и не оправданіе для меня, такъ все-таки это правда! А только эту правду не всякій вамъ скажетъ!

Раздался продолжительный свистокъ паровоза.

— Наконецъ-то!—обрадовался поручикъ:—и напьюсь же я нынче—до китайскаго гроба! Ей-Богу! Знаете, что это значитъ? Это у насъ одинъ этапный комендантъ недавно три дня „плавалъ“, что называется, во всю, а на четвертый день уже желудокъ взбунтовался—ничего не принимаетъ! Хватилъ онъ тогда основательно этого самаго китайскаго ханшину да и велѣлъ принести китайскій гробъ, красный, съ разводами! Легъ въ гробъ

послалъ переводчика за бонзами,—пускай, дескать, отпѣваютъ! Ей-Богу, правда! Китайцы тогда чуть не съ трехъ деревень на него смотрѣть приходили! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ у насъ и пошло это самое „напиться до китайскаго гроба"! Эхма! До того ли еще допьешься!

Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился.

. . . .

Едва затихли ляоянскіе громы и отступившая армія стала стягиваться къ Мукдену, какъ офицеры цѣлыми партіями начали устремляться на сѣверъ, одни—для леченія, другіе—просто, чтобы отдохнуть послѣ почти двухнедѣльной тровоги и „встряхнуться". Кому удалось заручиться отпускомъ или свидѣтельствомъ о болѣзни, тѣ ѣхали въ Харбинъ—эту скороспѣлую столицу и Вавилонъ Маньчжуріи, изобиловавшій всевозможными развлеченіями и кокотками. Менѣе счастливые просто „удирали" подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ въ Телинъ, этотъ первый этапъ тыла арміи.

Послѣ юга и жизни на позиціяхъ, этотъ маленькій, бѣдный и грязный китайскій городокъ производилъ впечатлѣніе почти мирнаго времени.

Здѣсь значительно рѣже попадались начальствующія лица, почти отсутствовали офицеры генеральнаго штаба, франтоватые штабные адъютанты и прочіе представители армейской „аристократіи". Вмѣсто боевой тревоги и напряженнаго ожиданія, здѣсь во всемъ сказывались произволъ и безпечность. Отъ станціи до самыхъ городскихъ воротъ тянулись разнокалиберные кабаки подъ громкимъ именемъ „ресторановъ". На убогомъ китайскомъ базарѣ можно было встрѣтить сестеръ милосердія, за которыми слѣдовали санитары съ корзинками въ рукахъ. Повсюду лѣниво бродили солдаты, полуоборванные, одичавшіе, одѣтые не по формѣ и безъ оружія. Они сильно напоминали выпущенныхъ изъ тюрьмы арестантовъ... „Русская слобода", гдѣ сосредоточивались, по обыкновенію, кабаки и публичные

домъ, кишѣла пестрой толпой. Тутъ было мно
офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, толкавшихся
видимому, безъ всякаго дѣла. Между ними часто
дались знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ
Вафангоо, въ Ляоянѣ или на позиціяхъ... Оче
гіе изъ нихъ были легко ранены или просто конт
въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ н
момъ „періодѣ выздоровленія“, которое оказ
часто весьма растяжимымъ понятіемъ. У боль
давно закрылись раны и были позабыты конт
имъ удавалось „выздоравливать“ недѣлями,
и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможн
теряли даромъ времени, переходили изъ-по
вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличны
брали авансы, должали и нерѣдко, въ вид
попадали на лазаретную койку, но уже не о
тельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безшабаш
ства, доходившаго до бѣлой горячки. Разру
дѣятельности кабаковъ усердно помогали я
ные притоны, „китайскіе“ публичные дома, с
обыкновенно, либо бывшимъ солдатомъ изъ
либо предпріимчивымъ грекомъ или
Сотни полуголодныхъ, заморенныхъ лишен
жизни пропивали здѣсь послѣдній грош
остатки силъ и здоровья и уходили отск
ные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во
тонахъ гнѣздилась повальная „сифилити

Примѣру офицеровъ слѣдовали и сол
Они всевозможными способами уклон
вращенія въ строй, чему не мало содѣй
ходившія съ юга вѣсти о постоянныхъ
отступленіяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной кол
и службы, они скоро забывали о суро
сциплинѣ и долгѣ, утрачивали челов
постепенно превращались въ буйныхъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаоляннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса".

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ".

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

дома, кишѣла пестрой толпой. Тутъ было множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, толкавшихся, повидимому, безъ всякаго дѣла. Между ними часто попадались знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ подъ Вафангоо, въ Ляоянѣ или на позиціяхъ... Очень многіе изъ нихъ были легко ранены или просто контужены въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ называемомъ „періодѣ выздоровленія“, которое оказывалось часто весьма растяжимымъ понятіемъ. У большинства давно закрылись раны и были позабыты контузіи, но имъ удавалось „выздоравливать“ недѣлями, а иногда и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможностью, не теряли даромъ времени, переходили изъ-подъ одной вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличныя деньги, брали авансы, должали и нерѣдко, въ видѣ финала, попадали на лазаретную койку, но уже не отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безшабашнаго пьянства, доходившаго до бѣлой горячки. Разрушительной дѣятельности кабаковъ усердно помогали явные и тайные притоны, „китайскіе“ публичные дома, содержимые, обыкновенно, либо бывшимъ солдатомъ изъ нестроевыхъ, либо предпріимчивымъ грекомъ или армяниномъ. Сотни полуголодныхъ, заморенныхъ лишеніями боевой жизни пропивали здѣсь послѣдній грошъ, оставляли остатки силъ и здоровья и уходили отсюда зараженные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во многихъ притонахъ гнѣздилась повальная „сифилитическая жаба...

Примѣру офицеровъ слѣдовали и солдаты.

Они всевозможными способами уклонялись отъ возвращенія въ строй, чему не мало содѣйствовали приходившія съ юга вѣсти о постоянныхъ пораженіяхъ и отступленіяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной колеи боевой жизни и службы, они скоро забывали о суровой воинской дисциплинѣ и долгѣ, утрачивали человѣческій обликъ и постепенно превращались въ буйныхъ праздношатаевъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаоляннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса“.

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ“.

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

дома, кишѣла пестрой толпой. Тутъ было множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружiя, толкавшихся, повидимому, безъ всякаго дѣла. Между ними часто попадались знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ подъ Вафангоо, въ Ляоянѣ или на позицiяхъ... Очень многiе изъ нихъ были легко ранены или просто контужены въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ называемомъ „перiодѣ выздоровленiя", которое оказывалось часто весьма растяжимымъ понятiемъ. У большинства давно закрылись раны и были позабыты контузiи, но имъ удавалось „выздоравливать" недѣлями, а иногда и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможностью, не теряли даромъ времени, переходили изъ-подъ одной вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличныя деньги, брали авансы, должали и нерѣдко, въ видѣ финала, попадали на лазаретную койку, но уже не отъ непрiятельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безшабашнаго пьянства, доходившаго до бѣлой горячки. Разрушительной дѣятельности кабаковъ усердно помогали явные и тайные притоны, „китайскiе" публичные дома, содержимые, обыкновенно, либо бывшимъ солдатомъ изъ нестроевыхъ, либо предпрiимчивымъ грекомъ или армяниномъ. Сотни полуголодныхъ, заморенныхъ лишенiями боевой жизни пропивали здѣсь послѣднiй грошъ, оставляли остатки силъ и здоровья и уходили отсюда зараженные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во многихъ притонахъ гнѣздилась повальная „сифилитическая жаба...

Примѣру офицеровъ слѣдовали и солдаты.

Они всевозможными способами уклонялись отъ возвращенiя въ строй, чему не мало содѣйствовали приходившiя съ юга вѣсти о постоянныхъ пораженiяхъ и отступленiяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной колеи боевой жизни и службы, они скоро забывали о суровой воинской дисциплинѣ и долгѣ, утрачивали человѣческiй обликъ и постепенно превращались въ буйныхъ праздношатаевъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаоляннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса“.

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ“.

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

дома, кишѣла пестрой толпой. Тутъ было множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, толкавшихся, повидимому, безъ всякаго дѣла. Между ними часто попадались знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ подъ Вафангоо, въ Ляоянѣ или на позиціяхъ... Очень многіе изъ нихъ были легко ранены или просто контужены въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ называемомъ „періодѣ выздоровленія", которое оказывалось часто весьма растяжимымъ понятіемъ. У большинства давно закрылись раны и были позабыты контузіи, но имъ удавалось „выздоравливать" недѣлями, а иногда и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможностью, не теряли даромъ времени, переходили изъ-подъ одной вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличныя деньги, брали авансы, должали и нерѣдко, въ видѣ финала, попадали на лазаретную койку, но уже не отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безшабашнаго пьянства, доходившаго до бѣлой горячки. Разрушительной дѣятельности кабаковъ усердно помогали явные и тайные притоны, „китайскіе" публичные дома, содержимые, обыкновенно, либо бывшимъ солдатомъ изъ нестроевыхъ, либо предпріимчивымъ грекомъ или армяниномъ. Сотни полуголодныхъ, заморенныхъ лишеніями боевой жизни пропивали здѣсь послѣдній грошъ, оставляли остатки силъ и здоровья и уходили отсюда зараженные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во многихъ притонахъ гнѣздилась повальная „сифилитическая жаба...

Примѣру офицеровъ слѣдовали и солдаты.

Они всевозможными способами уклонялись отъ возвращенія въ строй, чему не мало содѣйствовали приходившія съ юга вѣсти о постоянныхъ пораженіяхъ и отступленіяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной колеи боевой жизни и службы, они скоро забывали о суровой воинской дисциплинѣ и долгѣ, утрачивали человѣческій обликъ и постепенно превращались въ буйныхъ праздношатаевъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаолylяннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса“.

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ“.

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

диръ, и моя игра кончена! Да и не я одинъ прикрываюсь этимъ футляромъ! Сотни форменныхъ негодяевъ щеголяютъ въ немъ, и ихъ считаютъ за порядочныхъ людей! Да и они сами себя таковыми считаютъ! Я, по крайней мѣрѣ, не кокетничаю въ благородство! Я вотъ проигралъ сейчасъ казенныя деньги! Да! Правда, проигралъ! Ну, отдадутъ меня подъ судъ и все прочее!.. Нѣтъ у меня заручки... ну, значитъ, не вывернусь, ошельмуютъ! Такъ вѣдь я проигралъ! А вѣдь я знаю людей въ такомъ же футлярѣ, которые воруютъ, грабятъ самымъ что ни есть форменнымъ образомъ! Среди бѣла дня обираютъ казну, обираютъ солдата, наживаютъ состоянія, и ихъ никто не обвиняетъ въ растратѣ, ихъ не отдаютъ подъ судъ!! Мало того! Они дождутся конца войны, получатъ ордена и повышенія, вернутся въ Россію героями и кавалерами, выйдутъ въ отставку и станутъ себѣ жить въ свое удовольствіе на наворованныя, награбленныя деньги! Понимаете? И это все прикрыто мундиромъ и офицерской честью?! Чортъ возьми мои калоши, я вамъ говорю: всѣ воруютъ! Да-а! А надъ этими ворами имѣются и начальники, которые все это видятъ, все это знаютъ, но ни черта не могутъ подѣлать! Потому что они сами такъ же грабятъ, такъ же воруютъ и прикрываются такимъ же мундиромъ и честью! Если это и не оправданіе для меня, такъ все-таки это правда! А только эту правду не всякій вамъ скажетъ!

Раздался продолжительный свистокъ паровоза.

— Наконецъ-то!—обрадовался поручикъ:—и напьюсь же я нынче—до китайскаго гроба! Ей-Богу! Знаете, что это значитъ? Это у насъ одинъ этапный комендантъ недавно три дня „плавалъ", что называется, во всю, и на четвертый день уже желудокъ взбунтовался—ничего не принимаетъ! Хватилъ онъ тогда основательно этого самаго китайскаго ханшину да и велѣлъ принести китайскій гробъ, красный, съ разводами! Легъ въ гробъ и

послалъ переводчика за бонзами,—пускай, дескать, отпѣваютъ! Ей-Богу, правда! Китайцы тогда чуть не съ трехъ деревень на него смотрѣть приходили! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ у насъ и пошло это самое „напиться до китайскаго гроба"! Эхма! До того ли еще допьешься!

Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился.

. . . .

Едва затихли ляоянскіе громы и отступившая армія стала стягиваться къ Мукдену, какъ офицеры цѣлыми партіями начали устремляться на сѣверъ, одни—для леченія, другіе—просто, чтобы отдохнуть послѣ почти двухнедѣльной тровоги и „встряхнуться". Кому удалось заручиться отпускомъ или свидѣтельствомъ о болѣзни, тѣ ѣхали въ Харбинъ—эту скороспѣлую столицу и Вавилонъ Маньчжуріи, изобиловавшій всевозможными развлеченіями и кокотками. Менѣе счастливые просто „удирали" подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ въ Телинъ, этотъ первый этапъ тыла арміи.

Послѣ юга и жизни на позиціяхъ, этотъ маленькій, бѣдный и грязный китайскій городокъ производилъ впечатлѣніе почти мирнаго времени.

Здѣсь значительно рѣже попадались начальствующія лица, почти отсутствовали офицеры генеральнаго штаба, франтоватые штабные адъютанты и прочіе представители армейской „аристократіи". Вмѣсто боевой тревоги и напряженнаго ожиданія, здѣсь во всемъ сказывались произволъ и безпечность. Отъ станціи до самыхъ городскихъ воротъ тянулись разнокалиберные кабаки подъ громкимъ именемъ „ресторановъ". На убогомъ китайскомъ базарѣ можно было встрѣтить сестеръ милосердія, за которыми слѣдовали санитары съ корзинками въ рукахъ. Повсюду лѣниво бродили солдаты, полуоборванные, одичавшіе, одѣтые не по формѣ и безъ оружія. Они сильно напоминали выпущенныхъ изъ тюрьмы арестантовъ... „Русская слобода", гдѣ сосредоточивались, по обыкновенію, кабаки и публичные

[illegible] Тутъ было множество [illegible] всѣхъ родовъ оружія, толкавшихся, по[illegible] безъ всякаго дѣла. Между ними часто попа[illegible] знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ подъ [illegible] въ Ляоянѣ или на позиціяхъ... Очень многіе изъ нихъ были легко ранены или просто контужены въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ называемомъ „періодѣ выздоровленія“, которое сказывалось часто весьма растяжимымъ понятіемъ. У большинства давно зажили раны и были позабыты контузіи, но имъ удавалось „выздоравливать“ недѣлями, а иногда и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможностью, не теряли даромъ времени, переходили изъ-подъ одной вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличныя деньги, брали взаймы, должали и вертѣлись, въ видѣ финала, попадали на гауптвахту, но уже не отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безпробуднаго пьянства, доходившаго до бѣлой горячки. Разрушительной дѣятельности кабаковъ усердно помогали явные и тайные притоны, „китайскіе“ публичные дома, содержимые обыкновенно либо бывшимъ солдатомъ изъ нестроевыхъ, либо предпріимчивымъ грекомъ или армяниномъ. Сотни полуголодныхъ, замученныхъ лишеніями боевой жизни пропивали здѣсь послѣдній грошъ, оставляли остатки силъ и здоровья и уходили отсюда зараженные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во многихъ притонахъ гнѣздилась повальная „сифилитическая жаба“...

Примѣру офицеровъ слѣдовали и солдаты.

Они всевозможными способами уклонялись отъ возвращенія въ строй, чему не мало содѣйствовали приходившія съ юга вѣсти о постоянныхъ пораженіяхъ и отступленіяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной колеи боевой жизни и службы, они скоро забывали о суровой воинской дисциплинѣ и долгѣ, утрачивали человѣческій обликъ и постепенно превращались въ буйныхъ праздношатаевъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаоляннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса“.

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ“.

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

дома, кишѣла пестрой толпой. Тутъ было множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, толкавшихся, повидимому, безъ всякаго дѣла. Между ними часто попадались знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ подъ Вафангоо, въ Ляоянѣ или на позиціяхъ... Очень многіе изъ нихъ были легко ранены или просто контужены въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ называемомъ „періодѣ выздоровленія", которое оказывалось часто весьма растяжимымъ понятіемъ. У большинства давно закрылись раны и были позабыты контузіи, но имъ удавалось „выздоравливать" недѣлями, а иногда и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможностью, не теряли даромъ времени, переходили изъ-подъ одной вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличныя деньги, брали авансы, должали и нерѣдко, въ видѣ финала, попадали на лазаретную койку, но уже не отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безшабашнаго пьянства, доходившаго до бѣлой горячки. Разрушительной дѣятельности кабаковъ усердно помогали явные и тайные притоны, „китайскіе" публичные дома, содержимые, обыкновенно, либо бывшимъ солдатомъ изъ нестроевыхъ, либо предпріимчивымъ грекомъ или армяниномъ. Сотни полуголодныхъ, заморенныхъ лишеніями боевой жизни пропивали здѣсь послѣдній грошъ, оставляли остатки силъ и здоровья и уходили отсюда зараженные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во многихъ притонахъ гнѣздилась повальная „сифилитическая жаба...

Примѣру офицеровъ слѣдовали и солдаты.

Они всевозможными способами уклонялись отъ возвращенія въ строй, чему не мало содѣйствовали приходившія съ юга вѣсти о постоянныхъ пораженіяхъ и отступленіяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной колеи боевой жизни и службы, они скоро забывали о суровой воинской дисциплинѣ и долгѣ, утрачивали человѣческій обликъ и постепенно превращались въ буйныхъ праздношатаевъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаоляннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса“.

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ“.

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

зеленую кредитку. Замѣтивъ, что я не сплю, онъ быстро направился ко мнѣ и протянулъ руку съ зажатой бумажкой.

— Скажите: четный годъ на этой трешницѣ, или нечетный?

— Да къ чему это вамъ?

— Нѣтъ, вы только скажите! Мы не будемъ играть, понимаете? Это васъ ни къ чему не обязываетъ! Я просто такъ только загадалъ!

— А вамъ это очень нужно?

— Да-да! Я загадалъ! Ну, пожалуйста! Вѣдь вамъ это ровно ничего не стоитъ! Вы не игрокъ и не понимаете!

Онъ просилъ чуть ли не съ униженіемъ и мольбою въ голосѣ.

— Извольте: нечетный!

— Благодарю васъ!—пробормоталъ поручикъ и поспѣшилъ къ столику. Онъ тряхнулъ разстегнутымъ мундиромъ, потеръ грудь, провелъ рукой по головѣ, взъерошивъ курчавые, бѣлокурые волосы, и принялъ рѣшительный видъ. Дождавшись новой сдачи картъ, онъ искусственно-спокойнымъ, замѣтно дрожавшимъ голосомъ попросилъ банкомета дать ему карту. Тотъ исподлобья взглянулъ на него и проговорилъ съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ:

— Да у васъ, поручикъ, есть ли деньги-то? Меньше десяти рублей нѣтъ пріема!

— Прикажете вынуть?—съ аффектаціей спросилъ поручикъ и полѣзъ за бумажникомъ.

— Не безпокойтесь! Получите карту!—сухо отвѣчалъ капитанъ.

Игроки съ напряженными лицами, серьезно, словно произнося приговоръ, объявили свои ставки.

— А вы что ставите, поручикъ?

— Я?... Я иду ва-банкъ! — чуть внятно объявилъ поручикъ съ замирающимъ взглядомъ.

Игроки заволновались.

— Бросьте шутить! Неприлично!

— Вы не въ гарнизонномъ собраніи! Здѣсь игра идетъ крупная! Бросьте дурака валять!

— Только играть мѣшаете!

— Позвольте!—задыхаясь отъ волненія, возвысилъ голосъ поручикъ.—Позвольте! Я не шучу и попрошу и со мной не шутить! Мнѣ дана карта, и я объявляю свою игру! Да! Повторяю: я иду по банку!

Игроки переглянулись между собою и уставились на банкомета.

— Да вы знаете-ли, сколько въ банкѣ-то?—злобно спросилъ тотъ, глядя на поручика почти съ ненавистью.

— Я думаю, что не болѣе тысячи!

— Хорошо-съ! Позвольте, господа! Вопросъ слишкомъ серьезный! Мы сосчитаемъ!—рѣшилъ банкометъ.— Хотя у *порядочныхъ* людей это и не принято, но если остальные не будутъ противъ,—вы еще можете отказаться отъ карты! Но ужъ я васъ тогда покорнѣйше попрошу избавить насъ отъ вашего присутствія при игрѣ. Поняли?

— По-тру-ди-тесь сосчитать!

Начался счетъ; зашуршали бумажки, зазвенѣло золото. Лицо поручика покрылось испариной и подергивалось.

— Девятьсотъ девяносто! Поняли-съ, господинъ поручикъ?

— Понялъ, господинъ капитанъ!

— Идете по банку?

— Иду по банку!

— Хорошо-съ! Но ужъ вы извините и потрудитесь положить деньги на столъ.

— Капитанъ! Вы не довѣряете? Слушайте! Я вѣдь не пьянъ! Я вамъ даю честное слово офицера...

— Ну, это мы слыхали! Тутъ, батенька мой, этихъ

самыхъ честныхъ офицерскихъ словъ по всей Маньчжуріи не соберешь!

— Извольте! Я исполню ваше требованіе, но попрошу сейчасъ же и метать!

Поручикъ вынулъ изъ бумажника сложенный вчетверо листъ и швырнулъ его капитану. Тотъ хладнокровно развернулъ его, поднесъ ближе къ свѣту и внимательно просмотрѣлъ.

— Гм-да! Ассигновка на тысячу рублей... значитъ... это не ваши деньги?

— Да вѣдь я не интересуюсь, какими деньгами вы играете, капитанъ?

— Оно, конечно, такъ...—пробормоталъ капитанъ и съ безпокойствомъ оглянулся.—Хорошо-съ! Игра сдѣлана! Начинаю!

Я вышелъ на площадку вагона. Было темно, холодно, и моросилъ дождь. Поѣздъ двигался медленно, какъ бы ощупывая путь. Хлопнула дверь, кто-то вышелъ изъ вагона, чиркнулъ спичкой и закурилъ папиросу. Я узналъ поручика въ разстегнутомъ мундирѣ.

— А вѣдь я проигралъ!—нервически засмѣявшись, проговорилъ онъ.—И тѣ десять, что оставались, тоже проигралъ! Тысячу цѣлковыхъ, да рублей шестьсотъ раньше...

Онъ помолчалъ немного, усиленно затягиваясь папиросой, и снова заговорилъ, торопливо, взволнованно, не спрашивая меня, не дожидаясь отвѣтовъ; видимо, онъ былъ охваченъ сильной потребностью дать какой-либо исходъ своему возбужденному состоянію.

— А чортъ съ ними! Да не все ли равно? Ну, выигралъ бы тысячу и спустилъ бы ее снова! Тутъ же, за этимъ столикомъ, этому же самому старому капитану! Разъ не везетъ, такъ ужъ кончено! Досадно, что выпить нечего! Вы думаете: зачѣмъ я игралъ, если не везетъ? да? Но вѣдь надо же какъ-нибудь жить! Другіе

вотъ могутъ жить безъ игры, а я вотъ не могу! По-моему, вся жизнь—одна игра! По крайней мѣрѣ, я такъ на свою жизнь смотрю! Я и въ жизни тоже неудачный игрокъ! Адски не везетъ человѣку, чортъ возьми мои калоши! Въ Ляоянѣ забралъ впередъ жалованье! Играть началъ... Сперва повезло, какъ утопленнику, а потомъ все спустилъ до копеечки! Нѣтъ человѣку счастья, и кончено! Тѣ-то деньги хоть свои были, а эта тысяча—казенная!

— Какъ же вы выпутаетесь?

— Какъ? Да никакъ! Нечего и выпутываться, коли въ такую калошу сѣлъ! Вотъ ужъ именно „кажинный разъ на этомъ самомъ мѣстѣ“! Судьба, дурацкая, нелѣпѣйшая судьба! Вы думаете, я это зря говорю! Я дуракъ? Самъ, дескать, виноватъ? Я знаю, не разъ мнѣ это говорили! Нельзя, молъ, винить судьбу, если самъ для своего счастья ни черта не дѣлаешь!.. Ха-ха-ха! Знаю я эту пѣсню! Да что-о!... Дѣлалъ я! Пробовалъ! Только ни черта не выходитъ! Учиться тоже пробовалъ: на юридическомъ былъ,—не выгорѣло, запустилъ какъ-то, потомъ и не догнать было. Семейная неурядица пошла... отецъ по акцизу служилъ, почти до пенсіи дослужился, да угораздило его какъ-то казенныя деньги растратить,—подъ судъ отдали... ну хватилъ его кондрашка, и конченъ балъ, а семья по міру, значитъ. Сестра въ актрисы пошла, съ трагикомъ какимъ-то спуталась... теперь не то экономкой служитъ, не то въ какой-то „Ливадіи“ цвѣты и лимонадъ продаетъ... самъ не знаю хорошенько! Служить пробовалъ—та же музыка! Съ девяти до шести стулъ полировалъ за тридцать цѣлковыхъ! Не то баринъ, не то нищій, такъ—середка на половинкѣ, больше пьянъ, чѣмъ сытъ! Ну, пошелъ по военной! Тоже сволочь порядочная! Къ счастью, война эта нагрянула! Моментально, значитъ, сюда! Самъ выпросился, полетѣлъ!

— Зачѣмъ же, собственно, вы такъ „полетѣли“?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ такъ фунтъ! Зачѣмъ сюда сотни, да что сотни, —тысячи нашего брата сюда поскакали? Помилуйте! Война—кому война, а кому и выходъ на просторъ! Единственный, можетъ быть, выходъ! Это вѣдь ставка! И еще какая крупная ставка! Тутъ вѣдь на поверхность выплыть можно! Отыграться, такъ сказать, за прежніе проигрыши, да еще кушъ сорвать порядочный! Конечно, тутъ, такъ сказать, гамлетовское положеніе: „быть или не быть“! На щитѣ либо со щитомъ! Такъ вѣдь, по крайней мѣрѣ, игра свѣчъ стоитъ! О! Война—великая вещь! Я вотъ двоихъ знаю! Одинъ пограничной стражи штабъ-ротмистръ Яковенко! Понимаете, на западной границѣ служилъ! Ну, проворовался, значитъ, хватилъ здорово, да по глупости или жадности начальника ближайшаго обидѣлъ,—не подѣлился, стало быть! Ну—подъ судъ, выперли со службы. Шатался безъ дѣла, въ какомъ-то паршивомъ листкѣ репортеромъ околачивался, чуть ли не въ вышибалы попалъ въ заведеніе! А началась война, сейчасъ на высочайшее имя накаталъ, опредѣлился, съ начальствомъ „какъ слѣдуетъ“ переговорилъ и теперь уже за отличіе къ ордену и производству представленъ! Да-съ, вотъ вамъ и война! А ротмистръ Толкачевъ? Знаете, можетъ быть? Хромаетъ на одну ногу, при главной квартирѣ все болтается, да шампанское глушитъ... Ну вотъ, этотъ самый! Понимаете? Форменный червонный валетъ! Фальшивыми рублями въ орлянку игралъ, подложнымъ путемъ чужое имѣніе продалъ, въ тюрьмѣ сидѣлъ, какія-то акціи выпускалъ—то-есть артистъ девяносто шестой пробы, изъ-подъ темной звѣзды, что называется! А вѣдь вотъ втерся тутъ, на войнѣ, присосался къ одной персонѣ важной, ну и вынырнулъ! Да еще какъ вынырнулъ-то! Ловкачъ! Тутъ одинъ докторъ изобрѣлъ „карманное мясо“ для арміи... говорили, что великолѣпная вещь... Всю армію предлагалъ этимъ мясомъ снабдить! Да-съ, а только подрядчикамъ это не понравилось: подрывъ

огромный выходитъ! Толкачевъ это смекнулъ, сговорился, съ кѣмъ слѣдуетъ, подпоилъ какъ-то этого доктора, а докторъ любитель-таки выпить,—ну и заставилъ его подписать какое-то условіе. Потомъ оказалось, что всѣ свои права докторъ не то греку, не то еврею-подрядчику за пустяковыя деньги продалъ! А Толкачевъ, говорятъ, нѣсколько тысячъ въ карманъ положилъ! И вотъ увидите, съ деньгами и съ орденомъ въ Россію вернется! Да мало ли тутъ такихъ, которыхъ эта война изъ петли вытащитъ? Для того многіе сюда и переводятся изъ Россіи! Вотъ начальники транспортовъ пользуются полномочіемъ командировъ отдѣльныхъ частей и громадные капиталы наживаютъ! Вѣдь тутъ какая игра крупная идетъ! Откуда офицеру взять денегъ? Вѣдь намъ же гроши платятъ! Вотъ я тоже такъ думалъ! Война! Послѣдній шансъ! Либо панъ, либо пропалъ! А вотъ везти—не везетъ!

— Ну, а если бы вамъ повезло и вы бы выиграли солидный кушъ?

— Чортъ его знаетъ, чтò бы я тогда дѣлалъ!.. Самъ хорошенько не знаю! Пожилъ бы, чортъ возьми мои калоши, что называется, во всю, а потомъ, значитъ, на смарку, изъ списка вонъ!

— Сгорѣть? Сжечь жизнь, такъ, что-ли?

— А хоть бы и такъ? Не ахти ужъ дорогà эта самая жизнь!

— Такъ почему же вы не идете въ строй? На передовыя позиціи?

— Почему?.. Видите-ли, это вопросъ весьма сложный... Пожалуй, будь другой на моемъ мѣстѣ... ну, да что тутъ!.. Я не стану говорить о чести мундира и такъ далѣе! Я игрокъ, правда! По всѣмъ даннымъ—пропащій человѣкъ! Но все-таки я еще не все пропилъ... Честь офицера, мундиръ—все это вздоръ! Для меня это только футляръ, въ которомъ я хожу! Такъ сказать, билетъ на право входа въ игорный залъ! Снимутъ съ меня мун-

диръ, и моя игра кончена! Да и не я одинъ прикрываюсь этимъ футляромъ! Сотни форменныхъ негодяевъ щеголяютъ въ немъ, и ихъ считаютъ за порядочныхъ людей! Да и они сами себя таковыми считаютъ! Я, по крайней мѣрѣ, не кокетничаю въ благородство! Я вотъ проигралъ сейчасъ казенныя деньги! Да! Правда, проигралъ! Ну, отдадутъ меня подъ судъ и все прочее!.. Нѣтъ у меня заручки... ну, значитъ, не вывернусь, ошельмуютъ! Такъ вѣдь я проигралъ! А вѣдь я знаю людей въ такомъ же футлярѣ, которые воруютъ, грабятъ самымъ что ни есть форменнымъ образомъ! Среди бѣла дня обираютъ казну, обираютъ солдата, наживаютъ состоянія, и ихъ никто не обвиняетъ въ растратѣ, ихъ не отдаютъ подъ судъ!! Мало того! Они дождутся конца войны, получатъ ордена и повышенія, вернутся въ Россію героями и кавалерами, выйдутъ въ отставку и станутъ себѣ жить въ свое удовольствіе на наворованныя, награбленныя деньги! Понимаете? И это все прикрыто мундиромъ и офицерской честью?! Чортъ возьми мои калоши, я вамъ говорю: всѣ воруютъ! Да-а! А надъ этими ворами имѣются и начальники, которые все это видятъ, все это знаютъ, но ни черта не могутъ подѣлать! Потому что они сами такъ же грабятъ, такъ же воруютъ и прикрываются такимъ же мундиромъ и честью! Если это и не оправданіе для меня, такъ все-таки это правда! А только эту правду не всякій вамъ скажетъ!

Раздался продолжительный свистокъ паровоза.

— Наконецъ-то!—обрадовался поручикъ:—и напьюсь же я нынче—до китайскаго гроба! Ей-Богу! Знаете, что это значитъ? Это у насъ одинъ этапный комендантъ недавно три дня „плавалъ", что называется, во всю, а на четвертый день уже желудокъ взбунтовался—ничего не принимаетъ! Хватилъ онъ тогда основательно этого самаго китайскаго ханшину да и велѣлъ принести китайскій гробъ, красный, съ разводами! Легъ въ гробъ и

послалъ переводчика за бонзами,—пускай, дескать, отпѣваютъ! Ей-Богу, правда! Китайцы тогда чуть не съ трехъ деревень на него смотрѣть приходили! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ у насъ и пошло это самое „напиться до китайскаго гроба“! Эхма! До того ли еще допьешься!

Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился.

. . . .

Едва затихли ляоянскіе громы и отступившая армія стала стягиваться къ Мукдену, какъ офицеры цѣлыми партіями начали устремляться на сѣверъ, одни—для леченія, другіе—просто, чтобы отдохнуть послѣ почти двухнедѣльной тровоги и „встряхнуться“. Кому удалось заручиться отпускомъ или свидѣтельствомъ о болѣзни, тѣ ѣхали въ Харбинъ—эту скороспѣлую столицу и Вавилонъ Маньчжуріи, изобиловавшій всевозможными развлеченіями и кокотками. Менѣе счастливые просто „удирали“ подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ въ Телинъ, этотъ первый этапъ тыла арміи.

Послѣ юга и жизни на позиціяхъ, этотъ маленькій, бѣдный и грязный китайскій городокъ производилъ впечатлѣніе почти мирнаго времени.

Здѣсь значительно рѣже попадались начальствующія лица, почти отсутствовали офицеры генеральнаго штаба, франтоватые штабные адъютанты и прочіе представители армейской „аристократіи“. Вмѣсто боевой тревоги и напряженнаго ожиданія, здѣсь во всемъ сказывались произволъ и безпечность. Отъ станціи до самыхъ городскихъ воротъ тянулись разнокалиберные кабаки подъ громкимъ именемъ „ресторановъ“. На убогомъ китайскомъ базарѣ можно было встрѣтить сестеръ милосердія, за которыми слѣдовали санитары съ корзинками въ рукахъ. Повсюду лѣниво бродили солдаты, полуоборванные, одичавшіе, одѣтые не по формѣ и безъ оружія. Они сильно напоминали выпущенныхъ изъ тюрьмы арестантовъ... „Русская слобода“, гдѣ сосредоточивались, по обыкновенію, кабаки и публичные

дома, кишѣла пестрой толпой. Тутъ было множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, толкавшихся, повидимому, безъ всякаго дѣла. Между ними часто попадались знакомыя лица, которыхъ я встрѣчалъ подъ Вафангоо, въ Ляоянѣ или на позиціяхъ... Очень многіе изъ нихъ были легко ранены или просто контужены въ прежнихъ бояхъ и находились въ такъ называемомъ „періодѣ выздоровленія", которое оказывалось часто весьма растяжимымъ понятіемъ. У большинства давно закрылись раны и были позабыты контузіи, но имъ удавалось „выздоравливать" недѣлями, а иногда и мѣсяцами, и они, пользуясь этой возможностью, не теряли даромъ времени, переходили изъ-подъ одной вывѣски подъ другую, пропивали всѣ наличныя деньги, брали авансы, должали и нерѣдко, въ видѣ финала, попадали на лазаретную койку, но уже не отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, а отъ безшабашнаго пьянства, доходившаго до бѣлой горячки. Разрушительной дѣятельности кабаковъ усердно помогали явные и тайные притоны, „китайскіе" публичные дома, содержимые, обыкновенно, либо бывшимъ солдатомъ изъ нестроевыхъ, либо предпріимчивымъ грекомъ или армяниномъ. Сотни полуголодныхъ, заморенныхъ лишеніями боевой жизни пропивали здѣсь послѣдній грошъ, оставляли остатки силъ и здоровья и уходили отсюда зараженные страшнымъ недугомъ, такъ какъ во многихъ притонахъ гнѣздилась повальная „сифилитическая жаба...

Примѣру офицеровъ слѣдовали и солдаты.

Они всевозможными способами уклонялись отъ возвращенія въ строй, чему не мало содѣйствовали приходившія съ юга вѣсти о постоянныхъ пораженіяхъ и отступленіяхъ.

Выбитые изъ строго опредѣленной колеи боевой жизни и службы, они скоро забывали о суровой воинской дисциплинѣ и долгѣ, утрачивали человѣческій обликъ и постепенно превращались въ буйныхъ праздношатаевъ

и мародеровъ. Все, что было худшаго въ огромной и разнородной семьѣ дѣйствующей арміи, всѣ отбросы ея, незамѣтные въ одиночку, замаскированные внѣшней выправкой, какъ среди офицеровъ, такъ и между нижними чинами, — все это устремлялось сюда, въ тылъ арміи, и давало полную свободу разгулявшимся инстинктамъ. Здѣсь наглядно сказывалось нравственное разложеніе, начавшееся въ безпрерывно отступавшей арміи. Это разложеніе росло съ каждымъ днемъ и принимало угрожающіе размѣры. Оно дошло до того, что неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, въ чащѣ огромнаго гаоляннаго поля, образовалось нѣчто вродѣ Запорожской Сѣчи, куда укрывались распущенныя банды бродячихъ солдатъ, гдѣ происходило безграничное пьянство, и понадобился суровый приказъ командующаго арміей и содѣйствіе вооруженной силы, чтобы разогнать это гнѣздо мародеровъ и водворить по частямъ нѣсколько десятковъ уже негодныхъ къ строю людей.

Бродя по улицамъ и приглядываясь къ лицамъ, я надѣялся встрѣтить Тиму Сафонова, который тотчасъ же послѣ отступленія изъ-подъ Ляояна занялъ у капитана Заленскаго деньги и исчезъ изъ полка.

Былъ уже вечеръ, когда начавшій накрапывать дождикъ загналъ меня въ полуевропейское — полукитайское зданіе, надъ которымъ красовалась огромная вывѣска: „Трокадеро испанско-американскій ресторанъ съ билліардомъ и номерами Натаніэля Сморгунеса“.

Кабакъ ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же заведеній Ляояна, но поразилъ меня сюрпризомъ въ видѣ огромной гектографированной афиши слѣдующаго содержанія:

„ТЕАТРЪ НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ“.

Прибывшая въ Маньчжурію русская драматическая труппа г-жи Сигулиной, съ цѣлью удовлетворить художественныя потребности доблестныхъ ге-

роевъ войны, даетъ сегодня въ „Трокадеро“ первый спектакль подъ управленіемъ г-жи Сигулиной.

Представлено будетъ въ первый разъ

„НЕВѢРНЫЙ МУЖЪ“.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ,

соч. Сигулиной.

Роль жены исполнитъ авторъ, г-жа Сигулина.
Въ заключеніе „Манджурскіе соловьи“,—дуэтъ.

Режиссеръ Сигулина.

Рядомъ съ буфетомъ, въ небольшомъ, грязномъ залѣ, были устроены подмостки, добрую часть которыхъ занимала неуклюжая суфлерская будка. На синей китайской крашенинѣ, замѣнявшей занавѣсъ, была грубо намалевана желтою краскою лира на двухъ скрещенныхъ шпагахъ. Передъ сценой стоялъ рядъ разнокалиберныхъ стульевъ и табуретокъ, затѣмъ шли сколоченныя изъ узкихъ досокъ скамейки. За этимъ „партеромъ“ были разставлены, покрытые грязными скатертями, столики. У входа въ залъ помѣстился черномазый субъектъ съ билетами, но послѣ какого-то „недоразумѣнія“ съ дюжимъ казачьимъ подъесауломъ „касса“ куда-то исчезла и уже больше не появлялась.

Офицеры, промокшіе, забрызганные грязью, скоро переполнили „Трокадеро“. Они толпились у буфета, пили водку, закусывали, занимали столики въ зрительномъ залѣ и галдѣли. Говорили о выдающихся проигрышахъ, о шуллерѣ-маркитантѣ, разбирали по всѣмъ статьямъ какую-то „Мальвину“, ругали подлеца-маркера и изрѣдка упоминали Ляоянъ и наименованія полковъ... Если бы не безобразныя „устрашающія“ папахи и пестрота одежды, можно было бы подумать, что дѣло происходитъ въ захолустномъ русскомъ городкѣ во время маневровъ.

За столиками началась „предварительная" попойка; добрая половина публики была уже навеселѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали начала.

Два артиллериста, засѣвшіе въ первомъ ряду, захватили съ собою бутылку водки, жареную курицу и, въ ожиданіи спектакля, выпивали и раздирали на части курятину. На краю этого ряда, съ трудомъ сохраняя равновѣсіе, покачивался пѣхотный подпоручикъ съ порыжѣвшей отъ времени огромной коробкой карамели. Онъ постоянно ронялъ съ головы намокшую, взлохмаченную папаху и бросалъ негодующіе взгляды на хохотавшихъ надъ нимъ офицеровъ.

За синей холстиной раздался оглушительный звонокъ, и залъ загудѣлъ.

— Смир-рна-а! — скомандовалъ кто-то, вскочивъ на скамью.—Вниманіе! Сейчасъ начнется художественное удовлетвореніе доблестныхъ героевъ!

Занавѣсъ криво поползъ вверхъ. На сценѣ, изображавшей жалкое подобіе сада, уставленнаго табуретками, смазливая горничная трепетала въ мощныхъ объятіяхъ парня въ пиджакѣ.

— Братцы мои!—закричалъ, какъ ошпаренный, желѣзнодорожникъ изъ переднихъ рядовъ.—Да вѣдь это Санька! Машинистъ изъ Мукдена!

— Здорово! — подхватили въ публикѣ. — Не робей, Санька! Потомъ выпьемъ!

— Машинистъ! Валяй полнымъ ходомъ!

— Поддай пару, механикъ! Поднажми, какъ слѣдуетъ!

„Санька" ухмыльнулся въ публику и, видимо, исполнилъ ея желаніе, такъ какъ „горничная" отчаянно взвизгнула.

Поручикъ, сидѣвшій на краю перваго ряда, всталъ, балансируя, на стулъ, обернулся къ зрителямъ и, проговоривъ: „господа! Я... протестую!" снова грузно опустился. Въ это время на сценѣ появилась г-жа Си-

гулина — полнотѣлая, густо напудренная женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ съ красной шалью.

— Ну, и Матрена!—рявкнулъ кто-то басомъ.

Сигулина закатила глаза, прижала руки къ сердцу и начала трескучій монологъ. Когда она достаточно увлеклась, изъ публики опять раздался чей-то глубоко убѣжденный голосъ:

— Господа! Ей-Богу, это жена пристава изъ Хабаровска! Она сбѣжала еще въ прошломъ году съ поручикомъ Терещенкой!

Публика приняла это заявленіе съ одобрительнымъ гуломъ.

Къ концу монолога „героини", несчастной жены „вѣроломнаго мужа", горничная, по неизвѣстнымъ причинамъ, упала въ обморокъ и заколотила ногами по полу, обнаруживъ обтянутыя черными чулками икры. Зрители заржали отъ удовольствія и застучали шашками.

— Браво! Бисъ!

Пьяный поручикъ изъ перваго ряда снова появился на стулѣ. Онъ замахалъ папахой, и когда зрительный залъ нѣсколько притихъ,—провозгласилъ съ мрачнымъ видомъ:

— Господа и товарищи! Я протестую! Позвольте вамъ заявить: это моя невѣста!

Залъ заревѣлъ. „Героиня" кричала что-то со сцены, грозила кулакомъ, упоминала о „комендантѣ", но на нее не обращали вниманія. Кто-то запустилъ на сцену бутылкой, а за ней полетѣлъ уже табуретъ. Онъ съ грохотомъ опрокинулъ суфлерскую будку, и передъ зрителями предстала разъяренная физіономія плѣшиваго господина въ форменной тужуркѣ.

Занавѣсъ опустился, и „первое представленіе" окончилось раньше времени.

Въ залѣ замелькали женскія лица съ подведенными глазами, и начался широкій, необузданный разгулъ.

За однимъ изъ столиковъ я неожиданно увидѣлъ Сафонова въ обществѣ толстаго, плѣшиваго пѣхотнаго капитана. При моемъ появленіи, на блѣдномъ, осунувшемся лицѣ Тимы мелькнулъ испугъ, но тотчасъ же оно снова приняло мрачное выраженіе. Онъ протянулъ мнѣ влажную, разслабленную руку и ѣдко усмѣхнулся.

— И ты здѣсь? Всѣ дороги ведутъ въ Римъ! Вотъ познакомьтесь. Капитанъ... капитанъ... чортъ его знаетъ, забылъ!..

Капитанъ съ чувствомъ пожалъ мою руку и устремилъ на меня пристальный, пьяный взглядъ.

— А что, меня ищутъ въ полку? Дубенко рветъ и мечетъ?—насмѣшливо спросилъ Тима. Онъ старался казаться безпечнымъ и веселымъ, но его улыбка отъ этого превращалась въ страдальческую гримасу, и во взглядѣ отчетливѣе проглядывала тоска.—Ну, да ладно! Ну ихъ къ чорту, и Дубенку, и всѣхъ! Вотъ какъ спущу всѣ деньги, тогда и вернусь, а теперь—хоть часъ, да мой! Давай пить! Капитанъ, дѣйствуйте!

— Хе-хе! Это я могу! — ухмыльнулся капитанъ и сталъ наливать водку.—Знаете, подъ холоднаго поросенка съ хрѣномъ можно невредно выпить, хе-хе! Вы, поди, давненько не ѣдали поросятинки! Знаю я, какъ тамъ, на позиціяхъ!...

Капитанъ оказался крайне разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ пилъ и ѣлъ, и не переставалъ говорить, адресуясь теперь уже исключительно ко мнѣ.

— Здравствуйте!—говорилъ онъ, чокаясь рюмкой.—Знаете, это мое выраженіе! Самое настоящее русское! Напримѣръ, говорятъ еще—„здоровье преосвященнаго“ или, напримѣръ, „поѣхали“! А я предпочитаю—„здравствуйте!“... Вотъ, знаете, еще хорошо подъ тертую рѣдьку съ провансаимъ масломъ выпить! Удивительная закуска! Знаете, какъ-то заѣхалъ ко мнѣ на бивакъ генералъ Шалѣевъ... Я вѣдь командиръ обознаго батальона! Да! Ну, я это сейчасъ соорудилъ завтракъ,—за-

пасы у меня всегда имѣются, — водченки, знаете... словомъ, какъ слѣдуетъ! Генералъ удостоилъ дерябнуть рюмку, консервами закусилъ, а я это рѣдькой... Онъ возьми да и спроси, чѣмъ это я закусываю? Собственнаго, говорю, издѣлія, ваше превосходительство! А ну, дайте, говоритъ, попробовать! Вотъ тутъ-то и пошла потѣха! Тяпнетъ это онъ рюмашку, закуситъ, покрутитъ головой, да еще! Хе-хе-хе!.. Просто смотрѣть на него одно удовольствіе было! Повѣрите? Пріѣхалъ-то онъ верхомъ, а отъ меня въ моей двуколкѣ его отвезли! Да-съ! Такъ вотъ вамъ и тертая рѣдька! Я даже по этому поводу еще кое-какія надежды имѣю на эту рѣдьку относительно генерала! Да вы не смѣйтесь! Въ нашемъ дѣлѣ, знаете, разное бываетъ! Вы, конечно, молодежь, все въ герои, значитъ, мѣтите, въ огонь лѣзете и все такое! А я, батенька мой, насчетъ старости подумываю! Да-съ! Если теперь не обезпечить себя, какъ слѣдуетъ, такъ потомъ-то ужъ взятки гладки! Ищи вѣтра въ полѣ! Здравствуйте! Да-съ! Умѣючи, все возможно! Въ карты я не играю, вотъ только выпить—это такъ! А я все равно, что командиръ отдѣльной части, содержаніе получаю, да потомъ на разныхъ остаткахъ да урѣзкахъ, понимаете... рублей до пятисотъ въ мѣсяцъ подкопить можно! Мнѣ бы, знаете... — Капитанъ близко нагнулся ко мнѣ и дружелюбно похлопалъ меня по колѣнкѣ.— Мнѣ бы еще два-три мѣсяца этой самой войны, а потомъ — заболѣлъ, и дѣло съ концомъ! Наплевать мнѣ на всю эту войну! Ей-Богу! Знаете, вы заворачивайте ко мнѣ какъ-нибудь! Я васъ, батенька мой, такъ накормлю и напою, не хуже того генерала! Здравствуйте!

Онъ окончательно размякъ, самодовольно улыбался, и казалось, говорилъ всѣмъ: „вотъ, молъ, я каковъ не промахъ“!

Тима становился все болѣе мрачнымъ и пилъ, почти не закусывая.

Разгулъ разростался. Въ одномъ углу два перепившихся офицера выхватили шашки и, размахивая клинками, готовы были броситься другъ на друга. Ихъ стали разнимать сосѣди по столикамъ, и завязалась настоящая свалка.

— Возьмите обратно ваши слова!—хрипѣлъ пьяный поручикъ, становясь въ боевую позу около визжавшей смазливой дѣвицы, изображавшей на сценѣ горничную,—я не позволю оскорблять! Это моя невѣста! Какъ вы смѣете звать ее въ номеръ?!

— Фендрикъ! Смирна!—вопилъ черезъ толпу, грозя кулакомъ, какой-то полковникъ.

— А я вамъ говорю, что она стерва!—гремѣлъ басъ.

Неподалеку отъ насъ пьяненькій, плюгавенькій интендантскій чиновникъ, растроганный до слезъ собственными словами, разсказывалъ двумъ желѣзнодорожникамъ:

— Какъ увидалъ я эти снаряды, такъ меня какъ будто свыше осѣнило: спасать! Надо спасать! Тутъ, около станціи дрезину нашелъ! Собралъ пятерыхъ солдатъ; поставили мы дрезину на рельсы и покатили прямо подъ японскія шрапнели! Подъѣхали къ семафору и давай перетаскивать! А шрапнель надъ головой такъ и зудитъ, такъ и зудитъ! Молитву про себя все время творилъ! Нагрузили мы дрезину, да и давай уходить! Этакимъ-то образомъ три раза вылазки дѣлали, снарядовъ около сотни вывезли! И вѣдь подъ огнемъ!.. Потомъ ужъ солдаты не выдержали, разбѣжались. Одного въ плечи ранило, а меня—сподобилъ Богъ доброе дѣло сдѣлать и сохранилъ!

— А что же со снарядами-то? Куда же ихъ дѣвали?—спросилъ одинъ изъ агентовъ.

— Не знаю, не знаю!.. Сдалъ ихъ артиллерійскому юручику, только и всего!

— Вамъ должны орденъ дать!—увѣренно рѣшилъ ругой агентъ:—„Георгія“ должны дать!

— Богъ съ нимъ! Я вѣдь не требую! Я душевно награжденъ и счастливъ! Я не требую!

— Нѣтъ, позвольте! Извините! Это геройскій поступокъ! Такъ нельзя!—настаивалъ агентъ.

Все галдѣло и шумѣло вокругъ оглушительно, и надъ головами, въ удушливомъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ спирта, жаренаго мяса и человѣческаго пота, плавали цѣлыя облака табачнаго дыма. Вонючія керосиновыя лампы бросали желтый свѣтъ на оживленныя смѣхомъ или отупѣвшія отъ хмѣля потныя лица, и бывали минуты, когда всѣ эти люди казались восковыми куклами, заведенными невидимой пружиной. Въ ихъ голосѣ и смѣхѣ порою тревожно и печально звенѣла туго натянутая струна, и тогда казалось, что перестанетъ пружина дѣйствовать, лопнетъ натянутая струна,—и всѣ эти движущіеся, кричащіе и смѣющіеся люди застынутъ съ отвратительными гримасами на безжизненныхъ лицахъ.

Снова поднялся синій занавѣсъ, и на полутемной сценѣ появились рыжая женщина съ гитарой и оборванный скрипачъ-подростокъ. Они переглянулись, женщина взяла нѣсколько аккордовъ, и понеслись знакомые разухабистые звуки:

Мнѣ велѣла матушка въ Маньчжуріи жить!
Русскихъ офицеровъ пьяныхъ веселить!
Трала-ла! Трала-ла-трала ла-ла-ла-а!

— Цыганскую! „Перстенекъ!“—кричали изъ публики.

Безобразно фальшивя и коверкая русскія слова, рыжая пѣвица затянула дребезжащимъ, пропитымъ голосомъ:

„Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Гаснутъ звѣзды на-а лету!“

Въ залѣ съ десятокъ голосовъ стали подтягиват Какъ ни пошлы были слова, какъ ни жалко было само пѣніе, напоминавшее жалобное, слезливое вытье, н

пѣсня внесла что-то новое въ нестройный хоръ разгула.

Сафоновъ, давно переставшій слушать болтовню обознаго капитана, продолжалъ пить; лицо его стало болѣзненно-блѣднымъ, уголки рта опустились, но въ отуманенномъ взглядѣ свѣтилась какая-то упорная, напряженная мысль. Онъ все время молчалъ и не отвѣчалъ на мои вопросы или не слыхалъ ихъ. Когда раздалась пѣсня, обозный капитанъ, пошатываясь, побрелъ къ буфету, а Сафоновъ пересѣлъ на его мѣсто, выпилъ подрядъ двѣ рюмки водки, оглянулся какъ-то пугливо и вдругъ, наклонившись къ моему уху, проговорилъ сдавленнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— Слушай... я не пьянъ... но я, кажется, схожу съ ума... я все его вижу... понимаешь? Все онъ стоитъ передъ глазами...

— Кто? Кто стоитъ?

— Онъ! Понимаешь? Тотъ... старикъ!.. Сколько я ни пью! И всѣ эти дни! Не могу напиться!.. Это ужасно! Страшно становится! Ночью иной разъ прислушиваюсь и вдругъ ясно слышу: „шангау капитана“! Понимаешь ты это? Мѣста себѣ найти не могу... Я ужъ боюсь теперь одинъ оставаться, самъ себѣ не вѣрю!.. Это такая пытка! Если меня убьютъ, я радъ буду! Слышишь? Радъ буду! Какъ встрѣчу на улицѣ какого-нибудь стараго китайца, такъ и вздрогну весь, словно кто въ грудь ударитъ! Не могу я больше! Сколько ни пью, не беретъ меня! Не могу!..

Онъ безпомощно ударилъ кулакомъ по столику и поникъ, обезсиленный.

— Сто-ой! Довольно!—раздались голоса изъ компаніи, засѣдавшей за большимъ столомъ.—Господа! Смирно! Вниманіе! Сашка пѣть будетъ!

„Сашка“, въ которомъ я узналъ поручика, проигравшаго въ вагонѣ тысячу рублей, поднялся изъ-за стола и, сдвинувъ на затылокъ смятую фуражку, напра-

вился къ сценѣ. На истомленномъ, полупьяномъ лицѣ возбужденно свѣтились и, казалось, горѣли неподдѣльнымъ вдохновеніемъ большіе, черные глаза.

Однимъ прыжкомъ онъ очутился на подмосткахъ, выхватилъ изъ рукъ пѣвицы гитару, тряхнулъ головой, рванулъ раза два струны и запѣлъ. Его голосъ былъ красивъ и пѣвучъ, звенящіе звуки неслись широко и свободно, то замирая печально, то разливаясь въ удаломъ порывѣ, и этимъ переходамъ вторило молодое, выразительное лицо пѣвца.

„Погибъ я, мальчишечка! Погибъ я навсегда...
Эхъ! Годы за годами проходятъ безъ слѣда!..

Залъ притихъ и слушалъ...

Когда поручикъ кончилъ, загремѣли оглушительные аплодисменты.

Онъ кивнулъ головой, осушилъ поданный кѣмъ-то бокалъ и снова прикоснулся къ струнамъ. Его лицо стало вдругъ серьезнымъ и вдумчивымъ, и тихо, вкрадчиво полились слегка дрожащіе звуки: „Ночи безумныя... ночи безсонныя!..“

Я случайно взглянулъ на Сафонова: слегка наклонившись впередъ, съ прижатыми къ груди руками, онъ сидѣлъ безъ движенія, какъ въ гипнозѣ; широко раскрытые, ничего не видящіе глаза были устремлены въ одну точку, и въ нихъ застыло выраженіе страданія и ужаса.

А пѣсня лилась и лилась, и чудилось, что надъ головами рѣялъ невидимый призракъ чего-то недосягаемо-прекраснаго и въ то же время безгранично-печальнаго...

Разгулъ затихъ, притаился, какъ бы спугнутый новымъ, могучимъ настроеніемъ...

Съ разныхъ концовъ зала, сперва робко и едва уловимо, затѣмъ громче и сильнѣе, стали раздаваться новые голоса, вступая въ общую гармонію, сливаясь въ одинъ стройный и мощный аккордъ.

А когда изъ дальняго угла донеслось заглушенное рыданіе опьянѣвшаго офицера, весь этотъ хоръ казался тяжелымъ музыкальнымъ стономъ, какой-то панихидой, которую десятки случайно собравшихся людей пѣли по чемъ-то для всѣхъ ихъ безвозвратно погибшемъ.

. . . .

XII.

Осень выдалась солнечная, золотистая, съ холодными утренниками.

Глубокое затишье, вродѣ раздумья, господствовало въ арміи. Она отдыхала послѣ недавней сильной грозы, чинилась и собиралась съ силами.

Огромные биваки, сосредоточенные вокругъ Мукдена и раскиданные далеко на сѣверо-востокъ и на западъ, утратили свой воинственный видъ и казались таборами утомленныхъ долгимъ переходомъ кочевниковъ.

Затихли пьяныя оргіи, исчезло куда-то веселье, страсти угомонились, и многотысячная армейская семья, казалось, вступила въ зрѣлый возрастъ послѣ долгаго періода легкомысленныхъ увлеченій. Радужныя иллюзіи уже не носились въ воздухѣ опьяняющей эпидеміей,—ихъ смѣнило трезвое сознаніе суровой дѣйствительности.

Въ баракахъ и фанзахъ, въ палаткахъ солдатъ и офицеровъ шли тихіе разговоры, и тамъ незримо бродила тревожная мысль. Сильно измѣнилось и отношеніе къ непріятелю. Среди солдатъ уже не говорили о „макакахъ“ или „япошкахъ“... Въ отчетливомъ „японецъ“ и ласкательномъ „япоша“ чувствовалось уваженіе и даже нѣкоторая симпатія ко врагу. Особенно это сказывалось на передовыхъ постахъ. Тамъ обѣ стороны иногда сходились на очень близкое разстояніе, обмѣнивались привѣтствіями и даже пили другъ за

друга. Попавшій въ плѣнъ полковой врачъ былъ обласканъ непріятелемъ, который снабдилъ его лошадью, всѣмъ необходимымъ и заботливо проводилъ къ русскимъ аванпостамъ.

Ляоянское побоище, которымъ разразился тяжелый періодъ напряженнаго ожиданія и множества отдѣльныхъ сраженій и стычекъ, произвело потрясающее впечатлѣніе и словно отрезвило всю армію. Только немногіе неисправимые „патріоты", преимущественно изъ штабной „аристократіи", да нѣкоторые пѣхотные командиры, представители „добраго стараго времени", съ какимъ-то упрямствомъ продолжали утверждать, что „настоящая война еще не начиналась", и съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относились ко врагу.

— Помилуйте, — говорили они: — вѣдь у насъ до сихъ поръ еще не было настоящей арміи! Вотъ подойдутъ изъ Россіи новые корпуса, тогда-то и начнется настоящее дѣло!

Не мало надеждъ возлагалось и на балтійскую эскадру. О ней ходили самые фантастическіе слухи, и постепенно, окруженная ореоломъ таинственности, она превратилась въ „летучаго голландца".

Ретивые, заносчивые генералы нѣсколько присмирѣли, но и въ этомъ смиреніи было что-то упрямое и саркастическое. „Хорошо, хорошо!—казалось, говорили они,—намъ предлагаютъ уважать врага, смириться! Хорошо! Мы помолчимъ! А ну-ка посмотримъ, какъ-то вы дальше управитесь". Многіе стали необыкновенно равнодушны, и на ихъ величаво-спокойныхъ физіономіяхъ какъ будто было написано: „мнѣ наплевать! Не хотите—не надо! Мое дѣло сторона! Какъ прикажут , такъ и будетъ, а я не отвѣчаю! Мы люди маленькіе". Глядя на нихъ, казалось, что въ „избранное" общест холодно-натянутыхъ аристократовъ забрался какой- плебей и позволилъ себѣ сказать или сдѣлать оскорбительную для присутствующихъ безтактность.

Иное настроеніе чувствовалось въ сѣрой семьѣ армейской „демократіи", среди строевыхъ офицеровъ и солдатъ. Она какъ будто понесла тяжелую потерю, видѣла предъ собой дорогого покойника и въ глубокомъ размышленіи стояла на рубежѣ недавняго прошлаго и смутно выступающаго будущаго. Это было какое-то томительное самосозерцаніе, прислушиваніе къ самимъ себѣ, въ которомъ, однако, мерещилась зарождавшаяся новая жизнь.

Порою изъ далекой Россіи, словно глухіе раскаты грома, приходили тревожныя вѣсти; онѣ шопотомъ передавались изъ устъ въ уста и какъ будто забывались, но въ дѣйствительности продолжали жить и бродили въ тревожно-настроенныхъ умахъ.

Разговоры объ освобожденіи Портъ-Артура велись всѣ рѣже и рѣже, и призракъ злосчастной осажденной крѣпости постепенно блѣднѣлъ и стушевывался. Ко всевозможнымъ слухамъ относились теперь почти равнодушно, перестали увлекаться героями, сомнѣвались въ очевидной истинѣ, и во всемъ, на каждомъ шагу сказывалось вызванное горькимъ опытомъ недовѣріе. Казалось, что послѣ разгульной и угарной масленицы настали печальные дни великаго поста, и люди стали относиться сурово и строго къ самимъ себѣ и другимъ.

Рѣзко измѣнилась и главная квартира въ Мукденѣ.

Еще такъ недавно эта резиденція намѣстника являлась полной противоположностью оживленному, охваченному боевой тревогой, кипучему Ляояну. На всемъ здѣсь лежалъ отпечатокъ неотразимаго, бездушнаго формализма, все здѣсь было размѣрено и распланировано, сама жизнь шла по правильно проложеннымъ колеямъ, напоминая передвиженіе фигуръ по шахматной доскѣ. Оффиціально натянутыя физіономіи цѣлой арміи „состоящихъ при штабѣ", пугливые взгляды, сдержанныя рѣчи; строгое соблюденіе формы до мель-

чайшихъ пустяковъ; полосатые барьеры и рогатки, безчисленное множество часовыхъ, гауптвахтъ, карауловъ; пропуски, пароли и надписи: „входъ постороннимъ запрещается“, встрѣчавшіяся чуть-ли не на каждомъ шагу,—все говорило о пребываніи здѣсь облеченнаго огромною властью лица, которому воздавались почти царскія почести. Иногда передъ голубымъ домикомъ, окруженнымъ зеленью, цвѣтами и... цѣпью часовыхъ, появлялась плотная и коренастая фигура, въ черной тужуркѣ съ адмиральскими погонами, съ бородатымъ лицомъ кавказскаго типа. Фигура эта прогуливалась взадъ и впередъ быстрыми, энергичными шагами и посматривала узенькими, проницательными и немного насмѣшливыми глазками. Чистота и порядокъ окружали голубой домикъ, и только „избранные“ могли безнаказанно приближаться къ этому „храму“ главной квартиры. Ко всякой новой личности здѣсь относились съ нескрываемой подозрительностью и часто оскорбительнымъ высокомѣріемъ, въ особенности къ прибывающимъ съ юга, изъ квартиры командующаго арміей. „Югъ“, вообще, не пользовался симпатіями обитателей резиденціи. Тамъ, на югѣ, казалось, было огромное поле, гдѣ работали маленькіе, безотвѣтные людишки, а здѣсь—здѣсь жили сами господа, на которыхъ эти жалкіе людишки работали.

— А! Вы съ юга! Такъ, такъ! А вы, собственно, зачѣмъ изволили *къ намъ* пожаловать?—говорили болѣе или менѣе привиллегированнымъ пришельцамъ. — Ну, что у васъ тамъ? Что *вашъ* Куропаткинъ подѣлываетъ? Все еще думаетъ, все еще не рѣшается?

Съ простыми смертными говорили проще и выразительнѣе:

— Ваши бумаги? Покажите удостовѣреніе, свидѣтельство... Да, все это прекрасно, но это ничего не значитъ! И вы потрудитесь сегодня же убраться отсюда!.. Почему? А потому, что эта бумажка выдана вамъ изъ

главной квартиры командующаго арміей и для насъ она ровно ничего не значитъ. Она дѣйствительна только въ предѣлахъ дѣйствующей арміи! Да-съ! Здѣсь штабъ намѣстника, и командующій намъ не указъ!

На каждомъ шагу здѣсь проявлялось непримиримо-враждебное, почти ненавистное отношеніе къ „югу" и главной квартирѣ командующаго арміей,—антагонизмъ, хорошо извѣстный каждому солдату, имѣвшій печальныя, трагическія послѣдствія...

И вдругъ все это исчезло и перемѣнилось до неузнаваемости. Произошло это такъ быстро и неожиданно, какъ происходитъ передъ зрителемъ такъ называемая „чистая перемѣна" декорацій на сценѣ.

Многочисленныя сѣрыя толпы хмурыхъ, заморенныхъ и неряшливыхъ солдатъ, со своими шинелями, мѣшками и палатками, отдающими пóтомъ и кислятиной, запрудили всю огромную площадь главной квартиры и расположились шумнымъ таборомъ со всѣхъ сторонъ.

Вороха соломы, лошадиный пометъ, всякая рвань и отбросы усѣяли посыпанныя желтымъ песочкомъ дорожки. Затрещали изящныя выкрашенныя изгороди, уходившія на костры; зазвенѣли стекла въ великолѣпной конюшнѣ, гдѣ недавно откармливались породистые скакуны. Тамъ, гдѣ прежде звучали изысканно-сдержанныя рѣчи, нерѣдко пересыпаемыя россійско-французскими фразами гвардейско-штабнаго остроумія,—теперь висѣла въ воздухѣ грубая солдатская брань, и раздавались угрюмые и озабоченные голоса офицеровъ, немногимъ отличавшихся отъ солдатъ своимъ внѣшнимъ образомъ.

Могучая, властная волна суровой, неприкрашенной дѣйствительности ворвалась въ крошечный оазисъ какой-то игрушечной жизни, затопила его и разлилась широко вокругъ. Этотъ живой сѣрый потокъ протянулся на сѣверъ, разлился пятномъ у „старыхъ импе-

раторскихъ могилъ“ подъ Фушуномъ, отсюда, вдоль рѣки Хун-хэ, загнулся на востокъ, къ крошечному Фушуну и уперся концомъ въ высоты, прикрывавшія дорогу къ Ляояну и занятыя непріятелемъ.

N-скій полкъ, временно попавшій въ составъ восточнаго отряда, стоялъ бивакомъ въ живописной долинѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ опустѣвшаго городка Фушуна и песчаныхъ береговъ рѣки Хун-хэ.

Отрѣзанный дальнимъ разстояніемъ отъ желѣзной дороги и главной квартиры, закинутый въ глушь, на самый край лѣваго фланга, отрядъ велъ сѣренькую, томительно-однообразную и довольно суровую жизнь.

Офицеры давно успѣли надоѣсть другъ другу и жили замкнуто, проводя большую часть времени въ лежачемъ положеніи. Командиръ полка показывался рѣдко и былъ поглощенъ составленіемъ объемистыхъ донесеній и служебной канцелярщиной. Капитанъ Заленскій осунулся и какъ бы постарѣлъ. Онъ все чаще и чаще брался за перо и бумагу и писалъ письма, послѣ отправленія которыхъ долгое время бывалъ задумчивъ и молчаливъ. Кранцъ пересталъ добродушно улыбаться и краснѣть, и жестъ, которымъ онъ безпрерывно поправлялъ очки, былъ серьезно сухъ и дѣловитъ.

Въ Дубенкѣ не произошло особенныхъ перемѣнъ. По-прежнему онъ былъ грубъ со своими солдатами, все такъ же заботился о своемъ желудкѣ, умудрялся запасаться всевозможной живностью и придумывалъ новыя прозвища и клички всякимъ дневальнымъ, дежурнымъ и вѣстовымъ. Когда запасы продуктовъ, по его мнѣнію, оскудѣвали, онъ снаряжалъ, тайкомъ отъ полкового командира и товарищей, цѣлыя экспедиціи въ окрестныя деревушки, устраивалъ настоящія облавы на изрѣдка заглядывавшихъ въ эту глушь бродячихъ маркитантовъ, и тогда солдаты его батальона отбывали своеобразную продовольственную повинность.

Заленскій пробовалъ нѣсколько разъ протестовать, но потомъ махнулъ рукой...

Иногда, по вечерамъ, Дубенко затѣвалъ карточную игру, но и она перестала интересовать офицеровъ, и корыстные аппетиты подполковника оставались, въ большинствѣ случаевъ, неудовлетворенными. Когда его особенно одолѣвала скука, онъ напяливалъ на носъ очки въ оловянной оправѣ, доставалъ красную тетрадь и занимался кропаніемъ порнографическихъ стишковъ, которые потомъ, въ видѣ особаго расположенія, и прочитывалъ кому-либо изъ молодежи, забредавшей къ нему съ сосѣдняго сапернаго бивака. Но, видимо, и Дубенко поддался вліянію времени и всего пережитаго. Онъ сталъ болѣе жаденъ и скупъ, часто безъ причины нервничалъ и придирался. Однажды онъ вообразилъ, что у него украли рубль, и приказалъ фельдфебелямъ произвести строжайшій обыскъ во всемъ батальонѣ. Солдаты заворчали и грубо проявили свое неудовольствіе, позволивъ себѣ нѣсколько оскорбительныхъ замѣчаній по адресу Дубенки, о чемъ послѣднему доложилъ присосавшійся къ нему прапорщикъ запаса изъ „акцизныхъ". Дубенко затѣялъ цѣлое слѣдствіе. Въ результатѣ—пропавшій рубль оказался у самого же подполковника, одному ефрейтору разбили въ кровь лицо, и шестеро рядовыхъ на полсутокъ были выстроены „подъ ранецъ".

Прапорщикъ, котораго солдаты открыто презирали и звали „сиволдаемъ", сумѣлъ завоевать симпатію и полное довѣріе Дубенки, исполняя всѣ его капризы и причуды, и извлекалъ всевозможную пользу изъ своего положенія наперсника, собутыльника и полу-шута, полу-лакея.

Отецъ Лаврентій уже не приходилъ такъ часто въ умиленіе, какъ прежде. Онъ сколотилъ нѣкоторую сумму денегъ изъ собственныхъ сбереженій и солдатскихъ добровольныхъ пятаковъ и „обзавелся божьимъ хозяй-

ствомъ", какъ онъ говорилъ самъ. Хозяйство это заключалось въ китайской крытой фудутункѣ, которую отецъ Лаврентій послѣ многихъ хлопотъ превратилъ въ крошечный подвижный алтарь, передъ которымъ по воскресеньямъ онъ отправлялъ сокращенную, „походную" службу, привлекавшую не мало солдатъ съ сосѣднихъ биваковъ. Онъ какъ будто сталъ избѣгать офицерскаго общества и цѣлыми часами просиживалъ среди солдатъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя болѣе своимъ человѣкомъ.

Сафоновъ, возвратившись изъ тыла арміи, послѣ долгаго объясненія съ Дубенкой и полковымъ командиромъ, отправился въ охотничью команду и рѣдко появлялся на бивакѣ. Онъ сильно похудѣлъ, что-то острое появилось въ его взглядѣ, и во всѣхъ движеніяхъ его сквозила тревожная торопливость. Онъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ, запасался табакомъ и сахаромъ и снова исчезалъ надолго.

Въ верстѣ отъ N-цевъ, въ деревушкѣ, находился штабъ отряда, который, въ отличіе отъ бивачной скуки и однообразія, называли „городомъ". Но и здѣсь царила суровая простота походной жизни. Изрѣдка „молодымъ" солдатамъ устраивали ученье и заставляли ихъ ходить въ аттаку на сопки, съ громкимъ „ура", и тогда собиралась толпа любопытныхъ поселянъ, которыхъ это зрѣлище, видимо, сильно забавляло. Болѣе дѣятельны были саперныя части, которыя неутомимо строили укрѣпленія, рыли блиндажи и прокладывали дороги на высотахъ для передвиженія артиллеріи.

Въ просторной фанзѣ, занимаемой начальникомъ артиллеріи отряда, ежедневно собирались обѣдать нѣсколько артиллеристовъ и ординарцевъ. Въ числѣ послѣднихъ выдѣлялся и внѣшностью, и характеромъ маленькій и хрупкій, съ блѣднымъ, изнѣженнымъ лицомъ, корнетъ Комаровъ, котораго всѣ офицеры и

начальство съ перваго же дня его появленія прозвали „Комарикомъ“.

Онъ ни съ какой стороны не подходилъ подъ понятіе боевого офицера и числился ординарцемъ только для приличія.

— Ну скажи самъ, по совѣсти, ну какой ты офицеръ?—говорили ему обыкновенно товарищи, любившіе надъ нимъ подтрунивать.—Ты, Комарикъ, прежде всего посмотри самъ на себя. Лицо у тебя, какъ у барышни, даже немного аристократическое! Ростомъ—съ кадета! Ноги у тебя птичьи, какъ у цыпленка! Голосъ—настоящей институтки. Однимъ словомъ, что называется, „пусти—повалюся!“ Только небо коптишь да воздухъ зря портишь!

Комарикъ стоически выдерживалъ подобныя полушутливыя нападки и только меланхолически покуривалъ трубку, которая такъ же мало вязалась со всѣмъ его внѣшнимъ обликомъ, какъ и военная форма. Онъ разговаривалъ мало и оживлялся только тогда, когда рѣчь касалась театра, женщинъ или литературы, съ которой Комарикъ, повидимому, былъ знакомъ довольно основательно. Онъ, при всей его меланхоличности, являлся, однако, единственнымъ „увеселяющимъ элементомъ“ среди товарищей.

Изрѣдка, когда скука одолѣвала особенно сильно, они приставали къ нему съ просьбой „свозить въ Аркадію“. Просьба поддерживалась добытой невѣдомыми путями бутылкой хорошаго вина, до котораго Комарикъ былъ большой охотникъ и зналъ толкъ по части всевозможныхъ винъ.

Осушивъ стаканъ-другой, онъ снисходительно улыбался и переходилъ на „эстраду“, которую изображалъ запыленный канъ.

Онъ превращался въ превосходнаго имитатора, изображалъ всевозможныхъ балеринъ, шансонеточныхъ пѣвцовъ, удачно копируя ихъ отличительныя черты и

манеры держаться на сценѣ; превращался въ престидижитатора, показывалъ остроумные фокусы, пѣлъ романсы слабымъ, но музыкальнымъ голосомъ на довольно чистомъ французскомъ языкѣ; пародировалъ акробатовъ, атлетовъ, разсказывалъ всевозможные анекдоты. Лучшимъ „номеромъ“ считались его импровизированныя „аристократическія сцены“ — мѣткіе, ядовитые шаржи изъ великосвѣтскаго быта, очевидно, хорошо извѣстнаго Комарову.

И все это выходило у него всегда удачно, интересно, безъ обычной въ такихъ случаяхъ пошлости, обнаруживая большую наблюдательность, а нерѣдко и искорку таланта.

Комарикомъ восхищались, его поили виномъ, апплодировали ему, даже цѣловали, а затѣмъ наступало охлажденіе, а вмѣстѣ съ нимъ начиналось подтруниваніе и шутки, порою слишкомъ грубыя и злыя.

Но Комарикъ не обижался. Онъ не то примирялся со своимъ „комаринымъ положеніемъ“, не то питалъ скрытое презрѣніе и считалъ себя выше другихъ. Въ немъ было не мало любопытныхъ чертъ, быть можетъ, даже загадочности, но этимъ никто не интересовался, и вспомнили о его „чудачествѣ“ тогда, когда было уже поздно...

Въ одно солнечное, но холодное утро весь штабъ пришелъ въ необычайное волненіе.

Получился приказъ о наступленіи.

— Дождались, наконецъ!—говорили офицеры.—Въ первый разъ сподобились!

Днемъ были на всѣхъ бивакахъ выстроены части, и самый приказъ былъ прочитанъ передъ фронтомъ.

— Странно! — ворчалъ начальникъ штаба послѣ объѣзда биваковъ:—никакого энтузіазма! Даже когда ихъ съ наступленіемъ поздравили, „ура“ не кричали! Странно!

Результатомъ этого наблюденія начальника штаба явился приказъ, чтобы въ этотъ день во всѣхъ частяхъ, имѣющихъ оркестры, играла музыка. Приказъ былъ исполненъ, и музыка гремѣла въ разныхъ концахъ, къ великому изумленію китайцевъ, но особеннаго энтузіазма въ войскахъ она не пробудила.

Находились даже скептики.

— Дорога ложка къ обѣду!—говорили опи.—Во-время надумали наступленіе! Нечего сказать! Да и самый приказъ-то сильно смахиваетъ на передовую статью изъ „Московскихъ Вѣдомостей!“ Ну что это такое: „насталъ часъ ударить на врага“?! Къ чему вся эта тарабарщина и высокій штиль? Еще полгода тому назадъ—туда-сюда, а теперь, братъ, солдата этимъ штилемъ не проймешь! Не вѣритъ!

Вечеромъ начальникъ артиллеріи и офицеры обсуждали диспозицію наступленія, разсматривали карты, посылали приказанія батарейнымъ и полковымъ командирамъ.

— Завтра выступаемъ, господа! Вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ!—говорилъ начальникъ, подвижной, дѣятельный полковникъ Меркъ, пользовавшійся всеобщей любовью. Всѣ были заняты, каждому находилось дѣло, и только Комарикъ сидѣлъ на канѣ, поджавъ ноги, и задумчиво посасывалъ трубку. Послѣ ужина, за которымъ оживленно говорили о предстоящемъ походѣ и пили „за наступленіе“, когда вѣстовые убрали со стола,—Комарикъ засѣлъ писать письмо.

— Господа! А вѣдь Комарикъ духовное завѣщаніе пишетъ! Послѣднюю волю свою излагаетъ!—началъ кто-то изъ лежавшихъ на канѣ офицеровъ.

— Брось, Комарикъ! Вѣдь тебя никогда не убьютъ!

Комарикъ поднялъ голову, взглянулъ на говорившаго и спокойно отвѣтилъ:

— Убьютъ или не убьютъ, этого никто знать не можетъ!

— Батюшки, драму-то какую, драму на себя напустилъ! Да кто тебя убивать станетъ? Въ строй ты не попадешь! Въ огонь тебя тоже не пошлютъ! Развѣ по комариной глупости самъ къ япошамъ залѣзешь? Такъ и то тебѣ ничего не сдѣлаютъ, а посмотрятъ на твои комариныя ноги и отпустятъ тебя съ миромъ на всѣ четыре стороны!

— Ну-ну, господа!—довольно вамъ надъ нашимъ Комарикомъ трунить,—вмѣшался примирительно Меркъ:—никто не знаетъ, что̀ кого изъ насъ ждетъ!

Ночью Комарикъ долго ворочался подъ шинелью, нѣсколько разъ вставалъ и закуривалъ трубку, которая свѣтилась во тьмѣ и слабо озаряла носъ, щеки и широко раскрытые, свѣтлые глаза корнета. Рано утромъ войска снялись съ биваковъ, переправились черезъ Хун-хэ, разбились на нѣсколько колоннъ и двинулись на югъ по разнымъ дорогамъ.

Походъ былъ трудный, благодаря гористой, постепенно поднимавшейся мѣстности.

Уже на второй день похода, къ вечеру, порядокъ двигавшихся частей разстроился. По обыкновенію, первыми сбились съ пути и застряли, Богъ вѣсть гдѣ, обозы; куда-то забрался въ сторону артиллерійскій паркъ, котораго такъ и не нашли...

На третій день отрядъ перебрался черезъ огромный перевалъ и долженъ былъ остановиться: на предстоявшемъ второмъ перевалѣ саперы еще не справились съ прокладкой дороги, которая вилась на значительной высотѣ по краямъ пропастей и обрывовъ.

Во время этого вынужденнаго отдыха, въ которомъ, однако, сильно нуждался утомленный тяжелымъ походомъ отрядъ, штабъ отряда расположился въ большой деревнѣ, и офицеры размѣстились въ довольно просторныхъ и чистыхъ фанзахъ. Незадолго передъ закатомъ солнца меня разыскалъ Сафоновъ, пріѣхавшій въ штабъ съ донесеніемъ.

Онъ выглядѣлъ значительно бодрѣе, глаза были оживлены, и запыленное, обвѣтренное лицо скрашивалось легкой улыбкой. Съ наслажденіемъ растянувшись на канѣ, онъ разсказывалъ мнѣ свои походныя впечатлѣнія и немного напоминалъ того прежняго Тиму Сафонова, съ которымъ я провелъ тихій вечеръ на высокомъ берегу свѣтло-синяго Ляодуна.

— Походъ въ тысячу разъ лучше сидѣнія на бивакѣ!—говорилъ Сафоновъ.—Особенно хорошо одному! Я еще со вчерашняго вечера отбился отъ нашихъ! Донесеніе не спѣшное, одинъ крестъ на конвертѣ, я и сдѣлалъ порядочный крюкъ! Зато какія мѣста, какіе уголки попадались! Даже краски и холстъ вспомнилъ! А главное, приволье, просторъ! Нынче утромъ просыпаюсь—чудеса въ рѣшетѣ! Смотрю—боги позолоченные вокругъ, Сакіа-Муни на меня мѣднымъ лицомъ смотритъ, надъ головой птички чирикаютъ... Въ кумирнѣ я ночевалъ, въ брошенной кумирнѣ... Люблю я эти покинутыя кумирни! Тихо въ нихъ удивительно, и чудесно все кажется, какъ въ сказкѣ! Даже уходить не хотѣлось. „Сѣрякъ“ мой, слышу, что-то пожевываетъ... Вышелъ, а вокругъ море—бѣлое, молочное! Все въ туманѣ, чуть-чуть солнце золотомъ проглядываетъ! Ѣдешь въ этомъ морѣ, словно въ облакѣ, и даже смѣешься отъ удовольствія, ни о чемъ думать не хочется! Проѣхалъ верстъ пять—опять чудеса! Понимаешь—двѣ каменныя наковальни, такъ саженей въ полтораста высоты, а можетъ, и больше, одна противъ другой стоятъ и краями почти сходятся... Не вытерпѣлъ! Оставилъ „Сѣряка“ и полѣзъ! Вспотѣлъ, а все-таки влѣзъ! Просторъ! Такъ бы вотъ и полетѣлъ, кажется! Вокругъ эти горы толпятся, рощи краснѣютъ, гдѣ-то вода блеститъ въ туманѣ, словно ртуть на ватѣ. Подошелъ ко краю, легъ на животъ, глянулъ внизъ—духъ захватило! Внизу желтой полоской дорога змѣится, а по ней, какъ козявки, наши транспорты ползутъ! Такъ бы и остался на этой

кручѣ! Къ полудню до рѣки доѣхалъ, ѣсть захотѣлъ! Значитъ, привалъ! Побродилъ по берегу, насобиралъ всякой всячины, сухихъ водорослей, терновнику, съ сухого дерева сукъ шашкой срубилъ—дымитъ костеръ да потрескиваетъ! Разогрѣлъ жестянку консервовъ, поѣлъ, потомъ въ рѣкѣ жестянку вымылъ и въ ней чаю вскипятилъ! Наѣлся, напился, трубку выкурилъ, да тутъ же, на берегу, растянувшись, и заснулъ! Еще какъ заснулъ! Ни на какомъ пуховикѣ такъ не заснешь! Да! Просыпаюсь, „Сѣрякъ" мой—умница!—мордой меня въ грудь тычетъ! Вставай, значитъ! Оглядываюсь: шагахъ въ десяти—китайченокъ! Разставилъ босыя ноги, изъ отцовской курмы голое пузо выглядываетъ, черныя космы вѣникомъ торчатъ, на плечѣ косичка, словно хвостикъ чернѣетъ! А рожа? Препотѣшная! Ротъ разинулъ, одинъ палецъ въ носу, а другой лапой животъ чешетъ; глазенки черные, какъ у звѣрька, свѣтятся и страхомъ, и удивленіемъ! Потомъ растерялся, видно: не знаетъ—улепетывать или нѣтъ! Я ему сахару далъ... „Хао-пу-хао"? *) спрашиваю.—Хао!—говоритъ, а палецъ-то еще въ носу, и говоритъ какъ—важно, съ достоинствомъ!.. А въ одномъ мѣстѣ на пустую фанзу наткнулся; ни живой души вокругъ, только передъ фанзой дикія розы да астры въ полномъ цвѣту, высокія, махровыя астры, такихъ я еще не видывалъ! И для кого эти астры? Одну сорвалъ и...

Онъ не договорилъ. Въ фанзу вошелъ штабный переводчикъ, полурусскій, полумонголъ, и ввелъ за руку согбеннаго старика-китайца.

— Вотъ не угодно ли!—заговорилъ переводчикъ,—рекомендую послушать, такъ сказать, китайскій рапсодъ, лирникъ! Но, собственно, важно не это: онъ импровизаторъ! Такъ сказать, бродячій поэтъ и музыкантъ вмѣстѣ! Экземпляръ любопытный...

При видѣ старика, который, высоко поднявъ голову,

*) Ладно или неладно?

смотрѣлъ передъ собою потухшими глазами, Сафоновъ вскочилъ, сдѣлалъ было движеніе къ двери, но потомъ снова сѣлъ.

Переводчикъ обмѣнялся со старикомъ нѣсколькими фразами и сталъ свертывать папиросу.

— Вы слушайте, я вамъ переводить буду! Это, такъ сказать, на злобу дня!

Старикъ присѣлъ у порога, снялъ съ плеча незатѣйливый инструментъ вродѣ малороссійской бандуры и, низко опустивъ голову, сталъ тихо перебирать струны. Сыгравъ мелодичную интродукцію, навѣявшую грусть, онъ вдругъ поднялъ сѣдую, обнаженную голову, вперилъ передъ собою подернутыя туманомъ глаза и запѣлъ дрожавшимъ, какъ струны его инструмента, голосомъ:

„Близъ дороги въ Шэн-цзинъ *) стояла фанза,
А передъ фанзой цвѣли макъ и шиповникъ...
Каждое утро и на закатѣ въ ней пылалъ очагъ,
И она оглашалась звонкимъ смѣхомъ дѣтей...
Все это правда, все это было—
Старый И-тай не станетъ лгать!..
И каждый вечеръ заботливая женская рука
Зажигала свѣчу передъ изображеніемъ Фо **).
Старому И-таю давали „чифанъ",
А онъ разсказывалъ о чудныхъ дѣлахъ прошлаго.
Все это правда, все это было—
Старый И-тай не станетъ лгать!..
Но вотъ пришли воины съ бѣлыми лицами
Изъ далекой и холодной страны.
Они стали рыть долины и высокія горы,
Чтобы укрыть себя и свое оружіе.
Изъ-за теплаго моря на нихъ двинулись желтолицые „ипэнъ".
Воины съ сѣвера пошли въ бой, прославляя въ пѣсняхъ своихъ героевъ.
А враги устремлялись на нихъ съ воинственнымъ кличемъ.
Все это правда, все это было—
Старый И-тай не станетъ лгать!
Долины и горы задрожали отъ громовъ и покрылись кровью,

*) Китайское названіе Мукдена.
**) „Фо"—искаженное китайское имя Будды.

Заплакали наши жены и дѣти, и опустѣли фанзы и деревни.
Наши нивы и огороды истоптаны пришельцами,
Въ густомъ гаолянѣ валяются трупы нашихъ дѣтей и братьевъ.
Они напрасно ждутъ погребенія—никто не положитъ ихъ въ гробъ.
Мы не хотѣли зла обоимъ противникамъ.
За что льется наша кровь и страдаетъ наша земля?!
Все это правда, все это было—
Старый И-тай не станетъ лгать!
На пути къ Шэн-цзину, гдѣ стояла фанза,
Теперь груда развалинъ, не цвѣтутъ шиповникъ и макъ!
Передъ закатомъ не пылаетъ больше очагъ,
Не раздается звонкій дѣтскій смѣхъ,
Никто не зажигаетъ свѣчи передъ изображеніемъ Фо,
И некому накормить стараго, слѣпого И-тая!..

. . . .

Старикъ кончилъ и снова поникъ головой. Въ фанзѣ наступило молчаніе.

— Ну, ходя, хао! Тын-хао! *)—проговорилъ, наконецъ, переводчикъ и протянулъ старику деньги. Сафоновъ всталъ, завозился въ карманахъ, сунулъ въ руки старика кошелекъ и, не простившись, стремительно вышелъ изъ фанзы.

Бормоча благодарности и ощупывая костылемъ путь, ушелъ и старый пѣвецъ...

Рано утромъ, когда надъ лощинами еще стлался сѣдой туманъ, небольшой отрядъ съ командиромъ корпуса выѣхалъ на рекогносцировку. Съ нимъ отправились всѣ офицеры штаба, ординарцы, а позади скакала конвойная сотня казаковъ со значками.

— Ну, теперь раньше вечера изъ сѣдла не выберешься!—ворчали „старики“.—И насъ, и лошадей заморитъ! Ужъ больно энергиченъ!

Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ живописнѣе становилась мѣстность.

Толпившіяся вокругъ сопки, отъ подошвы до вер-

*) Хорошо, очень хорошо.

шины поросшія кустами боярышника, шиповника, дикимъ виноградомъ и молодымъ дубнякомъ, пышныя въ золотисто-румяномъ осеннемъ нарядѣ, постепенно переходили въ каменистыя высоты и заканчивались величавыми синевато-лиловыми гребнями.

Часто на склонахъ, въ лощинахъ, и „корридорахъ" попадались красивыя въ своей простотѣ, просившіяся на полотно художника, маленькія деревушки и одинокія фанзы.

Невдалекѣ, гдѣ работали саперы, раздавались гулкіе взрывы динамита.

Иногда, повернувъ въ расщелину, кавалькада попадала въ небольшую рощу, которую тѣснили со всѣхъ сторонъ скалистые отроги горъ, и передъ взорами, словно въ сказкѣ, вдругъ выростала обнесенная зубчатой каменной стѣной „импань"—крошечная китайская крѣпость, отъ которой вѣяло не то сказками Шехерезады, не то средневѣковой балладой.

Но, вмѣсто чернолицыхъ тѣлохранителей какого-нибудь калифа или закованныхъ въ стальныя кольчуги рыцарей, изъ узкихъ крѣпкихъ воротъ игрушечной твердыни неуклюже вылѣзалъ встрепанный, лохматый казакъ, съ вялымъ, заспаннымъ лицомъ и, вмѣсто воинственнаго оклика, раздавалось хриплое „такъ точно!" или же традиціонное „не могу знать!"

Оставивъ внизу лошадей и конвой, маленькій отрядъ взобрался на ближайшую высоту. Появились карты, бинокли и компасы. Одинъ изъ „прикомандированныхъ въ распоряженіе", маленькій, на тоненькихъ ножкахъ, обвѣшанный цѣлымъ арсеналомъ, состоявшимъ изъ револьвера, штуцера, огромной кавказской шашки и длиннаго кинжала, въ громадной папахѣ, съ пенснэ на прыщеподобномъ носу, — съ озабоченнымъ видомъ оглянулся во всѣ стороны и, ни къ кому не обращаясь, задалъ вопросъ:

— А гдѣ же, собственно говоря, югъ?

Кто-то не выдержалъ и фыркнулъ.

— Да вѣдь у васъ компасъ въ рукахъ?

— Да, но... чортъ его знаетъ, онъ китайской работы и, вѣроятно, вретъ!

— Ну, знаете, по этой части китайцы намъ съ вами двадцать очковъ впередъ дадутъ!

— Господа! Японскій флагъ!—закричалъ кто-то взволнованно.

— Это сигнальная мачта! Съемку производятъ!

— Чортъ знаетъ, прямо у насъ подъ носомъ!

— А вонъ видать облако пыли!

— Пѣхота идетъ! Полка два будетъ!

Въ бинокль была видна двигавшаяся по лощинѣ колонна.

— Надо спѣшить назадъ!—рѣшилъ генералъ, отмѣчая что-то на картѣ.—Кто знаетъ кратчайшую дорогу въ деревню?

— Я, ваше превосходительство!—вызвался франтоватый начальникъ конвоя, недавно переведенный изъ гвардіи.—Самый кратчайшій путь!

„Кратчайшій путь" привелъ весь отрядъ въ непроходимую горную трущобу, густо-поросшую какимъ-то ягоднымъ кустарникомъ.

Проѣхавъ съ трудомъ версты двѣ, мы выбрались на болѣе ровное мѣсто; вдругъ, ѣхавшій впереди всѣхъ, генералъ покачнулся въ сѣдлѣ и едва не свалился съ лошади, которая передними ногами провалилась въ землю.

Отрядъ наскочилъ на превосходно замаскированную засѣку.

— Да вѣдь тутъ японцы уже были! Это ихъ работа!—сердито говорилъ генералъ, слѣзая съ лошади.— Чего же смотрятъ наши охотники? Казаки? Хороша ваша „кратчайшая дорога"! Нечего сказать! Что же вы дѣлали на развѣдкахъ?—Генералъ сурово взглянулъ на франтоватаго начальника конвоя.

— Ваше превосходительство, это такъ неожиданно..— бормоталъ тотъ, взявъ подъ козырекъ.

— У насъ все неожиданно! Все сюрпризы! Вѣчные немогузнайки!—оборвалъ его генералъ.—Конвой впередъ! Маршъ!

Отрядъ тронулся дальше, но не успѣлъ выбраться изъ кустарника, какъ освѣдомлявшійся относительно „юга“ офицеръ, котораго за глаза называли „блохой въ папахѣ“, кубаремъ полетѣлъ изъ сѣдла, а лошадь его съ испугомъ забилась на одномъ мѣстѣ.

Всѣ спѣшились и окружили злополучнаго офицера. Вѣстовые бросились къ лошади.

— Да тутъ, вашскородіе, нагорожено!

Въ чащѣ кустарника оказались вбитые въ землю заостренные колышки, перетянутые колючей проволокой, въ которой и застряла нога лошади.

— Везетъ намъ сегодня!—ворчалъ генералъ.—А надо отдать справедливость—чистая работа! Психологи они хорошіе! Все съ разсчетомъ!

Поздно вечеромъ вернулся отрядъ въ деревню. Люди были заморены и смущены...

XIII.

Въ шесть часовъ утра двадцать шестого сентября, когда штабъ и головная часть отряда стали подходить къ намѣченнымъ позиціямъ, въ юго-восточномъ направленіи, вдругъ послышались орудійные выстрѣлы.

Штабъ остановился.

— Что это? У кого это можетъ быть?—спрашивалъ генералъ, вынимая карту.

— Это на лѣвомъ флангѣ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ начальникъ штаба:—по всей вѣроятности, у генерала Ризендамфа!

— Рано же завязался бой! Надо спѣшить къ нему!

Штабъ сдѣлалъ поворотъ и поскакалъ то крупной рысью, то карьеромъ. Выстрѣлы становились громче и

чаще. Навстрѣчу попался скакавшій во весь опоръ казакъ. Его остановили.

— Отъ кого и куда?

— Отъ генерала Ризендамфа въ первый корпусъ.

— Бой идетъ?

— Такъ точно! Они ночью батарею выкатили и первые начали! Сейчасъ наши отвѣчаютъ!..

Разсыпнымъ строемъ штабъ помчался дальше. Переправившись черезъ изгибавшуюся зигзагами рѣчку, онъ остановился у подошвы поросшей молоднякомъ сопки, спѣшился и сталъ взбираться наверхъ, гдѣ находился наблюдавшій за боемъ генералъ.

— Съ наступленіемъ и боемъ!—поздравилъ его корпусный командиръ.—Раненько же вы начали!

Приземистый и молодцоватый, съ нѣсколько помятымъ лицомъ широко пожившаго барина-самодура, генералъ Ризендамфъ, бывшій замѣтно навеселѣ, встрѣтилъ корпуснаго съ изысканной любезностью. Около него на землѣ лежала развернутая закуска и бутылка коньяку. Послѣ краткаго совѣщанія было рѣшено выслать на сосѣднюю высоту горную батарею.

— Хорошо-съ, но вотъ на томъ гребнѣ они сильно укрѣпились! У нихъ даже основательные блиндажи понастроены! Горная—сама по себѣ хороша, чтобы вредить ихъ полевой батареѣ, но съ этими блиндажами она ничего не подѣлаетъ!

— Да, тутъ бы хороши были мортирныя бомбы!—отозвался корпусный, отходя отъ подзорной трубы.—Подошла къ вамъ мортирная батарея?

— Мунтянова? Какъ же, недавно прибыла!

— Такъ прикажите ей немедленно двинуться на вершину!

Расположенная у подножія сопки полевая батарея энергично обстрѣливала непріятеля, который, противъ обыкновенія, стрѣлялъ неторопясь, но успѣлъ взять вѣрный прицѣлъ. Впрочемъ, разстояніе, раздѣ-

лявшее противниковъ, было настолько невелико, что въ бинокль были видны торчавшія на гребнѣ колеса японскихъ орудій, частью замаскированныхъ кустарникомъ.

Спустя нѣкоторое время, горная батарея, съ навьюченными на вороныхъ лошадей орудіями и зарядными „конвертами", стала взбираться на высоту, вытянувшись караваномъ.

— Эта батарея первый разъ въ дѣлѣ?—спросилъ корпусный.

— Первый, ваше превосходительство, и будетъ работать молодецки!

— Да-да! И будетъ, какъ водится, пороть горячку!

— Чаю съ коньякомъ не угодно ли? Или закусить?—предлагалъ Ризендамфъ, наливая себѣ чарку коньяку.

— Нѣтъ, спасибо, надо торопиться!—сухо отвѣчалъ корпусный.—Я вотъ къ горнякамъ отправлюсь!

— Просто нѣтъ на него угомону! Опять на этакую крутизну переть придется!—ворчали штабные офицеры, спускаясь внизъ къ лошадямъ.

Вершина, на которую была двинута горная батарея, скоро огласилась рѣзкими, особенно трескучими выстрѣлами. Непріятель, очевидно, не ожидалъ появленія артиллеріи на этой высотѣ и часть огня направилъ на горную батарею. Полевые артиллеристы внизу, въ долинѣ, могли немного отдохнуть и оправиться отъ мѣткаго огня непріятеля. Но это продолжалось недолго. Не прошло и получаса, какъ японцы оставили въ покоѣ горняковъ и снова сосредоточили все свое вниманіе на полевой батареѣ. Стало ясно, что огонь горной батареи не причинялъ никакого вреда.

— Ну вотъ, я зналъ, что вы станете горячиться! Въ первомъ бою, положимъ, всегда такъ начинаютъ!—говорилъ батарейному командиру корпусный, который по спеціальности былъ самъ артиллеристъ.

Бой продолжался весь день съ короткими перерывами. Часовъ около пяти была двинута пѣхотная ко-

лонна, чтобы атаковать непріятеля. Она пробиралась вдоль сопокъ, укрываясь отъ снарядовъ, дѣлала перебѣжки и медленно приближалась къ японскимъ позиціямъ. Несмотря на то, что непріятель имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего только одну батарею, онъ успѣлъ вывести изъ строя одно орудіе въ нашей полевой батареѣ, гдѣ было уже трое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, и подбить одну горную пушку. Когда атакующая колонна подошла къ непріятелю на близкое разстояніе и остановилась въ ожиданіи сигнала броситься впередъ, на небольшомъ холмикѣ вдругъ появилось нѣсколько черныхъ фигуръ.

— Смотрите, смотрите! Японцы! Японскіе офицеры!— закричали на горной батареѣ, которая превратилась въ наблюдательный пунктъ.

— Это нахальство лѣзть такимъ образомъ!—возмущался генералъ Шпэкъ, носившій форму генеральнаго штаба и случайно прибывшій изъ сосѣдняго небольшого отряда, которымъ онъ командовалъ.

Невооруженнымъ глазомъ можно было хорошо видѣть пятерыхъ японскихъ офицеровъ, въ черныхъ плащахъ съ капюшонами. Одинъ, повидимому, старшій, спокойно сталъ искать что-то на бѣлѣвшей въ рукахъ картѣ. Около него еще двое разсматривали въ бинокль нашу позицію и переговаривались. Шагахъ въ двадцати четвертый офицеръ, сидя на землѣ, то пригибался, то оборачивался къ начальнику. Можно было догадаться по его движеніямъ, что онъ переговаривался по телефону съ батареей. Пятый стоялъ на самой вершинѣ холма и отъ поры до времени сигнализировалъ двумя бѣлыми флагами, и такими же сигналами ему отвѣчали съ гребня, гдѣ явственно копошилась длинной черной цѣпью пѣхота. Все это дѣлалось спокойно, на виду у насъ; казалось, что эти пятеро офицеровъ совершенно не замѣчали нашего присутствія и не слышали нашихъ выстрѣловъ.

— Полковникъ!—закричалъ чуть не въ бѣшенствѣ генералъ Шпэкъ батарейному командиру:—развѣ вы не видите? Уберите этихъ нахаловъ! Наведите на нихъ одно орудіе! Что за выскочки!

Орудіе было наведено, и четыре снаряда разорвались передъ холмикомъ. Японцы продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ.

Еще четыре снаряда было выпущено по кучкѣ храбрецовъ. Они разорвались надъ склонами холма, и изъ-подъ земли показалось десятка три солдатъ, которые стали убѣгать изъ-подъ огня.

— Да тамъ траншея! Пѣхота! Чортъ возьми! Почему наши не атакуютъ ихъ? Вѣдь это прямо подъ носомъ!—кричали офицеры на батареѣ. Но наша пѣхота не двигалась, а ожидаемаго сигнала не подавали.

— Гдѣ же генералъ Ризендамфъ? Почему онъ медлитъ? Дайте ему знать! Пошлите ординарца! Живо!—распоряжался корпусный.

Послали ординарца. Пока онъ ѣздилъ, пятеро японскихъ офицеровъ переходили съ мѣста на мѣсто, спокойно сообразуясь съ направленнымъ на нихъ огнемъ одного орудія, но не покидали холма. Вся публика на горной батареѣ была возбуждена. Возмущеніе „нахальствомъ“ мало-по-малу уступало мѣсто чувству невольнаго изумленія и уваженія.

— Это какіе-то дьяволы, а не люди! Лѣзть прямо на вѣрную смерть! И вѣдь какое дьявольское спокойствіе!—говорили офицеры.

— Шпарьте по нимъ взводомъ!—предложилъ генералъ Шпэкъ.—Неужели мы ихъ не заставимъ убраться?

Два орудія открыли бѣглый огонь по храбрецамъ. Скоро одинъ изъ нихъ былъ раненъ. Къ нему подбѣжалъ товарищъ и сталъ перевязывать. Начальникъ не покидалъ своего поста, а сигналистъ невозмутимо продолжалъ дѣлать свое дѣло. Вернувшійся ординарецъ сообщилъ, что генералъ Ризендамфъ куда-то уѣхалъ.

— Странно! Какъ можно теперь покидать бой? — злился корпусный. — Надо атаковать, надо распорядиться резервами, а его нѣтъ!

Сумерки быстро сгущались, и японцы на холмѣ казались уже смутными силуэтами.

— Залпомъ по нимъ! Дайте залпъ!

Батарейный командиръ, самолюбіе котораго было сильно задѣто, отдалъ команду.

Загрохоталъ залпъ.

Весь штабъ, лежавшій на землѣ, вскочилъ на ноги и устремилъ взглядъ на холмъ. Японцы задвигались, но не покинули холма.

— Молодцы! Герои! Ей-Богу, герои! Ура! Браво! — крикнулъ кто-то, не выдержавъ, и цѣльный хоръ голосовъ подхватилъ—„ура!“ Замахали платками, фуражками...

— Отвѣчаютъ! Замѣтили! Ура-а! Бр-раво-о!

Въ бинокль было видно, какъ на холмикѣ также махали платками и кэпи.

— Остановить огонь! — раздался голосъ корпуснаго.—Довольно! Такихъ нельзя разстрѣливать залпами!

Аттака не состоялась, а съ наступленіемъ темноты замолкли и орудія.

— Пропалъ день! Въ ничью разыграли! — говорили офицеры, возвращаясь съ позиціи.

Часамъ къ десяти мы добрались до деревни, гдѣ остановился штабъ отряда. Начальникъ артиллеріи и ординарцы размѣстились въ одной фанзѣ. Комарикъ, который не былъ на позиціи, распоряжался ужиномъ. Офицеры много толковали о пятерыхъ японцахъ и нѣсколько разъ возвращались къ этому эпизоду.

— Такъ и не ушли съ холма?—спросилъ Комарикъ.

— Такъ и не ушли! Понимаешь? Залпами шпарили! Да! Это были офицеры, чортъ возьми! Вотъ, братъ, Комарикъ, какіе люди бываютъ на свѣтѣ! Не то, что ты!

Въ ожиданіи завтрашняго боя легли спать рано.

Около полуночи полковникъ былъ вызванъ къ кор-

пусному и вернулся озабоченный. Офицеры проснулись и съ нетерпѣніемъ поглядывали на ходившаго по фанзѣ начальника.

— Завтра начнемъ обстрѣливать японскія позиціи. Генеральный бой и аттака назначены на послѣзавтра! Поручикъ Соколовъ будетъ наблюдать на правомъ флангѣ. Да! Сейчасъ-же необходимо дать знать капитану Гертелю, чтобы онъ со своимъ паркомъ немедленно выступилъ и къ утру былъ здѣсь! Иначе мы останемся безъ снарядовъ! Господа, надо кому-нибудь ѣхать! Я сейчасъ напишу Гертелю записку!

Офицеры были утомлены безпокойнымъ днемъ и недавнимъ походомъ; нѣкоторымъ изъ нихъ въ теченіе сутокъ не удалось сомкнуть глазъ.

— Кто же ѣдетъ?—спросилъ полковникъ, заклеивая конвертъ, на которомъ онъ поставилъ три креста,—самый скорый аллюръ.

— Комарику ѣхать, г. полковникъ!.. Помилуйте, мы со вчерашняго дня на ногахъ, а онъ весь день тутъ въ фанзѣ провалялся!—раздались голоса.

— Ну, что-жъ, придется вамъ ѣхать, Комаровъ... одѣвайтесь живо! Понимаете? Вопросъ важный! Передайте капитану Гертелю, чтобы форсированнымъ маршемъ шелъ! Онъ копаться любитъ, я знаю! Скажите, что мы начнемъ бой съ пяти часовъ утра! Вы дорогу-то знаете? Онъ въ Ходягоу стоитъ.

Комарикъ надѣлъ шинель, оружіе, взялъ конвертикъ и вышелъ.

Минуту спустя, раздался удаляющійся конскій топотъ.

Была еще ночь, и сквозь продырявленное бумажное окно виднѣлись мигающія звѣзды, когда скрипнула дверь и кто-то вошелъ въ фанзу.

— Кто здѣсь? — спросилъ полковникъ, спавшій необычайно чутко.

— Это я!

— Комаровъ? Ну вотъ и отлично! Скоро же вы... я думалъ, что вы отдохнете тамъ немного или придете съ паркомъ.

— Господинъ полковникъ, — виноватымъ голосомъ началъ Комарикъ,—я... я не нашелъ парка...

— Что? Не нашли? Какъ? Почему? Что вы говорите?

Полковникъ засуетился и зажегъ свѣчу.

Комарикъ стоялъ передъ нимъ блѣдный, съ опущенной головой и смущенно мялъ фуражку. Изъ-подъ толстой, солдатскаго сукна шинели какъ-то жалко выглядывали его тоненькія, „комариныя" ножки, обтянутыя японскими гетрами, добытыми отъ какого-то казака.

— Кого ни спрашивалъ, никто не знаетъ дороги въ Ходягоу! Въ одномъ мѣстѣ штабъ какой-то бригады разбудилъ, по картѣ смотрѣли, нашли дорогу, поѣхалъ, а потомъ оказалось, что не та деревня на картѣ обозначена или названіе невѣрное! Путался—путался... не могъ ничего добиться...

— Что же теперь дѣлать? Ахъ ты, Господи! Вѣдь какъ нарочно... Ну что-жъ... теперь все равно не успѣть! Видно, утро вечера мудренѣе... Ахъ вы, Комарикъ, Комарикъ! Удивительно вамъ не везетъ!

Комарикъ снялъ оружіе и тихонько вышелъ изъ фанзы...

Съ восходомъ солнца по всему фронту загрохотали орудія, и тысячи снарядовъ помчались на „Орлиное гнѣздо", какъ уже успѣли прозвать главную позицію непріятеля.

Почти отвѣсные склоны, зубчатыя очертанія гребня, ряды природныхъ террасъ и брустверовъ дѣлали ее похожей на чудовищную средневѣковую крѣпость. Грозно высилась эта горная твердыня надъ толпою тѣснившихся вокругъ желтовато - бурыхъ сопокъ и, казалось, давила своимъ суровымъ величіемъ живописную окрестность. Груды камней и обломковъ скалъ устилали склоны и отроги горы. Чѣмъ выше, тѣмъ

неприступнѣе становилась ея сѣрая громада, подернутая глубокими тѣнями въ расщелинахъ, выдыхавшихъ по утрамъ сѣдые туманы...

— Много поляжетъ тутъ нашего брата!—говорили передъ фанзой глазѣвшіе ординарцы и вѣстовые.—Ты пока до половины долѣзешь, такъ онъ тебя сверху сколько выкоситъ!

— А нешто придется лѣзть нашимъ? Тутъ пушками надо!

— Прикажутъ — полѣзешь! А только обходомъ ее взять много легче! Зайти бы съ двухъ сторонъ, такъ подальше, да вдарить по немъ, какъ слѣдоваетъ...

— Какъ-жа! Вдарить! Станутъ насъ съ тобой спрашивать!

Весь день безпрерывно гремѣла канонада, мрачная твердыня вся клокотала отъ снарядовъ, воздухъ шипѣлъ и гудѣлъ; но непріятель хранилъ глубокое молчаніе и не отвѣчалъ ни однимъ выстрѣломъ.

Артиллеристы отупѣли и оглохли на батареяхъ; парки не успѣвали доставлять снаряды, тратившіеся еще въ небываломъ количествѣ; дистанціонныя трубки, вслѣдствіе лихорадочной спѣшки, не устанавливались надлежащимъ образомъ, и на батареяхъ сплошь и рядомъ происходили преждевременные разрывы снарядовъ, нерѣдко наносившіе вредъ орудійной прислугѣ.

На наблюдательномъ пунктѣ, гдѣ находился корпусный генералъ со своимъ штабомъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за боемъ.

— Вѣдь это сплошной дождь снарядовъ!—говорили офицеры:—и на этой горѣ должно, чортъ знаетъ, что творится! Адъ настоящій! Мудрено, чтобы кто-нибудь уцѣлѣлъ.

Упорное молчаніе непріятеля поражало всѣхъ и вызывало всевозможныя предположенія.

— Странно! Не можетъ быть, чтобы у нихъ не было артиллеріи!—говорилъ корпусный.

Спустя нѣкоторое время, ближайшая къ наблюдательному пункту батарея получила по телефону приказаніе перемѣнить прицѣлъ и открыть огонь по кустамъ, которые тянулись по гребню „Орлинаго гнѣзда“.

Батарея, однако, огня не открыла и отвѣтила, что никакихъ кустовъ на гребнѣ она не видитъ.

На наблюдательномъ пунктѣ всѣ ухватились за бинокли. Однако, кусты, которые всѣ видѣли часа три тому назадъ, куда-то исчезли!

— Куда же дѣвались кусты?—говорили штабные,—своими глазами видѣли!

Такъ кусты и не нашлись

— Сигналы на лѣвомъ флангѣ!—раздались вдругъ голоса.—Наши сигналы! Укоротить прицѣлъ!

Два красные флага замелькали на склонѣ „Орлинаго гнѣзда“.

— Что за чортъ!—недоумѣвали на „пунктѣ“,—да тамъ никого нѣтъ! Тамъ нашихъ быть не можетъ! Это японскіе фокусы!

Сигналы были правильные, по русской семафорной азбукѣ и сообщали дистанцію, отдѣляющую непріятеля, съ большой точностью.

— Ну, этимъ насъ не проведешь!—говорилъ корпусный командиръ,—на кустахъ имъ удалось смошенничать, ну а на сигналахъ не выгоритъ!

Сигналы повторялись съ удивительной настойчивостью, но на нихъ не обращали вниманія, а одна изъ батарей, по приказанію корпуснаго командира, дала нѣсколько залповъ по краснымъ флагамъ, послѣ чего сигналы прекратились.

Вечеромъ, по обыкновенію, у начальника артиллеріи собрались къ ужину офицеры.

Говорили о стрѣльбѣ, высчитывали количество истраченныхъ снарядовъ и строили предположенія о предстоявшей аттакѣ.

— А гдѣ же нашъ Комарикъ?—спросилъ полков-

никъ уже подъ конецъ ужина. Тогда только спохватились, что Комарика нѣтъ.

— Должно быть, переконфузился бѣдняга!—рѣшилъ полковникъ.—Не везетъ ему положительно!

Офицеры уже расходились изъ-за стола, когда вошелъ Сафоновъ. Онъ кивнулъ мнѣ головой и, представившись полковнику, подалъ ему смятый сѣрый „полевой конвертъ“.

— Что это? Отъ кого?—спросилъ полковникъ.—Позвольте, это не мнѣ... Капитану Гертелю... командиру...

Полковникъ вдругъ нахмурился и съ испугомъ отстранилъ отъ себя конвертъ.

— Это, г. полковникъ, мои охотники нашли!—объяснялъ Сафоновъ.—Вечеромъ насъ на развѣдку отправили подъ самое „Орлиное гнѣздо“. На восточномъ склонѣ наткнулись на офицера нашего! Убитъ наповалъ! Лица не видать, черепъ раздробленъ и весь кровью облитъ! Сперва думали—японецъ, потому что бѣлыя гетры у него на ногахъ были, а потомъ узнали, что свой. Только удивительно, какъ онъ такъ далеко забрался! Мы, спѣшившись, на животѣ ползли, и то насъ японцы подмѣтили, стрѣлять стали. Вотъ конвертъ у него нашли, да еще два сигнальныхъ флага! Оба пробиты! Судя по флагамъ и конверту, я рѣшилъ, что офицеръ, должно быть, вамъ извѣстенъ и...

— Комарикъ!—перебилъ полковникъ.—Гетры... конвертъ... Боже мой... Да вѣдь это значитъ...

— Это онъ сигнализировалъ! — подхватилъ кто-то изъ офицеровъ.

— А у насъ не вѣрили! Комарикъ! Да какъ же это онъ? Кто его посылалъ? Убитъ!

Наступило тяжелое молчаніе.

— Вотъ, господа...—грустно произнесъ полковникъ,—всё смѣялись надъ нимъ... а вѣдь это, это... ахъ, бѣдняга, бѣдняга! То-есть какъ ему не везло!.. Царствіе ему небесное!..

Офицеры перекрестились, и въ эту минуту, казалось, всѣ одинаково чувствовали, какъ близокъ и дорогъ имъ былъ несчастный Комарикъ.

Сафоновъ остался у насъ ночевать. Онъ снова былъ мраченъ и говорилъ отрывисто, съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ.

— Довольно! Побаловался съ охотниками, и хватитъ! Завтра съ полкомъ пойду!

— Ну что японцы?—спросилъ его полковникъ, укладываясь спать.

— Да что японцы! Юмористы они большой руки! Вчера ночью, вѣрнѣе, на разсвѣтѣ, водевиль съ нами разыграли... Отрядили насъ на развѣдку! Ну, поѣхали! До сопки добрались, спѣшились, котелки, скатки—все это побросали и полѣзли наверхъ. Больше половины одолѣли, рѣшили отдохнуть. На разсвѣтѣ туманъ поднялся вокругъ; я думаю, — надо имъ воспользоваться! Поползли дальше. Въ одномъ мѣстѣ передышку сдѣлали. Понимаете, всѣ мѣры осторожности приняли, не курили, не разговаривали, просто ползли, какъ ящерицы! Только это вѣтерокъ утренній повѣялъ, началъ туманъ расходиться, вдругъ, понимаете, сверху, слышимъ, кричатъ намъ: „Здорово, охотники! Здорово, молодцы N-цы!“ Понимаете? По-русски, какъ слѣдуетъ! Мои охотники со смѣху покатились! Не выдержали! „Здорово, молодцы японцы!“—отвѣчаютъ! А тѣ сверху опять: „Рады стараться, молодцы охотники!“ Да! Что-жъ, плюнули на это дѣло и стали внизъ спускаться! Японцы хоть бы одинъ патронъ выпустили! Этимъ вся развѣдка и кончилась!

На слѣдующій день насъ разбудилъ торопливый рокотъ пулеметовъ.

Аттака была назначена ровно въ часъ дня, и съ самаго утра пѣхота съ трехъ сторонъ начала осторожно подбираться къ подошвѣ „Орлинаго гнѣзда“.

N-скій полкъ я разыскалъ въ верстѣ отъ деревни, готовымъ тронуться.

Офицеры стояли передъ фронтомъ, поджидая полкового командира.

— Не ожидалъ я, что доживу до такого дня!—говорилъ мнѣ капитанъ Заленскій, крѣпко пожимая руку.— Вѣдь это сознательное убійство тысячъ людей! Такія позиціи не берутъ штыками! Если ужъ непремѣнно надо брать, такъ брать осадой, изморомъ, отрѣзать ихъ кругомъ, а не идти разбивать себѣ лобъ о стѣнку! Я не боюсь умереть! Хотя и жалко семьи! Я старикъ уже, свое отжилъ, да и смерть, слава Богу, видѣлъ, а только за солдата душа болитъ! О немъ у насъ не думаютъ, какой-то сѣрой скотиной считаютъ! Пушечное мясо—и больше ничего! Это заблужденіе! Огромное заблужденіе! Не мы, офицеры, побѣждаемъ—побѣждаютъ они, солдаты! И солдатъ все видитъ! Онъ все понимаетъ, только сказать не умѣетъ, да не можетъ, и вотъ эта-то беззавѣтная, молчаливая жертва и, главное, ненужная, напрасная жертва, - она-то меня изъ себя выводитъ! Наступленіе затѣяли! Попомните мое слово: это похороны будутъ, гробъ для всей арміи, а не наступленіе! Я предчувствую это!

Нѣсколько въ сторонѣ отъ стоявшаго подъ ружьемъ полка я завидѣлъ Дубенку.

Онъ вылѣзалъ изъ-за кустовъ и дрожащими руками тщетно пытался привести въ порядокъ свои необъятныя шаровары. Лицо подполковника было желтовато-зеленое, глаза пугливо бѣгали, поблѣднѣвшія губы тряслись, но онъ хорохорился, пытался улыбаться и, въ общемъ, строилъ довольно жалкую гримасу.

— А-а! Родной мой! Вотъ, знаете, можно сказать, историческая минута! А у меня, чортъ его батька вѣдаетъ, какъ нарочно, вдругъ дизентерія сегодня ночью открылась!

— Ну? Такъ вы бы къ доктору, въ госпиталь...

— Да что! Былъ я у нашего доктора, у дурака этого, къ старшему ходилъ! Никакого вниманія! Еще

смѣются, подлецы этакіе! Да что! Развѣ наши военные врачи понимаютъ медицину? Я вотъ, можетъ быть, околѣю на полдорогѣ!

— Чѣмъ это вы такъ нагрузились? — спросилъ я, обративъ вниманіе на топырившуюся, брюхатую холщевую сумку, которая висѣла на Дубенкѣ.

— А-а! Это я, знаете, на случай чего, перекусить захватилъ! Кто-либо изъ офицеровъ проголодается, ослабнетъ... Да и для себя пригодится!—скромно объяснилъ Дубенко. — Знаете — ѣдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю! Вѣдь вы знаете, — насъ на пустое брюхо въ аттаку посылаютъ! Возмутительно!

Дубенко лгалъ; для всѣхъ пѣхотныхъ частей, назначенныхъ въ аттаку, въ теченіе ночи готовилась горячая пища.

Около половины перваго пѣхота подошла на выстрѣлъ къ непріятельскимъ позиціямъ.

На наблюдательномъ пунктѣ волновались. Телефонъ, соединявшій пунктъ съ батареями, лихорадочно работалъ.

— Передай на батареи, — приказывалъ лежавшему на землѣ телефонисту начальникъ артиллеріи, — что какъ только на склонѣ „гнѣзда“ появится бѣлый флагъ, моментально прекратить огонь по всей линіи! Это сигналъ къ аттакѣ.

На вышку взобрался на взмыленномъ конѣ запыхавшійся офицеръ-ординарецъ.

— Ради Бога! Полковникъ! Просятъ укоротить прицѣлъ на лѣвомъ флангѣ! Тамъ съ правой стороны красноярцы заходятъ! Снаряды перелетаютъ черезъ сѣдловину и рвутся прямо надъ нашей пѣхотой! Пожалуйста, полковникъ! Уже трое убито, человѣкъ двадцать ранено! Весь полкъ взбудораженъ, ни взадъ, ни впередъ!

Телефонъ заработалъ, отдавая новое приказаніе.

— Остается десять минутъ! Прикажите усилить огонь по всей линіи!—распорядился корпусный командиръ.

Послѣ короткаго перерыва воздухъ затрепеталъ отъ новыхъ громовъ, и надъ „Орлинымъ гнѣздомъ“ скоро образовалось большое бѣлое облако.

— Сигналъ! Сигналъ!—закричали на вышкѣ.

Еще минута, другая, и оглушительная увертюра передъ аттакой закончилась.

Настала глубокая тишина, полная тревоги и напряженнаго ожиданія.

Я спустился съ наблюдательнаго пункта, вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ сопкѣ, соединявшейся небольшой сѣдловиной съ „Орлинымъ гнѣздомъ“.

Спустя около часу, на гребнѣ главнаго горнаго кряжа, гдѣ недавно были таинственно исчезнувшіе кустарники, появилась длинная цѣпь японской пѣхоты, открывшей бѣглый ружейный огонь. Часть двадцать перваго стрѣлковаго полка уже взобралась на вершину и бросилась впередъ. За стрѣлками карабкался батальонъ красноярцевъ. Толстый, приземистый командиръ, опираясь на палку, лѣзъ впереди солдатъ. Цѣпляясь за выступы, за камни, за рѣдкій, колючій кустарникъ, люди работали ногами, плечами и грудью, тащили другъ друга за руки, подталкивали... Многіе сбрасывали съ себя мундиры.

Вдругъ градъ камней обрушился на подползавшій къ вершинѣ батальонъ. Десятка полтора солдатъ сорвалось и покатилось внизъ, опрокидывая и увлекая за собою другихъ. Наконецъ, одной ротѣ удалось взобраться наверхъ, и она съ крикомъ „ура!“ ринулась впередъ.

Аттака была въ полномъ разгарѣ.

Напирающіе ряды пѣхоты подошли шаговъ на восемьдесятъ къ японцамъ, стрѣлявшимъ въ упоръ, и бросились въ штыки. Непріятель встрѣтилъ атакующихъ залпами и цѣлымъ градомъ небольшихъ ручныхъ бомбъ, производившихъ страшные ожоги. Въ черныхъ рядахъ нашей пѣхоты образовались прогалины, которыя тотчасъ же смыкались... Выстрѣлы постепенно рѣ-

дѣли, наконецъ, замолкли совсѣмъ, и начался рукопашный бой штыками и прикладами.

Скоро японцы дрогнули и бросились назадъ, а атакующіе заняли первую непріятельскую траншею. Насталъ минутный отдыхъ съ обѣихъ сторонъ. Японцы изъ сосѣдней траншеи выглядывали и снова прятались. Красноярцы напяливали на винтовки фуражки, высовывали ихъ, и по нимъ гремѣли залпы непріятеля. Разстояніе между траншеями было такъ невелико, что обѣ стороны перекликались и грозили другъ другу кулаками.

— Эй вы! Оборванцы! Чего засѣли? вылѣзай...!— кричали по-русски японцы.

„Оборванцы“ приходили въ восторгъ отъ этихъ привѣтствій и отвѣчали подобающимъ образомъ.

Подъ вечеръ непріятель получилъ подкрѣпленія и самъ перешелъ въ наступленіе.

Зловѣще зарокотали японскіе пулеметы, а затѣмъ грянулъ и орудійный огонь, направленный на склоны, гдѣ лежали резервы, и производившій страшное опустошеніе. Тотчасъ же отозвались и русскія батареи, и вся окрестность снова задрожала отъ канонады.

Тѣснимые японцами, полки начали отступать, неся огромныя потери. Ихъ преслѣдовали залпами, ручными бомбами и камнями.

Сумерки быстро сгущались, канонада ослабѣвала, но „Орлиное гнѣздо“ все еще кипѣло и клокотало...

XIV.

Въ послѣдній разъ вздрогнули горы отъ орудійнаго залпа.

Густой сумракъ спустился надъ горами, а изъ лощинъ и ущелій сталъ выползать и медленно подниматься кверху сизый туманъ.

Бой затихъ. Замолкли каменистыя высоты и какъ

будто притаились, отдыхая отъ потрясавшей ихъ канонады.

Стрѣлковыя цѣпи, отступавшія съ разныхъ сторонъ, пулеметы и батареи, траншеи, заваленныя трупами и залитыя кровью, груды раненыхъ, перемѣшавшихся съ мертвецами, оружіе и амуниція, раскиданныя по огромному полю сраженія,—все это скоро утонуло во мракѣ.

Наступала ночь.

Я спустился съ сопки, перебѣжалъ узкую лощину, по которой съ тихимъ журчаніемъ протекалъ горный ручей, и сталъ взбираться по крутому склону „Орлинаго гнѣзда", цѣпляясь руками за колючій кустарникъ.

Чѣмъ выше, тѣмъ круче становился подъемъ, кустарникъ исчезъ и смѣнился скользкими каменистыми глыбами. Вдругъ на меня покатился цѣлый градъ камней. Я остановился и прислушался: надъ головой слышались невнятные возгласы, долеталъ шорохъ и лязгъ оружія. Сверху быстро спускались люди. Едва я подумалъ объ этомъ, какъ на меня кто-то наскочилъ и испуганно вскрикнулъ. Въ ту же минуту слѣва и справа показались смутные силуэты сбѣгавшихъ людей, зазвенѣли солдатскіе котелки, и загремѣли по камнямъ приклады винтовокъ.

— Господи! Кто тутъ? Никакъ, человѣкъ? — испуганно бормоталъ скатившійся на меня солдатъ.

— Свой! Свой! Постой! Какой полкъ?

— Проклятая сопка... Енисейцы, восьмая рота...

— А стрѣлки? Гдѣ стрѣлки?

— Стрѣлки тама! Собираются!.. Забирай правѣе! — долетѣлъ уже снизу голосъ солдата.

Я сталъ карабкаться дальше. Правѣе склонъ оказался болѣе отлогимъ.

Между разорванными тучами выплыла луна, и я могъ различить мрачную громаду вершины и силуэты людей, сбѣгавшихъ внизъ по разнымъ направленіямъ. Люди спускались молча, и только изрѣдка раздавались

стоны раненыхъ. Они ползли медленно, опираясь на винтовки, и часто останавливались.

— Какого полка? — окликнулъ я ближайшаго изъ нихъ.

— Стрѣлки!

— Какой роты?

Стрѣлокъ не сразу отвѣтилъ. Онъ поддерживалъ рукой челюсть и учащенно сплевывалъ.

— Пятая...—проговорилъ онъ невнятно, сквозь зубы.

— Поручикъ Сафоновъ цѣлъ?

— Я перваго взводу!.. Сафоновъ?.. Видалъ ихъ какъ быдто... не могу знать... Какъ пошли въ штыки, такъ всѣ перепутались! Видалъ ихъ... Какъ хватило меня послѣ залпу, такъ я не знаю... не упомню... ротный нашъ тамъ остался... на вышкѣ... не подобрали...

Я поспѣшилъ дальше, опрашивая всѣхъ встрѣчныхъ солдатъ.

— „Не могимъ знать!"—„Мы перваго батальона!"—„Не то раненъ, не то убитъ!"—слышалось въ отвѣтъ. Многіе не отвѣчали совсѣмъ. Въ хвостѣ отступавшей колонны я замѣтилъ офицера съ бѣлой повязкой на головѣ. Когда мы поровнялись, я узналъ въ немъ Кранца.

— Сафоновъ живъ? Видѣли его?

— Кто это? А! Это вы? Видѣлъ!.. Да! Какъ же! — Кранцъ говорилъ, какъ пьяный. — А нашъ ротный... наповалъ!

— Заленскій?!

— Заленскій... Такой былъ человѣкъ... и наповалъ... самъ видѣлъ... руками только взмахнулъ, зашатался... я къ нему хотѣлъ, а тутъ двое или трое налѣзли... да! Вторая полурота... какъ хватили они пулеметомъ—такъ всю выкосило!.. Полковой нашъ тоже...

— А Сафоновъ?

— Дубенку ранили!.. Въ траншею попалъ, должно быть, въ ней и остался! Да! Все это пулеметы и ручныя бомбы... такъ неожиданно...

— Господи!.. А Сафоновъ? Убитъ? да?

— Сафоновъ? Не знаю!.. Тамъ, наверху много... Воды у васъ нѣтъ? Адски пить хочется... Ни одного санитара! Голова трещитъ... пойду!

Наконецъ, я добрался до вершины „наковальни". Пройдя шаговъ пятьдесятъ, я завидѣлъ множество темныхъ фигуръ, сплошь устилавшихъ землю. Нѣкоторыя изъ нихъ какъ будто шевелились. Кое-гдѣ тускло блестѣла сталь штыковъ.

Въ это время большое облако надвинулось на луну, и я очутился въ непроглядномъ мракѣ.

Навстрѣчу мнѣ неслись нестройнымъ хоромъ слабые голоса.

Гдѣ-то неподалеку бредилъ и метался солдатъ, и было слышно, какъ позвякивалъ его котелокъ, ударяясь о камни. Впереди кто-то хрипѣлъ въ агоніи и захлебывался кровью, которая клокотала, какъ закипающая вода.

— А-ахъ-ха-ха-ха-ха! А-аха-ха-ха!.. — тянулъ однообразно жалобный голосъ, а другой, постепенно ослабѣвавшій, слабо вторилъ ему: —„Пи-ить!.. Пи-ить!.."

— Братцы-ы! О-охъ! Братцы-ы! — взывалъ изъ-подъ груды мертвыхъ придавленный ими раненый. Голосъ его сталъ звучать глухо, и слышалось только: „а-ы! а-ы! о-о!", перешедшее затѣмъ въ дикій, безсмысленный, глухой вой.

И со всѣхъ сторонъ изъ мрака къ этимъ стонамъ присоединялись, то усиливаясь, то замирая, новые неясные звуки. Они поднимались съ земли, медленно плыли надъ нею, и казалось, что это стонала залитая кровью земля, стоналъ нависшій надъ нею непроглядный мракъ, стонала холодная осенняя ночь.

Вдругъ впереди раздался протяжный крикъ, покрывшій все остальное. Мнѣ почудилось, что это былъ голосъ Тимы Сафонова. Я затаилъ дыханіе, напрягая слухъ, но крикъ не повторился. Тогда я собралъ силы

и закричалъ самъ: „Тима-а!“ И страннымъ, безсильнымъ, почти чужимъ показался мнѣ мой собственный голосъ. „Тима-а!“ закричалъ я еще громче, и новые нестройные стоны отвѣчали мнѣ изъ мрака.

Лунный дискъ медленно выплылъ изъ-за тучи, и робкій, блѣдный полусвѣтъ разлился по землѣ. Шагая черезъ трупы, натыкаясь на винтовки, я сталъ осторожно пробираться впередъ, стараясь разглядѣть лица и форму одежды. Ужасъ, охватившій меня вначалѣ, среди кромѣшной тьмы, теперь прошелъ. Порою я нечаянно наступалъ на распластанную фигуру, и тогда казавшійся мнѣ трупомъ оживалъ: онъ издавалъ стонъ, приходилъ въ движеніе и судорожно корчился. Скрюченныя ноги, вытянутыя руки, торчавшія надъ тѣлами и застывшія въ угрозѣ, уже не пугали меня. Иногда среди безформеннаго клубка тѣлъ явственно выступало желтоватымъ пятномъ озаренное луннымъ свѣтомъ лицо. Были лица кроткія и печальныя, съ полузакрытыми глазами. Казалось, что они думали какую-то глубокую, тихую и печальную думу. Въ одномъ мѣстѣ полулежалъ солдатъ, откинувшись на цѣлый брустверъ такихъ же мертвецовъ. Обнаженная запрокинутая голова какъ-то упрямо торчала между приподнятыми плечами. Широкое лицо, охваченное окладистой бородой, было искажено отвратительной гримасой страданія и дикой злобы, застывшей въ выпученныхъ глазахъ, и казалось, что изъ чернѣвшаго, широко растянутаго рта сейчасъ вырвется проклятіе или отчаянный вопль. А у ногъ этого бородача лежалъ на боку, скорчившись, маленькій японецъ. Онъ обѣими руками прижималъ къ груди винтовку съ примкнутымъ къ ней широкимъ ножомъ и, казалось, спалъ сладкимъ, крѣпкимъ сномъ.

Цѣлая шеренга солдатъ вытянулась на землѣ въ одинъ рядъ, какъ будто по командѣ—„ложись!“ Перебравшись черезъ нихъ, я наткнулся на двѣ фигуры,

застывшія въ смертельной схваткѣ: японскій солдатъ лежалъ, навалившись всѣмъ тѣломъ на молодого офицера, который съ неописуемымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ стеклянными глазами на врага, впихнувшаго ему въ ротъ маленькій сжатый кулачокъ. Отъ этой группы сильно пахло кровью и несло зловоніемъ.

Скоро я добрался до траншеи. Она чернѣла, словно грудами обломковъ или развалинъ, человѣческими фигурами. Изъ этой общей свалки торчали руки съ винтовками, солдатскіе неуклюжіе „поршни", бѣлѣли японскія гетры, и смутно мерещились лица.

Нестройные звуки, плывшіе надъ мѣстомъ бойни, ослабѣвали постепенно и замирали то здѣсь, то тамъ. Стонавшая земля затихала и, наконецъ, затихла совсѣмъ. Она выдыхала влажныя испаренія, и они, при лунномъ мерцаніи, прозрачно-серебристой пеленою разстилались надъ кровавою нивой.

Ночной холодокъ охватилъ меня легкой дрожью озноба, и я побрелъ обратно.

Луна снова скрылась въ медленно наползавшихъ черныхъ тучахъ, когда я спустился съ вершины и очутился въ лощинѣ. Горный ручеекъ, казалось, исчезъ, и я напрасно прислушивался, чтобы уловить его журчаніе и выбраться на прежній путь: вокругъ была мертвая, давившая своимъ безмолвіемъ, страшная тишина.

Тогда я пошелъ наугадъ, ощупывая почти каждый шагъ, натыкаясь на камни и мелкій кустарникъ, и шелъ долго, пока до моего слуха не долетѣли стоны и невнятные голоса. Это брели раненые. Они, какъ и я, блуждали во мракѣ и тщетно пытались найти тропу, ведущую къ бивакамъ.

Я окликнулъ ихъ, и они медленно, одинъ за другимъ, собрались на мой голосъ.

— Ох-ти, Господи! — тяжело стоналъ одинъ изъ нихъ съ прострѣленной грудью, кашляя и сплевывая.— Ни санитара тебѣ, ни живой души... Тамъ вонъ лѣ-

вѣй, двое восьмой роты сейчасъ прилегли и Богу душу отдали. Кровью истекли, стало-ть... И мнѣ плохо будетъ! Охъ, будетъ плохо! Шибко крови вышло, вся рубаха прилипла! Кхэ-кхэ! Словно псы, прости, Господи! Кричали мы санитаровъ... силы-то нѣту кричать: какъ крикнешь, такъ тебѣ кровь и напретъ въ глотку, такъ и заклохощитъ. Господи, воля Твоя! Не иначе, какъ за грѣхи наши тяжкіе война эта проклятая!.. За грѣхи... Кхэ-кхэ!..

— А каки наши грѣхи?—откликнулся кто-то болѣе бодрымъ голосомъ. — И до войны маятой маялись! Нашихъ грѣховъ тутъ нѣтути! Не черезъ насъ японецъ ополчился! Э-эхъ! Водички бы теперь студеной хорошо!

— Видно, не дойти мнѣ до пункта!—говорилъ солдатъ, раненый въ ногу.

— А ты насъ веди!—съ усиліемъ прохрипѣлъ мнѣ кашлявшій кровью солдатъ.— Подтягивайся, братцы, и не отставай! Ихъ благородіе доведетъ!

— Что-жъ они санитаровъ-то не вышлютъ? Забыли, видно!

Я охватилъ лѣвой рукой раненаго въ грудь и ощутилъ липкую, теплую кровь, насквозь пропитавшую солдатскую рубаху. Ковылявшій на одной ногѣ солдатъ повисъ у меня на правой рукѣ, остальные стали позади, и маленькій отрядъ съ глухими стонами, медленно двинулся впередъ среди непроглядной тьмы.

— Обидно!—ворчалъ, кряхтя, одинъ изъ заднихъ:— хоть бы я глянулъ на него, на японца, хоть бы одну пачку разстрѣлялъ... Куды тебѣ!.. Чуть не весь день въ лезервѣ пролежали, человѣкъ пятнадцать излетными пулями выхватило, а какъ позвали насъ на вышку самую, полѣзли мы, а онъ этта камнями! Какъ горохомъ посыпалъ! Такъ и не долѣзъ! И стрѣлить въ его не пришлось ни разу... Какъ въ собакъ все одно..

— А чѣмъ мы не собаки? Еще собаку-ту, искалѣченную, и то люди подберутъ, пожалѣютъ. Хуже собакъ выходитъ!.. Тамъ вонъ вся лощина нашими повы-

ложена, которые обезсилѣли... Къ утру всѣ перемрутъ! И намъ-то еще какъ дойти придется... може, и не дойдемъ... Господи-Господи! И за што только это?..

— А ты не ври! Дойдемъ!—почти злобно прохрипѣлъ мой спутникъ съ лѣвой стороны и тотчасъ же закашлялся.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ медленнѣе становилось наше шествiе.

Мы часто останавливались, отдыхали и снова брели, не зная, куда...

Раненые истекали кровью, теряли силы, стонали и заплетающимся языкомъ просили пить...

Нѣкоторые бормотали что-то несвязное, безсмысленное, похожее на бредъ.

Скоро четверо шедшихъ позади начали отставать и, мало-по-малу, ихъ жалобные голоса замерли одинъ за другимъ.

Покачиваясь, съ трудомъ переставляя ноги, мы втроемъ продолжали путь. Раненый въ грудь, изъ боязни упасть, крѣпко обнималъ мою шею правой рукой и давилъ меня къ землѣ. Онъ дышалъ черезъ носъ, часто и отрывисто, и съ отвращенiемъ и злобой выплевывалъ душившую его кровь. Другой, съ простреленной ногой и съ пулей въ бедрѣ, судорожно прижималъ къ себѣ мою руку и, раскачивая меня изъ стороны въ сторону, ковылялъ и подпрыгивалъ, опираясь правой рукой на винтовку, и на каждомъ шагу гнусавымъ голосомъ выкрикивалъ однообразное: „у-ухъ! у-ухъ!“

Мы наткнулись на небольшую рощу и долго блуждали между деревьями и кустарникомъ, и когда выбрались изъ нея, я завидѣлъ гдѣ-то вдали красноватое зарево большого костра.

— Гы-гы-ы!..—замычалъ мой спутникъ слѣва, пытаясь ускорить шагъ,—б-бивакъ... д-д-дойдемъ... гы-ы... дд-дойдемъ...

— Слава Тебѣ, Господи!—слабымъ, но уже нѣсколько радостнымъ голосомъ подхватилъ другой.

Но зарево едва виднѣлось красноватымъ пятномъ, и до бивака было еще далеко.

Вдругъ, раненый въ ногу споткнулся, уронилъ винтовку и, едва не опрокинувъ насъ всѣхъ, упалъ.

Я остановился.

— О-охъ! Сейчасъ я... о-охъ, сейчасъ... винтовку... братцы мои!—стоналъ упавшій, пытаясь подняться съ земли.

— Веди! Скорѣй веди! Слышь? Веди! Я тебѣ говорю!—забормоталъ сквозь зубы мой другой спутникъ. Онъ совершенно повисъ на моей шеѣ, задыхался, и въ груди у него хрипѣло и свистѣло при выдыханіи. Съ трудомъ сохраняя равновѣсіе, я снова зашагалъ, увлекаемый впередъ тяжестью раненаго.

— Братцы! Охъ, братцы мои! — неслось намъ вслѣдъ.—Не бросайте меня!.. Христа ради! Что-жъ вы это, братцы?..

Мы протащились еще съ полверсты. Солдатъ мычалъ и бормоталъ, захлебываясь кровью, тянулъ меня впередъ и пригибалъ къ землѣ. Вдругъ онъ покачнулся, повисъ на мнѣ всей тяжестью тѣла, и мы оба повалились на землю. Я хотѣлъ вырваться изъ душившаго меня объятія, но солдатъ все крѣпче и судорожнѣе прижималъ мою голову къ себѣ; онъ весь трепеталъ и вздрагивалъ, въ его груди, казалось, все кипѣло и разрывалось на части, и я, плотно прижатый лицомъ къ мокрой груди солдата, задыхался отъ этого страшнаго объятія и тяжелаго запаха теплой и липкой крови.

Неимовѣрнымъ усиліемъ мнѣ удалось освободить свою голову. Придя въ себя, я съ отвращеніемъ убѣдился, что мое лицо, руки и грудь были въ крови. Солдатъ затихъ, и хотя меня окружалъ глубокій мракъ, но мнѣ чудилось, что я вижу посинѣвшее лицо, тусклые, выскочившіе изъ орбитъ глаза, широко раскрытый ротъ и оскаленные зубы, и все это—въ густой и липкой вонючей крови.

Я содрогнулся отъ ужаса и бросился бѣжать туда, гдѣ краснѣло пламя костра, преслѣдуемый отвратительнымъ кровавымъ призракомъ и жалобными стонами оставшихся позади, ихъ мольбами и проклятіями, которыя гнались за мною по пятамъ среди мрака и безмолвія ночи.

. . . .

Было уже далеко за полночь, когда я очутился на перевязочномъ пунктѣ летучаго отряда.

Среди большого двора старой китайской кумирни пылалъ костеръ.

Порою со стороны рѣки Хун-хэ налеталъ холодный вѣтеръ ночи, и тогда костеръ вспыхивалъ ярче, огненные языки начинали тревожно метаться, а вслѣдъ за ними на сѣрыхъ стѣнахъ кумирни пугливо трепетали черныя тѣни, и старая, развѣсистая ива, стоявшая на стражѣ у входа въ кумирню, печально шелестѣла остатками пожелтѣвшей листвы.

Весь дворъ, озаренный красноватымъ свѣтомъ костра, былъ переполненъ ранеными. Прикрытые сѣрыми шинелями, они лежали неподвижно, сплошь устилая еще влажную отъ дождей землю.

Отъ поры до времени то здѣсь, то тамъ раздавался тяжелый, долгій стонъ, дикій вопль, горячечный бредъ. Иногда одна изъ неподвижныхъ сѣрыхъ фигуръ внезапно подымалась съ земли, выпрямлялась, хваталась руками за перевязанную бинтомъ голову, искаженное страданіемъ лицо обращалось къ костру, и широко раскрытые, лихорадочно-блестящіе глаза съ недоумѣніемъ устремлялись на огонь, блуждали по распластаннымъ фигурамъ, тревожно и пытливо впивались въ ночной мракъ, въ которомъ гдѣ-то далеко-далеко на высотахъ красноватыми точками мерцали сторожевые огни. Затѣмъ, осѣнивъ себя крестомъ, фигура съ несвязнымъ лепетомъ снова ложилась и затихала.

Неподалеку отъ костра, весь облитый его заревомъ,

стоялъ докторъ. Волосы на обнаженной головѣ сбились и наползли на потный, нахмуренный лобъ. Лицо лоснилось, разстегнутая сѣрая рубаха обнаруживала впалую, часто дышавшую грудь, оголенныя выше локтя костлявыя руки, запятнанныя кровью, висѣли безпомощно. Онъ долго стоялъ, задумчиво глядя на пламя костра. Потомъ, какъ бы очнувшись отъ тяжелой думы, провелъ рукой по лицу и тихо направился къ кумирнѣ. Здѣсь, у самаго входа, онъ остановился передъ длиннымъ рядомъ сѣрыхъ фигуръ, лежащихъ въ чинномъ порядкѣ вдоль всей стѣны. Большинство лежало съ открытыми глазами, съ неподвижными взглядами, устремленными въ нависшее надъ ними черное, беззвѣздное небо. Нѣкоторые улыбались кроткой, блаженной улыбкой. Одни широко раскрывали ротъ и какъ будто собирались крикнуть; другіе строили безобразныя гримасы и скалили зубы. Но улыбки не исчезали, раскрытые рты не издавали ни звука, а лица съ гримасами казались отвратительными восковыми масками.

Здѣсь было тихо: ни стоновъ, ни воплей, ни бреда— даже дыханія не было слышно.

Это были мертвецы.

Докторъ переводилъ взглядъ отъ одного къ другому и шопотомъ велъ счетъ.

На порогѣ кумирни появился священникъ. Отблескъ костра обрисовалъ его сутуловатую и тощую фигуру въ грязной сѣрой рясѣ, землистое, блѣдное лицо, бороду, пряди длинныхъ прямыхъ волосъ, и горѣлъ красноватыми точками въ большихъ и свѣтлыхъ, подернутыхъ влагой, глазахъ.

Это былъ отецъ Лаврентій.

Я кивнулъ ему головой, но онъ не узналъ меня и сталъ коситься на мертвецовъ, растерянно перебирая пальцами складки своей убогой рясы.

Обмывъ кровь, я вошелъ въ кумирню.

Наполовину сгорѣвшая, оплывшая саломъ, толстая

китайская свѣча коптила и давала скудный свѣтъ. Углы и высокій потолокъ кумирни съ тяжелыми красными перекладинами тонули во мракѣ. Между двумя деревянными массивными столбами, на рѣзномъ алтарѣ, высилась, полная невозмутимаго покоя и величія, статуя Будды. Она тускло блестѣла сохранившейся коегдѣ, потемнѣвшей отъ времени позолотой. Передъ статуей бога стояли и валялись всевозможныхъ размѣровъ идолы, — раскрашенные, позолоченные, — жертвенныя чаши, оловянные подсвѣчники, молитвенныя бумажки, пучки тонкихъ, пахучихъ курительныхъ свѣчей. Среди груды пепла виднѣлись остатки принесенныхъ въ жертву плодовъ. Тутъ же лежали развороченныя, съ выдранными страницами, старыя богослужебныя книги въ синихъ холщевыхъ переплетахъ съ костяными застежками. На утоптанной землѣ, передъ алтаремъ, среди окровавленныхъ комьевъ ваты и обрывковъ бинтовъ, валялись смятые, истоптанные искусственные цвѣты, украшавшіе алтарь, черепки разбитыхъ жертвенныхъ сосудовъ и разсыпанныя красныя четки. Близъ алтаря выглядывалъ изъ полумрака покрытый густымъ слоемъ пыли высокій гробъ, заготовленный благочестивымъ бонзою на случай своей смерти. Большой барабанъ, употребляющійся при религіозныхъ торжествахъ, былъ превращенъ въ столъ и заставленъ стклянками съ медикаментами, среди которыхъ лежала свернутая эпитрахиль отца Лаврентія. Рядомъ съ раскрытымъ ящикомъ походной аптеки, на разметанномъ по землѣ гаолянѣ, лежалъ кверху лицомъ офицеръ въ изорванной, покрытой грязью шинели. Ротъ и подбородокъ офицера были закрыты широкимъ бинтомъ, на которомъ ярко выступало кровавое пятно. Руки со скрюченными, почернѣвшими пальцами были судорожно прижаты къ груди. Отуманенные глаза, полные слезъ, смотрѣли въ темный уголъ кумирни, а изъ забинтованнаго рта вылеталъ протяжный и монотонный, осла-

бѣвающій къ концу стонъ. Около двери стоялъ высокій глиняный чанъ, служившій для храненія жертвуемаго зерна; теперь въ него была свалена цѣлая груда залитыхъ кровью томпоновъ, издававшихъ зловоніе.

Другая половина кумирни была переполнена ранеными рядовыми. Свѣтъ едва достигалъ туда, и въ полутьмѣ бѣлѣли только бинты повязокъ. Въ спертомъ воздухѣ сильно пахло іодоформомъ и кровью.

Скоро пришли докторъ и отецъ Лаврентій.

Докторъ нагнулся надъ офицеромъ, потрогалъ его лобъ и руки, покачалъ головой и присѣлъ на опрокинутый ящикъ изъ-подъ сухарей.

— Двадцать четыре! — проговорилъ онъ, какъ бы про себя, набивая табакомъ трубку.

— Двадцать четыре! — повторилъ отецъ Лаврентій. Онъ стоялъ, прислонившись къ алтарю, скрестилъ на груди руки и пристально смотрѣлъ на доктора.—Двадцать четыре! Это, стало быть, усопшихъ... мертвецовъ... Господи, Іисусе Христе... двадцать четыре... двадцать четыре...

Онъ какъ бы украдкой бросилъ странный, косой взглядъ на офицера и что-то зашепталъ, опустивъ голову и глядя въ землю. Послышались шаги, быстро приближавшіеся. Отецъ Лаврентій вздрогнулъ и съ испугомъ уставился на дверь.

Вошелъ, скрючившись и кутаясь въ солдатскую шинель, студентъ-медикъ, съ осунувшимся лицомъ.

— Не легче?—спросилъ докторъ.

— Какой чортъ! Придется, видно, подохнуть!—злобно и раздраженно отвѣчалъ студентъ, укладываясь въ углу, на потрепанномъ войлокѣ.

Докторъ хмурилъ лобъ и сердито пыхтѣлъ трубкой. Немного погодя, студентъ высунулъ изъ-подъ шинели голову.

— А вы это что же, Иванъ Капитонычъ? На голодную смерть себя обрекли, что ли? Вѣдь вы нынче ни-

чего не ѣли! Если для меня сберегаете, такъ напрасно! Я вѣдь не могу, да и... не стоитъ и жрать! Только лишняя проволочка и сопротивленіе... А батька заявилъ еще вчера, что онъ святымъ духомъ и молитвою сытъ... ну и... шутъ съ нимъ... А вы ѣшьте!..

— А вы не злитесь! Нехорошо! Лежите спокойно! — угрюмо проговорилъ докторъ.

— Ладно! Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! Кажется, скоро всѣ будемъ лежать спокойно...

Студентъ снова юркнулъ подъ шинель.

Докторъ докурилъ трубку, досталъ жестянку съ консервами и сталъ открывать ее.

— А отъ ней, стало быть, легко помереть? отъ дизентеріи? — спросилъ отецъ Лаврентій.

— А вотъ какъ подохну, такъ тогда и узнаете! — закричалъ изъ-подъ шинели студентъ.

— Оставьте его въ покоѣ, батька, вѣдь онъ еле живъ!.. Сегодня человѣкъ восемьдесятъ перевязалъ!.. Лучше вотъ закусите со мной, а то видъ у васъ ужъ очень подозрительный...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Благодарствуйте, дорогой мой, благодарствуйте! Сытъ я... сытъ есмь и не о чревѣ тлѣнномъ пещися...

Офицеръ вдругъ встрепенулся, и его безпрерывное „а-а!“ огласило кумирню съ удвоенной силой.

Отецъ Лаврентій метнулъ на него взглядъ и безпокойно заходилъ взадъ и впередъ, нервно похрустывая пальцами.

На порогѣ показался санитаръ.

— Ну что, Михеевъ?

— Еще одного, Иванъ Капитонычъ!..

— Тяжелый? легкій?

— Не разобрать! Ссадина на головѣ, а куды раненъ, не добился толку...

— Стоитъ на ногахъ?

— Плохо!.. Куды класть прикажете?

— Гм... да! Это вопросъ... Возьми фонарь, пойдемъ!

Докторъ бросилъ начатую жестянку и ушелъ за санитаромъ.

— Еще одинъ! Господи-Господи! Когда-жъ конецъ сему будетъ? — жалобно говорилъ отецъ Лаврентій. — Несутъ, несутъ, безъ конца несутъ! Что-жъ это такое? За что погибаютъ души христіанскія?.. Убійство! Убійство! Пиршество веліе смерти! Истинно, яко въ писаніи сказано: „И возстанутъ народы на...“

— Да перестаньте вы, наконецъ, плакаться!—закричалъ студентъ, поднявшись съ войлока. — Вѣдь это никакой чортъ не выдержитъ! Одинъ стонетъ, другой оретъ, третій какую-то околесную причитываетъ... Вѣдь это адъ какой-то?! Сумасшедшій домъ?! „Убійство! Народы возстали!“ И чортъ съ ними! И пусть убиваютъ! Пусть перерѣжутъ, переколютъ другъ друга! Пусть! Чтобы васъ всѣхъ чортъ побралъ! Скорѣй бы подохнуть!

Отецъ Лаврентій притихъ. Онъ присѣлъ на корточки, опустивъ голову на руки. Пряди длинныхъ волосъ нависли съ боковъ и почти закрыли его лицо. Видны были только одни глаза, широко раскрытые, устремленные въ одну точку.

Скоро вернулся докторъ, записалъ что-то въ карманную книжку и принялся опять за консервы.

Изъ темной половины кумирни доносились тяжелое сопѣніе и бредъ раненыхъ. Постоянные стоны офицера сливались въ одинъ сплошной звукъ „а-а“, который наполнялъ собою всю кумирню и навѣвалъ гнетущую тоску.

Докторъ покончилъ съ ѣдой, прилегъ на грязной цыновкѣ и скоро задремалъ.

Студентъ не двигался подъ шинелью.

Отецъ Лаврентій стоялъ, прислонившись къ столбу, съ закрытыми глазами, и какъ будто молился.

Прошло около часу. Стоны офицера стали короче и слабѣе, и въ горлѣ уже не слышалось зловѣщаго клокотанія.

Вдругъ отецъ Лаврентій поднялъ опущенную голову и повернулся къ двери.

Послышались тяжелые, медленные шаги, какъ будто кто-то съ трудомъ волочилъ ноги по каменнымъ плитамъ. Шаги приближались. Отецъ Лаврентій вытянулъ шею, прижалъ руки къ груди и ждалъ...

На порогѣ появилась неуклюжая, согбенная фигура солдата. Онъ вошелъ медленно, крадучись, держась одной рукой за косякъ двери и какъ будто высматривая кого-то. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и вдругъ, увидѣвъ отца Лаврентія, остановился и впился въ него пристальнымъ взглядомъ. Нѣсколько секундъ они стояли другъ противъ друга, безъ движенія, затаивъ дыханіе. Отецъ Лаврентій полуоткрылъ ротъ, и, безсознательно подражая солдату, изогнулся и наклонился впередъ. Казалось, что они готовы были броситься другъ на друга.

Солдатъ покачнулся. У отца Лаврентія вырвался крикъ испуга.

Докторъ открылъ глаза и вскочилъ на ноги.

— Что такое? Кто это? Раненый? Что тебѣ?—спрашивалъ онъ, внимательно вглядываясь то въ солдата, то въ отца Лаврентія, у которыхъ въ эту минуту выраженія лицъ были какъ-то странно похожи.

Солдатъ повернулъ лицо къ доктору, и оно сразу приняло другое выраженіе: на немъ появилась дѣтски наивная и безпомощная улыбка, хотя глаза смотрѣли съ болѣзненнымъ напряженіемъ, какъ будто передъ ними было что-то загадочное или страшное...

— Что тебѣ, голубчикъ? Кого надо? — повторилъ докторъ.

— Мнѣ бы, вашбродіе... такъ что... офицера...—неувѣренно заговорилъ солдатъ.

— Офицера ищешь? Какого тебѣ офицера, зачѣмъ?

— А тово самово... Ихняго офицера... японца, вашродіе...

— А-а! Такъ вотъ въ чемъ дѣло!..—протянулъ докторъ, сразу понизивъ голосъ и нахмурившись. Онъ вплотную подошелъ къ солдату и пристально взглянулъ ему въ лицо. Солдатъ продолжалъ улыбаться и блуждалъ взглядомъ по сторонамъ.

— Такъ ты, значитъ, японскаго офицера ищешь?

— Такъ тошно, вашбродіе!.. Енъ тутъ, должно, гдѣ-небудь... сейчасъ я этта какъ лежалъ, такъ видалъ яво... черезъ дворъ прошелъ сюды, въ фанзу... Глаза у яво, вотъ што...

— Гм... глаза, говоришь? Что же у него съ глазами?

— А какъ я яво хлобыснуть хотѣлъ... прикладомъ, значитъ, по головѣ...

— Такъ, такъ... Ну и что-же?

— Повалились мы на землю... обое... а я за горло его... душить зачалъ... офицера, японца... Глаза у яво этакіе большіе-большіе стали... Глядитъ этта ёнъ на меня, хрипитъ и все глядитъ, а глаза во-о каки!..

— Ну такъ что-же?

— Ну и... задушилъ...

— Зз-ззадушилъ?—сдавленнымъ голосомъ, почти задыхаясь, переспросилъ отецъ Лаврентій, жадно слушавшій несвязную рѣчь солдата.

— Такъ тошно, вашбродіе!

Докторъ потеръ лобъ, прищурился на отца Лаврентія и похлопалъ солдата по плечу.

— Хорошо-хорошо, голубчикъ!.. Мы его найдемъ, твоего офицера! Сейчасъ спросимъ санитара, онъ, навѣрное, знаетъ.

— Слушаю, вашбродіе! Радъ стараться!

— Михеевъ!—крикнулъ докторъ въ продыравленное. затянутое бумагой, окно.

Явился санитаръ съ заспаннымъ лицомъ.

— Вотъ покажи-ка ему, гдѣ этотъ японскій офи церъ. Ты вѣдь знаешь?—громко распорядился доктор и прибавилъ скороговоркой:—живо отведи его и уложи

присматривай за нимъ, чтобы не передавилъ людей... понялъ?

Солдатъ, въ сопровожденіи санитара, пошелъ къ выходу, но вдругъ обернулся, выпрямился и взялъ подъ козырекъ.

— Вашбродіе! Дозвольте доложить! Такъ что на посту нумеръ пятый все благополучно!..

— Хорошо! Ступай съ Богомъ!

Вслѣдъ за солдатомъ и санитаромъ вышелъ зачѣмъ-то и отецъ Лаврентій. Докторъ постоялъ въ раздумьѣ, покрутилъ головой и сталъ набивать трубку.

— Вотъ то, чего я всегда больше всего боялся. И это уже не первый!

— А попъ? — отрывисто спросилъ выглядывавшій изъ-подъ шинели студентъ.—Замѣтили?

— Да!.. И попъ нашъ, кажется...

— Испекся! Готовъ!—подхватилъ студентъ, сверкая лихорадочно-горящими глазами.—Ну, что-жъ... можетъ, и мы съ вами!.. Хотя у меня дѣло проще... бррр!.. чортъ бы всѣхъ побралъ!.. Слушайте, Иванъ Капитонычъ! Вы бы, того... впрыснули бы этому поручику... а то вѣдь онъ еще часа два маячить будетъ...

— Не стоитъ! И такъ не великъ запасъ... да и поручикъ больше получаса не протянетъ.

Студентъ помолчалъ немного, какъ бы задумавшись, и затѣмъ тихо проговорилъ:

— Слушайте!.. Я знаю, запасъ не великъ... а только, если я такъ стану маячить, такъ ужъ вы, дружбы ради, того... не пожалѣйте одной дозы... У-у! Проклятый!..—вдругъ застоналъ онъ не своимъ голосомъ, скорчился и съ глухимъ воемъ юркнулъ опять подъ шинель.

Нѣсколько времени спустя, вернулся отецъ Лаврентій. Онъ былъ сильно возбужденъ и безпокойно оглядывался и хрустѣлъ пальцами. Докторъ исподлобья наблюдалъ за нимъ.

— Сто восемнадцать! — прерывающимся голосомъ

проговорилъ, ни къ кому не обращаясь, отецъ Лаврентій. Онъ дрожалъ и безпрерывно шевелилъ поблѣднѣвшими губами.—Сто восемнадцать!

— Вы это, батя, насчетъ чего собственно?

— Усопшихъ... покойниковъ... сто восемнадцать... ахъ, нѣтъ-нѣтъ! Забылъ! Санитаровъ двоихъ забылъ! Сто двадцать! Господи Боже! Святый крѣпкій, святый безсмертный...

— Ну-ну! Ужъ будто бы всѣ перемерли?—спокойно замѣтилъ докторъ. — И санитары померли? Не можетъ быть... Ошиблись малость, батя...

— Всѣ! Я тебѣ говорю, всѣ!—неожиданно перешелъ на „ты“ отецъ Лаврентій.—И санитары твои тоже!.. Всѣ преставились... самъ считалъ!

Онъ торопливо развернулъ эпитрахиль и надѣлъ ее на себя.

— Кадило гдѣ? Подай кадило! Нельзя панихиду безъ кадила!.. — засуетился отецъ Лаврентій, но случайно взглянувъ на шинель, покрывавшую студента, затихъ, осторожно подошелъ и нагнулся надъ студентомъ.

— Сто девятнадцать... Сто двадцать... Сто двадцать одинъ.... Упокой, Господи, душу...

— Слушайте вы!—изступленно закричалъ студентъ, выпрямившись на войлокѣ.—Ты! Попъ! Довольно! Замолчи! Замолчи, сумасшедшій!

Докторъ подбѣжалъ къ студенту и сталъ его успокаивать.

— У-у!.. Чортъ!.. Я... я, кажется, самъ сойду съ ума!— бормоталъ тотъ дрожащими губами и тяжело дыша.— Простите, Иванъ Капитонычъ... не выдержалъ... вѣдь это Бэдламъ какой-то...

— Ну-ну... ладно... чего тамъ... я самъ едва держусь...

Докторъ отчаянно махнулъ рукой и сталъ рыться среди лѣкарствъ.

Отецъ Лаврентій смущенно, съ выраженіемъ не то боли, не то испуга, мялъ въ рукахъ свою эпитрахиль.

Вдругъ онъ быстро подошелъ къ доктору и сталъ передъ нимъ на колѣни, съ мольбою скрестивъ руки. Онъ жалобно всхлипывалъ, какъ ребенокъ, по лицу катились слезы, а въ прерывающемся голосѣ звучала необычайно нѣжная нотка.

— Иванъ... Иванъ Капитонычъ! Родной мой, голубчикъ!.. Отпусти ты меня! Не могу я больше! Съ усопшими, съ мертвецами... отпусти, Христа ради! Скорбитъ душа моя! Крови-то, крови христіанской пролитіе! Не въ моготу... И всѣ мертвые! Всѣ покойники! Отпусти!

Докторъ растерянно смотрѣлъ на плачущаго предъ нимъ попа и что-то бормоталъ.

— Ты пойми!—лепеталъ отецъ Лаврентій.—Пастырь я... пастырь... „Не убій!“ А я еще крестомъ Господнимъ ихъ самъ напутствовалъ... На убивство благословеніе свое далъ! Господи! И всѣ теперь мертвые! Всѣ голубчики! Глаза къ небу глядятъ! О правдѣ и отмщеніи къ Господу взываютъ! Безъ молитвеннаго напутствія, безъ покаянія преставились рабы Божіи... Не могу! Напиши! Христа ради, напиши ты, кому слѣдуетъ, по начальству! Отпусти ты меня назадъ въ село мое... въ Пятницкое...

Онъ вдругъ замолкъ, притихъ и сталъ прислушиваться.

Крупный дождь съ глухимъ шумомъ забарабанилъ въ заклеенныя бумагой окна.

Докторъ тревожно заметался.

— Ливень! Что-жъ мы будемъ дѣлать? Куда же я дѣну раненыхъ?..

— Слезы небесныя... Скорбитъ о людяхъ самъ Господь Богъ Саваоѳъ...—тихо проговорилъ отецъ Лаврентій и сталъ осѣнять себя крестомъ и шептать молитву.

— Андрей Павлычъ! Были вы въ дивизіонномъ лаэаретѣ? Говорили?

Студентъ выглянулъ изъ-подъ шинели и вяло, словно сквозь сонъ, отвѣтилъ:—Былъ, говорилъ...

— Ну? ну и что же?

— У нихъ все полно... въ перевязочныхъ средствахъ отказали... Вы, говорятъ, ихъ приняли, вы ихъ и эвакуируйте, какъ знаете... Не наше, говорятъ, дѣло... У насъ у самихъ арбъ не хватаетъ...

— Однако, вѣдь это... Это, чортъ знаетъ... Вѣдь они на голой землѣ, на болотѣ, промочитъ насквозь.

— Бросьте, Иванъ Капитонычъ... все равно всѣмъ пропадать... ничего не подѣлаешь... Мм... тошнитъ опять...

Докторъ опустился на ящикъ, схватившись за голову.

Отецъ Лаврентій отошелъ къ двери и сѣлъ на каменную плиту, забывъ снять эпитрахиль.

Ливень усиливался, и среди его глухого шума слабо прорывалось предсмертное хрипѣніе офицера.

Въ раскрытую дверь были видны сѣрыя фигуры, устилавшія дворъ. Онѣ оставались неподвижны подъ потоками дождя, и слабый отблескъ потухавшаго костра обливалъ ихъ кровавымъ полусвѣтомъ.

Черныя тѣни стали выползать со всѣхъ сторонъ двора.

Скоро костеръ погасъ, и весь дворъ потонулъ во тьмѣ. Погасли и сторожевые огни на далекихъ высотахъ.

И только ливень шумѣлъ во мракѣ, шумѣлъ властно и печально, да изрѣдка бронзовые колокольчики, висѣвшіе по угламъ кумирни, зыблемые сердитыми порывами вѣтра, мелодично перекликались тихимъ, меланхолическимъ звономъ.

. . . .

. . . .

Наступленіе кончилось.

Едва насталъ холодный и сѣрый, дождливый день, какъ со всѣхъ сторонъ стали собираться уцѣлѣвшіе остатки полковъ.

Ихъ было немного.

Оглушенныя и заморенныя, забрызганныя грязью,

нѣкоторыя въ лохмотьяхъ и босыя, брели эти сѣрыя фигуры, едва волоча ноги по размытой дождемъ, вязкой глинѣ. Между ними попадались и такіе, которые уже не знали, какой они роты, какого полка... Отъ батальоновъ и ротъ остались небольшія кучки рядовыхъ, при которыхъ не было ни офицера, ни фельдфебеля.

Тащились батареи безъ прислуги, безъ командира, ѣхали на заморенныхъ лошадяхъ ѣздовые безъ орудій, съ одними передками... Иногда во главѣ сѣрой колонны колыхались сооруженныя изъ винтовокъ носилки, покрытыя офицерской или солдатской шинелью.

Санитары и нестроевые спѣшно хоронили мертвыхъ. Они рыли широкія и плоскія „братскія могилы“, которыя тотчасъ же наполнялись водой,—сваливали туда закоченѣвшіе трупы, забрасывали ихъ жидкимъ слоемъ глины и принимались снова за ту же работу.

Вдругъ грохнулъ орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой... третій...

Нѣсколько снарядовъ разорвалось около самыхъ могилъ, обдало свинцовымъ градомъ мертвецовъ, метнуло на̀-земь двоихъ санитаровъ, и все вокругъ закопошилось и бросилось въ разныя стороны.

Въ хаотическомъ безпорядкѣ, не разбирая дороги, хлынула сѣрая масса отступавшихъ, бросая арбы, двуколки, амуницію, покидая раненыхъ и непогребенные трупы.

Непріятель провожалъ уходившихъ орудійными залпами до наступленія темноты.

Въ тылу отступавшаго отряда медленно взбирался на крутизну перевала длинный караванъ китайскихъ арбъ, нагруженныхъ ранеными, которыхъ успѣли захватить съ собой.

Наступала ночь.

Ближайшія высоты и ущелья, пропасти и лощины, окутанныя мракомъ, оглашались стонами и воплями

на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Двигавшіеся впереди обозы часто останавливались, задерживая караванъ раненыхъ, и тогда арбы наскакивали одна на другую, вопли раненыхъ раздавались страшнымъ хоромъ, перепуганныя животныя бѣсновались и давили людей, которые разражались проклятіями и грубой бранью.

Мелкій дождь постепенно усиливался, и, наконецъ, хлынулъ ливень.

Ревъ муловъ, стоны, брань и проклятія—все это затихло. Караванъ остановился на самой вершинѣ крутого перевала, на краю глубокаго обрыва, среди непроглядной тьмы.

Люди копошились въ жидкой грязи, прятались подъ повозки, завертывались въ шинели, сорванныя съ раненыхъ, залѣзали подъ животныхъ, но все было тщетно...

Холодные потоки воды лились и лились, съ зловѣщимъ шумомъ, какъ будто хотѣли затопить и смыть съ лица земли все живое.

Яростно бушевавшій вѣтеръ, словно въ бѣшеной пляскѣ, съ унылымъ завываніемъ носился въ горахъ, и казалось, что все вокругъ превратилось въ громадную, полную леденящаго ужаса, черную бездну, изъ которой уже нѣтъ и никогда не будетъ спасенія.

М. ГОРЬКІЙ.

ТОВАРИЩЪ.

Въ этомъ городѣ все было странно, все непонятно. Множество церквей поднимало къ небу пестрыя, яркія главы свои, но стѣны и трубы фабрикъ были выше колоколенъ, и храмы, и, задавленныя тяжелыми фасадами торговыхъ зданій, терялись въ мертвыхъ сѣтяхъ каменныхъ стѣнъ, какъ причудливые цвѣты въ пыли и мусорѣ развалинъ. И когда колокола церквей призывали къ молитвѣ, ихъ мѣдные крики, вползая на желѣзо крышъ, безсильно опускались къ землѣ, безсильно изчезали въ тѣсныхъ щеляхъ между домовъ.

Дома были огромные и часто красивые, люди уродливые и всегда ничтожные; съ утра до ночи они суетливо, какъ старыя мыши, бѣгали по узкимъ, кривымъ улицамъ города и жадными глазами искали одни— хлѣба, другіе—развлеченій, третьи, стоя на перекресткахъ, враждебно и зорко слѣдили, чтобы слабые безропотно подчинялись сильнымъ. Сильными называли богатыхъ; всѣ вѣрили, что только деньги даютъ человѣку власть и свободу.

Всѣ хотѣли власти, ибо всѣ были рабами, роскошь богатыхъ рождала зависть и ненависть бѣдныхъ, никто не зналъ музыки, лучшей, чѣмъ звонъ золота, и поэтому каждый былъ врагомъ другого, а владыкой всѣхъ—жестокость.

Надъ городомъ порой сіяло солнце, но жизнь всегда была темна и люди—какъ тѣни. Ночью они зажигали много веселыхъ огней, но тогда на улицы выходили голодныя женщины продавать за деньги ласки

свои, отовсюду билъ въ ноздри жирный запахъ разной пищи, и вездѣ молча и жадно сверкали дико глаза голодныхъ, а надъ городомъ тихо плавалъ подавленный стонъ несчастья, и оно не имѣло силъ громко крикнуть о себѣ.

Всѣмъ жилось скучно и тревожно, всѣ были враги и виновные; только рѣдкіе чувствовали себя правыми, но и они были грубы, какъ животныя, это были наиболѣе жестокіе...

Всѣ хотѣли жить, и никто не умѣлъ свободно идти по путямъ желаній своихъ, и каждый шагъ въ будущее невольно заставлялъ обернуться къ настоящему, а оно властными и крѣпкими руками жаднаго чудовища останавливало человѣка на пути его и всасывало въ липкія объятія свои.

Человѣкъ, въ тоскѣ и недоумѣніи, безсильно останавливался передъ искаженнымъ лицомъ жизни. Тысячами безпомощно-грустныхъ глазъ она смотрѣла въ сердце ему и просила о чемъ-то, и тогда умирали въ душѣ свѣтлые образы будущаго, и стонъ безсилія человѣка тонулъ въ нестройномъ хорѣ стоновъ и воплей замученныхъ жизнью, несчастныхъ, жалкихъ людей.

Всегда было скучно, всегда тревожно, порою страшно, а вокругъ людей, какъ тюрьма, неподвижно стоялъ, отражая лучи солнца, этотъ угрюмый, темный городъ, противно правильныя груды камней, потопившія храмы.

И музыка жизни была подавленнымъ воплемъ боли и злобы, тихимъ шопотомъ скрытой ненависти, грознымъ лаемъ жестокости, сладострастнымъ визгомъ насилія.

* * *

Среди мрачной суеты горя и несчастья, въ судорожной схваткѣ жадности и нужды, въ тинѣ жалкаго себялюбія, по подваламъ домовъ, гдѣ жила бѣднота, создавшая богатство города, невидимо ходили одинокіе

мечтатели, полные вѣры въ человѣка, всѣмъ чужіе и далекіе проповѣдники возмущенія, мятежныя искры далекаго огня правды. Они тайно приносили съ собой въ подвалы всегда плодотворныя, маленькія сѣмена простого и великаго ученія и то сурово, съ холоднымъ блескомъ въ глазахъ, то мягко и любовно сѣяли эту ясную, жгучую правду въ темныхъ сердцахъ людей-рабовъ, людей, обращенныхъ силою жадныхъ, волею жестокихъ, въ слѣпыя и нѣмыя орудія наживы.

И эти темные, загнанные люди, недовѣрчиво прислушиваясь къ музыкѣ новыхъ словъ, музыкѣ, которую давно и смутно ждало ихъ больное сердце, понемногу поднимали свои головы, разрывая петли хитрой лжи, которой опутали ихъ властные и жадные насильники.

Въ ихъ жизнь, полную глубокой, подавленной злобы, въ сердца, отравленныя многими обидами, въ сознаніе, засоренное пестрою ложью мудрости сильныхъ,— въ эту трудную, печальную жизнь, пропитанную горечью униженій,—было брошено простое, свѣтлое слово:

— *Товарищъ...*

Оно не было новымъ для нихъ, они слышали и сами произносили его, оно звучало до этой поры такимъ же пустымъ и тупымъ звукомъ, какъ всѣ знакомыя, стертыя слова, которыя можно забыть и ничего не потерять.

Но теперь оно, ясное и крѣпкое, звучало инымъ звукомъ, въ немъ пѣла другая душа, и что-то твердое, сверкающее и многогранное, какъ алмазъ, было въ немъ.

Они приняли его и стали произносить осторожно, бережливо, мягко колыхая его въ сердцѣ своемъ, какъ мать новорожденнаго колышетъ въ люлькѣ, любуясь имъ.

И чѣмъ глубже смотрѣли они въ свѣтлую душу этого слова, тѣмъ свѣтлѣе, значительнѣе и ярче казалось имъ оно.

— *Товарищъ!*—говорили они.

И чувствовалось, что это слово пришло объединить весь міръ, поднять всѣхъ людей его на высоту свободы и связать ихъ новыми узами, крѣпкими узами уваженія другъ къ другу, уваженія къ свободѣ человѣка, ради свободы его.

Когда это слово вросло въ сердца рабовъ,—они перестали быть рабами и однажды заявили городу и всѣмъ силамъ его великое человѣческое слово:

— „Не хочу!“

Тогда остановилась жизнь, ибо это они были силой, дающей ей движеніе, они и никто больше. Остановилось теченіе воды, угасъ огонь, городъ погрузился во мракъ, и сильные стали, какъ дѣти.

Страхъ обнялъ души насильниковъ и, задыхаясь въ запахѣ изверженій своихъ, они подавили злобу на мятежниковъ, въ недоумѣніи и ужасѣ передъ силой ихъ.

Призракъ голода всталъ передъ ними, и дѣти ихъ жалобно плакали во тьмѣ.

Дома и храмы, объятые мракомъ, слились въ бездушный хаосъ камня и желѣза, зловѣщее молчаніе залило улицы мертвой влагой своей, остановилась жизнь, ибо сила, рождающая ее, сознала себя, и рабъ-человѣкъ нашелъ магическое, необоримое слово выраженія воли своей, освободился отъ гнета и увидалъ воочію власть свою—власть творца.

Дни были днями тоски сильныхъ, тѣхъ, которые считали себя владыками жизни, ночи—каждая была какъ-бы тысячью ночей, такъ густъ былъ мракъ, такъ нищенски скупо и робко сіяли огни въ мертвомъ городѣ, и тогда онъ, созданный столѣтіями, чудовище, питавшееся кровью людей, всталъ передъ ними въ уродствѣ ничтожества своего, жалкой грудой камня и дерева Голодно и мрачно смотрѣли на улицы слѣпыя окна домовъ, а по улицамъ бодро ходили истинные хозяева жизни; они тоже были голодны, и болѣе дру-

гихъ, но это было знакомо имъ, и страданія тѣла ихъ не достигали остроты страданій хозяевъ жизни, не угашали огня ихъ душъ. Они горѣли сознаніемъ силы своей, предчувствіе побѣды сверкало въ ихъ глазахъ.

Они ходили по улицамъ города, мрачной и тѣсной тюрьмы своей, гдѣ ихъ обливали презрѣніемъ, гдѣ наполняли души ихъ обидами, и видѣли великое значеніе труда своего, и это возводило ихъ на высоту сознанія священнаго права быть хозяевами жизни, законодателями и творцами ея. И тогда съ новой силой, съ ослѣпительной ясностью встало передъ ними животворящее, объединяющее слово:

— *Товарищъ!*

Оно звучало среди лживыхъ словъ настоящаго, какъ радостная вѣсть о будущемъ, о новой жизни, которая открыта равно для всѣхъ впереди. Далеко или близко? Они чувствовали, что это въ ихъ волѣ, они приближаются къ свободѣ и они сами отдаляютъ пришествіе ея.

* * *

Проститутка, еще вчера полуголодное животное, тоскливо ожидавшее на грязной улицѣ, когда кто-либо придетъ къ ней и грубо купитъ подневольныя ласки за мелкую монету,—и проститутка слышала слово это, но, смущенно улыбаясь, не рѣшалась сама повторить. Къ ней подходилъ человѣкъ, какихъ она не встрѣчала до этого дня; онъ клалъ руку на плечо ея и говорилъ ей языкомъ близкаго:

— *Товарищъ!*

И она смѣялась тихо и застѣнчиво, чтобы не заплакать отъ радости, впервые испытанной заплеваннымъ сердцемъ На глазахъ ея, вчера нагло и голодно смотрѣвшихъ на міръ тупымъ взглядомъ животнаго, блестѣли слезы первой чистой радости. Эта радость пріобщенія отверженныхъ къ великой семьѣ трудя-

щихся всего міра сверкала всюду на улицахъ города, и тусклыя очи его домовъ наблюдали за нею все болѣе зловѣще и холодно.

Нищій, которому вчера, чтобы отвязаться отъ него, бросали жалкую копѣйку, цѣну сострананія сытыхъ, онъ тоже слышалъ это слово, и оно было для него первой милостыней, вырвавшей благодарный трепетъ изъѣденнаго нищетой, жалкаго сердца.

Извощикъ, смѣшной парень, котораго сѣдоки толкали въ шею, чтобы онъ передалъ этотъ ударъ своей голодной и усталой лошади,—этотъ много разъ битый человѣкъ, отупѣвшій отъ грохота колесъ по камню мостовой, тоже, широко улыбаясь, сказалъ прохожему:

— Довезти, что-ли... товарищъ?..—Сказалъ и испугался. Подобралъ возжи, готовый быстро уѣхать, и смотрѣлъ на прохожаго, не умѣя стереть съ широкаго, краснаго лица своего радостной улыбки.

Прохожій взглянулъ добрыми глазами и отвѣтилъ, кивнувъ головой:

— Спасибо, товарищъ! Я дойду, недалеко.

— Эхъ ты, мать честная!..—воодушевленно воскликнулъ извощикъ, завертѣлся на козлахъ, широко и радостно мигая глазами, и куда-то поѣхалъ съ трескомъ и крикомъ.

Люди ходили тѣсными группами по тротуарамъ, и, какъ искра, между ними все чаще вспыхивало великое слово, призванное объединить міръ:

— *Товарищъ!*

Полицейскій, усатый, важный и угрюмый, подошелъ къ толпѣ, тѣсно окружившей на углу улицы старика-оратора, и, послушавъ его рѣчь, не торопясь, проговорилъ:

— Собираться не дозволено... расходитесь, господа...

Помолчалъ секунду, опустилъ глаза въ землю и тише добавилъ:—товарищи.

На лицахъ тѣхъ, которые выносили это слово въ сердцахъ своихъ, вложили въ него плоть и кровь и мѣдный, гулкій звукъ призыва къ единенію,—на ихъ лицахъ сверкало гордое чувство юныхъ творцовъ, и было ясно, что та сила, которую они такъ щедро влагали въ это живое слово, — неистребима, непобѣдима, неизсякаема.

Уже гдѣ-то противъ нихъ собирались сѣрыя, слѣпыя толпы вооруженныхъ людей и безмолвно стремились въ ровныя линіи; это злоба насильниковъ готовилась отразить волну справедливости.

А въ тѣсныхъ, узкихъ улицахъ огромнаго города, среди его безмолвныхъ, холодныхъ стѣнъ, созданныхъ руками невѣдомыхъ творцовъ, все росла и зрѣла великая вѣра людей въ братство всѣхъ со всѣми.

— *Товарищи!*

То тамъ, то тутъ вспыхивалъ огонекъ, призванный разгорѣться въ пламя, которое объемлетъ землю яркимъ чувствомъ родства всѣхъ людей ея. Объемлетъ всю землю, и сожжетъ и испепелитъ злобу, ненависть и жестокость, искажающія насъ; объемлетъ всѣ сердца и сольетъ ихъ въ единое сердце міра—сердце правдивыхъ, благородныхъ людей, — въ неразрывно-дружную семью свободныхъ работниковъ.

На улицахъ мертваго города, созданнаго рабами, на улицахъ города, въ которомъ царила жестокость,—росла и крѣпла вѣра въ человѣка, въ побѣду его надъ собой и зломъ міра.

И въ смутномъ хаосѣ тревожной, безрадостной жизни—яркой, веселой звѣздой, путеводнымъ огнемъ въ будущее сверкало простое, глубокое, какъ сердце, слово:

— *Товарищъ!*

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ» (Спб., Невскій, 92).

XIV.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Враги.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
А. Теннисонъ. Годива.
Вѣра Фигнеръ. Моя няня.
Евг. Тарасовъ. Черный судъ.
С. Юшкевичъ. Король.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Тип. Т-ва «Народная Польза», Коломенская ул., соб. д., 39.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

М. Горькій. Враги 1
Ив. Бунинъ. Стихотворенія. 185
А. Теннисонъ. Годива. 193
Вѣра Фигнеръ. Моя няня. 199
Евг. Тарасовъ. Черный судъ. 213
С. Юшкевичъ. Король. 217

М. ГОРЬКІЙ.

ВРАГИ.

СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРДИНЪ, Захаръ. 45 лѣтъ.
ПОЛИНА, его жена. Подъ 40 лѣтъ.
БАРДИНЪ, Яковъ. 37 лѣтъ.
ТАТЬЯНА, его жена. 28 лѣтъ.
НАДЯ, племянница Полины. 18 лѣтъ.
ПЕЧЕНѢГОВЪ, генералъ въ отставкѣ, дядя Бардиныхъ.
СКРОБОТОВЪ, Михаилъ. 40 лѣтъ.
КЛЕОПАТРА, жена его. 30 лѣтъ.
СКРОБОТОВЪ, Николай, братъ его. 35 лѣтъ.
СИНЦОВЪ, конторщикъ.
ПОЛОГІЙ, тоже.
КОНЬ, отставной солдатъ.
ГРЕКОВЪ.
ЛѢВШИНЪ.
ЯГОДИНЪ. } Рабочіе.
РЯБЦОВЪ.
ЯКИМОВЪ.
АГРАФЕНА, экономка.
БОБОѢДОВЪ, ротмистръ.
КВАЧЪ, вахмистръ.
ПОРУЧИКЪ.
СЛѢДОВАТЕЛЬ.
ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.
СТАНОВОЙ.
УРЯДНИКЪ.

Жандармы, солдаты, рабочіе, прислуга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Большія, старыя липы. Въ глубинѣ, подъ ними, бѣлая солдатская палатка. Направо, подъ деревьями, широкій диванъ изъ дерна; передъ нимъ столъ. Налѣво, въ тѣни липъ, длинный столъ, накрытый къ завтраку. Кипитъ небольшой самоваръ. Вокругъ стола плетеные стулья и кресла. А г р а ф е н а варитъ кофе. Подъ деревомъ стоитъ К о н ь, куря трубку; передъ нимъ П о л о г і й.

ПОЛОГІЙ

(говоритъ, нелѣпо жестикулируя).

... Конечно, ваша правда; я, такъ сказать, человѣкъ маленькій, жизнь у меня мелкая, но каждый огурецъ взращенъ мною собственноручно, и рвать его безъ возмездія мнѣ я не могу разрѣшить.

КОНЬ (угрюмо).

А твоего разрѣшенія никто и не спрашиваетъ. Рвутъ себѣ и рвутъ...

ПОЛОГІЙ

(прижимая руку къ сердцу).

Но позвольте! Если вашу собственность нарушають,— имѣете вы право просить защиты закона?

КОНЬ.

Проси. Сегодня огурцы рвутъ, а завтра головы рвать будутъ другъ другу... Вотъ тебѣ и законъ!

ПОЛОГІЙ.

Однако... это странно и даже опасно слышать. Какъ же вы, солдатъ и кавалеръ, можете пренебрегать закономъ?

КОНЬ.

Закона — нѣтъ. Есть — команда. Налѣво кругомъ, маршъ! И—ступай! Скажутъ—стой! Значитъ—стой.

АГРАФЕНА.

Вы бы, Конь, не курили здѣсь вашу махорку, отъ нея листъ на деревьяхъ вянетъ...

ПОЛОГІЙ.

Если бы они съ голоду,—это я понимаю... Голодъ можетъ объяснить многіе поступки; можно сказать, что всѣ подлости совершаются для утоленія голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

КОНЬ.

Ангелы не ѣдятъ, а сатана противъ Бога пошелъ все-таки...

ПОЛОГІЙ (радостно).

Вотъ это я и называю озорствомъ!..

(Идетъ Яковъ Бардинъ. На лицѣ у него всегда виноватая улыбка. Движенія вялы и медленны. Въ глазахъ что-то больное, тусклое. Говоритъ негромко и какъ бы самъ прислушивается къ своимъ словамъ. Пологій кланяется ему)

ЯКОВЪ.

Здравствуйте, вы—что?

ПОЛОГІЙ.

Къ Захару Ивановичу съ покорной просьбой...

АГРАФЕНА.

Жаловаться пришелъ. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли.

ЯКОВЪ.

А-а... Это нужно сказать брату...

ПОЛОГІЙ.

Совершенно вѣрно... я къ нимъ и направляюсь.

КОНЬ (ворчливо).

Никуда ты не направляешься, а стоишь на одномъ мѣстѣ и ноешь.

ПОЛОГІЙ.

Я вамъ, думается, не мѣшаю? Если бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вамъ мѣшалъ.

ЯКОВЪ.

Конь, подите сюда...

КОНЬ (идетъ).

Крохоборъ ты, Пологій, кляузникъ!

ПОЛОГІЙ.

Вы совершенно напрасно произносите эти слова... Языкъ данъ человѣку для вознесенія жалобъ...

АГРАФЕНА.

Да перестаньте, Пологій... точно вы не человѣкъ, а комаръ...

ЯКОВЪ (Коню).

Чего онъ тутъ, а? Ушелъ бы...

ПОЛОГІЙ (Аграфенѣ).

Если слова мои безпокоятъ ваше ухо, но сердца не трогаютъ, — я замолчу. (Идетъ прочь и, прохаживаясь по дорожкѣ, щупаетъ рукой деревья)

ЯКОВЪ (смущенно).

Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидѣлъ кого-то?

КОНЬ (усмѣхаясь).

Было. Это—было.

ЯКОВЪ (прохаживаясь).

Гм... удивительно! Почему я всегда дерзости говорю пьяный... а, Конь?

КОНЬ.

Бываетъ такъ... Пьяные люди часто лучше трезвыхъ. У насъ въ ротѣ унтеръ-офицеръ былъ, трезвый—под-

лиза, ябедникъ, дерется. А пьяный—плачетъ. Братцы, говоритъ, я тоже человѣкъ, плюньте, проситъ, мнѣ въ рожу. Нѣкоторые—плевали.

ЯКОВЪ.

А съ кѣмъ я вчера говорилъ?

КОНЬ.

Съ прокуроромъ. Сказали ему, что у него деревянный языкъ... Сначала вы Захара Ивановича сконфузили.

ЯКОВЪ (задумчиво).

Всегда его, сначала...

КОНЬ.

Потомъ о директоровой женѣ сказали прокурору, что у нея любовниковъ много.

ЯКОВЪ.

Ну, вотъ... а какое мнѣ дѣло до этого?

КОНЬ.

Не знаю. Еще вы...

ЯКОВЪ.

Хорошо, Конь, довольно... а то окажется, что я всѣмъ что-нибудь сказалъ непріятное... Да, вотъ какое несчастіе водка... Я говорю о своей болѣзни, Аграфена

Ивановна!.. (Подошелъ къ столу и смотритъ на бутылки; наливаетъ большую рюмку; маленькими глотками высасываетъ ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхаетъ) Вамъ немножко жалко меня, а?

АГРАФЕНА.

Очень жалко... такой вы простой со всѣми—точно и не баринъ...

ЯКОВЪ.

А вотъ Конь никого не жалѣетъ, онъ только философствуетъ. Философствуютъ—обиженные. Чтобы солдатъ задумался, его надо сильно обидѣть, такъ, Конь? (Въ палаткѣ раздается крикъ генерала: Конь! Эй!) Васъ сильно намучили, оттого вы и умный?

КОНЬ (идетъ).

Я какъ увижу генерала, то и самъ снова дуракомъ становлюсь...

ГЕНЕРАЛЪ
(выходитъ изъ палатки).

Конь! Купаться, живо!

(Идутъ въ глубину сцены)

ЯКОВЪ
(сѣлъ, качается на стулѣ).

Моя супруга еще спитъ?

АГРАФЕНА.

Уже встали. Купались.

ЯКОВЪ.

Такъ вамъ меня жалко?

АГРАФЕНА.

Вамъ бы полечиться.

ЯКОВЪ.

Ну, налейте мнѣ немножко коньяку. Тутъ есть коньякъ, я видѣлъ.

АГРАФЕНА.

Можетъ, не надо, Яковъ Ивановичъ?

ЯКОВЪ.

А почему? Если я не выпью однажды,—это ничему не поможетъ.

(Вздохнувъ, Аграфена наливаетъ большую рюмку коньяку. Быстро идетъ Михаилъ Скроботовъ, возбужденный; нервно теребитъ острую черную бородку. Шляпа въ рукѣ и онъ мнетъ ее пальцами)

МИХАИЛЪ.

Захаръ Ивановичъ всталъ? Нѣтъ еще? Разумѣется! Дайте мнѣ... есть тутъ холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яковъ Ивановичъ!.. Вы знаете новость?—Эти подлецы требуютъ, чтобы я прогналъ мастера Дичкова... да! Грозятъ бросить работу... чертъ бы ихъ...

ЯКОВЪ.

А вы удалите мастера.

МИХАИЛЪ.

Это просто, да, но—не въ этомъ же дѣло! Дѣло въ томъ, что уступки ихъ развращаютъ. Сегодня они требуютъ прогнать мастера, завтра они захотятъ, чтобы я повѣсился для ихъ удовольствія...

ЯКОВЪ (мягко).

Вы думаете, они еще только завтра захотятъ этого?

МИХАИЛЪ.

Вамъ шутки! Нѣтъ, вы бы попробовали повозиться съ чумазыми джентельменами, когда ихъ около двухъ тысячъ человѣкъ, да имъ кружатъ головы—и вашъ братецъ разной либеральностью, и какіе-то идіоты прокламаціями... (Смотритъ на часы) Скоро десять... а въ обѣдъ они обѣщаютъ начать свои дурачества... Да-съ, Яковъ Ивановичъ, за время моего отпуска вашъ почтенный братецъ испортилъ мнѣ фабрику... онъ мнѣ развратилъ людей своими колебаніями, недостаткомъ твердости...

ЯКОВЪ.

Вы ему скажите это...

МИХАИЛЪ.

Говорилъ и скажу...

АГРАФЕНА.

Полина Дмитріевна идутъ.

ЯКОВЪ.

Значитъ, сейчасъ всѣ явятся.

(Справа является Синцовъ. Ему лѣтъ тридцать. Смотритъ исподлобья, часто улыбается. Въ его фигурѣ и лицѣ есть что-то спокойное и значительное)

СИНЦОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ! Въ конторѣ пришли депутаты отъ рабочихъ, требуютъ хозяина.

МИХАИЛЪ.

Требуютъ? О! Пошлите вы ихъ ко всѣмъ чертямъ! (Полина идетъ съ лѣвой стороны) Извиняюсь, Полина Димитріевна!

ПОЛИНА (любезно).

Вы всегда ругаетесь. Почему—сейчасъ?

МИХАЙЛЪ.

Да вотъ, все этотъ пролетаріатъ!.. Онъ тамъ требуетъ!.. Раньше онъ у меня смиренно просилъ...

ПОЛИНА.

Вы жестоки съ людьми, увѣряю васъ!

МИХАИЛЪ
(разводитъ руками).

Ну, вотъ!..

СИНЦОВЪ.

Что же сказать депутатамъ?

МИХАИЛЪ.

Пусть подождутъ... Идите!

(Синцовъ не спѣша уходитъ).

ПОЛИНА.

Интересное лицо у этого служащаго. Давно онъ у насъ?

МИХАИЛЪ.

Около года, кажется...

ПОЛИНА.

Онъ дѣлаетъ впечатлѣніе порядочнаго человѣка. Вы знаете, кто онъ?

МИХАИЛЪ

(пожимая плечами).

Конторщикъ. Недурной работникъ... Получаетъ сорокъ пять рублей. (Смотритъ на часы; вздыхая оглядывается, видитъ подъ деревомъ Пологаго) Вы что? За мной?

ПОЛОГІЙ.

Я, Михаилъ Васильевичъ, къ Захару Ивановичу..

МИХАИЛЪ.

Зачѣмъ?

ПОЛОГІЙ.

По случаю нарушенія права собственности...

МИХАИЛЪ (Полинѣ).

Вотъ, рекомендую, тоже одинъ изъ новыхъ служащихъ! Человѣкъ недюжинный и съ стремленіемъ къ огородничеству. Глубоко убѣжденъ, что все на землѣ создано затѣмъ, чтобы нарушать его интересы. Все ему мѣшаетъ: солнце, Англія, новыя машины, лягушки...

ПОЛОГІЙ (улыбаясь).

Лягушки, смѣю замѣтить, всѣмъ мѣшаютъ, когда онѣ кричатъ...

МИХАИЛЪ.

Идите-ка вы въ контору! Что это за привычка у васъ—бросить дѣло и ходить жаловаться? Мнѣ это не нравится... Идите!

(Пологій поклонясь идетъ. Полина съ улыбкой смотритъ на него въ лорнетъ)

ПОЛИНА.

Вотъ, какой вы строгій! А онъ—смѣшной. Вы знаете, въ Россіи люди разнообразнѣе, чѣмъ за границей.

МИХАИЛЪ.

Безобразнѣе, скажите, и я соглашусь. Я командую народомъ пятнадцать лѣтъ... Я знаю, что это такое—добрый русскій народъ. У меня мозги вывернуты, и сердце

напоено желчью... Долго же не идетъ Захаръ Ивановичъ, ахъ!

ПОЛИНА (Аграфенѣ).

Позови, Груша, барина. Вы знаете, чѣмъ онъ занятъ? Доигрываетъ вчерашнюю партію въ шахматы съ вашимъ братомъ.

МИХАИЛЪ.

Такъ! А тамъ послѣ обѣда хотятъ работу бросать... Нѣтъ, знаете, изъ Россіи толку не выйдетъ никогда! Ужъ это вѣрно. Страна анархизма! Органическое отвращеніе къ работѣ и полная неспособность къ порядку... Уваженіе къ законности отсутствуетъ...

ПОЛИНА.

Но это естественно!—Какъ возможна законность въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ? Вѣдь, между нами говоря, наше правительство...

МИХАИЛЪ.

Ну, да! Я не оправдываю никого! И правительство анархистично. Вы возьмите Англо-сакса, онъ передъ закономъ—мертвъ. (Идутъ Захаръ Бардинъ и Николай Скроботовъ) Нѣтъ лучшаго матеріала для строенія государства. Англичанинъ передъ закономъ ходитъ, какъ дрессированная лошадь въ циркѣ, на заднихъ ногахъ. Чувство законности у него въ костяхъ, въ мускулахъ... Вотъ идутъ... Дорогой Захаръ Ивановичъ, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вамъ сообщить о новомъ результатѣ вашей политики съ рабочими: они требуютъ, чтобы я немедля прогналъ Дичкова, въ про-

тивномъ случаѣ, послѣ обѣда бросаютъ работу... да-съ! Какъ вы на это смотрите?

ЗАХАРЪ

(потирая лобъ).

Я? Гм... Дичковъ? Это:.. который дерется? И насчетъ дѣвицъ что-то такое?.. да, да... знаю! Прогнать Дичкова, разумѣется! Это—справедливо.

МИХАИЛЪ (волнуется).

Ф-фу! Уважаемый патронъ и компаньонъ, давайте говорить серьезно. Рѣчь идетъ о дѣлѣ, а не о справедливости; справедливость, это вотъ задача Николая. И я извиняюсь, но я еще разъ скажу, что справедливость, какъ вы ее понимаете, пагубна для дѣла.

ЗАХАРЪ.

Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

МИХАИЛЪ.

Нѣтъ! Это справедливость—парадоксъ въ промышленности!

НИКОЛАЙ.

Какъ ты кричишь...

ПОЛИНА.

Дѣловые разговоры при мнѣ... Развѣ это любезно?..

МИХАИЛЪ.

Тысяча извиненій, но я буду продолжать... Я считаю это объясненіе рѣшительнымъ. До моего отъѣзда въ отпускъ, я держалъ заводъ вотъ такъ (показываетъ сжатый кулакъ) и у меня никто не смѣлъ пищать! Всѣ эти воскресныя школы, чтенія и прочія штуки, я, какъ вамъ извѣстно, не считалъ полезными въ нашихъ условіяхъ... Сырой русскій мозгъ не вспыхиваетъ свѣтомъ разума, когда въ него попадаетъ искра знанія,—онъ тлѣетъ и чадитъ... Простите, я отвлекаюсь...

НИКОЛАЙ.

Говорить надо всегда спокойно.

МИХАИЛЪ

(едва сдерживаясь).

Благодарю за совѣтъ. Онъ очень мудръ, но—мнѣ не годится! Ваше отношеніе къ рабочимъ, Захаръ Ивановичъ, въ полгода развинтило и расшатало весь крѣпкій аппаратъ, созданный моимъ восьмилѣтнимъ трудомъ. Меня уважали, меня считали хозяиномъ... Теперь всѣмъ ясно, что въ дѣлѣ два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

ЗАХАРЪ (смущенно).

Позвольте... Зачѣмъ же такъ?

ПОЛИНА.

Михаилъ Васильевичъ, вы говорите очень странно!

МИХАИЛЪ.

Я имѣю причину говорить такъ... я поставленъ въ глупѣйшее положеніе! Прошлый разъ я заявилъ рабочимъ, что скорѣе закрою фабрику, чѣмъ выгоню Дичкова... Они поняли, что я сдѣлаю такъ, какъ говорю, и—успокоились. Въ пятницу вы, Захаръ Ивановичъ, сказали въ чайной рабочему Грекову, что Дичковъ—грубый человѣкъ и вы его собираетесь прогнать...

ЗАХАРЪ (мягко).

Но, дорогой мой, если онъ бьетъ людей по зубамъ... и прочее? Согласитесь, этого нельзя терпѣть! Мы же европейцы, мы культурные люди!

МИХАИЛЪ.

Прежде всего мы—фабриканты! Рабочіе каждый праздникъ бьютъ другъ друга по зубамъ, какое намъ до этого дѣло!.. Но вопросъ о необходимости учить рабочихъ хорошимъ манерамъ вамъ придется рѣшать послѣ, а сейчасъ васъ ждетъ въ конторѣ депутація, она будетъ требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете дѣлать?

ЗАХАРЪ.

Но развѣ Дичковъ такой цѣнный человѣкъ, а? Мнѣ не кажется, знаете...

НИКОЛАЙ (сухо).

Насколько я понимаю, здѣсь дѣло идетъ не о человѣкѣ, а о принципѣ.

МИХАИЛЪ.

Именно! Стоитъ вопросъ: кто хозяинъ на фабрикѣ — мы съ вами или рабочіе?

ЗАХАРЪ (растерянно).

Ага... я понимаю!

МИХАИЛЪ.

Если мы уступимъ имъ, — я не знаю, куда они пойдутъ дальше. Это нахалы. Воскресныя школы и прочій европеизмъ сыграли свою роль за полгода: они смотрятъ на меня волками, и есть уже прокламаціи... слышенъ запахъ соціализма... да!

ЗАХАРЪ.

Да, да, представьте!

ПОЛИНА.

Такая глушь, и вдругъ — соціализмъ... это смѣшно, право!

МИХАИЛЪ.

Смѣшно? Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитріевна, когда дѣти малы, они всѣ миленькія, всѣ забавныя; но постепенно они ростутъ, и однажды мы встрѣчаемся съ большими мерзавцами...

ЗАХАРЪ.

Что же вы хотите дѣлать, а?

МИХАИЛЪ.

Закрыть заводъ. Пусть немножко поголодають, это ихъ охладитъ. (Яковъ встаетъ, подходитъ къ столу и выпиваетъ; потомъ медленно уходитъ налѣво) Когда мы закроемъ заводъ, въ дѣло вступятъ женщины... Онѣ будутъ плакать, а слезы женщинъ дѣйствуютъ на людей, опьяненныхъ мечтами, какъ нашатырный спиртъ,—онѣ отрезвляютъ!

ПОЛИНА.

Вы ужасно жестко говорите!

МИХАИЛЪ

Да, жестко. Такъ требуетъ жизнь.

ЗАХАРЪ.

Но, знаете, эта мѣра... вызвана ли она необходимостью? Мнѣ кажется, это слишкомъ...

МИХАИЛЪ.

Вы можете предложить что-нибудь другое?

ЗАХАРЪ.

Если я пойду поговорю съ ними, а?

МИХАИЛЪ.

Вы, конечно, уступите имъ и тогда мое положеніе станетъ невозможнымъ... я принужденъ буду оставить заводъ!.. Вы извините меня, но ваши колебанія мнѣ обидны, да!

ЗАХАРЪ (поспѣшно).

Но, дорогой, вѣдь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помѣщикъ, чѣмъ промышленникъ... Все это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливымъ... Крестьяне мягче, добродушнѣе рабочихъ... съ ними я живу прекрасно!.. Какъ я вижу, среди рабочихъ есть очень любопытныя фигуры, но въ массѣ, я соглашаюсь, они очень распущены...

МИХАИЛЪ.

Особенно съ той поры, какъ вы надавали имъ обѣщаній...

ЗАХАРЪ.

Но, видите ли, послѣ вашего отъѣзда сразу началось какое-то оживленіе... т. е. возбужденіе... Я, можетъ быть, велъ себя неосторожно... однако, нужно было успокоить ихъ. Писали въ газетахъ о насъ... И очень рѣзко, знаете...

МИХАИЛЪ (нетерпѣливо).

Сейчасъ семнадцать минутъ одиннадцатаго. Вопросъ необходимо рѣшить; онъ стоитъ такъ: или я закрываю заводъ, или ухожу. Закрывъ заводъ, мы не терпимъ убытка: я принялъ мѣры. Спѣшные заказы готовы, и въ складахъ кое-что есть...

ЗАХАРЪ.

Н-да-а! Необходимо рѣшить сейчасъ... я понимаю! Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

НИКОЛАЙ.

Я могу разсуждать только теоретически... Думаю, что братъ правъ. Необходимо твердо держаться принци-

повъ, если намъ дорога культура. Заводъ—маленькое государство...

МИХАИЛЪ

(махнувъ рукой).

Ты заѣдешь въ лужу съ этой аналогіей...

НИКОЛАЙ.

Не безпокойся. Во всякомъ государствѣ необходима твердая власть, которая окружаетъ разнообразіе интересовъ населенія желѣзными обручами законовъ...

МИХАИЛЪ.

Это изъ учебника?

НИКОЛАЙ.

Ты страшно нервозенъ... И власть только тогда есть твердая власть, когда она строго держитъ подчиненныхъ ей въ рамкахъ разъ навсегда выработанныхъ ею нормъ...

ЗАХАРЪ.

Т. е. вы тоже думаете—закрыть? Какъ это досадно!.. Дорогой Михаилъ Васильевичъ, не обижайтесь на меня... я отвѣчу минутъ... черезъ десять!.. Хорошо?

МИХАИЛЪ.

Пожалуйста!

ЗАХАРЪ

(спѣшно идетъ налѣво).

Полина, я тебя попрошу, иди со мной...

ПОЛИНА
(идя за мужемъ).

Ахъ, Боже мой!.. какъ это все тяжело!..

МИХАИЛЪ
(сквозь зубы и грозя кулакомъ).

Каша! Кисель!

НИКОЛАЙ.

Спокойнѣе, Михаилъ! Зачѣмъ такъ распускаться?

МИХАИЛЪ.

У меня нервы болятъ, пойми! Я иду на фабрику и— вотъ! (Вынимаетъ изъ кармана револьверъ) Я не слѣпъ и не дуракъ... Меня ненавидятъ, благодаря этому болвану! И я не могу бросить дѣло; ты первый осудилъ бы меня за это. Въ немъ весь нашъ капиталъ... Уйди я,—этотъ лысый идіотъ все погубитъ.

НИКОЛАЙ (спокойно).

Гм... Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

СИНЦОВЪ (идетъ).

Васъ просятъ рабочіе...

МИХАИЛЪ.

Меня? Что такое?

СИНЦОВЪ.

Распространился слухъ, что съ обѣда заводъ закроютъ.

МИХАИЛЪ (брату).

Каково! Откуда они знаютъ?

НИКОЛАЙ.

Вѣроятно, это Яковъ Ивановичъ сказалъ.

МИХАИЛЪ.

А... чортъ! (Смотритъ на Синцова и съ раздраженіемъ, котораго не можетъ сдержать) Почему именно вы такъ безпокоитесь, г. Синцовъ? Приходите, спрашиваете... а?

СИНЦОВЪ.

Меня просилъ сходить за вами бухгалтеръ.

МИХАИЛЪ.

Да? Что это за привычка у васъ смотрѣть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смѣю спросить?..

СИНЦОВЪ.

Я думаю, это мое дѣло.

МИХАИЛЪ.

А я думаю иначе... и предлагаю вамъ вести себя со мной болѣе прилично... да!

СИНЦОВЪ.

Могу уйти?

МИХАИЛЪ.

Пожалуйста!

ТАТЬЯНА

(выходитъ съ правой стороны).

А, директоръ... торопитесь? (Кричитъ Синцову) Матвѣй Николаевичъ, здравствуйте!

СИНЦОВЪ (ласково).

Добрый день! Какъ чувствуете себя? Не устали, нѣтъ?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, спасибо. Руки болятъ отъ веселъ... Идете на службу? Я васъ провожу до калитки. Знаете, что̀ я вамъ хочу сказать?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, разумѣется.

ТАТЬЯНА

(идетъ рядомъ съ Синцовымъ).

Во всемъ, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше—чего-то враждебнаго, преднамѣреннаго... Есть рѣчи, которыя болѣе убѣдительны тогда, когда въ нихъ мало чувства...

(Не слышно, что говорятъ)

МИХАИЛЪ.

Извольте видѣть, какая ситуація! Служащій вашъ, котораго вы оборвали за дерзость, фамильярничаетъ на вашихъ глазахъ съ женой брата вашего компаньона... Братъ—пьяница, жена—актриса... И на кой чертъ они сюда пріѣхали? Неизвѣстно!..

НИКОЛАЙ.

Странная женщина. Красива, умѣетъ одѣваться, такъ соблазнительна и, кажется, устраиваетъ романъ съ нищимъ. Эксцентрично, но глупо.

МИХАИЛЪ (съ ироніей).

Это демократизмъ. Она, видишь ли, дочь прачки и говоритъ, что ее всегда тянетъ къ простымъ людямъ...

НИКОЛАЙ.

Я думаю, она очень доступна... И, кажется, чувственная...

МИХАИЛЪ.

Ты не зѣвай... Этотъ либералъ—спать легъ тамъ, что-ли?.. Нѣтъ, Россія не жизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты съ толку, никто не въ состояніи точно опредѣлить свое мѣсто, всѣ бродятъ, мечтаютъ, говорятъ... Все разваливается, идетъ криво и косо, талантовъ мало, а тѣ, которые есть, анархисты. Правительство—кучка какихъ-то обалдѣвшихъ людей... злые, глупые, они ничего не понимаютъ, ничего не умѣютъ дѣлать... и вмѣсто русской исторіи, совершается безконечный русскій скандалъ... Главное, никто не находитъ удовольствія въ работѣ...

НИКОЛАЙ.

Удивительныя нелѣпости ты говоришь.

МИХАИЛЪ.

Почему?

ТАТЬЯНА (возращается).

Кричите?.. Всѣ почему-то начинають кричать...

АГРАФЕНА.

Михаилъ Васильевичъ, васъ просятъ Захаръ Ивановичъ...

МИХАИЛЪ
(идетъ, не дослушавъ).

Ну, наконецъ!

ТАТЬЯНА
(садится къ столу).

Почему онъ такой возбужденный?

НИКОЛАЙ.

Полагаю, вамъ это не интересно.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Пожалуй. Онъ мнѣ напоминаетъ одного полицейскаго. У насъ, въ Костромѣ, часто дежурилъ на сценѣ полицейскій... такой длинный, съ вытаращенными глазами.

НИКОЛАЙ.

Не вижу сходства съ братомъ.

ТАТЬЯНА.

Я говорю не о внѣшнемъ сходствѣ... Онъ, полицейскій, тоже всегда торопился куда-то; онъ не ходилъ,

а бѣгалъ, не курилъ, а какъ-то задыхался дымомъ; казалось, онъ не живетъ, а прыгаетъ, кувыркается, стараясь поскорѣе достичь чего-то... а чего—онъ не зналъ.

НИКОЛАЙ.

Вы думаете?

ТАТЬЯНА.

Я увѣрена. Когда у человѣка есть ясная цѣль, онъ идетъ спокойно. А этотъ торопился. И торопливость была особенная: она хлестала его изнутри, и онъ бѣжалъ, бѣжалъ, мѣшая себѣ и другимъ. Онъ не былъ жаденъ, узко жаденъ... онъ только жадно хотѣлъ скорѣе сдѣлать все, что нужно, оттолкнуть отъ себя всѣ обязанности, и обязанность брать взятки, въ томъ числѣ. Взятки онъ не бралъ, а хваталъ: схватитъ, заторопится и забудетъ сказать спасибо... Наконецъ, онъ подвернулся подъ лошадей, и онѣ его убили...

НИКОЛАЙ.

Вы хотѣли сказать, что энергія брата безцѣльна?

ТАТЬЯНА.

Да? Такъ вышло! Я не хотѣла этого сказать .. Просто, онъ похожъ на того полицейскаго...

НИКОЛАЙ.

Лестнаго тутъ мало для брата.

ТАТЬЯНА.

Я не собиралась говорить о немъ лестно...

НИКОЛАЙ.

Вы оригинально кокетничаете.

ТАТЬЯНА.

Да?

НИКОЛАЙ.

Но—не весело.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Развѣ есть женщины, которымъ съ вами весело?

НИКОЛАЙ.

Ого!

ПОЛИНА (идетъ).

Сегодня у насъ все какъ-то не клеится. Никто не завтракаетъ, всѣ раздражены... Точно не выспались. Надя рано утромъ ушла съ Клеопатрой Петровной въ лѣсъ за грибами... Я вчера просила ее не дѣлать этого... О, Боже... трудно становится жить.

ТАТЬЯНА.

Ты много кушаешь...

ПОЛИНА.

Таня, зачѣмъ этотъ тонъ? Ты ненормально относишься къ людямъ...

ТАТЬЯНА.

Потому что—спокойно?

ПОЛИНА.

Ахъ, легко быть спокойной, когда у тебя ничего нѣтъ и ты свободна! А вотъ, когда около тебя кормятся тысячи людей... это не шутка!

ТАТЬЯНА.

Ты брось, не корми ихъ, пусть они сами живутъ, какъ хотятъ... Отдай имъ все—заводъ, землю, и успокойся.

ПОЛИНА.

Зачѣмъ такъ говорить? Не понимаю!.. Ты бы видѣла, какъ разстроенъ Захаръ... Мы рѣшили закрыть заводъ на время, пока рабочіе успокоятся. Но ты подумай, какъ это тяжело! Сотни людей останутся безъ работы... у нихъ дѣти... ужасно!

ТАТЬЯНА.

Такъ не закрывайте, если ужасно... Зачѣмъ же дѣлать непріятности самимъ себѣ?

ПОЛИНА.

Ахъ, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроемъ,—рабочіе сдѣлаютъ стачку, и это будетъ еще хуже.

ТАТЬЯНА.

Что будетъ хуже?

ПОЛИНА.

Все вообще... Не можемъ же мы уступать всѣмъ ихъ требованіямъ? И, наконецъ, это совсѣмъ не ихъ

требованія, а просто, соціалисты научили ихъ, они и кричатъ... (Горячо) Этого я не понимаю! За границей соціализмъ на своемъ мѣстѣ, онъ очень разнообразитъ жизнь и дѣйствуетъ открыто... А у насъ, въ Россіи, его нашептываютъ рабочимъ изъ-за угловъ, совершенно не понимая, что въ монархическомъ государствѣ это неумѣстно!.. Намъ нужна конституція, а совсѣмъ не это... Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

НИКОЛАЙ (усмѣхаясь).

Нѣсколько иначе. Соціализмъ очень опасное явленіе. И въ странѣ, гдѣ нѣтъ самостоятельной, такъ сказать, расовой философіи, гдѣ все хватаютъ со стороны и на лету, тамъ онъ долженъ найти для себя почву... Мы люди крайностей... вотъ наша болѣзнь.

ПОЛИНА.

Это очень вѣрно! Да, мы люди крайностей.

ТАТЬЯНА (вставая).

Особенно ты и твой мужъ. Или вотъ товарищъ прокурора...

ПОЛИНА.

Ты не знаешь, Таня... а Захара считаютъ однимъ изъ красныхъ въ губерніи!

ТАТЬЯНА (ходитъ).

Я думаю, онъ краснѣетъ только со стыда, да и то не часто...

ПОЛИНА.

Таня! Что ты, Богъ съ тобой?..

ТАТЬЯНА.

Развѣ это обидно? Я не знала... Мнѣ ваша жизнь кажется любительскимъ спектаклемъ. Роли распредѣлены скверно, талантовъ нѣтъ, всѣ играютъ отвратительно... Пьесу нельзя понять..

НИКОЛАЙ.

Въ этомъ есть правда... И всѣ жалуются: ахъ, какая скучная пьеса!

ТАТЬЯНА.

Да. Мы портимъ пьесу. Мнѣ кажется, это начинаютъ понимать статисты и всѣ закулисные люди... Однажды они прогонятъ насъ со сцены...

(Идутъ генералъ и Конь)

НИКОЛАЙ.

Однако! Куда вы метнули...

ГЕНЕРАЛЪ
(кричитъ, подходя).

Полина! Молока генералу,—х-хо! Холоднаго молока!.. А-а, гробъ законовъ!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвѣчай урокъ: что есть солдатъ?

КОНЬ (скучно).

Какъ угодно начальству, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛЪ.

Можетъ солдатъ быть рыбой, а?

КОНЬ.

Солдатъ долженъ все умѣть...

ТАТЬЯНА.

Милый дядя, вы и вчера забавляли насъ этой сценой... Неужели—каждый день?

ПОЛИНА (вздыхая).

Каждый день, послѣ купанья.

ГЕНЕРАЛЪ.

Каждый день, да! И всегда—разное обязательно! Онъ, старый шутъ, долженъ самъ выдумывать отвѣты и вопросы.

ТАТЬЯНА.

Вамъ это нравится, Конь?

КОНЬ.

Его превосходительству нравится.

ТАТЬЯНА.

А вамъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ему тоже...

КОНЬ.

Мнѣ не очень... Старъ я для цирка... ну, а терпѣть надо, когда ѣсть нужно...

ГЕНЕРАЛЪ.

А! Хитрая каналья! Кругомъ маршъ... разъ-два!

ТАТЬЯНА.

Вамъ не скучно издѣваться надъ старикомъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Я самъ—старикъ! А вы сами скучная... Актриса должна смѣшить, а вы что?

ПОЛИНА.

Ты знаешь, дядя...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ничего не знаю..

ПОЛИНА.

Мы закрываемъ заводъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ага! Прекрасно! Онъ—свиститъ. Рано утромъ спишь такъ крѣпко, вдругъ—у-у-у! Закрыть его!..

МИХАИЛЪ

(быстро идетъ).

Николай, на минутку! Ну, заводъ закрытъ! Но на всякій случай, надо принять мѣры... Пошли телеграмму

вице-губернатору: кратко сообщи положеніе дѣла и требуй солдатъ... Подпиши моимъ именемъ.

НИКОЛАЙ.

Мы съ нимъ тоже пріятели.

МИХАИЛЪ.

Я знаю. Иду объявить этимъ депутатамъ — къ черту!.. Ты не говори о телеграммѣ, я самъ скажу, когда будетъ нужно... да?

НИКОЛАЙ.

Хорошо.

МИХАИЛЪ.

А великолѣпно чувствуется, когда поставишь на своемъ! Это—признакъ молодости! Я, братъ, старше тебя годами, но моложе душой, а?

НИКОЛАЙ

Это не молодость, а нервозность, я думаю...

МИХАИЛЪ

(съ ироніей).

Ну, конечно! До свиданья, старикъ... Вотъ я тебѣ покажу нервозность! Увидишь! (Смѣясь уходитъ)

ПОЛИНА.

Рѣшили, Николай Васильевичъ, да?

НИКОЛАЙ (уходя).

Да, кажется.

ПОЛИНА.

О, Боже мой!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Что рѣшили?

ПОЛИНА.

Закрыть заводъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

А... Я это уже слышалъ... Трамъ-та-та-тамъ! Ти-та тамъ!.. Скучно!

ТАТЬЯНА.

Да.

ПОЛИНА.

И такъ тревожно, неловко...

ГЕНЕРАЛЪ.

Конь!

КОНЬ.

Здѣсь.

ГЕНЕРАЛЪ.

Удочки и лодку... Готово?

КОНЬ.

Готово.

ГЕНЕРАЛЪ.

Пойду молчать съ рыбами... Это болѣе умно, чѣмъ скучать съ людьми... (Хохочетъ) Ловко сказано, а? (Надя бѣжитъ) А-а, мотылекъ... что такое?

НАДЯ (радостно).

Приключеніе! (Обернувшись назадъ, зоветъ) Идите, пожалуйста! Вы возьмите его подъ руку, Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходимъ мы изъ лѣсу,—вдругъ, трое пьяныхъ рабочихъ... понимаешь?

ПОЛИНА.

Ну, вотъ! Я всегда говорила тебѣ...

КЛЕОПАТРА
(за нею Грековъ).

Представьте, какая гадость!

НАДЯ.

Почему—гадость? Просто смѣшно!.. Трое рабочихъ, тетя... Улыбаются и говорятъ: „барыни вы наши, милыя..."

КЛЕОПАТРА.

Я непремѣнно попрошу мужа прогнать ихъ...

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

За что же?

ГЕНЕРАЛЪ (Надѣ).

Это кто такой чумазый?

НАДЯ.

Нашъ спаситель, дѣдъ, понимаешь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ничего не понимаю!..

КЛЕОПАТРА (Надѣ).

Вы разсказываете, Богъ знаетъ какъ...

НАДЯ.

Я говорю, какъ нужно!

ПОЛИНА.

Но ничего нельзя понять, Надя!

НАДЯ.

Вы мнѣ мѣшаете потому что!—Подходятъ къ намъ и говорятъ: „барышни! давайте съ нами пѣсни пѣть...“

ПОЛИНА.

Ахъ, какое нахальство!

НАДЯ.

Вовсе нѣтъ!—„Мы, говорятъ, знаемъ, вы очень хорошо поете... Конечно—мы выпивши, но выпившіе мы лучше!“ Это вѣрно, тетя! Пьяные они не такіе хмурые, какъ всегда...

КЛЕОПАТРА.

На наше счастье вотъ этотъ молодой человѣкъ...

НАДЯ.

Я разскажу лучше васъ!—Клеопатра Петровна начала ихъ ругать... Это вы напрасно! Увѣряю васъ!.. Тогда одинъ изъ нихъ, такой высокій и худой...

КЛЕОПАТРА
(съ угрозой).

Я его знаю!

НАДЯ.

Взялъ ее за руку и—такъ грустно—сказалъ: „такая вы красивая, образованная женщина; смотрѣть на васъ пріятно, а вы—ругаетесь! Развѣ мы васъ обидѣли?“ Онъ очень хорошо сказалъ, такъ... отъ души! Ну, а другой, онъ, дѣйствительно... Онъ сказалъ: „чего ты съ ними говоришь? Развѣ онѣ что-нибудь могутъ понять? Онѣ—звѣрье!..“ Это мы звѣрье—я и она!

(Смѣется).

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Ты, кажется, очень довольна этимъ титуломъ?

ПОЛИНА.

Я говорила тебѣ, Надя... Вотъ ты бѣгаешь всюду...

ГРЕКОВЪ (Надѣ).

Я могу идти?

НАДЯ.

О, нѣтъ, пожалуйста! Хотите чаю?.. Или молока? Хотите?

(Генералъ хохочетъ. Клеопатра пожимаетъ плечами. Татьяна смо-

трить на Грекова и что-то напѣваетъ сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытираетъ ложки полотенцемъ)

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

Спасибо, не хочу.

НАДЯ (убѣдительно).

Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь!.. Это все... добрые люди, увѣряю васъ!

ПОЛИНА (протестуя).

О, Надя!

НАДЯ (Грекову).

Вы не уходите, я сейчасъ все разскажу...

КЛЕОПАТРА (недовольно).

Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ явился во-время и уговорилъ своихъ пьяницъ-товарищей оставить насъ въ покоѣ... а я попросила его проводить насъ. Вотъ и все!..

НАДЯ.

Ахъ, ну, что это! Если бы все было, какъ вы разсказываете... всѣ умерли бы со скуки!

ГЕНЕРАЛЪ.

Каково, а?

НАДЯ (Грекову).

Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сѣсть! Отчего вы всѣ такіе кислые? Вамъ жарко?

ПОЛИНА
(сидя Грекову).

Благодарю васъ, молодой человѣкъ...

ГРЕКОВЪ.

Не за что...

ПОЛИНА
(болѣе сухо).

Съ вашей стороны было очень хорошо защитить женщинъ.

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Онѣ не нуждались въ защитѣ... ихъ никто не обижалъ.

НАДЯ.

Но, тетя же! Развѣ можно такъ говорить?

ПОЛИНА.

Я попрошу не учить меня...

НАДЯ.

Но, пойми,—никакой защиты не было! Онъ просто сказалъ имъ: „оставьте, товарищи, это нехорошо!“ Они обрадовались ему: „Грековъ. Идемъ съ нами, ты—милый!“ Онъ, дѣйствительно, тетя, очень милый и умный... вы извините меня, Грековъ, но вѣдь это правда!..

ГРЕКОВЪ (усмѣхаясь).

Вы ставите меня въ неловкое положеніе...

НАДЯ.

Да? Но я этого не хочу... Это не я, а вотъ они, Грековъ!

ПОЛИНА.

Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза... Все это смѣшно!.. И—довольно!..

НАДЯ (возбужденно).

Такъ смѣйтесь! Почему же вы сидите, какъ сычи? Смѣйтесь!

КЛЕОПАТРА.

У Нади способность изъ всякаго пустяка дѣлать исторію, съ шумомъ, съ восторгомъ. И особенно это хорошо сейчасъ, на глазахъ... чужого человѣка, который, видите,—смѣется надъ ней.

НАДЯ (Грекову).

Вы надо мной смѣетесь? Почему?

ГРЕКОВЪ (просто).

Я любуюсь вами, а не смѣюсь.

ПОЛИНА (поражена).

Что? Дядя...

КЛЕОПАТРА (усмѣхаясь).

Вотъ вамъ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Ну, баста! Хорошенькаго понемножку. Молодой человѣкъ, вотъ, возьми себѣ и—ступай...

ГРЕКОВЪ (отвертываясь).

Благодарю... не нужно.

ПАЛЯ

(закрывъ лицо руками).

Дѣдъ... зачѣмъ?

ГЕНЕРАЛЪ

(останавливая Грекова).

Подожди! Это—десять рублей...

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Ну, и что же?

(Секунду всѣ молчатъ)

ГЕНЕРАЛЪ (смущенъ).

Э... Вы кто такой?

ГРЕКОВЪ.

Рабочій.

ГЕНЕРАЛЪ.

Да! Кузнецъ?

ГРЕКОВЪ.

Слесарь.

ГЕНЕРАЛЪ (строго).

Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

ГРЕКОВЪ.

Не хочу.

ГЕНЕРАЛЪ (раздражаясь).

Что за комедія? Чего же тебѣ нужно?

ГРЕКОВЪ.

Ничего.

ГЕНЕРАЛЪ.

А можетъ быть, ты хочешь попросить руку барышни, а?

(Хохочетъ. Всѣ смущены выходкой генерала).

НАДЯ.

Ой... что вы дѣлаете!

ПОЛИНА.

Дядя, пожалуйста.

ГРЕКОВЪ
(генералу спокойно).

Вамъ сколько лѣтъ?

ГЕНЕРАЛЪ (удивленъ).

Что? Мнѣ... лѣтъ?

ГРЕКОВЪ (такъ же).

Сколько вамъ лѣтъ?

ГЕНЕРАЛЪ (оглядываясь).

Что такое? Шестьдесятъ одинъ годъ... Ну, и что же?

ГРЕКОВЪ

(идетъ прочь).

Въ эти годы слѣдуетъ быть умнѣе!

ГЕНЕРАЛЪ.

Какъ?.. Мнѣ... умнѣе?..

НАДЯ

(бѣжитъ за Грековымъ).

Послушайте... вы не сердитесь! Онъ—старикъ. И всѣ они добрые люди, честное слово!

ГЕНЕРАЛЪ.

Что за чертовщина?

ГРЕКОВЪ.

Вы не безпокойтесь... это все естественно!

НАДЯ.

Имъ жарко... У нихъ, поэтому, дурное настроеніе... А я такъ плохо разсказала.

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

Какъ бы вы ни разсказали, васъ не поймутъ, повѣрьте.

(Они скрываются)

ГЕНЕРАЛЪ.

Это онъ меня... смѣлъ, а?

ТАТЬЯНА.

Вы напрасно сунули ваши деньги.

ПОЛИНА.

Ахъ, Надя!.. Эта Надя!

КЛЕОПАТРА.

Скажите? Какой гордый испанецъ! Вотъ я попрошу мужа, чтобъ онъ его...

ГЕНЕРАЛЪ.

Такой щенокъ!?

ПОЛИНА.

Надя—невозможна!.. Пошла съ нимъ... Какъ она волнуется!

КЛЕОПАТРА.

Они съ каждымъ днемъ все больше распускаются, ваши соціалисты...

ПОЛИНА.

Почему вы думаете, что онъ соціалистъ?

КЛЕОПАТРА.

Ужъ я вижу! Всѣ порядочные рабочіе—соціалисты...

ГЕНЕРАЛЪ.

Я скажу Захару... сегодня же въ шею съ завода этого молокососа!

ТАТЬЯНА.

Заводъ закрытъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Вообще—въ шею!

ПОЛИНА.

Таня! Позови Надю... я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ахъ, скотина! Сколько лѣтъ, а?

КЛЕОПАТРА.

Эти пьяные свистѣли вслѣдъ намъ... А вы съ ними любезничаете... чтенія разныя... къ чему это?..

ПОЛИНА.

Да, да!.. Вы представьте: въ четвергъ я ѣду въ деревню, вдругъ свистятъ!.. Даже мнѣ—свистятъ, а? Не говоря о неприличіи,—это можетъ испугать лошадей!

КЛЕОПАТРА (поучительно).

Захаръ Ивановичъ во многомъ виноватъ!.. Онъ невѣрно опредѣляетъ разстояніе между собой и этимъ народомъ, какъ говоритъ мужъ...

ПОЛИНА.

Онъ мягокъ... онъ хочетъ быть добрымъ со всѣми! Добрыя отношенія съ народомъ выгоднѣе для обѣихъ

сторонъ, это его убѣжденіе... Крестьяне очень оправдываютъ его взгляды... Берутъ землю, платятъ аренду и— все идетъ прекрасно. А эти... (Идутъ Татьяна и Надя) Надя! моя милая, ты понимаешь, какъ неприлично...

НАДЯ (горячо).

Это вы... вы неприличны! Вы всѣ угорѣли отъ жары, вы злые, больные и ничего не понимаете!.. А вы, дѣдъ... ахъ, какой вы глупый!..

ГЕНЕРАЛЪ (взбѣшенъ).

Я? Глупъ? Еще разъ?

НАДЯ.

Зачѣмъ вы сказали это... о рукѣ? Не стыдно вамъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Стыдно? Нѣтъ, баста! Благодарю! Довольно, на сегодня! (Идетъ прочь и оретъ) Конь! Чортъ бы взялъ всю твою родню, гдѣ тамъ увязли твои дурацкія ноги, болванъ, тупая башка?!

НАДЯ.

А вы, тетя, вы!.. Еще за границей жили, о политикѣ говорите!.. Не пригласить человѣка сѣсть, не дать ему чашку чая!.. Эхъ, вы... баронесса!

ПОЛИНА
(встаетъ, бросаетъ ложку на траву).

Это ужасно! Это нестерпимо... что ты говоришь?..

НАДЯ.

И вы, Клеопатра Петровна, тоже... дорогой вы были съ нимъ и ласковы и любезны, а здѣсь...

КЛЕОПАТРА.

Да что-жъ — цѣловать мнѣ его, что-ли? Извините, онъ не умытъ. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вотъ, Полина Дмитріевна, видите? Это демократизмъ или, какъ тамъ, гуманизмъ!.. Это все ложится пока на шею моего мужа... но ляжетъ и на вашу, вы увидите!

ПОЛИНА.

Клеопатра Петровна, я извиняюсь передъ вами за Надю...

КЛЕОПАТРА (уходя).

Это лишнее... И не въ ней дѣло, не въ одной Надѣ... Всѣ виноваты!

ПОЛИНА.

Послушай, Надя! Когда твоя мать умирая поручала мнѣ тебя, твое воспитаніе...

НАДЯ.

Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не такъ!

ПОЛИНА (изумленно).

Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мнѣ, я ее знаю лучше тебя.

НАДЯ

(со слезами, но сдерживая ихъ).

Ничего вы не знаете, вотъ! И бѣдные богатымъ не родня... Моя мама была бѣдная, хорошая... Вы не понимаете бѣдныхъ!.. Вы вотъ даже тетю Таню не понимаете...

ПОЛИНА.

Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

НАДЯ (уходя).

И уйду!.. А, все-таки, я права! Не вы, а—я!

ПОЛИНА.

Ф-фу! Боже мой!.. Здоровая дѣвушка и вдругъ... такой припадокъ, почти истерія! Ты извини меня, Таня, но здѣсь я вижу твое вліяніе... да! Ты говоришь съ нею обо всемъ, какъ со взрослой... вводишь ее въ компанію служащихъ... эти конторщики... какіе-то интеллигенты изъ рабочихъ... какой абсурдъ! Наконецъ, катанья въ лодкахъ...

ТАТЬЯНА.

Ты успокойся... выпей чего-нибудь, что-ли! Тебѣ нужно согласиться, что съ этимъ рабочимъ ты вела себя... довольно безтолково! Вѣдь онъ не изломалъ бы стула, если-бъ ты предложила ему сѣсть.

ПОЛИНА.

Ты не права, нѣтъ... Развѣ можно сказать, что я дурно отношусь къ рабочимъ? Но все должно имѣть свои границы, моя дорогая!..

(Медленно идетъ Яковъ, выпившій)

ТАТЬЯНА.

Затѣмъ, я ее никуда не ввожу, какъ ты говоришь. Она сама идетъ... и я не думаю, что ей нужно мѣшать.

ПОЛИНА.

Она сама идетъ! Какъ-будто она понимаетъ—куда?

ЯКОВЪ (садясь).

А на заводѣ будетъ бунтъ...

ПОЛИНА (тоскливо).

Ахъ, перестаньте, Яковъ Ивановичъ!..

ЯКОВЪ.

Будетъ. Бунтъ будетъ. Они зажгутъ заводъ и всѣхъ насъ изжарятъ на огнѣ... какъ зайцевъ.

ТАТЬЯНА (съ досадой).

Ты, кажется, ужъ выпилъ...

ЯКОВЪ.

Я въ это время всегда уже выпилъ... Сейчасъ видѣлъ Клеопатру... это очень дрянная баба! Не потому, что у нея много любовниковъ... но потому, что въ груди у нея, вмѣсто души, сидитъ старая, злая собака...

ПОЛИНА (встаетъ).

Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Все шло хорошо и— вдругъ... (Ходитъ по саду)

ЯКОВЪ.

Небольшая собака, съ облѣзлой шерстью. Жадная. Сидитъ и скалитъ зубы... Уже сыта, все ѣла... но чего-то хочетъ еще... А чего—не знаетъ... И безпокоится...

ТАТЬЯНА.

Замолчи, Яковъ!.. Вонъ идетъ твой братъ.

ЯКОВЪ.

Мнѣ не нуженъ братъ! Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить... но, все-таки, это мнѣ обидно! Обидно... и не мѣшаетъ мнѣ любить тебя...

ТАТЬЯНА

Ты бы освѣжился...

ЗАХАРЪ (подходя).

Что? Объявили уже, что заводъ закрывается?

ТАТЬЯНА.

Не знаю.

ЯКОВЪ.

Не объявили, но рабочіе знаютъ.

ЗАХАРЪ.

Почему? Кто сказалъ имъ?..

ЯКОВЪ.

Я. Пошелъ и сказалъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ЯКОВЪ.

Это не единственный мой недостатокъ...

ЗАХАРЪ (обиженно).

Ну, я молчу! Молчу! Вокругъ меня создается непонятная мнѣ атмосфера враждебности...

ПОЛИНА.

Да, это вѣрно. Ты послушалъ бы, что тутъ говорила Надежда!

ПОЛОГІЙ (бѣжитъ).

Позвольте сказать... сейчасъ... сейчасъ убитъ г. директоръ... выстрѣломъ...

ЗАХАРЪ.

Какъ?

ПОЛИНА.

Вы... что вы?

ПОЛОГІЙ.

Совершенно... убитъ... упалъ...

ЗАХАРЪ.

Кто... кто стрѣлялъ?

ПОЛОГІЙ.

Рабочіе...

ПОЛИНА.

Схватили ихъ?

ЗАХАРЪ.

Докторъ тамъ?

ПОЛОГІЙ.

Я не знаю.

ПОЛИНА.

Яковъ Ивановичъ!.. Да идите вы!

ЯКОВЪ
(разводя руками).

Куда?

ПОЛИНА.

Какъ это случилось?

ПОЛОГІЙ.

Г. директоръ были въ ажитаціи... и попали ногой въ животъ рабочему...

ЯКОВЪ.

Идутъ... сюда...

(Шумъ. Ведутъ Михаила Скроботова, подъ одну руку Лѣвшинъ, лысоватый, пожилой рабочій, подъ другую — Николай. Ихъ провожаютъ нѣсколько рабочихъ и служащихъ. Потомъ появляются становой, Клеопатра, Надя)

МИХАИЛЪ (устало).

Оставьте меня... положите...

НИКОЛАЙ.

Ты видѣлъ, кто стрѣлялъ?

МИХАИЛЪ.

Я усталъ... о, я усталъ...

НИКОЛАЙ (настойчиво).

Ты замѣтилъ, кто стрѣлялъ?

МИХАИЛЪ.

Мнѣ больно... Какой-то рыжій... Положите меня... Какой-то рыжій...

(Его укладываютъ на дерновую скамью)

НИКОЛАЙ (урядника).

Вы слышали? Рыжій.

УРЯДНИКЪ.

Слушаю!..

МИХАИЛЪ.

А! Теперь все равно... у него зеленые глаза...

ЛѢВШИНЪ (Николаю).

Вы бы не тревожили его въ такую минуту...

НИКОЛАЙ.

Молчать! Гдѣ же докторъ?.. Докторъ гдѣ, я спрашиваю?

(Всѣ безтолково суетятся, шепчутся)

МИХАИЛЪ.

Не кричи... Мнѣ больно... Дайте же отдохнуть!

ЛѢВШИНЪ.

Отдохните, Михаилъ Васильевичъ, ничего! Эхъ, дѣла человѣческія, копеечныя дѣла! Изъ-за копейки пропадаемъ... Она и мать намъ, и смерть наша...

НИКОЛАЙ.

Урядникъ!.. Попросите удалиться всѣхъ лишнихъ.

УРЯДНИКЪ (негромко).

Пошелъ прочь, ребята! Нечего тутъ смотрѣть...

ЗАХАРЪ (тихо).

Гдѣ же докторъ?

НИКОЛАЙ.

Миша!.. Миша!.. (Наклоняется къ брату и всѣ наклоняются за нимъ) Мнѣ кажется... онъ скончался... да.

ЗАХАРЪ.

Не можетъ быть!

НИКОЛАЙ
(медленно, негромко).

Да. Онъ умеръ... Вы это понимаете, Захаръ Ивановичъ?..

ЗАХАРЪ.

Но... вы можете ошибиться!

НИКОЛАЙ.

Нѣтъ. Это вы поставили его подъ выстрѣлъ, вы!

ЗАХАРЪ (пораженъ).

Я?

ТАТЬЯНА.

Какъ это жестоко... глупо!

НИКОЛАЙ
(наступая на Захара).

Да, вы!..

СТАНОВОЙ (бѣжитъ).

Гдѣ г. директоръ? Тяжело раненъ?

ЛѢВШИНЪ.

Померъ. Торопилъ, торопилъ всѣхъ, а самъ—вотъ...

НИКОЛАЙ (становому).

Онъ успѣлъ сказать, что его убилъ какой-то рыжій...

СТАНОВОЙ.

Рыжій? Гм...

НИКОЛАЙ.

Да. Примите мѣры... немедленно!

СТАНОВОЙ (урядпику).

Немедленно собрать всѣхъ рыжихъ!

УРЯДНИКЪ.

Слушаю!

СТАНОВОЙ.

Всѣхъ!

КЛЕОПАТРА (бѣжитъ).

Гдѣ онъ?.. Миша!.. Что такое... обморокъ? Николай Васильевичъ!.. Это обморокъ? (Николай отвертывается въ сторону. Идетъ прихрамывая старичекъ докторъ) Умеръ? Нѣтъ?

ЛѢВШИНЪ.

Успокоился... Не достигъ...

НИКОЛАЙ
(злобно, но негромко).

Вы—прочь! (становому) Уберите этого!

КЛЕОПАТРА.

Ну, что... что, докторъ?

СТАНОВОЙ (Лѣвшину тихо).

Ты! Пошелъ!

ЛѢВШИНЪ (тихо).

Иду. Зачѣмъ толкать?

ДОКТОРЪ.

Ну, къ сожалѣнію, я тутъ безполезенъ... н-да...

КЛЕОПАТРА (негромко).

Убили?

ПОЛИНА (Клеопатрѣ).

Моя дорогая!..

КЛЕОПАТРА (негромко, зло).

Подите прочь! Вѣдь это ваше дѣло... ваше!

ЗАХАРЪ (подавленно).

Я понимаю... вы поражены... но, зачѣмъ же... зачѣмъ же такъ?

ПОЛИНА (со слезами).

Вы подумайте, дорогая, какъ это страшно!

КЛЕОПАТРА.

Страшно, да?

ТАТЬЯНА (Полинѣ).

Ты уйди...

КЛЕОПАТРА.

Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

НИКОЛАЙ (сухо).

Успокойтесь, Клеопатра!.. Захаръ Ивановичъ не можетъ не сознавать своей вины передъ нами...

ЗАХАРЪ (подавленный).

Господа!.. Я не понимаю!.. Что вы говорите? Развѣ можно бросать такое обвиненіе?..

ПОЛИНА.

Какой ужасъ! Боже мой... такъ безжалостно!

КЛЕОПАТРА.

А, безжалостно? Вы натравили на него рабочихъ, вы уничтожили среди нихъ его вліяніе... Они боялись его, они дрожали передъ нимъ... и — вотъ! Теперь они убили!.. Это вы... вы виноваты! На васъ его кровь!..

НИКОЛАЙ.

Довольно... не надо кричать!

КЛЕОПАТРА (Полинѣ).

Плачете? Пусть она изъ глазъ вашихъ потечетъ, его кровь...

УРЯДНИКЪ.

Ваше благородіе!..

СТАНОВОЙ.

Тише, ты!

УРЯДНИКЪ.

Рыжіе готовы!

(Въ глубинѣ сада идетъ генералъ и, толкая передъ собой Коня, громко хохочетъ)

НИКОЛАЙ.

Тише!..

КЛЕОПАТРА.

Что, убійцы?

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лунная ночь. На землѣ лежатъ густыя, тяжелыя тѣни. На столѣ въ безпорядкѣ набросано много хлѣба, огурцовъ, яицъ; стоятъ бутылки съ пивомъ. Горятъ свѣчи въ абажурахъ. Аграфена моетъ посуду. Ягодинъ сидя на стулѣ, съ палкой въ рукѣ, куритъ. Слѣва стоятъ Татьяна, Надя, Лѣвшинъ. Всѣ говорятъ тихо, пониженными голосами и какъ-будто прислушиваясь къ чему-то. Общее настроеніе — тоскливаго и тревожнаго ожиданія.

ЛѢВШИНЪ (Надѣ).

Все человѣческое на землѣ мѣдью отравлено, барышня милая! Вотъ отчего скучно душѣ вашей молодой... Всѣ люди связаны мѣдной копейкой, а вы свободная еще, и нѣтъ вамъ мѣста въ людяхъ. На землѣ каждому человѣку копейка звенитъ: возлюби меня, яко самого себя... А васъ это не касается.

ЯГОДИНЪ (Аграфенѣ).

Ефимычъ и господъ учить началъ... чудакъ!

АГРАФЕНА.

Что жъ? Онъ правду говоритъ. Немножко правды и господамъ знать надо.

ЛѢВШИНЪ.

Звенитъ, да...

ЯГОДИНЪ.

А кто нашего брата, кромѣ копейки, оградить можетъ? Никто!..

НАДЯ.

Вамъ очень тяжело жить, Ефимычъ?

ЛѢВШИНЪ.

Мнѣ—не очень. У меня дѣтей нѣтъ. Баба есть, жена, значитъ, а дѣти всѣ померли.

НАДЯ.

Тетя Таня! Почему, когда въ домѣ мертвый, всѣ говорятъ тихо?..

ТАТЬЯНА.

Я не знаю...

ЛѢВШИНЪ

(съ улыбкой)

Потому, барышня, что виноваты мы передъ покойникомъ, кругомъ виноваты...

НАДЯ.

Но вѣдь не всегда, Ефимычъ, людей... вотъ такъ... убиваютъ... При всякомъ покойникѣ тихо говорятъ.

ЛѢВШИНЪ.

Милая,—всѣхъ мы убиваемъ! которыхъ пулями, которыхъ словами, всѣхъ мы убиваемъ дѣлами нашими. Гонимъ людей со свѣту въ землю и не видимъ этого, и не чувствуемъ... а вотъ когда бросимъ человѣка смерти, тогда и поймемъ немножко нашу вину передъ нимъ. Станетъ жалко умершаго, стыдно передъ нимъ и страшно въ душѣ... Вѣдь и насъ также гонятъ, и мы въ могилу приготовлены!..

НАДЯ.

Да-а... это страшно!

ЛѢВШИНЪ.

Ничего! Теперь—страшно, а завтра—все пройдетъ. И опять начнутъ люди толкаться... Упадетъ человѣкъ, котораго затолкаютъ, всѣ замолчатъ на минутку, сконфузятся... вздохнутъ, да и опять за старое!.. Опять своимъ путемъ... Темнота! А путь у всѣхъ одинъ... тѣсновато, да... А вотъ вы, барышня, вины своей не чувствуете; вамъ и покойники не мѣшаютъ, вы и при нихъ можете громко говорить...

ТАТЬЯНА.

Что нужно сдѣлать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?

ЛѢВШИНЪ (таинственно).

Копейку надо уничтожить... схоронить ее надо! Ея не будетъ,—зачѣмъ враждовать, зачѣмъ тѣснить другъ друга?

ТАТЬЯНА.

Это—все?

ЛѢВШИНЪ.

Для начала—хватитъ!..

ТАТЬЯНА.

Хочешь пройтись по саду, Надя?

НАДЯ (задумчиво).

Хорошо...

(Онѣ идутъ въ глубину сада; Лѣвшинъ—къ столу. У палатки появляются генералъ, Конь и Пологій)

ЯГОДИНЪ.

Ты, Ефимычъ, и на камнѣ сѣсть... чудакъ!..

ЛѢВШИНЪ.

А что?

ЯГОДИНЪ.

Напрасно стараешься... Развѣ они поймутъ? Рабочая душа пойметъ, а господской это не по недугу...

ЛѢВШИНЪ.

Душа—душой... да вѣдь всѣ около одного мѣста трутся...

АГРАФЕНА.

Можетъ, еще выпьете чаю?..

ЛѢВШИНЪ.

Это—можно.

(Молчатъ. Слышенъ густой голосъ генерала. Мелькаютъ бѣлыя платья Нади и Татьяны)

ГЕНЕРАЛЪ.

Или протянуть черезъ дорогу веревку... такъ, чтобы ее не видно было... идетъ человѣкъ и вдругъ—хлопъ!

ПОЛОГІЙ.

Пріятно видѣть, когда человѣкъ падаетъ, ваше превосходительство!..

ЯГОДИНЪ.

Слышишь?

ЛѢВШИНЪ.

Слышу...

КОНЬ.

Сегодня этого нельзя ничего: покойникъ въ домѣ. При покойникѣ не шутятъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду!

(Къ столу идутъ Татьяна и Надя)

ЛѢВШИНЪ.

Старъ человѣкъ...

АГРАФЕНА

(идетъ къ дому).

Ужъ такъ онъ озорничать любитъ...

ТАТЬЯНА

(садится къ столу).

Ефимычъ, скажите, вы—соціалистъ?

ЛѢВШИНЪ (просто).

Я-то? Нѣтъ. Мы вотъ съ Тимофеемъ ткачи, мы—ткачи...

ТАТЬЯНА.

А вы знаете соціалистовъ? Слышали о нихъ?

ЛѢВШИНЪ.

Слыхали... Знать—не знаемъ, а слыхали, да!

ТАТЬЯНА.

Вы Синцова знаете? конторщика?

ЛѢВШИНЪ.

Знаемъ. Мы всѣхъ служащихъ знаемъ.

ТАТЬЯНА.

Говорили съ нимъ?

ЯГОДИНЪ (безпокойно).

О чемъ намъ говорить? Они—наверху, мы—внизу. Придешь въ контору, они намъ скажутъ, что имъ директоръ велѣлъ... и все! Вотъ и знакомство.

НАДЯ.

Вы, кажется, боитесь насъ, Ефимычъ? Вы не бойтесь, намъ интересно...

ЛѢВШИНЪ.

Зачѣмъ бояться? Мы ничего худого не сдѣлали. Насъ вотъ позвали сюда для охраны порядка,—мы пришли. Тамъ народъ, который разозлился, говоритъ: сожжемъ заводъ и все сожжемъ, одни угли останутся. Ну, а мы противъ безобразія. Жечь ничего не надо... зачѣмъ жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и дѣды... и вдругъ—жечь!

ТАТЬЯНА.

Вы не думаете ли, что мы разспрашиваемъ васъ съ какимъ-нибудь злымъ умысломъ?..

ЯГОДИНЪ.

Зачѣмъ? Мы зла не желаемъ!

ЛѢВШИНЪ.

Мы такъ думаемъ: что сработано, то свято. Труды людскіе цѣнить надо по справедливости, это такъ, а не жечь. Ну, а народъ теменъ,—огонь любитъ. Обозлились. Покойничекъ строгонекъ былъ съ нами, не тѣмъ будь помянутъ!

НАДЯ.

А дядя? онъ—лучше?

ЯГОДИНЪ.

Захаръ Ивановичъ?

НАДЯ.

Да! Онъ—добрый? Или онъ... тоже обижаетъ васъ?

ЛѢВШИНЪ.

Мы этого не говоримъ...

ЯГОДИНЪ (угрюмо).

Для насъ всѣ одинаковы. И строгіе, и добрые...

ЛѢВШИНЪ (ласково).

И строгій—хозяинъ, и добрый—хозяинъ. Болѣзнь костей не разбираетъ.

ЯГОДИНЪ (скучно).

Конечно, Захаръ Ивановичъ человѣкъ съ сердцемъ...

НАДЯ.

Значитъ, лучше Скроботова, да?

ЯГОДИНЪ (тихо).

Да вѣдь директора нѣтъ ужъ...

ЛѢВШИНЪ.

Дядюшка вашъ, барышня, мужчина хорошій... Только намъ... намъ отъ красоты его не легче.

ТАТЬЯНА
(съ досадой).

Пойдемъ, Надя... Они не хотятъ понять насъ... ты видишь!

НАДЯ (тихо).

Да...

(Молча идутъ. Лѣвшинъ смотритъ вслѣдъ имъ, потомъ на Ягодина; оба улыбаются.)

ЯГОДИНЪ.

Вотъ тянутъ за душу!

ЛѢВШИНЪ.

Интересно, видишь, имъ...

ЯГОДИНЪ.

А можетъ, думаютъ, и сболтнутъ чего-нибудь

ЛѢВШИНЪ.

Барышня-то хорошая... Жаль—богатая!

ЯГОДИНЪ.

Матвѣю-то Николаевичу надо сказать... барыня, молъ, разспрашиваетъ...

ЛѢВШИНЪ.

Скажемъ.

ЯГОДИНЪ.

Какъ-то тамъ, а? Должны намъ уступить...

ЛѢВШИНЪ.

Теперь, когда его нѣтъ, что имъ дѣлать?

ЯГОДИНЪ.

Да-а... Спать хочется!

ЛѢВШИНЪ.

Потерпи... Вонъ, генералъ идетъ.

(Генералъ идетъ къ столу. Рядомъ съ нимъ почтительно шагаетъ Пологій, сзади—Конь. Пологій вдругъ подхватываетъ генерала подъ руку)

ГЕНЕРАЛЪ.

А если придутъ?

ЛѢВШИНЪ.

Обидѣлись они очень... по случаю закрытія завода... Нѣкоторые дѣтей имѣютъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Что ты мнѣ поешь? Я спрашиваю: стрѣлять будешь?

ЛѢВШИНЪ.

Да мы, ваше превосходительство, готовы... почему же не пострѣлять? Только—не умѣемъ мы... Изъ ружей бы...

ГЕНЕРАЛЪ.

Конь! иди, научи ихъ... Ступай туда, къ рѣкѣ...

КОНЬ (угрюмо).

Докладаю вашему превосходительству: ночь теперь, и произойдетъ возбужденіе, если стрѣлять. Прилѣзетъ народъ. А мнѣ—какъ желаете.

ГЕНЕРАЛЪ.

Отложить до завтра!

ЛѢВШИНЪ.

А завтра все будетъ тихо. Заводъ откроютъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Кто откроетъ?

ЛѢВШИНЪ.

Захаръ Ивановичъ. Онъ теперь насчетъ этого собесѣдуетъ съ рабочими...

ГЕНЕРАЛЪ.

Чертъ! Я бы этотъ заводъ закрылъ навсегда.—Не свисти рано утромъ!

ЯГОДИНЪ.

Попозднѣе и намъ бы лучше...

ГЕНЕРАЛЪ.

А васъ всѣхъ—уморить голодомъ! Не бунтуй!

ЛѢВШИНЪ.

Да мы развѣ бунтуемъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Молчать! Вы чего тутъ торчите? Вы должны ходить вдоль забора... и, если кто полѣзетъ, стрѣлять... Я отвѣчаю!

ЛѢВШИНЪ.

Идемъ, Тимофей! Пистолетъ-то захвати.

ГЕНЕРАЛЪ

(вслѣдъ имъ).

Пистолетъ!.. Ослы зеленые! Даже оружія не могутъ правильно назвать...

ПОЛОГІЙ.

Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству: народъ вообще грубый и звѣрскій... Возьму свой случай: имѣя огородъ, собственноручно развожу въ немъ овощи...

ГЕНЕРАЛЪ.

Да. Это похвально!

ПОЛОГІЙ.

Работаю по мѣрѣ свободнаго времени...

ГЕНЕРАЛЪ.

Всѣ должны работать!

(Татьяна и Надя идутъ)

ТАТЬЯНА (издали).

Зачѣмъ вы такъ кричите?

ГЕНЕРАЛЪ.

Меня раздражаютъ. (Пологому) Ну?

ПОЛОГІЙ.

Но почти каждую ночь рабочіе похищаютъ плоды моихъ трудовъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Воруютъ?

ПОЛОГІЙ.

Именно. Ищу защиты закона, но опыт представленъ здѣсь г. становымъ приставомъ, личностью равнодушной къ бѣдствіямъ населенія..

ТАТЬЯНА (Пологому).

Послушайте, зачѣмъ это вы говорите такимъ глупымъ языкомъ?

ПОЛОГІЙ (смущенъ).

Я? Извините!.. Но я три года учился въ гимназіи и ежедневно читаю газету...

ТАТЬЯНА (улыбаясь).

А, вотъ что...

НАДЯ.

Вы очень смѣшной, Пологій!

ПОЛОГІЙ.

Если это вамъ пріятно видѣть, я очень радъ! Человѣкъ долженъ быть пріятенъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Вы рыбу удить любите?

ПОЛОГІЙ.

Не пробовалъ, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛЪ
(пожимая плечами).

Странный отвѣтъ!

ТАТЬЯНА.

Чего не пробовали—удить или любить?

ПОЛОГІЙ (сконфузился).

Первое.

ТАТЬЯНА.

А второе?

ПОЛОГІЙ.

Второе пробовалъ.

ТАТЬЯНА.

Вы женаты?

ПОЛОГІЙ.

Только мечтаю объ этомъ... Но, получая всего сорокъ рублей въ мѣсяцъ... (Быстро идутъ Николай и Клеопатра)—не могу рѣшиться.

НИКОЛАЙ (возбужденно).

Нѣчто изумительное! полный хаосъ!

КЛЕОПАТРА.

Какъ онъ смѣетъ? Какъ онъ могъ!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Въ чемъ дѣло?

КЛЕОПАТРА (кричитъ).

Вашъ племянникъ—тряпка! Онъ согласился на всѣ требованія бунтовщиковъ... убійцъ моего мужа!

НАДЯ (тихо).

Но развѣ всѣ они убійцы?

КЛЕОПАТРА.

Это—глумленіе надъ трупомъ... и надо мной! Открыть заводъ въ то время, когда еще не похороненъ человѣкъ, котораго мерзавцы убили именно за то, что онъ закрылъ заводъ!..

НАДЯ.

Но дядя боится, что они все сожгутъ...

КЛЕОПАТРА.

Вы ребенокъ... и должны молчать...

НИКОЛАЙ.

А рѣчь этого мальчишки!.. Явная проповѣдь соціализма...

КЛЕОПАТРА.

Какой-то конторщикъ всѣмъ распоряжается, даетъ совѣты... осмѣлился сказать, что преступленіе было вызвано самимъ покойнымъ!..

НИКОЛАЙ

(записывая что-то въ записную книжку).

Этотъ человѣкъ подозрителенъ, — онъ слишкомъ уменъ для конторщика...

ТАТЬЯНА.

Вы говорите о Синцовѣ?

НИКОЛАЙ.

Именно.

КЛЕОПАТРА.

Я чувствую, что мнѣ какъ-будто плюнули въ лицо...

ПОЛОГІЙ (Николаю).

Позвольте замѣтить, читая газеты, г. Синцовъ всегда разсуждаетъ о политикѣ и очень пристрастно относится къ властямъ...

ТАТЬЯНА (Николаю).

Вамъ это интересно слышать?

НИКОЛАЙ (съ вызовомъ).

Да, интересно!.. Вы думаете меня смутить?

ТАТЬЯНА.

Я думаю, что г. Пологій лишній здѣсь...

ПОЛОГІЙ (смущенно).

Извините... я уйду! (Уходитъ спѣшно)

КЛЕОПАТРА.

Онъ идетъ сюда... я не хочу, не могу его видѣть! (Быстро идетъ налѣво)

НАДЯ.

Что такое творится?

ГЕНЕРАЛЪ.

Я слишкомъ старъ для такой канители. Убиваютъ, бунтуютъ!.. Пригласивъ меня къ себѣ отдыхать, Захаръ долженъ былъ предвидѣть... и я ему скажу, что мнѣ здѣсь неудобно, да! (Появляется Захаръ; взволнованъ, но доволенъ. Видитъ Николая, смущенно останавливается, поправляетъ очки) Послушай, дорогой племянникъ... э... ты понимаешь свои поступки?

ЗАХАРЪ.

Подождите, дядя, минутку... Николай Васильевичъ!..

НИКОЛАЙ.

Да-съ...

ЗАХАРЪ.

Рабочіе были такъ возбуждены... и боясь разгрома своего завода... я удовлетворилъ ихъ требованіе не прекращать работъ. А также насчетъ Дичкова... Я поставилъ имъ условіе—выдать преступника, и они уже принялись искать его...

НИКОЛАЙ (сухо).

Они могли бы не безпокоиться объ этомъ. Мы найдемъ убійцу безъ ихъ помощи.

ЗАХАРЪ.

Мнѣ кажется, лучше, если они сами... да... Заводъ мы рѣшили открыть завтра съ полудня...

НИКОЛАЙ.

Кто это—мы?

ЗАХАРЪ.

Я...

НИКОЛАЙ.

Ага... Благодарю за сообщеніе... Однако мнѣ кажется, что послѣ смерти брата его голосъ переходитъ ко мнѣ и къ женѣ его, и, если я не ошибаюсь, вы должны были посовѣтоваться съ нами, а не рѣшать вопросъ единолично...

ЗАХАРЪ.

Но я васъ приглашалъ! Синцовъ ходилъ за вами... вы отказались...

НИКОЛАЙ.

Согласитесь, что мнѣ трудно въ день смерти брата заниматься дѣлами!

ЗАХАРЪ.

Но вѣдь вы были тамъ, на заводѣ!

НИКОЛАЙ.

Да, былъ. Слушалъ рѣчи... ну, что-жъ изъ этого?

ЗАХАРЪ.

Но поймите,—покойный, оказывается, отправилъ въ городъ телеграмму... онъ просилъ солдатъ. Отвѣтъ полученъ: солдаты придутъ завтра до полудня...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ага! Солдаты? Вотъ это такъ! Солдаты—это не шутка!..

НИКОЛАЙ.

Мѣра разумная...

ЗАХАРЪ.

Не знаю! Придутъ солдаты... настроеніе рабочихъ повысится... И Богъ знаетъ, что можетъ случиться, если не открыть заводъ! Мнѣ кажется, я поступилъ разумно: возможность кроваваго столкновенія теперь исчезла.

НИКОЛАЙ.

У меня сложился иной взглядъ на вопросъ... Вы не должны были уступать этимъ... людямъ, хотя бы изъ уваженія къ памяти убитаго...

ЗАХАРЪ.

Ахъ, Боже мой... но вы ничего не говорите о возможной трагедіи!

НИКОЛАЙ.

Это меня не касается.

ЗАХАРЪ.

Ну, да... но я-то? Вѣдь я долженъ буду жить съ рабочими! И, если прольется ихъ кровь... Наконецъ, они могли разбить весь заводъ!

НИКОЛАЙ.

Въ это я не вѣрю.

ГЕНЕРАЛЪ.

Я тоже!

ЗАХАРЪ (подавленъ).

Итакъ, вы осуждаете меня?

НИКОЛАЙ.

Да, осуждаю!

ЗАХАРЪ (искренно).

Зачѣмъ... зачѣмъ вражда? Я вѣдь хочу одного—избѣжать ужаса, такъ возможнаго... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное теченіе жизни?.. А вы смотрите на меня съ ненавистью; рабочіе—съ недовѣріемъ... Я же хочу добра... только добра!

ГЕНЕРАЛЪ.

Что такое—добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро... А дѣлай дѣло... Какъ сказано, а?

НАДЯ
(со слезами).

Молчи, дѣдъ!.. Дядя... успокойся... онъ не понимаетъ!.. Ахъ, Николай Васильевичъ, — какъ вы не понимаете? Вы такой умный... почему вы не вѣрите дядѣ?

НИКОЛАЙ.

Я извиняюсь, Захаръ Ивановичъ, и ухожу. Я не могу, не привыкъ вести дѣловые разговоры съ участіемъ дѣтей... (Идетъ прочь)

ЗАХАРЪ.

Вотъ, видишь, Надя...

НАДЯ
(беретъ его за руку).

Это ничего, ничего... Знаешь, главное, чтобы рабочіе были довольны... ихъ такъ много, ихъ больше, чѣмъ насъ!..

ЗАХАРЪ.

Подожди... я долженъ тебѣ сказать... я очень недоволенъ тобой, да!

ГЕНЕРАЛЪ.

Я тоже!

ЗАХАРЪ.

Ты симпатизируешь рабочимъ... это естественно въ твои годы, но не надо терять чувства мѣры, дорогая моя! Вотъ, ты утромъ привела къ столу этого Грекова... я его знаю, онъ очень развитой парень,—однако тебѣ не слѣдовало изъ-за него устраивать тетѣ сцену.

ГЕНЕРАЛЪ.

Хорошенько ее!

НАДЯ.

Но вѣдь ты не знаешь, какъ это было...

ЗАХАРЪ.

Я знаю больше тебя, повѣрь мнѣ! Народъ нашъ грубъ, онъ не культуренъ... и если протянуть ему палецъ, онъ хватаетъ всю руку...

ТАТЬЯНА (негромко).

Какъ утопающій—соломенку.

ЗАХАРЪ.

Въ немъ, мой другъ, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать... да! Ты, пожалуйста, подумай надъ этимъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной чертъ знаетъ какъ, дѣвчонка! Напоминаю тебѣ, что ты моей ровестницей будешь лѣтъ черезъ сорокъ... тогда я, можетъ быть, позволю тебѣ говорить со мной, какъ съ равнымъ. Поняла? Конь!

КОНЬ (за деревьями).

Здѣсь.

ГЕНЕРАЛЪ.

Гдѣ этотъ... какъ его... штопоръ?

КОНЬ.

Какой штопоръ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Этотъ.. какъ его? Плоскій... ползучій!..

КОНЬ.

Пологій. Не знаю.

ГЕНЕРАЛЪ

(идетъ въ палатку).

Найди!

(Захаръ, опустивъ голову и вытирая платкомъ очки, ходитъ; Надя задумчиво сидитъ на стулѣ; Татьяна стоитъ наблюдая)

ТАТЬЯНА.

Извѣстно, кто убилъ?

ЗАХАРЪ.

Они говорятъ—не знаемъ, но—найдемъ... Конечно, они знаютъ... Я думаю... (Оглядываясь понижаетъ голосъ) это коллективное рѣшеніе... заговоръ! Говоря правду, онъ раздражалъ ихъ, даже издѣвался надъ ними. Въ немъ была эдакая болѣзненная особенность... онъ любилъ власть... И вотъ они... ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человѣка, и смотрятъ такими ясными глазами, какъ бы совершенно не понимая своего преступленія... Такъ страшно просто!

НАДЯ.

Ты бы сѣлъ... а?

ЗАХАРЪ.

Зачѣмъ онъ вызвалъ солдатъ? Они объ этомъ узнали... они все знаютъ! И это ускорило его смерть.

Я, конечно, долженъ былъ открыть заводъ... въ противномъ случаѣ, я надолго испортилъ бы мои отношенія съ ними. Теперь такое время, когда къ нимъ необходимо относиться болѣе внимательно и мягко... и кто знаетъ, чѣмъ оно можетъ кончиться? Надо быть готовымъ ко многому... да! Въ такія эпохи, разумный человѣкъ долженъ имѣть друзей въ массахъ... (Лѣвшинъ идетъ въ глубинѣ сцены) Это кто идетъ?

ЛѢВШИНЪ.

Это мы ходимъ... охраняемъ.

ЗАХАРЪ.

Что, Ефимычъ, убили человѣка, а теперь вотъ стали ласковые, смирные, а?

ЛѢВШИНЪ.

Мы, Захаръ Ивановичъ, всегда такіе .. мы—смирные.

ЗАХАРЪ (внушительно).

Да. И смиренно убиваете?.. Кстати, ты, Лѣвшинъ, что-то тамъ проповѣдуешь... какое-то новое ученіе: не нужно денегъ, не нужно хозяевъ и прочее... Ты бы, мой другъ, прекратилъ это! Изъ такихъ разговоровъ ничего хорошаго для тебя не будетъ.

(Татьяна и Надя идутъ направо, гдѣ звучатъ голоса Синцова и Якова; изъ-за деревьевъ появляется Ягодинъ)

ЛѢВШИНЪ (спокойно)

Да я что говорю? Пожилъ, подумалъ, ну, и говорю...

ЗАХАРЪ.

Хозяева—не всѣ звѣри, это надо понимать... Ты видишь—я не злой человѣкъ, я всегда готовъ помочь вамъ, я желаю добра...

ЛѢВШИНЪ (вздохнувъ).

Кто себѣ зла желаетъ?

ЗАХАРЪ.

Ты пойми: я вамъ, вамъ хочу добра!

ЛѢВШИНЪ.

Мы понимаемъ.

ЗАХАРЪ

(посмотрѣвъ на него).

Нѣтъ, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То—звѣри, то—дѣти...

(Идетъ прочь. Лѣвшинъ, опираясь руками на палку, смотритъ вслѣдъ ему)

ЯГОДИНЪ.

Опять проповѣдь читалъ?

ЛѢВШИНЪ.

Китаецъ... Совсѣмъ китаецъ... Что говоритъ? Вѣдь ничего не можетъ понять...

ЯГОДИНЪ.

Добра, говоритъ, хочу.

ЛѢВШИНЪ.

Вотъ.

ЯГОДИНЪ.

Идемъ... а то вонъ они!..

(Идутъ въ глубину сцены. Справа Татьяна, Надя, Яковъ, Синцовъ)

НАДЯ.

Кружимся мы всѣ, ходимъ.. точно во снѣ.

ТАТЬЯНА.

Хотите закусить, Матвѣй Николаевичъ?

СИНЦОВЪ.

Дайте лучше стаканъ чаю.. Я сегодня говорилъ, говорилъ... даже горло болитъ!

НАДЯ.

Вы ничего не боитесь?

СИНЦОВЪ

(садясь за столъ).

Я? Ничего!

НАДЯ.

А мнѣ страшно!.. Вдругъ всё какъ-то спуталось, и я ужъ и не понимаю... гдѣ хорошіе люди, гдѣ—дурные?

СИНЦОВЪ (улыбаясь).

Распутается. Вы только не бойтесь думать... думайте безстрашно, до конца!.. Вообще—бояться нечего.

ТАТЬЯНА.

Вы полагаете—все успокоилось?

СИНЦОВЪ.

Да. Рабочіе рѣдко побѣждаютъ, и даже маленькія побѣды даютъ имъ большое удовлетвореніе...

НАДЯ.

Вы ихъ любите?

СИНЦОВЪ.

Это не то слово. Я съ ними долго жилъ, знаю ихъ, вижу ихъ силу... вѣрю въ ихъ разумъ...

ТАТЬЯНА.

И въ то, что имъ принадлежитъ будущее?

СИНЦОВЪ.

И въ это.

ЯКОВЪ.

Будущее... Вотъ штука, которой я не могу себѣ представить.

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Они очень хитрые, эти ваши пролетаріи! Вотъ мы съ Надей пробовали говорить съ ними... вышло глупо...

НАДЯ.

Обидно. Старикъ говорилъ такъ, точно мы обѣ—какіе-то нехорошіе люди... шпіоны, что ли! Тутъ есть другой... Грековъ... онъ иначе смотритъ на людей. А старикъ все улыбается... и—такъ, точно ему жалко насъ, точно мы больныя!..

ТАТЬЯНА.

Не пей ты такъ много, Яковъ! Непріятно смотрѣть.

ЯКОВЪ.

Что-жъ мнѣ дѣлать? Спрашиваю объ этомъ всѣхъ...

СИНЦОВЪ.

Развѣ ужъ нечего?

ЯКОВЪ.

Не хочется... Питаю отвращеніе... непобѣдимое отвращеніе къ дѣловитости и къ дѣламъ. Я, видите ли, человѣкъ третьей группы...

СИНЦОВЪ.

Какъ?

ЯКОВЪ.

Такъ ужъ! Люди дѣлятся на три группы: одни—всю жизнь работаютъ, другіе—копятъ деньги, а третьи—

не хотятъ работать для хлѣба,—это же безсмысленно!— и не могутъ копить денегъ,—это и глупо, и неловко какъ-то. Такъ вотъ я—изъ третьей группы. Къ ней принадлежатъ всѣ лѣнтяи, бродяги, монахи, нищіе и другіе приживалы міра сего.

НАДЯ.

Скучно ты говоришь, дядя! И совсѣмъ ты не такой, а, просто, ты добрый и мягкій.

ЯКОВЪ.

То есть никуда не гожусь. Я это понялъ еще въ школѣ. Люди уже въ юности дѣлятся на три группы...

ТАТЬЯНА.

Надя вѣрно сказала, это скучно, Яковъ...

ЯКОВЪ.

Согласенъ. Матвѣй Николаевичъ, какъ вы думаете, жизнь имѣетъ лицо?

СИНЦОВЪ.

Можетъ быть...

ЯКОВЪ.

Имѣетъ. Оно всегда—молодое. Не такъ давно жизнь смотрѣла на меня равнодушно, а теперь смотритъ строго и спрашиваетъ... спрашиваетъ: „вы кто такой? Вы куда идете, а?“

(Онъ испуганъ чѣмъ то, хочетъ улыбнуться, но губы у него дрожатъ, не слушаются, лицо искажаетъ жалкая и страшная гримаса)

ТАТЬЯНА.

Ты оставь это, пожалуйста, Яковъ!.. Вонъ прокуроръ гуляетъ... мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты при немъ говорилъ.

ЯКОВЪ.

Хорошо.

НАДЯ (тихо).

Всѣмъ—грустно. Всѣ чего-то ждутъ... и боятся. Почему мнѣ запрещаютъ знакомиться съ рабочими? Это глупо!

НИКОЛАЙ (подходитъ).

Могу я попросить стаканъ чая?

ТАТЬЯНА.

Пожалуйста.

(Нѣсколько секундъ всѣ сидятъ молча Николай стоитъ, размѣшивая ложкой чай).

НАДЯ.

Я хотѣла бы понять, почему рабочіе не вѣрятъ дядѣ и вообще..

НИКОЛАЙ (угрюмо).

Они вѣрятъ только тѣмъ, которые обращаются къ нимъ съ рѣчами на тему—„пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“... въ это они вѣрятъ!

НАДЯ

(поводя плечами, тихо).

Когда я слышу эти слова... этотъ всемірный созывъ... мнѣ кажется, что всѣ мы на землѣ—лишніе...

НИКОЛАЙ (возбуждаясь).

Конечно. Такъ долженъ себя чувствовать каждый культурный человѣкъ... И скоро, я увѣренъ, на землѣ раздастся другой кличъ: „культурные люди всѣхъ странъ, соединяйтесь“! Пора кричать это, пора! Идетъ варваръ, чтобы растоптать плоды тысячелѣтнихъ трудовъ человѣчества. Онъ идетъ, движимый жадностью...

ЯКОВЪ.

А душа у него въ животѣ, въ голодномъ животѣ... Картина, возбуждающая жажду. (Наливаетъ себѣ пива)

НИКОЛАЙ.

Идетъ толпа, движимая жадностью, организованная единствомъ своего желанія—жрать!

ТАТЬЯНА (задумчиво).

Толпа... Всюду толпа: въ театрѣ, въ церкви... Я не понимаю жизнь... но тутъ что-то не такъ!

НИКОЛАЙ.

Такъ! Что могутъ внести съ собой эти люди? Ничего, кромѣ разрушенія... И, замѣтьте, у насъ это разрушеніе будетъ ужаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо...

ТАТЬЯНА.

Когда я слышу о рабочихъ, какъ о передовыхъ людяхъ, мнѣ это странно! Это далеко отъ моего пониманія...

НИКОЛАЙ.

А [вы, г. Синцовъ... вы, конечно, несогласны съ нами?..

СИНЦОВЪ (спокойно).

Нѣтъ.

НАДЯ.

Помнишь, тетя Таня, старикъ говорилъ о копейкѣ? Это ужасно просто.

НИКОЛАЙ.

Почему же вы несогласны, г. Синцовъ?

СИНЦОВЪ.

Иначе думаю.

НИКОЛАЙ.

Вполнѣ резонный отвѣтъ! Но, быть можетъ, вы подѣлитесь съ нами вашими взглядами?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, мнѣ не хочется.

НИКОЛАЙ.

Крайне сожалѣю! Утѣшаюсь надеждой, что, когда мы встрѣтимся съ вами еще разъ, ваше настроеніе измѣнится. Яковъ Ивановичъ, если можно, я попрошу васъ... проводите меня! Я до такой степени разстроилъ нервы...

ЯКОВЪ
(вставая съ трудомъ).

Пожалуйста. Пожалуйста...

(Идутъ)

ТАТЬЯНА.

Этотъ прокуроръ противная фигура. Мнѣ непріятно соглашаться съ нимъ.

НАДЯ (встала).

Почему же ты соглашаешься?

СИНЦОВЪ (усмѣхаясь).

Почему, Татьяна Павловна?

ТАТЬЯНА

Я сама чувствую такъ же...

НАДЯ (ходитъ).

Онъ давечь обидѣлъ меня и хоть бы извинился.

СИНЦОВЪ (Татьянѣ).

Вы думаете такъ, но чувствуете иначе, чѣмъ онъ. Вы хотите понять, онъ объ этомъ не заботится... ему понимать не нужно!

ТАТЬЯНА.

Онъ мнѣ жалокъ почему-то. Вѣроятно, онъ очень жестокъ.

СИНЦОВЪ.

Да. Тамъ, въ городѣ, онъ ведетъ политическія дѣла и отвратительно относится къ арестованнымъ.

ТАТЬЯНА.

Кстати, онъ что-то записывалъ себѣ въ книжку о васъ.

СИНЦОВЪ

(съ улыбкой).

Вѣроятно, записывалъ. Бесѣдуетъ съ Пологимъ... вообще — работаетъ!.. Татьяна Павловна, у меня къ вамъ есть просьба...

ТАТЬЯНА.

Пожалуйста... повѣрьте, если я могу, я сдѣлаю съ удовольствіемъ ..

СИНЦОВЪ.

Спасибо. Вѣроятно, вызваны жандармы...

ТАТЬЯНА.

Да, вызваны.

СИНЦОВЪ.

Разумѣется! Значитъ, будутъ обыски... Вы не поможете мнѣ кое-что спрятать?

ТАТЬЯНА.

Вы думаете, у васъ будетъ обыскъ?

СИНЦОВЪ.

Навѣрное.

ТАТЬЯНА.

И могутъ арестовать?

СИНЦОВЪ.

Не думаю. За что?.. Говорилъ рѣчи? Но Захаръ Ивановичъ знаетъ, что я въ этихъ рѣчахъ призывалъ рабочихъ къ порядку...

ТАТЬЯНА.

А въ прошломъ у васъ... ничего?

СИНЦОВЪ

У меня нѣтъ прошлаго... Такъ вотъ, поможете вы мнѣ? Я не безпокоилъ бы васъ... но я думаю, что всѣ, кто могъ бы спрятать эти вещи, завтра будутъ обысканы. За этотъ день страсти такъ сильно разыгрались, что всѣ разумные люди должны были выступать впередъ, угашая ихъ... (Смѣется тихонько)

ТАТЬЯНА (смущена).

Я буду говорить открыто... Мое положеніе въ домѣ не позволяетъ мнѣ смотрѣть на комнату, отведенную мнѣ, какъ на мою...

СИНЦОВЪ.

Не можете, значитъ. Ну, что-жъ...

ТАТЬЯНА.

Не обижайтесь на меня!

СИНЦОВЪ.

О, нѣтъ! Вашъ отказъ понятенъ...

ТАТЬЯНА.

Но, подождите, я поговорю съ Надей...

(Идетъ. Синцовъ барабанитъ пальцами по столу, глядя вслѣдъ ей. Слышны осторожные шаги)

СИНЦОВЪ (тихо).

Кто это?

ГРЕКОВЪ.

Я. Вы одни?

СИНЦОВЪ.

Да. Тамъ ходятъ люди... Что на заводѣ?

ГРЕКОВЪ (усмѣхаясь).

Противно! Очень. Вы знаете, они рѣшили найти стрѣлявшаго. Теперь тамъ производятъ слѣдствіе. Нѣкоторые кричатъ: „соціалисты убили“! Вообще, запѣла шкура свою скверную пѣсню.

СИНЦОВЪ.

Вы знаете—кто?

ГРЕКОВЪ.

Якимовъ.

СИНЦОВЪ.

Неужели? Ахъ... не ожидалъ!—Такой славный, разумный парень... это странно!

ГРЕКОВЪ.

Горячъ онъ. Хочетъ заявить... У него жена, ребенокъ... Ждутъ другого... Сейчасъ я говорилъ съ Лѣвшинымъ. Онъ, конечно, сочиняетъ фантазіи: надо, говоритъ, подмѣнить Якимова кѣмъ-нибудь помельче...

СИНЦОВЪ.

Чудакъ... Но какъ это грустно и досадно! (Пауза) Вотъ что, Грековъ, зарывайте все въ землю... Спрятать негдѣ.

ГРЕКОВЪ.

Я нашелъ мѣсто. Телеграфистъ согласился все взять. Вамъ бы, Матвѣй Николаевичъ, уйти отсюда?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, я не уйду.

ГРЕКОВЪ.

Арестуютъ васъ.

СИНЦОВЪ.

Ну, что-жъ! А если я уйду, это произведетъ скверное впечатлѣніе на рабочихъ. Ясно, что лучше...

ГРЕКОВЪ.

Это—такъ... Но жалко васъ.

СИНЦОВЪ.

А мнѣ вотъ Якимова жалко.

ГРЕКОВЪ.

Да. И ничѣмъ не поможешь!.. Хочетъ заявить... Ну, до свиданія! А смѣшно на васъ смотрѣть въ роли начальника охраны хозяйской собственности!

СИНЦОВЪ (улыбаясь).

Что подѣлаешь?.. Команда моя, кажется, спитъ?

ГРЕКОВЪ.

Нѣтъ. Собрались кучками, разсуждаютъ. Хорошая ночь! Ну, пока до свиданія!

СИНЦОВЪ.

Я бы тоже ушелъ отсюда... да вотъ жду... Васъ, навѣрное, тоже арестуютъ.

ГРЕКОВЪ.

Посидимъ! Иду. (Уходитъ)

СИНЦОВЪ.

До свиданія! (Татьяна идетъ) Не трудитесь, Татьяна Павловна, все устроилось. До свиданія!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ, право, очень грустно!

СИНЦОВЪ.

Доброй ночи!

(Уходитъ. Татьяна тихо шагаетъ, глядя на носки своихъ сапогъ. Идетъ Яковъ)

ЯКОВЪ.

Почему ты не идешь спать?

ТАТЬЯНА.

Не хочу. Я думаю уѣхать отсюда...

ЯКОВЪ.

Да. А вотъ мнѣ—некуда ѣхать... я проѣхалъ уже мимо всѣхъ континентовъ и острововъ.

ТАТЬЯНА.

Здѣсь тяжело. Все качается и странно кружитъ голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

ЯКОВЪ.

Гм... Ты этого не любишь... къ сожалѣнію для меня... къ сожалѣнію...

ТАТЬЯНА

(говоритъ сама себѣ).

Но сейчасъ—я солгала. Зачѣмъ? Я же сама предложила поговорить съ Надей... Она, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи... но я не имѣю права толкать ее на такую дорогу. Они не очень церемонятся съ людьми...

ЯКОВЪ

О комъ ты говоришь?

ТАТЬЯНА.

Я? О Синцовѣ... Какъ это странно все... еще недавно жизнь была ясна, желанія опредѣленны...

ЯКОВЪ (тихо).

Талантливые пьяницы, красивые бездѣльники и прочіе веселыхъ спеціальностей люди, увы, перестали обращать на себя вниманіе!.. Пока мы стояли внѣ скучной суеты, нами любовались... Но суета становится все болѣе драматической... Кто-то кричитъ: „эй, комики и забавники, прочь со сцены!...“ Но сцена—это уже твоя область, Таня!

ТАТЬЯНА (безпокойно).

Моя область?.. Я думала, что я стою на сценѣ твердо... что могу вырости высоко... (Съ тоской и силой) Мнѣ тяжело, мнѣ неловко передъ людьми, которые смотрятъ на меня холодными глазами и молча говорятъ: „мы это знаемъ. Это старо и скучно намъ!“ Я чувствую себя слабой, безоружной передъ ними... я не могу взять ихъ, не могу возбудить!.. Я хочу дрожать отъ страха, отъ радости, я хочу говорить слова, полныя огня, страсти, гнѣва... слова, острыя, какъ ножи, горящія, точно факелы... я хочу бросить ихъ людямъ множество, бросить щедро, страшно!.. Пусть люди вспыхнутъ, закричатъ, бросятся бѣжать... Я останавливаю ихъ и снова бросаю имъ слова, прекрасныя, какъ цвѣты, полныя надежды, радости, любви!.. Всѣ плачутъ... и я тоже... такими хорошими слезами плачу!.. Мнѣ апплодируютъ, цвѣты меня душатъ... меня несутъ на рукахъ... На минуту я владыка людей... въ этой минутѣ жизнь... вся жизнь въ одной минутѣ.

ЯКОВЪ.

Да, я это знаю... Мы всѣ умѣемъ жить только минутами...

ТАТЬЯНА.

Все лучшее всегда въ одной минутѣ. Какъ хочется другихъ людей—болѣе отзывчивыхъ, менѣе осторожныхъ!—другой жизни, не такой суетливой... жизни, въ которой искусство было бы всегда необходимо... всѣмъ и всегда! Чтобы я не была лишней... (Яковъ смотритъ во тьму, широко открывъ глаза) Что съ тобой? Зачѣмъ ты такъ пьешь? Это убило тебя... Ты былъ красивъ .. былъ красивъ изнутри...

ЯКОВЪ.

Оставь...

ТАТЬЯНА.

Ты чувствуешь, какъ мнѣ тяжело?

ЯКОВЪ

(съ ужасомъ)..

Какъ бы я ни былъ пьянъ, я все понимаю... вотъ несчастье! Мозгъ съ проклятой настойчивостью работаетъ, работаетъ... всегда! И передо мною—морда, широкая, неумытая морда съ огромными глазами, которые спрашиваютъ: „ну"? Понимаешь, она спрашиваетъ только одно слово: „ну?"

ПОЛИНА (бѣжитъ).

Таня!.. Таня, прошу тебя, иди туда... Эта Клеопатра... она сошла съ ума! Она всѣхъ оскорбляетъ... Ты, можетъ быть, успокоишь ее.

ТАТЬЯНА (тоскливо).

Ахъ, да отстаньте вы отъ меня съ вашими дрязгами!.. Съѣшьте скорѣе другъ друга, но не мечитесь, не путайтесь подъ ногами у людей!

ПОЛИНА (испугалась).

Таня!.. что ты? что съ тобой?

ТАТЬЯНА.

Я васъ не понимаю! Чего вамъ нужно? Чего вы хотите? Что безпокоитъ васъ?

ПОЛИНА.

Да ты пойди, посмотри на нее... она идетъ сюда!

ЗАХАРЪ
(его еще не видно).

Я васъ прошу—замолчите, наконецъ!

КЛЕОПАТРА (также).

Вы... это вы должны молчать передо мной!..

ПОЛИНА.

Она будетъ кричать здѣсь... тутъ ходятъ мужики... это ужасно. Таня, я прошу тебя...

ЗАХАРЪ (идетъ).

Послушайте... я, кажется, съума сойду!

КЛЕОПАТРА
(идетъ за нимъ).

Вы отъ меня не убѣжите, я васъ заставлю выслушать меня!.. А, вы заигрывали съ рабочими, вамъ нужно ихъ уваженіе, и вы бросаете имъ жизнь человѣка, точно кусокъ мяса злымъ собакамъ! Вы гуманисты за чужой счетъ, за чужую кровь!

ЗАХАРЪ.

Что она говоритъ?

КЛЕОПАТРА.

Правду, предатели!..

ЯКОВЪ (Татьянѣ)

Ну, я этого не люблю. (Уходитъ)

ПОЛИНА.

Сударыня! Мы порядочные люди и не можемъ позволить кричать на насъ женщинѣ съ такой репутаціей...

ЗАХАРЪ (испуганно).

Молчи, Полина... ради Бога!

КЛЕОПАТРА.

Почему вы порядочные люди? Потому что болтаете о политикѣ? о несчастіяхъ народа? о прогрессѣ и гуманности, да?

ТАТЬЯНА.

Клеопатра Петровна!.. довольно!

КЛЕОПАТРА.

Я не говорю съ вами, нѣтъ! Вы здѣсь лишняя, это не ваше дѣло!.. Мой мужъ былъ честный человѣкъ... прямой и честный... Онъ зналъ народъ лучше васъ... Онъ не болталъ, какъ вы... А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его!..

ТАТЬЯНА

(Полинѣ и Захару).

Да уйдите вы!

КЛЕОПАТРА.

Я сама уйду... Вы ненавистны мнѣ... всѣ ненавистны! (Уходитъ)

ЗАХАРЪ.

Вотъ, бѣшеная баба... а?

ПОЛИНА

(со слезами).

Нужно бросить все... нужно уѣхать! Такъ оскорблять людей...

ЗАХАРЪ.

И почему она такъ?.. Если бы она любила мужа, жила съ нимъ въ мирѣ... А то мѣняетъ каждый годъ по два любовника... и въ то же время—кричитъ!

ПОЛИНА.

Нужно продать заводъ!

ЗАХАРЪ
(съ досадой).

Бросить, продать... это не такъ, не то! Надо подумать... надо хорошенько подумать!.. Вотъ я сейчасъ говорилъ съ Николаемъ Васильевичемъ... эта баба ворвалась и помѣшала намъ...

ПОЛИНА.

Онъ ненавидитъ насъ, Николай Васильевичъ... онъ золъ!

ЗАХАРЪ (успокаиваясь).

Онъ слишкомъ озлобленъ и потрясенъ, но онъ умный человѣкъ и у него нѣтъ причинъ ненавидѣть насъ. Его связываютъ со мной теперь, послѣ смерти Михаила, вполнѣ реальные интересы... да!

ПОЛИНА.

Я ему не вѣрю, я боюсь его... онъ тебя обманетъ!

ЗАХАРЪ.

Ахъ, Полина, это все пустяки!.. Онъ очень разумно судитъ... да! Каждая высота, говоритъ онъ, открываетъ строго опредѣленный горизонтъ... Гм... да! Это—ясно! И если я, желая видѣть больше, чѣмъ это физически возможно, буду тянуться выше, я упаду или буду смѣшенъ... Здѣсь есть правда!.. Дѣло въ томъ, что въ моихъ отношеніяхъ съ рабочими я выбралъ шаткую

позицію... въ этомъ надо сознаться. Вечеромъ, когда я говорилъ съ ними... о, Полина, эти люди слишкомъ враждебно настроены, они слишкомъ остро смотрятъ...

ПОЛИНА.

Я говорила тебѣ... говорила! Они всегда—враги! (Татьяна идетъ прочь и тихо смѣется. Полина глядитъ на нее и, нарочно повышая голосъ, продолжаетъ) Намъ всѣ враги! Всѣ завидуютъ... и потому бросаются на насъ!..

ЗАХАРЪ

(быстро ходитъ).

Ну, да... отчасти такъ, конечно! Николай Васильевичъ говоритъ: не борьба классовъ, а борьба расъ— бѣлой и черной!.. Это, разумѣется, грубо, это натяжка... но, если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее... Равенство... физіологическое равенство... гм... да! Хорошо. Но сначала, будьте людьми, пріобщитесь культурѣ... потомъ будемъ говорить о равенствѣ!.

ПОЛИНА (вслушиваясь).

Я не понимаю, что ты говоришь... Это новое у тебя...

ЗАХАРЪ.

Все это схематично, недодумано... это напоръ мыслей... но въ этомъ есть нѣчто цѣнное! Надо понять себя, вотъ въ чемъ дѣло!..

ПОЛИНА

(беретъ его за руку).

Ты слишкомъ мягокъ, мой другъ, вотъ отчего тебѣ такъ трудно!

ЗАХАРЪ.

Мы мало знаемъ и часто удивляемся... Вотъ, напримѣръ, Синцовъ: онъ удивилъ меня, расположилъ меня къ себѣ... такая простота, такая ясная логика!.. Оказывается, онъ соціалистъ, вотъ откуда простота и логика!..

ПОЛИНА.

Да, да... онъ обращаетъ на себя вниманіе... такое непріятное лицо!.. Но ты отдохнулъ бы... пойдемъ, а?

ЗАХАРЪ

(идетъ за ней).

И еще одинъ рабочій, Грековъ... ужасно заносчивъ! Сейчасъ намъ съ Николаемъ Васильевичемъ вспомнилась его рѣчь... Мальчишка... но такъ говоритъ... съ такимъ нахальствомъ...

(Ушли. Тишина. Гдѣ-то поютъ пѣсню. Потомъ раздаются тихіе голоса. Появляются Ягодинъ, Лѣвшинъ и Рябцовъ, молодой парень. Онъ часто встряхиваетъ головой; лицо добродушное, круглое. Всѣ трое останавливаются у деревьевъ)

ЛѢВШИНЪ

(тихо, таинственно).

Тутъ, Пашокъ, дѣло товарищеское.

РЯБЦОВЪ.

Знаю я...

ЛѢВШИНЪ.

Дѣло общее, человѣческое... Теперь, братъ, всякая хорошая душа большую цѣну имѣетъ. Поднимается

народъ разумомъ, слушаетъ, читаетъ, думаетъ... Люди, которые кое-что поняли, дороги...

ЯГОДИНЪ.

Это вѣрно, Пашокъ...

РЯБЦОВЪ.

Знаю... Чего же? Я пойду.

ЛѢВШИНЪ.

Зря никуда идти не надо, надо понять... Ты молодой, а это каторга...

РЯБЦОВЪ.

Ничего. Я убѣгу...

ЯГОДИНЪ.

Можетъ, и не каторга! Для каторги тебѣ, Пашокъ, года не вышли...

ЛѢВШИНЪ.

Будемъ говорить—каторга! Въ этомъ дѣлѣ страшное—лучше. Ежели человѣкъ и каторги не боится, значитъ, рѣшилъ твердо!

РЯБЦОВЪ.

Я рѣшилъ.

ЯГОДИНЪ.

Погоди. Подумай...

РЯБЦОВЪ.

Чего же думать? Убили, такъ кто-нибудь долженъ терпѣть за это...

ЛѢВШИНЪ.

Вѣрно! Долженъ. Мы по чести—вашего вышибли, пашимъ платимъ! А ежели одному не пойти, многихъ потревожатъ. Потревожатъ лучшихъ, которые дороже тебя, Пашокъ, для товарищескаго дѣла.

РЯБЦОВЪ.

Да вѣдь я ничего не говорю. Хоть молодой, а я понимаю,—намъ надо цѣпью... крѣпче другъ за друга...

ЛѢВШИНЪ (вздохнувъ).

Вѣрно. Мы, братъ, одни на землѣ...

ЯГОДИНЪ (улыбаясь).

Соединимся, окружимъ, тиснемъ и готово.

РЯБЦОВЪ.

Ладно. Я ужъ кончилъ это. Чего же? Я одинъ, мнѣ и слѣдуетъ. Только противно, что за такую кровь...

ЛѢВШИНЪ.

За товарищей, а не за кровь.

РЯБЦОВЪ.

Нѣтъ, я про то, что человѣкъ онъ былъ ненавистный... Злой очень...

ЛѢВШИНЪ.

Злого и убить. Добрый самъ помретъ, онъ людямъ не помѣха.

РЯБЦОВЪ.

Ну, все?

ЯГОДИНЪ.

Все, Пашокъ! Такъ, значитъ, завтра утромъ скажешь...

РЯБЦОВЪ.

Да чего же до завтра-то? Я говорю: я иду!

ЛѢВШИНЪ.

Нѣтъ, ты лучше завтра скажи! Ночь, какъ мать, она добрая совѣтчица...

РЯБЦОВЪ.

Ну, ладно... Я пойду теперь?

ЛѢВШИНЪ.

Съ Богомъ!

ЯГОДИНЪ.

Иди, братъ, иди твердо...

(Рябцовъ уходитъ не спѣша. Ягодинъ вертитъ палку въ рукахъ, разсматривая ее. Лѣвшинъ смотритъ въ небо)

ЛѢВШИНЪ (тихо).

Хорошій народъ рости началъ, Тимофей!

ЯГОДИНЪ.

По погодѣ и чеснокъ...

ЛѢВШИНЪ.

Эдакъ-то пойдетъ, выправимся мы.

ЯГОДИНЪ (грустно).

Жалко парня-то...

ЛѢВШИНЪ (тихо).

Какъ не жалко! И мнѣ жалко. Душа милая такая, а вотъ иди-ка въ тюрьму, да еще по нехорошему дѣлу. Одно ему утѣшеніе: за товарищей пропалъ.

ЯГОДИНЪ.

Да-а... Жалко...

ЛѢВШИНЪ.

Ты... молчи ужъ!.. Эхъ, напрасно Андрей курокъ спустилъ! Что сдѣлаешь убійствомъ? Ничего не сдѣлаешь! Одного пса убить—хозяину другого купить... вотъ и вся сказка!

ЯГОДИНЪ (грустно).

Сколько нашего брата погибаетъ...

ЛѢВШИНЪ.

Идемъ, караульный, хозяйское добро сторожить! (Идутъ.) О, Господи!..

ЯГОДИНЪ.

Чего ты?

ЛѢВШИНЪ.

Тяжело! Скорѣе бы распутать жизнь-то!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая комната въ домѣ Бардиныхъ. Въ задней стѣнѣ четыре окна и дверь, выходящія на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочихъ, среди нихъ Лѣвшинъ, Грековъ. Комната имѣетъ нежилой видъ: мебели мало, она стара, разнообразна, на стѣнахъ отклеились обои. У правой стѣны поставленъ большой столъ. Конь сердито двигаетъ стульями, разставляя ихъ вокругъ стола. Аграфена мететъ полъ. Въ лѣвой стѣнѣ большая, двухстворчатая дверь, въ правой тоже.

АГРАФЕНА.

На меня сердиться не за что...

КОНЬ.

Я не сержусь. Мнѣ наплевать на всѣхъ.. Я, слава Богу, умру скоро... У меня ужъ сердце останавливается.

АГРАФЕНА.

Всѣ умремъ... хвастаться нечѣмъ...

КОНЬ.

Будетъ ужъ... омерзѣло все! Въ шестьдесятъ пять лѣтъ пакости какъ орѣхи... зубовъ у меня нѣтъ заниматься ими... Нахватали народу... мочатъ его на дождѣ...

(Изъ лѣвой двери выходятъ ротмистръ Бобоѣдовъ и Николай)

БОБОѢДОВЪ (весело).

Вотъ и залъ засѣданія, чудесно! Такъ, значитъ, вы при исполненіи служебныхъ обязанностей?

НИКОЛАЙ.

Да, да! Конь, позовите вахмистра!

БОБОЕДОВЪ.

И мы подаемъ это блюдо такъ: въ центрѣ этотъ... какъ его?

НИКОЛАЙ.

Синцовъ.

БОБОЕДОВЪ.

Синцовъ... трогательно! А вокругъ него — пролетаріи всѣхъ странъ?.. Такъ! Это радуетъ душу... А милый человѣкъ здѣшній хозяинъ... очень! У насъ о немъ думали хуже. Свояченицу его я знаю—она играла въ Воронежѣ... превосходная актриса, долженъ сказать! (**Квачъ входитъ съ террасы**) Ну, что, Квачъ?

КВАЧЪ.

Всѣхъ обыскали, ваше благородіе!

БОБОЕДОВЪ.

Да. Ну, и что же?

КВАЧЪ.

Да у нѣкоторыхъ оказалось, а у нѣкоторыхъ ничего не оказалось... спрятали! Докладаю: становой очень торопится, ваше благородіе, и невнимателенъ къ занятіямъ.

БОБОЕДОВЪ.

Ну, конечно, полиція всегда такъ! У арестованныхъ нашли что-нибудь?

КВАЧЪ.

У Лѣвшина за образами оказалось.

БОБОѢДОВЪ.

Принеси все въ мою комнату.

КВАЧЪ.

Слушаю! Молодой жандармъ, ваше благородіе, который недавній, изъ драгунъ который...

БОБОѢДОВЪ.

Что такое?

КВАЧЪ.

Тоже невнимателенъ къ занятіямъ.

БОБОѢДОВЪ.

Ну, ужъ ты самъ съ нимъ справляйся. Иди! (Квачъ уходитъ) Вотъ, знаете, птица этотъ Квачъ! Съ виду такъ себѣ и даже, какъ-будто, глупъ, а нюхъ—собачій!

НИКОЛАЙ.

Вы, Богданъ Денисовичъ, обратите вниманіе на этого конторщика...

БОБОѢДОВЪ.

Какъ же, какъ же! Мы его прижмемъ!

НИКОЛАЙ.

Я говорю о Пологомъ, а не о Синцовѣ. Онъ, мнѣ кажется, вообще можетъ быть полезенъ.

БОБОѢДОВЪ.

А, этотъ нашъ собесѣдникъ! Ну, разумѣется, мы его пристроимъ...

(Николай идетъ къ столу и аккуратно раскладываетъ на немъ бумаги)

КЛЕОПАТРА

(въ дверяхъ направо).

Ротмистръ, хотите еще чаю?

БОБОѢДОВЪ.

Благодарю васъ, пожалуйста! Красиво здѣсь... очень! Чудесная мѣстность!.. А вѣдь я г. Луговую знаю! Какъ же,—она въ Воронежѣ играла?

КЛЕОПАТРА.

Да, кажется, играла... Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

БОБОѢДОВЪ (любезно).

Все, все нашли! Мы найдемъ, не безпокойтесь! Для насъ даже тамъ гдѣ ничего нѣтъ, всегда что-нибудь есть...

КЛЕОПАТРА.

Я очень рада... очень! Покойникъ смотрѣлъ легко на всѣ эти прокламаціи... онъ говорилъ, что бумага не дѣлаетъ революціи...

БОБОѢДОВЪ.

Гм... Это не совсѣмъ вѣрно!

КЛЕОПАТРА.

И называлъ прокламаціи—предписанія, исходящія изъ тайной канцеляріи явныхъ идіотовъ къ дуракамъ.

БОБОѢДОВЪ (смѣясь).

Это мѣтко... хотя тоже невѣрно!

КЛЕОПАТРА.

Но вотъ они отъ бумажекъ перешли къ дѣлу.

БОБОѢДОВЪ.

Вы будьте увѣрены, что они понесутъ строжайшее наказаніе, строжайшее!

КЛЕОПАТРА.

Это меня очень утѣшаетъ. При васъ мнѣ сразу стало какъ-то легче... свободнѣе!

БОБОѢДОВЪ.

Наша обязанность вносить въ общество бодрость...

КЛЕОПАТРА.

И такъ отрадно видѣть довольнаго, здороваго человѣка... вѣдь это рѣдкость!

БОБОѢДОВЪ.

О, у насъ, въ корпусѣ жандармовъ, мужчины на подборъ!

КЛЕОПАТРА.

Пойдемте же къ столу!..

БОБОЕДОВЪ (идетъ).

Съ удовольствіемъ! А, скажите, въ этотъ сезонъ, гдѣ будетъ играть г. Луговая?

(Съ террасы входятъ Татьяна и Надя)

НАДЯ (взволнованно).

Ты видѣла, какъ посмотрѣлъ на насъ старикъ... Ефимычъ?

ТАТЬЯНА.

Видѣла.

НАДЯ.

Какъ это все нехорошо... какъ стыдно! Николай Васильевичъ, зачѣмъ это? За что ихъ арестовали?

НИКОЛАЙ (сухо).

Причинъ для арестовъ болѣе, чѣмъ достаточно... вы не безпокойтесь! И, попрошу васъ, не ходите черезъ террасу, пока тамъ эти...

НАДЯ.

Не будемъ.. не будемъ...

ТАТЬЯНА
(смотритъ на Николая).

И Синцовъ арестованъ?

НИКОЛАЙ.

И г. Синцовъ арестованъ.

НАДЯ

(ходитъ по комнатѣ).

Семнадцать человѣкъ! Тамъ, у воротъ, плачутъ жены... а солдаты толкаютъ ихъ, смѣются! Скажите солдатамъ, чтобы они хоть вели себя прилично!

НИКОЛАЙ.

Это меня не касается. Солдатами командуетъ поручикъ Стрепетовъ.

НАДЯ.

Пойду попрошу его...

(Уходитъ въ дверь направо. Татьяна улыбаясь подошла къ столу)

ТАТЬЯНА.

Послушайте, кладбище законовъ, какъ васъ называетъ генералъ...

НИКОЛАЙ.

Генералъ не кажется мнѣ остроумнымъ человѣкомъ. Я бы не повторялъ его остротъ.

ТАТЬЯНА.

Я ошиблась, онъ называетъ васъ—гробъ законовъ. Васъ это сердитъ?

НИКОЛАЙ.

Просто, я не расположенъ шутить.

ТАТЬЯНА.

Будто вы такой серьезный?..

НИКОЛАЙ.

Напомню вамъ—вчера убили моего брата.

ТАТЬЯНА.

Да вамъ-то что до этого?

НИКОЛАЙ.

Позвольте... какъ?

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Не надо никакихъ ужимокъ! Вамъ не жалко брата... Дайте мнѣ руку и будемъ ходить... такъ. Вамъ никого не жалко... вотъ, какъ мнѣ, напримѣръ. Смерть, т. е. неожиданность смерти, на всѣхъ скверно дѣйствуетъ... но, увѣряю васъ,—вамъ ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человѣческой жалостью... нѣтъ ея у васъ!

НИКОЛАЙ (съ усиліемъ).

Это интересно. Но, что вы хотите отъ меня?

ТАТЬЯНА.

Вы не замѣчаете, что мы съ вами родственныя души? Нѣтъ? Напрасно! Я актриса, человѣкъ холодный, же-

лающій всегда только одного—играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вамъ хочется быть прокуроромъ, а?

НИКОЛАЙ (негромко).

Я хочу, чтобы вы кончили это...

ТАТЬЯНА
(помолчавъ смѣется).

Нѣтъ, я не способна къ дипломатіи. Я шла къ вамъ съ цѣлью... я хотѣла быть любезной съ вами, обворожительной... Но увидала васъ и начала говорить дерзости... Вы всегда вызываете у меня желаніе наговорить вамъ обидныхъ словъ... ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей... Да, я хотѣла васъ просить...

НИКОЛАЙ (усмѣхаясь).

Догадываюсь о чемъ!

ТАТЬЯНА.

Можетъ быть. Но теперь это уже безполезно, да?

НИКОЛАЙ.

Теперь и раньше—все равно. Г. Синцовъ скомпрометированъ очень сильно.

ТАТЬЯНА.

Вы чувствуете маленькое удовольствіе, говоря мнѣ это? Такъ?

НИКОЛАЙ.

Да... не скрою.

ТАТЬЯНА (вздохнувъ).

Вотъ, видите, какъ мы похожи другъ на друга. Я тоже очень мелочная и злая... Скажите, Синцовъ всецѣло въ вашихъ рукахъ... именно въ вашихъ?

НИКОЛАЙ.

Конечно!

ТАТЬЯНА.

А если я попрошу васъ оставить его?

НИКОЛАЙ.

Это не будетъ имѣть успѣха.

ТАТЬЯНА.

Даже если я очень попрошу васъ?

НИКОЛАЙ.

Все равно... Удивляюсь вамъ!

ТАТЬЯНА.

Да? Почему?

НИКОЛАЙ.

Вы—красавица... женщина, несомнѣнно, оригинальнаго склада ума... у васъ чувствуется характеръ. Вы имѣете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво... и занимаетесь какимъ-то ничтожествомъ. Эксцентричность—болѣзнь. И всякаго интел-

лигентнаго человѣка вы должны возмущать... Кто цѣнитъ женщину, кто любитъ красоту, тотъ не проститъ вамъ подобныхъ выходокъ!

ТАТЬЯНА

(смотритъ на него съ любопытствомъ).

Итакъ, я осуждена... увы! Синцовъ тоже?

НИКОЛАЙ.

Вечеромъ этотъ господинъ поѣдетъ въ тюрьму.

ТАТЬЯНА.

Рѣшено?

НИКОЛАЙ.

Да.

ТАТЬЯНА.

Никакихъ уступокъ изъ любезности къ дамѣ? Не вѣрю! Если-бъ я сильно захотѣла, вы отпустили бы Синцова.

НИКОЛАЙ (глухо).

Попробуйте захотѣть... попробуйте.

ТАТЬЯНА.

Не могу. Не умѣю... Но, все-таки, скажите правду — сказать однажды правду, это не трудно, — вы отпустили бы?

НИКОЛАЙ

(не сразу).

Не знаю...

ТАТЬЯНА.

А я знаю! (Помолчавъ вздохнула) Какія мы съ вами оба дряни...

НИКОЛАЙ.

Однако, есть вещи, которыя нельзя прощать и женщинѣ!

ТАТЬЯНА (небрежно).

Ну, что тамъ? Мы одни... никто насъ не слышитъ. Вѣдь я имѣю право сказать вамъ и себѣ, что оба мы...

НИКОЛАЙ.

Прошу васъ... я не хочу болѣе слушать...

ТАТЬЯНА
(настойчиво, спокойно).

А, все-таки, вы цѣните эти ваши принципы ниже поцѣлуя женщины!

НИКОЛАЙ.

Я уже сказалъ, что не хочу васъ слушать.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Такъ уйдите. Развѣ я васъ держу?

(Онъ быстро уходитъ. Татьяна кутается въ шаль, стоитъ среди комнаты и смотритъ на террасу. Изъ двери съ правой стороны идутъ Надя и поручикъ)

ПОРУЧИКЪ.

Солдатъ никогда не обижаетъ женщину, даю вамъ честное слово! Женщина для него—святыня...

НАДЯ.

Вотъ, вы увидите...

ПОРУЧИКЪ.

Это невозможно! Только въ арміи еще сохранилось рыцарское отношеніе къ женщинѣ...

(Проходятъ въ дверь налѣво. Идутъ Полина, Захаръ и Яковъ)

ЗАХАРЪ.

Видишь ли, Яковъ...

ПОЛИНА.

Вы подумайте, какъ же иначе?

ЗАХАРЪ.

Тутъ реальность, необходимость...

ТАТЬЯНА.

Что такое?

ЯКОВЪ.

Вотъ отпѣваютъ меня...

ПОЛИНА.

Удивительная жестокость! Всѣ нападаютъ на насъ! И даже Яковъ Ивановичъ, всегда такой мягкій... Но развѣ мы вызывали солдатъ? И никто не приглашалъ жандармовъ. Они всегда сами являются.

ЗАХАРЪ.

Обвинять меня за эти аресты...

ЯКОВЪ.

Я не обвиняю...

ЗАХАРЪ.

Ты не говоришь прямо, но я чувствую...

ЯКОВЪ (Татьянѣ).

Я сижу, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ—„что, братъ?“ А я сказалъ—„противно, братъ?“.. вотъ и все!

ЗАХАРЪ.

Но надо же понять, что пропаганда соціализма въ такой формѣ, какъ это дѣлается у насъ, нигдѣ невозможна, нигдѣ недопустима...

ПОЛИНА.

Занимайтесь политикой, это всѣмъ нужно, но причемъ тутъ соціализмъ?—Вотъ что говоритъ Захаръ.] онъ правъ!

ЯКОВЪ (угрюмо).

Какой же соціалистъ старикъ Лѣвшинъ? Просто, онъ заработался и бредитъ... отъ усталости...

ЗАХАРЪ.

Они всѣ бредятъ!

ПОЛИНА.

Надо щадить людей, господа! Мы такъ измучены!

ЗАХАРЪ.

Ты думаешь, мнѣ не тяжело, что вотъ у меня въ домѣ устраивается судилище? Но все это—затѣи Николая Васильевича, а спорить съ нимъ послѣ такой драмы... было бы невозможно!

КЛЕОПАТРА

(быстро идетъ).

Вы слышали? Убійца найденъ... Сейчасъ его приведутъ сюда.

ЯКОВЪ (ворчитъ).

Ну вотъ...

ТАТЬЯНА.

Кто это?

КЛЕОПАТРА.

Какой-то мальчишка... Я рада... Можетъ быть, съ точки зрѣнія гуманности это и нехорошо, но я—рада! И если онъ—мальчишка, я бы велѣла его пороть каждый день до суда... Николай Васильевичъ гдѣ?.. Не видали?

(Идетъ въ дверь налѣво, навстрѣчу ей генералъ)

ГЕНЕРАЛЪ (угрюмо).

Ну вотъ!.. Стоятъ всѣ, какъ мокрыя курицы.

ЗАХАРЪ.

Непріятно, дядя.

ГЕНЕРАЛЪ.

Жандармы? Да... этотъ ротмистръ порядочный нахалъ! Мнѣ хочется сыграть съ нимъ штуку... Они не останутся ночевать?

ПОЛИНА.

Я думаю нѣтъ... зачѣмъ же?

ГЕНЕРАЛЪ.

Жаль! А то бы... ведро холодной воды на него, когда онъ ляжетъ спать! Это дѣлали у меня въ корпусѣ съ трусливыми кадетами... Ужасно смѣшно, когда голый и мокрый человѣкъ прыгаетъ и оретъ!..

КЛЕОПАТРА
(стоя въ дверяхъ).

Богъ знаетъ, что вы говорите, генералъ! И почему? Ротмистръ очень приличный человѣкъ и удивительно дѣятельный... явился и всѣхъ переловилъ! Это надо цѣнить! (Уходитъ)

ГЕНЕРАЛЪ.

Гм... для нея всѣ мужчины съ большими усами— приличные люди! Каждый долженъ знать свое мѣсто, вотъ что... Именно—въ этомъ порядочность! (Идетъ къ двери налѣво) Каждый твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ... Эй, Конь! Я тебя ищу... въ палатку натекла вода...

ПОЛИНА (негромко).

Она, положительно, чувствуетъ здѣсь себя хозяйкой. Вы посмотрите, какъ она себя ведетъ!.. Невоспитанная, грубая...

ЗАХАРЪ.

Скорѣе кончалось бы все это! Такъ хочется покоя, мира... нормальной жизни!

НАДЯ (вбѣгаетъ).

Тетя Таня, онъ глупъ, этотъ поручикъ!.. И онъ, должно быть, бьетъ солдатъ... Кричитъ, дѣлаетъ страшное лицо... Дядя, надо, чтобы къ арестованнымъ пустили женъ... тутъ есть пять человѣкъ женатыхъ!.. Ты поди, скажи этому жандарму... оказывается, онъ тутъ главный.

ЗАХАРЪ.

Видишь ли, Надя...

НАДЯ.

Вижу, ты не идешь!.. Иди, иди скажи ему!.. Тамъ плачутъ... Иди же!

ЗАХАРЪ (уходя).

Я думаю, это безполезно...

ПОЛИНА.

Ты, Надя, всегда всѣхъ тревожишь!

НАДЯ.

Это вы всѣхъ тревожите...

ПОЛИНА.

Мы? Ты подумай...

НАДЯ (возбужденно).

Всѣ мы: и я, и ты, и дядя... это мы всѣхъ тревожимъ! Ничего не дѣлаемъ, а все изъ-за насъ... И солдаты, и жандармы, и все! Эти аресты—тоже... и бабы плачутъ... все изъ-за насъ!

ТАТЬЯНА.

Поди сюда, Надя...

НАДЯ (подходитъ).

Ну, пришла... ну, что?

ТАТЬЯНА.

Сядь и успокойся... Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сдѣлать...

НАДЯ.

А ты даже сказать ничего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

ПОЛИНА.

Твоя покойница мать, говоря о тебѣ, была права,—ужасный характеръ!

НАДЯ.

Да, она была права... Она работала и ѣла свой хлѣбъ А вы, что вы дѣлаете? Чей хлѣбъ ѣдите вы?

ПОЛИНА.

Вотъ, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить этотъ тонъ... что за окрики на старшихъ!

НАДЯ.

Да вы не старшіе! Ну, какіе вы старшіе?.. Просто—старые вы!

ПОЛИНА.

Таня, право, это все твои идеи! И ты должна сказать ей, что она глупая дѣвочка...

ТАТЬЯНА

Слышишь, ты—глупая дѣвочка...

НАДЯ.

Ну, вотъ. И больше вы ничего не можете сказать!.. ничего! Вы даже защищать себя не умѣете... удивительные люди! Вы, право, всѣ какіе-то лишніе, даже здѣсь, въ вашемъ домѣ—лишніе!

ПОЛИНА (строго).

Ты понимаешь, что ты говоришь?..

НАДЯ.

Пришли къ вамъ жандармы, солдаты, какіе-то дурачки съ усиками, распоряжаются, пьютъ чай, гремятъ саблями, звенятъ шпорами, хохочутъ... и хватаютъ людей, кричатъ на нихъ, грозятъ имъ, женщины плачутъ... Ну, а вы? При чемъ тутъ вы? Васъ куда-то затолкали въ углы...

ПОЛИНА.

Пойми, ты говоришь вздоръ! Эти люди пришли защищать насъ.

НАДЯ (горестно).

Ахъ, тетя! Солдаты не могутъ защитить отъ глупости, не могутъ!

ПОЛИНА (возмущена).

Что-о?

НАДЯ (протягивая къ ней руки).

Ты не сердись! Я это о всѣхъ говорю! (Полина быстро уходитъ) Вотъ... убѣжала! Скажетъ дядѣ, что я груба, строптива... дядя будетъ говорить длинную рѣчь... и всѣ мухи умрутъ со скуки!

ТАТЬЯНА (задумчиво).

Какъ ты будешь жить? Не понимаю!

НАДЯ (обводя руками кругомъ себя).

Не такъ! Ни за что—такъ! Я не знаю, что я буду дѣлать... но ничего не сдѣлаю такъ, какъ вы! Сейчасъ

иду мимо террасы съ этимъ офицеромъ... а Грековъ смотритъ, куритъ... и глаза у него смѣются. Но вѣдь онъ знаетъ, что его... въ тюрьму? Видишь! Тѣ, которые живутъ, какъ хотятъ, они ничего не боятся... Имъ весело! Мнѣ стыдно смотрѣть на Ефимыча, на Грекова... другихъ я не знаю, но эти! Этихъ я никогда не забуду... Вотъ идетъ дурачекъ съ усиками!.. у-у!

БОБОѢДОВЪ (входитъ).

Какъ страшно! Кого это вы пугаете?

НАДЯ.

Я васъ боюсь... Вы пустите женщинъ къ мужьямъ, да?

БОБОѢДОВЪ.

Нѣтъ, не пущу. Я—злой!

НАДЯ.

Конечно, если вы жандармъ. Почему вы не хотите пустить женщинъ?

БОБОѢДОВЪ (любезно).

Сейчасъ—невозможно! А вотъ потомъ, когда ихъ повезутъ, я разрѣшу проститься.

НАДЯ.

Но почему же невозможно! Вѣдь это отъ васъ зависитъ?

БОБОѢДОВЪ.

Отъ меня... т. е.—отъ закона!

НАДЯ.

Ну, какой тамъ законъ? Пустите... я васъ прошу!

БОБОѢДОВЪ.

Какъ это—какой законъ? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй-яй!

НАДЯ.

Не говорите со мной такъ! Я не ребенокъ...

БОБОѢДОВЪ.

Не вѣрю! Законы отрицаютъ только дѣти и революціонеры..

НАДЯ.

Такъ вотъ я революціонерка.

БОБОѢДОВЪ (смѣясь).

О! тогда васъ надо въ тюрьму... арестовать и въ тюрьму...

НАДЯ (съ тоской).

Ахъ, не надо шутить! Пустите ихъ!

БОБОѢДОВЪ.

Не могу. Законъ!

НАДЯ.

Дурацкій законъ!

БОБОѢДОВЪ (серьезно).

Гм... это вы напрасно! Если вы не дитя, какъ вы говорите, вы должны знать, что законъ установленъ властью и безъ него невозможно государство.

НАДЯ (горячо).

Законъ, власти, государство... фу, Боже мой! Но вѣдь это для людей?

БОБОѢДОВЪ.

Гм... я думаю! т. е. прежде всего—для порядка!

НАДЯ.

Такъ это тоже никуда не годится, если люди плачутъ. И ваши власти, и государство, все это не нужно, если люди плачутъ! Государство... какая глупость! Зачѣмъ оно мнѣ? (Идетъ къ двери) Государство? Ничего не понимаютъ, а говорятъ!

(Уходитъ. Бобоѣдовъ нѣсколько растерялся)

БОБОѢДОВЪ (Татьянѣ).

Оригинальная барышня! Но — опасное направленіе ума... Ея дядюшка, кажется, человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, да?

ТАТЬЯНА.

Вамъ это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человѣкъ.

БОБОѢДОВЪ.

Ну, какъ же? Это всѣ знаютъ!.. Неуваженіе ко власти—вотъ и либерализмъ!.. А вѣдь я васъ, m-me Луговая, видѣлъ въ Воронежѣ... какъ же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно-тонкой игрой! Можетъ быть, вы замѣтили, я всегда сидѣлъ рядомъ съ кресломъ вице-губернатора? Я тогда былъ адъютантомъ при управленіи...

ТАТЬЯНА.

Не помню... Можетъ быть. Въ каждомъ городѣ есть жандармы, неправда ли?

БОБОѢДОВЪ.

О, еще бы! обязательно въ каждомъ! И долженъ вамъ сказать, что мы, администрація... именно мы являемся истинными цѣнителями искусства! Пожалуй, еще купечество. Возьмите, напримѣръ, сборы на подарокъ любимому артисту въ его бенефисъ... на подписномъ листѣ вы обязательно увидите фамиліи всѣхъ жандармскихъ офицеровъ. Это, такъ сказать, традиція! Гдѣ вы играете будущій сезонъ?

ТАТЬЯНА.

Еще не рѣшила... Но, конечно, въ городѣ, гдѣ непремѣнно есть истинные цѣнители искусства!.. Вѣдь это неустранимо?

БОБОѢДОВЪ.

(не понялъ).

О, конечно! Въ каждомъ городѣ они есть, обязательно! Люди, все-таки, становятся культурнѣе... понемножку!

КВАЧЪ.

(съ террасы).

Ваше благородіе! Ведутъ этого... который стрѣлялъ! Куда прикажете?

БОБОѢДОВЪ.

Сюда... введи всѣхъ ихъ! Позови товарища прокурора. (Татьянѣ) Извиняюсь!.. Долженъ немножко заняться дѣломъ.

ТАТЬЯНА.

Вы будете допрашивать?

БОБОѢДОВЪ (любезно).

Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться съ людьми... маленькая перекличка, такъ сказать!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ можно послушать?

БОБОѢДОВЪ.

Гм... Вообще это не принято у насъ... въ политическихъ дѣлахъ. Но это уголовное дѣло, мы находимся не у себя и мнѣ хочется доставить вамъ удовольствіе...

ТАТЬЯНА.

Меня не будетъ видно... Я вотъ отсюда посмотрю.

БОБОѢДОВЪ.

Прекрасно! Я очень радъ, и хоть чѣмъ-нибудь отплатить вамъ за тѣ наслажденія, которыя испытывалъ,

видя васъ на сценѣ. Я только возьму нѣкоторыя бумаги.

(Онъ уходитъ. Съ террасы двое пожилыхъ рабочихъ вводятъ подъ руки Рябцова. Сбоку идетъ Конь, заглядывая ему въ лицо. За ними Лѣвшинъ, Ягодинъ, Грековъ и еще нѣсколько рабочихъ. Жандармы)

РЯБЦОВЪ (сердито).

Зачѣмъ руки связали? Развяжите... ну!

ЛѢВШИНЪ.

Вы, братцы, развяжите руки ему!.. Зачѣмъ обижать человѣка?

ЯГОДИНЪ.

Не убѣжитъ!

ОДИНЪ ИЗЪ РАБОЧИХЪ.

Для порядку—надо! По закону требуется, чтобы вязать...

РЯБЦОВЪ.

Не хочу я этого! Развязывай!

ДРУГОЙ РАБОЧІЙ (Квачу).

Г. жандармъ! можно? Парень смирный... Мы диву даемся... какъ это онъ?

КВАЧЪ.

Можно. Развяжи... ничего!

КОНЬ (внезапно).

Вы его напрасно схватили!.. Когда тамъ стрѣляли — онъ на рѣкѣ былъ... я его видѣлъ и генералъ видѣлъ! (Рябцову) Ты чего молчишь, дуракъ? Ты говори—не я, молъ, стрѣлялъ... чего ты молчишь?

РЯБЦОВЪ (твердо).

Нѣтъ, это я.

ЛѢВШИНЪ.

Ужъ ему, кавалеръ, лучше знать, кто.

РЯБЦОВЪ.

Я.

КОНЬ (кричитъ).

Врешь ты! Пакостникъ... (Входятъ Бобоѣдовъ и Николай Скроботовъ) Ты въ тотъ часъ въ лодкѣ по рѣкѣ ѣхалъ и пѣсни пѣлъ... что?

РЯБЦОВЪ (спокойно).

Это я... послѣ.

БОБОѢДОВЪ.

Который убійца? Этотъ?

КВАЧЪ.

Такъ точно!

КОНЬ.

Нѣтъ, не онъ!

БОБОѢДОВЪ.

Что? Квачъ, уведи старика! Откуда старикъ?

КВАЧЪ.

Состоитъ при генералѣ, ваше благородіе!

НИКОЛАЙ
(присматриваясь къ Рябцову).

Позвольте, Богданъ Денисовичъ... Оставьте, Квачъ!

КОНЬ.

Не хватай! Я самъ солдатъ!

БОБОѢДОВЪ.

Стой, Квачъ!

НИКОЛАЙ (Рябцову).

Это ты убилъ моего брата?

РЯБЦОВЪ.

Я.

НИКОЛАЙ.

За что?

РЯБЦОВЪ.

Онъ насъ мучилъ.

НИКОЛАЙ.

Какъ тебя зовутъ?

РЯБЦОВЪ.

Павелъ Рябцовъ.

НИКОЛАЙ.

Такъ! Конь... вы говорите что?

КОНЬ (волнуясь).

Не онъ убилъ! Онъ по рѣкѣ ѣхалъ въ тотъ часъ!.. Присягу приму!.. Мы съ генераломъ видѣли его... Еще генералъ говорилъ—хорошо бы, говоритъ, опрокинуть лодку, чтобы выкупался онъ... да! Ишь ты, мальчишка! Ты это что дѣлаешь, а?

НИКОЛАЙ.

Почему вы, Конь, такъ увѣренно говорите, что именно въ минуту убійства онъ былъ на рѣкѣ?

КОНЬ.

До того мѣста, гдѣ онъ былъ, отъ завода два часа пути... Ѣдетъ въ лодкѣ и пѣсни поетъ. Убивши человѣка пѣсню не запоешь!

НИКОЛАЙ (Рябцову).

Ты знаешь, что законъ строго наказываетъ за попытку скрыть преступника и за ложное показаніе... знаешь ты это?

РЯБЦОВЪ.

Мнѣ все равно.

НИКОЛАЙ.

Хорошо. Итакъ, это ты убилъ директора?

РЯБЦОВЪ.

Я.

БОБОѢДОВЪ.

Какой звѣренышъ!..

КОНЬ.

Вретъ!

ЛѢВШИНЪ.

Эхъ, кавалеръ, посторонній вы тутъ!

НИКОЛАЙ.

Что такое?

ЛѢВШИНЪ.

Я говорю—посторонній кавалеръ-то, а мѣшается...

НИКОЛАЙ.

А ты не посторонній? Ты причастенъ къ убійству, да?

ЛѢВШИНЪ (смѣется).

Я-то? Я, баринъ, одинъ разъ зайца палкой убилъ, такъ и то душа тосковала...

НИКОЛАЙ.

Ну, и молчать! (Рябцову) Гдѣ револьверъ, изъ котораго ты стрѣлялъ?

РЯБЦОВЪ.

Въ воду бросилъ.

НИКОЛАЙ.

Какой онъ былъ? Разскажи!

РЯБЦОВЪ (смущенъ).

Какой... какіе они бываютъ? Желѣзный...

КОНЬ
(съ радостью).

А, сукинъ котъ! И револьвера-то не видалъ!

НИКОЛАЙ.

Величины какой? (Показываетъ размѣръ руками въ полъ-аршина) Такой? да?

РЯБЦОВЪ.

Да... Поменьше.

НИКОЛАЙ.

Богданъ Денисовичъ, пожалуйте сюда.. (Отводитъ Бобоѣдова въ сторону, говоритъ вполголоса) Тутъ скрыта какая-то пакость. Необходимо болѣе строгое отношеніе къ мальчишкѣ... Оставимъ его до пріѣзда слѣдователя.

БОБОѢДОВЪ.

Но вѣдь онъ сознается... чего же?

НИКОЛАЙ (внушительно).

Мы съ вами имѣемъ подозрѣніе, что этотъ мальчишка не настоящій преступникъ, а подставное лицо, понимаете?

(Изъ двери около Татьяны осторожно выходитъ Яковъ и молча смотритъ, то закрывая, то открывая глаза. Порою голова его безсильно опускается, точно онъ задремалъ; вскинувъ голову, испуганно оглядывается)

БОБОѢДОВЪ

(не понимаетъ).

Ага-а... да, да, да! Скажите, а?..

НИКОЛАЙ.

Это заговоръ! Коллективное преступленіе... Онъ мнѣ дорого заплатитъ!..

БОБОѢДОВЪ.

Каковъ мерзавецъ, а?

НИКОЛАЙ.

Пусть вахмистръ уведетъ его пока. Самая строгая изоляція! Я сейчасъ уйду на минуту... Конь, вы пойдете со мной! Гдѣ генералъ?

КОНЬ.

Червей роетъ...

(Уходятъ)

БОБОѢДОВЪ.

Квачъ, уведи-ка этого. И смотрѣть за нимъ! Чтобы ни-ни.

КВАЧЪ.

Слушаю! Ну, идемъ, малый.

ЛѢВШИНЪ (ласково).

Прощай, Пашокъ, прощай, милый!..

ЯГОДИНЪ (угрюмо).

Прощай, Павлуха!..

РЯБЦОВЪ.

Прощайте... ничего!

БОБОѢДОВЪ (Лѣвшину).

Ты, старикъ, знаешь его?

ЛѢВШИНЪ.

А какъ не знать? Работаемъ вмѣстѣ.

БОБОѢДОВЪ.

А тебя какъ зовутъ?

ЛѢВШИНЪ.

Ефимъ Ефимовъ Лѣвшинъ.

БОБОѢДОВЪ
(Татьянѣ негромко).

Вы посмотрите, что будетъ! Скажи мнѣ, Лѣвшинъ, правду—ты человѣкъ старый, разумный, ты долженъ говорить начальству только правду...

ЛѢВШИНЪ.

Зачѣмъ врать...

БОБОѢДОВЪ

(съ упоеніемъ).

Да. Такъ вотъ, скажи ты мнѣ по чистой совѣсти— что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

ЛѢВШИНЪ (спокойно).

Ничего тамъ нѣтъ.

БОБОѢДОВЪ.

Это правда?

ЛѢВШИНЪ.

Да ужъ такъ.

БОБОѢДОВЪ.

Эхъ, Лѣвшинъ, стыдно тебѣ! Ты вотъ лысый, сѣдой, а врешь, какъ мальчишка!.. Вѣдь начальство знаетъ не только то, что ты дѣлаешь, а что думаешь—знаетъ. Плохо, Лѣвшинъ! А это что такое въ рукахъ у меня?

ЛѢВШИНЪ.

Не видать мнѣ... слабъ я глазами...

БОБОѢДОВЪ.

Я скажу. Это запрещенныя правительствомъ книжки, призывающія народъ къ бунту противъ Государя. Эти книжки взяты у тебя за образами... ну?

ЛѢВШИНЪ (спокойно).

Такъ.

БОБОѢДОВЪ.

Ты признаешь ихъ своими?

ЛѢВШИНЪ.

Можетъ быть, и мои... Вѣдь онѣ всѣ похожи одна на другую...

БОБОѢДОВЪ.

Такъ какъ же ты, старый человѣкъ, лжешь?

ЛѢВШИНЪ.

Да я вамъ, ваше благородіе, сущую правду сказалъ. Вы спросили, что у меня за образами лежитъ, а ужъ если вы спрашиваете объ этомъ, значитъ, тамъ ничего нѣтъ, значитъ—вытащили. Я и сказалъ—ничего тамъ нѣтъ. Зачѣмъ же стыдить меня? Я этого не заслужилъ!

БОБОѢДОВЪ (смущенъ).

Вотъ какъ? Прошу, однако, поменьше разговаривать... со мной шутки плохи! Кто далъ тебѣ эти книжки?

ЛѢВШИНЪ.

Ну, это зачѣмъ же вамъ знать? Этого я не скажу. Ужъ я и позабылъ, откуда они... Вы ужъ не безпокойте себя.

БОБОѢДОВЪ.

Ага... такъ? Хорошо!.. Алексѣй Грековъ? Который Грековъ?

ГРЕКОВЪ.

Это я.

БОБОѢДОВЪ.

Вы привлекались къ дознанію въ Смоленскѣ по дѣлу о революціонной пропагандѣ среди ремесленниковъ—да?

ГРЕКОВЪ.

Да, привлекался.

БОБОѢДОВЪ.

Такой молодой и такой талантливый? Пріятно познакомиться!.. Жандармы, выведите ихъ на террасу... здѣсь стало душно. Вырыпаевъ Яковъ? Ага... Свистовъ Андрей?..

(Жандармы выводятъ всѣхъ на террасу. Бобоѣдовъ со спискомъ въ рукахъ идетъ туда же)

ЯКОВЪ (тихо).

Нравятся мнѣ эти люди!

ТАТЬЯНА.

Да. Но почему они такъ просты... такъ просто говорятъ, просто смотрятъ... и страдаютъ? почему? Въ нихъ нѣтъ страсти? нѣтъ героизма?

ЯКОВЪ.

Они спокойно вѣрятъ въ свою правду...

ТАТЬЯНА.

Должна быть у нихъ страсть! И должны быть герои... Но здѣсь... ты чувствуешь—они презираютъ всѣхъ!

ЯКОВЪ.

Хорошъ Ефимычъ!.. Какіе у него все понимающіе, грустно-ласковые глаза. Онъ какъ бы говоритъ:—„ну, зачѣмъ все это? Ушли бы вы въ сторону... дали бы намъ свободу... ушли бы!“

ЗАХАРЪ
(выглядывая изъ дверей).

Удивительно тупы, эти господа представители закона! Устроили судьбище... Николай Васильевичъ держится какимъ-то завоевателемъ.

ЯКОВЪ.

Ты, Захаръ, только противъ того, что вся эта исторія разыгрывается у тебя на глазахъ?

ЗАХАРЪ.

Ну, конечно, меня могли бы избавить отъ этого удовольствія!.. Надя совсѣмъ взбѣсилась... наговорила мнѣ и Полинѣ дерзостей, назвала Клеопатру щукой, а теперь валяется у меня на диванѣ и реветъ... Богъ знаетъ что дѣлается!

ЯКОВЪ (задумчиво).

А мнѣ, Захаръ, становится все болѣе противенъ смыслъ происходящаго.

ЗАХАРЪ.

Да, я понимаю... Но что же дѣлать? Если нападаютъ—надо защищаться. Я, положительно, не могу найти себѣ мѣста въ домѣ... точно онъ перевернулся

книзу крышей! Сыро сегодня, холодно... этотъ дождь!.. Рано идетъ осень!

(Идутъ Николай и Клеопатра оба возбужденные)

НИКОЛАЙ.

Я убѣжденъ теперь,—его подкупили.

КЛЕОПАТРА.

Сами они не могли этого выдумать... Богданъ Денисовичъ! Тутъ необходимо искать умнаго человѣка.

НИКОЛАЙ.

Вы думаете—Синцовъ?

КЛЕОПАТРА.

А кто же? Богданъ Денисовичъ!..

БОБОѢДОВЪ

(съ террасы).

Чѣмъ могу служить?

НИКОЛАЙ.

Я окончательно убѣдился, что мальчишку подкупили... (Говоритъ тихо)

БОБОѢДОВЪ (негромко).

О-о? Мм...

КЛЕОПАТРА (Бобоѣдову).

Вы понимаете?

БОБОѢДОВЪ.

М-н-да-а... Какіе мерзавцы!

(Оживленно разговаривая, Николай и ротмистръ скрываются въ дверяхъ. Клеопатра оглянувшись видитъ Татьяну)

КЛЕОПАТРА.

А... вы здѣсь?

ТАТЬЯНА.

Еще что-то случилось?

КЛЕОПАТРА.

Вамъ это безразлично, я думаю... Вы слышали о Синцовѣ?

ТАТЬЯНА.

Знаю.

КЛЕОПАТРА

(съ вызовомъ).

Да, арестованъ! Я рада, что, наконецъ, выкосили на заводѣ всю эту сорную траву... а вы?

ТАТЬЯНА.

Я думаю, вамъ это безразлично...

КЛЕОПАТРА (злорадно).

Вы симпатизировали этому Синцову! (Смотритъ на Татьяну и лицо ея становится мягче) Какъ вы странно смотрите... и лицо измученное.. почему?

ТАТЬЯНА

Вѣроятно, отъ погоды.

КЛЕОПАТРА
(подходитъ къ ней).

Вотъ что... можетъ быть, это глупо... но я—человѣкъ прямой!.. Пожила я... много! Много чувствовала... и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина можетъ быть другомъ женщины...

ТАТЬЯНА.

Вы что-то хотите спросить?

КЛЕОПАТРА.

Сказать, не спросить! Вы мнѣ нравитесь... такая вы свободная, такъ ловко одѣты всегда... и хорошо держитесь съ мужчинами. Я завидую вамъ... и какъ вы говорите, и какъ ходите... А иногда я васъ не люблю... даже ненавижу!

ТАТЬЯНА.

Это интересно. За что?

КЛЕОПАТРА (странно).

Кто вы такая?

ТАТЬЯНА.

То есть?

КЛЕОПАТРА.

Не понимаю я—кто вы? Я хочу видѣть всѣхъ людей опредѣленными, я люблю знать, чего человѣкъ хо-

четъ! По моему, люди, которые не твердо знаютъ, чего они хотятъ—такіе люди опасны! Имъ нельзя вѣрить!

ТАТЬЯНА.

Странныя вещи говорите вы! Зачѣмъ мнѣ нужно знать ваши взгляды?

КЛЕОПАТРА

(горячо и тревожно).

Нужно, чтобы люди жили тѣсно, дружно, чтобы всѣ мы могли вѣрить другъ другу! Вы видите—насъ начинаютъ убивать, насъ хотятъ ограбить! Вы видите, какія разбойничьи рожи у этихъ арестантовъ? Они знаютъ, чего хотятъ, они это знаютъ. И они живутъ дружно, они вѣрятъ другъ другу... Я ихъ ненавижу. Я ихъ боюсь. А мы живемъ всѣ враждуя, ничему не вѣря, ничѣмъ не связанные, каждый самъ по себѣ... Мы вотъ на жандармовъ опираемся, на солдатъ, а они—на себя... и они сильнѣе насъ!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ тоже хочется спросить васъ прямо... Вы были счастливы съ мужемъ?

КЛЕОПАТРА.

Зачѣмъ вамъ это?

ТАТЬЯНА.

Такъ. Любопытно!

КЛЕОПАТРА (подумавъ).

Нѣтъ. Онъ былъ всегда занятъ и слишкомъ красивъ. Онъ нравился вамъ, да?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ.

КЛЕОПАТРА.

Странно! Онъ нравился всѣмъ женщинамъ. Въ этомъ для жены мало радости!

ПОЛИНА (идетъ).

Слышали? Конторщикъ Синцовъ—оказался соціалистомъ! А Захаръ былъ съ нимъ откровененъ и даже хотѣлъ сдѣлать его помощникомъ бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но, подумайте, какъ трудно становится жить. Рядомъ съ вами—ваши принципіальные враги, а вы ихъ не замѣчаете!

ТАТЬЯНА.

Какъ хорошо, что я не богата!

ПОЛИНА.

Ты скажи это въ старости! (Клеопатрѣ мягко) Клеопатра Петровна, васъ просятъ еще разъ примѣрить платье... И прислали крепъ...

КЛЕОПАТРА.

Иду... Нехорошо... не ровно бьется сердце у меня... Не люблю быть больной!

ПОЛИНА.

Хотите, я вамъ капель дамъ отъ сердцебіенія?.. Очень помогаютъ.

КЛЕОПАТРА (идя).

Спасибо!..

ПОЛИНА.

Я сейчасъ приду. (Татьянѣ) Съ ней необходимо быть мягче: это ее успокаиваетъ! Это хорошо, что ты поговорила съ ней... И вообще, я завидую тебѣ, Таня... ты всегда умѣешь встать на такую удобную центральную позицію!.. Пойду, дамъ ей капель.

(Оставшись одна, Татьяна смотритъ на террасу, гдѣ подъ карауломъ солдатъ расположились арестованные. Изъ двери выглядываетъ Яковъ)

ЯКОВЪ (съ усмѣшкой).

А я стоялъ за дверью и слушалъ.

ТАТЬЯНА (разсѣянно).

Говорятъ, это не хорошо... подслушивать...

ЯКОВЪ.

Вообще не хорошо слышать, что говорятъ люди. Какъ-то жалко ихъ... и скучно. Вотъ что, Таня! Я уѣзжаю.

ТАТЬЯНА.

Куда?

ЯКОВЪ.

Вообще... Не знаю еще... Прощай!

ТАТЬЯНА (ласково).

Прощай!.. Напиши!

ЯКОВЪ.

Ужасно скверно здѣсь!

ТАТЬЯНА.

Ты когда ѣдешь?

ЯКОВЪ.

(странно улыбаясь).

Сегодня... Уѣзжай и ты... а?

ТАТЬЯНА.

Да, я уѣду. Почему ты улыбаешься?

ЯКОВЪ.

Такъ... Можетъ быть, мы не увидимся болѣе...

ТАТЬЯНА.

Глупости!

ЯКОВЪ.

Ну, прости меня. (Татьяна цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ тихо смѣется, отстраняя ее) Ты поцѣловала меня точно покойника...

(Медленно уходитъ. Татьяна, посмотрѣвъ вслѣдъ ему, хочетъ идти за нимъ, но останавливается, сдѣлавъ слабый жестъ рукой. Выходитъ Надя, съ зонтомъ въ рукахъ)

НАДЯ.

Пожалуйста, пойдемъ со мной въ садъ... У меня голова болитъ... я сейчасъ плакала, плакала... какъ дура! Если я пойду одна, снова буду плакать.

ТАТЬЯНА.

О чемъ плакать, дѣвочка? Не о чемъ!

НАДЯ.

Мнѣ досадно. Я ничего не понимаю. Кто же правъ? Дядя говоритъ—онъ... а я не чувствую этого! Онъ добрый, дядя? Я была увѣрена, что онъ добрый... а теперь—не знаю! Когда онъ говоритъ со мной, [мнѣ кажется, что я сама злая и глупая... а когда я начну думать о немъ... и спрашивать себя обо всемъ... ничего не понимаю!

ТАТЬЯНА (грустно).

Если ты будешь сама себѣ ставить вопросы—ты сдѣлаешься революціонеркой... и погибнешь въ этомъ хаосѣ, милая ты моя!..

НАДЯ.

Надо чѣмъ-нибудь быть, надо! (Татьяна тихо смѣется) Чему ты смѣешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

ТАТЬЯНА.

Я потому засмѣялась, что сегодня всѣ это говорятъ... всѣ, вдругъ! Почему?

(Идутъ. Навстрѣчу имъ генералъ и поручикъ. Поручикъ ловко уступаетъ дорогу)

ГЕНЕРАЛЪ.

Мобилизація, поручикъ, необходима! Она имѣетъ двоякую цѣль... (Надѣ и Татьянѣ) Вы куда, а?

ТАТЬЯНА.

Гулять.

ГЕНЕРАЛЪ.

Если встрѣтите этого конторщика... какъ его? Поручикъ, какъ фамилія этого человѣка, съ которымъ я васъ познакомилъ давеча?

ПОРУЧИКЪ.

Покатый, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ (Татьянѣ).

Пошлите его ко мнѣ, я буду въ столовой пить чай съ коньякомъ и съ поручикомъ... х-хо-хо! (Оглядывается, прикрывъ ротъ рукой) Благодарю поручикъ! У васъ хорошая память, да! Это прекрасно! Офицеръ долженъ помнить имя и лицо каждаго солдата своей роты. Когда солдатъ рекрутъ, онъ хитрое животное, хитрое, лѣнивое и глупое. Офицеръ влѣзаетъ ему въ душу и тамъ все поворачиваетъ по своему, чтобы сдѣлать изъ животнаго человѣка, разумнаго и преданнаго долгу...

(Идетъ Захаръ, озабоченный)

ЗАХАРЪ.

Дядя, вы не видѣли Якова?

ГЕНЕРАЛЪ.

Не видалъ Якова... Тамъ есть чай?

ЗАХАРЪ.

Есть, есть! (Генералъ и поручикъ уходятъ. Съ террасы идетъ Конь, сердитый, растрепанный) Конь, вы не видѣли брата?

КОНЬ (сурово).

Нѣтъ. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человѣка—не скажу... Буду молчать... Ладно! Я поговорилъ на своемъ вѣку...

ПОЛИНА (идетъ).

Тамъ пришли мужики, они опять просятъ отсрочить аренду.

ЗАХАРЪ.

Вотъ! Нашли время...

ПОЛИНА.

Жалуются, что урожай плохой и платить имъ нечѣмъ.

ЗАХАРЪ.

Они всегда жалуются!.. Ты не встрѣчала Якова?

ПОЛИНА.

Нѣтъ. Что же имъ сказать?

ЗАХАРЪ.

Мужикамъ? Пусть идутъ въ контору... я не буду съ ними говорить!

ПОЛИНА.

Но въ конторѣ нѣтъ никого! Ты же знаешь—у насъ полная анархія. Вотъ ужъ скоро обѣдъ, а этотъ ротмистръ все проситъ чаю... Въ столовой съ утра не убранъ самоваръ и вообще—жизнь похожа на какое-то дурачество!

ЗАХАРЪ.

Ты знаешь, Яковъ вдругъ собрался куда-то ѣхать! ти больные люди!..

ПОЛИНА.

Ты прости мнѣ, но, право, хорошо, что онъ уѣдетъ...

ЗАХАРЪ.

Да, конечно. Онъ ужасно раздражаетъ, говоритъ чепуху... Вотъ сейчасъ, присталъ ко мнѣ, спрашиваетъ, можно ли изъ моего револьвера убить ворону? Говорилъ какія-то дерзости. Наконецъ, ушелъ и унесъ револьверъ... Всегда пьяный...

(Съ террасы входятъ Синцовъ съ двумя жандармами и Квачъ. Полина, молча посмотрѣвъ на Синцова въ лорнетъ, уходитъ. Захаръ смущенно поправляетъ очки, потомъ отступивъ)

ЗАХАРЪ (укоризненно).

Вотъ, г. Синцовъ... какъ это грустно! Мнѣ очень жаль васъ... очень!

СИНЦОВЪ
(съ улыбкой).

Не безпокойтесь... стоитъ ли?

ЗАХАРЪ.

Стоитъ! Люди должны сочувствовать другъ другу... И даже, если человѣкъ, которому я довѣрялъ, не оправдалъ моего довѣрія, все равно, видя его въ несчастіи,

я считаю долгомъ сочувствовать ему... да! Прощайте, г. Синцовъ!

СИНЦОВЪ.

До свиданія.

ЗАХАРЪ.

Вы не имѣете ко мнѣ... какихъ-либо претензій.

СИНЦОВЪ.

Рѣшительно никакихъ.

ЗАХАРЪ (смущенно).

Прекрасно. Прощайте! Ваше жалованіе будетъ выслано вамъ... да! (Идетъ) Но это невозможно! Мой домъ становится какой-то жандармской канцеляріей!

(Синцовъ усмѣхается. Квачъ все время пристально разсматриваетъ его, особенно руки. Замѣтивъ это, Синцовъ тоже нѣсколько секундъ смотритъ въ глаза Квача. Тотъ усмѣхается)

СИНЦОВЪ.

Ну? Въ чемъ дѣло?

КВАЧЪ (радостно).

Ничего... ничего!

ВОБОѢДОВЪ (выходитъ).

Г. Синцовъ, вы сейчасъ отправитесь въ городъ...

КВАЧЪ (радостно).

Ваше благородіе, они совсѣмъ не г. Синцовъ, а другое!..

БОБОѢДОВЪ.

Какъ? Говори яснѣе!

КВАЧЪ.

Да я же ихъ знаю! Они жили на Брянскомъ заводѣ и тамъ ихъ имя было Максимъ Марковъ!.. Тамъ мы ихъ арестовали... два года назадъ, ваше благородіе!.. Они и не баринъ, а, просто, слесарь, и на лѣвой рукѣ на большомъ пальцѣ у нихъ ногтя нѣтъ, я знаю! Они не иначе, какъ бѣжали откуда-нибудь, если по чужому паспорту живутъ!

БОБОѢДОВЪ
(пріятно удивленъ).

Это правда, г. Синцовъ?

КВАЧЪ.

Все правда, ваше благородіе!..

БОБОѢДОВЪ.

Что же вы молчите, а? Позвольте-ка вашу руку... Квачъ, ноготь есть?

КВАЧЪ.

Да нѣтъ же!

БОБОѢДОВЪ.

Какъ же васъ зовутъ, а?

СИНЦОВЪ (спокойно).

Какъ вамъ угодно...

БОБОѢДОВЪ.

Такъ, значитъ, вы не Синцовъ, те-те-те!

СИНЦОВЪ.

Кто бы я ни былъ, вы обязаны вести себя со мной прилично... не забывайте!

БОБОѢДОВЪ.

Ого-го? Сразу видно серьезнаго человѣка. Квачъ ты самъ повезешь его!.. Смотри въ оба!

КВАЧЪ.

Слушаю!

БОБОѢДОВЪ (радостно).

Такъ вотъ, г. Синцовъ, или какъ васъ тамъ зовутъ, вы ѣдете въ городъ. Ты, Квачъ, немедленно доложишь начальнику все, что знаешь о немъ, и сейчасъ же затребовать прежнее производство... впрочемъ, это я самъ! Подожди, Квачъ... (Быстро уходитъ)

КВАЧЪ (добродушно).

Вотъ и снова встрѣтились!

СИНЦОВЪ (усмѣхаясь).

Вы рады?

КВАЧЪ.

А какъ же? Знакомый!

СИНЦОВЪ (брезгливо).

Вамъ—пора бы уже бросить это дѣло. Волосы сѣдые, а приходится, какъ собакѣ, выслѣживать... Неужели вамъ не обидно?

КВАЧЪ (добродушно).

Ничего, я привыкъ! Я уже двадцать три года служу... И совсѣмъ не какъ собака!—Начальство меня уважаетъ. Орденъ обѣщали—Анну, да! Теперь—дадутъ!

СИНЦОВЪ.

За меня?

КВАЧЪ.

А за васъ! Вы откуда бѣжали?

СИНЦОВЪ.

Потомъ узнаете.

КВАЧЪ.

Узнаемъ! А помните, тамъ, на Брянскомъ, черный такой былъ, въ очкахъ? Учитель Савицкій? То онъ тоже былъ недавно опять арестованъ... Ну, только умеръ онъ въ тюрьмѣ... Очень больной былъ! Мало васъ, все-таки!

СИНЦОВЪ (задумчиво).

Будетъ много... подождите!

КВАЧЪ.

О? Это хорошо! Больше политическихъ — намъ лучше!

СИНЦОВЪ.

Награды чаще получаете?

(Въ дверяхъ появляются Бобоѣдовъ, генералъ, поручикъ, Клеопатра и Николай)

НИКОЛАЙ (взглянувъ на Синцова).

Я чувствовалъ это... (Исчезаетъ)

ГЕНЕРАЛЪ.

Хорошъ!

КЛЕОПАТРА.

Теперь понятно, откуда все пошло!

СИНЦОВЪ (съ ироніей).

Послушайте, г. жандармъ, вамъ не кажется, что вы ведете себя глупо?

БОБОѢДОВЪ.

Не... не учить меня!

СИНЦОВЪ (настойчиво).

Нѣтъ, я поучу! Прекратите этотъ дурацкій спектакль!

ГЕНЕРАЛЪ.

О-о... какой, а?

БОБОѢДОВЪ (кричитъ).

Квачъ, уведи его!

КВАЧЪ.

Слушаю! (Уводитъ Синцова).

ГЕНЕРАЛЪ.

Это, должно быть, звѣрь, а? Какъ онъ... рычитъ, а?

КЛЕОПАТРА.

Я увѣрена, что это онъ начало всему!

БОБОѢДОВЪ.

Возможно... очень возможно!

ПОРУЧИКЪ.

Будутъ его судить, да?

БОБОѢДОВЪ (усмѣхаясь).

Мы ихъ безъ соуса ѣдимъ... и такъ вкусно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Это остроумно! Какъ устрицъ... хамъ!

КОНЬ

(съ террасы).

Слѣдователь пріѣхалъ!

БОБОѢДОВЪ.

Ага! Ну, вотъ, ваше превосходительство, теперь мы живо раздѣлимъ всю дичь и избавимъ васъ отъ

этого анекдота! Николай Васильевичъ, вы гдѣ? Слѣдователь пріѣхалъ...

(Всѣ скрываются въ дверяхъ. Съ террасы входитъ становой)

СТАНОВОЙ (Коню).

Допросъ здѣсь будетъ?

КОНЬ (угрюмо).

Я не знаю. Ничего не знаю!

СТАНОВОЙ.

Столъ, бумаги... значитъ, здѣсь! (Говоритъ на террасу) Введите сюда всѣхъ! (Коню) Покойникъ-то ошибся: сказалъ, рыжій его застрѣлилъ; а оказывается, черноватый!

КОНЬ (ворчливо).

И живые ошибаются...

(Съ террасы снова вводятъ арестованныхъ)

СТАНОВОЙ.

Ставь ихъ здѣсь... рядомъ! Старикъ, становись съ краю! Не стыдно тебѣ? Старый чертъ!

ГРЕКОВЪ.

Зачѣмъ же вы ругаетесь?

ЛѢВШИНЪ.

Ничего, Алеша! Пускай его...

СТАНОВОЙ (грозя).

Я тебѣ поговорю!

ЛѢВШИНЪ.

Ничего! Должность такая... обижающая человѣка!

(Входятъ Николай, Бобоѣдовъ и слѣдователь, толстый человѣкъ, съ большимъ краснымъ лицомъ. Садятся за столъ. Сбоку — письмоводитель, маленькій, сѣдой старичекъ въ очкахъ. Генералъ усаживается на кресло въ углу, сзади него поручикъ. Въ дверяхъ Клеопатра и Полина, потомъ, сзади нихъ, Татьяна и Надя. Черезъ ихъ плечи недовольно смотритъ Захаръ. Откуда-то бокомъ и осторожно идетъ Пологій, кланяется сидящимъ за столомъ и растерянно останавливается посреди комнаты. Генералъ манитъ его къ себѣ движеніемъ пальца. Онъ идетъ наноскахъ сапогъ и становится рядомъ съ кресломъ генерала. Вводятъ Рябцова)

НИКОЛАЙ.

Начнемъ. Павелъ Рябцовъ...

РЯБЦОВЪ.

Ну?

БОБОѢДОВЪ.

Не—ну, дуракъ, а что-угодно!

НИКОЛАЙ.

Итакъ, вы настаиваете, что директоръ убитъ вами?

РЯБЦОВЪ (недовольно).

Я сказалъ ужъ... чего же еще?

НИКОЛАЙ.

Вы знаете Алексѣя Грекова?

РЯБЦОВЪ.

Это какого?

НИКОЛАЙ.

А вотъ, рядомъ съ вами стоитъ!

РЯБЦОВЪ.

Онъ у насъ работаетъ.

НИКОЛАЙ.

Значитъ, вы знакомы съ нимъ?

РЯБЦОВЪ.

Мы всѣ знакомы.

НИКОЛАЙ.

Конечно. Но вы у него бывали въ домѣ, гуляли съ нимъ... вообще, вы его коротко, близко знаете? Вы—товарищи?

РЯБЦОВЪ.

Я со всѣми гуляю. Всѣ мы—товарищи.

НИКОЛАЙ.

Да? Я думаю—вы лжете! Г. Пологій, скажите намъ, Рябцовъ и Грековъ въ какихъ отношеніяхъ?

ПОЛОГІЙ.

Въ тѣсныхъ отношеніяхъ дружбы... Здѣсь имѣется двѣ компаніи—молодыми предводительствуетъ Грековъ, юноша очень дерзкій въ обращеніи съ лицами, которыя стоятъ неизмѣримо выше его. А пожилыми — руководствуетъ Ефимъ Лѣвшинъ... человѣкъ фантастическій въ своихъ рѣчахъ и лисообразный въ обращеніи...

НАДЯ (тихо).

Ахъ, какой мерзавецъ!

(Пологій оглядывается на нее и вопросительно смотритъ на Николая. Николай тоже кидаетъ взглядъ въ сторону Нади)

НИКОЛАЙ.

Ну-съ, дальше!

ПОЛОГІЙ (вздохнувъ).

Ихъ соединяетъ г. Синцовъ, который со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ. Это личность, непохожая на простого человѣка, съ нормальнымъ умомъ. Онъ читаетъ разныя книги и имѣетъ обо всемъ свои сужденія. Въ квартирѣ у него, которая наискось моей и состоитъ изъ трехъ комнатъ...

НИКОЛАЙ.

Вы не такъ подробно...

ПОЛОГІЙ.

Извините!.. Правда требуетъ полноты формъ!

НИКОЛАЙ.

Да, но намъ некогда!

ПОЛОГІЙ.

Въ квартиру его заходятъ всевозможныя личности, а также присутствующіе здѣсь, какъ-то, Грековъ...

НИКОЛАЙ.

Грековъ, эт правда?

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Прошу ко мнѣ не обращаться съ вопросами,—я отвѣчать не буду.

НИКОЛАЙ.

Напрасно!

НАДЯ (громко).

Вотъ хорошо!

КЛЕОПАТРА.

Что за выходки?

ЗАХАРЪ.

Надя, дорогая моя!..

БОБОѢДОВЪ.

Тсс...

(На террасѣ шумъ)

НИКОЛАЙ.

Я нахожу излишнимъ присутствіе здѣсь постороннихъ лицъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Гм... Кто же тутъ посторонніе?

БОБОѢДОВЪ.

Квачъ, посмотри, что за шумъ!

КВАЧЪ.

Человѣкъ рвется въ дверь, ваше благородіе! Претъ въ дверь и ругается, ваше благородіе!

НИКОЛАЙ.

Что ему надо? кто это?

БОБОѢДОВЪ.

Спроси!

ПОЛОГІЙ.

Прикажете продолжать или пріостановиться?

НАДЯ.

О, подлецъ!

НИКОЛАЙ.

Пріостановитесь... Постороннихъ лицъ я прошу уйти!

ГЕНЕРАЛЪ.

Позвольте... это какъ понять?

НАДЯ
(кричитъ задорно).

Посторонніе здѣсь—вы! Вы, а не я! Вы вездѣ посторонніе... я здѣсь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

ЗАХАРЪ

(возбужденно Надѣ).

Наконецъ, уйди! Немедленно... уйди!

НАДЯ.

Да? Вотъ какъ!.... Значитъ, это я... дѣйствительно, я посторонняя здѣсь? Такъ я уйду, но я скажу вамъ...

ПОЛИНА.

Удержите ее... она скажетъ что-нибудь ужасное!

НИКОЛАЙ (Бобоѣдову).

Скажите жандармамъ, чтобы закрыли двери!

НАДЯ.

Вы всѣ безсовѣстные люди... безъ сердца, жалкіе... несчастные.

КВАЧЪ

(входитъ радостно).

Ваше благородіе! Еще одинъ открывается!

БОБОѢДОВЪ.

Что?

КВАЧЪ.

Еще одинъ убійца пришелъ!

(Къ столу идетъ не торопясь Якимовъ, рыжеватый парень съ большими усами)

НИКОЛАЙ

(невольно приподнимаясь).

Что вамъ нужно?

ЯКИМОВЪ.

Это я убилъ директора.

НИКОЛАЙ.

Вы?

ЯКИМОВЪ.

Я.

КЛЕОПАТРА (тихо).

А-а... мерзавецъ! Совѣсть имѣешь!

ПОЛИНА.

Боже мой! Какіе ужасные люди!

ТАТЬЯНА (спокойно).

Эти люди побѣдятъ!

ЯКИМОВЪ (угрюмо).

Ну, что же? Нате, ѣшьте!

(Общее смущеніе. Николай что-то быстро шепчетъ слѣдователю. Бобоѣдовъ растерянно улыбается. Въ толпѣ арестованныхъ молчаніе; всѣ стоятъ неподвижно. Въ дверяхъ Надя смотритъ на Якимова и плачетъ. Полина и Захаръ шепчутся. Въ тишинѣ ясно слышенъ негромкій голосъ Татьяны)

ТАТЬЯНА (Надѣ).

Не плачь, эти люди побѣдятъ!..

НИКОЛАЙ.

Ну-съ, г. Рябцовъ! А какъ же вы теперь?..

РЯБЦОВЪ (смущенно).

А—никакъ...

ЯКИМОВЪ.

Молчи, Паша... Ты—молчи!

ЛѢВШИНЪ (радостно).

Э-эхъ, братики, милые!...

НИКОЛАЙ (ударивъ кулакомъ по столу).

Молчать!

ЯКИМОВЪ (спокойно).

Не кричи, баринъ. Мы не кричимъ.

НАДЯ (Якимову громко).

Послушайте... развѣ это вы убили? Это они всѣхъ убиваютъ... это они убиваютъ всю жизнь своей жадностью, своей трусостью!.. (Ко всѣмъ) Это вы, вы—преступники!

ЛѢВШИНЪ (горячо).

Вѣрно, барышня! Не тотъ убилъ, кто ударилъ, а тотъ, кто злобу родилъ!.. Вѣрно, милая!

(Общее смятеніе, шумъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ПУГАЧЪ.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающіе золотомъ зрачки.

Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ—и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.

Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ и золъ.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилья
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

II.

УТРО.

И скрипъ, и визгъ надъ бухтой, наводненой
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытьи, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ реяхъ крыльями тугими,
Иль бѣлою яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучъ, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканитъ грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплетъ въ морѣ золотомъ кипящимъ.

III.

ДЖОРДАНО БРУНО.

„Ковчегъ подъ предводительствомъ осла—
Вотъ міръ людей. Живите во Вселенной.
Земля—вертепъ обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизмѣнной.

„Ты, мать-земля, душѣ моей близка—
И далека. Люблю я смѣхъ и радость,
Но въ радости моей—всегда тоска,
Въ тоскѣ всегда—таинственная сладость!“

И вотъ онъ посохъ странника беретъ.
„Открой забрало, Sancta Asinita!
Готовься въ бой!“—Мечта зоветъ впередъ
И келья монастырская забыта.

Въ дни дѣтства, у Везувія, весь свѣтъ
Кончался тамъ... за древнимъ валомъ въ Нолѣ.
Въ дни юности ему предѣла нѣтъ,—
Предѣла нѣтъ для знанія и воли.

„Вы всѣ рабы. Царь вашей вѣры—Звѣрь:
Я свергну тронъ слѣпой и мрачной вѣры.
Вы въ капищѣ: я распахну вамъ дверь
На блескъ и свѣтъ, въ лазурь и бездну Сферы.

„Ни безднѣ безднъ, ни жизни грани нѣтъ.
Мы остановимъ солнце Птоломея—
И тьмы міровъ, горящій вихрь планетъ
Предъ нами развернется, пламенѣя!"

И онъ дерзнулъ на все—вплоть до небесъ.
Но разрушенье—жажда созиданья,
И, разрушая, жаждалъ онъ чудесъ—
Божественной гармоніи Созданья.

Глаза сіяютъ, дерзкая мечта
Въ міръ откровеній радостныхъ уноситъ.
Лишь въ истинѣ—и цѣль и красота.
Но тѣмъ сильнѣе сердце жизни проситъ.

„Ты, дѣвочка! ты, съ ангельскимъ лицомъ,
Поющая надъ старой, звонкой лютней!
Я могъ твоимъ быть другомъ и отцомъ...
Но я одинъ. Нѣтъ въ мірѣ безпріютнѣй!

„Высоко несъ я стягъ своей любви.
Но есть другія радости, другія:
Оледенивъ желанія свои,
Я только твой, познаніе, Софія!“

И вотъ опять онъ странникъ. И опять
Глядитъ онъ въ даль. Глаза горятъ, но строго
Его лицо. Враги, вамъ не понять,
Что Богъ есть Свѣтъ. И онъ умретъ за Бога.

„Міръ—бездна безднъ. И каждый атомъ въ немъ
Проникнутъ свѣтомъ, жизнью, красотою.
И свѣтъ есть Богъ. И въ Богѣ мы живемъ
Единою всемірною Душою.

„Ты, съ лютнею! Мечты твоихъ очей
Не эту-ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвѣздія ночей!
Вы только этой Радостью дышали“.

И маленькій тревожный человѣкъ
Съ блестящимъ взглядомъ, яркимъ и холоднымъ,
Идетъ въ огонь. *„Умершій въ рабскій вѣкъ*
Безсмертіемъ вѣнчается—въ свободномъ!

„Я умираю—ибо такъ хочу.
Развѣй, палачъ, развѣй мой прахъ, презрѣнный!
Привѣтъ Вселенной, Солнцу! Палачу!—
Онъ мысль мою развѣетъ по Вселенной!“

А. ТЕННИСОНЪ.

ГОДИВА.

ПОЭМА.

Съ англійскаго. Переводъ Ив. Бунина.

Я въ Ковентри ждалъ поѣзда, толкаясь
Въ толпѣ народа по мосту, смотрѣлъ
На три высокихъ башни—и въ поэму
Облекъ одну изъ древнихъ мѣстныхъ былей.

Не мы одни—плодъ новыхъ дней, послѣдній
Посѣвъ Временъ, въ своемъ нетерпѣливомъ
Стремленьи въ даль злословящій Былое,—
Не мы одни, съ чьихъ праздныхъ устъ не сходятъ
Добро и Зло, сказать имѣемъ право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правилъ
Назадъ тому почти тысячелѣтье,
Любила свой народъ и претерпѣла
Не меньше насъ. Когда налогомъ тяжкимъ
Графъ обложилъ свой городъ, и предъ замкомъ
Съ дѣтьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: „Подать намъ грозитъ
Голодной смертью!"—въ графскіе покои,
Гдѣ графъ, съ своей аршинной бородой
И полсаженной гривою, по залу
Шагалъ среди собакъ, пошла Годива
И, разсказавъ о вопляхъ, повторила
Мольбу народа: „Подати грозятъ
Голодной смертью!" Графъ отъ изумленья
Раскрылъ глаза.—„Но вы за эту сволочь

Мизинца не уколете!"—сказалъ онъ.
„Я умереть согласна"—возразила
Ему Годива. Графъ захохоталъ,
Петромъ и Павломъ громко побожился,
Потомъ по брилліантовой сережкѣ
Годивѣ щелкнулъ:—„Розсказни!"—„Но чѣмъ же
Мнѣ доказать?"—отвѣтила Годива.
И жесткое, какъ длань Исава, сердце
Не дрогнуло. „Ступайте, молвилъ графъ,
По городу нагая—и налоги
Я отмѣню"—насмѣшливо кивнулъ ей
И зашагалъ среди собакъ изъ залы.

Такой отвѣтъ сразилъ Годиву. Мысли,
Какъ вихри, закружились въ ней и долго
Вели борьбу, пока не побѣдило
Ихъ Состраданье. Въ Ковентри герольда
Тогда она отправила, чтобъ городъ
Узналъ при трубныхъ звукахъ о позорѣ,
Назначенномъ Годивѣ: только этой
Цѣною облегчить могла Годива
Его удѣлъ. Годиву любятъ,—пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступитъ за порогъ, и ни единый
Не взглянетъ глазъ на улицу: пусть всѣ
Затворятъ двери, спустятъ въ окнахъ ставни
И въ часъ ея проѣзда будутъ дома.

Потомъ она поспѣшно поднялась
На верхъ, въ свои покои, разстегнула
Орловъ на пряжкѣ пояса—подарокъ
Суроваго супруга—и на мигъ
Замедлилась, блѣдна, какъ лѣтній мѣсяцъ,

Полузакрытый облачкомъ... Но тотчасъ
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пятъ волну волосъ тяжелыхъ,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Внизъ по дубовымъ лѣстницамъ—и вышла,
Скользя какъ лучъ среди колоннъ, къ воротамъ,
Гдѣ ужъ стоялъ ея любимый конь,
Весь въ пурпурѣ, съ червонными гербами.

На немъ она пустилась въ путь—какъ Ева,
Какъ геній цѣломудрія. И замеръ,
Едва дыша отъ страха, даже воздухъ
Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ѣхала она.
Разинувъ пасть, лукаво вслѣдъ за нею
Косился желобъ. Тявканье дворняжки
Ее кидало въ краску. Звукъ подковъ
Пугалъ, какъ грохотъ грома. Каждый ставень
Былъ полонъ дыръ. Причудливой толпою
Шпили домовъ глазѣли. Но Годива,
Крѣпясь, все дальше ѣхала, пока
Въ готическія арки укрѣпленій
Не засіяли цвѣтомъ бѣлоснѣжнымъ
Кусты густой цвѣтущей бузины.

Тогда назадъ поѣхала Годива—
Какъ геній цѣломудрія. Былъ нѣкто,
Чья низость въ этотъ день дала начало
Пословицѣ: онъ сдѣлалъ въ ставнѣ щелку
И ужъ хотѣлъ, весь трепеща, прильнуть къ ней,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли,—да торжествуетъ вѣчно
Добро надъ Зломъ. Годива же достигла
Въ невѣдѣніи замка—и лишь только

Вошла въ свои покои, какъ ударилъ
И загудѣлъ со всѣхъ несмѣтныхъ башенъ
Стозвучный полдень. Въ мантіи, въ коронѣ
Она супруга встрѣтила, сняла
Съ народа тяжесть податей—и стала
Съ тѣхъ поръ безсмертной въ памяти народа.

ВѢРА ФИГНЕРЪ.

МОЯ НЯНЯ.

Этотъ разсказъ имѣетъ автобіографическій характеръ. Онъ написанъ въ Шлиссельбургѣ въ 1892 г. по просьбѣ моего товарища, Н. А. Морозова, чѣмъ и объясняются начальныя строки разсказа.

В. Фигнеръ.

Если у тебя была хорошая няня, то ты съ удовольствіемъ припомнишь ее... Если же ея не было, то тебѣ будетъ пріятно узнать о моей... И такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ты останешься доволенъ, то слушай!

Жило-было одно дворянское семейство. Это было мое семейство: отецъ, мать да насъ 8 человѣкъ—дѣтей. Двое умерли маленькими, а я осталась старшею. И была у насъ, какъ водится, няня. Звали ее: Наталья Макарьевна, но мы-то, дѣти, конечно, звали ее попросту „няней". Какъ я ее помню, она была уже стара: „седьмой десятокъ идетъ"... отвѣчаетъ, бывало, когда ее спросишь о лѣтахъ... и этотъ 7-ой десятокъ былъ, кажется, безконеченъ, потому что, сколько и когда бы ее ни спросили, вплоть до самой смерти, все былъ ей седьмой десятокъ: и когда я была маленькой, и когда выросла большой... вышла изъ института, вышла замужъ,—няня все твердила: „седьмой десятокъ"... И, такъ какъ ей, кажется, не было причинъ скрывать свои годы, то справедливость заставляетъ думать, что она искренно забыла свой возрастъ или сбилась со счету.

Во всякомъ случаѣ, няня была еще чрезвычайно бодрая и дѣятельная старушка и, не покладая рукъ, работала на господъ: варила варенье, маринады, пастилу, брагу; заготовляла наливки и всевозможные запасы фруктовъ, ягодъ и грибовъ на зиму; плела на клюшкахъ прекрасное кружево и вязала тончайшіе, всѣ въ узорахъ, чулочки, которыми не побрезговала бы

любая красавица. Какъ сейчасъ помню ея небольшую, съ чулкомъ въ рукахъ, немного сгорбленную фигуру, съ маленькими свѣтло-голубыми глазами и крупнымъ носомъ, на которомъ возсѣдаютъ пребольшіе и пребезобразные, древніе, какъ и она сама, очки въ мѣдной оправѣ.

Когда въ Россіи пошла „цивилизація" (а она пошла, кажется, со времени эмансипаціи крестьянъ), и расползлась повсюду, то мы какъ-то міромъ—соборомъ уговорили няню сняться въ фотографіи. Няня любила старыя времена и относилась отрицательно ко всѣмъ новшествамъ, видя въ нихъ дьявольское навожденіе и признаки близости свѣтопреставленія.

Много нужно было хлопотъ и упрашиваній, чтобы затащить ее къ фотографу. Тамъ, въ рѣшительную минуту, отъ страха и смущенія она такъ выпучила глаза и сжала губы, что на ея портретъ,—который и до сихъ поръ, должно быть, лежитъ въ деревнѣ и можетъ удовлетворить любого археолога,—нельзя смотрѣть безъ смѣха.

Да! надо сказать правду—няня не была красива, но сама-то она была другого мнѣнія на этотъ счетъ, по крайней мѣрѣ, относительно прошлаго... Когда мы подросли, то иногда задавали ей довольно нескромный вопросъ: „няня! почему ты не вышла замужъ?"... Няня какъ-то загадочно смотрѣла вдаль и, помолчавъ съ минутку, отвѣчала ничего незначащимъ: „такъ"!.. А затѣмъ, внезапно оживляясь и какъ бы боясь, чтобъ мы не приписали ея дѣвичества ненадлежащей причинѣ, прибавляла: „а красавицей была: глаза голубые... волосы, черные, какъ смоль, кудрями вились по сю пору"— и она указывала на мѣсто, гдѣ подъ кофточкой должна была находиться ея талія,—„а грудь во какая"!.. и она отставляла руку на полъ-аршина отъ своей высохшей груди. Этотъ послѣдній наивный аргументъ былъ столь

убѣдителенъ, что мы привѣтствовали его дружнымъ взрывомъ хохота, а няня, глянувъ на насъ, бросала полусердитое: „озорники!“ и углублялась въ чулокъ. Но, какъ бы тамъ ни было въ прошломъ,—въ настоящемъ она бы не понравилась тебѣ... Но что-жъ изъ того?! „Намъ съ лица не воду пить“, говоритъ поэтъ,—и мы, дѣти, не промѣняли бы ее ни на какую писаную красавицу.

Какое удовольствіе, бывало, усѣвшись безцеремонно къ ней на колѣни, шлепать дѣтскими ручонками ее по шеѣ или, охвативъ голову, осыпать постепенно поцѣлуями все это старческое лицо: низкій лобъ, морщинистыя щеки и маленькіе выцвѣтшіе глаза!..

Къ тому же у няни былъ такой славный, мелодичный голосъ! Она никогда не пѣла... по крайней мѣрѣ, я не помню этого... Она только разсказывала,—сказки разсказывала... Да и сказокъ-то она знала не много... Если сказать всю правду, то всего, кажется, одну единственную... по крайней мѣрѣ, я только одну и помню: злая мачеха-царица превращаетъ нелюбимаго пасынка въ козленка... отецъ, не зная этого, велитъ заколоть козленка для пиршества... но Аленушка, сестра царевича, спасаетъ брата, разрушая чары мачехи въ самую рѣшительную минуту, когда:

«Котлы кипатъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные».

Ахъ, какъ хорошо разсказывала няня эту сказку! Удивительно хорошо!.. Никогда, бывало, не устанешь слушать ее... Я и теперь послушала бы! и ты бы послушалъ... Должно быть, думаю я теперь, именно ради мелодіи этого старческаго речитатива, звучавшаго какой-то необыкновенной искренностью и наивностью, любили мы слушать ее...

А еще няня любила поговорить о разбойникахъ, о

бѣглыхъ, о злодѣйствахъ извѣстнаго Быкова, о кладахъ, которыхъ видимо-невидимо кругомъ, подъ землей. Бѣглые и клады были положительно слабостью няни. Въ каждомъ лѣсочкѣ, въ каждомъ оврагѣ чудились ей ихъ скрытыя убѣжища и мѣстонахожденіе, такъ, что первая мысль, которая у меня и теперь явится, когда я посѣщу дикія и уединенныя мѣста, гдѣ я бывала въ дѣтствѣ, будетъ непремѣнно о бѣглыхъ. О кладахъ и говорить нечего: навѣрное, гдѣ-нибудь да таятся они! все дѣтство мы мечтали о нихъ,—жаль только, что не нашли ничего. Уже лѣтъ 12—13 увидимъ, бывало, гдѣ-нибудь вдали, въ полѣ, блеститъ что-то... солнце на стеклышкѣ играетъ... сестры, братья сейчасъ же въ походъ... за алмазомъ или брилліантомъ.

То были, конечно, дальніе отголоски Поволжья, преданья о городѣ Болгарахъ, традиціи о находимыхъ кое-когда древнихъ серебряныхъ монетахъ.

Но развѣ одни разсказы привлекали насъ къ нянѣ?! У нея всегда былъ лакомый кусокъ для насъ: всякія сласти, заповѣдныя баночки съ груздочками, рыжиками и вареньемъ; всегда кипѣлъ самоварчикъ, и была мята и малина, чтобъ напоить, если головка болитъ или глазки невеселые... былъ, наконецъ, завѣтный желтый сундукъ, предметъ всѣхъ дѣтскихъ вожделѣній... Тамъ, въ этомъ сундукѣ, который раскрывался въ особенно добрыя минуты,—на крышкѣ виднѣлись налѣпленныя картинки съ конфектъ, которыя мы великодушно дарили нянѣ, съѣвъ содержимое, и которыя теперь имѣли вновь прелесть новизны для насъ... Въ сундукѣ, какъ у прохожаго венгерца, лежали накопленныя десятками лѣтъ различныя матеріи, шерстяныя и ситцевыя, съ цвѣточками и безъ цвѣточковъ, подаренныя дѣдушкой, мамочкой, дядей, и исторію которыхъ мы охотно выслушивали... Тамъ же хранились разныя табакерки, ко-

робочки и прочая дребедень, которую дѣти такъ любятъ разсматривать, дай только волю ихъ рукамъ и не стѣсняй любознательность.

Но все это пустяки.... то есть я говорю пустяки, а дѣло-то въ томъ, что няня, въ первые десять лѣтъ нашей жизни, была единственнымъ существомъ, съ которымъ мы чувствовали себя свободно и которое не ломало насъ; она одна, какъ умѣла и какъ могла, любила и ласкала насъ, и ее одну мы могли любить и ласкать безъ стѣсненія.

Въ семьѣ насъ держали строго, даже очень строго: отецъ былъ вспыльчивъ, суровъ и деспотиченъ... Мать—добра, кротка, но безгласна. Ни ласкать, ни баловать, ни даже защитить передъ отцомъ она насъ не могла и не смѣла,—а безусловное повиновеніе и подавляющая дисциплина были девизомъ отца. Откуда онъ набрался военнаго духа—право, не знаю... Быть можетъ, самъ воспитывался такъ или эпоха Николаевщины наложила свою печать на его личность и на его взгляды на воспитаніе—только трудно намъ было... Вставай и ложись спать въ опредѣленный часъ; одѣвайся всегда въ одно и то же, какъ бы форменное, платье; причесывайся такъ-то... не забывай оффиціально здравствоваться и прощаться съ отцомъ и матерью, крестись и благодари ихъ послѣ каждаго пріема пищи; не разговаривай во время ѣды и жди за столомъ своей очереди послѣ взрослыхъ; никогда ничего не проси, не требуй ни прибавки, ни убавки и не отказывайся ни отъ чего, что тебѣ даютъ; доѣдай всякое кушанье безъ остатка, если даже оно тебѣ противно; если тебя тошнитъ отъ него—все равно—ѣшь, не привередничай, пріучайся съ дѣтства быть не прихотливымъ. Довольствуйся молокомъ вмѣсто чая и чернымъ хлѣбомъ вмѣсто бѣлаго, чтобъ не изнѣжить желудка; безъ жалобъ переноси холодъ.... Не бери ничего безъ спроса

и въ особенности не трогай никакихъ отцовскихъ вещей; если сломалъ, разбилъ или даже не на то мѣсто положилъ,—гроза на весь домъ и наказаніе: уголъ, дерка за уши или порка ременной плетью о трехъ концахъ, всегда висящей наготовѣ въ кабинетѣ отца. Наказывалъ же отецъ жестоко, безпощадно. Весь домъ ходилъ, какъ потерянный, послѣ экзекуцій надъ моими братьями. Никакая малость не проходила даромъ: былъ заведенъ порядокъ ничего не скрывать отъ отца—отъ насъ требовали всегда безукоризненной правдивости, и мать показывала примѣръ: сердце ея обливалось кровью, зная послѣдствія нашихъ проступковъ,—но ни одна черта нашего поведенія не утаивалась отъ строгости отца. А эта строгость распространялась даже на неосторожность съ огнемъ и кипяткомъ: если жгли руки, обваривали кипяткомъ, падали и получали поврежденія при дѣтскихъ проказахъ и затѣяхъ,—къ естественному наказанію—боли, прибавлялись нравственныя и физическія истязанія отъ отца. Правда, дѣвочекъ онъ не билъ; не билъ послѣ того, какъ меня, шестилѣтняго ребенка, за капризъ въ бурю, при переходѣ черезъ Волгу на паромѣ, чуть не искалѣчилъ... Но отъ этого не было легче: мы боялись его пуще огня.... одного его взгляда, холоднаго, пронизывающаго, было достаточно, чтобъ привести насъ въ трепетъ, въ тотъ нравственный ужасъ, когда всякое физическое наказаніе отъ болѣе добродушнаго человѣка было бы, кажется, легче перенести, чѣмъ эту безмолвную кару глазами.

И среди этой убійственной атмосферы казармы и бездушія—единственной свѣтлой точкой, одной отрадой и утѣшеніемъ была няня. Внѣ ея не было ни свободы, ни признанія личности въ ребенкѣ, какъ будущемъ человѣкѣ, ни пониманія дѣтскаго характера, дѣтскихъ потребностей... ни малѣйшаго снисхожденія къ дѣт-

скимъ слабостямъ.... одна безпощадность и плеть... Только въ комнатѣ няни, куда отецъ никогда не заходилъ, только съ ней одной чувствовали мы себя самими собой: людьми, дѣтьми и даже господами и притомъ любимыми, балованными дѣтьми и господами. Это былъ своего рода храмъ-убѣжище, гдѣ униженный и оскорбленный могъ отдохнуть душой. Здѣсь можно было излить всѣ дѣтскія горести и обиды, найти ласку и сочувствіе... зарывшись въ нянины колѣни, выплакать горе и осушить слезы ея поцѣлуями.... Добрая душа! Какъ бы безъ нея мы жили!? Это былъ цѣлый міръ теплоты и нѣжности, непринужденной веселости, любви и преданности....

И, какъ подумаешь, что эта привязанность и нѣжная отзывчивость изливалась въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ и не на одно, а на цѣлыя три дѣтскія поколѣнія,—невольно остановишься съ благоговѣніемъ. Да! Цѣлыхъ три поколѣнія!... Дѣвочкой лѣтъ 6 взяли ее къ дѣдушкѣ, Христофору Петровичу, не столько, чтобъ смотрѣть, сколько, чтобъ играть съ нимъ: ему было года 3 или 4. Выросъ дѣдушка—выросла и няня; его отдали въ ученье, а ее—въ дѣвичью учиться всякимъ рукодѣльямъ и домашнимъ искусствамъ. Когда дѣдушка женился на бабушкѣ—няню отдали молодымъ. Родилась мамочка, родился братъ ея и три сестры... Всѣхъ ихъ выняньчила няня. Выросла мамочка и вышла за папочку—няню отдали имъ. Родился братъ Саша... родилась я и еще шесть человѣкъ,—всѣхъ восьмерыхъ выняньчила няня и могла бы няньчить и моихъ дѣтей!...

Ну, не почтенная ли древность?! И няня знала себѣ цѣну: она была чрезвычайно чувствительна къ тому, что ей казалось уваженіемъ и почетомъ. Неудовольствіе, косой взглядъ, простая забывчивость со стороны матери или кого-нибудь изъ взрослыхъ—переворачи-

вали ее вверхъ дномъ. Она начинала плакать и плакала до тѣхъ поръ, пока мы не забивали тревогу... Затѣмъ начинались сборы: няня приводила въ порядокъ свои пожитки и говорила, что уѣзжаетъ „за Волгу". Что такое было тамъ „за Волгой", право, не знаю... Въ умѣ няни эго, очевидно, былъ не географическій терминъ, не громадный районъ, а опредѣленный маленькій пунктъ, одной ей извѣстный и гдѣ, по ея словамъ, были ея родные. Какъ онъ назывался, и были ли вообще у нея родные—никто не зналъ,—а она подробностей не сообщала... Критическое изслѣдованіе, быть можетъ, привело бы къ тому, что все это было нѣчто въ родѣ миѳическаго буки, про котораго дѣтямъ говорятъ: „смотри! придетъ, придетъ бука.... съѣстъ!". Но намъ-то было страшно: мы отправлялись къ матери съ мольбами помириться съ няней и дать ей удовлетвореніе. Мать шла и дѣло улаживалось...

Вообще, когда мы подросли и я съ сестрой были ужъ въ институтѣ, то няня изъ покровительницы мало-по-малу перешла подъ покровъ нашъ. Обстоятельства измѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и роли: отецъ, подъ вліяніемъ „реформы", смягчился. Быть можетъ, великое общественное движеніе, уравнивавшее раба съ господиномъ и ломавшее всѣ нравственныя и экономическія отношенія стараго строя, пробудило лучшія стороны его натуры, и она была еще настолько пластична, чтобъ дозволить ему пойти по новому направленію,—во всякомъ случаѣ нравственный переворотъ въ отцѣ былъ глубокій: изъ крѣпостника, какимъ онъ являлся по отношенію къ прислугѣ, къ матери и къ намъ, онъ сталъ либераломъ и изъ человѣка необузданнаго—сдержаннымъ. Конечно, эта перемѣна произошла не въ одинъ день, не въ одинъ годъ... я не могу указать точно времени перелома... Новыя вѣянія доходили постепенно, вліянія были незамѣтныя... Въ

провинціи онѣ шли главнымъ образомъ чрезъ литературу, а мой отецъ читалъ много. Къ тому же мать, бывшая на 15 лѣтъ моложе и вышедшая замужъ совсѣмъ неразвитымъ, по уму и характеру, ребенкомъ, къ этому времени—медленнымъ житейскимъ путемъ саморазвитія и чтенія—окрѣпла нравственно, выросла умственно и могла уже не подчиняться, а сама вліять на отца. И это вліяніе было благотворно. Тогда-то мы, дѣти, сблизились съ нею и въ самую серьезную эпоху нашего развитія шли подъ ея руководствомъ.

Тогда и няня стала не нужна. Но мы любили ее горячо, любили и за прошлое, и за настоящее, потому что то же любовное отношеніе къ намъ было у нея и теперь, только теперь мы сами могли иногда и побаловать, и защитить ее. Мы зорко слѣдили, чтобъ у няни было всего вдостоль: чтобъ за обѣдомъ ей былъ посланъ хорошій кусокъ, чтобъ не забыли пирожнаго... Мы возмущались, что она получаетъ всего $^1/_4$ ф. чаю и $^3/_4$ ф. сахару въ мѣсяцъ и, такъ какъ не могли добиться прибавки, то опустошали въ ея пользу материнскую сахарницу. Посылали ли насъ въ кладовую, мы нагружали для няни карманы урюкомъ, изюмомъ-миндальными орѣхами... а няня, считая, что господское добро пойдетъ господамъ же, то есть намъ же при случаѣ, только въ претворенномъ видѣ, и правильно полагая, что у самихъ себя похитить нельзя—охотно принимала эти приношенія. Няня получала полтора рубля или, по ея счету, три рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ... Полтора рубля!—это ни на что не похоже! Но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь... Мать неумолима, а у насъ самихъ было только по четыре рубля въ годъ: по рублю къ рождеству, къ пасхѣ, именинамъ и рожденію. Папочка, вообще щедрый и расточительный, кажется, считалъ нужнымъ, чтобъ мы учились, что денежка счетъ любитъ.....

Такъ-то мы росли, да росли, и не переставали любить няню. Да что мы! мы были всетаки молодежь, дѣти... а ей оказывалъ почтеніе и дядюшка, ея прежній питомецъ, а нынѣ мировой судья и земскій дѣятель, будущій членъ Земскаго Собора, если доживемъ до него... Каждый разъ, когда дядя бывалъ у насъ, передъ отъѣздомъ онъ говорилъ: „надо сходить къ нянѣ", и поднимался на верхъ, поскрипывая сапогами, которые пищали подъ его тучнымъ тѣломъ. Дядя входилъ въ нянину комнату, здоровался и, грузно опускаясь на желтый сундукъ, начиналъ разговоръ о погодѣ, объ урожаѣ и о ломотѣ, которой страдала няня; а не то о новыхъ временахъ, чтобъ подзадорить ее къ ѣдкой критикѣ „карнолиновъ" и прочихъ модъ или къ выраженію негодованія, что теперь и горничныя держатъ себя такъ, что „веретеномъ—хвостъ". Затѣмъ дядя говорилъ: „а нельзя ли, Наталья Макарьевна, табачку понюхать?"

Ничѣмъ нельзя было больше угодить нянѣ; ея лицо свѣтлѣло, она вынимала изъ кармана серебряную табакерку, подарокъ дѣдушки, и, ударивъ двумя пальцами по крышкѣ, подносила ее дядѣ, а тотъ, взявъ крохотную щепотку, съ серьезнымъ видомъ важнаго дѣла начиналъ вдыхать табакъ то правой, то лѣвой ноздрей, а затѣмъ раздавалось богатырское „а...а...ччхи!" точь-въ-точь какъ здѣсь для нашего увеселенія чихаетъ одинъ товарищъ. Нѣсколько рукъ со смѣхомъ протягивались затѣмъ къ табакеркѣ; мы брали всѣ по понюшкѣ и тогда-то поднималось такое радостное и разнообразное „а...ччхи"... „ччхи...", что, какъ говорится, стѣны дрожали... Дядя, поднявъ брови, смотрѣлъ поверхъ очковъ съ комически-удивленнымъ видомъ на племянниковъ, а няня, засланивая табакерку, прятала ее въ карманъ, говоря не то ласково, не то съ укоромъ: „озорники!" послѣ чего дядя прощался, и церемоніальнымъ маршемъ всѣ спускались внизъ.

Черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ института умеръ отецъ, и мать переѣхала въ губернскій городъ, гдѣ былъ купленъ домъ. Няня уѣхала со всѣми и жила на прежнихъ основаніяхъ, ежегодно пріѣзжая на лѣто въ деревню. Потомъ, когда я съ сестрой отправились учиться за границу, а братья должны были поступить въ высшія учебныя заведенія,—вмѣстѣ съ ними перебралась въ Петербургъ и мать. Но няню оставили въ деревнѣ, подъ предлогомъ смотрѣть за хозяйствомъ, на самомъ же дѣлѣ по денежнымъ разсчетамъ, не находя возможнымъ дать ей въ Петербургѣ прежнія удобства и возить ее каждое лѣто въ деревню и обратно.

Осталась няня въ деревнѣ и затосковала... Обидно да и скучно было ей... вѣдь любила же она всѣхъ насъ и цѣлую долгую жизнь провела неразлучно... А тутъ одиночество... И погибла няня. Быть можетъ, ужъ пора было ей сложить свои косточки; а можетъ быть, погибла она, какъ погибаетъ старый, хрупкій мохъ, который живетъ, пока лѣпится на стѣнѣ, хотя она и совсѣмъ голая и какъ-будто ничего не даетъ ему,—а отколупнешь его—посохнетъ мохъ и умретъ...

Осталась няня жить во флигелѣ съ семьей прикащика. Прикащикъ былъ отличный человѣкъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ моего дѣдушки и жена его тоже бывшая наша крѣпостная... семья у нихъ была большая, и няня считалась ихъ родственницей, потому ли, что крестила дѣтей у нихъ („крестная"—почтенное и близкое родство въ глазахъ людей, болѣе простодушныхъ, чѣмъ мы), или потому, что всѣ они были крѣпостными одного барина... Въ первую же зиму няня простудилась, схватила горячку или воспаленіе какое-то. Лѣчили ли ее—не знаю. Вѣрно, нѣтъ! Гдѣ тамъ, въ деревнѣ, докторовъ звать... ближе 20 верстъ и фельдшера-то нѣтъ! Заболѣла няня, а на душѣ у нея была одна мысль о насъ. Въ

бреду она вскакивала съ постели, радостно махала руками и съ крикомъ: „господа пріѣхали! господа пріѣхали!“ рвалась въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами къ выходной двери. Ее схватывали, укладывали... она сопротивлялась и кричала: „что-жъ вы не встрѣчаете? что-жъ вы не встрѣчаете ихъ?! Развѣ не слышите: чу! колокольчикъ... Пріѣхали! пріѣхали!..“ и снова рвалась и металась... Такъ съ этими словами: „пріѣхали! господа пріѣхали!“ и умерла она.

Когда я возвратилась изъ-за границы, то съѣздила въ деревню, чтобъ повидаться съ дядей, котораго всегда любила, и посмотрѣть на родное пепелище. Я пріѣхала съ женой дяди и, пока она говорила съ прикащикомъ о хозяйствѣ, обошла домъ и садъ. Все было пусто и уныло. Мышь пробѣжала торопливо по полу комнаты, въ которой я присѣла на минуту... всѣ углы были затканы паутиной... Въ саду прудъ, по которому я изъ шалости и на зависть братьямъ и сестрамъ когда-то плавала въ корытѣ, вооружась лопатой вмѣсто весла, заросталъ травой, и въ немъ пропала рыба: „за отсутствіемъ ловцовъ“, какъ говорила мать. Тетка торопила ѣхать къ нимъ, быть можетъ, для того, чтобъ сократить для меня тяжелое впечатлѣніе, которое всегда оставляетъ опустѣлый домъ, который мы видѣли когда-то оживленнымъ. Я попросила заѣхать на кладбище, которое было въ сторону отъ дороги. Тамъ я вышла изъ экипажа, перепрыгнула канавку, отдѣляющую деревенскій погостъ отъ луга, по которому иногда прогоняется стадо. Чугунная рѣшетка и крестъ стояли на могилѣ отца, а рядомъ лежала тетка и тутъ же няня... Невысокая полевая трава покрывала могилу... двѣ—три березки бѣлѣли своими тонкими стволами, и молодые, блестящіе листики трепетали въ лучахъ заходящаго солнца...

И повѣришь ли: изъ трехъ могилъ—самой дорогой была могила няни.

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

ЧЕРНЫЙ СУДЪ.

ЧЕРНЫЙ СУДЪ.

I.

Пугливо вздрогнулъ мостъ подъемный.
Часы собора полночь бьютъ.
Во тьмѣ оконченъ черный судъ
И скрытъ надежно ночью темной.
    Минуетъ ночь—рукой наемной
    Святую женщину убьютъ.

Боязнь во взорахъ ихъ чернѣла,
Надъ ними рѣялъ блѣдный страхъ,
Когда въ ослѣпнувшихъ стѣнахъ
Они свершили злое дѣло.
    Она одна не поблѣднѣла—
    Ихъ обреченный на смерть врагъ.

Не надо словъ—теперь безплодныхъ.
Упреки, просьбы, слезы?—Прочь!
Никто не въ силахъ ей помочь,
Она вдали отъ всѣхъ свободныхъ.
    Она во власти стѣнъ холодныхъ.
    Предъ нею—смерть и съ нею—ночь.

II.

Чернѣетъ островъ въ дымкѣ мутной,
Молчитъ молчаньемъ гробовымъ,
И тѣни носятся надъ нимъ,
И съ ними бродитъ ужасъ смутный.
Но тихъ покой ея минутный
Передъ покоемъ вѣковымъ.

Сейчасъ за сумрачной рѣшеткой
Блеснутъ разсвѣтные лучи.
Заплачутъ звонкіе ключи.
Все ближе, ближе. Мигъ короткій—
И къ жертвѣ медленной походкой
Войдутъ нѣмые палачи.

На плитахъ ляжетъ свѣтъ заемный.
Рѣка застынетъ въ серебрѣ.
На многовидѣвшемъ дворѣ
Угрюмо встанетъ призракъ темный.
Ея враги рукой наемной
Ее задушатъ на зарѣ.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

КОРОЛЬ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Семенъ Юшкевичъ. Король.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДАВИДЪ ГРОСМАНЪ, владѣлецъ мельницы.
ЭТЕЛЬ, его жена.
АЛЕКСАНДРЪ, студентъ. } Ихъ дѣти.
ЖЕНЯ. } Ихъ дѣти.
МАША. } Ихъ дѣти.
ПЕТЯ, гимназистъ. } Ихъ дѣти.
ЯКОВЪ РОЗЕНОВЪ, врачъ, мужъ Жени.
ВАЙЦЪ, репетиторъ Пети. Живетъ у Гросмана.
ГЕРМАНЪ, управляющій на мельницѣ.
Горничная.
ЭРШЪ, портной.
РОЗА, его жена.
МИРОНЪ. } Ихъ дѣти. Рабочіе.
БЕТЯ. } Ихъ дѣти. Рабочіе.
НАХМАНЪ. } Ихъ дѣти. Рабочіе.
ШМИЛЬ, сапожникъ. Живетъ у Эрша.
МАНЯ, сестра госпожи Гросманъ.
АБРАМЪ, мужъ ея.
ЧАРНА, сосѣдка Эрша. Старуха.
ДАВИДКА. } Рабочіе на мельницѣ Гросмана.
ІОСЬКА. } Рабочіе на мельницѣ Гросмана.
АРНЪ. } Рабочіе на мельницѣ Гросмана.
ЯКОВЪ. } Рабочіе на мельницѣ Гросмана.
СТЕПАНЪ. } Рабочіе на мельницѣ Гросмана.

Рабочіе, служащіе на мельницѣ, сосѣди, сосѣдки.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая въ домѣ **Гросмана**. Большая, просторная комната. Четыре окна на улицу, балконъ. Посреди длинный, дубовый столъ. Вдоль стѣнъ дубовые стулья съ высокими спинками. Надъ столомъ виситъ тяжелая бронзовая лампа. Двѣ двери: направо и налѣво. Дверь съ лѣвой стороны ведетъ въ кабинетъ **Гросмана**, а съ правой въ другія комнаты. Съ правой же стороны колоссальный буфетъ и стѣнные часы въ деревянномъ футлярѣ. Нѣсколько картинъ—копій въ большихъ золоченыхъ рамахъ. У стѣны слѣва широкій кожаный диванъ съ высокой спинкой. Изъ оконъ видно море. Нѣсколько ближе вырисовывается большое зданіе мельницы съ высокой трубой посрединѣ. На диванѣ сидятъ **Этель Гросманъ** съ **Женей**. **Этель** высокая женщина въ пеньюарѣ. Въ ушахъ бриліантовыя серьги. На пальцахъ масса колецъ. **Женя**, высокая, стройная. Держитъ на колѣняхъ раскрытую книгу. Говоритъ всегда напыщенно. Ея жесты вульгарны...Голосъ крикливый, манерный...

ЭТЕЛЬ. Я и вчера говорила и сегодня говорю одно и то же: не надо было бросать дома.

ЖЕНЯ. Я не могла болѣе терпѣть...

ЭТЕЛЬ. Что значитъ, Женичка, не могла? Я не понимаю, что значитъ—не могла. Если надо,—то надо. Сегодня или завтра въ городѣ узнаютъ объ этомъ и о насъ начнутъ говорить. Всѣ злорадно скажутъ: дочь Гросмана бросила своего мужа. Отецъ вѣдь, слава Богу, имѣетъ враговъ.

ЖЕНЯ. Но я же тебѣ говорю, мама, что не могла больше тянуть эту жизнь. Вставать по утрамъ и видѣть его заплывшіе глаза, его хищный ротъ...

ЭТЕЛЬ (перебиваетъ). По моему, Яковъ красивый мужчина.

ЖЕНЯ. Чувствовать его грубость во всемъ: въ словахъ, въ тайныхъ мысляхъ, во вкусахъ; знать, что самый мозгъ его зараженъ пошлостью, и всетаки жить съ нимъ, стало невозможнымъ. Я случайно узнала о его связи съ моей бонной... Подумай, на кого онъ меня промѣнялъ? На какую-то грязную служанку! Я даже не страдала... отъ гордости. (Понизила голосъ) Но это, мама, еще не все.

ЭТЕЛЬ (со страхомъ). Что же еще?

ЖЕНЯ (съ отвращеніемъ). Онъ сталъ биржевикомъ! Биржевикомъ! Въ моемъ домѣ появились какіе-то странные, неопрятные люди... У него замѣтно уменьшилась практика. Больные вѣдь все замѣчаютъ... По-

думай только, мама, кто началъ заниматься этимъ грязнымъ дѣломъ. Докторъ, интеллигентъ! Вѣдь это ужасно! (Подноситъ платокъ къ глазамъ)

Этель. Ему захотѣлось разбогатѣть.

Женя. Я все скрывала отъ васъ. Съ перваго дня моего замужества онъ далъ мнѣ почувствовать въ чьихъ рукахъ моя судьба, мое достоинство. Онъ безконечно грубъ, циниченъ. Онъ равнодушенъ ко всему прекрасному, идеальному...

Этель. Почему же ты не пришла къ своей матери и не разсказала?

Женя. Случалось я по недѣлямъ не выходила изъ своей комнаты. Сидѣла и спрашивала себя: зачѣмъ же я училась въ гимназіи? Вѣдь я объ университетѣ мечтала. Нѣтъ, я не буду плакать... Я была такъ молода, когда выходила замужъ... Мнѣ нравилось быть взрослой, мнѣ хотѣлось, чтобы считались съ моими словами, я жаждала свободы! (Вытираетъ платкомъ глаза. Напыщенно) Свободы!

Этель (мрачно). Всѣ думаютъ, что если человѣкъ очень богатъ, то онъ счастливъ!

Женя. Счастливъ! О, мама! Я бы отдала всѣ свои брилліанты, свою квартиру за простую комнатку, лишь бы быть въ ней съ человѣкомъ, котораго уважаешь. У меня трое дѣтей. Они выростутъ и у нихъ будутъ хищные рты. Они станутъ биржевиками. (Встаетъ) Никогда я не вернусь къ нему, никогда! (Подходитъ къ окну и выглядываетъ на улицу) Какъ здѣсь красиво. (Вздыхаетъ) Вотъ море, мельница...

Этель. Я заставлю отца переговорить съ Яковомъ. Ты знаешь, отецъ не любитъ этихъ дѣлъ, но я его заставлю.

Женя (машетъ рукой). Не надо! Вчерашнее для меня стало прошлымъ.

Этель (недовольно). Вотъ это нехорошо, Женичка.

Поссорились, — помиритесь! Мнѣ развѣ не случалось ссориться съ отцомъ? Но я знаю, когда уступить и когда стать вотъ такъ, и — какъ онъ ни богатъ — сказать ему: этого не будетъ Давидъ!.. Уйти отъ мужа! А палками меня бы выгнали изъ своего дома? Что ты будешь у насъ дѣлать? Смотрѣть на стѣны или слушать разговоры о томъ, что на мельницѣ рабочіе забастовали. Мы сами умѣемъ слушать. Подумать изъ-за чего? У мужа любовница! Пусть любовница. Какой мужъ не имѣетъ любовницъ? Что дѣлаетъ жена? Беретъ любовницу за косу, выбрасываетъ ее вонъ и конецъ. Что же еще? Онъ сталъ играть на биржѣ. Какое несчастье! Но ради кого онъ это дѣлаетъ? Ради тебя же. Больше денегъ,—больше платьевъ, больше брилліантовъ. Перестань, дурочка. Ты-то гони его отъ себя, пусть онъ и постоитъ на колѣняхъ передъ тобой, этотъ разбойникъ, но въ душѣ ты должна знать, что поѣдешь домой. (Умоляетъ) Женичка...

Женя. Довольно, мама. Говорить такъ, значитъ не знать, что въ моей душѣ, что держу затаеннымъ въ мысляхъ.

(Этель удивленно разводитъ руками. Дверь справа медленно пріоткрывается и въ ней на мигъ появляется голова Эрша, потомъ скрывается)

Этель. Кто это тамъ? Кажется, Эршъ? Женичка, пришелъ чужой...

(Дѣлаетъ ей знаки. Женя подходитъ къ окну, опирается о подоконникъ и мечтательно смотритъ на мельницу. Опять показывается голова Эрша. Онъ осторожно открываетъ дверь и останавливается на порогѣ. Въ рукѣ у него узелъ. Кланяется, заискивающе улыбается, но не рѣшается переступить дверей)

Эршъ. Здравствуйте... (Кланяется) Здравствуйте!

Этель. Войдите же, Эршъ. Вы принесли шубу?

Эршъ. Я принесъ шубу.

Этель (невнятно, скороговоркой къ Женѣ). Видишь, кто

шьетъ отцу? Все тотъ же Эршъ. А почему? Потому что онъ шьетъ дешево. Мы сами когда-то были бѣдны и знаемъ, что деньги не валяются на улицáхъ. Почему же не простить Якову? Пусть дѣлаетъ все, что хочетъ, лишь бы хорошо заработывалъ. Войдите же, Эршъ. Сколько разъ васъ нужно просить?

эршъ (входитъ прихрамывая). Вотъ я уже вошелъ. Господинъ Гросманъ дома?

этель. Давидъ дома, но онъ теперь занятъ. О забастовкѣ вы вѣдь знаете? Вотъ онъ и сидитъ съ Германомъ въ кабинетѣ и работаетъ. Хорошія времена наступили, Эршъ,—нечего сказать.

эршъ. Ну, я подожду. Что, у меня времени нѣтъ? Имѣю время. (Замѣтилъ, что Женя смотритъ на него) Здравствуйте.

женя (неохотно). Здравствуйте!

этель. У васъ есть время, Эршъ, а мнѣ жалко человѣка. Я всегда жалѣю рабочаго человѣка. Пойду и посмотрю, что дѣлаетъ Давидъ.

эршъ. Нѣтъ, нѣтъ... Къ чему? Имѣю время. Я васъ прошу—не безпокойте ихъ. Это же человѣкъ! Такія дѣла, и вдругъ Эршъ съ своей шубой. Я васъ прошу. Они разсердятся, я потеряю языкъ, а шуба вѣдь не скажетъ, что она хорошо сшита. Вотъ я уже выхожу въ переднюю, уже сижу тамъ и уже никто не знаетъ, что я пришелъ...

этель. Такъ посидите здѣсь (Указываетъ ему мѣсто въ углу)

эршъ (твердо). Могу постоять...

(Садится и старается сдѣлать видъ, что его нѣтъ въ комнатѣ. Этель переходитъ комнату и усаживается на стулѣ у лѣвой стѣны. Небольшая пауза)

эршъ. Будетъ холодная зима... уже будетъ зима...

женя (вскользь). Если бы можно было уѣхать отсюда.

этель. Разскажите лучше, что въ городѣ слышно, Эршъ? Тихо? Вы же должны все знать... Вотъ я выѣзжаю. Если Давидъ очень хочетъ, я сажусь въ свою карету и выѣзжаю. Но что можно изъ кареты видѣть

или слышать? Вотъ когда Давидъ работалъ на сахарномъ заводѣ...

эршъ (перебиваетъ. Когда говоритъ, встаетъ). Что значитъ? Развѣ я не помню, когда господинъ Гросманъ работали на сахарномъ заводѣ? Сколько разъ они у меня закусывали, когда возвращались съ работы. Спросите-ка у нихъ? Я тогда былъ молодъ и они были молоды...

этель. Объ этомъ, Эршъ, нужно уже забыть. Работалъ? Пусть работалъ. Но не кралъ, никого не ограбилъ. Былъ человѣкомъ, скопилъ деньги и купилъ мельницу. Развѣ у того же хозяина другіе не работали вмѣстѣ съ нимъ? А что они? Гдѣ они? Кто любитъ деньги, тотъ умѣетъ дѣлать деньги. Купилъ мельницу, потомъ перестроилъ ее, потомъ сломалъ и выстроилъ эту. Что же вы разсказываете, что онъ у васъ закусывалъ Вы хотѣли, вы угощали... А онъ и тогда не нуждался...

эршъ (садясь). Я ничего этимъ не думалъ.

этель. Я не говорю, что вы думали. Еще думать, что вы думали. Перестаньте! Такъ тогда, Эршъ, когда онъ еще работалъ на сахарномъ заводѣ, я обо всемъ знала, что дѣлалось въ городѣ. Обо всемъ.—И кто женится и кто развелся, и кого убили; а теперь я ничего не знаю.

женя. Зачѣмъ, мама, такъ много говорить?

этель. Почему много? Это вѣдь Эршъ. Не учи меня. Я сама знаю, съ кѣмъ и какъ, и сколько надо говорить.

эршъ (хочетъ угодить обѣимъ. Всталъ). Я ничего не слышалъ. Эршъ слышитъ? Много онъ можетъ услышать, когда вотъ здѣсь бьется, а тутъ дрожитъ... Я бы, кажется, пушки не услышалъ, если бы она даже выстрѣлила возлѣ моего уха.

этель. Такъ. (Киваетъ увѣренно головой) Значитъ, вы хотите сказать, что очень плохо?

эршъ (всталъ). Плохо. Это тоже называется словомъ? Сидишь и шьешь. Шьешь? А что же дѣлать? Танцовать? Но гдѣ душа? Не о чемъ говорить...

ЖЕНЯ (заинтересованная). Разскажите, Эршъ.

ЭРШЪ. Считайте, что я разсказалъ. Такъ уже легче? И какое другое дѣло есть, какъ не бить еврея? Это какіе-нибудь люди? Это же звѣри! И теперь идетъ уже не на шутку. Теперь насъ всѣхъ вырѣжутъ. Что? Вы спрашиваете, какъ еврей не убѣгаетъ? Вотъ такъ онъ не убѣгаетъ. Куда ему бѣжать? Въ землю? въ Америку? къ Герцлю? Да, да, можно поблагодарить войну.

ЭТЕЛЬ. Чѣмъ война виновата?

ЭРШЪ. А кто же виноватъ? Я?..

ЭТЕЛЬ. Разсказывайте, Эршъ. Ну, ну! Смотрите, какъ у меня похолодѣли руки. Они стали холодны, какъ ледъ. Обо всемъ могу слушать, но когда услышу объ евреяхъ, у меня стынетъ кровь...

ЭРШЪ. Что же еще сказать? Я уже все сказалъ. А дома я молчу? Говорю... Ну, такъ говорю! Много это помогаетъ. Сижу со своей женой и толкую: еврей долженъ сидѣть тихо. Богъ, — евреи!.. Что же они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ? И что это за бомбы, я васъ спрошу? Бомбы намъ нужны? Спрячьтесь въ норы и пусть вашего носа не увидятъ, когда въ странѣ такое происходитъ. Я кричу: евреи, сидѣть тихо! Зачѣмъ намъ эти демократы, эти оборванцы мальчишки, дѣвченки, эти книжки? Они хотятъ биться головой о стѣнку, пусть стѣнка бьетъ ихъ назадъ... Имъ нужна революція, пусть они и цѣлуются съ нею. А вы, оборванцы, влѣзьте въ свои норы и затаите дыханіе... (Замѣтилъ, что сталъ очень развязнымъ, и оборвалъ)

ЖЕНЯ (вскользь). Какой-то проклятый народъ, эти евреи. Скорѣе бы уже всѣхъ перерѣзали.

ЭТЕЛЬ. Что же будетъ?

ЭРШЪ. Вы хотите, чтобы я сказалъ, что будетъ. Хорошо попали! Ну хорошо, я скажу... Будутъ рѣзать. Даже два раза переспрашивать не надо.

(Входитъ Петя, 15-лѣтній гимназистъ съ собакой. Одѣтъ съ иголочки. Нетерпѣливый голосъ. Держится гордо)

петя. Мама, дай мнѣ десять рублей. Байронъ, сюда! Кушь, ложись!

этель (съ любовью оглядываетъ его). Зачѣмъ тебѣ, Петенька, десять рублей?

петя. Стану я разсказывать. (Возится съ манжетомъ) Проклятая запонка. Если я говорю, что мнѣ нужно десять рублей, значитъ, мнѣ не нужно двадцати. Байронъ! Байронъ, сюда!

женя. Не понимаю, зачѣмъ мальчику могутъ быть нужны десять рублей?

этель. Конечно, Петенька. Въ среду ты взялъ у меня пять рублей. Вчера тоже пять. Я вѣдь не жалѣю денегъ. Но деньги вѣдь отецъ выдаетъ, а я не получаю у него тысячъ на недѣлю. Нѣтъ, нѣтъ, Петенька. Если бы отецъ узналъ, что я даю тебѣ столько денегъ, онъ бы меня убилъ. Возьми, Петенька, два рубля.

петя. Отецъ, деньги!.. Ты всегда строишь изъ себя нищую, когда я прошу у тебя денегъ. И не хочу я, чтобы Женька вмѣшивалась. Какое ей дѣло? Сама тратитъ сотни на тряпки...

женя. Никогда я не тратила сотенъ на платья.

петя. И почему она здѣсь поселилась? Теперь она будетъ во все вмѣшиваться. Байронъ! Байронъ! Пусть вернется къ своему милому мужу.

этель. Петя, Петенька! Здѣсь вѣдь чужой человѣкъ.

петя. Хоть бы сто чужихъ было. Что правда, то правда. Я самъ былъ при томъ, когда она заплатила портнихѣ сто двадцать рублей за платье.

этель (разсмѣялась). Ну, и на здоровье. Мужъ заработалъ и купилъ ей. Дай Богъ, чтобы онъ могъ купить ей платье въ тысячу рублей. Петенька, возьми же два рубля. Возьми. Теперь на мельницѣ забастовка.

петя. Знаю, знаю. Вы всегда вздыхаете. То цѣна

на муку упала, то пшеница вздорожала, то забастовка. А касса полна денегъ. Я былъ вчера въ кабинетѣ и видѣлъ, какую кучу денегъ папа вложилъ въ кассу. Трудно вамъ дать десять рублей. И не хочу я разговаривать съ вами объ этомъ, я уже взрослый и у меня большія потребности. Папа платитъ десять рублей за сотню сигаръ, а я вѣдь не говорю, чтобы онъ курилъ сигары въ два рубля.

ЭТЕЛЬ. Но зачѣмъ тебѣ столько денегъ? Дорогой мой, вѣдь я боюсь. Подумай—десять рублей! Петенька, сыночекъ, возьми три рубля.

ЖЕНЯ. Богъ знаетъ, что изъ него выйдетъ.

ПЕТЯ. Какое тебѣ дѣло? Что изъ тебя вышло? Училась, училась, и вышла замужъ за толстоносаго доктора. Хорошая карьера! А вотъ изъ меня что-нибудь выйдетъ. Я не буду вѣчно возиться съ рабочими, какъ Сашка. Я буду инженеромъ, папа дастъ мнѣ денегъ Открою фабрику и покажу всѣмъ, кто я.

ЭТЕЛЬ. Ну, Эршъ? Какъ ему не дать десяти рублей? Что скажете на моего сыночка? (Подходитъ къ Петѣ и цѣлуетъ его) Петенька, возьми пять рублей. Ну, для меня. Ты вѣдь любишь свою мать.

ПЕТЯ (холодно). Десять.

ЖЕНЯ (съ досадой). Ты его губишь, мама.

ЭТЕЛЬ (вынимаетъ деньги изъ кошелька). Уже погубила? Посмотрите на этого погубленнаго мальчика. Онъ бѣдненькій пьянствуетъ, лазитъ по карманамъ.

(Разсмѣялась. Цѣлуетъ его. Эршъ подобострастно улыбается)

ПЕТЯ (вытираетъ платкомъ губы). Всегда ты цѣлуешь прямо въ губы. Можно и въ щеки цѣловать.

ЭТЕЛЬ (смѣется). Что скажете на моего послѣдненькаго, Эршъ? (Даетъ ему деньги)

ЭРШЪ. Скажу,—дай Богъ всѣмъ имѣть такихъ хорошихъ, красивыхъ дѣтей, какъ вашъ Петя. Ахъ, ма-

дамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Почему одни счастливы и богаты, а другіе несчастны и бѣдны? Положимъ, я уже хорошо спросилъ. За такіе вопросы честные люди не должны меня впускать въ свой домъ. Но я вѣдь пришелъ оттуда. (Указываетъ пальцемъ на окно) Вотъ тамъ за моей спиной, что-то плачетъ, что-то мучается. Мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Вѣдь это же наши братья—евреи! Потрудитесь и зайдите когда-нибудь къ намъ. Вотъ изъ окна видно, гдѣ мы живемъ, и эти руины говорятъ, какъ мы живемъ.

Этель. Я сама вышла оттуда.

Эршъ. Вы забыли... Но вѣдь это же наши братья, вотъ что я хочу сказать. Почему ругать ихъ, если они бросили работу? Кто соглашается голодать отъ радости? Ахъ, мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! А плачъ этихъ святыхъ еврейскихъ женщинъ и этихъ бѣдныхъ дѣтей? И холодъ и скорби и нищета! Кто эти трое, что ходятъ въ нашихъ домахъ?

Этель (холодно и строго). А кто велѣлъ имъ бросить работу? Что вы говорите, Эршъ? Вѣдь я могу подумать, что у васъ въ головѣ нехорошо, или что васъ подкупили! Какъ? Бороться съ Гросманомъ? Кто хочетъ бороться? Оборванцы, нищіе! Развѣ Гросманъ не былъ отцомъ всѣмъ рабочимъ на мельницѣ? Или вы такъ глупы, что думаете, забастовка намъ пользу приноситъ? Или вамъ нужно растолковать, что она насъ разоряетъ? Перестаньте, Эршъ. Пусть стонутъ. И скорби, и голодъ и нищета... Такъ имъ и слѣдуетъ.

Эршъ (уныло). Такъ, я уже не говорю. Конецъ. Я уже всего добился. Конецъ.

Петя. А когда вы, Эршъ, отрѣжете свою противную бороду?

(Подходитъ къ нему, дергаетъ его за бороду и смѣется. Эршъ подобострастно улыбается и несмѣлыми жестами пытается освободить ее)

эршъ. Будьте здоровы. Зачѣмъ мнѣ срѣзать бороду? Я уже красивый.

петя. А вотъ я вамъ отрѣжу кусокъ бороды. Мама, дай мнѣ ножницы.

эршъ. Вы шутите, Петенька. Кому нуженъ кусочекъ еврейской бороды?

этель. Петенька! Ну, что ты скажешь, Женя? Перестань же!..

петя. А я хочу! Непремѣнно евреямъ нужна вотъ такая борода. Оттого и мальчишки кричатъ намъ на улицѣ: ты—жидъ!..

эршъ. Такъ кричатъ! Пусть кричатъ. А я смѣюсь надъ ними и иду своей дорогой. Я вѣдь знаю, кто правъ. Отпустите бороду, я васъ прошу.

петя (съ отвращеніемъ). Противный народъ евреи. Байронъ, сюда!

(Быстро выходитъ. Эршъ скорбно смотритъ ему вслѣдъ; вздыхаетъ)

этель. Не обижайтесь на него. Вѣдь онъ еще мальчикъ. Выростетъ и станетъ хорошимъ евреемъ, какъ всѣ мы.

эршъ. Конечно, конечно, мадамъ Гросманъ. Теперь онъ еще немножечко дикій. Пусть живетъ и ростетъ счастливымъ.

(Изъ комнаты слѣва доносятся голоса; одинъ громкій, хрипловатый, другой высокій теноровый)

этель. Вотъ и Давидъ. Развяжите узелъ. Онъ не любитъ ждать.

(Входитъ Гросманъ и Германъ. Гросманъ высокій, плотный человѣкъ. Борода клиномъ, низко подстрижена. На пальцахъ массивныя кольца. Тяжелая цѣпь на жилетѣ. Куритъ сигару. Германъ бритый, низенькій, толстый)

гросманъ. Повторяю еще разъ, Германъ, что всему виной вы. Не возражайте же.

германъ (робко). Я не возражаю.

ГРОСМАНЪ. Молчите же. Во всемъ вижу вашу вину. Но на этотъ разъ я прощаю. Не будемъ спорить: рабочій распустился! Теперь уже нѣтъ того рабочаго, который былъ прежде. Но но, но и но! Вы своей политикой совсѣмъ испортили ихъ.

ГЕРМАНЪ. У меня была хорошая политика. Я думалъ...

ГРОСМАНЪ (рѣзко). Вы думали! Не нужно было думать, а дѣлать... Съ рабочими можетъ быть только одна политика: строгость и строгость. Закапывать ихъ въ землю. Гдѣ же была ваша строгость? Вы, управляющій, способны были зазывать рабочаго въ контору и тамъ съ нимъ разговаривать. Я бы его позвалъ въ контору? Онъ бы у меня увидѣлъ контору? Эга политика стоила мнѣ въ прошломъ году десять процентовъ прибавки. Я сказалъ бы прямо, что вы меня разоряете. (Къ Этель, которая подошла къ нему и потянула за рукавъ) Что такое?

ЭТЕЛЬ. Давидъ, Эршъ здѣсь. Онъ принесъ тебѣ шубу.

ГРОСМАНЪ (сердито). Какой Эршъ, какая шуба? Значитъ, я долженъ бросить всѣ дѣла ради какой-то шубы? Пусть подождетъ...

ЭТЕЛЬ (робко). Ну, не сердись. Я думала, что можно. Эршъ уже давно ждетъ тебя.

ГРОСМАНЪ. Такъ еще подождетъ. Городъ не горитъ.

ЭРШЪ (тихо). Конечно, Эршъ подождетъ. Что значитъ? (Осторожно выходитъ)

ГЕРМАНЪ. Вы ударили меня прямо по головѣ. Я вамъ служу вѣрно. Что же я дѣлалъ? Правда, иногда я бывалъ мягокъ. Но развѣ изъ любви къ нимъ? Я дѣлалъ все, чтобы расположить ихъ къ намъ. Если я выдавалъ имъ подъ праздникъ впередъ за работу, или зимой отпускалъ уголь по своей цѣнѣ, то не для того

ли, чтобы они были покорны? Я былъ строгъ всегда и рѣдко добръ. Но то, что теперь происходитъ, идетъ помимо насъ. Теперь уже нельзя испугать рабочаго...

гросманъ (съ силой). Можно.

германъ. Въ странѣ революція...

гросманъ. Это насъ не касается. Развѣ люди уже перестали жить? Лавки торгуютъ, люди кушаютъ. Задайте имъ революцію, если они этого хотятъ. Покажите, какъ можно подкупить рабочаго. У насъ есть средства. Уступокъ на этотъ разъ, Германъ, не будетъ. Никакихъ прибавокъ, никакого восьмичасового дня. Никакой врачебной помощи и другихъ глупостей.

германъ. Мои люди уже работаютъ. Но рабочіе теперь просто съ ума сошли.

гросманъ. Мы ихъ вылѣчимъ. Подойдите-ка сюда. (Отводитъ его въ сторону) Распустите слухъ, что я очень озлобленъ на рабочихъ и хочу остановить мельницу. Понимаете? Мозги у васъ имѣются въ головѣ?

германъ (покорно). Имѣются.

гросманъ. Не моргайте же глазами. Поговорите съ русскими рабочими и обѣщайте имъ что-нибудь. Надо напоить ихъ... А съ еврейскими рабочими не церемоньтесь. Что у васъ за противная привычка моргать, когда съ вами говорятъ. Приведите завтра ко мнѣ двухъ—трехъ... Я самъ съ ними поговорю..

германъ. Уже иду и уже начну, какъ вы приказали. (Голосъ его становится молящимъ) Господинъ Гросманъ я вѣдь служу вамъ хорошей палкой. Вы, можетъ быть, думаете, что рабочіе любятъ меня? Боятся моего духа. Сколько разъ эти руки били рабочихъ ради вашихъ интересовъ? А убить меня не хотѣли? Вы же все знаете. Господинъ Гросманъ—я не виноватъ...

гросманъ. Ну, ну, ступайте. Я васъ знаю. Ступайте и помните, что за эти пять дней я уже потерялъ три тысячи. (Германъ удаляется, Гросманъ опять зоветъ

его) Я раздумалъ. Ступайте на мельницу и подождите меня. Позовите Степана и Петра. (Думаетъ) Ну, ступайте! Я уже самъ распоряжусь. Я только закушу и сейчасъ буду тамъ.

ГЕРМАНЪ. Уже иду. (Выходитъ)

ГРОСМАНЪ (ходитъ по комнатѣ). Я его заставлю танцовать на канатѣ. Онъ дѣйствительно не виноватъ, но всѣхъ ихъ чертей нужно въ рукахъ держать.

ЭТЕЛЬ. Конечно. Они всѣ готовы утопить насъ въ ложкѣ воды. Германъ, навѣрное, хотѣлъ бы, чтобы ты служилъ у него управляющимъ, а не онъ у тебя.

ГРОСМАНЪ. Пусть хотѣлъ бы! Ты не вмѣшивайся. Молчи! Кто сюда приходилъ?

ЭТЕЛЬ. Эршъ принесъ шубу.

ГРОСМАНЪ. Пусть идетъ къ черту съ шубой. На мельницѣ теряю, теряю, съ домами возня... Шуба мнѣ теперь нужна? Ты говоришь, кто пришелъ? Эршъ? Ага! Ну, хорошо, пусть Эршъ идетъ сюда съ шубой. Онъ мнѣ кстати и нуженъ. Кажется, его сыночка зовутъ Мирономъ?

ЭТЕЛЬ. Кажется. (Выходитъ въ правую дверь)

ГРОСМАНЪ (къ Женѣ). Что подѣлываешь Женичка?

ЖЕНЯ. Я здѣсь только второй день, папа, и уже не помню, какъ я прожила эти четыре года. Все то же самое. Деньги, деньги и деньги...

ГРОСМАНЪ (смѣется). Поѣзжай домой. Я тебя не выгоню, хотя и слѣдовало бы. Впрочемъ, я не вмѣшиваюсь.

ЖЕНЯ. Домой? Никогда! Я лучше повѣшусь

ГРОСМАНЪ (удивленно смотритъ на Женю. Входитъ Этель и Эршъ). Послушай-ка, Этель, что говоритъ твоя дочь! Хорошо, очень хорошо. Дѣйствительно, надо было дать ей въ приданое тридцать тысячъ рублей. Не лучше ли было-бъ на эти деньги купить бумагъ или вложить ихъ въ мельницу? Ну, хорошо. Учите меня, учите. Маша уже такихъ денегъ не получитъ.

ЭТЕЛЬ. Нужно тебѣ слушать, что она говоритъ.

ГРОСМАНЪ. Я голоденъ. Скажи тамъ, чтобы принесли что-нибудь. Сейчасъ пойду въ мельницу. Покажите же шубу, Эршъ.

(Осматриваетъ ее. Этель выходитъ)

ЭРШЪ. Это уже шуба. Это царская шуба.

ГРОСМАНЪ (надѣваетъ шубу). Ну что, Эршъ, дѣлаете деньги? Нѣтъ? По прежнему не хотите? Ой, Эршъ, мы поссоримся съ вами изъ-за этого.

ЭРШЪ. Что же дѣлать, господинъ Гросманъ. Не всѣ вѣдь такіе счастливцы, какъ вы. (Вздыхаетъ) Э, какъ-нибудь до могилы. Извините, здѣсь васъ не жметъ?

ГРОСМАНЪ. Не жметъ..

ЭРШЪ. И здѣсь тоже нѣтъ? (Отступаетъ и оглядываетъ Гросмана) Въ этой шубѣ вы похожи на короля...

ГРОСМАНЪ (бормочетъ). На короля... У васъ, кажется, есть сынъ, Эршъ, и двѣ дочери? Или два сына и одна дочь?

ЭРШЪ. Два сына и одна дочь, господинъ Гросманъ, и всѣ мучаются, всѣ мучаются. Одинъ даже работаетъ у васъ на мельницѣ. Какъ же! Миронъ у васъ работаетъ.

ГРОСМАНЪ (холодно). Можете передать ему, что его-то не примутъ обратно.

ЭРШЪ (вздрогнулъ. Испуганно). Его-то? Что значитъ, его-то?

ГРОСМАНЪ. Значитъ. Будто вы, Эршъ, не знаете. По настоящему я бы не долженъ былъ принять у васъ шубы и самого, просто, выгнать. Какъ? Кормиться моей работой и допускать, чтобы сынъ на моей же мельницѣ устраивалъ забастовки? Какой же вы отецъ? и какой вы человѣкъ? Развѣ вы не могли хорошенько палкой побить его? Вы не могли сказать ему: собака, противъ кого ты бунтуешь? Противъ Гросмана, который всѣхъ насъ кормитъ?

ЭРШЪ (помертвѣвъ). Господинъ Гросманъ, Господинъ Гросманъ...

ГРОСМАНЪ. Вы не могли сказать ему: собака, ты хочешь, чтобы господинъ Гросманъ остановилъ мельницу? Такъ онъ ее остановитъ. Не бойся, собака, остановитъ! Всѣ будете съ голоду дохнуть. Возьмите шубу (Таинственно) И сказать вамъ правду, Эршъ, я окончательно рѣшилъ, если не утихнетъ, остановить мельницу. Спрошу васъ, зачѣмъ мнѣ мельница? Теперь революція, погромы висятъ въ воздухѣ, кто можетъ и кто не можетъ разъѣзжается. Возьму и я свою жену, дѣтей и уѣду въ Европу. Развѣ я съ моими деньгами не могу спокойно жить въ Европѣ?

ЭРШЪ. Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Я самъ имъ говорилъ: что вы, евреи, дѣлаете? Кому хотите вы зло сдѣлать? Еврею? Вѣдь намъ евреямъ нужно быть связанными, какъ пальцы на рукѣ. Такъ меня и послушали! Я вѣдь все знаю. Я прошу, я кричу: еврей не долженъ идти противъ еврея. Вѣдь въ этомъ все наше еврейство!

ГРОСМАНЪ (холодно). Не говорите глупостей, Эршъ. Какое еврейство? Я не знаю никакого еврейства. Вы работаете,—я плачу̀. Вы не работаете,—я не плачу̀. Вотъ и все еврейство. А если правду сказать, то мнѣ русскіе рабочіе дороже еврейскихъ. Еврей всегда лѣзетъ съ своимъ еврействомъ. Рабочіе должны знать, что я хозяинъ, а они мои слуги...

ЭРШЪ. Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Но меня учили, что еврейство есть. Я такъ слышалъ... (Складываетъ шубу) Прошу васъ за моего сына, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Прошу васъ за моего сына.

ГРОСМАНЪ (будто не слышитъ). Когда вы принесете шубу?

ЭРШЪ. Черезъ недѣлю или черезъ десять дней. Господинъ Гросманъ, прошу за сына. Хочу хорошее слово услышать.

ГРОСМАНЪ (нарочно кричитъ). Этель, гдѣ же закуска?

(Эршъ смотритъ на него, уныло качаетъ головой. Уходитъ. Входитъ Этель, за ней слѣдуетъ горничная съ большимъ подносомъ на рукахъ)

ЭТЕЛЬ. Это такая рыба! (Хлопочетъ около Гросмана. Обращается къ горничной) Принеси самоваръ.

(Горничная выходитъ. Гросманъ садится у стола, засовываетъ край салфетки за жилетку. Этель садится противъ него, сложила руки на груди, смотритъ, какъ онъ ѣстъ. Подаетъ ему то хлѣбъ, то ножъ, то лимонъ)

ГРОСМАНЪ (сквозь зубы). Ну, а ты?..

ЭТЕЛЬ. Кушай, кушай. Найду, что поѣсть. Не ѣшь такъ быстро. Ты когда-нибудь подавишься! (Онъ кашляетъ) Вотъ ты уже закашлялся. Дай-ка я переберу рыбу. (Онъ молча жуетъ) Дать еще лимона?

ГРОСМАНЪ. Дай лимонъ. Женя, ты не хочешь?

(Она садится у стола и отрицательно киваетъ головой)

ЭТЕЛЬ. Ну, что будетъ?

ГРОСМАНЪ (раздраженно). Не спрашивай меня! Когда я молчу, молчи тоже. Я имъ покажу забастовку. Я изъ нихъ всѣ жилы вытяну, такая это будетъ забастовка. Кто поднялъ носъ? Мироны, Иваны!..

ЭТЕЛЬ. Изъ-за этой смуты всѣ низкіе поднимаютъ носъ.

ЖЕНЯ. Папа!

ГРОСМАНЪ. Я имъ покажу носъ... Подумаешь, что случилось? Мироны и Иваны вздумали отдыхать. Какъ будто у нихъ мало времени, чтобы попьянствовать, пошарлатаничать? Дай имъ восьмичасовой рабочій день! А болячекъ не возьмете?

ЖЕНЯ. Папа, выслушай меня хоть одинъ разъ...

ЭТЕЛЬ. Съ евреями, Давидъ, надо быть подобрѣе.

ГРОСМАНЪ (сердито). Почему съ евреями? Развѣ они мои родственники? А если и родственники? Значитъ, я долженъ отдать имъ свое богатство? Вотъ почему я не люблю разговаривать съ тобой. Что такое

еврей? Нахалъ! Что еще? Собака, дерзкій. Ему первому все не нравится. (Саркастически смѣется) Еврей! Вѣдь это же язва! Спроси-ка у меня, кто портитъ моихъ русскихъ рабочихъ. (Женя встала. Ходитъ по комнатѣ) Гдѣ же сладкое?

ЭТЕЛЬ. Вотъ сладкое. Почему ты разсердился? Ты какъ спичка, Давидъ. Что же я сказала? Еврей вѣдь мнѣ ближе, и я сказала. А для меня пусть у нихъ всѣхъ болячки посѣдаютъ въ горлѣ, если они желаютъ намъ зла.

ГРОСМАНЪ (ѣстъ сладкое). Они хотятъ двадцать пять процентовъ прибавки и смѣны. Знаешь, во что это обойдется мнѣ, если на мельницѣ работаютъ свыше ста человѣкъ? Чистые пустяки. Что-то около двадцати пяти тысячъ въ годъ, если не больше.

ЭТЕЛЬ. Чума бы ихъ унесла! Сломали бы они себѣ руки и ноги.

ГРОСМАНЪ. Не кричи. Вотъ ты уже кричишь. Надо быть хладнокровнымъ. Они хотятъ! Этого еще мало, что они хотятъ. А гдѣ же я? Мнѣ только немного мѣшаетъ эта глупая революція, а то я бы имъ показалъ, кто такое Гросманъ. Если бы не революція! Чего тебѣ, Женичка?

(Вытираетъ усы. Горничная вноситъ самоваръ. Входятъ Вайцъ и Маша).

ЖЕНЯ. Нѣтъ ничего, папа. Мнѣ уже ничего не нужно.

ГРОСМАНЪ. Не нужно? Такъ не нужно! Этель, дай мнѣ стаканъ чаю. (Смотритъ на часы, подаетъ руку Вайцу) Что новаго Вайцъ? Какъ идутъ занятія съ Петей?

ВАЙЦЪ. Какъ всегда, господинъ Гросманъ. Онъ немножко лѣнится, но удивительно способный.

ГРОСМАНЪ. Ну, это ваше дѣло. Главное, чтобы мозгъ у него развился. Мнѣ не нужно высшаго образованія, сумасшедшихъ знаній. Это все пустяки. Я уже вижу, что изъ Саши выйдетъ. Главное въ жизни—голова для оборотовъ. Вѣдь я самъ былъ простымъ ра-

бочимъ, а математику знаю не хуже учителя. Въ политикѣ и въ соціальномъ вопросѣ поспорю съ знатокомъ. На ходу всему выучился.

вайцъ. Я знакомъ съ вашими взглядами и дѣлаю, что могу.

гросманъ (уже забылъ о немъ. Пьетъ чай, разговариваетъ съ Этель). Мнѣ бы только до главныхъ зачинщиковъ добраться. (Говоритъ тихо)

маша. Какъ скучно... (Ломаетъ пальцы) Здѣсь, Вайцъ, и воздухъ, какъ въ тюрьмѣ. Когда онъ... (указываетъ на отца) говоритъ,—мнѣ начинаетъ казаться, что я схожу съ ума. Деньги, деньги, рабочіе, мельница... Повернитесь къ нему спиной и не слушайте. Повернитесь, я такъ хочу. Отъ дыханія его падаютъ люди.

вайцъ (тихо). Милая Маша, онъ можетъ услышать. (Повернулся спиной къ Гросману)

маша (упрямо). Пусть услышитъ! Я бы наконецъ высказала ему все, все... И однако, Вайцъ, люблю его, ее... (указываетъ на мать) Какъ странно!

вайцъ. Мама вамъ даетъ чай.

маша. Чай? Ахъ, хорошо. (Засмѣялась) Буду пить чай.

этель. Ты сегодня блѣдна, Машенька.

маша. Блѣдный цвѣтъ лица очень интересенъ. Онъ нравится офицерамъ.

вайцъ (съ упрекомъ). Зачѣмъ вы такъ говорите?

(Старики тихо разговариваютъ)

маша. Хочу... Дайте потихоньку вашу руку. (Устало) Нѣтъ, не надо. Мнѣ хочется чего-то страшнаго, мучительнаго... криковъ.. Я хотѣла бы, чтобы всѣ кричали отъ боли.. Слышите, опять: деньги, деньги. Папа, сколько ты сегодня заработалъ?

гросманъ. Я ежедневно теряю шестьсотъ рублей.

маша. Такъ мало? (Киваетъ головой) Какъ хорошо было-бъ, если бы ты обѣднѣлъ!

гросманъ (солидно). Не говори глупостей.

маша. Хочу говорить глупости. Развѣ здѣсь можетъ придти въ голову что-нибудь умное? Спроси у меня хоть разъ, что я дѣлаю по цѣлымъ днямъ? Кончила гимназію и жду жениха, которому ты дашь пятьдесятъ тысячъ или двадцать тысячъ, какъ тебѣ будетъ выгоднѣе.

этель. Перестань, Машенька.

маша. Развѣ это неправда?

гросманъ (равнодушно). Приданое зависитъ отъ мельницы. Можетъ быть, пятьдесятъ тысячъ, а можетъ быть, и двадцать.

маша. Все мельница, мельница, а отца какъ будто и нѣтъ...

гросманъ. Не серди меня. Мельница? Что вы въ ней понимаете? Мельница не ты, и не я. Она выше всѣхъ насъ. Отъ нея кормится сто двадцать рабочихъ и шестьдесятъ служащихъ,—съ семьями это семьсотъ человѣкъ. Она выработываетъ три тысячи пудовъ въ день, кормитъ сотни купцовъ, тысячи пекарей и десятки тысячъ людей. Мой хлѣбъ ѣдятъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Твоя жизнь въ рукахъ мельницы, Маша! А всѣхъ этихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей? Кто даетъ хлѣбъ, радость и надежду? Мельница! Кто можетъ жениться, если мельница не хочетъ? Пусть мельница сгоритъ, и пропадетъ тысяча душъ. Вотъ что такое мельница.

этель (съ гордостью). Мы отдали ей всю жизнь. Нашими жилами двигаются ея колеса. Вся наша молодость, здоровье и силы разбросаны тамъ въ каждомъ уголку.

гросманъ (съ презрѣніемъ). Мы, мы! Перестань разговаривать. Пойдемъ, я переодѣнусь. Подумаю и, можетъ быть, поѣду къ полицмейстеру.

(Выходятъ)

маша (съ ужасомъ). Мнѣ иногда кажется, что они сумасшедшіе.

женя. Въ моемъ домѣ не лучше.

ВАЙЦЪ (встаетъ). Я, можетъ быть, здѣсь лишній?

ЖЕНЯ. Нѣтъ, нѣтъ, Вайцъ. Я рада новому человѣку. Вы можете понять меня. Вѣдь уже ни для кого не тайна, что мой мужъ врачъ-биржевикъ и что я бросила его.

МАША. Почему евреи такъ любятъ деньги, дѣла? Отецъ сказалъ бы: не говори глупостей. А я отвѣтила бы ему: потому насъ и бьютъ, рѣжутъ.

ВАЙЦЪ. Не потому.

МАША. Потому. Не спорьте. Я такъ хочу. Я сама себѣ противна. Мнѣ кажется, что я набита бумажками и что въ крови моей течетъ растворенное золото. Ненавижу евреевъ.

ВАЙЦЪ. Вы такъ быстро возбуждаетесь...

МАША. Я завидую вамъ: вы свободны.

ВАЙЦЪ. Не завидуйте. Если человѣкъ чувствуетъ себя гражданиномъ, какъ я, и не бросается съ головой въ революцію, а учительствуетъ, онъ жалокъ! Вотъ льется кровь. Но человѣческая кровь на мнѣ,—никогда! Мои руки въ крови,—никогда! Гиганты духа стаями опустились надъ страной, а я, Маша, въ сторонѣ. Быть сыномъ своего народа, вѣрить въ его творческія силы, знать, что въ революціи его исцѣленіе и держаться вдали,—позоръ!

ЖЕНЯ. Почему же вы не заставите себя?

ВАЙЦЪ. Это легче сказать. На моихъ рукахъ большая семья: слѣпой отецъ, старая мать, братья, сестры. Съ тѣхъ поръ, что я помню себя, я работалъ на нихъ. У меня не хватало времени на самое необходимое. Я—мечталъ о службѣ народу и превратился въ клячу.

ЖЕНЯ. Мнѣ жаль васъ, Вайцъ. Вотъ вы несчастны и я... Подадимъ другъ другу руку.

МАША. Когда вы говорите о нашемъ народѣ, котораго всегда оплевывали, всегда били и теперь рѣжутъ, я чувствую ненависть къ вамъ. Всѣми презирае-

мый,—нашъ народъ? Я завидую, Вайцъ, каждому христіанину, я завидую собакѣ христіанина.

женя. Ты сумасшедшая.

вайцъ. Есть утѣшеніе, Маша. Мы, всѣ слабые, немощные, сольемся съ народомъ и будемъ страдать съ нимъ. Мы не умѣемъ хотѣть, смѣшаемся съ массой. Пусть и насъ уничтожатъ.

маша. Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ я ихъ вижу всѣхъ жалкихъ, оплеванныхъ, ненавидимыхъ... Страдать съ евреями? Нѣтъ! пусть ихъ вырѣжутъ. Лучше пойти къ христіанамъ и сказать: умертвите насъ.

женя. Почему любить насъ, если мы сами себя ненавидимъ?

маша. Въ моей душѣ тоска. Посмотрите на эти комнаты. Ихъ здѣсь двѣнадцать и ни одной уютной, человѣческой. Все грубо, пошло. Здѣсь обитаютъ вампиры.

(Сидятъ мрачно. Пауза. Входятъ Гросманъ и Этель. Гросманъ въ сюртукѣ)

этель. Ну, поѣзжай уже. Ты и такъ много времени потерялъ.

(Входитъ Розеновъ. Онъ средняго роста, изысканно одѣтъ, въ пальто. Въ рукѣ палка. Носитъ пенснэ. Всѣ смущены. Вайцъ выходитъ. Женя убѣгаетъ въ кабинетъ)

розеновъ (громко, вслѣдъ Женѣ). Женя, Женя!

этель. Что же ты, Яковъ, даже здравствуйте не скажешь? (Хочетъ взять у него палку и шляпу)

розеновъ. Нѣтъ, нѣтъ, мама. Я зашелъ только на минутку.

этель. Все-таки можно отдать шляпу и палку...

гросманъ. Зачѣмъ ты пристаешь къ нему? Не хочетъ,—и не надо.

этель (робко). Сказать правду, Яша, я этого не ожидала отъ тебя. Это не идетъ къ тебѣ. Ты образованный человѣкъ, ты докторъ...

розеновъ (прерываетъ ее). А я отъ васъ не ожидалъ такихъ дѣйствій.

ГРОСМАНЪ (сердито). Какихъ дѣйствій?

ЭТЕЛЬ. Ну, вотъ уже и мы виноваты. Я такъ и знала, что ты это скажешь. Яковъ, ты вѣдь меня называешь мамой. Будь со мной какъ съ матерью. Душа вѣдь болитъ и за тебя, и за нее.

РОЗЕНОВЪ. Почему же вы ей позволили остаться здѣсь?

ГРОСМАНЪ. Не задавай намъ вопросовъ и мы тебѣ не будемъ задавать. Я не хочу ничего знать. Я выдалъ ее за тебя и отсчиталъ тридцать тысячъ рублей. Я устроилъ такую свадьбу, которую будутъ помнить въ городѣ двадцать лѣтъ. А дальше не мое дѣло. Вотъ это я хотѣлъ сказать тебѣ. Дѣлайте, что хотите, но меня оставьте въ покоѣ.

ЭТЕЛЬ. Дорогой Яша, помирись съ ней. Она вѣдь молодая женщина. Выросла въ нѣжности, всѣ ей прислуживали. Пойди къ ней...

РОЗЕНОВЪ. Но развѣ я поссорился съ ней? Вамъ надо вникнуть въ нашу жизнь. Женя очень странная женщина. (Разстегнулъ пальто. Ходитъ по комнатѣ) Я не понимаю ее. То она запиралась въ своей комнатѣ и по цѣлымъ недѣлямъ ее нельзя было выманить оттуда. Вѣдь это невозможно. Подумайте, жена, которую мужъ по недѣлямъ не видитъ. Я самъ нѣсколько разъ собирался поговорить съ вами. Иногда она начинала швырять деньгами. Что же это такое? Тесть, вы вѣдь знаете, что деньги не падаютъ съ неба. Вѣдь если бросать деньги направо и налѣво, какъ она, бывало, дѣлаетъ, то не только моей практики и вашихъ тридцати тысячъ не хватитъ, но можно и Блейхредера раззорить.

ГРОСМАНЪ. Вотъ я и правъ, когда говорю, что не хочу знать вашихъ дѣлъ.

РОЗЕНОВЪ. Войдите же въ мое положеніе. Я тяжелымъ трудомъ заработываю деньги и мой трудъ топчутъ ногами. Со мной разговариваютъ, какъ съ мужи-

комъ, меня упрекаютъ въ мѣщанствѣ, въ скупости. Позвольте, кажется, я окончилъ университетъ и могу знать цѣну всѣмъ этимъ возвышеннымъ разговорамъ о мѣщанствѣ, объ идеалѣ. Въ правѣ ли я желать, чтобы въ моемъ домѣ было тихо? Подумайте же, тесть. Бросила дѣтей... На что это похоже? Хорошо еще, что моя мать согласилась присмотрѣть за домомъ и что насъ не бросила... эта добрая бонна. Теперь нужно бояться, чтобы скандалъ этотъ не огласился.

ЭТЕЛЬ. Хорошо, я пойду къ ней. Только Яковъ... ты вѣдь тоже не правъ. Машенька, пойди къ себѣ. Мнѣ надо поговорить о томъ, чего дѣвушкѣ нельзя знать и слушать.

МАША. Не хочу.

РОЗЕНОВЪ. Пожалуйста, пожалуйста, мама, безъ интимностей. Все остальное,—наше дѣло, и я никому не позволю вмѣшиваться...

ЭТЕЛЬ (покорно). Хорошо, не буду вмѣшиваться... Только ты, Яковъ, долженъ уступить ей. Ты долженъ. Ты старшій, а старшій всегда умнѣе и уступаетъ.

ГРОСМАНЪ (съ скучающимъ лицомъ). А мнѣ пора. Устраивайтесь, какъ знаете. (Подаетъ руку Розенову)

РОЗЕНОВЪ. Прощайте, тесть.

ЖЕНЯ (показывается въ дверяхъ кабинета). Мама, я не хочу, чтобы ты съ нимъ разговаривала. Выгони его. Не хочу знать ни его, ни его дѣтей, ни его родственниковъ! Его мать, когда приходитъ, изводитъ меня.

РОЗЕНОВЪ. Женя, Женя, постыдись же...

ЖЕНЯ (у дверей). Не хочу стыдиться. Начни ты первымъ. Ты врачъ и сталъ биржевикомъ. А я не хочу жить съ биржевикомъ.

РОЗЕНОВЪ (обращаясь къ старикамъ). Что вы скажете о ней? Вотъ такія сцены происходятъ у насъ ежедневно.

ГРОСМАНЪ (съ досадой). Оставьте вы меня всѣ въ покоѣ...(Быстро уходитъ)

МАША (съ ироніей). А полгорода завидуетъ нашему счастью. (Выходитъ)

ЭТЕЛЬ. Женичка, прошу тебя. Послушай свою старую мать.

ЖЕНЯ. Пусть онъ уйдетъ... Вы еще не знаете его. На словахъ онъ всегда выйдетъ правымъ. Нужно его увидѣть дома. Это звѣрь. Онъ уже угрожалъ мнѣ кулаками. Да, да, кулаками. За кого вы меня выдали? (Истерично заплакала) Служанку мою сдѣлалъ своей любовницей.

ЭТЕЛЬ. Женичка, Женичка...

РОЗЕНОВЪ (въ гнѣвѣ). Съ какимъ удовольствіемъ я бы убилъ тебя. Притворщица!.. Шарлотта Кордэ!... Несчастенъ тотъ, кто рѣшается жениться на богатой дѣвушкѣ изъ простого грубаго дома.

ЭТЕЛЬ (обнявъ Женю). Кто грубый? Чтобъ у тебя языкъ отнялся! Скажите, пожалуйста! Его просили жениться на ней! Отъ тебя вѣдь, какъ отъ піявки, нельзя было отвязаться, когда ты ее увидѣлъ. Грубаго дома! А ты изъ какой семьи? Твой отецъ былъ лавочникомъ,— пусть честнымъ, но твоя мать? Вѣдь весь городъ знаетъ, что она подожгла свой домъ. Безсовѣстный! Онъ еще учился въ университетѣ! Взять такую нѣжную дѣвушку и замучить ее. Ты со мной поговори. На чьи деньги ты грязь свою обмылъ?..

РОЗЕНОВЪ (внѣ себя). Сама ты безсовѣстная! Не смѣй такъ разговаривать со мной... (готовъ броситься на нее)

ЖЕНЯ (вскрикнула). Вонъ, вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ (быстро входитъ. Онъ въ черной косовороткѣ, подпоясанъ шнуркомъ). Что тутъ за крикъ? Какъ вамъ не стыдно? Яковъ, Женя!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Окраина. Низенькое одноэтажное строеніе. Слѣва уголокъ улицы,— темный, непривѣтливый. Смутное очертаніе руинъ. Изъ тьмы выплываютъ тѣни людей и исчезаютъ. Далеко на небѣ застылъ тонкій рогъ луны. Силуэтъ мельницы и ея трубы отчетливо выдѣляются и какъ бы царятъ здѣсь. Поверхъ руинъ справа и далеко домъ Гросмана. Окна освѣщены. Вся картина мрачная, тяжелая. Квартира Эрша. Небольшая комната съ одной дверью направо въ кухоньку. Слѣва длинный портняжескій столъ. Эршъ въ очкахъ, разложивъ на столѣ шубу, стоя работаетъ. Въ правомъ углу сапожникъ Шмиль прилаживаетъ подметку къ башмаку. Передъ нимъ низенькій столикъ, покрытый кожей. На столикѣ сапожный инструментъ. Недалеко отъ Эрша на скамеечкѣ сидитъ Бетя и клеитъ коробочки. Жена Эрша, Роза, высокая старуха съ пергаментнымъ лицомъ, въ цвѣтной косынкѣ, вяжетъ чулокъ. Посреди комнатки столъ, за которымъ сидитъ старшій сынъ Эрша Миронъ и ужинаетъ. Комната освѣщается двумя лампами. Одна виситъ на стѣнѣ надъ Эршомъ, другая маленькая на кожаномъ стулѣ Шмиля. Остальная обстановка жалкая. На полу соръ. Чувствуется тѣснота, спертый воздухъ и трудъ. Два оконца заклеены бумагой; оба выходятъ на улицу.

ЭРШЪ (рѣжетъ ножницами). Такого времени я не запомню. Вотъ тебѣ и время. Чтобы еврей шелъ противъ еврея. Этого никогда не было. Бывало, случится, рабочій поспоритъ съ хозяиномъ. Такъ поспоритъ. Чѣмъ же кончалось? Хозяинъ выгонялъ рабочаго, и былъ конецъ и было тихо...

МИРОНЪ (ѣстъ). Это время уже не вернется.

ВЕТЯ. Сварила я хорошій клейстеръ. Придется таки его выбросить. Я его слишкомъ рано сняла съ огня.

РОЗА (почесала спицей въ вискахъ). Когда вы всѣ летите... Что такое? Горитъ? Нигдѣ не горитъ. Сдѣлала бы медленно,—не пропалъ бы матеріалъ.

ВЕТЯ. А ты хочешь отдыхать? Я тоже хочу. Можетъ быть, меня колетъ во всѣхъ мѣстахъ отъ сидѣнія. Наработалась, какъ хорошая лошадь за цѣлый день,—пусть хоть вечеръ будетъ моимъ. Нѣтъ, вечеръ есть у господъ... Развѣ у меня не такая же душа, какъ у нихъ? Но нѣтъ. Работай и работай.

РОЗА. Въ твои годы я работала двацать четыре часа въ день. Раскричалась!..

ВЕТЯ. Ты много выиграла отъ этого. Посмотри-ка, въ какихъ палатахъ ты живешь. Отложила тысячи на старость. Отецъ не работаетъ, мы не мучимся, ты сохранила здоровье, и совсѣмъ не кашляешь часами по ночамъ. Не говори глупостей. Ты и теперь живешь только, чтобы служить... этимъ звѣрямъ.

роза. Что правда, то правда. Кашель таки добиваетъ меня, но я не жалуюсь.

ветя. Всякій знаетъ, что ты выжила изъ ума. Стану еще тратить время на разговоры съ тобой. (Выходитъ и уноситъ кастрюльку съ клейстеромъ)

роза (качаетъ головой). Вотъ и разговаривай съ ними. Я сумасшедшая!.. Почему не они? Если я не ненавижу городъ и богачей и не кричу, что ихъ нужно уничтожить, то меня нужно выкинуть въ сорный ящикъ.

эршъ. Зачѣмъ эти пустые разговоры? Дай работать спокойно. Богатый долженъ быть богатымъ, а бѣдный—бѣднымъ. Возьми, Роза, парусину и намочи ее. (Достаетъ изъ шкафчика парусину) Такъ должно быть. Сколько міръ существуетъ,—такъ было. И больше не о чемъ говорить. Есть сильные звѣри и есть слабыя животныя.

роза. Дай уже парусину. Я едва на ногахъ держусь. Замученныя руки, умирающія ноги и яма передъ глазами. Имъ жалко? Есть большой сынъ, но онъ ѣстъ. Возьми ты парусину и намочи. Развѣ для моихъ рукъ выжать изъ нея воду?

миронъ. Вотъ покушаю и сдѣлаю.

шмиль (говоритъ въ носъ). Сядьте же, Роза. Что вы всегда торопитесь? Говорятъ же вамъ, что сдѣлаютъ.

роза. А я не хочу. У насъ развѣ ихъ сердца? Мнѣ вѣдь его жалко. Каждой косточки Мирона мнѣ жалко. Вотъ мой Михель еще въ солдатахъ. Оторвали бѣдненькаго отъ жены, отъ дѣтей. Война уже кончилась, а онъ все еще гдѣ-то пропадаетъ. Жена и дѣти умираютъ съ голоду, лежатъ на нашихъ плечахъ. А кто плачетъ по ночамъ? Мать!.. Они могутъ быть только... демократами...

ветя (возвращается). Теперь клейстеръ хорошъ. Если меня не будутъ отрывать отъ работы, то я черезъ два часа кончу. Который часъ? (Садится) Спина такъ ноетъ, что не могу и разогнуться.

Роза. Но я все-таки не могу тебѣ помочь. Я не понимаю этой работы. И руки дрожатъ. Возьму картонъ въ руки и такъ его верчу, и такъ,—что я могу понять?

Бетя. Тебя никто не проситъ.

Эршъ. Ну, иди же. Ты только намочи парусину, а я ее уже самъ выжму.

(Роза медленно, шаркая, выходитъ)

Бетя (работаетъ). Сегодня забастовали на чайной и на пробочномъ заводѣ. Хотѣла бы знать, когда уже это начнется и у насъ? Никогда не начнется. Развѣ наши дѣвушки люди? Это скотъ. Кажется, я раньше посѣдѣю, чѣмъ наши сдѣлаются сознательными.

Эршъ. Попросилъ бы тебя не разсказывать о забастовкахъ. Не хочу слушать въ моемъ домѣ о забастовкахъ. Они у меня уже вотъ гдѣ сидятъ. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы я не зналъ этого. Ты смѣешься, Миронъ? Работаешь и умираешь съ голоду, но что будетъ, когда и работать перестанете? Спасибо Гросману за шубу. Мы еще имъ только и держимся.

Миронъ. Перестань отецъ. Дай ей разсказать. Ты уже пожилъ, а мы только начинаемъ... Развѣ рѣчь идетъ только о насъ, о ней, о тебѣ или обо мнѣ? Рѣчь идетъ обо всемъ рабочемъ классѣ, о счастьи всего народа. Развѣ ты не видишь и не понимаешь, что кругомъ происходитъ? (Продолжаетъ ѣсть)

Эршъ. Понимаешь? Понимаю!.. У меня еще столько ума, сколько у тебя. Ну, а если я боюсь? Кого я боюсь? Я боюсь чертей. Все это пахнетъ чертями. Кто-кто, а евреи заплатятъ таки кровью за эти забастовки, за эти революціи... Ихъ-то бросятъ на костеръ... А твоя жизнь не въ опасности?.. Я вѣдь изъ-за тебя по ночамъ не сплю...

Миронъ. Убиваютъ же другихъ. Чѣмъ я дороже? За то отдамъ жизнь за рабочій классъ.

Эршъ. Такъ я пойду танцовать, что за рабочій

классъ. Ты хорошо сказалъ. А что вернетъ мнѣ за сына рабочій классъ? Я ему плюну своей кровью въ лицо. Что вернетъ? Его кости? Но если бы ты шелъ своимъ путемъ, какъ шелъ я, то ты не братался бы съ русскими, заработывалъ и было бы хорошо и тебѣ, и намъ.

шмиль. Ай, ай, ай, Эршъ! Вотъ тутъ уже вы говорите криво. Вы прошлись, какъ хромой.

миронъ (встаетъ). Въ нашей борьбѣ нѣтъ ни русскихъ, ни евреевъ, а есть рабочіе и эксплуататоры

эршъ (къ Шмилю). Что значитъ—криво, Шмиль? Покажите не криво. Мы развѣ не работали, не мучились и не мучаемся? Но покажите, когда это было, чтобы мы братались съ русскими? Вы братались когда-нибудь съ русскими? Слава Богу, прожили больше пятидесяти лѣтъ и никогда съ русскими дѣлъ не имѣли. Дѣйствительно, мы покупаемъ матерьялъ у русскихъ, или они у насъ, живемъ иногда сосѣдями, говоримъ имъ здравствуйте или прощайте, но это вѣдь не связь? Они живутъ отдѣльно и мы отдѣльно. Что же вы говорите, Шмиль? Вѣдь вы человѣкъ въ лѣтахъ. Можетъ быть, вамъ еще нравится, что евреи борятся съ евреями? Что? Конечно, развѣ есть лучше дѣло, какъ сдѣлать нищимъ богатаго еврея? Я не понимаю, кто изъ насъ сумасшедшій. А сговариваться съ русскими рабочими противъ еврея тоже хорошо? Это вѣдь опрокинутый свѣтъ! Теперь спрошу васъ, чтобы вы, Шмиль, сдѣлали на мѣстѣ Гросмана?

шмиль. Я бы себя высѣкъ.

эршъ (съ досадой). Ну, вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Съ вами вѣдь нельзя разговаривать почеловѣчески. (Къ Мирону) Вотъ я просилъ за тебя господина Гросмана. Онъ даже отвѣтить мнѣ не хотѣлъ. Онъ даже отъ гнѣва затрясся, когда услышалъ твое имя. Хорошо ли это, Миронъ? Одного заказчика имѣю и того ты долженъ прогнать.

миронъ. Зачѣмъ же ты просилъ? Ты вѣдь долженъ знать, что это не люди, а звѣри. Кто задавилъ всѣхъ насъ? Они! Кто сдѣлалъ всѣхъ насъ забитыми, испуганными, кто сотни лѣтъ высасывалъ изъ насъ мозгъ и кровь? Они!.. Ты вѣдь долженъ это знать.

эршъ. Если сказать правду, то хозяинъ и не можетъ быть другимъ.

миронъ. Мы ихъ выучимъ, отецъ. Прошли уже тѣ времена, когда можно было ни за что избивать рабочаго, выбрасывать его на улицу, отправлять его въ тюрьму, когда хозяину этого хотѣлось. Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, я не хотѣлъ бы теперь быть на мѣстѣ Гросмана. Хорошо уже этому магнату, когда приходится подкупать своихъ рабочихъ, льстить однимъ, спаивать другихъ... Но это ему даромъ не пройдетъ. Онъ льетъ керосинъ на огонь.

эршъ. Слышите, Шмиль? Онъ не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ Гросмана? А на твоемъ мѣстѣ тебѣ лучше? Вотъ онъ броситъ мельницу и уѣдетъ въ Европу. Что вы тогда запоете? Вы уже и теперь отъ забастовки ходите съ высунутыми языками, а что будетъ, если онъ уѣдетъ? Вы начнете падать, какъ мухи...

(Роза входитъ и съ оханьемъ садится; вяжетъ чулокъ)

миронъ (смѣясь). Гросманъ уже пытался напугать тебя, а черезъ тебя и насъ. Понимаемъ его штуки!.. Онъ такъ же можетъ уѣхать въ Европу, какъ ты можешь уѣхать. (Встаетъ) Ну, я ухожу. Я вернусь съ товарищами. Намъ нужно переговорить о дѣлѣ.

роза. Что? опять? Разбойникъ!.. Что же ты съ нами дѣлаешь? Не хочу я этого. (Кашляетъ) Не допущу. Скажи, чтобы я ради тебя влѣзла въ горящую печь,— влѣзу, какъ теперь ночь на землѣ. Но этого,—нѣтъ!..

шмиль. Ай, ай, ай, Роза! что же вы не даете рости молодому? Міръ вѣдь долженъ двигаться.

миронъ. Ты, мать, не вмѣшивайся.

эршъ. И я бы тебя тоже попросилъ, Миронъ,—не надо! Пусть будетъ, не надо! Отецъ проситъ. Сдѣлай удовольствіе отцу. Не заслужилъ я у тебя, чтобы ты мнѣ уступилъ?

миронъ (сердится). Что же? Посадить свою голову на ваши плечи? Не проси меня, я дѣлаюсь злымъ. Когда оглядываюсь на то, что теперь происходитъ, то думаю, какъ хорошо было бы безъ стариковъ и всего хлама, который мѣшаетъ намъ.

шмиль (смѣется). Мнѣ хочется что-то сказать, но я скажу послѣ. Веселѣе, Миронъ!.. Не робѣй!..

эршъ (къ Розѣ, печально). Мы, Роза, давно должны были умереть.

бетя. Вы лишь теперь вспомнили объ этомъ.

(Миронъ надѣваетъ шапку и выходитъ)

роза (къ Шмилю). Вамъ на зло этого не будетъ. Я сижу тутъ и все вижу, что дѣлается въ мірѣ. Пусть дѣлается. Я съ мѣста не тронусь...

(Входитъ сосѣдка, старушка Чарна. Медленно передвигается, задыхается и дрожитъ, словно отъ холода)

чарна. Морозикъ, морозикъ! Что-то холодно моимъ костямъ. (Кутается въ тряпье) Скажите, пожалуйста, найду я у васъ стаканъ чаю? Что-то рано начались морозы, а дома ничего нѣтъ. Таки ничего нѣтъ и конецъ. Таки нѣтъ, что можно дѣлать?

роза. Вотъ Эршъ кончитъ, и я пошлю Бетю заварить чай.

чарна. Ай, спасибо вамъ. Горячій стаканъ чаю! Стаканъ горячаго чаю! Согрѣю свои кости.

шмиль. Что слышно о вашемъ зятѣ? Уже получили письмо?

чарна. Что? Болѣзни мы получили. Кто говоритъ о письмахъ? Надо говорить о дочери и о дѣтяхъ. А онъ здѣсь былъ шарлатаномъ, и тамъ имъ остался.

шмиль. Но за то онъ въ Америкѣ.

РОЗА. Большое счастье, что въ Америкѣ. Америка уже перестала быть Америкой. Можно уже вычеркнуть Америку. Мужъ Песи не вернулся оттуда? А мужъ Бейлы? Танцуютъ евреи кадриль! Пара туда, пара назадъ...

ЧАРНА (какъ сквозь сонъ). Не понимаю, зачѣмъ живу? Смотрю наверхъ и спрашиваю. Никакого отвѣта. Если я ничего не понимаю, то меня надо убрать, такъ я думаю. Что-то летитъ передъ глазами. Блестятъ ножи. Что-то прыгаетъ, танцуетъ, кричитъ, и я кричу, и вокругъ меня кричатъ. Сумасшедшій міръ. Найду я у васъ стаканъ чаю?

РОЗА. Я вѣдь вамъ сказала; вотъ Эршъ кончитъ работу...

ЧАРНА. Да, да, вы сказали... Да, да, вы обѣщали...

ШМИЛЬ. Надо сказать, какъ молодые говорятъ: если бы смерть задавила богатыхъ и провалился бы вотъ этотъ проклятый городъ, то Чарна сидѣла бы теперь у себя въ хорошей комнатѣ, и на столѣ у нея уже кипѣлъ бы самоваръ,—вотъ такой самоваръ.

ВЕТЯ. Почему только богатыхъ и одинъ городъ?.. Всѣ города пусть молнія сожжетъ. А богатые? Они все еще думаютъ, что только богатые виновны. Загляните въ книжку и вы узнаете. Есть еще другіе и еще другіе и еще другіе...

РОЗА. Хочу, чтобы она замолчала, Эршъ!.. Ты длинная лошадь, молчи! Не твое дѣло!..

ВЕТЯ (смѣется). Мы никого не боимся.

РОЗА (сердится). Одеръ! У тебя вѣдь капли крови нѣтъ въ жилахъ, а тоже вылѣзаешь впередъ. Что? Смѣешься? А желчью? Что же ты молчишь, Эршъ? Хорошій отецъ! Доведешь ты своихъ дѣтей до каторги этимъ молчаніемъ.

ЭРШЪ. Что же я могу сдѣлать?

РОЗА. Что? Онъ еще спрашиваетъ. Дерись съ ней. Возьми палку, вѣникъ, утюгъ и бей ее по головѣ. Говорю вамъ разъ навсегда: хочу голодать, мучиться, кряхтѣть и ничего не имѣю противъ этого. Люблю богатыхъ и почитаю ихъ и ничего вы со мной не сдѣлаете...

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, Роза!... Чѣмъ же это набита ваша голова?

РОЗА. А вы, Шмиль, молчите. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Кто говоритъ? Развѣ вы магнатъ, или солдаты васъ защищаютъ, что вы суетесь? Вбивайте гвоздики въ подметки, пойте свои сапожничьи пѣсенки и лежите въ землѣ.

БЕТЯ. Почему же ему не говорить, когда теперь уже стѣны говорятъ. Мы рабочіе знаемъ одно: все наше. Мы хозяева, а не эти живодеры-богачи и другіе, и еще другіе...

РОЗА. Что же ты молчишь, Эршъ? Развѣ это дѣвушка? Это же чертъ. Посмотри-ка на ея глаза. Они блестятъ, какъ у разбойника. Она вѣдь можетъ зарѣзать человѣка.

БЕТЯ (разсмѣялась). Пусть только меня разсердятъ и я еще хуже сдѣлаю. Со мной нельзя шутить... Вѣдь это сердце бьется... за правду, за справедливость!.. И горитъ въ немъ такая ненависть!..

РОЗА. Эршъ! Ты не возьмешь ее за косы?

БЕТЯ. Попробуй только!..

(Входитъ рабочій Давидка)

ДАВИДКА. Добрый вечеръ, Эршъ. Добрый вечеръ. Говорятъ, что сегодня у васъ опять соберутся?

ЭРШЪ. Я не ихъ сторожъ и ничего не знаю. (Снялъ очки, отложилъ работу) Бетя, пойди завари чай.

(Бетя беретъ чайникъ и выходитъ)

ДАВИДКА (сѣлъ, потираетъ лобъ). Голова идетъ кругомъ. Затѣяли забастовку, а ты голодай. А зачѣмъ за-

бастовали? Получали до рубля въ день. Ну, такъ получали... А сколько же надо? Двадцать?

ЧАРНА (какъ со сна). Что забастовка? Что значитъ забастовка?

ДАВИДКА (быстро повернулся къ ней). Уже, значитъ. Чортъ ихъ знаетъ, почему они поднялись. Я съ первой минуты не хотѣлъ, но идите-ка противъ нихъ. И кто виноватъ? Все вашъ Миронъ, Эршъ. Рабочій классъ туда, эксплуатація сюда, а я пока голодай. Такой грубый простой человѣкъ, какъ я, который не можетъ сосчитать, сколько два и два, долженъ знать, что эти слова означаютъ. Будто у меня нѣтъ другихъ заботъ въ головѣ.

РОЗА. Вотъ это человѣкъ.

ДАВИДКА. А то что же? Лошадь? Я не стыжусь, я простой человѣкъ. Дайте мнѣ мой рубль и конецъ. Вотъ у меня жена и полная комната дѣтей. Кто я теперь? Никто. Вчера былъ человѣкомъ, а сегодня нищій. Зачѣмъ мнѣ это?

РОЗА. Конечно. Рубль въ день составляетъ шесть въ недѣлю. И если не быть шарлатаномъ, не пить и не играть на билліардѣ, то можно еще прожить какъ-нибудь.

ДАВИДКА. Между нами говоря, это, положимъ, не много. Ай, что вы говорите. Какъ мы живемъ? Мы вѣдь съ женой только во снѣ кушаемъ. Вотъ видите, это моя самая лучшая рубаха. Другой нѣтъ. Держимся долгами. Долженъ лавочнику, хозяину за квартиру, сапожнику. Гдѣ же помѣстится забастовка? Хотите, чтобы я бастовалъ, возьми васъ чертъ, и дайте помощь. Что же вы выдаете на такую семью, какъ моя, пятьдесятъ копеекъ въ день!

ШМИЛЬ. Скажите спасибо за это.

ДАВИДКА. Скажите вы спасибо!.. Хорошій совѣтъ вы мнѣ подали. Отъ него таки можно хлѣбъ кушать. На пятьдесятъ копеекъ вѣдь лучше уже купить ве-

ревку для всѣхъ... Дѣти ищутъ корокъ въ корытѣ для свиней... Забылъ вамъ сказать. Вѣдь моего маленькаго чуть собака не съѣла. Подбѣжала собака и стала его грызть. Что, собака кушать не хочетъ?

шмиль. Такъ посадите ее за столъ и кушайте въ компаніи.

чарна. А я собираю кости въ сметьѣ и варю изъ нихъ супъ.

давидка. Вы смѣетесь надо мной? Я вѣдь кровью говорю. Развѣ я могу бороться съ Гросманомъ? Посмотрите на меня! Живой мертвецъ, конченный человѣкъ. И я борецъ? А другіе лучше меня? Кто же борцы? Что стоитъ Гросману раздавить насъ, какъ червей?

роза. Онъ и раздавитъ. Вотъ пусть мой Эршъ скажетъ себѣ: довольно работать. Давайте портные сдѣлаемъ забастовку...

шмиль (прерываетъ ее). Это не было бы такъ плохо.

роза. Болячку вамъ въ горло. Вы насъ прокормите? Увидѣли у насъ богатство? Вотъ Миронъ не работаетъ, а гдѣ беретъ хлѣбъ? У отца? А гдѣ спитъ? У отца. Что дѣлаютъ другіе рабочіе? Какъ пьявки сосутъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

давидка. А Гросманъ катается въ своей каретѣ, подавиться бы ему! Когда онъ, бывало, зайдетъ на мельницу, такъ стѣны, бывало, трясутся отъ страха, такой это человѣкъ. Попробуй, чтобы при немъ мѣшокъ лопнулъ, чтобы фунтъ муки разсыпался. Такъ уже смерти не нужно!?..

(Бетя входитъ съ чайникомъ)

эршъ. Что такъ долго?

бетя. Времени у тебя нѣтъ? Успѣешь! Возьми, мать, чайникъ.

(Бетя сѣла за работу. Роза кашляетъ; встаетъ, достаетъ стаканы изъ шкафчика; наливаетъ чай Эршу и Чарнѣ)

РОЗА. Если хотите чаю, Шмиль, то налейте себѣ стаканъ.

ЧАРНА. Ай, чай! Спасибо вамъ, Роза. Душа обрадовалась отъ тепла. Ай спасибо вамъ.

(Входитъ рабочій Арнъ. Густая черная борода. Взглядъ исподлобья)

АРНЪ (къ Давидкѣ). Ты уже здѣсь? Соберутся сегодня?

ДАВИДКА (нехотя). Не знаю... Меня не спрашивай...

ВЕТЯ (сердито). Могли бы не приходить сюда, Арнъ... Соберутся не соберутся, — не ваше дѣло. Безъ васъ обойдется. Ступайте и полижьте лучше ноги у Гросмана.

АРНЪ. Что значитъ полижьте ноги у Гросмана? Вы развѣ были при этомъ.

ВЕТЯ. Не стройте изъ себя дурачка, мы это понимаемъ. А еще рабочій, товарищъ!..

АРНЪ Таки рабочій и товарищъ. Знайте это. А то что же, милліонеръ?

ВЕТЯ. Гнилыя штучки. Всѣ знаютъ, что вы приходите вывѣдать что-нибудь, а потомъ доносите Герману. Когда-нибудь это кончится плохо...

АРНЪ. Не пугайте меня. Развѣ я доношу? Они выдумали про меня. Рабочіе сердиты за то, что я получаю не восемьдесятъ копеекъ, а рубль въ день. Вотъ вся правда. А если я получаю больше другихъ, то во мнѣ всѣ пороки. Почему же вы не спросите, отчего я получаю больше? Прямой отвѣтъ: я работаю лучше.

ДАВИДКА. Этого не говори. Мы всѣ хорошо работаемъ.

ЭРШЪ. Перестаньте, прошу васъ. Ссориться ступайте на улицу.

ВЕТЯ. А кого видѣли на черномъ ходѣ у Германа?

АРНЪ. Что же я долженъ дѣлать? Разъ меня по-

звали, я долженъ былъ явиться. И почему мнѣ скрывать, что я противъ забастовки? Я всегда былъ противъ этихъ проклятыхъ забастовокъ. Хозяинъ даетъ намъ хлѣбъ, мы обязаны вѣрно служить ему. Въ прошломъ году у меня заболѣлъ ребенокъ. Благодаря кому его приняли въ больницу? Благодаря Герману.

БЕТЯ. Сколько онъ вамъ обѣщалъ за ваши рѣчи?

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, Арнъ!.. Начнется это и смететъ, васъ, какъ соломинку. Что вы становитесь противъ вѣтра, когда поднялась буря?

ДАВИДКА. Вотъ это, Шмиль, я и хотѣлъ сказать. Ты таки противъ забастовки, ругаешь ее, а все-таки что-то тянетъ. Покажешься на улицѣ,—тамъ забастовки, здѣсь забастовки. Что-то хорошее несется въ воздухѣ, и думаешь: развѣ я не человѣкъ? Да, у себя дома, когда видишь эту кучу дѣтей съ раскрытыми ртами, эту низенькую комнату, гдѣ по стѣнамъ всегда ползетъ вода, и эти слезы и проклятія, тогда падаешь духомъ.

АРНЪ. Потому что ты дуракъ. Нужно имѣть крѣпкую голову. Гдѣ ты видишь это хорошее? Въ смутѣ? Спрячутъ ее въ карманъ, эту смуту.

ЭРШЪ. Возьми у меня стаканъ, Роза. Сяду работать.

РОЗА. Ты могъ бы уже отдохнуть. (Беретъ у него стаканъ. Къ Давидкѣ) Арнъ говоритъ правду. Ай, мы будемъ плакать. На свои годы будемъ плакать.

ДАВИДКА (къ Бетѣ). Ну, какъ мнѣ, Бетя, знать, что дѣлать? Слушаю его и уже начинаю колебаться. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это кончится? Видите! Вотъ мы хотимъ,—вотъ мы боимся.

БЕТЯ (встаетъ въ гнѣвѣ). А я хочу, чтобы онъ ушелъ отсюда. Сейчасъ же! Ну, Арнъ, маршъ отсюда! И берегите свои бока. Я отъ Мирона знаю, кто ведетъ это подлое дѣло. Наступило уже время, когда рабочіе ста-

новятся сознательными, и вотъ являются подлецы, которые портятъ рабочее дѣло. Можете передать Герману, что ему это даромъ не пройдетъ. Думаетъ, что если можно подкупить такихъ подлецовъ, какъ вы, то рабочіе откажутся отъ своихъ требованій...

РОЗА (къ Эршу). Хочу увидѣть, какъ ты ей закроешь ротъ. Покажи хоть разъ.

ЭРШЪ (хмуро). Оставь меня въ покоѣ. Начну плакать: не мучьте меня.

АРНЪ (вдругъ встаетъ). Ну, хорошо, хорошо, я запомню ваши слова.

ВЕТЯ. Можете даже записать ихъ. Онъ запомнитъ! Выходи отсюда! Вонъ, измѣнникъ, предатель, подлецъ!.. Подожди, придетъ на васъ смерть.

АРНЪ (стоя у дверей). Посмотримъ на кого. (Уходитъ)

ШМИЛЬ. Вотъ хорошо. Славно ты его отдѣлала.

РОЗА. Ну, жизнь теперь!.. Славная жизнь. (Шмиль смѣется) Желтымъ смѣхомъ вамъ смѣяться. (Кашляетъ) Въ печонкѣ вы сидите у меня съ своимъ смѣхомъ.

НАХМАНЪ (входитъ; навеселѣ. Грубымъ голосомъ). Ну, добрый вечеръ. Хорошій дождикъ на дворѣ. Если бы такой въ апрѣлѣ, то сказали бы: будетъ хорошій урожай. А мнѣ все равно.

РОЗА. Смотри-ка, онъ уже пьянъ... Черная оспа убила бы тебя.

ШМИЛЬ. Хватили уже рюмочку, Нахманъ?

НАХМАНЪ. Почему не хватить? Мнѣ все равно.

РОЗА. Иди уже спать, несчастье мое!..

НАХМАНЪ. На зло тебѣ буду сидѣть здѣсь. Мнѣ все равно.

ЭРШЪ (тихо). Ступай спать, Нахманъ. Ты кричишь, а намъ нужно работать.

НАХМАНЪ (вспыхнулъ. Бьетъ себя въ грудь). А я не работалъ сегодня? Не перетаскалъ на этихъ плечахъ тысячи пудовъ? Не издыхаю, какъ лошадь? Такъ, зна-

читъ, мнѣ плакаться? Лежу въ землѣ. У города вѣдь такія лапы,—съ крючками... Такъ что же? Молчу... Можетъ быть, тоже, какъ другіе, хотѣлъ бы свѣтъ увидѣть? Можетъ быть, землю хочу грызть? Жалуюсь я кому-нибудь? Мнѣ все равно... Вотъ у меня сорокъ копеекъ осталось. Возьми мои сорокъ копеекъ.

ЭРШЪ (тихо). Не надо. Оставь у себя.

НАХМАНЪ. Можетъ быть, и я хотѣлъ учиться? А я долженъ быть скотиной. Ну?.. Такъ мнѣ все равно.

РОЗА. Что значитъ не надо? Возьми у него. (Къ Нахману) Дай сюда деньги.

НАХМАНЪ (смотритъ на нее). Вотъ тебѣ не дамъ. Хотѣла ты посылать меня въ школу? Только и знала: ступай работать! И теперь я скотина. Не дамъ тебѣ денегъ.

РОЗА (плачетъ). Взялъ бы тебя Богъ у меня!..

НАХМАНЪ. Послушаетъ тебя Богъ. Какъ же!..

(Идетъ къ дверямъ. Входятъ рабочіе съ мельницы, русскіе и евреи, здороваются и разсаживаются, какъ попало. Нахманъ оглядываетъ ихъ)

НАХМАНЪ (смѣется). Демократы!.. (Плачущимъ голосомъ, очень громко) Демократы!.. (Машетъ рукой) А мнѣ все равно. (Выходитъ въ кухню)

ЯКОВЪ. А что, дядя Эршъ? Миронъ-то вашъ гдѣ?

ЭРШЪ. Миронъ? Скоро придетъ.

(Чарна поднимается, окидываетъ рабочихъ взглядомъ пришибленнаго и медленно выходитъ)

СТЕПАНЪ. Іоська, есть у тебя табакъ?

ІОСЬКА (не глядя даетъ ему желтую круглую коробку). На, возьми.

(Рабочіе тихо разговариваютъ между собой. Входитъ Маня. Худая, высокая женщина)

МАНЯ. Добрый вечеръ.

РОЗА. Добрый вечеръ, Маня. Присядьте возлѣ меня. (Маня сѣла) Что слышно у васъ? были вы у сестры?

маня. Я была? Пусть чортъ съ ней видится! Послала къ ней свою Диночку. И что же? Думаете, она ее приняла? Подавиться бы ей такъ кускомъ хлѣба. Думаете, допустила въ комнаты? Жить бы ей такъ на свѣтѣ! Она мою Диночку приняла... знаете гдѣ? Въ передней!..

роза. Чтобы ей только жить въ передняхъ.

маня. Въ передней! Мою Диночку въ передней! Можетъ быть, позволила ей говорить? Рта не дала раскрыть. Кричала. Можете себѣ представить, какъ умѣетъ кричать моя добрая сестра, чтобы ей въ горлѣ заложило, и какъ мое дитя испугалось. Оно такъ испугалось, что чуть въ обморокъ не упало.

іоська (прислушался. Вѣжливо). Вы, кажется, разсказываете о мадамъ Гросманъ?

маня. Я разсказываю о мадамъ Гросманъ. Ну, ничего, Роза. Теперь я къ ней пойду. И если я не перебью ей всѣхъ стеколъ въ окнахъ, то вы меня Маней не будете называть.

яковъ. Слѣдовало бы. Очень хорошо бы это, чтобы ни одного стекла не осталось въ цѣлости. А еще сестра!... Ай да сестра!.. (Смѣется)

степанъ. А еще говорятъ, что у нихъ своя, еврейская связь.

маня (стремительно подбѣгаетъ къ Степану). Я вамъ разскажу, Степанчикъ!.. (Беретъ его за бороду) Она же сестра, а я бѣдная. Такъ что же? Развѣ у васъ не бываетъ такъ, что одна богатая, а другая бѣдная?

степанъ. Что говорить!..

маня. Ну, ничего, такъ Богъ хотѣлъ. Онъ же сидитъ наверху и все видитъ, и лучше знаетъ. Но будь же человѣкомъ. Хорошо,—но будь же сестрой!.. Что твоя кровь и что моя кровь?..

яковъ. Правильно. (Моргаетъ глазами) Одно слово,—однокровки.

маня. А она этого не хочетъ знать. Мой мужъ ра-

ботаетъ у ея мужа на мельницѣ. Его еще нѣтъ здѣсь, но онъ сейчасъ придетъ. Онъ придетъ! Спрашиваю васъ, Степанчикъ, надо ли помочь мнѣ? Но пусть ей на весь вѣкъ останется то, что она давала мнѣ до сихъ поръ. Что? Почему я брала? Что же бѣдный долженъ дѣлать? Когда даютъ,—онъ беретъ. Но теперь, Степанчикъ, теперь!.. Такія времена, такая страсть... Ну, не будь сестрой, будь теткой, будь самой дальней родственницей. Помоги чѣмъ-нибудь. Нѣтъ, твой мужъ въ забастовкѣ! Гдѣ же ему быть? Въ землѣ? Пусть онъ не будетъ, такъ вы вѣдь его убьете. Правда, Степанчикъ, вы его убьете?

степанъ (высвободилъ бороду). Убить не убьемъ, но и по головкѣ не погладимъ.

маня (обрадованная). Ну, вотъ видите. Я ей это сказала, а она меня выгнала. Послала я къ ней сегодня дитя, и она ее тоже выгнала. Кого? Мою Диночку? Моя Диночка лучше, чѣмъ ея барышни. Можетъ быть, нѣтъ? Сидитъ одна худая, какъ скелетъ, и смотритъ на васъ сумасшедшими глазами. Другую, слава Богу, мужъ уже прогналъ отъ себя. Конечно, прогналъ! Прогналъ, прогналъ!.. Богъ не будетъ молчать...

іоська. Вы будьте совсѣмъ спокойны. Мы ихъ теперь хорошо прижмемъ къ стѣнѣ.

яковъ. Чтобы пѣна пошла со рта...

маня. Чтобы таки пошла. Она говоритъ, что рабочіе ее раззорили и потому она не можетъ помогать... Забастовка имъ уже стоитъ десять тысячъ. Ничего, я еще доживу увидѣть ее нищей. Рабочіе требуютъ расходовъ на двадцать пять тысячъ рублей въ годъ. Требуйте на пятьдесятъ. Я первая буду кричать: душите ихъ проклятыхъ. Сдирайте съ нихъ кожу, какъ они съ насъ сдираютъ. Не поддавайтесь.

яковъ (поднялся). Всѣмъ бы подняться и пойти туда на мельницу...

степанъ. Намедни Германъ подсылалъ своихъ людей; кому деньги прислалъ, кому подарокъ. Нашихъ напоилъ. Вотъ и связь рушится. Вашъ-то деньги любитъ, а нашъ выпить. Вотъ и не поддавайся.—А я что? Я готовъ. Меня хоть ножемъ рѣжь, а я стѣну не сломаю. Ты мнѣ на выпивку, а я тебѣ въ зубы,—да!..

іоська (говоритъ съ запинкой). Позвольте и мнѣ что-нибудь сказать. Прошу маленькаго слова. Чѣмъ, напримѣръ, бѣдный рабочій виноватъ въ томъ, что разъ,—боится, два—беретъ деньги, и три,—согласенъ выдавать. Ну? Онъ бѣдный, темный!.. Онъ хочетъ кушать. Онъ, бѣдный, кушаетъ мясо разъ въ недѣлю и то—самое послѣднее мясо, которое съ червями. Онъ, бѣдный, въ заботахъ, и ходитъ оборванный. У тебя, Степанъ, напримѣръ, сапоги цѣлы? Нѣтъ, ты правду скажи. Цѣлые у тебя сапоги?

степанъ. Я ихъ цѣлыми, можетъ, никогда и не видѣлъ... Вотъ они сапоги...

(Показываетъ. Рабочіе смѣются)

яковъ. Кто видалъ сапоги Гросмана?

кто-то. А у Германа башмачки на пуговичкахъ.

степанъ. Кухарка ихняя разсказывала, что каждый день по двѣнадцать фунтовъ мяса еврейскаго берутъ,—все слопать не могутъ, такъ собакъ имъ кормятъ.

ветя. Не бойтесь. Они уже и свинину ѣдятъ.

іоська (настойчиво). Ну, такъ это я хотѣлъ сказать. Вотъ бѣдный рабочій, оборванный, голодный...

эршъ. Ты бы, Іоська, пересталъ. У меня руки начали дрожать.

іоська. А если дрожатъ, такъ рабочему уже стало хорошо? Дайте же говорить, Эршъ. Я демократъ и говорю о положеніи бѣднаго рабочаго. И меня никто не можетъ остановить, ибо я желаю добра нашему рабочему классу. А почему имъ можно быть мерзавцами?

Колѣнкой нажимать на грудь бѣднаго рабочаго, чтобы у него глаза закатывались?

Яковъ. Вѣрно, Іоська. Валяй дальше...

Степанъ. Ты, дядя Эршъ, уже помолчи. Маленечко потерпи.

Іоська. На чемъ же я остановился? Да, такъ я говорю, бѣднаго рабочаго... А если ему дадутъ деньги, можетъ онъ сказать,—не хочу денегъ? Или если ему подносятъ водку,—можетъ онъ сказать, не хочу водки? Онъ таки не долженъ этого дѣлать, но вѣдь онъ еще несознательный. Слѣдовательно, кто же тутъ виноватъ? Опять-таки Гросманъ и его Германъ. Вотъ это я хотѣлъ сказать...

Роза. Еще будете ноги цѣловать у Гросмана. Подождите, Іоська. Это не кто-нибудь. Это Гросманъ,— Это король!.. Пусть уѣдутъ изъ города десять такихъ Гросмановъ, и всѣмъ намъ можно будетъ начать копать себѣ могилы.

Шмиль. Ай, ай, ай, и ай, ай, ай!..

(Входитъ Миронъ съ рабочими и сосѣди. Среди нихъ Абрамъ, мужъ Мани)

Іоська. Вотъ и пришелъ товарищъ Миронъ...

(Выдвигается впередъ. Рабочіе окружаютъ Мирона. Абрамъ подходитъ къ Манѣ)

Абрамъ. Что ты тутъ дѣлаешь? Обойдутся безъ тебя. Иди домой.

Маня. Вотъ я уже ушла. Хочу тоже послушать.

Абрамъ. Нечего тебѣ слушать. Узнаешь, когда приду.

Маня. А я хочу остаться. Хочу увидѣть, какъ Гросмана закопаютъ въ землю.

(Ихъ закрываетъ кучка рабочихъ)

Іоська. Товарищи, прошу всѣхъ сѣсть. Товарищъ Миронъ хочетъ говорить.

(Миронъ отдѣляется и начинаетъ очень просто, негромко и не тихо. Вниманіе растетъ. Прерываютъ жестами,

восклицаніями. Бетя бросила работу и стала недалеко отъ него. Эршъ снялъ очки, подошелъ къ дверямъ и тамъ остался)

МИРОНЪ. Я хочу начать съ того...

РОЗА (прерываетъ его). А я не хочу быть здѣсь. Чтобы мой сынъ! Тьфу на васъ! (Плюетъ) Дождетесь вы всѣ Сибири.

(Выходитъ. Ее сопровождаютъ смѣхомъ)

МИРОНЪ (улыбается). Она все еще боится... Такъ вотъ, мы собрались сюда, чтобы обсудить наши дѣла. (Восклицанія) Всѣ мы знаемъ, что Гросманъ не останавливается уже ни передъ чѣмъ, чтобы сломать нашу забастовку.

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова...

ЯКОВЪ. Подожди, Іоська.

МИРОНЪ. Спрашиваю у товарищей, что будетъ, если Гросманъ побѣдитъ?

СТЕПАНЪ. Извѣстно, что будетъ: на шею верхомъ сядетъ.

МИРОНЪ. Зачѣмъ же было начинать? Пусть каждый вспомнитъ, какъ мы живемъ. Вотъ здѣсь квартира рабочаго. Комната и кухня. Здѣсь живу я, сестра-работница, отецъ-работникъ, братъ Нахманъ и сапожникъ Шмиль. Мы отравляемся вонью, что идетъ со стѣнъ и отравляемъ другъ друга собственнымъ дыханіемъ. Мы спимъ на полу, какъ собаки, и вши поѣдаютъ наше тѣло. Мы ѣдимъ черствый хлѣбъ и лишь по праздникамъ видимъ мясо. Наши развлеченія—или водка, или билліардъ, или мертвый сонъ. Вотъ наше положеніе. Кто изъ насъ живетъ лучше, пусть отвѣтитъ.

ГОЛОСА. Вѣрно, вѣрно...

МИРОНЪ. А какъ живетъ Гросманъ? Семья Гросмана изъ четырехъ человѣкъ. Эти четыре человѣка живутъ въ двѣнадцати комнатахъ, которыя стоили, какъ хвасталъ Германъ, шестьдесятъ тысячъ рублей. Для этихъ людей все доступно. Театръ, музыка, обра-

зованіе, хорошія книжки, лучшая пища, въ то время какъ для нашихъ дѣтей нѣтъ молока въ грудяхъ матерей, въ то время какъ мы гибнемъ отъ истощенія, отъ грязи и болѣзней. Я говорю къ вамъ и хотѣлъ бы, чтобы слова мои вмѣстѣ съ моей желчью и гнѣвомъ дошли до вашего сердца. У насъ есть одинъ выходъ. Не уступать!.. (Шумъ и возгласы)

ЯКОВЪ (въ гнѣвѣ. Встаетъ). Перебить бы всѣхъ этихъ подлецовъ и былъ бы одинъ конецъ. (Грозно) Кто нарушитъ связь, тотъ со мной будетъ вѣдаться. Подожди, подлецы!..

МИРОНЪ. Не легко Гросману увеличить расходы по мельницѣ на двадцать пять тысячъ рублей. Но мы его заставимъ...

ЯКОВЪ (грозно). Заставимъ, а не то всей мельницѣ капутъ!.. Такъ я говорю? Чѣмъ дальше мучиться, какъ мучились до сихъ поръ, такъ уже лучше на каторгу. Хуже мельницы каторги не можетъ быть.

ГОЛОСА. Вѣрно, вѣрно. И всѣхъ щенятъ его слѣдуетъ перебить... (Шумъ, гнѣвные жесты)

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова... Почему товарищъ Миронъ не говоритъ намъ о сынѣ господина Гросмана, Александрѣ? Мы знаемъ, что онъ демократъ. Почему же мы его не видимъ здѣсь, среди насъ? Какой же онъ демократъ, если не идетъ противъ своего отца-эксплуататора?

ЯКОВЪ. Это ты, Іоська, правильно спросилъ!

СТЕПАНЪ. Оно, правду сказать, неловко какъ-то.

МИРОНЪ. Сынъ Гросмана на нашей сторонѣ. Онъ сегодня придетъ сюда, чтобы обсудить и рѣшить, какъ намъ дальше вести дѣло.

ІОСЬКА. Браво и браво. Я удовлетворенъ.

ЯКОВЪ. Значитъ, наша взяла, если сынишка Гросмана за насъ.

ДАВИДКА (робко). Я, Миронъ, вотъ что хотѣлъ сказать. Я бы... (запинается)

ЯКОВЪ. Дай ему по затылку, слова и пойдутъ.

ДАВИДКА (улыбаясь). Что я хотѣлъ сказать? Такъ, ничего не хотѣлъ сказать. Но... но что-то мира хочется. Понимаете, чтобы было тихо, спокойно. Къ чему этотъ крикъ? Ну, хорошо, вотъ крикъ. Вотъ дитя дома плачетъ. Вотъ жена дома проклинаетъ. Такъ уже хорошо? И господинъ Гросманъ тоже не маленькій человѣкъ. Мы упрямимся и онъ думаетъ: „смотри-ка, они со мной хотятъ бороться! Кто хочетъ, что хочетъ? Мы!.. Еще разъ кто? Вотъ эти мы!.. Противъ кого? Противъ Гросмана!..“

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова... Ты кончилъ, Давидка? Если нѣтъ, то продолжай.

ДАВИДКА. Я не кончилъ и я не началъ. Я только говорю, пусть все будетъ сдѣлано тихо, мирно. Мы евреи и онъ еврей. Не скушаемъ другъ друга. (Къ Іоськѣ) Что? Ты говоришь, что здѣсь русскіе рабочіе? Что же изъ этого? Развѣ они не люди? Они меня понимаютъ. Правда, Яковъ, ты меня понимаешь?

ЯКОВЪ. Пошелъ ты къ чорту.

ДАВИДКА. Уже пошелъ... Ну, а дальше? Что ты на меня смотришь, Іоська?

ІОСЬКА. Я смотрю на тебя оттого, что ты ничего не понимаешь въ бѣдномъ рабочемъ. Когда я тебя выучу? Ты вѣдь набитый дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Что такое, напримѣръ, капиталистъ-эксплуататоръ? Ну, что, что?..

ДАВИДКА. Знаю, знаю...

ІОСЬКА. Знаешь? Кушать ты знаешь! Капиталистъ-эксплуататоръ, это человѣкъ, который долженъ отнимать у рабочаго прибавочную стоимость. Ну а что такое рабочій? А? Рабочій, это человѣкъ, который, хотя не хочетъ, но долженъ отдавать капиталисту прибавочную стоимость. Не смотри на меня какъ баранъ передъ смертью. Ты уже понялъ? Что же отсюда слѣдуетъ? Что рабочій долженъ бороться съ капитали-

стомъ, пока не отниметъ у него всю прибавочную стоимость. Оселъ, причемъ же тутъ еврей? Вотъ тутъ ты, Давидка, второй разъ дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Если, напримѣръ, еврей капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ русскаго и еврейскаго рабочаго, а русскій капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ еврейскаго и русскаго рабочаго, то причемъ тутъ нація? Когда я говорю, что монета не имѣетъ націи, то ты это понимаешь. Почему же ты не понимаешь, что тотъ, кто любитъ монету, тоже не имѣетъ націи? (Рабочіе смѣются) Причемъ же здѣсь слова: еврей и русскій?..

Яковъ. Ловко отдѣлалъ, Іоська. Мы всѣ одно, что Степанъ, что Миронъ.

Давидка (подумавъ). А почему русскіе устраиваютъ погромъ?

Степанъ (погладивъ бороду. Сбивчиво). Да! Это ты правильно спросилъ. Это такъ.

Іоська. Дуракъ. Мы бѣдные рабочіе идемъ къ одной цѣли. Русскіе и еврейскіе рабочіе не враги. Они уже поняли свои общіе интересы и рука объ руку идутъ въ бой со старымъ міромъ, чтобы его сокрушить. Я скажу такъ: русскіе и еврейскіе рабочіе,—братья!

Яковъ. Вѣрно, — братья. Нашъ врагъ хозяинъ, а не еврей. Хозяину надо шею свернуть.

(Шумъ)

Шмиль. Ай, ай, ай! Братья!.. Это хорошо... Это по-еврейски!.. (Встаетъ и бросаетъ сапогъ) Слушайте дѣти... Это по-еврейски. Степанъ, знаешь ты, что значитъ по-еврейски? Это значитъ по-человѣчески: всегда и вездѣ еврейское было человѣческое. Дѣти, — люби враговъ своихъ, кто сказалъ? Это мы сказали. И кто сказалъ, подставь правую щеку, когда бьютъ въ лѣвую? Вы говорите, что вы. Но это неправда... Тоже мы!.. Эти слова пахнутъ еврейской болячкой, еврейской кровью.

ДАВИДКА. (благоговѣйно). Таки пахнетъ еврейской болячкой.

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова...

ШМИЛЬ. Тысячелѣтія прижимали еврея, и онъ отъ боли скривилъ лицо и выкрикнулъ: люби враговъ своихъ. Некуда было дѣваться, Степанъ. Люби враговъ своихъ!.. Хорошо, но сейчасъ же проклялъ это, и оно стало чужимъ. Ай, ай, ай, ай, и ай, ай, ай!.. Сказать правду нужно. Это было еврейскимъ словомъ. А кто сказалъ, борись съ поработителемъ своимъ? Тоже мы!.. Все хорошее, человѣческое говорили мы и сейчасъ же дарили другимъ. Берите, мы не жадные. У насъ столько есть, что всѣмъ людямъ хватитъ. Не мѣшай же, Іоська. Мы сказали: борись съ поработителемъ своимъ, но это еще не по-еврейски!.. Но борись ты, угнетенный, рука объ руку не только съ евреемъ, а съ русскимъ, съ французомъ, съ полякомъ, противъ поработителей своихъ,—вотъ это по-еврейски. Тутъ еврей не скривилъ лицо и громко, Яковъ, и смѣло, Іоська, сказалъ: угнетенные, вотъ ваша дорога!.. Понимаете? понимаете? И я еще долженъ сказать, Степанъ, что все станетъ еврейскимъ!.. Нѣтъ, у васъ таки будетъ своя суббота, у французовъ своя, у нѣмцевъ своя, но духъ, духъ во всемъ будетъ жить еврейскій.

(Садится въ волненіи. Шумъ)

МАНЯ. Вамъ за это слѣдуетъ поцѣлуй, Шмиль. Вы всегда вмѣшиваетесь не въ свое дѣло. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. А я хочу видѣть, какъ похоронятъ Гросмана. Дѣти!.. Надѣвайте-ка на него саванъ!.. Кладите же его въ землю...

(Въ это время въ заднихъ рядахъ начинается движеніе. Всѣ оглядываются. Кто-то, протискивается черезъ толпу. Миронъ бѣжитъ навстрѣчу)

МИРОНЪ. Это товарищъ Александръ, сынъ Гросмана. Пропустите товарища.

ЭРШЪ (пораженный). Сынъ господина Гросмана здѣсь!.. Самъ сынъ господина Гросмана!..

(Александра окружаютъ рабочіе, пожимаютъ ему руку)

АЛЕКСАНДРЪ (звучнымъ голосомъ). Товарищи!.. (Всѣ утихаютъ) Товарищи!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Слышна игра на фортепіано. Звуки доносятся слабо. Музыка нѣжная, меланхолическая. Сѣрый, тусклый день. Мельница окутана туманомъ. Ея контуры неясно выдѣляются. Отъ тѣней столовая кажется печальной. Женя сидитъ на кушеткѣ, повернувшись спиной къ мужу. Этель, въ капотѣ, сидитъ за столомъ, повернувшись къ Розенову. Розеновъ, одѣтый съ иголочки, взволнованный, ходитъ по комнатѣ.

РОЗЕНОВЪ. Не говорите мнѣ, теща, объ этой дурацкой революціи. Я плевать хочу на нее. Вотъ этотъ скандалъ, который Женя устроила, хуже всякихъ революцій. Мнѣ никуда нельзя показаться. Понимаете, нельзя!.. Надо воспользоваться, теща, тревожными слухами и уѣхать мѣсяца на два за границу съ Женей. О насъ забудутъ и перестанутъ сплетничать. (Женя киваетъ головой) Нѣтъ? (Грозно) Нѣтъ?

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ такъ сердиться, Яковъ? Она вѣдь молоденькая. Ее надо попросить, приласкать. Вѣдь она у меня выросла въ роскоши. Ты образованный, ты знаешь самыя лучшія слова...

ЖЕНЯ. Какъ вы мнѣ надоѣли... Всѣ, всѣ!.. (Повернулась въ другую сторону)

РОЗЕНОВЪ. Слышите, теща? Это ея постоянный жаргонъ. (Повторяетъ раздраженно) Какъ вы мнѣ надоѣли! Чѣмъ я вамъ надоѣлъ, принцесса?

ЖЕНЯ. Интеллигентъ, ставшій биржевикомъ,—не человѣкъ!

РОЗЕНОВЪ. Слышите, теща, слышите? Четыре года я ей твержу: Женя, деньги! Женя, деньги и деньги! Вотъ результаты. Теща, вы знаете жизнь. Можно ли прожить безъ денегъ? И мужу нельзя объ этомъ сказать женѣ!..

ЭТЕЛЬ. Что же дѣлать, если она такая. Она у меня не жадная.

РОЗЕНОВЪ (возмущенный). Какъ, что дѣлать? Вы

должны другое говорить, если желаете ей добра. Сдѣлайте ее жадной. Отнимите у нея платья, брилліанты, и она заголоситъ, какъ я голосилъ. Что дѣлать? Вотъ я прошелъ школу и хорошо знаю, что нужно дѣлать. Вамъ кажется, теща, что какъ только я пріѣхалъ изъ-за границы съ дипломомъ, то передо мной открылись всѣ двери?.. Ошибаетесь. Я былъ бѣденъ и со мной никто разговаривать не хотѣлъ. Ошибаетесь. Со мной теща не церемонилась. Прошло три тяжелыхъ года, пока я почувствовалъ подъ ногами почву.

Этель. Положимъ, всѣмъ приходится трудно...

Женя. Я краснѣю, когда слышу объ этомъ. Сейчасъ пойдетъ разсказъ о больницѣ. И онъ даже не подозрѣваетъ, какъ это пошло.

Розеновъ. Пошло разыгрывать Софію Кавалевскую, когда въ сущности ты хочешь того же, что и я.

Женя. Я хочу? А мои идеалы...

Розеновъ. Знаемъ, знаемъ... Все въ высокомъ стилѣ: Богъ, идеалъ, искусство... Надо имѣть стыдъ, Женя! Въ больницѣ, теща, гдѣ я по пріѣздѣ изъ-за границы началъ работать, пришлось превратиться чуть ли не въ лакея извѣстныхъ врачей, чтобы добиться отъ нихъ какой-нибудь помощи. И я превратился, теща. Вотъ гдѣ истинная правда жизни. Я превратился, потому что понялъ,—иначе не пройдешь. Я развлекалъ ихъ женъ. Я былъ ловче другихъ, гулялъ съ ихъ идіотками дочерьми и за это иногда получалъ дежурство у богатаго больного. Я терпѣлъ... ради денегъ!..

Этель. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Ты все-таки устроился...

Розеновъ. Конечно!.. И я побѣдитель. Я правъ и требую, чтобы она не становилась поперекъ моей дороги. Я долженъ быть богачомъ и буду имъ. Она не хочетъ понять, что практика врача рѣдко обогащаетъ. Посмотрите, теща, на нашихъ богатыхъ врачей. Развѣ

они живутъ? Развѣ они чувствуютъ сладость жизни? Другое дѣло биржа. Это чисто. Это пріятно. Вокругъ тебя кипитъ жизнь. Ты самъ какъ соломинка захваченъ водоворотомъ. Деньги ростутъ! Деньги ростутъ!

Этель (звонкимъ голосомъ). Я понимаю. Я чувствую, Яша! Помню, какъ это у насъ началось.

Женя. Ненавижу, презираю васъ...

Этель (дѣлаетъ Розенову знакъ. Шепотомъ). Поговори самъ съ ней. Я ничего не могу подѣлать, а отецъ не хочетъ вмѣшиваться.

Женя (обернулась). О чемъ вы шепчетесь?

Этель. Я не шепчусь. Уже шепчусь! (Дѣлаетъ Розенову знакъ) Подойди же къ ней.

(Тихо выходитъ въ кабинетъ и закрываетъ дверь за собой. Розеновъ смотритъ на жену. Заложилъ руки за спину и ходитъ по комнатѣ. Останавливается. Недовольно машетъ головой и рѣшительно подходитъ къ ней)

Розеновъ (искусственно дрогнувшимъ голосомъ). Женичка!..

Женя. Не смѣйте касаться меня. Ступайте къ своей служанкѣ!

Розеновъ (вспыхнулъ). Ненавижу этотъ тонъ. Начиталась французскихъ романовъ и чуть что, сейчасъ на вы.

Женя. Я не хочу тебя знать больше. Моя жизнь пропала! (Приложила платокъ къ глазамъ) Если бы я знала, за кого шла замужъ. Скажи, чѣмъ ты теперь лучше бандита, который останавливаетъ путниковъ на большой дорогѣ съ крикомъ: кошелекъ или жизнь? Врачъ-биржевикъ! Какой позоръ, какой позоръ!

Розеновъ (сдерживается). Я третій разъ дѣлаю попытку примириться съ тобой. Двѣ недѣли, какъ ты бросила домъ. Дѣти страдаютъ,—ты замучилась. Послушай меня, поѣдемъ домой.

Женя (съ горечью). Ты заботишься обо мнѣ? (Крикливо) А какова была моя жизнь? Поговорилъ ли ты

со мной хоть однажды серьезно? Нѣтъ, серьезно, почеловѣчески. Чѣмъ я была для тебя? Куклой, выставкой! Ты покупалъ мнѣ брилліанты ради своихъ цѣлей, но скупился на покупку книгъ, произведеній искусства. Въ нашемъ домѣ нѣтъ ни одной скульптуры. Въ гостинной, на стѣнахъ висятъ большія олеографіи, въ этихъ пошлыхъ золоченыхъ рамахъ. Для кабинета ты отказывался пріобрѣсти библіотеку...

розеновъ. Эти бредни никого не грѣютъ. Мнѣ надоѣли книги. Я не признаю искусства.

женя. Развѣ это не ужасно, не признавать искусства? Боже мой, я оставалась одна и думала: гдѣ же мои мечты? Когда мы познакомились, ты мнѣ понравился. (Опять напыщеннымъ тономъ) Я думала, что съ тобой изъ этого мертваго дома я выйду на свѣтъ, я увижу солнце. Жизнь наша будетъ заполнена благороднымъ трудомъ...

розеновъ (сердито). Это все изъ романовъ. О какомъ трудѣ ты говоришь? Въ жизни все такъ ясно, такъ просто. Поѣдемъ домой. Твоя вспышка пройдетъ, и какъ ты будешь жалѣть, если мы разойдемся. Я женюсь вторично на молоденькой, богатой, ты останешься вдовой. Хочешь, я повезу тебя за границу? (Шепчетъ) Поѣдемъ, какъ любовники...

женя. Не добьюсь у тебя, чтобы ты отнесся ко мнѣ, какъ человѣкъ. (Заплакала) Я говорю серьезно, Яковъ. Можетъ быть, это мои послѣднія слова! Я четыре года молчала. Я рвалась изъ нашей клѣтки къ прекрасному. И вотъ я вырвалась... не на радость.

розеновъ (мѣняетъ тонъ). Не могу же я серьезно, хладнокровно слушать эту чепуху. Вѣдь я не мальчишка и не хожу, воздѣвъ очи горѣ. Я смолоду ненавидѣлъ этотъ гнусный, высокій тонъ. Перестань дурить, или я тебя заставлю. Бросила дѣтей и разыгрываетъ Жанну Даркъ.

жeня (задыхаясь). Меня заставить!

розеновъ. Тебя, тебя. Я пойду до конца.

женя. Ты думаешь, что разговариваешь съ своими любовницами?

розеновъ. Молчать! (Сдавливаетъ ей руку) Ѣдешь домой? Я спрашиваю, вернешься домой?

женя (вырываетъ руку). Опять въ эти проклятыя комнаты тюрьмы? Никогда, лучше смерть! (Съ пафосомъ) Кому я нужна теперь? Кто протянетъ мнѣ руку, чтобы идти со мной впередъ, впередъ, безъ конца? Я одна!.. Моя жизнь пропала и вотъ я плачу. Кому я продана? Посмотри на себя. У тебя круглое брюхо и плотоядный ротъ. (Смѣется) У тебя цѣпочка на жилеткѣ. Нѣтъ, ты посмотри на себя. Какъ твой домъ устроенъ? Кабинетъ безъ библіотеки, гостинная безъ произведеній искусства, столовая и огромный буфетъ съ мраморной доской. Когда къ намъ входишь, сразу охватываетъ атмосфера чего-то ужаснаго, мерзкаго, безстыднаго. Я плачу, пропала жизнь!

розеновъ. Но ты вѣдь идіотка, честное слово. Твое мѣсто въ больницѣ.

женя. Это тебѣ кажется страшнымъ. Все благородное для тебя не имѣетъ цѣны. Пусть! Я плачу. Пропала жизнь!

розеновъ (въ бѣшенствѣ). Не знаю, что удерживаетъ меня ударить тебя. Но подожди, дойдетъ и до этого. Проклятіе гимназіямъ и подлымъ книгамъ! Почему я женился на тебѣ? Почему я тебя выбралъ? Развѣ въ городѣ мало другихъ богатыхъ идіотокъ, которыя почли бы за счастье выйти за меня замужъ? (Женя рыдаетъ) Ты еще плачешь? Ты еще права? Подожди, прибѣжишь сама ко мнѣ.

(Въ гнѣвѣ убѣгаетъ. Пауза. Женя плачетъ. Изъ кабинета тихо выходитъ Этель. Удивленно оглядывается. Музыка прекращается)

этель. Гдѣ же Яковъ?

(Женя молча поднимается и рыдая выходитъ изъ комнаты въ правую дверь. У дверей столкнулась съ Маней. Этель изумленно смотритъ на нее)

этель (недовольно; разстроена). Какъ ты прошла сюда? Кто тебя впустилъ?

маня. Никто меня не впустилъ. У кого я должна спрашивать позволеніе? Какъ ты ни богата, и какъ я ни бѣдна, все-таки мы сестры. Еще могу зайти къ тебѣ безъ спроса. Когда-то вмѣстѣ въ камешки играли, когда-то сидѣли за однимъ столомъ. Вотъ такъ сидѣлъ отецъ, а тутъ мать и, слава Богу, меня считали немножко красивѣе и умнѣе тебя. Счастья твоего мнѣ только не хватало.

этель. Пришла уже разговаривать. Мнѣ не такъ весело, чтобы тебя слушать.

маня. Можно подумать, что я прыгаю отъ веселья. Почему ты выгнала Диночку? Что она тебѣ сдѣлала? Вѣдь она пришла тебѣ поклониться?

этель (хмуро). Чего тебѣ надо отъ меня? Зачѣмъ ты приходишь меня мучить? Думай о какой-то Динѣ! Слава Богу, у меня довольно своихъ заботъ.

маня. Я ничего не говорю.

этель. Ты не говоришь? Знаю тебя. Твои глаза говорятъ. Пусти меня выйти. Смотри-ка, стала на порогѣ и не пропускаетъ!..

маня (тихо). Я ничего не хочу отъ тебя. Я пришла только разсказать тебѣ, что мы умираемъ съ голоду. Внизу стоитъ мой Абрамъ и падаетъ съ ногъ отъ слабости. Помощи нѣтъ ни откуда. Я прощаю тебѣ, что ты выгнала мою Диночку. Я прощаю тебѣ твои двѣнадцать комнатъ и то, что ты купаешься въ золотѣ, прощаю даже и то, что ты меня, свою сестру, не хотѣла вытащить изъ грязи, изъ этой бѣдноты, изъ этихъ скорбей. (Заплакала) Помоги мнѣ теперь...

этель. А я тебѣ сто разъ говорила что я не Рот-

шильдъ. Мнѣ не у кого взять денегъ. Ты думаешь, что золото у меня въ рукахъ? А если бы и было? Значитъ, я должна тебѣ всё отдать? Ты моя сестра, но теперь нѣтъ родства. Всякій живетъ для себя. Былъ бы твой мужъ умнѣе, дѣльнѣе, ты бы тоже достигла богатства. У меня есть люди поближе, чѣмъ ты. Спроси-ка сколько стоитъ вести хозяйство. Сколько стоятъ слуги, лошади, конюхи? Сколько нужно для дѣтей. И ничего не остается для другихъ. Теперь мельница стоитъ, а когда мельница стоитъ, то все равно, что мать умерла. Пропусти меня. Ты видѣла, моя Женичка плакала?

МАНЯ. Я не уйду отсюда. Мнѣ некуда идти. Лягу здѣсь и умру. Хорошо, нѣтъ родства. Пусть! Я не сестра, я, просто, бѣдная, несчастная женщина. Я пришла къ тебѣ. Я оглядываюсь и глаза не выносятъ блеска твоего богатства. Дома у меня холодно, въ окнахъ стеколъ нѣтъ, со стѣнъ течетъ зеленая вода. Каждая вещь, которая здѣсь валяется, могла бы осчастливить меня на всю жизнь. Смягчи свое сердце. Взгляни на меня и на себя: мы вѣдь дѣти одной матери. Ты вся сіяешь, а я худа, какъ загнанная лошадь, и годилась бы тебѣ въ матери. Мои руки такъ высохли, что въ нихъ едва бьются жилы.

ЭТЕЛЬ. Кто же виноватъ? Плачься на Бога. Пусть мужъ работаетъ... Развѣ мой Давидъ отказывался когда-нибудь отъ работы? Никогда! Онъ всегда думалъ о томъ, чтобы дѣлать деньги. Пусть твой мужъ тоже работаетъ, пусть дѣти работаютъ. Не жрите столько, не покупайте туфелекъ, шляпокъ, корсетовъ и изъ этихъ копеекъ соберутся рубли.

МАНЯ (мрачно). Пусть то, что мы тратимъ на шляпки, достанется моимъ близкимъ и далекимъ врагамъ на всю жизнь.

ЭТЕЛЬ (сердито). Ты еще проклинаешь? Ты! Ничтожная! Какъ же имѣть дѣло съ такими людьми, какъ вы?

Ты бы вѣдь меня зарѣзала. За что? Развѣ мы ограбили кого-нибудь? Что вамъ сдѣлалъ Давидъ? Если его мельница кормитъ васъ, то этимъ онъ плохъ? Кого Давидъ обидѣлъ? Всю жизнь онъ думаетъ о васъ. Изъ-за васъ нѣтъ ни дня, ни ночи. А чѣмъ вы платите за это?

маня. Прошу тебя... помоги мнѣ.

этель. У меня нѣтъ денегъ.

маня. А я перебью всѣ твои стекла. А я буду бѣгать по улицамъ и кричать: народъ, смотрите, какъ Этель Гросманъ поступаетъ съ своей несчастной сестрой! (Изступленно) А я повѣшусь у твоихъ дверей.

(На крикъ вбѣгаетъ Гросманъ. За нимъ почтительно входитъ Германъ)

гросманъ. Что тутъ за крикъ? Кто это?

этель. Это Маня. Она кричитъ, что ей плохо. Если нуждаешься въ помощи, то развѣ такими словами требуютъ?

маня (возбужденно). Вы, Гросманъ, мой шуринъ, а она моя сестра...

гросманъ (въ гнѣвѣ затопалъ ногами). Вонъ отсюда!

маня. Ну, выбросьте меня. Вотъ это я хочу видѣть. А ну, возьмите-ка меня за плечи. Мнѣ уже все равно. Ну, жирные звѣри, выбросьте меня!.. Развѣ вы люди? Эта женщина моя сестра! Собаку бы лучше мать родила.

гросманъ (топаетъ ногами). Вонъ, вонъ сейчасъ! Германъ, что же вы стоите? Вытащите ее отсюда.

германъ (подходитъ къ Манѣ, беретъ ее за руку). Идите отсюда. Вы вѣдь крикомъ ничего не добьетесь.

маня (вырывается изъ его рукъ). Разбойники! Я вамъ всѣ стекла перебью въ домѣ. Вы вѣдь пьете нашу кровь. Подождите, мы вамъ покажемъ, какъ пить. Ты, пусти меня... жирный звѣрь!

этель. Пустите ее, Германъ. (Бросаетъ ей рубль) На, подавись! Можешь уже проститься съ мельницей.

маня (глядитъ на монету, которая покатилась; поднимаетъ ее

съ пола). Рубль! Богачка Гросманъ бросаетъ голодающей сестрѣ рубль! Что бы одинъ рубль остался отъ твоего богатства. Имѣешь уже радости отъ своей Женички? Подожди, подожди. Моя правда возьметъ верхъ. Подождите, разбойники!

(Быстро уходитъ. Германъ присаживается скромно къ столу и не поднимаетъ глазъ. Гросманъ взволнованъ. Заложилъ руку за спину и ходитъ по комнатѣ)

ГРОСМАНЪ. Вотъ положеніе еврейскаго богача. Онъ одинъ и всякихъ бѣдныхъ родственниковъ у него тысяча. Тому до зарѣзу нужны деньги, тотъ умираетъ съ голоду. Этому найди службу. Воспитывай на свой счетъ десятокъ юношей и выдавай имъ стипендію. Благотворительныя учрежденія требуютъ пожертвованій, и кто только хочетъ, расхищаетъ твое состояніе. Почему? Потому что ты еврейскій богачъ. Къ русскому богачу никто не посмѣетъ явиться съ просьбами. А попробуй отказать—и ты разбойникъ!

ЭТЕЛЬ (робко). Выбрось ее уже изъ головы. Сегодня Яковъ опять приходилъ.

ГРОСМАНЪ. Не хочу слушать объ этомъ. Пусть идутъ къ черту всѣ Яковы!..

ГЕРМАНЪ (скромно). Надо было ей выбросить что-нибудь. Меньше собакой,—меньше лая.

ЭТЕЛЬ. Но у меня нѣтъ столько денегъ. Пусть бы Давидъ далъ мнѣ сто рублей и сказалъ: эти деньги отдай сестрѣ. Подумайте, Германъ, сколько мнѣ нужно ежедневно расходовать.

ГРОСМАНЪ. У нея никогда нѣтъ денегъ, Германъ. Дайте ей тысячу рублей и черезъ минуту она скажетъ: у меня нѣтъ денегъ.

ЭТЕЛЬ. Когда я получала отъ тебя тысячи?

ГЕРМАНЪ. Я не о Манѣ говорю. Я хотѣлъ только сказать, что теперь ихъ не слѣдуетъ раздражать. Они и такъ голову потеряли.

ГРОСМАНЪ. А я говорю вамъ, Германъ, что плюю на рабочихъ и на революцію, и на все. Я никого и ничего не боюсь. Если бы они даже съ ума сошли отъ перваго до послѣдняго,—они ничего не получатъ. Не раздражайте меня.

ЭТЕЛЬ. Дай ему хоть слово сказать. Вѣроятно, онъ знаетъ, что говоритъ.

ГРОСМАНЪ. Ты молчи. Не твое дѣло. Не вмѣшивайся...

ГЕРМАНЪ. Вы знаете, мадамъ Гросманъ, мою преданность вамъ. Вы меня вытащили изъ нищеты. И если бы вы сказали мнѣ: Германъ, бросься въ огонь, я закрылъ бы глаза и бросился въ огонь. Вѣрьте же моимъ словамъ. Послѣ той проклятой большой забастовки рабочіе превратились въ звѣрей. Во всемъ городѣ вы не найдете одного порядочнаго рабочаго. Волненія и слухи и все, что происходитъ въ эти проклятые мѣсяцы, дѣйствуетъ на нихъ, какъ огонь на порохъ. Они всѣ ходятъ съ глазами, налитыми кровью и съ сжатыми кулаками.

ЭТЕЛЬ (въ страхѣ). Слышишь, что онъ разсказываетъ?

ГРОСМАНЪ (сухо). Пусть разсказываетъ... Мы уѣдемъ...

ГЕРМАНЪ. Это другое дѣло. Еще недѣлю тому назадъ я думалъ, что все въ нашихъ рукахъ, а теперь я уже не вѣрю. Волненіе велико. Никто не знаетъ хорошо, чего хочетъ, и всѣ кипятъ, какъ въ котлѣ. Дѣлается страшно!..

ГРОСМАНЪ. Если нужно будетъ,—я уѣду. Пусть все погибнетъ, а я не сдамся. Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь, если согласенъ уѣхать? Ошибаетесь. У меня свой планъ, я же смѣюсь надъ ними. Все это пустяки, вздоръ...

ГЕРМАНЪ. Дай Богъ, дай Богъ!..

ГРОСМАНЪ. У васъ, Германъ, маленькая голова и

вы не понимаете, что происходитъ. Надо подняться высоко и сверху посмотрѣть внизъ. Тогда вамъ все откроется. Есть что-то постарше насъ съ вами, Германъ. Это наша власть. Эту власть хотятъ отнять у насъ, но мы не отдадимъ ея. Она должна существовать. Поднимитесь, Германъ, еще выше. Вотъ она власть! Въ золотѣ и съ мечемъ. Поклонимся ей!..

германъ. Это не для моей головы.

гросманъ. Потому вы и трусите, что не понимаете. Нужно, Германъ, дать развиться силѣ и задушить ее... Мы обезоружимъ ихъ, и впряжемъ всѣхъ въ нашу колесницу. Я, Германъ, самъ работалъ, знаю ихъ силы, знаю, чего они хотятъ, но знаю теперь, кто мы.

германъ. Я не могу съ вами спорить. Мое дѣло сказать, что всѣ мы стоимъ теперь на пороховомъ погребѣ, что можетъ произойти взрывъ, отъ котораго ничего цѣлымъ не останется.

гросманъ (взволнованно). Нѣтъ такого взрыва, котораго не могли бы сдержать крѣпкія стѣны. Посмотрите, Германъ, кругомъ себя. Вѣдь то, что совершается кругомъ насъ, не есть только мое дѣло. Вопросъ стоитъ такъ: власть для однихъ или власть для всѣхъ. Я стою тутъ на сторожѣ и говорю: нѣтъ!.. Я говорю всѣмъ, имѣющимъ власть: нѣтъ, ни одной уступки. Я говорю всѣму міру: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Оставимъ это. Все равно, вы не поймете. Что вы хотѣли сказать?

этель. Мнѣ страшно. Я бы спряталась въ самомъ глухомъ мѣстѣ. Когда мы были бѣдны, намъ было хорошо. Мы жили спокойно.

гросманъ. Молчи.

германъ. Я самъ все испробовалъ. На-дняхъ я призвалъ къ себѣ Степана. Онъ пользуется вліяніемъ среди своихъ. Степанъ, началъ я, что же ты дѣлаешь?

Ты русскій человѣкъ? Какъ тебѣ не стыдно водиться съ евреями? У тебя крестъ, у нихъ что? Кто дѣлаетъ смуту, какъ не евреи? Кто бунтуетъ, если не евреи? Ничего на помогло!

ГРОСМАНЪ. Вы хорошо сдѣлали, что такъ говорили о евреяхъ. Это должно подѣйствовать.

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ трогать евреевъ?

ГРОСМАНЪ. Какое тебѣ дѣло? Много добра ты видѣла отъ евреевъ?

ЭТЕЛЬ. Я знаю одно: евреевъ не нужно трогать...

ГЕРМАНЪ. Чѣмъ же отвѣтилъ Степанъ? Пришелъ вечеромъ и разбилъ камнями окна въ моей квартирѣ.

ЭТЕЛЬ. Вотъ видишь, Давидъ. Уступи имъ хоть что-нибудь... Станетъ спокойнѣе. Развѣ ты имѣешь дѣло съ людьми? Это вѣдь дикіе звѣри...

ГРОСМАНЪ. Пусть звѣри... Не твое дѣло. Я говорю, нѣтъ. Такъ и будетъ.

ГЕРМАНЪ. Хорошо. Можно подождать еще нѣсколько дней. Только... Только...

ГРОСМАНЪ. Что только?

ГЕРМАНЪ. Мнѣ тяжело причинить вамъ горе...

ГРОСМАНЪ. Какое горе? Что вы тянете?

ЭТЕЛЬ (испуганно). Боже мой, что еще?

ГЕРМАНЪ. Я преданъ вамъ и долженъ всю правду открыть. Я бы даже открылъ ее, если бы былъ постороннимъ—просто изъ сожалѣнія къ юношѣ.

ГРОСМАНЪ. Чортъ васъ возьми, Германъ. Вы тянете изъ меня жилы.

ГЕРМАНЪ (нерѣшительно). Вы... знаете, кто противъ васъ?

ГРОСМАНЪ. Какъ... Кто?

ЭТЕЛЬ. Боже мой!..

ГЕРМАНЪ. Въ дѣлѣ вѣдь замѣшанъ вашъ сынъ, господинъ Александръ. Вотъ правда, которую я узналъ.

ГРОСМАНЪ (съ крикомъ). Это!..

ЭТЕЛЬ. (всплеснула руками). Сашенька!..

ГЕРМАНЪ. И то, что господинъ Александръ въ забастовкѣ...

ГРОСМАНЪ (обрываетъ его). Мой Саша? Неправда! Противъ меня!.. Не вѣрю!..

ЭТЕЛЬ. Ты таки не вѣрь, Давидъ, не вѣрь...

ГЕРМАНЪ. Мои люди мнѣ сказали.

ГРОСМАНЪ. Мой сынъ? Ложь!.. Этель, гдѣ онъ? Позови его сейчасъ же сюда. Притащи его. Неправда, Германъ. Голову даю. Что, Этель, хорошихъ дѣтей ты родила? (Этель, сгорбившись, выходитъ) Поклянитесь Германъ, что это правда!

ГЕРМАНЪ. Клянусь...

ГРОСМАНЪ. Такъ у меня нѣтъ больше сына. (Кричитъ Этелъ, Этель, скорѣе! Терпѣніе мое истощилось!..

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ). Его нѣтъ дома. (Дрожитъ) Давидочка

ГРОСМАНЪ. Такъ послать за нимъ. Отыскать его. (Къ себѣ) Тише, Гросманъ, тише. Не падай духомъ...

ГЕРМАНЪ. Господинъ Гросманъ, что съ вами?

ЭТЕЛЬ. Давидочка, мой дорогой Давидъ!.. Тебя прошу! Вотъ стану на колѣни передъ тобой. Только ты успокойся, только ты. Не смотри на дѣтей—только ты!..

ГРОСМАНЪ. Уйди! Тише, Гросманъ, тише... Ты зналъ своего сына? Этель, въ первый разъ мы сойдемся съ нимъ лицомъ къ лицу. Мы разсмотримъ другъ друга. Тише, Гросманъ, тише... Что ты сдѣлалъ, чтобы знать своего сына? Кто у тебя въ домѣ?

ГЕРМАНЪ. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ?!..

ГРОСМАНЪ. Ступайте, Германъ. Работайте. Я не сдаюсь. (Сердито) Не раздражайте же меня своими отвѣтами. Ступайте!..

ЭТЕЛЬ. Идите, идите. Вы видите, что съ нимъ. Ахъ, Германъ, печали вы принесли въ нашъ домъ, острый ножъ вы вонзили въ мое сердце...

ГЕРМАНЪ (бормочетъ). Я долженъ былъ донести. (Выходитъ. Гросманъ большими шагами ходитъ по комнатѣ)

ЭТЕЛЬ (умоляюще). Давидъ, Давидочка!..

ГРОСМАНЪ. А, что?

ЭТЕЛЬ. О чемъ ты думаешь? Не надо думать, не надо! Прогони свой гнѣвъ... Какъ намъ хорошо было, когда мы были бѣдны. Вотъ мы богаты. Стали ли мы счастливѣе? Нѣтъ однихъ заботъ, но выросли другія, худшія. Огромныя комнаты, кругомъ роскошь, а я кружусь въ нихъ, какъ заброшенная кошка. Женя несчастна!.. Не сердись на Сашу.

ГРОСМАНЪ (разсѣянно). Я хожу и думаю о томъ, какъ съ нимъ встрѣчусь. Намъ вѣдь нужно взглянуть другъ на друга. Этель, кажется, въ деньгахъ лежитъ что-то страшное. А? Чортъ сидитъ въ деньгахъ. Что? Ты знаешь Сашу? Мнѣ некогда было думать о немъ. Кто такой Саша? Какой онъ, высокій или низенькій? Выросли ли у него усы? Какой у него голосъ, громкій или тихій?

ЭТЕЛЬ. Нашъ Саша красивъ... Онъ добръ... Больше я ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ (задумчиво). Почему же мы ничего не знаемъ?

ЭТЕЛЬ. Присядь, Давидъ. Я буду говорить и ты успокоишься. Никогда мы не разговариваемъ просто, какъ мужъ съ женой. Когда мы жили, Давидъ? Кажется... никогда!..

ГРОСМАНЪ. Ты говоришь, что Женя несчастна? Почему она несчастна? Пустяки! О чемъ я говорю? Ну, а кто такое Маша?

ЭТЕЛЬ. Люблю ее... но... ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ. А Петя?

ЭТЕЛЬ (бормочетъ). Петя, Петя... Люблю, дрожу...

ГРОСМАНЪ (вспыхиваетъ). Такъ всѣ они собаки? Всѣ мои! Что такое дѣти? Что такое мои? А если мои?..

ЭТЕЛЬ. Вотъ кровь опять тебѣ бросилась въ голову. Вотъ ты опять теряешь разсудокъ. Что дѣти? Только ты,—только ты!.. Тебя прошу...

ГРОСМАНЪ (встаетъ и идетъ въ кабинетъ. Этель слѣдуетъ за нимъ. Сильно). Нѣтъ, нѣтъ! Кто я? Я Гросманъ! Гросманъ останется Гросманомъ... Мои дѣти! Скажите! Мои дѣти!..

ПЕТЯ (входитъ съ собакой, садится у стола). Байронъ, сюда! (Вынимаетъ портсигаръ и закуриваетъ. Позвонилъ. Входитъ горничная)

ПЕТЯ (вдругъ). Вонъ! (Горничная испуганно убѣгаетъ. Онъ насвистываетъ, подходитъ къ буфету, достаетъ шоколадъ и ѣстъ. Опять звонитъ. Снова является горничная) Вонъ! (Расхохотался. Кормитъ собаку шоколадомъ)

ВАЙЦЪ (входитъ). Я васъ ищу во всѣхъ комнатахъ. Пора заниматься.

ПЕТЯ (кормитъ собаку). Не хочу!..

ВАЙЦЪ. Вы не можете не хотѣть. Мнѣ тяжело получать здѣсь даромъ деньги.

ПЕТЯ. Если вамъ платятъ, то это все равно.

ВАЙЦЪ. Я не могу съ вами объ этомъ спорить. Не будьте только грубымъ. Это одно, о чемъ я прошу. Я имѣю право требовать этого отъ васъ.

ПЕТЯ (пожимаетъ плечами). Не понимаю!.. (Насвистываетъ и возится съ собакой)

ВАЙЦЪ. Какъ мнѣ ни тяжело, но я принужденъ буду сообщить вашему отцу о вашихъ отказахъ заниматься.

ПЕТЯ. Послушайте, Вайцъ. Сколько разъ нужно вамъ повторять, что я не боюсь отца. Подумаешь—отецъ!.. Получаете жалованье и будьте довольны...

ВАЙЦЪ. Вы ставите меня въ тяжелое положеніе. Въ сущности я сейчасъ же долженъ былъ бы уйти изъ этого дома и... не могу. На моихъ плечахъ большая семья. Поймите это и прекратите ваши нападки.

ПЕТЯ (грубо). Какое мнѣ дѣло до вашей семьи? Смотритъ на Вайца. Смѣется) Байронъ, сюда!..

(Насвистывая уходитъ. Вайцъ опустилъ голову. Сидитъ задумавшись)

МАША (входитъ. Обходитъ съ скучающимъ видомъ комнату. Садится въ углу). Только что играла!.. Бросила! Пришла сюда изъ десятой комнаты и теперь буду сидѣть здѣсь какъ бы кому-то на зло. Буду думать, что мнѣ весело. (Закрываетъ глаза) Вотъ Вайцъ...

ВАЙЦЪ (прерываетъ ее). Петя меня только что оскорбилъ... Почему же я не ухожу? (Машетъ рукой)

МАША (полузакрыла глаза). Вотъ, Вайцъ, вокругъ меня избранное общество, кавалеры и дамы. Они ведутъ блестящій разговоръ по-французски. Красавецъ корнетъ возбуждаетъ общее вниманіе. Посмотрите, Вайцъ, вотъ онъ встаетъ. Какъ онъ изященъ! Онъ постукиваетъ шпорами. Онъ прошелъ мимо и обдалъ меня огненнымъ взглядомъ. Я опустила глаза. Вотъ онъ наступилъ мнѣ на ногу и я вскрикнула. Вайцъ, всѣ оглянулись въ мою сторону. Разговоры смолкли. Какъ ясно пахнетъ фіалками. Вы, Вайцъ, хотите наказать дерзкаго!.. Вы въ мундирѣ и стройны. Какъ чудно пахнетъ фіалками. Корнетъ поблѣднѣлъ. Вы подходите и бросаете ему перчатку въ лицо. (Съ крикомъ) Вайцъ, вы дали ему пощечину! Вы дали ему пощечину!..

ВАЙЦЪ. Зачѣмъ смѣяться надо мной?

МАША. Нѣтъ я не смѣюсь. Я никого не вижу вокругъ себя. Поднимитесь, выпрямитесь! Почему вы сидите всегда сгорбившись? Развѣ трудно сдѣлаться стройнымъ, мужественнымъ? Вы вѣдь мужчина! У васъ гордыя цѣли впереди. Я съ вами!.. (Усталымъ голосомъ) Какъ все скучно. Вайцъ! я чувствую, что угасаю. Вотъ брошенъ сорванный цвѣтокъ...

ВАЙЦЪ. У васъ чудная душа. Когда я слышу вашъ голосъ, все благородное, что живетъ во мнѣ, пробуждается. Маша, на моихъ глазахъ погибаетъ человѣкъ!..

МАША (угрюмо). Пусть гибнетъ!.. Зачѣмъ жить?

ВАЙЦЪ. Зачѣмъ? Есть одна святая цѣль въ жизни. Это борьба за счастье своего угнетеннаго народа. Но это не для насъ. Есть, Маша, еще одна великая радость, которая можетъ заполнить жизнь. Это радость о томъ, что существуетъ Европа. Въ Европѣ, Маша, работаютъ. Это великое утѣшеніе. Европа работаетъ! Тутъ тьма, ужасъ, а тамъ въ лабораторіяхъ ищутъ рѣшеній міровыхъ загадокъ. Идутъ грандіозные поиски. Тайны раскрываются. Вырабатываются новыя формы искусства, переоцѣниваютъ старыя формулы науки. Тамъ въ университетахъ профессора разбрасываютъ сѣмена знанія и пріобщаютъ народы къ высшему пониманію жизни. Уничтожаютъ варварство, убиваютъ пошлость.

МАША. А я не родилась въ Европѣ. Какъ жалко! Зачѣмъ вы говорите мнѣ о народѣ? Мнѣ? Вы проливаете драгоцѣннѣйшія слезы на камень.

ВАЙЦЪ. Маша!..

МАША. Зачѣмъ же вы говорите мнѣ о народѣ? Гдѣ? Здѣсь! (Смѣется) Въ этомъ домѣ мертвыхъ людей? Вѣдь мы не евреи и не христіане! Вѣдь Петя способенъ затравить еврея собаками... Молчите о народѣ... (Пауза) Я сижу и гляжу на васъ.. (Вдругъ) Вайцъ, хотите бѣжать со мной?..

ВАЙЦЪ. Что вы сказали? (Испуганно) Маша!..

МАША (въ забытьи). Вы любите меня... Убѣжимъ! Украдите меня! Когда взойдетъ луна, вы постучите въ мое окно и я выйду къ вамъ. Приготовьте быстрыхъ лошадей. Мы уѣдемъ и умретъ моя тоска...

ВАЙЦЪ. Вы издѣваетесь надо мной.

МАША. Мнѣ страшно въ этихъ пустынныхъ комнатахъ, меня убиваетъ пошлость. (Съ тоской) Меня убиваетъ пошлость...

ВАЙЦЪ (дрожащимъ шепотомъ). Я люблю васъ!..

МАША (удивленно смотритъ на него). Вы? Меня? (Смѣется) Учитель въ очкахъ? (Смѣется) Гувернеръ! Меня? (Вдругъ) Станьте на колѣни. Сейчасъ, я хочу! Объяснитесь мнѣ въ любви. Объяснитесь поэтически, красиво... Высокій стройный юноша!.. Высокій нѣжный юноша...

ВАЙЦЪ (становится на колѣни). Да, да... Но отчего же вы плачете?

(Слышны шаги)

МАША. Сюда идутъ. Не поднимайтесь... Хочу!.. Учитель Вайцъ на колѣняхъ...

ВАЙЦЪ (тихо). Это позоръ!..

МАША (смотритъ на него. Устало). Встаньте!

(Входитъ Александръ. Подаетъ Вайцу руку)

АЛЕКСАНДРЪ (къ Вайцу). Переписали?

ВАЙЦЪ (долго не отвѣчаетъ. Старается подавить свое волненіе) Переписалъ!..

АЛЕКСАНДРЪ (звонитъ. Входитъ Горничная). Принесите мнѣ завтракъ...

(Горничная уходитъ. Доносится голосъ Гросмана: «Саша пришелъ? Гдѣ онъ?»)

АЛЕКСАНДРЪ. Отецъ зоветъ меня.

ГРОСМАНЪ (входитъ). Саша!..

АЛЕКСАНДРЪ. Я тебѣ нуженъ, папа?

ГРОСМАНЪ (грубо). Конечно. Я вѣдь говорю: Саша!..

АЛЕКСАНДРЪ (удивленно). Почему ты кричишь?

ГРОСМАНЪ. Потому что я отецъ и могу кричать.

АЛЕКСАНДРЪ (хмуро). Ничего не понимаю.

ГРОСМАНЪ (рѣзко къ Вайцу и Машѣ). Ступайте отсюда!..

(Вайцъ быстро уходитъ)

МАША. Папа, ты не на мельницѣ.

ГРОСМАНЪ. А я хочу быть какъ на мельницѣ. Я вамъ отецъ или нѣтъ? (Съ крикомъ) Кто здѣсь отецъ, я спрашиваю? Здѣсь въ комнатѣ кто отецъ?..

(Маша пожимаетъ плечами, выходитъ)

АЛЕКСАНДРЪ. Ну хорошо, ты отецъ. Что дальше?

ГРОСМАНЪ. Что дальше? Молчать! Не смѣй со мной такъ разговаривать.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну хорошо, хорошо. Но почему же ты все-таки кричишь?

ГРОСМАНЪ. Почему? У тебя есть смѣлость смотрѣть мнѣ въ глаза? Гдѣ твоя совѣсть? покажи-ка ее!...

АЛЕКСАНДРЪ. Ты заговорилъ со мной такимъ тономъ, что я перестаю отвѣчать тебѣ. (Отвернулся)

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ повернулъ его къ себѣ). Я тебя заставлю отвѣчать.

АЛЕКСАНДРЪ. Прими руку...

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ). Давидъ, перестань! Вѣдь это нашъ сынъ, нашъ...

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ). Отойди отъ меня!.. Нашъ сынъ? Это нашъ позоръ! (Александръ хочетъ уйти) Не смѣй уходить! Что? Говорю я, не смѣй уходить, или нѣтъ? Я прикажу связать тебя. Захочу и высѣку тебя. Засѣку... Замолчать!...

АЛЕКСАНДРЪ (къ матери). Что съ нимъ сегодня?

ЭТЕЛЬ (плачетъ). И ты тоже хорошъ. Отчего ты идешь противъ отца, противъ такого отца? Посмотри на него. Вѣдь онъ постарѣлъ на десять лѣтъ за эти полчаса, горя о тебѣ. Ты его не жалѣешь? (Громко заплакала) Гдѣ наши радости отъ дѣтей? Вотъ Женя заперлась въ дѣтской и плачетъ, и не впускаетъ къ себѣ...

ГРОСМАНЪ (къ женѣ). Довольно! (Къ сыну) Саша, вотъ я сдержалъ себя. Кровь мнѣ бросилась въ голову, когда я тебя увидѣлъ. Вотъ опять гнѣвъ душитъ меня... Тише, Гросманъ, тише... Спокойно! хладнокровно!.. (Къ сыну) Ты учишь рабочихъ, какъ лучше сдѣлать мнѣ зло. Это не укладывается въ моей головѣ. Почему? Что я сдѣлалъ тебѣ дурного?

АЛЕКСАНДРЪ (упрямо). Ничего...

ЭТЕЛЬ. Но вѣдь это твой отецъ, твой!..

ГРОСМАНЪ (вспыхнувъ. Къ женѣ). Съ кѣмъ ты разго-

вариваешь? Вѣдь онъ уже каторжникъ. (Повернулся къ сыну). Ты!.. (Топаетъ ногами. Минута напряженнаго молчанія. Безсмысленно оретъ.) Ты проклятый соціалистъ!.. Соціалистъ! Въ моемъ домѣ! Мой сынъ!.. (Топаетъ ногами)

ЭТЕЛЬ (ломаетъ руки). Несчастный, несчастный!..

ГРОСМАНЪ. Кого мы выростили? Чего же ты хочешь отъ насъ? Отвѣчай, проклятый! Можетъ быть, зарѣзать? Ну, зарѣжь меня! Спряталъ револьверъ въ карманѣ? (Хватаетъ его за рубашку) Это что за рубашка на тебѣ? Твоя? Врешь!.. Раздѣвай рубашку. Сейчасъ! Все это мое. На мои деньги купленное. Голымъ я выгоню тебя. (Горничная вноситъ завтракъ. Гросманъ бросаетъ тарелки на полъ. Съ новымъ гнѣвомъ). Вонъ отсюда сейчасъ, въ чемъ родился. Босымъ вонъ!.. Я тебѣ покажу, какъ со мной бороться. Ого, ты еще Гросмана не знаешь. Гросмана, Гросмана!.. Я убью тебя... (Подбѣгаетъ къ нему и поднимаетъ угрожающе руку)

АЛЕКСАНДРЪ (спокойно). Ну?

ЭТЕЛЬ (вскрикнула). Что же ты хотѣлъ сдѣлать, Давидъ? Кого ты хотѣлъ ударить? Сашенька, уйди теперь.

ГРОСМАНЪ (грозно къ сыну). Проклятъ ты будь!... (Къ женѣ) Ты его выростила такимъ, Сашенька, Сашенька!.. Вотъ онъ Сашенька. Посмотри на его лицо. Развѣ онъ похожъ на насъ? У него звѣрскіе глаза. У него ножъ въ рукахъ. (Опять изступленно) Что же ты молчишь, проклятый?

(Топаетъ ногами. Александръ упрямо молчитъ)

ЭТЕЛЬ. Можетъ быть, ты еще хочешь бросить насъ? (Изступленно) Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя... Я не хочу! Ты мой! Нѣтъ, нѣтъ!.. Я тебя на рукахъ носила, своимъ молокомъ вскормила. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сыночекъ мой, дорогой мой!..

ГРОСМАНЪ (съ бѣшенствомъ). Скажи же что-нибудь... Говори!..

(Топаетъ ногами. Слышенъ выстрѣлъ. Этель присѣла отъ ужаса)

ЭТЕЛЬ. Боже мой!.. Несчастье! Что-то сердце мое плакало весь день. Боже мой!..

(Выбѣгаетъ. Доносится шумъ и крики)

ГРОСМАНЪ (обернулся). Что тамъ такое?.. Что тамъ?..

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ, рветъ на себѣ волосы). Застрѣлилась! Женичка застрѣлилась! Давидъ, Давидъ, я умираю. Конецъ нашей жизни!..

(Всѣ вскрикнули. Александръ бросается въ комнаты Гросманъ бѣжитъ за нимъ. Этель въ изнеможеніи падаетъ на стулъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Гросмана. Большая, богато убранная комната. Два венеціанскихъ окна выходятъ на площадь. Изъ нихъ днемъ видна мельница какъ на ладони. Теперь же едва вырисовывается мрачный силуэтъ всѣхъ ея зданій. Въ комнатѣ два письменныхъ стола, одинъ новый роскошный, за которымъ Гросманъ принимаетъ посѣтителей, другой простой. Гросманъ вѣритъ, что этотъ принесъ ему счастье и, находясь среди своихъ, обыкновенно сидитъ за старымъ столомъ. Налѣво желѣзная касса. У стѣны два дорожныхъ сундука. Комната освѣщается электричествомъ. Кругомъ бездѣлушки, картины въ золоченыхъ рамахъ и отдѣльно большой портретъ Гросмана. Двѣ двери. Справа кушетка. На ней отдыхаетъ Женя. Рука у нея подвязана послѣ неудачнаго выстрѣла. За столомъ сидитъ Гросманъ и куритъ сигару. Противъ него Этель. Ершъ, держа шапку въ рукѣ, стоитъ въ почтительной позѣ и слушаетъ. Изрѣдка доносится глухой шумъ голосовъ.

ГРОСМАНЪ. Вамъ, Эршъ, слѣдуетъ за работу пятьдесятъ рублей. (Вынимаетъ кошелекъ изъ кармана и считаетъ) У меня въ кошелькѣ всего тридцатъ рублей. Возьмите пока тридцать. Когда пріѣду, сосчитаемся.

ЭРШЪ. Хотѣлъ бы, конечно, всѣ получить, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Но если вы такъ хотите, то пусть будетъ такъ, какъ вы хотите.

ГРОСМАНЪ (сквозь зубы). Вы вѣдь старый плутъ, знаю васъ. Готовъ даже побиться объ закладъ, что вы меня на-половину надули. (Смѣется) Но я не сержусь. Мнѣ нравится, что вы старый плутъ, и я люблю, когда меня надуваютъ... на-половину. Обманывайте дурака Гросмана, грабьте его.

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ ты мучишь человѣка?

ЭРШЪ. Э, они мучатъ Я даже не чувствую. (Заискивающе) Можетъ быть, господинъ Гросманъ, у васъ найдется еще десять рублей?

ГРОСМАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ. Ни одной копейки. (Смотритъ въ кошелекъ) Я сказалъ неправду. Въ кошелькѣ осталась одна копейка. (Смѣется) У Гросмана въ кошелькѣ одна копейка. (Эршъ подобострастно улыбается) И такъ, Эршъ, мы въ разсчетѣ. Передайте тамъ всѣмъ этимъ мерзавцамъ, что завтра Гросманъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Европу. Вотъ видите, даже сундуки запакованы. Выбрали пять негодяевъ и думали, что Гросманъ станетъ съ ними разговаривать. Дураки! Что? Вы говорите, что они шумятъ тамъ. Очень хорошо.

Для меня это только пріятная музыка. Я отлично засну.

эршъ. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете? Что-то все не вѣрилось. Говорили, говорили, а вотъ и правдой сдѣлалось. Пойдетъ теперь голодъ...

гросманъ (довольный). Теперь пойдетъ хорошій голодъ. Хорошій кусочекъ голода. Они будутъ кушать воздухъ. Когда же я вернусь, то предложу устроить маленькій союзъ противъ рабочихъ. Къ моему пріѣзду глупая революція будетъ раздавлена и станетъ весело.

эршъ (убѣжденно). Вы еще найдете средство бороться съ ними. Еще есть и есть и есть...

женя. Папа, довольно, мнѣ скучно...

гросманъ. Высунь, Женичка, голову изъ окна, и услышишь, какъ рабочіе начинаютъ мяукать передъ голодомъ. Это тебя развеселитъ.

этель. Къ чему эти шутки? Тамъ вѣдь евреи! И душа моя что-то не спокойна. Что вы скажете, Эршъ? Вѣдь нисколько не весело. Страна горитъ, кипитъ, кричитъ, кровь льется. (Со вздохомъ) Нѣтъ спокойствія, Эршъ, нѣтъ его и надо уѣзжать. Не завидуйте намъ.

эршъ. Я никогда никому не завидовалъ. Я иду своей дорогой. Сторонкой я иду. Что Богъ далъ мнѣ, то и хорошо.

этель. И что они выиграли, спрошу васъ? Мнѣ вѣдь жаль евреевъ. Вотъ онъ уѣзжаетъ. Будетъ мельница стоять, какъ покойникъ, и всѣхъ пугать. Дѣти начнутъ умирать.

эршъ. Уже будутъ умирать, мадамъ Гросманъ! Они хотѣли болячекъ? Теперь они ихъ имѣютъ. Такъ уже плохо стало, какъ никогда не бывало. А шайка шарлатановъ собирается, оретъ, всѣ потеряли голову, изъ каждой квартирки несется вой и проклятія. Ай, какъ тамъ плохо!..

этель. Мнѣ хотѣлось бы только одно понять. Что

имъ сдѣлалъ мой мужъ, что? Или онъ ихъ мучилъ? Или придирался, или не платилъ? Чего можно желать отъ такого человѣка, какъ Давидъ? Могъ онъ, и прибавилъ имъ въ прошломъ году. Спросите, чего онъ не сдѣлалъ для нихъ? Я всегда говорила: надо быть плохимъ къ людямъ и они будутъ тебя почитать.

эршъ (осторожно). Положимъ, доброта немножко лучше. Не скажу на много, но немножечко лучше. Доброта не мѣшаетъ...

этель. Какъ же лучше, когда они называютъ его разбойникомъ? Посмотрите на этого разбойника. Вѣдь онъ ограбилъ весь міръ.

гросманъ. Присядьте-ка здѣсь, Эршъ. Дѣло это прошлое, сундуки уложены, но между нами, скажите, кого я обидѣлъ въ своей жизни? Ударилъ ли я когда-нибудь рабочаго? Если Германъ давалъ иногда волю своимъ рукамъ, то онъ вѣдь Германъ. Вѣдь это разбойникъ! Но я, я? Чего же они хотятъ? Чтобы я открылъ имъ свою кассу,—вотъ эту кассу, посмотрите на нее,—и ушелъ? Но я еще, благодареніе Богу, не сошелъ съ ума? Что, Эршъ? Или, можетъ быть, вы бы это сдѣлали? Сядьте же Эршъ. Васъ же просятъ.

эршъ (уклончиво). Господинъ Гросманъ, мнѣ надо идти работать. Вотъ на этомъ горбу хотя уже и взрослые, но все еще сидятъ дѣти: дочь, сынъ и еще сынъ. И сѣсть я тоже не могу. Что значитъ сѣсть? Развѣ я не знаю своего мѣста? Вы, слава Богу, господинъ Гросманъ, я... слава Богу, Эршъ! Слава Богу! Могу постоять... (Улыбается) У меня, господинъ Гросманъ, живетъ сапожникъ, Шмиль его имя. Человѣчекъ! Ничего себѣ человѣчекъ! И шутливый. Онъ любитъ говорить такъ: „человѣкъ! Что такое человѣкъ? Это король земли... Король!“ Ну такъ я изъ тѣхъ королей земли, которые могутъ постоять передъ господиномъ Гросманомъ.

ГРОСМАНЪ (недовольный сердится). Вотъ это мнѣ не нравится. Вашъ Шмиль большой большой дуракъ и, вѣроятно, шарлатанъ. Это онъ, вѣроятно, портитъ людей, которые работаютъ. Изъ-за такихъ Шмилей останавливаются мельницы, рабочіе бунтуютъ, а хозяева должны уѣзжать въ Европу. Человѣкъ—король земли! Нѣтъ, Эршъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Если бы Шмили вотъ такъ говорили, тогда было бы тихо. Сядьте же Эршъ, не упрямьтесь!..

ЭРШЪ. А я всегда говорилъ, что господинъ Гросманъ вѣдь король!.. Домъ, какъ у короля, слава Богу... Денегъ какъ у короля!..

ГРОСМАНЪ. А они вамъ, конечно, не вѣрили?.. Старая исторія. Но они должны будутъ повѣрить. Я сдѣлаю такъ, что они Гросмана запомнятъ. Внукамъ будутъ разсказывать о Гросманѣ. Я имъ покажу, кто король и кто не король. Первое, Эршъ, — ни одинъ еврей не будетъ работать больше на моей мельницѣ. (Встаетъ) Ни одинъ!... Мнѣ не нужно евреевъ. Зачѣмъ они? Развѣ безъ нихъ нельзя дѣла вести? Этихъ шарлатановъ къ чорту. Только русскіе найдутъ работу на моей мельницѣ... Это во-первыхъ...

ЭТКЛЬ. Видите, Эршъ. Все это имъ очень нужно было?

ЭРШЪ (смущенно). Да, мадамъ Гросманъ. (Осторожно) Господинъ Гросманъ, мнѣ нужно пойти домой. Становится поздно...

(Женя повернулась спиной къ Эршу и закрыла уши)

ГРОСМАНЪ. Успѣете, Эршъ. Вѣдь главнаго я вамъ еще не сказалъ. Если, Эршъ, я по пріѣздѣ вспомню о комъ-нибудь, то, конечно, о васъ.

ЭРШЪ (почувствовалъ угрозу. Испуганно. Старается улыбнуться). Обо мнѣ? Почему обо мнѣ? Никого уже другого въ городѣ не осталось?

ГРОСМАНЪ. Не притворяйтесь овечкой. Миронъ

вашъ сынъ или не вашъ? Кто кричалъ громче всѣхъ? Кто? Кто приходилъ со мной разговаривать? Со мной!.. Я, положимъ, показалъ ему разговоры!.. Больше уже не осмѣлится! Но вы-то, Эршъ! Гдѣ вы были? Такого отца на куски разрѣзать нужно, если онъ не учитъ добру своего сына.

эршъ (быстро). Это не правда, господинъ Гросманъ. (Посовѣстился) Можетъ быть, чуточка правда!.. Можетъ быть!.. Въ каждой неправдѣ есть чуточка правды и въ каждой правдѣ есть немножечко неправды. Но, какъ теперь ночь на землѣ, виновата сестра мадамъ Гросманъ, Маня. Это она проклинаетъ. Это она бѣгаетъ изъ квартиры въ квартиру и кричитъ, что надо мельницу сжечь...

этель. Кто вамъ повѣритъ, Эршъ? Маню чортъ можетъ таки унести. Я знаю свою Маню. Но подобнаго Мирона, какъ вашъ, земля еще не рожала. Кто испортилъ моего сына, какъ не Миронъ?..

эршъ (съ ужасомъ). Какъ, вы и этому вѣрите? Ахъ мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ!.. Въ самое больное мѣсто моего сердца вы ударили меня. Вѣдь я отецъ! Развѣ я не отецъ? Можетъ быть, у него матери нѣтъ, и мы не проливаемъ слезъ по ночамъ? Что вы сказали? Я живу на свѣтѣ пятьдесятъ пять лѣтъ и каждый день съ одной только молитвой обращаюсь къ Богу. „Богъ, прошу я, сдѣлай такъ, чтобы все было по-старому,—пусть все останется на мѣстѣ, какъ было...“ Къ чему эти перемѣны, къ чему этотъ крикъ? Развѣ бѣдная земля мало страдаетъ? Посмотри на бѣдную землю. Какъ дитя вѣдь она плачетъ, какъ барашекъ обливается кровью. Пусть будетъ по-старому!.. Я не учу своего сына добру? Я? Господинъ Гросманъ, — вы отецъ и я отецъ, чтобы вы ни говорили. Вы плачете у себя, а мы у себя. Вѣдь моего бѣднаго Мирона испортилъ господинъ Александръ. Мой Миронъ пошелъ въ меня. Онъ былъ, какъ дѣвушка.

ЭТЕЛЬ. Перестаньте, Эршъ. Камни сами поднимутся и побьютъ васъ.

ЭРШЪ. Мадамъ Гросманъ, вѣрьте мнѣ, развѣ я не умолялъ вашего сына? Вѣдь я на колѣни становился передъ нимъ. Господинъ Александръ, ахъ господинъ Александръ, зачѣмъ вы ходите ко мнѣ? Развѣ вы не сынъ господина Гросмана? Вы богачъ, мой сынъ рабочій... Просите, — развѣ помогаетъ? Ахъ господинъ Гросманъ,—все перевернулось. Смѣшанный съ кровью палъ туманъ на несчастную землю...

ЭТЕЛЬ. А я вамъ говорю, Эршъ, что вашъ сынъ погубилъ нашего.

ЭРШЪ (умоляетъ). Мадамъ Гросманъ!..

ЭТЕЛЬ. А я вамъ говорю, что вашъ погубилъ нашего. Кому вы хотите голову затуманить? Кого вы хотите увѣрить, что богатый, нѣжный, образованный человѣкъ самъ пошелъ къ рабочему? Никогда этого не могло быть, если бы его не испортили. Чего бы мнѣ не хватало, если бы Саша не зналcя съ Мирономъ?.. А теперь плачь, говори, бейся головой о стѣну,—напрасно: пропалъ сынъ!..

ГРОСМАНЪ (мрачно). Пусть пропалъ. Я не хочу объ этомъ знать. Дѣти!.. Какъ-будто нѣтъ ничего высшаго, кромѣ нихъ? Пропалъ, такъ пропалъ, — къ чорту дурное! Теперь потребую изъ гимназіи бумаги Пети, а его возьму на мельницу. Пусть дураки уже учатъ своихъ дѣтей.

ЭТЕЛЬ. Конечно. Нужно дать имъ попробовать сладость рубля, тогда ихъ, какъ мухъ отъ меда, не отгонишь отъ дѣла.

ЭРШЪ. Я пойду уже, господинъ Гросманъ. Желаю вамъ счастливаго пути... Можетъ быть, вы все-таки дадите мнѣ что-нибудь? Хоть пять рублей. Запахло морозами...

ГРОСМАНЪ. И если это горе, что мой сынъ по-

шелъ противъ меня, я схоронилъ его глубоко въ сердцѣ. Никто не увидитъ горя Гросмана. Ступайте, Эршъ, я усталъ, хочу спать, а тутъ еще нужно подвести счеты.

эршъ. Такъ нѣтъ? Вы тверды, какъ камень. Добраго пути вамъ. (Кланяется) Хорошаго пути... Ахъ, Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ... (Прихрамывая, выходитъ)

этель (равнодушно). Прощайте, Эршъ...

(Гросманъ погружается въ работу. Пауза)

женя. Стоило такъ долго разговаривать съ нимъ. Вы нисколько не жалѣете меня. Я лежу съ простреѣленной рукой, рана ноетъ, сердце томится и грустить, голова устала отъ думъ, а вамъ все равно. Эршъ вамъ дороже меня.

этель. Больше не буду. (Подходитъ къ ней) Больше не буду, дорогая моя, мученица моя...

гросманъ (громко). Не кричите. У меня еще столько работы, а я спать хочу. (Стучитъ на счетахъ)

этель (тихо). Онъ бѣдный правъ (Еще тише) Яша два раза прибѣгалъ, а я не хотѣла его и впустить... О, я ему не прощу твоей раны!..

женя. Зачѣмъ такъ строго, мама? Вѣдь онъ тоже измучился... Я стрѣлялась! Развѣ это правда? (Крикливо) Я стрѣлялась? Мама, что было бы теперь со мной, если бы пуля попала въ сердце? Я лежала бы въ могилѣ? Я въ могилѣ? (Вздрагиваетъ) Вотъ эти руки глодали бы черви? Въ глазахъ кишѣли бы черви, красота превратилась бы въ тлѣнъ? (Вздрагиваетъ) Какъ хорошо, что выстрѣлъ былъ неудачный! Мама, теперь я люблю жизнь. Я люблю. Какъ прекрасенъ міръ!.. Есть солнце, есть даль, есть море!..

этель. Радость моя!..

женя. Я о многомъ передумала, мама. Зачѣмъ я ссорилась съ Яковомъ? Подумай, во имя чего? Развѣ

земля не одинаково закроетъ и пошлость и благородство, и высокое и низкое? Пощадятъ ли красоту черви? (Разсмѣялась) Ты вѣдь меня не понимаешь, бѣдная мама. Я дрожу отъ восторга. Я пьяна отъ радости. Я живу, живу!.. (Меланхолично) Скучаю по дѣтямъ. Хочу ласки. Обними меня.

ГРОСМАНЪ. Перестаньте жужжать. Передъ отъѣздомъ нужно привести въ порядокъ денежныя дѣла, подвести итоги. Бумагъ у меня на триста тысячъ. Я никогда не пробовалъ сосчитать свое богатство, но, слава Богу, Гросманъ таки собралъ денежки. Ничего, Гросманъ знаетъ свое дѣло. Наличными имѣю во французскомъ и англійскомъ банкахъ около четырехсотъ тысячъ, итого семьсотъ тысячъ. Ого, ничего себѣ! Мельницу считать не буду. Купленной земли тоже. Домовъ считать не буду. Теперь посмотримъ, что у насъ въ кассѣ дѣлается. Ступай-ка сюда, Этель,—поможешь мнѣ.

ЖЕНЯ. Опять деньги. Поговорите лучше со мной.

ЭТЕЛЬ (идетъ къ мужу. Со смѣхомъ). Деньги!.. Деньги вѣдь Богъ!.. Дурочка! Что ты говоришь? (Гросманъ открылъ дверь кассы) Деньги!.. (Стоитъ съ мужемъ подлѣ кассы и оба роются въ ней) Лучшее мое удовольствіе,—считать деньги. Ты Давидъ, возьми бумажки и золото, а я возьму серебро. Что-то серебро люблю больше. Женичка! Ты никогда не пробовала считать. Хоть разъ попробуй. Такъ тебѣ хорошо станетъ, такъ весело...

ЖЕНЯ (съ напыщеннымъ презрѣніемъ). Считать деньги. Никогда!... (Колеблется) А можетъ быть, попробовать? На душѣ скучно. Томится моя душа. (Вздыхаетъ) Что-то мои дѣти подѣлываютъ? Скучаетъ ли Яковъ?

ЭТЕЛЬ (радостно). Садись, садись, Женичка, попробуй. Деньги!.. (Упивается этимъ словомъ) Вѣдь это деньги!..

ГРОСМАНЪ (считаетъ съ озабоченнымъ лицомъ). Одна тысяча... Мы потеряли сына...

ЭТЕЛЬ (считаетъ. Грустно). Можетъ быть, Богъ дастъ,

онъ опомнится. Какъ мнѣ его жаль. Живетъ теперь онъ въ самой худшей и дальней комнатѣ, обѣдаетъ одинъ. Я готова плакать, когда слышу его шаги... Сто рублей.

гросманъ. Съ Гросманомъ они ничего не подѣлаютъ. Гросманъ это Гросманъ.—Двѣ тысячи. Гросманъ плюетъ на забастовки, на революціи, на погромы. Уѣдемъ на время, поселимся въ Швейцаріи и, когда вернемся, то сдавимъ всѣхъ ихъ въ кулакѣ. (Продолжаетъ считать)

женя (встала, сѣла возлѣ матери. Перебираетъ золото здоровой рукой). Мама, посмотри, сколько тутъ? Десять или пятнадцать рублей? (Смѣется) Я совершенно не умѣю считать. (Со вздохомъ) Придетъ ли сегодня Яковъ?

этель. Что скажешь на свою дочь? Она не умѣетъ считать денегъ!

гросманъ. Пять тысячъ. (Поднимается и достаетъ изъ кассы деньги и драгоцѣнности) Ого, сколько еще денегъ осталось!.. Ну, Этель, кого мы боимся? А когда-то? Помнишь на чемъ я, бывало, спалъ? (Смѣется) Жалѣлъ тюфякъ и спалъ на доскахъ. А помнишь, какъ мы въ восемь часовъ тушили огонь, чтобы поменьше керосину уходило? Ты, Женя, этого не можешь помнить. Тебя еще на свѣтѣ не было, когда твой отецъ началъ дѣлать деньги...

этель. Богъ хорошо знаетъ, кому нужно дать денегъ!.. Сидитъ наверху, но понимаетъ своихъ людей. (Считаетъ) Еще сто рублей. (Откладываетъ ихъ въ сторону) Не провѣряй, Давидъ, я никогда не ошибаюсь.

женя (весело). Папа, вотъ тутъ сто рублей золотомъ. Но какъ трудно считать, если бы ты зналъ. Однако пріятно. (Въ раздумьи) Какъ странно, что съ этой кучкой золота можно купить все, что угодно.

этель. На деньги купить ожно все.

женя. Рѣшительно все.

ГРОСМАНЪ. Даже звѣзду съ неба. Я еще насчиталъ пять тысячъ, итого десять тысячъ.

ЭТЕЛЬ (со вздохомъ). Если бы еще рабочіе наши не бунтовали.

ГРОСМАНЪ. Пусть бунтуютъ. Я ихъ разотру въ порошокъ. Ты не вѣришь? Тебя пугаетъ то, что кругомъ происходитъ? Смотри глубже!

ЭТЕЛЬ. Куда глубже?

ГРОСМАНЪ. Вотъ туда. Работай головой. Все, что происходитъ теперь, полезно. И даже эти погромы,— тоже хороши. Что ты глаза вытаращила?

ЭТЕЛЬ. Ты съ ума сошелъ...

ГРОСМАНЪ (угрюмо). Я говорю, что это хорошо. Пусть, пусть!.. Тогда мы все возьмемъ въ руки.

ЭТЕЛЬ. Оставь меня лучше въ покоѣ. Что, Женичка, веселѣе тебѣ?

ЖЕНЯ (считаетъ. Невинно). Какъ будто веселѣе!.. Зачѣмъ я стрѣлялась?

ЭТЕЛЬ. Больше уже не будешь, радость моя? Ты вѣдь у меня отняла три четверти жизни. Прибѣгалъ Яковъ. Онъ думаетъ, что я тебя отдамъ ему. Разводъ мы ему дадимъ, вотъ что. Отыщемъ тебѣ другого мужа и помоложе, и получше.

ЖЕНЯ. А мнѣ его жалко. Я теперь все время думаю о немъ.

ЭТЕЛЬ. Я тебѣ не позволяю... О немъ?.. Есть о комъ думать.

ГРОСМАНЪ. Двадцать тысячъ. Больше уже нѣтъ денегъ. Сколько у васъ?

ПЕТЯ (входитъ. Онъ въ цивильномъ. Останавливается пораженный) Деньги!.. Сколько денегъ!.. Папа, завтра мы, навѣрное, уѣзжаемъ?

ГРОСМАНЪ. Конечно... Не кричи и не мѣшай. Оглядываетъ его довольнымъ взглядомъ) Ну, скажи, Этель, не лучше ли ему въ этомъ костюмѣ, чѣмъ въ дурацкой

тужуркѣ? Военный не военный, власти нѣтъ, а самъ прохвостъ. Доволенъ ты, Петя, что уже больше не удешь учиться въ гимназіи?

петя. Страшно. Очень надо долбить эти глупости. Папа, сколько тутъ денегъ? Папа, дай мнѣ подержать ихъ въ рукахъ.

этель (смѣется). Нѣтъ, нѣтъ...

петя. Не слушай ее. Она нась всегда лишаетъ удовольствій. Дай близко посмотрѣть эти большія пятисотъ-рублевыя бумажки. (Гросманъ даетъ) Пятьсотъ рублей! Здѣсь такихъ десять. Значитъ, пять тысячъ? Папа у меня тоже будетъ столько денегъ?

гросманъ. Отдай! Ты можешь нечаянно разорвать,—а я не люблю держать въ кассѣ разорванныя бумажки...

этель. Конечно, будутъ. Въ сто разъ больше будешь имѣть. Для кого мы работаемъ? Все вѣдь вамъ останется. Что-то лицо у тебя усталое. Ступай, дорогой, спать. Подойди, я тебя поцѣлую.

петя. Только не въ губы. (Подставляетъ щеку) Спокойной ночи!..

этель. Спокойной ночи, дорогой мой. (Онъ выходитъ) Когда его вижу, Давидъ, я какъ-будто становлюсь моложе. Люблю своего послѣдненькаго.

гросманъ (ворчливо). Стоитъ! Пусть раньше покажетъ, что умѣетъ хорошо вертѣть головой. Тогда можно и любить.

этель. А мнѣ все равно. Кажется, если бы даже онъ былъ воромъ, разбойникомъ и тогда душа не переставала бы дрожать надъ нимъ, любить его...

(Входитъ Розеновъ. Видъ у него измученный, усталый. Замѣтивъ Женю, сидящую за столомъ, останавливается изумленный. Радость овладѣваетъ имъ).

розеновъ. Женя, Женя!..

этель (увидѣвъ его, вскочила). Что? Опять пришелъ?

Ступай, ступай. Никто не посылалъ за тобой. Ты здѣсь никому не нуженъ. Женички, ты не получишь.

(Женя испуганно вскакиваетъ)

РОЗЕНОВЪ. Теща, прошу васъ. Вѣдь это же невозможно.

ЭТЕЛЬ. Кто проситъ? Ты вѣдь палачъ, а не человѣкъ. Замучить такую нѣжную душу, такое доброе сердце. Кто она? Дрянь какая-нибудь? Подкидышъ, нищенка? А что ты сдѣлалъ съ ней? Довелъ ее до того, что она стрѣлялась. Лучше мнѣ ослѣпнуть, чѣмъ видѣть тебя. Или мы тебѣ денегъ мало дали за ней? Взялъ тридцать тысячъ и все не насытился. Любовницы тебѣ нужны были, безсовѣстный!..

ЖЕНЯ (закрываетъ лицо руками, плачетъ. Подходитъ къ кушеткѣ и безсильно опускается на нее. Сквозь слезы). Мама, мама!..

ЭТЕЛЬ. Будь спокойна, моя дорогая дочь. Теперь тебѣ нечего бояться... Твоя мать тебя защищаетъ. (Къ Розенову) Ну, что скажешь, милый зять? Кусаешь свои губки? Кусай, кусай. Но хоть и вытянись здѣсь,— ты ее не получишь.

ГРОСМАНЪ (закрываетъ кассу). Не кричи, Этель. Все можно сдѣлать безъ шума. Я бы еще сказалъ такъ. (Раздѣльно) Не наше это дѣло. Я смотрю и не вижу, я слушаю и не слышу.

РОЗЕНОВЪ. Женичка!.. Выслушай меня.

ЭТЕЛЬ. Лучше помолчи, Давидъ. Въ дѣлахъ ты старшій, дѣлай, какъ знаешь, а здѣсь не вмѣшивайся. Какъ? Молчать!.. Я буду молчать, когда изъ-за такого палача дочь моя стрѣлялась? Глаза ему вырву, я буду кусаться какъ кошка...

РОЗЕНОВЪ (возмущенный). Вы меня облили уже такой грязью...

ГРОСМАНЪ. Она можетъ. О! она можетъ.

ЭТЕЛЬ (сложила руки на груди). А чѣмъ тебя облить,

мой милый зять? Дорогими духами? Не дождешься этого. Откушу твой носъ изъ-за моихъ дѣтей.

женя (ломаетъ руки). Мама, я несчастна, я несчастна...

этель. Какъ она поблѣднѣла отъ испуга!.. (Къ Розенову) Всю жизнь тебѣ, палачъ, имѣть такое удовольствіе, какое я теперь имѣю. Посмотри-ка, Давидъ, какъ она побѣлѣла!.. (Къ Женѣ). У тебя кружится голова? Нѣтъ? Отчего же глаза у тебя бѣгаютъ, какъ у безумной? (Къ Розенову) Смотришь палачъ, на свою жертву?

розеновъ (сердится). Вы кончили, теща, или еще будете продолжать? Теща, вы себѣ очень много позволяете. Вѣдь я могу разсердиться и показать, что умѣю ругаться не хуже вашего. Но ради нея, ради этой бѣдной женщины, которая столько страдала, и которую я люблю, я готовъ терпѣть. Почему вы молчите тесть?

гросманъ (заложилъ пальцы за жилетку). Все это не мое дѣло. Ругайтесь, цѣлуйтесь, — не мое дѣло. Сейчасъ я хочу спать и думаю о томъ, что вы мнѣ мѣшаете.

розеновъ. Но, тесть...

гросманъ (схватился за голову). Оставьте меня въ покоѣ, оставьте меня!..

этель. Ты, положимъ, тоже хорошій сумасшедшій...

розеновъ (съ сдержаннымъ гнѣвомъ). Хорошо, отлично. Я вижу, на что Женичка тутъ можетъ разсчитывать. Отлично. Хорошій отецъ, хорошая мать. Но Богъ съ вами!.. Если бы Женичка меня хоть чуточку уважала, она бы отослала васъ, и я увѣренъ, что эта глупая ссора закончилась бы добрымъ миромъ. Но Женѣ пріятно, что ея мужа поносятъ, какъ послѣдняго человѣка. Я запомню это. Вамъ же, теща, я на прощанье скажу, что вы совершаете преступленіе. Разводить

дочь съ мужемъ, превратить невинныхъ дѣтей въ сиротъ,—это грѣхъ. Прощайте!

гросманъ (равнодушно). Стоитъ уходить!..

этель. Пусть грѣхъ, пять грѣховъ,—лишь бы не видѣть твоихъ разбойничьихъ глазъ...

розеновъ (вернувшись). Но чѣмъ это кончится, темный вы человѣкъ? Вы обдумали? Вы берете послѣдствіе на себя? А если я ей не дамъ развода? Что тогда скажете? А ей что предстоитъ? Жить вѣчно на хлѣбахъ у васъ? Наблюдать, какъ всѣ устраиваются, счастливы, и въ концѣ отъ горя пустить себѣ вторую пулю въ лобъ?

женя. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу этого!.. Мама, пусть онъ замолчитъ!..

этель. Не бойся его. Онъ дастъ разводъ. Хотѣла бы видѣть, какъ онъ не дастъ, если мы хорошо заплатимъ ему. Тогда выдадимъ тебя замужъ. Не вѣришь, Яковъ? Да у нея завтра будетъ сотня жениховъ. Теперь уже не будемъ дураками, искать доктора въ зятья. Возьмемъ коммерсанта, и онъ ей ножки будетъ цѣловать. Теперь уже мы поняли. Что такое докторъ? Разбойникъ, грубый человѣкъ. Чѣмъ образованнѣе, тѣмъ грубѣе. Мой Давидъ никогда не учился, не переступалъ порога университета, а на биржѣ не игралъ. Ты же докторъ, докторъ, университетскій человѣкъ сталъ биржевикомъ!.. Нѣтъ, дорогой мой, никакихъ докторовъ, никакихъ адвокатовъ больше. Нѣтъ, нѣтъ...

розеновъ (сердится). Выдумали чѣмъ упрекать!.. Ну и биржевикъ! Развѣ быть фабрикантомъ лучше? Развѣ лучше владѣть мельницей? Посмотрите-ка, что у васъ происходитъ? Вы-то свой хлѣбъ какъ зарабатываете?.. Почему грозятъ разнести вашу мельницу? Вы-то не грабите, не душите? Вашъ хлѣбъ чище, чѣмъ хлѣбъ биржевика? Не понимаю васъ!.. (Пожимаетъ плечами)

этель. Но ты вѣдь былъ докторомъ! Ты сидѣлъ на скамейкѣ въ университетѣ.

розеновъ (злится). Въ университетѣ, докторомъ! Что вы понимаете въ докторѣ? Развѣ докторъ, адвокатъ, инженеръ, выше фабриканта, купца? Въ большинствѣ они такіе же молодцы, какъ и тѣ. Докторъ!.. Пойдите и посмотрите-ка у кого есть практика, разузнайте, какими путями они добиваются, и тогда упрекайте, темный вы человѣкъ... Вы хотите быть богатыми, но я тоже этого хочу. Не признаете моихъ денегъ, когда ихъ у меня будетъ десятками тысячъ, что ли? Подождите съ десятокъ лѣтъ... Посмотримъ, кто окажется богаче, я или вы.

гросманъ (зѣваетъ). А я хочу спать. Кончай, Этель, и идемъ.

этель. Ты только сонъ свой знаешь. Ты вѣдь отецъ. Подожди.

гросманъ (насмѣшливо). Я не отецъ...

розеновъ. Всѣ эти разговоры, теща, не подвигаютъ дѣла. Пусть Женя скажетъ, что согласна поѣхать домой. Домъ безъ нея, какъ могила. Дѣти плачутъ, страдаютъ. Мнѣ днемъ на улицѣ стыдно показаться. Мы раззоряемся. (Къ Женѣ) Женя, поѣдемъ домой. Поѣдемъ!..

женя (колеблется). Я... я не знаю. Мама, что ты скажешь? Нѣтъ, не говори. Я замучилась безъ дѣтей. Бѣдненькія, какъ они живутъ безъ своей мамы. Мама, помоги же мнѣ. (Заплакала)

этель (всплакнула). Дѣлай, Женичка, какъ тебѣ сердце подсказываетъ, а я всегда благословляла тебя и теперь благословлю.

женя (плачетъ). До чего меня довели. Посмотри Яша, мою руку. Я, кажется, останусь калѣкой. (Плачетъ) А если поѣду домой, не начнешь по-старому: Жанна Даркъ, Шарлотта Кордэ?

розеновъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого больше не будетъ, клянусь тебѣ. Только ты будь благоразумна. Развѣ

тебѣ не все равно, чѣмъ я занимаюсь, если могу откладывать тысячи? Ты наслаждайся, пользуйся своей молодостью. (Умоляетъ) Поѣдемъ, Женичка...

женя. А не будешь больше скупиться?.. Нѣтъ? Знаешь, выбросимъ картины изъ гостинной и купимъ Левитана.

розеновъ. Куплю, выброшу,—все что хочешь. Теперь наклевывается у меня такое дѣло, такое дѣло...

гросманъ (съ любопытствомъ). Какое?

розеновъ (смѣется). Вотъ этого, тесть, не могу вамъ сказать. Развѣ вы разсказываете о своихъ планахъ?

гросманъ. Ты правъ. Я никогда не разсказываю о своихъ планахъ.

этель. Что у тебя хорошая голова, противъ этого никто не спорилъ. Ты весь пошелъ въ свою мать.

женя (стоявшая задумчиво). Ну, ѣдемъ домой. Рѣшила!.. Мама, я счастлива!.. Я увижу своихъ дѣтей. Принеси мнѣ ротонду.

(Этель быстро выходитъ)

женя (вспомнивъ). Ну, а... она?

розеновъ (тихо). Выгналъ ее. Конечно, выгналъ. Выгналъ, выгналъ!..

женя. Яша!.. (Обнимаетъ его. Входитъ Этель съ ротондой) Ѣдемъ, ѣдемъ. Мама, я прощаю тебѣ, но ты съ нимъ была очень груба. Я едва сдержалась. Вѣдь это мой мужъ.

этель (пораженная). Что скажешь на свою дочь, Давидъ?

гросманъ (тонко улыбается). Ничего не скажу...

розеновъ. Прощайте, тесть. На васъ, теща, я еще сержусь, но помиримся, помиримся...

женя. Прощай, папа, прощай, мама. Я такъ счастлива... Ахъ, какъ я счастлива!..

гросманъ (равнодушно). Прощайте, дѣти, не ссорьтесь больше.

ЭТЕЛЬ (провожаетъ ихъ до двери). Помиримся. А когда у тебя будетъ новый сынъ, тогда и расцѣлуемся.

(Всѣ смѣются. Розеновы уходятъ)

ЭТЕЛЬ. Ну, слава Богу, все хорошо кончилось. Но хоть натѣшила свое сердце. Такой мерзавецъ! Однако, пусть будетъ мерзавцемъ, лишь бы она его любила и была съ нимъ счастлива.

ГРОСМАНЪ. Все это пустяки. Я видѣлъ, что они помирятся. Вѣдь оба стоятъ другъ за друга... А если хочешь сказать слава Богу, то слава Богу. Идемъ спать. Скажи слугѣ, чтобы насъ пораньше разбудили. (Задумчиво) Почему Яковъ сказалъ, что хотятъ разнести мельницу?

(Подходитъ къ окну. Отдаленный шумъ)

ЭТЕЛЬ (останавливается). Гдѣ-то кричатъ...

ГРОСМАНЪ (у окна). Пусть кричатъ! (Говоритъ въ окно) Шумите рабочіе? (Разсмѣялся) Шумите дѣти, шумите!.. Гросманъ спокойно будетъ спать.

ЭТЕЛЬ (потушила электричество, оставила горящей одну лампочку). Ну и день сегодня. Ты спряталъ ключи отъ кассы?

ГРОСМАНЪ (весело). Спокойной ночи, рабочіе!.. (Грозно) Прощайте, мерзавцы!..

(Гросманъ тушитъ послѣднюю лампочку. Оба безъ шума выходятъ. Входитъ горничная со свѣчей, закрываетъ ставни, разставляетъ стулья по мѣстамъ и выходитъ. Пауза. Возвращается Гросманъ. Онъ въ халатѣ, въ туфляхъ въ рукахъ свѣча. Бродитъ по комнатѣ. Провѣряетъ, заперта ли касса, хорошо ли ставни закрыты Входитъ Александръ)

ГРОСМАНЪ (испуганно). Кто тамъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Папа...

ГРОСМАНЪ. Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Папа...

ГРОСМАНЪ. Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Я уйду, но смягчись. Сотни лю-

дей останутся безъ хлѣба, если ты уѣдешь. Надо быть человѣчнымъ. Уступи, я прошу, папа. Папа, они въ отчаяніи. Они готовы на безумство...

гросманъ. Какіе-то люди шляются по ночамъ и не даютъ покоя. Человѣку заснуть нужно, а они стучатъ, ходятъ, пугаютъ...

александръ. Зачѣмъ ты притворяешься? Смягчись, смягчись. Они въ отчаяніи...

гросманъ. Какъ-будто здѣсь обыкновенная комната, столовая, передняя, а не кабинетъ, гдѣ моя касса. Развѣ трудно ее разбить ломомъ и забрать деньги. (Тушитъ электрическую лампочку. Съ крикомъ) Кто здѣсь? Вонъ!..

александъ. Въ первый разъ я почувствовалъ ужасъ отъ мысли, что я твой сынъ...

(Быстро уходитъ. Гросманъ со свѣчой въ рукѣ стоитъ и долго смѣется. Медленно уходитъ. Кабинетъ во мракѣ. Пауза. Входитъ Маша. Зажигаетъ электричество. Она въ бѣломъ платьѣ, на ней ротонда, въ рукѣ дорожная сумка. Садится на кушеткѣ и прислушивается. Входитъ Вайцъ. Озирается. Онъ блѣденъ отъ испуга)

маша. Наконецъ-то... Вайцъ. Мнѣ показалось, что вы уже не придете.

вайцъ (робко). Я долго колебался.

маша (не слушаетъ его). Какъ тихо, очаровательно!.. Сейчасъ мы выйдемъ отсюда и лошади унесутъ насъ далеко, далеко...

вайцъ (несмѣло). Маша!..

маша. Осмотримъ эту комнату. Въ послѣдній разъ. Вотъ касса. (Останавливается передъ ней) Отсюда исходило наше несчастіе. Мнѣ хочется проклясть ее. Вайцъ, бѣдняки называютъ отца королемъ... Вотъ гнѣздо короля. Желѣзная касса, счеты, письменный столъ... Бѣдные люди!.. Ахъ, Вайцъ, мы-то, мы уѣдемъ отъ этой проклятой власти. Я вздохну глубоко. Сейчасъ на улицѣ я скажу торжественно: я человѣкъ!..

вайцъ Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово, Маша.

маша (быстро оглядываетъ его). Опять о дѣйствительности? Нѣтъ не говорите о ней. Я умоляю... Какъ страшно думать о дѣйствительности Вайцъ, вы будете сильнымъ, я хочу. Выпрямитесь!.. Почему вы не въ пальто?

вайцъ. Милая Маша, не сердитесь на меня, я весь день страдалъ. Мы не можемъ бѣжать.

машА (тихо). Мы не можемъ бѣжать!..

вайцъ. Вы не сердитесь и это хорошо. Не могу! Я, Маша, ничего не могъ въ жизни... Я, Маша, всегд остаюсь позади... Я человѣкъ за флагомъ...

маша (задумчиво). Я эго раньше знала. Человѣкъ за флагомъ. Почему же я пришла? Вайцъ, сказать правду? Я люблю васъ за слабость!..

вайцъ (грустно). Я хотѣлъ быть сыномъ своего народа, милая Маша, и вотъ я репетиторъ-гувернеръ. Я хотѣлъ быть гражданиномъ,—вся сила его негодованія бушуетъ во мнѣ, и радость его предчувствій живетъ во мнѣ,—и вотъ я гувернеръ. Маша, для моихъ радостей, для моего утѣшенія осталось одно: Европа!.. Я беру ее. Я остаюсь здѣсь во тьмѣ, среди ужасовъ, но думаю: есть свободная Европа, когда-нибудь она коснется и меня своимъ благословеннымъ крыломъ Не горюйте, Маша. Вы теряете Вайца, только Вайца!..

маша. Вернусь въ свою комнату и мнѣ будетъ немножко стыдно. Подойдите, я обниму васъ. (Онъ подходитъ) Я цѣлуюсь съ гувернеромъ. (Смѣется) Въ послѣдній разъ. Вайцъ. (Въ забытьи) Завтра мы уѣдемъ. Я увижу Швейцарію. Вайцъ, видите ли вы эти высокія зеленыя горы? Внизу блеститъ озеро... Спускается ночь, спускается ночь... Какъ явственно пахнетъ водой. Вайцъ, мы сидимъ надъ озеромъ!.. Я цѣлуюсь съ гувернеромъ...

вайцъ. Милая Маша, позвольте мнѣ сказать вамъ.

Вы плачете, но, можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ вы скажете: Вайцъ поступилъ хорошо.

МАША (смѣясь и плача). И все-таки мнѣ тяжело разстаться съ вами. Вы жалкій, можетъ быть, презрѣнный, но что-то есть хорошее въ вашей душѣ, что-то прекрасное. Ахъ, Вайцъ...

ВАЙЦЪ. Не плачьте, Маша. Завтра вы проснетесь въ прекрасной Европѣ...

МАША. Я проснусь въ прекрасной Европѣ... А вы?

ВАЙЦЪ. Я? Если бы я былъ ребенкомъ, то сталъ бы молить васъ: Маша возьмите меня отсюда, покажите мнѣ улицу безъ рабовъ... Покажите...

МАША (вдругъ). Такъ не хотите бѣжать со мной?

ВАЙЦЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Вайцъ? Нѣтъ! Маша, вы увидите Европу, поклонитесь ей отъ Вайца. Поклонитесь каждому памятнику отъ истиннаго гражданина Вайца. Скажите всѣмъ, что я душой съ ними, что я тоскую о нихъ. Обнимите перваго встрѣчнаго и скажите: гражданинъ Вайцъ кланяется тебѣ...

МАША. Обнимите меня еще разъ. Такъ нѣтъ?.. Нѣтъ!..

ВАЙЦЪ. Нѣтъ, Маша!..

МАША. Прощайте, Вайцъ.

ВАЙЦЪ. Прощайте, Маша.

МАША (уходитъ; у дверей). Нѣтъ?..

ВАЙЦЪ. Нѣтъ, Маша, нѣтъ. (Пауза) Нѣтъ, Маша, нѣтъ...

(Вайцъ и Маша расходятся. Темно. Долгая пауза. Доносится шумъ голосовъ. Во всей квартирѣ нетерпѣливые звонки. Вбѣгаетъ горничная. Быстро раскрываетъ ставни. Видно огромное зарево. Горитъ мельница. Всплеснула руками, убѣжала. Снова голоса. Вбѣгаютъ рабочіе. Всѣ старые, оборванные.—Среди нихъ ни одного молодого... Ропотъ)

СТАРЫЙ РАБОЧІЙ. Гдѣ господинъ Гросманъ, гдѣ господинъ Гросманъ?

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ. Увидѣвъ зарево, присѣдаетъ отъ ужаса. Съ

крикомъ и воплемъ) Боже мой, Боже мой!.. (Подбѣгаетъ къ окну. Всплеснула руками. Плачетъ) Я же ему говорила: Давидъ, не имѣй дѣло съ этими разбойниками. Не хотѣлъ онъ меня послушать!..

голоса. Мадамъ Гросманъ!.. Хозяйка!.. Я самъ видѣлъ, какъ эти черти подожгли мельницу...

(Ропотъ толпы. Быстро входитъ Вайцъ и Маша)

маша. Что это такое? Мама, пожаръ? (Подбѣгаетъ къ Вайцу) Вайцъ, это прекрасно!..

вайцъ. Какой ужасъ!..

этель (плачетъ. Къ Вайцу). Я говорила, я просила мужа: уступи, Давидъ, уступи...

гросманъ (вбѣгаетъ. Онъ въ ночной сорочкѣ. Какъ раненый оглядывается. Страшная тишина). Что? Пожаръ!.. Что? Мельница!..

(Подбѣгаетъ къ окну и ударомъ кулака раскрываетъ его. Застываетъ въ неподвижности. Тихій ропотъ толпы Отступаетъ на шагъ. Складываетъ руки на груди и смотритъ. Зарево ростетъ. Старый рабочій осторожно подходитъ къ Гросману и раболѣпно цѣлуетъ его рукавъ)

гросманъ (вздрагиваетъ. Оглянулся и тяжелымъ взглядомъ обводитъ рабочихъ. Отрывисто). Что надо?

голоса. Господинъ Гросманъ... Они подожгли! Хозяинъ мы не виноваты. Я самъ видѣлъ. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!..

гросманъ (передразниваетъ). Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!.. А гдѣ вы были?.. Молчать!.. Мерзавцы, подлецы, скоты, черная сволочь... Гдѣ вы были? Почему допустили?.. Не подкупали васъ, не бѣгали за вами, не заглядывали въ глаза?.. (Умоляющій ропотъ толпы) Молчать холопы, черви, подонки, черные, голодные, каторжники, ослы... Гросманъ остается Гросманомъ. Онъ смѣется надъ вами... Что онъ потерялъ?.. Онъ плюетъ на васъ!

(Наступаетъ на нихъ. Тихій ропотъ. Этель вскрикнула

ГРОСМАНЪ. Молчать! Вы думали, что Гросманъ испугается и скажетъ: сдаюсь! Врете! Гросманъ не сдается! Мерзавцы, Гросманъ не сдается... (Безсмысленно оретъ, топаетъ ногами) Гросманъ!.. Гросманъ!..

ЭТЕЛЬ (съ крикомъ подбѣгаетъ къ нему). Давидъ, Давидочка!...

ГОЛОСА. Господинъ Гросманъ!.. Хозяинъ... Это молодые черти... Хозяинъ, хозяинъ...

(Ропотъ. Гросманъ продолжаетъ топать ногами и грозить)

ЗАНАВѢСЪ.

КОНЕЦЪ.

